Алексиада
Анна Комнин

ВВЕДЕНИЕ
Книга I II III IV V VI VII VIII IX X XI XII XIII XIV XV

ВВЕДЕНИЕ

1. Поток времени в своем неудержимом и вечном течении влечет за собою все сущее. Он ввергает в пучину забвения как незначительные события, так и великие, достойные памяти; туманное, как говорится в трагедии 1, он делает явным, а очевидное скрывает. Однако историческое повествование служит надежной защитой от потока времени и как бы сдерживает его неудержимое течение; оно вбирает в себя то, о чем сохранилась память, и не дает этому погибнуть в глубинах забвения.

Это осознала я, Анна, дочь царственных родителей Алексея и Ирины, рожденная и вскормленная в Порфире 2. Я не только не чужда грамоте, но, напротив, досконально изучила эллинскую речь, не пренебрегла риторикой, внимательно прочла труды Аристотеля и диалоги Платона 3 и укрепила свой ум знанием четырех наук 4 (следует открыто заявить, и это не является бахвальством, о том, что мне дали природа и стремление к знанию 5, о том, что мне свыше уделено богом и что я приобрела со временем). И вот я решила в этом сочинении поведать о деяниях своего отца, ибо нет оснований обойти их молчанием и дать потоку времени увлечь их в море забвения; я расскажу о его деяниях после вступления на престол и о тех, которые он совершил до увенчания диадемой, находясь на службе у других императоров.

2. Я приступаю к рассказу не с целью выставить напоказ свое умение владеть слогом, а чтобы столь величественные деяния не остались неизвестными для потомков. Ведь даже самые значительные дела исчезают в мраке молчания, если их не сохраняет для памяти историческое повествование 6.

Мой отец, как это явствует из самих его поступков, умел властвовать, а в необходимой мере и подчиняться властвующим 7. Я решила описать его деяния и испытываю страх: не заподозрили бы меня, не подумали бы, что под видом рассказов о своем отце, я превозношу себя самое и не сочли бы все содержание моей истории за ложь и восхваление, когда я буду восхищаться его делами. Если же сам отец даст к тому повод и факты принудят меня осудить те или иные его поступки (не из-за него самого, а ради сути дела), то и тогда могут найтись насмешники, которые

приравняют меня к Хаму, сыну Ноя 8, ведь насмешники на всех косятся по своей злобности и зависти, не замечают ничего хорошего и, говоря словами Гомера, «обвиняют невинного» 9. Когда кто-нибудь берет на себя труд историка, ему следует забыть о дружбе и неприязни и сплошь и рядом с величайшей похвалой отзываться о врагах, если они этого заслужили своими подвигами, и порицать самых близких людей, если к тому побуждают их поступки. Поэтому не надо проявлять нерешительность ни в порицании друзей, ни в похвалах врагам 10. Одних мои слова больно заденут, другие согласятся со мною. Но тех и других я хочу убедить в своей правоте, призвав в свидетели сами дела и тех, кто был их свидетелем.

Ведь отцы и деды некоторых ныне здравствующих людей были очевидцами описываемых событий.

3. Главное же, что побудило меня приступить к описанию деяний отца, заключается в следующем: у меня был муж, с которым я сочеталась законным браком, кесарь Никифор из рода Вриенниев 11, человек, намного превосходивший окружающих и необыкновенной красотой своею, и большим умом, и красноречием. Он казался настоящим чудом всем, кому довелось видеть или слышать его. Но чтобы повествование не сбилось со своего пути, расскажу обо всем по порядку.

Будучи во всех отношениях выдающимся человеком, он участвовал в войнах вместе с моим братом, самодержцем Иоанном, водившим войско в поход против различных варварских народов, вторгшихся в Сирию, и возвратившим под свою власть Антиохию 12. Кесарь и в тяжких трудах не пренебрегал литературными занятиями и написал различные сочинения, достойные памяти. Но своим основным долгом он считал, повинуясь императрице 13, описывать все то, что касалось моего отца, самодержца ромеев Алексея, и излагать в книгах деяния его царственности. Делал он это тогда, когда обстоятельства позволяли ему, забыв о войне и отложив в сторону оружие, обратиться к писанию и литературному труду 14. Свое повествование он начал со старых времен, и в этом подчинился он повелению госпожи, а именно с самодержца ромеев Диогена 15, и дошел постепенно до того, о ком собирался писать. При Диогене мой отец только достиг цветущего юношеского возраста, до этого же он не был еще и юношей и не совершил ничего достойного описания, если только кто-нибудь не вздумает превозносить его детские забавы.

Такова была, как это показывает само сочинение, цель кесаря. Но не свершились его надежды, не закончил он свою историю, а остановился, доведя рассказ до времени императора Никифора Вотаниата 16. Не

позволили ему обстоятельства продолжать свое сочинение, и этим был нанесен ущерб событиям, оставшимся вне повествования, что лишило удовольствия читателей. Поэтому я сама решила описать подвиги моего отца, дабы столь великие деяния не пропали для потомства.

Все, кому приходилось читать сочинение кесаря, знают, какой гармонией и изяществом обладал его слог. Однако, не завершив, как я сказала, своего повествования, он набросал его начерно и привез нам с чужбины полузаконченным. Увы, он привез вместе с ним и смертельную болезнь, которую приобрел там из-за безмерных страданий то ли в результате постоянных военных трудов, то ли по причине несказанной заботы о нас – ведь заботливость была ему свойственна, а тяжкие труды кесаря не имели конца. К тому же губительные колебания климата17 приготовили ему смертельный напиток. Тяжело больной, отправился он воевать в Сирию и Киликию; затем сирийцы передали его, разбитого недугами, киликийцам, киликийцы – памфилийцам, памфилийцы – лидийцам, Лидия – Вифинии, а Вифиния – царственному городу 18 и нам. В это время у него от многочисленных невзгод уже распухли внутренности. Совершенно не имея сил, он хотел тем не менее поведать обо всем, что с ним произошло. Однако он не мог этого сделать и из-за болезни и потому, что я препятствовала ему, опасаясь, как бы рассказами он не разбередил своих ран 19.

4. Дойдя до этого места, я почувствовала, как черная ночь обволакивает мою душу, а мои глаза наполняются потоками слез. Какого советчика потеряли ромеи! Сколько он приобрел тонкого опыта в делах! Какое знание науки! Сколь многосторонняя эрудиция (я говорю как о христианских, так и о светских науках)! 20 Какое изящество сквозило во всей его фигуре, а его внешность, как утверждали люди, была достойна не земного владыки, а напоминала о божественной, о высшей доле 21.

Что касается меня, то с самих, как говорится, «порфирных пеленок» я встречалась со многими горестями и испытала недоброжелательство судьбы, если не считать за улыбнувшееся мне доброе счастье то обстоятельство, что родитель и родительница мои были императорами, а сама я выросла в Порфире. В остальном, увы, были лишь волнения и бури. Орфей своим пением привел в движение камни, леса и вообще всю неодухотворенную природу, флейтист Тимофей 22, исполнив Александру воинскую мелодию, побудил македонца тотчас взяться за меч и щит. Рассказы же обо мне не приведут в движение вещи, не сподвигнут людей к оружию и битве, но они могут исторгнуть слезы у слушателей и вызвать сострадание не только у одухотворенного существа, но и у

неодушевленной природы. Я скорблю по кесарю; его неожиданная смерть ранила меня в самую душу.

Все предыдущие горести можно сравнить с этим огромным несчастьем, как капли с Атлантическим океаном или волнами Адриатического моря. Более того, те горести, видимо, только предваряли скорбь: до меня как бы заранее доходили дым от печи огненной 23, жар этого несказанного пекла, пламень ежедневно пылающего страшного пожара. О невидимое, но испепеляющее пламя! Пламя, которое распространяется тайно, горит не истощаясь и иссушает сердце. Внешне кажется, что мы остаемся неопаленными, хотя пламя проникает до мозга костей, до самых глубин души. Однако, вижу я, чувства мои увели меня в сторону от предмета повествования: кесарь предстал передо мною, и скорбные воспоминания о кесаре влили в меня огромную скорбь.

Смахнув с глаз слезы и взяв себя в руки, я продолжу повествование и, как говорится в трагедии 24, буду иметь двойной повод для слез, в несчастье вспоминая о несчастьях. Ведь вести рассказ о таком императоре – значит вызвать воспоминания о добродетели этого великого человека и о его чудесных подвигах, а эти воспоминания исторгают у меня горячие слезы, и я рыдаю вместе со всей вселенной. Воспоминание о нем и рассказ о его царствовании для меня – источник слез, для других – напоминание о понесенной утрате. Итак 25, следует начать повествование о моем отце с того места, откуда это всего удобнее сделать, а удобнее всего оттуда, откуда мой рассказ будет наиболее ясным и соответствующим законам исторического сочинения.

Книга I

1. Мой отец, император Алексей, и до вступления на императорский престол принес большую пользу Ромейскому государству. Он начал службу еще при Романе Диогене 26. Алексей был замечательный человек, своим бесстрашием превосходивший всех окружающих. В возрасте четырнадцати лет он стремился принять участие в большой военной экспедиции против персов 27, которую предпринял император Диоген; в своем неудержимом стремлении Алексей разражался угрозами по адресу варваров и говорил, что в битве напоит свой меч их кровью. Таким воинственным был этот юноша. Однако самодержец Диоген не разрешил ему следовать за собой, ибо мать Алексея 28 переживала в то время глубокую скорбь: она оплакивала смерть своего первенца Мануила 29, совершившего во славу Ромейской державы великие и удивительные подвиги. Диоген не хотел лишить последнего утешения эту женщину, которая еще не знала, где ей похоронить первого сына, а уже отправляла на войну второго 30 и опасалась, как бы с юношей не случилось беды и смерть не настигла его в неведомом уголке земли. Поэтому Диоген заставил юношу Алексея вернуться к матери. Тогда, хотя и против воли, он был удален из рядов воинов 31, но пришло время, и перед ним открылся широкий простор для подвигов. И действительно, о мужестве Алексея свидетельствовали его успехи в борьбе с Руселем 32, которую он вел при императоре Михаиле Дуке 33 после низложения императора Диогена.

Этот кельт 34 был внесен в списки войска, но затем, чрезвычайно возгордившись своей счастливой судьбой, собрал вокруг себя значительные военные силы, в которые вошли частично его соплеменники, частично выходцы из различных других племен, и с этого времени превратился в грозного тирана 35. В тот момент, когда ромейское владычество заколебалось, турки брали верх, а ромеи, как песок под ногами, отступали назад, Русель и напал на Ромейское государство. Русель обладал душой тирана, а тут печальное положение дел империи возбудило в нем стремление к тирании. Русель опустошил почти все восточные земли. И хотя на борьбу с ним были посланы многие полководцы, умудренные большим воинским опытом и прославившиеся мужеством, Русель взял верх над их многоопытностью. Русель то сам нападал, словно буря обрушиваясь на противника, то пользовался помощью турецких союзников. Не было возможности устоять перед его натиском: многие знатные люди оказались у него в плену, а их фаланги опрокинутыми.

В то время мой отец Алексей находился в подчинении и был младшим стратигом 36 у своего брата, которому было поручено командование и восточным и западным войском 37, и так как дела ромеев были плохи, а варвар словно молния поражал все и вся, было решено, что замечательный муж Алексей может стать достойным противником Руселя. Император Михаил назначил его стратигом-автократором 38. Алексей призвал на помощь всю силу своего разума и приобретенный за короткое время немалый опыт военачальника и воина. Благодаря большому трудолюбию и живому уму он достиг вершин военного искусства, сравнявшись с такими людьми, как знаменитый римлянин Эмилий Сципион и карфагенянин Ганнибал 39. А ведь Алексей был очень молодой и, как говорится, «первой брадой опушенный». Немного дней потребовалось ему, чтобы захватить Руселя, подобно безудержному потоку нахлынувшего на ромейские земли, и привести в порядок восточные дела. Ведь он быстро соображал, что ему нужно делать, и еще быстрее осуществлял задуманное.

О том, каким образом Алексей захватил Руселя, подробно рассказывает кесарь во второй книге своей «Истории» 40, я же затрону эти события лишь в той мере, в какой необходимо для моего повествования.

2. Как раз в это время из внутренних стран Востока явился с огромным войском варвар Тутах 41 с целью опустошить ромейские земли. Русель же, терпя поражение от стратопедарха, сдавал одну крепость за другой; предводительствуя большим войском, имея великолепно вооруженных воинов, он значительно уступал моему отцу Алексею в находчивости и решил поэтому прибегнуть к следующему 42. В конце концов, оказавшись в совершенно отчаянном положении, он встречается с Тутахом, домогается его дружбы и умоляет стать союзником.

Однако стратопедарх Алексей предпринимает на это ответный маневр: он еще быстрее располагает к себе варвара и привлекает его на свою сторону речами, дарами и всевозможными ухищрениями. Да, он был более, чем кто-либо другой, находчив и способен отыскать выход из затруднительного положения. Самым действенным способом расположить к себе варваров, говоря в общих чертах, оказался следующий: «Твой султан 43 и мой император, – передал Алексей, – дружны между собой. Этот же варвар Русель поднимает руку на них обоих и является злейшим врагом того и другого. Совершая постоянные набеги на владения императора, он понемногу захватывает какие-то части ромейской территории и в то же время отнимает у Персидской державы те земли, которые могли бы у нее сохраниться 44. Русель во всем действует искусно: сейчас он запугивает меня твоим войском 45, а затем при удобном случае устранит меня и,

почувствовав себя в безопасности, повернет в другую сторону и поднимет руку на тебя. Если ты послушаешь меня, то когда к тебе вновь явится Русель, схвати его и за большое вознаграждение пришли ко мне в оковах. От этого, – продолжал Алексей, – ты будешь иметь тройную выгоду: во-первых, получишь столько денег, сколько никто никогда не получал, во-вторых, завоюешь расположение самодержца, благодаря чему достигнешь вершин счастья, а в-третьих, султан будет очень доволен, так как избавится от могущественного врага, который выступал как против ромеев, так и против турок».

Вот что сообщил через послов вышеупомянутому Тутаху мой отец, который командовал в то время ромейским войском. Вместе с тем он отправил в установленное время заложников из числа наиболее знатных людей и, обещав Тутаху и его варварам значительную сумму денег, склонил их схватить Руселя. Вскоре они сделали это 46 и отправили Руселя к стратопедарху в Амасию. Однако деньги заставили себя ждать: ведь у самого Алексея не было средств для расплаты, а император не заботился об этом. Деньги не то чтобы шествовали, как говорится в трагедии 47, замедленной поступью, а не появлялись вовсе. Тутах обращался с настойчивыми требованиями, желая или получить обещанную сумму или же забрать назад проданного им Руселя и позволить тому вернуться туда, где его схватили. А у Алексея не было денег, чтобы заплатить за пленника.

Проведя целую ночь в тягостных раздумьях, он решил собрать необходимую сумму у жителей Амасии. С наступлением дня Алексей, несмотря на трудности, созвал всех граждан, особенно наиболее влиятельных и состоятельных 48. Обращаясь главным образом к этим последним, он сказал: «Все вы знаете, как этот варвар поступил со всеми городами Армениака 49, сколько селений он разрушил, скольким людям причинил невыносимые горести, сколько денег взыскал с вас. Сейчас представляется случай, будь на то ваша воля, избавить вас от его злодейства. Поэтому нельзя выпускать Руселя. Вы видите, что этот варвар с божьего соизволения и моими стараниями находится в оковах. Однако пленивший его Тутах требует платы. А у меня нет денег, ведь я нахожусь на чужбине, долгое время воюю с варварами и истратил все, что имел. Если бы император не находился так далеко и варвар немного подождал, я постарался бы получить из Константинополя нужную сумму. Но раз уж, как вы сами понимаете, ничего этого сделать нельзя, внесите плату сообща, а император возвратит через меня все, что вы дали». Не успел он кончить, как его слова вызвали крики протеста, и среди подстрекаемых к

бунту амасийцев началось сильное брожение. Нашлись злокозненные и неугомонные люди, сеятели смут, которые побуждали толпу 50 кричать и неистовствовать.

Поднялся большой шум: одни не хотели отпускать Руселя и подбивали толпу схватить его, другие же, неистовствуя (такова низкая чернь!), хотели даже похитить Руселя и освободить его из оков. Видя такое буйство народа, стратопедарх понял, в какое отчаянное положение он попал, но тем не менее духом не пал, а, взяв себя в руки, жестами пытался водворить молчание. Потратив немало времени, он с трудом успокоил их и, обращаясь к толпе, сказал: «Я удивлен, о граждане-амасийцы, что вы не замечаете козней тех, кто обманывает вас, покупает собственное благополучие ценой вашей крови и постоянно причиняет вам величайший вред. Какой вам прок от тирании Руселя – одни убийства, увечья, отсечения ног и рук? Те же, кто все это устроил, одной рукой оказывают услуги варвару и тем сохраняют в целости свое имущество, а другой рукой получают дары императора, уверяя его, что не отдали варвару ни вас, ни города Амасию; на самом деле им нет никакого дела до вас. Для того и желают они установления тирании, чтобы, подольстившись к варвару, сохранить в целости свое имущество да к тому потребовать титулов и даров от императора. А случись переворот, они вновь останутся за сценой, а гнев направят против вас. Если вы мне доверяете, пошлите-ка вы подальше тех, кто побуждает вас к волнению, расходитесь по домам. Обдумав мои слова, вы поймете, кто вам желает добра».

3. Выслушав Алексея, они в мгновение ока 51 изменили свое мнение и разошлись по домам. Однако стратопедарх знал, что чернь обыкновенно в решающий момент меняет свое мнение, тем более если ее подстрекают дурные люди; он боялся, как бы в злом умысле против него жители не явились ночью и не выпустили Руселя на волю, освободив его из-под стражи и разбив оковы. И так как у Алексея не было достаточно войск, чтобы с ними бороться, он изобретает достойную Паламеда 52 хитрость. Он сделал вид, что ослепляет Руселя. Кельта распростерли на земле, и в то время как палач подносил к нему железо, Русель выл и стонал словно лев рыкающий. Все это было только видимостью удаления глаз: тому, кто играл роль ослепляемого, было приказано стонать и вопить, а делающему вид, что вырывает глаза, сурово смотреть на лежащего, совершать все со свирепым выражением лица и изображать ослепление. Русель был ослеплен, не будучи ослеплен, в народе же поднялся шум, и слух об ослеплении стал распространяться повсюду. Это лицедейство побудило всех, как местных жителей, так и чужеземцев, внести, наподобие пчел,

свою долю в общий сбор. Цель выдумки заключалась в том, чтобы те, кто отказывался дать деньги и замышлял вырвать Руселя из рук моего отца Алексея, увидев безполезность своего замысла, успокоились, а затем, после крушения их плана, подчинились воле стратопедарха, дабы снискать его дружбу и избежать гнева императора. Захватив таким образом Руселя, достославный стратиг содержал его как льва в клетке. Причем Русель носил на глазах повязку в знак мнимого ослепления.

Алексей отнюдь не удовлетворился тем, что ему удалось сделать. Приобретя славу, он не уклонился от других дел, но захватил многие другие города и крепости и подчинил императору те из них, которые отпали во время мятежа Руселя. Затем, повернув коня, он направился в царственный город. Очутившись в городе своего деда 53, он дал себе и всему войску небольшой отдых от многочисленных трудов и свершил чудо наподобие того, которое сотворил знаменитый Геракл с женой Адмета, Алкестидой 54.

Когда племянник прежнего императора Исаака Комнина 55 и двоюродный брат Алексея Докиан 56 (человек высокого рода и положения) увидел Руселя, носящего знаки своего ослепления и ведомого за руку, он, глубоко вздыхая и заливаясь слезами, стал упрекать стратига в жестокости. Он стал порицать и бранить Алексея за то, что тот ослепил благородного мужа и настоящего героя, которого не следовало бы наказывать вовсе. На это Алексей ответил ему: «Дорогой мой, сейчас ты услышишь о причинах ослепления». Вскоре он привел в небольшую комнату Докиана и Руселя, снял повязку с лица пленника и показал Докиану сверкающие как молнии глаза Руселя. Увидев это, Докиан был поражен и удивлен и не знал что и подумать о столь великом чуде. Он стал прикладывать руки к глазам, желая убедиться, не является ли то, что он видит, лишь сном, волшебством или чем-нибудь еще в этом роде. Когда же Докиан узнал о человеколюбии, проявленном его двоюродным братом по отношению к этому мужу, о ловкости, которая у Алексея сочеталась с человеколюбием, он чрезвычайно обрадовался, обнял Алексея, запечатлел на его лице множество поцелуев и удивление сменилось у него радостью. Те же чувства испытали приближенные императора Михаила, сам император и вообще все.

4. Затем император Никифор 57, который взял скипетр Ромейского государства, направил Алексея против Никифора Вриенния, ибо тот привел в волнение весь Запад, возложил на себя диадему и провозгласил себя императором ромеев 58. Император Михаил Дука был низложен и вместо короны и мантии надел на себя епископский подир и эпомиду 59.

На императорском троне воссел Вотаниат, который, как об этом будет подробнее рассказано в дальнейшем 60, взял в жены императрицу Марию 61 и стал управлять делами государства. Однако Никифор Вриенний, который при императоре Михаиле был дукой Диррахия 62, еще до вступления на престол Никифора стал домогаться власти и задумал восстание против Михаила 63. Мне нет нужды писать, каким образом и почему это произошло: в сочинении кесаря говорится о причине восстания Никифора. Но совершенно необходимо вкратце рассказать о том, как, используя Диррахий в качестве опорного пункта, Никифор напал на все западные области, подчинил их себе и как он был сам взят в плен. Тех, кто желает узнать подробности этой истории, я отсылаю к сочинению кесаря.

Вриенний в совершенстве владел военным искусством, происходил из очень знатного рода, был высокого роста, имел красивое лицо и превосходил окружающих силой своего ума и крепостью рук. Никифор был вполне достоин императорской власти. Он обладал такой силой убеждения и такой способностью одним взглядом и одним словом привлекать к себе людей, что все единодушно, как военные, так и гражданские, уступили ему первенство и сочли его достойным власти над Востоком и Западом. Жители всех городов встречали приближающегося Никифора с распростертыми объятиями и с рукоплесканиями провожали его до следующего города. Все это взволновало Вотаниата, повергло в смятение его войско и привело в замешательство все государство 64. Было решено послать против Вриенния моего отца Алексея Комнина с находившимся в его распоряжении войском, который незадолго до того был назначен доместиком схол 65. Действительно, в этих областях дела Ромейской империи находились в крайне тяжелом состоянии. Восточные войска были разбросаны по разным местам, а турки расширили свои владения и заняли почти всю территорию, расположенную между Эвксинским Понтом и Геллеспонтом, между Эгейским и Сирийским морями, Саросом и другими реками, особенно теми, которые протекают по Памфилии и Киликии и впадают в Египетское море 66.

В таком положении находились восточные войска, на Западе же к Вриеннию перешло столько воинов, что у Ромейской империи сохранилось только малочисленное войско. В ее распоряжении оставались некоторые «Бессмертные» 67, лишь совсем недавно взявшие в руки мечи и копья, немногочисленные хоматинцы 68 и кельтское войско 69, численность которого значительно сократилась.

Дав моему отцу Алексею такое войско и пригласив союзников-турок 70, император приказал ему выступить и начать войну с Вриеннием;

впрочем он больше полагался на ум и военное искусство полководца, нежели на его войско. Алексей не стал ожидать союзников, а услышав, что враг быстро наступает, хорошо вооружил себя и своих воинов и выступил из царственного города. Достигнув Фракии, он разбил лагерь без рвов и частокола у реки Алмира. Узнав, что Вриенний расположился на равнинах Кидокта, он предпочел, чтобы оба войска – его и противника – находились на значительном расстоянии друг от друга. Алексей не поставил свое войско лицом к лицу с вражеским, ибо не хотел дать противнику увидеть, в каком состоянии оно находится. Алексею предстояло во главе небольшого числа воинов вступить в бой с многочисленным войском, вести в бой неопытных в военном деле людей против опытных воинов. Поэтому, оставив мысль о смелом и открытом нападении, он замыслил исподтишка похитить победу.

5. Мое повествование подошло к моменту сражения этих двух храбрых мужей 71: Вриенния и моего отца Алексея (ни один не превосходил другого мужеством, ни один не уступал другому опытностью). Теперь, когда противники установили боевые порядки своих войск, следует рассмотреть судьбу битвы. Оба мужа были прекрасны и благородны, их сила и опытность как бы находились в равновесии; нам же следует посмотреть, куда судьба склонила чашу весов. Вриенний, полагаясь на военную мощь, рассчитывал, кроме того, на свою опытность и хорошее расположение боевых порядков, что же касается Алексея, то он почти не надеялся на войско и полагался лишь на силу своего искусства и военные хитрости.

И вот оба полководца увидели друг друга и поняли, что уже пришел час битвы. Узнав, что Алексей Комнин закончил продвижение и разбил лагерь в Калавре, Вриенний выступил против него. Свое войско он расположил таким образом. Он выстроил воинов на правом и левом флангах, поручив командование правым своему родному брату Иоанну 72. На этом фланге находилось пять тысяч воинов: италийцы, солдаты из отряда знаменитого Маниака 73, фессалийские всадники и большая группа воинов этерии 74. Левым же флангом командовал Катакалон Тарханиот 75, который имел в своем распоряжении три тысячи хорошо вооруженных македонцев и фракийцев. Сам же Вриенний командовал центром фаланги, который состоял из македонцев, фракийцев и цвета всей знати 76.

Все они сидели верхом на фессалийских конях 77, их железные латы и шлемы на головах сверкали, кони поводили ушами; бряцание щитов, блеск щитов и шлемов наводили ужас. Находившийся в середине Вриенний, как Арей или древний гигант, на целый локоть возвышался над

всеми, вызывая своим обликом изумление и страх. Вне строя, примерно на расстоянии двух стадий, расположились союзники – скифы 78, вооруженные по-варварски. Был отдан приказ: после того как покажется противник и труба призовет к битве, скифам тотчас атаковать врага с тыла и изматывать его непрерывным дождем стрел; остальным, плотно сомкнутым в ряды, всей тяжестью обрушиться на врага. Такой приказ отдал Вриенний своим войскам. Тем временем мой отец Алексей Комнин осмотрел местность и часть войска поместил в лощинах, а часть – лицом к лицу с войском Вриенния. Приготовив к бою обе части войска – спрятанную и стоявшую на открытом месте он окрылил словами и ободрил каждого воина. Алексей приказал расположенному в засаде отряду, после того как он окажется в тылу у противника, неожиданно напасть и всей силой ударить по правому флангу врага. Так называемых бессмертных и некоторых кельтов он оставил при себе и сам принял командование над ними. Над хоматинцами же и турками он поставил начальником Катакалона 79, приказав ему обратить все внимание на скифов и отбивать их удары.

Так обстояли дела. Как только войско Вриенния приблизилось к лощинам, по знаку моего отца Алексея с боевым кличем выскочили сидевшие в засаде воины. Своим неожиданным натиском они привели в замешательство противника и, поражая и убивая всех, кто попадался им под руку, обратили врагов в бегство 80. Однако Иоанн Вриенний, брат военачальника «воспомнив бурную силу», исполнился гнева, повернул коня, одним ударом поверг наземь преследующего его воина – бессмертного, остановил отступающую фалангу, выстроил ее и дал отпор врагу. Бессмертные в свою очередь бросились в беспорядочное и безудержное бегство, а преследующие воины разили их.

Тем временем мой отец врезался в гущу врагов и, мужественно сражаясь, одерживал верх везде, где только ни появлялся, ранил и убивал каждого, кто подступал к нему. Алексей продолжал бешено сражаться, надеясь, что за ним следуют воины, которые прикрывают его. Когда же Алексей увидел, что его фаланга разбита и уже рассеяна, он собрал вокруг себя самых мужественных воинов (а было их всего шестеро) и решил с обнаженными мечами пробиться к Вриеннию, дерзко напасть на него, а если нужно, то и умереть вместе с ним.

Однако один из воинов, Феодот, человек, с детства находившийся в услужении у моего отца, воспротивился этому намерению и выступил против такого рискованного замысла. И вот, переменив свое намерение, Алексей решил отойти на некоторое расстояние от войска Вриенния; он

собрал лучших из обращенных в бегство воинов, построил их и принялся за дело. Но не успел мой отец еще отойти, как скифы с боевыми кликами стали теснить хоматинцев Катакалона. Они легко обратили их в бегство, а затем предались своему обычному делу – грабежам. Таково скифское племя: не разбив до конца неприятеля, не закрепив успеха, они, предаваясь грабежам, губят победу. И вот находившиеся в арьергарде войска Вриенния слуги в страхе перед скифами смешались с боевыми порядками. Непрерывный поток тех, кто бежал от скифов, вносил немалый беспорядок в боевой строй, и значки 81 смешались друг с другом. Пока все это происходило, мой отец Алексей, который, как я уже сказала, еще находился в расположении войска Вриенния, вдруг видит, как один из конюшенных Вриенния ведет императорского коня, украшенного пурпурной попоной и позолоченными бляхами; рядом же, согласно императорскому ритуалу, бежит свита с ромфеями 82.

Увидев это, Алексей спускает на лицо прикрепленное к шлему забрало и со своими шестью воинами (о них уже шла речь) стремительно на них нападает. Он повергает наземь конюшенного, захватывает императорского коня, захватывает также и ромфеи и незаметно выходит из расположения вражеского войска. Остановившись в безопасном месте, он послал громогласного глашатая, дал ему коня с золотыми бляхами и ромфеи, которые телохранители держат по обе стороны от императора, и приказал ему разъезжать по всему войску и кричать, что Вриенний пал.

Это известие заставило собраться отовсюду и вернуться многих рассеявшихся воинов великого доместика схол – моего отца, а других побудило к стойкости. Воины как вкопанные остановились там, где их застал голос глашатая, обратили назад свои взоры и были поражены неожиданным зрелищем. Что за странная была картина! Головы коней были обращены вперед, лица самих всадников повернуты назад, они не двигались вперед и не хотели повернуть назад, но были изумлены и приведены в недоумение всем происходящим 83. Скифы же, мечтая о возвращении и находясь уже на пути домой, не собирались продолжать преследование; очутившись вдали от обеих армий, они где-то блуждали со своей добычей. Распространяемая глашатаем весть, что Вриенний схвачен и убит, вдохнула мужество в недавних трусов и беглецов. Это известие казалось достоверным благодаря тому, что повсюду показывали коня с императорскими знаками, а ромфеи, можно сказать, возвещали о том, что находившийся под охраной Вриенний пал от неприятельской руки.

6. Затем судьба принесла следующее. К доместику схол Алексею подошел отряд союзников-турок 84. Узнав, что бой начался, и желая

выяснить, где находится враг, турки вместе с моим отцом Алексеем Комниным поднялись на холм. Отец жестом указал им на неприятельское войско, а они смотрели на врагов как с наблюдательного пункта. Дела же неприятелей обстояли таким образом: сбившись в кучу, не соблюдая боевых порядков, они были настроены беззаботно и считали себя вне опасности, словно победа была уже у них в руках. Они пребывали в беспечности главным образом из-за того, что франки из отряда моего отца, когда началось бегство, перешли к Вриеннию. Ведь когда франки соскочили с коней и протянули Вриеннию правые руки, выражая этим, как это у них в обычае, свою верность 85, со всех сторон стали стекаться воины, чтобы посмотреть на это зрелище. Как звук трубы, распространился по войску Вриенния слух о том, что уже и франки покинули архистратига Алексея и перешли к ним.

Видя, что враги сбились в кучу и что подошел новый отряд турок 86, мой отец разбил войско на три части и приказал двум из них засесть в назначенных местах в засаде, а третьему отряду выступить против врагов. Такой план целиком принадлежал моему отцу Алексею.

Турки наступали, не построившись в фаланги, а разделившись на отдельные отряды, находившиеся на известном расстоянии друг от друга. Каждому отряду было приказано гнать коней на врагов и осыпать неприятеля дождем стрел. С ними следовал и изобретатель этого маневра – мой отец Алексей, который собрал из числа рассеявшихся столько воинов, сколько ему позволили обстоятельства. В этот момент один из окружавших Алексея бессмертных, человек храбрый и дерзкий, погнал вперед своего коня, вырвался из рядов и во весь опор понесся на Вриенния. Он с силой вонзает копье в грудь Вриенния. Но тот быстро извлек меч из ножен, обрубил копье, пока оно еще не успело впиться глубже, и со всего размаха нанес удар ранившему его воину. Вриенний попал в ключицу и отсек руку вместе со щитом.

Турки же, подходя один за другим, непрерывно осыпали войско тучей стрел. Воины Вриенния были ошеломлены неожиданным натиском, однако, собравшись и выстроив боевые порядки, они приняли тяжесть битвы, призывая друг друга к мужеству. Турки и мой отец после недолгого боя с противником стали изображать, будто они мало-помалу обращаются в бегство; постепенно заманивая врагов в засаду, они искусно увлекали их за собой. Достигнув первой засады, они повернулись и лицом к лицу встретили противника. По условному знаку из разных мест, словно рой ос, высыпали находившиеся в засаде всадники. Боевыми кликами, шумом и непрерывной стрельбой из луков они оглушили Вриенния и его воинов и

ослепили их дождем падающих отовсюду стрел. Воины Вриенния не смогли устоять (все были уже изранены – и кони и люди), они склонили значок к отступлению и предоставили врагу возможность наносить удары им в спину. Но Вриенний, хотя он был чрезвычайно утомлен битвой и враг с силой теснил его, проявил мужество и присутствие духа: направо и налево поражал он наступающих и одновременно умело и мужественно руководил отступлением. По одну сторону от него бился брат, по другую сын; геройски сражаясь, они казались тогда врагам настоящим чудом.

Конь Вриенния был утомлен и не мог ни бежать, ни преследовать, ибо до полусмерти был загнан непрерывным бегом. Сдержав коня, Вриенний, как некий отважный атлет, остановился, готовый к рукопашной схватке, и вызвал на бой двух доблестных турок. Один из них бьет копьем, но не успевает еще нанести сильный удар, как получает значительно более сильный удар от руки Вриенния. Вриенний отрубил мечом турку руку, которая вместе с копьем скатилась на землю. Но второй турок 87, соскочив со своего коня, как леопард бросился к лошади Вриенния, пристроился у крупа и, крепко ухватившись за него, старался забраться на спину лошади. Вриенний вертелся, как зверь, стремясь пронзить мечом турка. У него, однако, ничего не выходило, потому что турок все время извивался за его спиной и избегал ударов. Когда же рука устала разить пустоту, утомился и сам атлет, он отдал себя в руки врагов.

Схватив его и, можно сказать, завоевав этим величайшую славу, они доставляют его Алексею Комнину, который, находясь недалеко от места пленения Вриенния, строил фаланги своих воинов и варваров и побуждал их к битве. Сначала они сообщили о пленении Вриенния через вестников, затем привели к стратигу его самого, являвшего собой поистине страшное зрелище как в битве, так и в плену. Получив таким образом в свои руки Вриенния, Алексей отправляет его к императору Вотаниату. Алексей не коснулся глаз пленника. Не таков был Комнин, чтобы преследовать своих противников, после того как они попали в плен: он считал, что само их пленение на войне вполне достаточное наказание. Поэтому он относился к пленным с человеколюбием, дружелюбием и уважением. Эти же чувства он выказал и Вриеннию. После пленения Вриенния Алексей проехал вместе с ним значительное расстояние, а когда они прибыли в место, называвшееся... 88, Алексей, желая добрыми надеждами вывести пленника из отчаяния, сказал: «Давай сойдем с коней, посидим и немного отдохнем». Вриенний же, исполненный страха за свою жизнь, был похож на безумного и не нуждался ни в каком отдыхе. Каким же иначе мог быть человек, потерявший всякую надежду на жизнь? Тем не менее он сразу же

подчинился желанию стратига. Так раб, особенно если он пленен на войне, быстро подчиняется любому приказанию.

И вот оба вождя спешились. Алексей, как в постель, улегся на зеленую траву, а Вриенний положил голову на корни «высоковолосого дуба» 89. Алексей заснул, а Вриенния, как говорится в сладостных стихах, «ласковый сон не покоил» 90. Подняв глаза, он замечает висящий на ветвях меч; не видя кругом ни единой души, избавляется от своего малодушия и, набравшись мужества, решает убить моего отца. И его замысел был бы вскоре приведен в исполнение, если бы этому не помешала высшая божественная сила, которая смягчила свирепость души Вриенния и заставила его доброжелательно отнестись к стратигу. Я часто слышала, как отец рассказывал об этом. Всякий может отсюда заключить, что бог, словно драгоценность, охранял моего отца и предназначал его для более высокой участи, желая с его помощью вновь возвысить ромейский скипетр. Если же после этого с Вриеннием случилось нечто непредвиденное, то виной этому – приближенные императора, мой же отец в этом неповинен.

7. Так окончился поход против Вриенния. Но великому доместику – моему отцу Алексею – не суждено было вкусить покоя, а пришлось вступать в одно сражение за другим. Борил 91, варвар из числа наиболее приближенных к Вотаниату людей, выйдя из города навстречу великому доместику, моему отцу, принял у него Вриенния и сделал с ним то, что сделал 92. От имени императора он приказывает моему отцу выступить против Василаки, который также возложил на себя императорскую диадему и после Вриенния неудержимо раздувал мятеж на Западе 93. Василаки был мужем удивительным по своему мужеству, храбрости, смелости и силе. Обладая тиранническими наклонностями, этот человек достигал высших должностей и титулов, одних домогаясь хитростью, другие узурпируя. После свержения Вриенния он стал его преемником и принял на себя всю его власть. Начав с Эпидамна (это главный город Иллирика), он подошел почти вплотную к городу фессалийцев 94, все покоряя на своем пути; Василаки сам себя избрал и провозгласил императором и вел куда ему заблагорассудится блуждающее войско Вриенния. Не говоря уже о других его качествах, этот муж вызывал восхищение своим ростом, силой рук, величественным выражением лица; такие достоинства более всего привлекают грубый и воинственный народ. Ведь он не смотрит в душу человека и не обращает внимания на его добродетель, но удовлетворяется телесными достоинствами, восхищается смелостью, силой, быстротой бега и ростом, считая, что этих качеств

вполне достаточно для багряницы и диадемы.

Обладая этими достоинствами, Василаки имел также мужественную и неустрашимую душу. Вообще, во всем его облике и поведении было что-то властное. У него был громовой голос, приводивший в замешательство целое войско, а его крик был способен кого угодно лишить мужества. Он был непобедим в речах и одинаково умел побуждать воинов к битве и обращать их в бегство. Имея на своей стороне такие преимущества и собрав вокруг себя непобедимое войско, этот муж начал поход и, как я сказала, прибыл в город фессалийцев.

Мой отец, Алексей Комнин, со своей стороны снарядился на войну с ним как на борьбу с огромным Тифоном 95 или сторуким гигантом; призвав на помощь всю свою военную хитрость и храбрый дух, он приготовился к встрече с достойным противником. Не отряхнув еще пыль прежних битв, не смыв крови с меча и рук, он как страшный лев распалил свой гнев и выступил против этого клыкастого вепря – Василаки. Алексей прибывает к реке Вардар, как ее называют местные жители. Эта река стекает с гор, расположенных вблизи Мезии, протекает через многие земли, разделяет на восточную и западную половины земли вокруг Верии и Фессалоники и впадает в наше Южное море 96. С большими реками случается следующее: когда из-за наносов скапливается много земли, река, меняя свое прежнее ложе, начинает течь в низкое место, старое ложе остается сухим, лишенным воды, а новое в изобилии ею наполняется. Искусный полководец, мой отец Алексей заметил пространство между двумя руслами: старым и вновь образовавшимся. Считая, что река обезопасит его с одной стороны, он расположился около нее лагерем и, как естественным рвом, воспользовался старым руслом, которое благодаря сильному течению превратилось в глубокий овраг (оба русла находились друг от друга на расстоянии не более двухтрех стадий). Тотчас было всем приказано в течение дня отдыхать, наслаждаться сном и давать коням достаточно корма. Ведь с наступлением вечера им предстояло бодрствовать и остерегаться неожиданного нападения противника.

Мой отец, я думаю, распорядился таким образом, ибо ожидал в тот вечер наступления врагов. То ли он предчувствовал его благодаря своей многоопытности, то ли по каким-то признакам догадывался о нем. Это предвидение посетило его незадолго до событий. Предсказав ход событий, он не пренебрег необходимыми мерами, но ушел из лагеря вместе со своими воинами, оружием, конями и всем полагающимся для сражения. Он оставил там повсюду зажженные огни и одного из своих приближенных Иоанникия 97 – человека давно избравшего монашеский

образ жизни; ему он доверил свою палатку, продовольствие, которое вез с собой, и прочее имущество. Сам же Алексей, отойдя подальше, остановился вместе с вооруженным войском, ожидая развертывания событий. Он добивался, чтобы Василаки, увидев зажженные повсюду огни и освещенную палатку моего отца, решил, что Алексей отдыхает там и потому его легко будет схватить и взять в плен.

8. Мой отец Алексей не обманулся, как я сказала, в своем провидении. Василаки вместе с многочисленными конниками и пешими воинами неожиданно подошел к тому месту, где, как он думал, был расположен лагерь. Увидев повсюду освещенные шатры, а также сияющую светом императорскую палатку, он стремительно с громким устрашающим криком врывается в нее. Так как в палатке не оказалось того, кого он чаял найти, да и вообще из нее не вышел ни воин, ни стратиг (если не считать нескольких жалких слуг), Василаки закричал еще громче: «Куда делся картавый?» Он высмеивал дефект речи великого доместика. Вообще мой отец Алексей говорил хорошо (не было другого такого прирожденного оратора в рассуждениях и доказательствах) 98, только при произнесении звука «эр» его язык чуть-чуть запинался, хотя остальные буквы и произносил плавно. Выкрикивая такие оскорбления, Василаки, начал розыски, перевернул вверх дном все сундуки, походные кровати, утварь и даже самое ложе моего отца: он искал, не спрятался ли где-нибудь там стратиг. Его взгляд неоднократно падал на монаха Иоанникия. Мать в заботах о сыне вменила Алексею в обязанность во всех походах держать при себе какого-нибудь почтенного монаха, а любящий сын подчинялся материнской воле не только в детстве, но и в юношеском возрасте – вплоть до женитьбы. Василаки, обыскав всю палатку, не прекратил, говоря словами Аристофана, «исследовать тайны Эреба» 99 и подверг Иоанникия расспросам о доместике. Так как тот упорно утверждал, что Алексей заблаговременно ушел со своим войском, Василаки понял, что он страшно обманут, и в полном отчаянии стал на разные лады кричать: «О соратники, воины, нас обманули, враг снаружи!». Он еще и не кончил, как перед покидающим лагерь противником предстал мой отец Алексей Комнин, который с несколькими воинами быстро ехал впереди своего войска. Алексей увидел человека, пытающегося привести в порядок фаланги (ибо большинство воинов Василаки занялись грабежом и хищениями; как раз на этом и строил тогда расчеты мой отец; прежде чем они успели собраться и встать в боевой порядок, великий доместик как неожиданное бедствие предстал перед ними). Итак, увидев человека, устанавливающего фаланги и приняв его то ли по росту, то ли по блеску оружия (в его латах

отражалось сияние звезд) за Василаки, Алексей подъехал к нему и быстро нанес удар. Рука, державшая меч, тотчас же упала на землю, и это привело всю фалангу в сильнейшее замешательство. Этот человек был не Василаки, но один из наиболее храбрых людей его войска, ничем не уступающий в мужестве самому Василаки.

Затем, с силой обрушившись на врагов, Алексей осыпал их стрелами, наносил раны копьем, издавал боевые кличи и в ночной темноте вносил замешательство в ряды противника. Человек трезвого ума и ясной мысли, он принял в расчет все: место, время, оружие, и надлежащим образом использовал это для победы. Алексей опережал бегущих в разные стороны и в общей суматохе отличал врагов от друзей 100. Некий каппадокиец, по имени Гул, преданный слуга моего отца, человек мужественной руки и воинственного духа, увидел Василаки, мгновенно узнал его и ударил по шлему. Однако с ним случилось то, что произошло с Менелаем в битве с Александром 101: его меч, «в три иль четыре куска раздробившися, пал из десницы», в его руке осталась одна только рукоять. Увидев Гула, стратиг назвал его трусом и стал порицать за то, что тот без меча. Но воин, показав оставшуюся у него рукоять меча, смирил гнев великого доместика.

Другой же воин, македонец по имени Петр Торник 102, ворвавшись в гущу врагов, убил многих из них. Между тем фаланга двигалась, не имея представления о том, что творится: сражение велось в темноте, и воины не могли видеть происходящего. Комнин то налетал на еще сохранившие порядок отряды противника, то возвращался к своим. Он торопил их опрокинуть тех воинов Василаки, которые еще держались в строю, и посылал гонцов к отстающим, приказывая им без проволочек двигаться вперед и прибыть к месту боя.

В это время какой-то кельт из числа воинов великого доместика, говоря коротко, мужественный воин, исполненный духа Арея, заметил, как мой отец с обнаженным, дымящимся кровью мечом в руке выбирается из гущи врагов и, приняв его за противника, стремительно напал на него и ударил копьем в грудь. И он наверняка выбил бы стратига из седла, если бы Алексей не уселся покрепче и не окликнул воина по имени, угрожая тотчас же отрубить ему мечом голову. Кельт сохранил себе жизнь, оправдавшись лишь тем, что не узнал полководца в ночной темноте и сумятице битвы.

9. Вот такие дела совершил той ночью доместик схол вместе со своими немногочисленными воинами. Как только забрезжил дневной свет и солнце выглянуло из-за горизонта, начальники отрядов Василаки всеми силами стали стараться собрать покинувших битву и занятых добычей

воинов. Со своей стороны, великий доместик, построив войско, вновь выступил против Василаки. Издали заметив некоторых покинувших войско людей Василаки, воины доместика с силой набросились на них и одних обратили в бегство, других пленили и привели к Алексею.

Тем временем брат Василаки Мануил 103 взошел на холм и стал ободрять войско, громко крича следующее: «Сегодня день Василаки, его победа!». Некто по имени Василий, по прозвищу Куртикий 104, близкий друг того Никифора Вриенния, о котором уже упоминалось в повествовании, человек чрезвычайно воинственный, выбежав из рядов войска Комнина, стал подниматься на холм. Мануил Василаки извлекает меч из ножен и во весь опор устремляется к нему. Куртикий же схватывает не меч, а висевшую у седла палицу, ударяет ею по шлему Мануила и тотчас сбрасывает его с лошади; затем Куртикий связал и поволок его как добычу к моему отцу. Тут появился Комнин со своими отрядами, и при виде его остатки войска Василаки после недолгого сопротивления, обратились в бегство. Теперь Василаки бежал, а Алексей Комнин преследовал его. Когда они достигли Фессалоники, жители этого города впустили Василаки, но тотчас заперли городские ворота перед стратигом. Однако мой отец не отступился, не совлек с себя доспехов, не снял шлема, не опустил с плеч щита, а напротив, расположился лагерем и стал угрожать городу штурмом и разрушением.

Желая сохранить жизнь Василаки, он через посредство сопровождавшего его монаха Иоанникия 105, мужа, знаменитого своей добродетелью, предлагает Василаки мир, заверяя, что не причинит ему никакого зла, если тот сдастся сам и сдаст город Алексею. Василаки отверг это предложение, но фессалоникийцы, боясь, что город будет захвачен и испытает бедствия, открыли Комнину путь в город.

Василаки, узнав о том, что сделала толпа, переходит в акрополь 106 и из него совершает набеги на город 107. Он не прекратил боевых действий, хотя доместик и гарантировал ему безопасность. И в тяжких обстоятельствах, в беде проявил себя Василаки настоящим героем. Он не желал поступиться даже малой толикой своей доблести, пока жители и стражи акрополя сообща насильно не изгнали его оттуда, не схватили и не выдали великому доместику.

Алексей тотчас же сообщил императору о пленении Василаки, на короткое время задержался в Фессалонике и, устроив там все дела, покрытый славой победителя, отправился в обратный путь. Между Филиппами и Амфиполем 108 посланцы императора встречают моего отца и, вручив ему императорскую грамоту, забирают Василаки. Отведя

его к местечку под названием Хлебина 109, они вблизи находящегося там источника вырывают ему глаза 110. С тех пор до настоящего времени этот источник называется именем Василаки. Таков был третий подвиг, который совершил этот новый Геракл – великий Алексей, до того как стал императором. Ведь не греша против истины, можно назвать Василаки Эриманфским вепрем, а моего храбрейшего отца – Гераклом 111. Таковы были успехи Алексея Комнина до вступления на трон. В награду за все это он получил от императора титул севаста 112 и был провозглашен севастом синклитом.

10. Телесные недуги, как мне кажется, иногда развиваются от внешних причин, а иногда причины болезней коренятся в самом организме. Часто мы считаем источником горячки неровность климата и плохое качество пищи, в других случаях мы виним испорченность наших жизненных соков. Точно так же и в то время причиной появления губительных язв – упомянутых мною людей (я имею в виду руселей, василаки и все множество тиранов) – иногда была порочность ромеев, иногда же судьба приносила неодолимое зло и неизлечимую болезнь в виде иноземных тиранов извне. Так это было с известным своей склонностью к тирании хвастуном Робертом, которого породила Нормандия 113, взрастили и воспитали всевозможные пороки.

Ромейское государство само навлекло на себя такого врага и дало ему повод для войны. Этим поводом явился совсем не подходящий для нас брачный контракт с чужеземкой и варваркой, а особенно беззаботность властвовавшего тогда Михаила, связанного нитями родства с Дуками 114. Пусть никто не возмущается, если я порицаю кого-либо из своих кровных родственников (ведь и я принадлежу к этому роду со стороны матери) 115, ибо я решила прежде всего писать правду, а что касается этого человека, то я лишь выразила всеобщее осуждение 116. Упомянутый самодержец Михаил Дука обручил своего сына Константина с дочерью этого варвара. Поэтому и разразилась война. В свое время я поведаю об императорском сыне Константине, о соглашении, касающемся его женитьбы, и вообще о брачном контракте с варваркой, а также о красоте Константина, о его росте и о том, каким он был по своим природным качествам 117. Я сделаю это, когда оплачу свою судьбу, сразу же после рассказа об этом браке, о поражении всей варварской армии и гибели норманнских тиранов, которых Михаил по своему неразумию обратил против Ромейского государства 118. Прежде, однако, следует мне вернуться назад и рассказать о Роберте, какого он был рода и звания и до какой степени могущества и на какую высоту подняло его течение событий или, чтобы

выразиться более благочестиво, куда вознесло его провидение, снисходительное к его злокозненным стремлениям и коварству 119.

Этот Роберт происходил из Нормандии, был человеком незнатного рода 120, властолюбивого характера и мерзкой души 121. Он был доблестен, весьма ловко домогался богатства и могущества знатных людей, действовал упрямо и, несмотря ни на какие препятствия, преследовал свою цель. Он был большого роста – выше самых высоких людей, у него была розовая кожа, белокурые волосы, широкие плечи... глаза 122 – только что огонь не искрился из них. Его фигура отличалась изяществом там, где ей полагалось раздаваться вширь, и обладала хорошими пропорциями в узких местах. Этот муж, как я не раз слышала от многих людей, был идеального сложения с головы до пят. А его голос! Гомер говорил об Ахилле, что услышавшим его крик казалось, будто шумит целая толпа. Крик же этого мужа, как рассказывают, обращал в бегство многие тысячи. Будучи человеком такого положения, таких физических и душевных качеств, он, естественно, не терпел никакого порабощения и никому не подчинялся. Таково, говорят, свойство великих натур, если даже они происходят из низкого звания.

11. Таким был этот человек; не вынося над собой никакой власти, он вместе с несколькими всадниками (всего их было пять конных и тридцать пеших) покинул Нормандию 123. Выйдя за пределы отечества, он обосновался в нагорьях, пещерах и горах Лонгивардии 124, во главе разбойничьего отряда нападал на путников и захватывал коней, имущество и оружие. Начало его жизни ознаменовалось потоками крови и многочисленными убийствами.

Находясь в областях Лонгивардии, он привлек к себе внимание Вильгельма Маскавела 125, который в то время управлял большой частью прилегающих к Лонгивардии земель. Ежегодно получая оттуда большие доходы и содержа на них значительные военные силы, Маскавел был знаменитым военачальником. Разузнав о Роберте, о том, что тот собой представляет (я имею в виду его душевные и телесные качества), Маскавел необдуманно приблизил его к себе и обручил с ним одну из своих дочерей. Маскавел скрепил эту брачную связь, восхищаясь природными качествами и военной опытностью Роберта. Однако все вышло отнюдь не так хорошо, как он предполагал.

Маскавел отдал зятю в качестве приданого город и сделал ему в знак уважения ряд других подарков. Роберт же, вначале прикинувшись дружелюбным, затаил на него злобу, замыслил восстание и увеличил свои военные силы: конницу – в три раза, пешее войско – вдвое. С этого

времени его дружелюбие стало постепенно исчезать, и мало-помалу обнажалось его злонравие.

Роберт постоянно стремился дать или получить повод к ссоре. Он непрерывно замышлял козни, из-за которых обычно возникали распри и войны. Так как названный Вильгельм Маскавел намного превосходил его богатством и силой, Роберт отказался от намерения вступить с ним в открытый бой и замыслил против него гнусный умысел. Он внешне выказывает дружелюбие и изображает раскаяние, в то же время тайно подготавливает против него страшный и коварный план, собираясь захватить города и стать обладателем владений Маскавела. Прежде всего Роберт просит его о мире и через послов предлагает лично встретиться для переговоров. Маскавел же, который более всего на свете любил свою дочь, радуется предложенному миру и назначает беседу на следующий день. Роберт извещает его о месте, где они должны встретиться для беседы и заключить договор.

В этом месте расположены были один против другого два холма, одинаково высоко поднимающиеся над долиной; между ними находилась болотистая местность, поросшая всевозможными деревьями и кустарником. Там-то и устроил хитрец Роберт засаду. Он приказал четырем отважным вооруженным воинам внимательно смотреть во все стороны и немедля бежать к нему, когда они увидят, что он схватился с Вильгельмом. Закончив предварительные приготовления, злодей Роберт оставил тот холм, который он показал Маскавелу как удобный для переговоров, а себе облюбовал другой, куда и поднялся вместе с пятнадцатью конными воинами и примерно пятьюдесятью шестью пешими. Построив их там, Роберт поделился своим замыслом с наиболее храбрыми из воинов, а одному из них, чтобы иметь возможность быстро вооружиться, приказал принести оружие: щит, шлем и акинак. Четверым же, находящимся в засаде, Роберт настоятельно наказал, чтобы они, едва увидев, как он схватился с Маскавелом, быстро бежали к нему.

В условленный день Вильгельм отправился заключить договор на вершину холма, на то место, которое ему еще раньше показал Роберт. Увидев приближающегося Маскавела, Роберт верхом поспешил к нему навстречу, радушно приветствовал и принял весьма сердечно. Они оба остановились на склоне холма, немного ниже его вершины, беседуя о том, что им предстояло сделать. Этот хитрец Роберт тянул время, переходя в разговоре с одного предмета на другой, а затем сказал Вильгельму: «Зачем мы утомляем себя, оставаясь на конях? Сойдем, сядем на землю и спокойно поговорим обо всем необходимом». Наивный Маскавел

послушался, не подозревая о хитрости и о той опасности, которой он подвергается. Увидев, что Роберт сошел с коня, он и сам сделал то же самое, оперся локтем о землю и вновь вступил в беседу. Роберт согласился впредь быть верным слугой Маскавела и назвал его своим благодетелем и господином. Воины Маскавела видели, как оба они сошли с коней и возобновили беседу. Некоторые из воинов, страдая от жары и недостатка пищи и питья (было лето, когда солнечные лучи прямо падали на голову, и жара стояла невыносимая), сошли с коней, привязали их к ветвям деревьев и улеглись на землю, отдыхая в тени коней и деревьев, другие же отправились домой.

Так они поступили. Но этот хитрец из хитрецов Роберт, который все подготовил заранее, внезапно набрасывается на Маскавела – его взор, прежде спокойный, стал гневным – и ударяет его своей смертоносной рукой. Роберт набросился на Маскавела, и Маскавел набросился на Роберта. Он поволок Маскавела, и тот поволок его, и оба они покатились вниз по склону. Увидев их, четверо сидящих в засаде воинов выскочили из болота, подбежали к Вильгельму, крепко связали его и бросились к стоящим на другой вершине всадникам Роберта, а те уже и сами скакали к ним вниз по склону. Сзади их преследовали воины Вильгельма. Тем временем Роберт садится на коня, надевает шлем, хватает копье и угрожающе потрясает им; прикрывшись щитом и обернувшись, он ударяет копьем одного из воинов Вильгельма, который от удара сразу же испускает дух.

Роберт отразил натиск конницы своего тестя и не дал ей прийти на помощь (остальные, увидев, что сверху на них несутся всадники Роберта и им помогает сама местность, тотчас показали тыл). И вот, после того как Роберт отразил натиск конницы Маскавела, последнего как пленника препровождают в оковах в ту самую крепость, которую он отдал в приданое дочери, когда обручал ее с Робертом. Город получил тогда своего властителя заключенным под стражу, поэтому и стал соответственно именоваться Фрурием 126.

Нелишне рассказать и о жестокости Роберта. Захватив Маскавела, он в первую очередь лишил его всех зубов, требуя за каждый из них большую сумму денег и допрашивая, где эти деньги спрятаны. А так как Роберт, не переставая, вырывал зубы, пока все не выведал, Маскавел лишился как зубов, так и денег. Затем взор Роберта упал на глаза тестя; раздосадованный тем, что тот зрячий, он ослепил его 127.

12. И вот он стал властителем всех владений Маскавела. С каждым днем увеличивалось его могущество, росло властолюбие. Роберт

присоединял к уже завоеванным городам новые города, а к имеющимся богатствам – новые богатства. В короткое время достиг он герцогской власти и был провозглашен герцогом всей Лонгивардии 128, что возбудило всеобщую зависть. Роберт же, будучи человеком трезвого ума, использовал против своих противников то лесть, то дары и таким образом успокоил волнение толпы и искусно унял зависть знати. Прибегая в некоторых случаях и к оружию, он захватил всю власть над Лонгивардией и соседними с ней землями. Роберт постоянно помышлял о расширении своего владычества и мечтал о ромейском троне. И вот, выставляя в качестве предлога, как я говорила, свое свойство с самодержцем Михаилом, он начал войну с ромеями. Я уже имела случай сказать 129, что император Михаил, не знаю с какой целью, обручил своего сына Константина с дочерью тирана (ей дали имя Елены) 130.

Вновь вспоминая этого юношу, я печалюсь душой, у меня мешаются мысли, и я прерываю рассказ о нем, который хочу приберечь для подходящего случая. Об одном только не могу я умолчать, если даже мои слова окажутся и не к месту: красой природы и, если можно так выразиться, великолепным творением божественных рук был этот юноша. Если кто-нибудь только видел его, то говорил, что он отпрыск золотого века, о котором рассказывается в эллинских мифах: такой поразительной красотой он обладал. По прошествии стольких лет, вспоминая Константина, я готова разразиться слезами. Однако сдерживаю и сохраняю их до более удобного случая, ибо не хочу, смешивая плач по усопшему с историческим повествованием 131, внести путаницу в свою историю.

Этот юноша (о нем я уже говорила и здесь и в другом месте) родился до меня и, прежде чем я появилась на свет, он, чистый и непорочный, стал женихом дочери Роберта, Елены. Уже тогда в письменном виде был составлен договор, хотя он и не имел силы и не выходил за пределы обещаний, ибо юноша еще не достиг совершеннолетия 132. Этот брачный контракт был расторгнут, когда на престол вступил Никифор Вотаниат. Однако я отклонилась от предмета своего повествования, и нужно вновь вернуться к тому месту, от которого я отклонилась.

Роберт, выйдя из безвестности, стал знаменитым человеком, собрал вокруг себя большое войско, замыслил сделаться ромейским самодержцем и стал изобретать благовидные предлоги, чтобы поссориться с ромеями и начать войну против них. Существуют две версии. Согласно первой, широко распространенной и достигшей моих ушей, некий монах по имени Ректор выдал себя за императора Михаила, явился к Роберту как к свату и стал жаловаться на свои несчастья 133. Дело в том, что Михаил, который

вслед за Диогеном взял в свои руки ромейский скипетр, после недолгого правления был свергнут восставшим против него Вотаниатом, постригся в монахи и позднее облачился в епископский подир, китару, а если угодно, в эпомиду. Сделать это посоветовал ему его дядя со стороны отца 134, кесарь Иоанн, который знал легкомыслие человека, находившегося тогда у власти, и опасался, как бы с Михаилом не произошло чего-либо еще более страшного.

За Михаила и выдал себя этот упомянутый Ректор, или, как его можно назвать, наглый выдумщик всевозможных каверз 135. Он является к своему мнимому свату Роберту и поет ему о несправедливостях, которые якобы вытерпел, о том, как его свергли с императорского престола и как он дошел до такого состояния, в каком его теперь видит Роберт. По этой причине он просил варвара о защите. Он говорил о том, что прекрасная девушка Елена – невеста его сына – осталась беззащитной и лишилась своего жениха. Он кричал, что его сын Константин и императрица Мария помимо своей воли, в результате насилия перешли на сторону Вотаниата.

Этими речами возбудил он гнев варвара и сподвиг его на войну с ромеями. Такая версия достигла моих ушей, и я не нахожу ничего удивительного в том, что некоторые люди незнатного рода притворяются знатными и благородными по рождению. В то же время мне прожужжали уши, сообщая вторую, более правдоподобную версию: никакой монах не выдавал себя за императора Михаила и не сподвиг Роберта на войну с ромеями, но все это выдумал сам Роберт – человек весьма склонный к разного рода каверзам. Дело же было таким образом. Как рассказывают, этот величайший негодяй Роберт давно уже вынашивал мысль о борьбе с Ромейским государством и готовился к войне. Однако некоторые знатные мужи из его окружения и даже его жена Гаита не давали Роберту вести несправедливые войны, выступать против христиан 136 и нередко сдерживали его, уже готового совершить нападение.

И вот, изыскивая благовидный предлог для войны, Роберт делится своими тайными замыслами с несколькими мужами и посылает их в Котрону 137 с таким приказом: пусть, они найдут монаха, который бы пожелал переправиться в Рим для поклонения храму великих апостолов – покровителей города 138, человека, вид коего не выдавал бы его неблагородного происхождения, приветливо обойдутся с ним, расположат к себе и доставят Роберту. После того как они отыскали упомянутого уже Ректора, человека хитрого и непревзойденного в мерзости, они письменно сообщают Роберту, находившемуся в то время в Салерно, следующее: к тебе явился просить помощи твой свойственник Михаил, которого изгнали

с престола (Роберт сам приказал им отправить такое послание). Получив в свои руки письмо, он тотчас же прочел его жене, а затем, собрав всех своих графов, показал письмо и им, чтобы они не мешали ему, имеющему в руках такой благовидный предлог, начать военные действия. Все сразу же согласились с его решением. Роберт принял Ректора и вступил с ним в союз.

Затем Роберт разыгрывает все как на сцене и изображает, будто этот монах не кто иной, как свергнутый с трона император Михаил, у него тиран Вотаниат похитил жену, сына и все прочее, а самого же Михаила в нарушение права и справедливости облачил в монашеское платье, сняв с него диадему. «А сейчас, – заявил Роберт, – он пришел к нам как проситель».

Так публично ораторствовал Роберт и, ссылаясь на свое свойство с Михаилом, утверждал, что возвратит ему императорскую власть. Он ежедневно подчеркивал свое уважение к монаху – мнимому императору Михаилу: уступал ему почетное место, высокое кресло и оказывал большие почести. Роберт по-разному строил и свои речи: то горевал о том, сколько пришлось вытерпеть его дочери, то соболезновал свату по поводу обрушившихся на него несчастий, то подстрекал и побуждал к войне окружавшие его варварские полчища, на все лады обещая варварам кучи золота, которое, как он сулил, они отберут у ромеев.

Водя за нос всех – богатых и бедных, он покинул Лонгивардию, вернее, всю ее вывел с собой и прибыл в Салерно – метрополию Амальфи 139. Там он удачно уладил все дела своих остальных дочерей и стал готовиться к войне. Две дочери были с ним, в то время как третья, несчастная со дня своего обручения, находилась в царственном городе. Ее юный, не достигший еще совершеннолетия жених боялся этого брака, как дети боятся буки. Из дочерей Роберта одна была обручена с Раймундом, сыном графа Баркинона, вторую он отдал замуж за не менее знаменитого графа Эбала 140. Эти брачные контракты были заключены не без выгоды для Роберта, ведь он всеми средствами собирал и сколачивал для себя войско, причем пользовался для этой цели своим родом, властью, свойством и вообще всевозможными способами, которые и не придумать.

13. В это время произошло нечто такое, о чем стоит рассказать, так как это касается удачливости Роберта. Я считаю, что благополучному ходу дел варвара очень способствовало то, что все западные правители воздерживались тогда от нападения на него; судьба неизменно содействовала ему, помогая захвату власти и во всем другом.

Римский папа 141 (его власть могущественна и ограждена

разноплеменными армиями), находясь в ссоре с германским королем Генрихом 142, решил привлечь в качестве союзника Роберта, который стал к тому времени уже знаменитым и достиг высшей степени своего могущества.

Ссора короля и папы возникла вот из-за чего: папа обвинял короля Генриха в том, что тот жаловал церковные должности не даром, а за подношения, посвящая иногда недостойных людей в сан епископа. Такие обвинения он выдвинул 143. Германский же король со своей стороны обвинил папу в тирании за то, что тот захватил апостольский престол без его согласия. Он обратился к папе с наглыми речами и дерзко сказал: «Если папа не покинет самовольно захваченного места, он будет оттуда с позором изгнан». Услышав такие речи, папа обратил свой гнев на послов 144 и сначала подверг их бесчеловечным пыткам, а затем остриг им волосы и сбрил бороды: волосы – ножницами, бороды – бритвой. После этих и других чудовищных злодеяний, превосходящих варварскую свирепость, папа отпустил послов.

Я бы рассказала об этой свирепости, если бы меня, женщину, члена императорской семьи, не удерживало чувство стыда. Это деяние недостойно не то что епископа, а вообще человека, носящего христианское имя. Я чувствую отвращение к замыслу этого варвара, не только к его поступку, и я осквернила бы перо и бумагу, если бы по порядку рассказывала о его деянии. Незачем доказывать его варварскую свирепость и то, что людские нравы с течением времени становятся все более дерзкими и злыми. Достаточно уже того, что я не решаюсь поведать даже о малой доле содеянного им. И это, о справедливость, сделал священник, и это сделал первосвященник, и это сделал глава всей вселенной, как его называют и каким его считают латиняне (это еще одно проявление их наглости)! Ведь когда императорская власть, синклит и все управление оттуда перешли к нам, в наш царственный город 145, то вместе с ними перешла к нам и высшая епископская власть 146. Императоры с самого начала предоставили эти привилегии константинопольскому престолу, а Халкидонский собор установил первенство и константинопольского епископа и подчинил ему диоцезы всего мира 147.

Обида, нанесенная послам, была без всякого сомнения направлена против того, кто их послал; не столько потому, что папа наказал послов, сколько потому, что для надругательства над ними он сам изобрел новый способ. Этим поступком, мне кажется, он хотел проявить свое презрение к королю и разговаривал с ним как полубог с полуослом – мулом – через посредство подвергнутых издевательствам послов. Папа, совершив это 148

и отправив в таком виде послов к королю, развязал величайшую войну. А для того чтобы король, соединившись с Робертом, не стал еще более грозным противником, папа спешит предложить Роберту мир, хотя ранее и был расположен к нему отнюдь не дружелюбно.

Узнав о том, что герцог Роберт прибыл в Салерно, папа выступает из Рима и является в Беневент. Сначала они вели переговоры через послов, а затем встретились друг с другом лично. Вот как это произошло: папа выступил со своим отрядом из Беневента, Роберт с войском – из Салерно. Когда их войска оказались на достаточно близком расстоянии друг от друга, оба мужа вышли из воинских рядов, встретились, обменялись клятвами и заверениями и вернулись назад. Стороны приняли на себя такие обязательства: папа возводит Роберта в сан короля и в случае необходимости предоставляет ему союзническую помощь против ромеев; в свою очередь герцог поклялся по первому требованию помогать папе 149. Однако данные ими обоими клятвы оказались пустыми: папа был весьма раздражен против короля и стремился к войне с ним, а герцог Роберт с вожделением смотрел на Ромейское государство и, как дикий вепрь, точил зубы и разжигал свой гнев против ромеев. Их обещания так и остались словами: не успев дать друг другу клятвы, эти варвары сразу же их и нарушили.

После этого герцог Роберт, пришпорив коня, поспешил в Салерно, а мерзкий папа (я не могу назвать его иначе, помня о бесчеловечных издевательствах, которым он подверг послов) со своей духовной благодатью и евангельским миром всеми помыслами и силами устремился к междоусобной войне. Таков этот миротворец и ученик миротворца! Он сразу же пригласил к себе саксонцев и саксонских вождей – Ландульфа и Вельфа 150; кроме других многочисленных обещаний сулил сделать их королями всего Запада и таким образом привлек этих мужей на свою сторону 151. С необычайной легкостью возлагал папа руку на голову королей, пропуская, по-видимому, мимо ушей слова Павла: «Рук ни на кого не возлагай поспешно» 152. Ведь папа короновал герцога Лонгивардии и возложил венцы на головы этих саксонцев.

И вот оба они, германский король Генрих и папа, подтянув свои войска, выстроили их друг против друга. Когда рог дал сигнал к бою, сразу же ринулись фаланги, и началось большое и длительное сражение. Оба войска так храбро сражались и показывали такую выдержку под ударами копий и стрел, что равнина, на которой они бились, в короткое время оказалась залитой морем крови убитых, а оставшиеся в живых продолжали бой, плавая в крови. Некоторые же воины, натыкаясь на трупы, падали и

тонули в реках крови. Если действительно, как говорят, в этой битве погибло более тридцати тысяч человек, то какие потоки крови, должно быть, текли там, сколько земли было залито ею!

Пока саксонский вождь Ландульф участвовал в битве, обе стороны, как говорится, сражались с одинаковым успехом. Но после того как он получил смертельную рану и испустил дух, фаланги папы дрогнули и обратили тыл. Воины бежали, обагренные кровью и покрытые ранами. Их гнал и теснил Генрих, который продолжал преследование с еще большим пылом, когда узнал, что Ландульф пал от руки врага. Наконец Генрих остановился и приказал войску передохнуть 153. Затем он вновь вооружился и поспешил к Риму с намерением осадить город. Тут папа вспоминает клятвы Роберта и договор с ним и отправляет к нему послов с просьбой о союзнической помощи. В это же самое время и Генрих, собираясь напасть на древний город Рим, через послов просил союзничества Роберта 154. Оба они, добивающиеся одного и того же, показались Роберту забавными; королю он ответил устно, папе иным образом – написал письмо.

Содержание письма было таково: «Великому первосвященнику и господину моему Роберт, герцог милостью божией. Прослышав о наступлении на тебя врагов, я не очень поверил этому слуху, ибо знаю, что никто не осмелится поднять на тебя руку. Ведь кто, если только он не сошел с ума, выступит против столь великого отца? Что же касается меня, то я, да будет тебе известно, приготовился к тяжелейшей войне с народом, победить который очень трудно. Я собираюсь воевать с ромеями, соорудившими трофеи в честь бесчисленных битв на суше и на море. Тебе же я храню верность в глубине души и, когда будет нужно, докажу ее на деле».

Таким образом отослал он послов обоих просителей: от одних он отделался этим письмом, от других – обманчивыми словами 155.

14. Я не обойду молчанием того, что свершил он, Роберт, в Лонгивардии, прежде чем явился с войском в Авлон. Будучи вообще человеком властолюбивым и жестоким, он в своем безумии уподобился тогда Ироду 156. Не довольствуясь теми воинами, которые с давних пор воевали вместе с ним и знали военное дело, он формирует новое войско, призывая на службу людей всех возрастов. Со всех концов Лонгивардии и Апулии собрал он старых и малых и призвал их к воинской службе. Можно было видеть, как мальчики, юноши, старики, которые и во сне не видели оружия, облеклись тогда в доспехи, держали щиты, неумело и неуклюже натягивали тетиву лука, а когда следовало идти, валились ниц.

Это было причиной неумолчного ропота, который поднялся по всей Лонгивардии; повсюду раздавались рыдания мужчин и причитания женщин, которые разделяли несчастия своих родственников. Одна из них оплакивала никогда не служившего мужа, другая – неопытного в военном искусстве сына, третья – брата, занимавшегося земледелием 157 или каким-либо другим трудом. Как я сказала, Роберт безумствовал, как Ирод или даже больше, чем Ирод, ибо последний обрушил свой гнев только на младенцев, а Роберт – и на детей, и на стариков. Хотя новобранцы были совершенно необучены, Роберт, если можно так сказать, ежедневно упражнял и муштровал их.

Это происходило в Салерно до прибытия Роберта в Гидрунт, куда он заведомо выслал значительное войско, которое должно было ждать его, пока он не устроит все свои дела в Лонгивардии и не даст надлежащие ответы послам 158. Роберт, кроме всего прочего, сообщил папе о том, что приказал своему сыну Рожеру 159, которого вместе с его братом Боритилом 160 назначил правителем всей Апулии, тотчас явиться и оказать необходимую помощь, если только римский престол призовет их на борьбу с королем Генрихом 161. Боэмунду же – младшему из своих сыновей 162 – он приказал с огромным войском вторгнуться на нашу территорию в районе Авлона. Боэмунд был во всем подобен своему отцу, обладая такой же, как и он, смелостью, силой, мужеством и неукротимым духом; он вообще был копией своего отца, живым слепком его природы.

Боэмунд тотчас с угрозами в неудержимом порыве, как молния, напал на Канину, Иерихо и Авлон и, непрерывно сражаясь, грабил и сжигал прилежащие области. Это был воистину едкий дым, предшествующий огню, пролог штурма перед великим штурмом. Их обоих – отца и сына – можно было бы назвать саранчой и гусеницами, ибо все, что оставалось от Роберта, съедал и пожирал его сын Боэмунд 163. Повременим, однако, переправлять Роберта в Авлон: расскажем сначала о его деяниях на противоположном берегу.

15. Отправившись в путь, Роберт прибывает в Гидрунт и проводит там несколько дней в ожидании своей жены Гаиты 164, ибо и она обычно воевала вместе с мужем и в доспехах представляла собой устрашающее зрелище. Когда она явилась, Роберт заключил ее в свои объятия и, вновь выступив со всем войском, прибыл в Бриндизи – самый хороший порт во всей Япигии 165. Он остановился там и с нетерпением ждал, когда соберется все войско и прибудут все корабли: грузовые и большие боевые суда, на которых он решил переправиться на противоположный берег.

Находясь еще в Салерно, Роберт отправил одного из придворных –

Рауля 166 к императору Вотаниату, сменившему к тому времени на престоле самодержца Дуку. Роберт с нетерпением ожидал ответа Вотаниата, которому он через посла высказал свое недовольство и выставил благовидные предлоги для предстоящей войны. Они заключались в том, что Вотаниат, как я уже сообщала, разлучил с женихом дочь Роберта, обрученную с императором Константином, которого Вотаниат лишил власти; поэтому Роберт изображал себя несправедливо обиженным и утверждал, что готовится к защите.

Вместе с тем он отправил великому доместику и эксарху 167 западных войск (а им был мой отец Алексей) дары и письма с предложением дружбы. В ожидании ответов Роберт оставался в Бриндизи. Но прежде чем все войска были собраны и большинство кораблей выведено в море, явился из Византия 168 Рауль, который не принес никакого ответа на послание Роберта. Это еще сильнее разожгло гнев варвара, тем более что Рауль стал приводить ему доводы против войны с ромеями. Вот его главный довод: монах, состоящий при Роберте, – обманщик и шарлатан, который только притворяется императором Михаилом, а вся его история – сплошная выдумка. Рауль утверждал, что видел Михаила в царственном городе после его свержения с престола, что он одет в темный плащ и живет в монастыре. Рауль собственными глазами лицезрел свергнутого императора. Он рассказал также о событиях, случившихся, как он слышал, в то время, когда он находился на обратном пути. А именно: власть захватил мой отец (я расскажу об этом позже), который изгнал из дворца Вотаниата, призвал к себе самого замечательного среди всех людей подлунного мира – сына Дуки, Константина, и сделал его своим соправителем. Рауль услышал об этом по дороге и рассказал Роберту с целью убедить его прекратить подготовку войны. «На каком основании, – говорил он, – мы будем воевать с Алексеем, если причиной несправедливости был Вотаниат, лишивший твою Елену ромейского престола? Ведь зло, причиненное одними, не должно заставить нас начинать вопреки справедливости войну против других, которые не сделали нам ничего плохого. А ведь когда нет справедливой причины для войны, все впустую: и корабли, и оружие, и воины, и военные приготовления».

Такие речи еще больше распалили Роберта. Он пришел в бешенство и готов был избить Рауля. С другой стороны, этот подложный Дука, лжеимператор Михаил (мы называли его Ректором) тоже был раздосадован и не мог сдержать своего гнева, ибо был со всей очевидностью уличен в том, что он вовсе не император Дука, а

самозванец. Будучи и без того рассержен на Рауля за его брата Рожера 169, перебежавшего к ромеям и сообщившего им о подготовке войны, тиран таил злой умысел против Рауля и угрожал ему немедленной казнью. Рауль не пренебрег возможностью бегства и отправился к Боэмунду, у которого он нашел пристанище.

Разыграл представление и Ректор, разразившись страшными угрозами по адресу брата Рауля, перебежавшего к ромеям. Он бил себя рукой по бедру и во всеуслышание вопил, обращаясь к Роберту: «Одного только я прошу: если я получу власть и буду восстановлен на троне, отдай мне Рожера. И если я тотчас не предам его мучительной казни и не распну посреди города, то пусть бог как угодно покарает меня».

Рассказывая об этом, мне следует посмеяться над этими людьми, над их безумием и легкомыслием, а особенно над тем, как они бахвалились друг перед другом. Ведь для Роберта этот обманщик был предлогом, приманкой, как бы некоей видимостью свояка и императора. Он показывал его по городам и призывал к восстанию 170 тех, к кому приезжал и кого мог убедить. В то же время он намеревался, если война пойдет успешно и удача будет сопутствовать ему, поиздевавшись над Ректором, прогнать его в шею; ведь после охоты приманка становится ненужной. Ректор же питался обманчивыми надеждами, рассчитывал на то, что ему повезет и он получит власть, ибо такие вещи нередко происходят совершенно неожиданно. Он рассчитывал крепко держать в своих руках власть, ибо ромейский народ и войско, по его мнению, не допустили бы до императорской власти варвара Роберта, которым Ректор намеревался пока пользоваться как орудием для осуществления своих гнусных замыслов. Сейчас, когда я вожу своим пером при свете лампады и представляю себе все это, я начинаю улыбаться и на моих устах появляется усмешка.

16. Роберт стянул к Бриндизи все свои военные силы: корабли и воинов. Кораблей было сто пятьдесят, количество воинов достигало тридцати тысяч 171. На каждом корабле находилось по двести воинов с оружием и лошадьми в расчете на встречу с вооруженными всадниками противника на другом берегу. С такими силами Роберт должен был направиться к Эпидамну, городу, который мы, по укоренившемуся ныне обычаю, называем Диррахием.

В его намерения входило из Гидрунта переправиться к Никополю 172, захватить Навпакт вместе с прилежащими землями и находившимися вокруг крепостями. Но так как пролив между этими пунктами был шире, чем между Бриндизи и Диррахием, он, выбрав более быстрый путь и

легкое плавание, предпочел 173 отплыть из Бриндизи 174. Ведь стояла зима, солнце двигалось к южным кругам и, приближаясь к созвездию Козерога, сокращало продолжительность дня 175. Даже если бы он вышел из Гидрунта с началом дня, пришлось бы плыть ночью, и, может быть, попасть в шторм. Чтобы избежать этого, Роберт решил на всех парусах отправиться из Бриндизи в Диррахий. Этим он сокращал длину пути, так как Адриатическое море в том месте сужается. Он не оставил сына Рожера наместником Апулии, как намеревался прежде. Не знаю по каким причинам, но он переменил свое решение и взял его с собой. По пути к Диррахию Роберт снарядил отряд, который напал на хорошо укрепленный город Корфу 176 и некоторые другие наши крепости и захватил их. Ожидалось, что Роберт, взяв заложников из Лонгивардии и Апулии и обложив всю страну денежными поборами и данью, прибудет в Диррахий.

Дукой всего Иллирика был тогда Георгий Мономахат 177, назначенный на эту должность самодержцем Вотаниатом. Раньше он отказывался от назначения и вообще не соглашался на исполнение этой службы. В конце концов, однако, согласился из-за варваров-рабов самодержца (это были скифы Борил и Герман), которые испытывали к нему ненависть, постоянно оговаривали его перед самодержцем и возводили на него всякую напраслину 178. Эти рабы до такой степени разожгли против него гнев императора, что Вотаниат, обращаясь к императрице Марии, сказал: «Я подозреваю в этом Мономахате врага ромейского государства».

Об этом услышал алан 179 Иоанн – лучший друг Мономахата. Зная о ненависти скифов и их постоянных наветах, Иоанн явился к Мономахату, передал ему слова как императора, так и скифов и советовал ему позаботиться о своем спасении. Мономахат, будучи человеком умным, приходит к императору, смягчает льстивыми словами его гнев и добивается службы в Диррахии. Отправляясь в Эпидамн, он получил письменный указ о назначении на пост дуки 180 и так как эти самые скифы – Герман и Борил – всячески старались ускорить его отъезд, на следующий день уехал из царственного города в Эпидамн и в область Иллирика.

Однако около места под названием Пиги 181 (там сооружен знаменитый среди храмов Византия храм моей госпожи девы-богоматери) он встречается с моим отцом Алексеем. Они увидели друг друга, и Мономахат начал взволнованно рассказывать великому доместику: изгнанником он стал из-за Алексея и своей к нему дружбы; эти скифы Борил и Герман, которые на все взирают с вожделением, обрушили на него

всю силу своей завистливой ненависти и изгоняют его под благовидным предлогом из круга близких и из милого ему города. Он подробно изложил печальную повесть о том, как его оболгали перед императором, и рассказал, что он вытерпел от этих рабов. Доместик Запада сделал все возможное, чтобы утешить Мономахата. Ведь Алексей умел облегчать отягченные горестями души. В конце концов Мономахат сказал, что бог будет их судьей, попросил Алексея не забывать их дружбу и отправился в Диррахий, предоставив Алексею следовать в царственный город.

По прибытии в Диррахий Мономахат услыхал сразу две новости: о приготовлениях тирана Роберта и о восстании Алексея. Он колебался и обдумывал свое положение, внешне держался враждебно по отношению к обоим, но его замысел был гораздо глубже, чем открытая вражда. Великий доместик письмом сообщил ему о событиях: о том, что он опасался ослепления, что приготовлялось установление тирании и поэтому он поднялся на борьбу с тиранами. Он потребовал, чтобы Мономахат выступил на помощь другу и отправил ему средства, которые он только сможет где-либо для него собрать. «Ибо, – писал Алексей, – мне нужны деньги, без которых ничего нельзя сделать».

Мономахат денег не отправил, но ласково обошелся с послами и вместо денег вручил им письма следующего содержания. Он поныне верен старой дружбе и обещает хранить ее впредь. Что же касается просимых денег, то он и сам страстно желал бы послать Алексею столько, сколько тому надо. «Но справедливая причина удерживает меня от этого. Ведь если я сразу же подчинюсь твоим приказаниям, то тебе самому покажется, что я поступил некрасиво и недоброжелательно по отношению к императору, ведь я назначен императором Вотаниатом и поклялся верно служить ему. Если же высший промысел возведет тебя на престол, то я, как и прежде, буду тебе верным другом и преданным слугой».

Я решительно осуждаю Мономахата, который, набросав такой ответ моему отцу, одновременно заискивал и перед ним (я имею в виду своего отца) и перед Вотаниатом, вступил в еще более откровенные переговоры с варваром Робертом и склонялся к открытому восстанию. Как это характерно для людских нравов, изменчивых и меняющих окраску сообразно обстоятельствам! Для общего дела все такие люди вредны, по отношению же к самим себе они весьма осмотрительны и заботятся только о собственном благе, хотя и в этом большей частью не имеют успеха. Однако конь исторического повествования свернул с дороги, вернем его, вырвавшегося из узды, обратно на прежний путь.

Роберт, который и раньше горячо стремился переправиться на наш

берег и мечтал о Диррахии, теперь особенно загорелся этой идеей, душой и телом рвался он к этой морской экспедиции, торопил и речами подстрекал воинов. Мономахат же, приняв такие меры, позаботился и о другом безопасном убежище для себя. Письмами он добился дружбы эксархов Далмации Бодина и Михаила 182 и подарками приобрел их благосклонность. Этим он как бы отворил для себя разные двери, ибо, если его надежды на Роберта и Алексея не оправдаются и оба они откажутся от него, он тотчас же, как перебежчик, уйдет в Далмацию к Бодину и Михаилу. Ведь если первые станут его врагами, то у него останется надежда и на Михаила и на Бодина, к которым он приготовился перейти в том случае, если Алексей и Роберт станут враждебно относиться к нему.

Но довольно об этом, пора уже обратиться к царствованию моего отца и поведать, как и по каким причинам он вступил на престол. Ведь я решила рассказать не только о том, что он совершил до вступления на престол, но и о том, в чем он преуспел и в чем потерпел неудачу, будучи императором. И я сделаю это, если даже на пути историка мне встретятся лишь одни промахи моего отца. Я не буду щадить его как отца, если встречусь с какими-либо его неудачными действиями. Но я и не буду обходить молчанием его успехи из боязни навлечь на себя подозрение в том, что пишу о нем как дочь об отце. Ведь в обоих случаях я нанесла бы ущерб истине.

Такова, как я неоднократно говорила выше, моя цель, а предметом моего повествования является мой отец – император. Роберта оставим там, куда его привел рассказ, и обратимся к императору, а войны и сражения с Робертом найдут себе место в другой книге.

Книга II

1. Желающих знать, откуда происходил самодержец Алексей и какого он был рода, я отсылаю к сочинениям моего кесаря 183. Оттуда же можно почерпнуть сведения и об императоре Никифоре Вотаниате.

Мануил – старший брат Исаака, Алексея и других детей Иоанна Комнина 184 (моего деда со стороны отца) – был стратигом-автократором всей Азии; на эту должность он был назначен царствовавшим ранее императором Романом Диогеном 185. Что же касается Исаака, то он получил власть дуки Антиохии 186: оба они вели многочисленные войны и соорудили немало трофеев в знак победы над противником. После них стратигом-автократором был назначен мой отец Алексей, которого царствовавший тогда Михаил Дука отправил против Руселя 187.

Император Никифор видел искусство Алексея в военных делах, до него дошли слухи о том, как тот, находясь со своим братом Исааком на Востоке, несмотря на юный возраст, участвовал во многих сражениях и показал себя доблестным воином; знал он и о том, что Алексей одержал верх над Руселем. Поэтому Никифор так же сильно, как и Исаака, полюбил Алексея; он прижимал к груди обоих братьев, ласково смотрел на них, а иногда удостаивал совместной трапезы. Это воспламенило против них зависть, особенно со стороны двух уже упоминавшихся варваров-славян: я говорю о Бориле и Германе. Они злились, видя расположение императора к братьям и то, что те остаются невредимыми под градом стрел ненависти, которые они в них мечут при каждом удобном случае.

Хотя подбородок Алексея еще не покрылся первым пухом, император, видя всесторонние успехи юноши, назначает его стратигом-автократором Запада и дает ему почетный титул проедра. Уже достаточно было сказано о том, какие трофеи он соорудил на Западе, скольких мятежников победил и доставил в плен к императору.

Это-то и не нравилось рабам и еще более распаляло огонь их зависти. Они недовольно ворчали, таили в себе злобу на братьев, часто доносили на них императору, иногда порицали их открыто, иногда клеветали через подставных лиц; они изо всех сил старались любыми способами уничтожить Комниных 188. Очутившись в затруднительном положении, Комнины решили привлечь на свою сторону слуг женских покоев и через них добиться большей благосклонности императрицы. Ведь эти мужи обладали большим обаянием и знали немало средств, чтобы смягчить даже каменные сердца. В этом деле преуспел Исаак, которого еще раньше

императрица избрала в мужья своей двоюродной сестре 189. Исаак отличался необычайным благородством в речах и делах и был очень похож на моего отца. Его дела шли хорошо, и Исаак горячо заботился о брате; насколько Алексей помогал ему раньше в устройстве этого брака, настолько он стремился теперь не допустить, чтобы его брат отдалился от императрицы. Говорят, Орест и Пилад 190 были такими друзьями и так любили друг друга, что во время сражения не обращали внимания на наступающих на них врагов, а защищали друг друга от нападающих; каждый спешил, подставив грудь, принять на себя удары стрел, направленные на другого. Так же вели себя и Комнины. Каждый из братьев стремился первым принять на себя все опасности, но в то же время награды, почести, короче говоря, все удачи, выпадавшие на долю одного, другой считал своими собственными. Такую любовь питали они друг к другу. Так позаботилось божественное провидение об Исааке.

Прошло немного времени, и слуги женских покоев начинают убеждать императрицу усыновить Алексея. Она соглашается с ними, и, когда в назначенный день оба брата явились во дворец, императрица, по установившейся издавна для этих случаев форме, усыновляет Алексея 191. Благодаря этому великий доместик западных войск избавился на будущее от многих забот. С тех пор оба они часто являлись во дворец, совершали, как и полагается, преклонение перед императором 192 и немного погодя проходили к императрице. Это еще более разжигало зависть к ним. Комнины имели много случаев убедиться в этом, боялись попасть в ловушку и лишиться защиты. Поэтому они изыскивали средство, благодаря которому с божьей помощью смогли бы обеспечить себе безопасность. Перебрав совместно с матерью много различных способов, часто и подолгу размышляя об этом, они нашли единственный путь, который, насколько это в силах человека, может привести к спасению: они хотели, воспользовавшись благовидным предлогом, явиться к императрице и раскрыть ей свою тайну. Нося в себе тайный замысел, они никому не открывали своих намерений; они, как рыбаки, боялись спугнуть добычу раньше времени. Дело в том, что Комнины задумали побег, однако остерегались рассказывать о нем императрице, предполагая, что она из страха за императора и за них самих поспешит сообщить об этом Вотаниату. Поэтому они отказались от этого замысла и выработали новый план, ведь они умели весьма искусно пользоваться всеми возможностями, которые были в их распоряжении.

2. Император, неспособный по старости иметь детей, боялся неизбежной смерти и заботился о преемнике. В то время находился при

дворе некий Синадин, уроженец Востока; он происходил из знатного рода, был человеком красивой внешности, глубокого ума и большой силы; Синадин был еще очень молод и ко всему приходился родственником императору 193. Предпочитая этого человека всем другим, император намеревался оставить его преемником престола и передать ему как отцовское наследство свою власть. Это были недобрые намерения. Ведь император мог обеспечить себе безопасность до конца дней своих и вместе с тем поступить по справедливости, оставив самодержавную власть сыну императрицы Константину, которому эта власть принадлежала как наследство от деда и отца. Этим он вызвал бы к себе еще большее доверие и расположение императрицы. Однако старик забылся, замыслил несправедливое и опасное деяние и сам призвал несчастье на свою голову.

Императрица услышала, как люди шептались об этом, и опечалилась, предвидя опасность для своего сына. Находясь в отчаянии, она никому не открывала причину своего горя. Это не укрылось от Комниных и, полагая, что настал удобный случай, которого они искали, братья решили пойти к императрице. Начать беседу Анна Далассина велела Исааку, а его брат Алексей должен был при этом присутствовать. Когда они явились к императрице, Исаак обращается к ней со следующими словами: «Ты выглядишь не так, как вчера и третьего дня, видно, госпожа, тебя обуревают тяжелые раздумья, и ты словно ищешь, кому бы открыть свою тайну». Хоть и не хотела она обнаружить свои заботы, все же с глубоким вздохом ответила: «Не нужно задавать вопросы людям, живущим на чужбине 194, ведь жизнь на чужбине сама по себе для них достаточный источник страданий. Что же касается меня, то, увы, одна беда постигает меня вслед за другой, и что еще ждет меня в ближайшем будущем!». Братья отошли в сторону и больше не возобновляли своих речей; потупив взоры и сложив руки, они постояли немного в задумчивости и, совершив обычное преклонение, в сильном волнении отправились домой.

На следующий день они вновь приходят, чтобы поговорить с ней. Увидев, что императрица смотрит на них веселее, чем прежде, они оба подходят к ней и говорят: «Ты наша госпожа, мы твои преданные рабы, готовые ради твоей царственности на все, что угодно: оставь заботы, которые удручают тебя и грызут твою душу». Этими словами они приобрели доверие императрицы, сняли с себя всякое подозрение и узнали ее тайну; ведь Комнины были людьми зоркими и проницательными, способными из скупых речей извлечь затаенную в них мысль.

Братья тотчас приняли сторону императрицы, красноречиво и открыто объявили себя ее доброжелателями и обещали ревностно

содействовать ей всякий раз, когда потребуется их помощь. Комнины с большой готовностью обещали ей, следуя апостольской заповеди 195, радоваться ее радостям и принимать как свои ее печали. Они просили, чтобы императрица считала их своими друзьями и земляками – людьми из одной с ней земли. К этому они прибавили следующее: если ей самой или самодержцу поступит донос от завистников, пусть Мария не скроет его, чтобы им невольно не попасть в западню врагов. Об этом просили они императрицу и призывали ее не терять присутствия духа, говоря, что с божьей помощью они окажут ей деятельную поддержку и благодаря их содействию ее сын Константин не лишится власти. Комнины пожелали скрепить соглашение клятвами, ибо из-за завистников нельзя было терять времени.

Братья избавились от великой печали, успокоились и с этого времени с более веселыми лицами вели беседы с императором. Оба они, а особенно Алексей, умели притворяться и скрывать тайный замысел. Зависть к ним разгоралась в огромный пожар, но все наветы на них императору, благодаря заключенному ранее соглашению, становились им известны. Комнины узнали, что двое этих могущественных рабов 196 собираются устранить их. Поэтому они перестали, как раньше, ходить во дворец вместе, а каждый являлся в свой день. Это решение было мудрым и достойным Паламеда: если один из них в результате тайных козней могущественных скифов был бы схвачен, другой смог бы бежать, и не попали бы они оба в западни, расставленные варварами.

Таково было их намерение, но развернувшиеся события опрокинули их предположения, и Комниным удалось взять верх над теми, кто злоумышлял против них. Как это произошло, ясно покажет дальнейшее повествование.

3. Когда турки овладели Кизиком, самодержец, узнав о взятии города, сразу же призвал Алексея Комнина. Это был день, когда во дворец должен был идти Исаак. Видя брата, вопреки их соглашению явившегося во дворец, Исаак подошел к нему и спросил, что привело его туда. Алексей тотчас же изложил причину своего прихода: «Потому, – сказал он, – что самодержец призвал меня». И вот они вдвоем вступили во дворец и совершили обычное преклонение.

Так как приближалось время завтрака, император приказал им немного подождать с делами и разделить с ним трапезу. Их разъединили, один сел по левую сторону стола, другой – по правую, так что братья оказались друг против друга. Через некоторое время, внимательно наблюдая за окружающими, они заметили, как те с мрачным видом

перешептываются между собой. Предположив, что рабы что-то замышляют против них и что опасность уже близка, Комнины обменивались тайными взглядами, не зная, что предпринять.

Братья давно ласковыми речами, знаками уважения и всяческим милостивым обхождением расположили к себе всех слуг императора и даже повара заставили приветливо смотреть на себя. К этому повару пришел один из слуг Исаака Комнина и сказал; «Сообщи моему господину о захвате Кизика, оттуда пришло письмо с известием об этом». Подавая кушанье на стол, повар шепотом передал Исааку сообщение слуги. Исаак же в свою очередь, почти не двигая губами, сообщил это известие брату. Алексей, человек наблюдательный и горячий, на лету схватил это сообщение. Оба они вздохнули с облегчением, избавившись от владевшего ими страха. Придя в себя, они стали размышлять о том, какой держать им наготове ответ, если их кто-нибудь спросит о Кизике, и что уместно посоветовать императору, если тот потребует их совета.

Пока братья раздумывали об этом, император, решив, что они ничего не знают, сообщил им о взятии Кизика. Однако Комнины уже были готовы облегчить душевные страдания императора, причиненные опустошением городов, и подняли павший дух самодержца, утверждая, что город легко может быть возвращен, и внушая ему добрые надежды. «Только, – говорили они, – пусть благоденствует твое владычество, а завоевателей города постигнут в семь раз большие беды, чем те, которые они сами причинили». Они привели в восхищение императора; отпустив братьев с пира, он без забот провел остаток дня.

С этого времени Комнины вменили себе в обязанность являться во дворец и еще более ублажать лиц, окружавших императора. Они старались не доставлять своим противникам ни малейшего повода, не давать им никакого предлога для вражды; напротив, они хотели всем внушить любовь к себе и заставить в мыслях и в речах держать их сторону. Они старались еще больше расположить к себе императрицу Марию и утверждали, что живут и дышат только ради нее.

Исаак, благодаря тому что был женат на сестре императрицы, мог весьма свободно разговаривать с Марией. Равно и мой отец по праву кровного родственника, а еще больше по причине славного усыновления, имел доступ к императрице; при этом он не вызывал никаких подозрений и сводил на нет зависть недоброжелателей. Для Алексея не являлись тайной ни ненависть к нему рабов-варваров, ни чрезвычайное легкомыслие императора. Комнины старались не потерять расположения императрицы и не сделаться, таким образом, добычей врагов. Ведь

легкомысленные нравы изменчивы и, как воды Еврипа 197, подвержены приливам и отливам.

4. Рабы видели, что события развиваются вопреки их желаниям, что погубить Комниных не так-то легко, ибо расположение к ним императора растет с каждым днем. Поэтому, мысленно перебрав различные способы, они в конце концов избрали новый путь. Какой же именно? Они собирались как-нибудь ночью, без ведома императора, призвать к себе Комниных, устранить их на основании заведомо ложного обвинения и выколоть им глаза. Это не укрылось от Комниных. После долгих размышлений братья пришли к выводу, что опасность близка, и решили, что у них одна лишь надежда на спасение – восстание, прибегнуть к которому вынуждают обстоятельства. Ведь что толку ждать, пока их глаз коснется раскаленное железо, погасив в них свет солнца? Такая тайная мысль засела им в душу.

Вскоре Алексей получил приказ ввести в город часть войска, которое должно было выступить против агарян 198, разоривших Кизик (Алексей был тогда доместиком Запада). Воспользовавшись этим благовидным предлогом, он письмами вызвал всех преданных ему военачальников вместе с их войсками. Вызванные Алексеем военачальники поспешили в столицу. В то время некий человек, по наущению одного из слуг, а именно Борила, явился во дворец и спросил императора, в согласии ли с его волей великий доместик вводит все военные силы в царственный город. Император тотчас вызвал к себе Алексея и спросил, соответствует ли этот донос действительности. Алексей не отрицал того, что часть войска собирается по его приказанию, но решительно отвергал, что все оно целиком стекается со всех сторон в столицу. «Войско, – сказал он, – расположено в разных местах, и его отряды, получив приказ, отовсюду движутся сюда. Люди же, видя, как отряды прибывают из различных частей Ромейской державы, были обмануты этим зрелищем и решили, якобы здесь по уговору собирается все войско». И хотя Борил приводил много разных доводов против этих слов, Алексей, который говорил убедительнее, склонил всех на свою сторону. Герман же – человек простоватый – не слишком нападал на Алексея.

Так как их наветы на доместика не произвели впечатления на императора, рабы выбрали безопасное время (дело было вечером) и стали готовить Комниным засаду. Вообще рабы по природе своей враждебны господам, когда же козни против господ им не удаются, они, приобретя власть, выступают против своих сотоварищей-рабов и становятся невыносимыми. Что их нрав и характер именно таковы, Алексей Комнин

убедился на примере упомянутых рабов. Ведь они ненавидели Комниных отнюдь не из любви к императору. Борил, как утверждали некоторые, сам мечтал о троне, Герман же был его сообщником и ревностно помогал ему строить козни. Они обсуждали друг с другом свои планы и способы привести их в исполнение и уже открыто высказывали то, о чем раньше говорили вполголоса.

Их беседу подслушал один человек, родом алан, по сану магистр 199, который издавна был близок к императору и принадлежал к числу его домашних 200. В среднюю стражу ночи 201 он выходит из дворца, бежит к Комниным и сообщает обо всем великому доместику. Некоторые же утверждают, что магистр явился к Комниным отнюдь не без ведома императрицы. Алексей приводит магистра к матери и брату. Выслушав это ужасное известие, они решили сделать явным то, что до тех пор сохранялось в тайне, и с божьей помощью позаботиться о своем спасении.

Когда через день доместик узнал, что войско подошло к Цурулу (это город, находящийся во Фракии), он около первой стражи ночи является к Бакуриани 202. Этот человек (говоря словами поэта, он «ростом был мал, но по духу воитель великий» 203) происходил из знатного армянского рода. Алексей сообщает ему обо всем: о ненависти рабов, об их зависти, о давно замышлявшихся против Комниных кознях и об угрожающем им каждое мгновение ослеплении. Алексей говорит, что не следует им как невольникам покорно переносить страдания, но лучше, если нужно, погибнуть в мужественном бою. «Ведь именно так, – прибавил он, – должны поступать великие духом».

Бакуриани выслушал все это. Он понимал, что обстоятельства не позволяют медлить, что надлежит как можно скорее приступить к доблестным делам. Он сказал Алексею: «Если завтра с рассветом ты выступишь отсюда, я последую за тобой и рад буду стать твоим соратником. Если же ты отложишь выступление, знай, я сам тотчас являюсь к императору и, немало не медля, расскажу ему о тебе и твоих сообщниках». На что Алексей: «Я вижу, мое спасение (оно в руках божьих) заботит тебя, я не пренебрегу твоим советом, но для верности обменяемся клятвами». Затем они поклялись друг другу в том, что если бог возведет Алексея на императорский престол, то новый император предоставит Бакуриани пост доместика, которым он сам обладал до того времени.

Выйдя от Бакуриани, Алексей Комнин отправляется к другому славному воину – Умбертопулу 204, сообщает ему о своем намерении, приводит причины, по которым он решил бежать, и призывает стать его

союзником. Умбертопул тотчас соглашается. «В моем лице, – говорил он, – ты будешь иметь человека, готового идти за тебя в огонь и воду». Оба эти мужа были преданы Алексею из-за его необыкновенного мужества, ума и других достоинств. Они также очень любили Алексея за его щедрость и за его постоянную готовность делать подарки (а ведь он не обладал избытком средств) 205. И действительно, Алексей не принадлежал к числу людей хищных, страстно стремящихся к богатству. Щедрость же человека, как известно, оценивается не величиной денежных доходов, а его характером. Человека, который, владея малым, дает в соответствии с тем, что имеет, следует считать щедрым; и мы не отступим от истины, если назовем вторым Крезом, помешанным на золоте Мидасом 206, мелочным человеком, скрягой, скупцом того, кто, имея большое богатство, закапывает его в землю или не предоставляет в надлежащей мере нуждающемуся. Эти мужи давно знали Алексея, как человека, украшенного добродетелью, и поэтому горячо желали вступления его на престол. Алексей же, обменявшись клятвами с Умбертопулом, поспешно отправляется домой и сообщает обо всем своим.

Ночь, в которую мой отец обдумал свой план, была ночью сырного воскресенья 207. Рано утром следующего дня он со своими сообщниками покинул город. По этому случаю народ, которому нравились решительность и ум Алексея, как бы из самих его дел сплел на своем языке песенку в его честь. Эта песенка удачно начинается с описания замысла этого дела, показывает, как Алексей предчувствовал козни против него и что он предпринял в ответ. Вот текст этой песенки: ? ???????? ?? ?????? ??? ’??’ ’?????? ?????? ?? ?? ?? ???????? ? ??? ?? ???? ??????? ??? 208.

Смысл этой певшейся повсюду песенки такой: «В сырную субботу, слава твоему быстрому уму, Алексей! А на следующий после воскресенья день, ты, как летающий высоко сокол, улетел от злоумышляющих против тебя варваров».

5. Еще до всех этих событий мать Комниных Анна Далассина обручила дочь старшего из своих сыновей Мануила с внуком Вотаниата. Опасаясь, как бы его наставник, узнав об их замысле, не донес о нем императору, она придумывает превосходный план. Анна, которая вообще охотно посещала святые храмы, приказывает всем собраться вечером якобы для того, чтобы идти молиться в святые божьи церкви. Все происходит согласно ее приказу. Все, как и обычно, пришли, вывели из конюшен лошадей и сделали вид, что надевают на них подходящие для женщин седла. В это время внук Вотаниата вместе со своим наставником спал в отведенных им особых покоях.

В первую стражу ночи Комнины закрыли ворота; готовые уже вооружиться и выступить на конях из царственного го рода, они вручили матери ключи и бесшумно закрыли двери дома, в котором спал Вотаниат – жених ее внучки; при этом они неплотно сдвинули створки, чтобы стуком не разбудить спящего. Во всех этих приготовлениях прошла большая часть ночи. Раньше чем пропели первые петухи, они распахнули ворота, взяли с собой мать, сестер, жен и детей и все вместе пешком добрались до площади Константина 209. Оттуда, попрощавшись с женщинами, они быстро побежали к Влахернскому дворцу 210, а те поспешно отправились к храму великой Софии 211.

В это время проснулся наставник Вотаниата. Узнав о случившемся, он с факелом в руках отправился за беглецами и немного не доходя храма Сорока святых 212 настиг их. Увидев его, Далассина, мать благородных сыновей, сказала: «Мне стало известно, что нас оговорили перед императором. Я иду в святую церковь, чтобы воспользоваться, пока это возможно, ее убежищем. Оттуда на рассвете я отправлюсь в императорский дворец. Поэтому иди и, когда стражи будут открывать ворота, сообщи им о нашем приходе». Наставник тотчас отправился согласно приказу, а беглянки поспешили к церкви святителя Николая, которую до сих пор обычно называют «Убежищем» 213. Этот храм расположен вблизи Великой церкви и был когда-то давно сооружен для спасения обвиняемых. Он являлся как бы частью большого святилища, и наши предки, как я думаю, построили его для того, чтобы всякий подвергшийся обвинению, если он только успел войти в храм, освобождался от наказания, полагающегося ему по законам 214. Ведь древние императоры и кесари с большой заботливостью относились к своим подданным. Сторож храма сразу не открыл им двери, а стал выяснять, кто они и откуда пришли. Один из находившихся с ними слуг ответил: «Это женщины с Востока, они истратили все свои средства и, желая вернуться домой, спешат совершить преклонение». Сторож сразу же отворил ворота и позволил им войти.

На следующий день самодержец созвал синклит и, уже зная о поступке Комниных, выступил против них с соответствующей речью и обрушился с нападками на доместика. В то же время он посылает к женщинам двух человек: Страворомана 215 и некоего Евфимиана и призывает беглянок явиться во дворец. Но Далассина ответила посланцам императора: «Передайте самодержцу следующее: дети мои – верные рабы твоей царственности, они ревностно служат тебе во всем, не жалеют ни души, ни тела и всегда готовы на любой риск ради твоего владычества.

Однако зависть людей, которые не выносят расположения и заботы, проявляемых к моим сыновьям твоей царственностью, ежечасно подвергала их большой опасности. Поэтому, узнав, что злоумышленники решили выколоть им глаза, они, не желая подвергаться столь несправедливому наказанию, ушли из города. Они сделали это не как мятежники, а как твои верные слуги, которые избегают нависшей над ними опасности, вместе с тем сообщают твоему владычеству о кознях против них и просят помощи у твоей царственности».

Послы с большой настойчивостью продолжали звать Анну с собой. Тогда эта женщина пришла в негодование и сказала им: «Позвольте мне войти в божью церковь и помолиться. Ведь нелепо было бы, достигнув ворот церкви, не войти в нее и не воспользоваться заступничеством непорочной владычицы – божьей матери перед богом и душой императора». Послы уважили законную просьбу этой женщины и позволили ей войти.

Анна ступала медленным шагом, словно обессиленная старостью и горем, а вернее притворяясь обессиленной; она приблизилась к входу в святой алтарь, два раза преклонила перед ним колена, а на третий опустилась на землю, крепко ухватилась за святые врата и закричала: «Если мне только не отрубят руки, я не выйду из этого священного храма, пока не получу в качестве залога безопасности крест от императора». Страворома вынул крест, который носил на груди 216, и протянул ей. На что она: «Не от тебя прошу я ручательство, а требую защиты у самого императора. Я хочу получить не просто маленький крестик, но крест большого размера» (она требовала его, чтобы иметь очевидное доказательство клятвенного ручательства императора, ведь если бы обещание было дано под залог маленького крестика, большинство людей даже не узнало бы о нем). «Я взываю к суду и состраданию императора, идите и сообщите ему об этом».

В это время ее невестка 217 – жена Исаака (она успела войти в храм, как только ворота открылись для утренней службы) сняла покрывавшую ее лицо вуаль и сказала послам: «Сама она, если хочет, пусть идет, мы же без ручательств не выйдем из святилища, если даже нам будет угрожать смерть». Послы видели упорство женщин, которые стали обращаться с ними еще более дерзко, чем раньше; боясь, как бы не вспыхнул скандал, они ушли и сообщили обо всем императору.

Он же, по природе человек добрый, был тронут словами женщины, отправил ей требуемый крест и дал все ручательства. Когда Анна вышла из святой божьей церкви, он приказал заключить ее вместе с дочерьми и

невестками в женском Петрийском монастыре 218, что близ Железных Ворот 219. Кроме того, он вызывает из Влахернского храма, построенного в честь госпожи нашей божьей матери 220, свояченицу Анны – невестку кесаря Иоанна (протовестиариссу по сану) 221 и приказывает ей также находиться в упомянутом Петрийском монастыре. Император приказал также хранить в неприкосновенности все их погреба, амбары 222 и сокровищницы.

Каждое утро обе женщины подходили к сторожам и спрашивали, нет ли каких-нибудь вестей от детей. Те стражи, которые с большей доброжелательностью относились к ним, рассказывали обо всем, что слышали. Протовестиарисса, женщина добрая и щедрая, желала привлечь на свою сторону сторожей и разрешила им брать из ее продуктов то, что они пожелают, ведь император позволил беспрепятственно доставлять женщинам все необходимое. С этого времени стражи стали с большой готовностью передавать вести, обо всем им сообщали и все действия Комниных становились известными женщинам.

6. Это о женщинах. Мятежники же достигли ворот, находящихся у переднего вала Влахерн 223, разбили замки и бесстрашно вошли в императорские конюшни. Часть коней они оставили там, предварительно по самые бедра мечом отрубив им задние ноги; часть же показавшихся им получше они взяли себе. Оттуда они вскоре прибыли в расположенный вблизи столицы монастырь, называвшийся Космидием 224.

Скажу между прочим, для большей ясности повествования, что они застали там упомянутую выше протовестиариссу; до того, как я уже говорила об этом, ее вызвал к себе император. Покидая монастырь, они попрощались с ней, а также убедили Георгия Палеолога 225 примкнуть к ним и заставили его отправиться вместе с ними. Ведь Комнины ранее не посвятили его в свои планы, ибо питали обоснованные подозрения к этому мужу. Дело в том, что его отец 226 был человеком чрезвычайно преданным императору и поэтому было небезопасно обнажать перед Георгием план восстания. Сначала Палеолог не соглашался и очень противился предложениям братьев. Он был очень обижен тем, что Комнины проявили к нему недоверие 227 и, поздно, как говорится, спохватившись, зовут его к себе 228. Но после того, как протовестиарисса, его теща, стала настойчиво принуждать Палеолога выступить вместе с мятежниками и пригрозила ему, он стал сговорчивее. К тому же его заботила судьба обеих женщин: его жены Анны и тещи Марии, которая вела свой род из болгарской знати 229 и отличалась такой красотой и соразмерностью частей и форм своего тела, что, казалось, в то время не

было женщины красивее ее. Ее судьба равно беспокоила как Палеолога, так и Алексея. Сообщники Алексея были согласны между собой в том, что женщин следует забрать из этого места, но в то время как Палеолог хотел перевести их в богородичный храм во Влахернах, другие считали необходимым отправить их в какую-нибудь крепость. Восторжествовало мнение Георгия. Взяв женщин с собой, они покинули Космидий и поручили женщин покровительству святейшей матери вседержащего Слова.

Затем они вернулись назад и стали думать, что делать дальше. Палеолог сказал им: «Вы идите, я же возьму свое имущество и вскоре догоню вас» (все движимое имущество Палеолога хранилось в этом монастыре). Они без промедления пустились в путь. Палеолог же погрузил свое имущество на принадлежавших монахам вьючных животных и отправился вслед за Комниными. Вместе с ними он беспрепятственно добрался до фракийского селения Цурула 230, где все счастливо соединяются с войском, прибывшим туда по приказу доместика.

Обо всем случившемся они решили сообщить кесарю Иоанну Дуке, который находился тогда в своих собственных владениях в Моровунде, и отправили к нему посла с сообщением о восстании.

Вестник прибыл туда на рассвете, остановился у порога дома и стал спрашивать кесаря. Его увидел внук кесаря Иоанн, мальчик, не достигший еще юношеского возраста и потому постоянно находившийся при кесаре 231. Быстро вбежал он к кесарю, разбудил его и сообщил о восстании. Иоанн был поражен услышанным, дал внуку пощечину и, запретив заниматься болтовней, выгнал вон. Прошло немного времени, и тот снова вернулся, принес деду ту же весть и передал ему письмо Комниных. В этом письме содержался тонкий намек на восстание: «Мы приготовили, – сообщали они, – очень хорошее кушанье с приправой; если ты хочешь разделить с нами угощение, приходи как можно скорее принять участие в пире». Кесарь приподнялся на ложе, оперся на правую руку и приказал ввести человека, явившегося от Комниных. Когда тот рассказал ему все, кесарь с возгласом «горе мне» закрыл лицо руками. Некоторое время он теребил свою бороду, как человек напряженно обдумывающий что-либо, и, наконец, принял решение участвовать в восстании Комниных.

Он сразу же вызвал к себе конюшенных, сел на коня и отправился по дороге к Комниным. По пути он встретил некоего византийца 232, который вез с собой большой кошель золота и направлялся к столице. Кесарь спросил его гомеровскими словами: «Кто ты, откуда ты, смертный 233?» Узнав, что тот везет много золота, полученного от сбора налогов, и

переправляет его в казну 234, кесарь стал принуждать византийца остаться ночевать вместе с ним и обещал, что днем тот пойдет куда захочет. Хотя византиец сопротивлялся и сердился, кесарь все больше настаивал и, в конце концов, убедил его, ведь Иоанн обладал бойким языком и искусным умом, а убедительностью своих речей мог сравниться с Эсхином и Демосфеном.

Кесарь взял с собой этого человека, вместе с ним остановился на ночлег в одном домике и всячески выказывал ему свое расположение: пригласил к своему столу, позаботился о его отдыхе. Таким образом ему удалось удержать при себе этого мужа. Под утро, перед самым восходом солнца, византиец, торопясь отправиться в Византий, стал седлать коней. Увидев это, кесарь сказал ему: «Оставь это, поедем вместе со мной». Византиец же не зная, куда тот едет, и понятия не имел о причинах, по которым кесарь удостаивал его такой милости. Поэтому он был недоволен и с подозрением отнесся как к кесарю, так и к милости кесаря. Последний, однако, настойчиво увлекал за собой византийца. Тот не повиновался, и кесарь, изменив тон, в более суровых выражениях стал грозить византийцу наказанием, если тот не исполнит его приказа. И так как византиец упорно отказывался повиноваться, кесарь приказал все имущество этого человека вместе со своим собственным погрузить на своих вьючных животных и продолжал путь; византийцу же он предоставил право идти, куда тому вздумается. Тот решительно отказался от мысли идти во дворец, ибо опасался, что его арестуют, как только служащие императорской казны увидят его, явившегося с пустыми руками, возвращаться же назад он не хотел из-за смятения и неразберихи, возникших в результате начавшегося восстания Комниных. Таким образом, помимо своей воли византиец последовал за кесарем.

Далее обстоятельства складываются следующим образом. На своем пути кесарь встретил турок, которые как раз переправлялись через реку Гебр 235. Осадив коня, он стал расспрашивать их, откуда и куда они идут. Затем кесарь обещает им много денег и всевозможные милости, если они отправятся вместе с ним к Комнину. Турки соглашаются на это. Кесарь потребовал от турецких военачальников клятву, чтобы скрепить договор. Они сразу же на свой манер дали клятву в том, что будут верными союзниками Комнину. После этого кесарь берет с собой турок и отправляется к Комниным.

Комнины, еще издали увидев его, пришли в восторг от своего нового улова. Оба они, а особенно мой отец Алексей, от радости не знали, что делать. Алексей вышел навстречу кесарю, обнял его и расцеловал.

Что же дальше? По совету и настоянию кесаря, они отправились по дороге, ведущей к столице. Жители всех селений переходили на их сторону и провозглашали Алексея императором. Исключение составили лишь жители Орестиады; из-за того что Алексей в свое время захватил Вриенния, они издавна враждебно к нему относились и теперь держали сторону Вотаниата 236. И вот мятежники, прибыв в Афиру 237 и отдохнув, на следующий день выступили оттуда и прибыли в Схизы (это фракийская деревня), где расположились лагерем.

7. Все были в приподнятом настроении, с нетерпением ожидали будущего и страстно желали стать свидетелями вступления на трон того, на кого они возлагали столько надежд. Большинство хотело видеть на престоле Алексея, но не дремали и сторонники Иоанна, которые привлекали на свою сторону всех, кого только можно. Противоречия, казалось бы, были непримиримы: одни желали, чтобы кормило императорской власти взял Алексей, другие – Исаак.

Вместе с ними находились тогда родственники Алексея: упомянутый выше кесарь Иоанн Дука, человек, который был мудр в советах и ловок в делах (я имела случай видеть его немного 238), Михаил и Иоанн 239 – его внуки и их шурин Георгий Палеолог. Помогая друг другу, они старались всех сделать своими единомышленниками, применяли все средства и пользовались всевозможными уловками, для того чтобы провозгласить императором Алексея. В результате они всех сделали своими единомышленниками, и число сторонников Исаака мало-помалу стало уменьшаться. Ведь где бы ни был кесарь Иоанн, ему никто не мог противостоять, никто не мог сравниться с ним в величии духа, росте и подобающей властителю внешности.

Что только не делали Дуки! Чего они только не говорили! Каких только благ они не обещали военачальникам и всему войску, если Алексей достигнет императорской власти! Они говорили, например, следующее: «Алексей наградит вас большими дарами и высокими почестями в соответствии с заслугами каждого, а не так, как поступают невежественные и неопытные военачальники, награждающие своих воинов как придется. Ведь он уже долгое время ваш стратопедарх и великий доместик Запада, он разделяет ваши тяготы, храбро сражается вместе с вами в засадах и рукопашных битвах, не жалеет ради вас ни плоти своей, ни рук, ни ног, ни самой жизни; он часто проходил с вами через горы и равнины, знаком с тяготами битвы, хорошо знает всех вас вместе и каждого в отдельности и, будучи сам любезен Арею, чрезвычайно любит храбрых воинов». Так говорили Дуки.

В то же время Алексей удостаивал Исаака больших почестей, во всем оказывал ему предпочтение, делая это или из братской любви или, скорее, другой причине, о которой следует поведать. Все войско перешло на сторону Алексея Комнина и побуждало его взять в свои руки императорскую власть, к Исааку же воины не питали ни малейшей склонности 240.

Алексей обладал властью и силой и поэтому, видя, что события развиваются согласно его ожиданиям, утешал брата, вселяя надежду на императорскую власть. Ведь он ничего не терял оттого, что, будучи сам вознесен до высших степеней всем войском, на словах улещал брата и делал вид, будто уступает ему власть.

Время проходило в этих спорах, и вот наконец войско собралось у палатки; все воины находились в сильном волнении, и каждый мечтал об исполнении своих желаний. Тогда поднялся Исаак, взял в руки пурпурную сандалию 241 и стал пытаться обуть брата. Так как тот все время отказывался, Исаак сказал: «Позволь мне сделать это, с твоей помощью хочет бог восстановить могущество нашего рода». Он напомнил затем о прорицании, данном Алексею одним человеком, который появился перед ними где-то около Карпиан 242, когда оба брата возвращались домой из дворца. Когда Комнины дошли до этого места, им повстречался некий муж – посланец высших сил или во всяком случае человек, наделенный необыкновенным даром предвидения. По виду этот муж казался священником: у него была обнаженная голова, седые волосы и косматая борода. Стоя на земле, он обхватил колено сидящего на коне Алексея, привлек его к себе и на ухо произнес ему следующее место из псалма Давида: «Поспеши: воссядь на колесницу ради истины, кротости и правды» 243, и добавил к сказанному: «О, самодержец Алексей». Произнеся эти слова как предсказание, он бесследно исчез. Алексей не мог остановить этого человека, хотя и озирался по сторонам, чтобы увидеть его, и во весь опор бросился вслед, желая догнать его и точнее узнать, кто он и откуда. Однако явление исчезло бесследно. Когда Алексей вернулся, брат Исаак стал упорно его расспрашивать об этом человеке и просил раскрыть тайну. Исаак настаивал, Алексей же сначала делал вид, что не хочет говорить, но затем открыл столь таинственным образом сообщенное ему.

Публично и в разговорах с братом Алексей утверждал, что эти слова – обман и выдумка, но сам думал об этом священном муже и в душе уподоблял его Богослову – сыну грома 244.

Так как Исаак понял, что прорицания старика близки к

осуществлению, он настаивал и силой надел красные сандалии на ноги Алексея; он сделал это еще и потому, что видел, как горячо все войско было предано Алексею. Затем Дуки начали славословие 245; они поддерживали Алексея по многим причинам, а особенно потому, что одна из их рода – Ирина сочеталась с ним законным браком. Славословия с готовностью подхватила их родня. Остальное войско также присоединилось и вознесло свои голоса чуть не до самого неба. Можно было наблюдать тогда странное явление: те, кто прежде расходился во мнениях и предпочитал скорее умереть, чем обмануться в своих ожиданиях, в одно мгновение стали так единодушны, что не осталось и следа от прежнего разлада 246.

8. В то время как все это происходило, распространился слух о том, что Мелиссин 247 во главе большого войска достиг Дамалиса 248, принимает славословия, как император, и уже облекся в пурпурные одежды. Комнины сначала не поверили этому сообщению. Однако Мелиссин сам узнал о действиях Комниных и отправил к ним послов, которые при прибытии вручили письмо следующего содержания: «С божьей помощью я благополучно дошел вместе со своим войском до Дамалиса. Узнал я и о случившемся с вами, о том, как вы, благодаря божественному провидению, избежали злого умысла и интриг рабов и позаботились о своей безопасности. Я с божьего соизволенья прихожусь вам родственником и – это известно высшему судье – богу, – по склонности и постоянному к вам расположению не уступаю никому из близких вам по крови. Поэтому давайте сообща рассудим, каким образом обеспечить себе безопасность, чтобы мы не носились по воле волн, а хорошо управляли государственными делами и могли ступать по твердой почве. Это нам удастся в том случае, если вы с божьей помощью захватите столицу и, после того как один из вас будет провозглашен императором, станете управлять делами Запада. Мне же вы должны дать в удел Азию, я буду носить венец и пурпур, буду, согласно императорскому ритуалу, провозглашен вместе с тем из вас, кто будет провозглашен, мне должно воздаваться общее с ним славословие. И хотя нам придется распоряжаться разными землями и делами, наша воля будет едина. Если мы так сделаем, то будем вдвоем без всяких раздоров управлять империей» 249.

Вот что сообщили послы. Однако они не получили тогда исчерпывающего ответа. На следующий день Комнины пригласили их к себе и привели много доводов в доказательство неосуществимости предложения Мелиссина. Комнины обещали послам в ближайшее время познакомить их со своим решением через Георгия Мангана, чьим заботам

послы были доверены. Между тем Комнины отнюдь не пренебрегали осадой, а насколько было возможно обстреливали и атаковали стены города.

На следующий день Комнины призвали к себе послов и объявили им свое решение. Оно заключалось в следующем: возвести Мелиссина в сан кесаря, удостоить его короны, славословия и всего прочего, что подобает этому сану 250, и отдать ему главный город Фессалии (в этом городе воздвигнут прекрасный храм великомученика Димитрия, из священного гроба которого постоянно стекает миро, чудесно исцеляющее всех, кто является к нему с верой) 251. Послы были недовольны таким ответом, ибо их предложения не были приняты. В то же время они видели, что Алексей усиленно готовится захватить город, что под его командованием находится огромное войско, а у них самих уже остается мало времени. Они боялись, как бы Комнины, осмелев после взятия города, не отказались исполнить то, что обещают сейчас, и поэтому попросили изложить эти обещания в письменном виде в подписанном красными буквами хрисовуле 252.

Новоявленный император Алексей согласился с этой просьбой, тотчас призвал к себе Георгия Мангана, который исполнял у него также обязанности секретаря 253, и поручил ему составить хрисовул. Тот в течение трех дней под разными предлогами оттягивал исполнение этого поручения: то он говорил, что устал за целый день и ночью не смог окончить грамоты, то – что написанное им ночью сгорело от упавшей искры. Выставляя эти и другие предлоги и как бы мороча голову 254, он всеми способами затягивал дело.

Между тем Комнины выступили и скоро достигли так называемых Арет 255. Это место находится вблизи города, возвышается над равниной и тем, кто стоит внизу и смотрит на него, кажется холмом. Одна сторона его обращена к морю, другая – к Византию, две остальные – к северу и западу; этот холм обдувается всеми ветрами, там прозрачная ключевая вода, но нет никаких деревьев и растений, так что, глядя на него, можно подумать, будто лесорубы оголили этот холм. Самодержец Роман Диоген выбрал это место из-за его красоты и мягкого климата и соорудил там пышные и вместительные покои, предназначенные для кратковременного отдыха. По прибытии туда Комнины отправили отряды с приказом атаковать стену не гелеполами, осадными машинами или камнеметными орудиями 256 (на это у них не было времени), а силами пельтастов, метателей стрел, копьеносцев и катафрактов.

9. Вотаниат видел, что мятежное войско огромно, состоит из

разноплеменных отрядов и к тому же приближается уже к городским воротам. Он видел также, что Никифор Мелиссин, который обладал не меньшими силами, чем Комнины, уже достиг Дамалиса и равным образом домогается власти. Вотаниат не знал, что ему делать, и не мог бороться на два фронта, ибо от старости кровь его остыла и он стал боязливым, хотя в юности и отличался большим мужеством. И тем только он еще дышал, что находился под защитой стен, и все больше склонялся к мысли отречься от престола. Да и все граждане были охвачены смятением и паникой, и им казалось, что город уязвим со всех сторон.

Захват города представлялся Комниным нелегким делом (их войско состояло из различных чужеземных отрядов и из местных жителей, а где собирается разноплеменная толпа, там возникают разногласия). Поэтому только что обувший императорские сандалии Алексей, который знал неприступность города и опасался вероломства своих воинов, склонился к другой мысли: он решил лестью и обещаниями привлечь на свою сторону кого-нибудь из городской стражи и, как бы похитив их расположение, захватить город. Целую ночь думал он над этим планом, а наутро явился в палатку кесаря 257, поделился с ним своим замыслом и просил пойти вместе с ним, чтобы обследовать наружные и внутренние стены и посмотреть на стражу, которая состояла из воинов разных национальностей, и выяснить, как можно захватить город,

Кесарь с неудовольствием встретил этот приказ, ибо он только недавно постригся в монахи 258 и понимал, что станет предметом насмешек стоящих на стенах воинов, если только приблизится к городу. Так и случилось. Когда он вопреки своей воле последовал за Алексеем, воины тотчас со стены заметили его и стали кричать ему: «Авва» 259, прибавляя и другие обидные прозвища. Кесарь нахмурил брови и, хотя был в душе уязвлен, не обращал на них никакого внимания и думал только о своей задаче. Ведь люди твердого характера обыкновенно сосредоточивают свое внимание на поставленной цели и пренебрегают всем происходящим вокруг. Кесарь выяснил, какие воины охраняют каждую башню; он узнал, что в одном месте стоят так называемые бессмертные (это специальный отряд ромейского войска), в другом – варяги из Фулы 260 (так я называю вооруженных секирами варваров), в третьем – немцы 261 (это варварский народ, издавна подвластный Ромейской империи). Кесарь сказал Алексею, что не советует ему обращаться ни к варягам, ни к бессмертным. Ведь эти последние – земляки императора 262, они, естественно, преданы ему и скорее расстанутся с жизнью, чем замыслят против него зло. Что же до варягов, носящих мечи

на плечах, то они рассматривают свою верность императорам и службу по их охране как наследственный долг, как жребий, переходящий от отца к сыну; поэтому они сохраняют верность императору и не будут даже слушать о предательстве. Если же Алексей попытается обратиться к немцам, то будет недалек от достижения своей цели и ему удастся войти в город через башню, которую они охраняют.

Алексей согласился с кесарем и воспринял его слова как глас божий. Он отправил своего человека, чтобы тот, стоя у основания стены, постарался вызвать предводителя немцев. Последний выглянул сверху и после длительных переговоров согласился немедленно предать город 263. Когда возвратился воин с этой вестью и люди Алексея услышали такую неожиданную новость, они очень обрадовались и стали с большим усердием седлать коней.

10. Тем временем послы Мелиссина с большой настойчивостью требовали обещанного им хрисовула. Тотчас Мангану был отдан приказ доставить его. Последний сказал, что хрисовул уже составлен, но что, мол, утеряны специальная чернильница и перо, необходимые для императорской подписи. Этот Манган был человеком скрытным, одаренным способностью легко предвидеть будущее, извлекать выгоду из прошлого и точно оценивать настоящее положение вещей; он умел до каких угодно пределов откладывать то или иное дело, а при желании мог и вообще похоронить его. Так и теперь Манган откладывал составление хрисовула, чтобы держать Мелиссина в ожидании. Он боялся, что если раньше чем нужно отправить Мелиссину грамоту, утверждающую за ним достоинство кесаря, то тот откажется от этого сана, будет всеми силами домогаться, как он сообщал об этом Комниным, императорской власти и отважится на какую-либо дерзость. Хитрости и уловки Мангана заключались в том, чтобы оттягивать составление хрисовула на сан кесаря.

Таким образом развивались события, и близилось уже время вступления в город. Между тем, послы, которые догадывались об интригах, еще более настойчиво стали требовать хрисовул. На это Комнины ответили им: «Город, можно считать, находится уже в наших руках, и мы идем, чтобы с божьей помощью овладеть им; вы же отправляйтесь и сообщите об этом своему властителю и господину. Передайте также ему следующие наши слова: „Если все произойдет так, как мы надеемся, и ты явишься к нам, то все хорошо устроится согласно нашей и твоей воле“». Вот что Комнины сказали послам. Тем временем они послали Георгия Палеолога к предводителю немцев Гилпракту, чтобы выяснить его настроение. Если окажется, что Гилпракт готов, как и

обещал, принять Комниных, Георгий должен дать условный сигнал, по которому Комнины устремятся в город, самому же Георгию надо быстро подняться на башню и открыть им ворота.

Георгий с радостью согласился идти к Гилпракту, ибо был человеком, всегда готовым к ратным делам и разорению городов; его вполне можно было бы назвать «сокрушителем стен», как Гомер именует Арея.

Между тем Комнины вооружились, с большим искусством построили войско в боевые порядки и медленно отдельными отрядами стали двигаться к городу. Георгий Палеолог подошел вечером к городской стене, получил условный сигнал от Гилпракта и поднялся на башню вместе со своими спутниками. Воины Алексея приблизились к стенам, поставили частокол и удобно расположились лагерем. Там они провели небольшую часть ночи. Затем Комнины встали в центр фаланги, где находились отборные конники и лучшие воины, построили легковооруженное войско и начали пешим строем продвигаться вперед.

На рассвете все вместе остановились перед самыми стенами города. Построенные в боевые порядки воины стояли в полном вооружении, чтобы устрашить оборонявших город. Когда Палеолог сверху подал сигнал и открыл им ворота, воины, смешав ряды и нарушив строй, кто как мог вошли в город, неся с собой щиты, луки и копья.

Это происходило в великий четверг (день, когда мы жертвуем и вкушаем тайную пасху) четвертого индикта 6589 года, в апреле 264. Все войско, состоявшее из чужеземцев и местных жителей и собравшееся как из наших, так и из соседних земель, знало, что город с давних пор изобилует всевозможными богатствами, которые постоянно поступают туда с суши и моря. Поэтому воины, быстро войдя через Харисийские ворота 265 в город, рассеялись во все стороны по улицам, перекресткам, переулкам и, не щадя ни домов, ни церквей, ни заповедных святилищ, стали отовсюду выволакивать богатую добычу. Они воздерживались только от убийств, все же остальное творили с бесстыдной дерзостью. Хуже всего было то, что сами коренные ромеи не устранились от грабежа; как бы забывшись и изменив в худшую сторону свои нравы, они без краски стыда делали то, что и варвары 266.

11. Видя все это, император Никифор понимал, в каком трудном положении он оказался: с запада город был осажден, а на востоке Никифор Мелиссин уже разбил свой лагерь на Дамалисе. Не зная, что делать, император склонился к тому, чтобы передать власть Мелиссину. Когда Комнины уже осадили город, Никифор призвал к себе одного из своих наиболее верных слуг и приказал ему на корабле доставить во дворец

Мелиссина. Вместе с этим слугой Никифор отправил одного очень храброго спафария 267. Однако прежде чем слова Никифора были претворены в дело, город пал.

Палеолог взял с собой слугу, пешком спустился к берегу моря. Увидев там легкое судно, он тотчас взошел на него и приказал гребцам грести туда, где обычно стоял на якоре флот. Уже приближаясь к противоположному берегу 268, Палеолог заметил, как человек, отправленный за Мелиссином, приводит в готовность флот, а на одном из военных кораблей он увидел спафария. Последнего Георгий узнал еще издали, ибо давно был с ним знаком. Поравнявшись с кораблем, Палеолог обратился к спафарию с обычным приветствием и спросил, откуда и куда тот плывет, а затем попросил взять его с собой. Спафарий же, видя у Георгия меч и щит, с опаской ответил: «Не будь ты вооружен, я с радостью принял бы тебя». Палеолог с готовностью обещал снять с себя щит, акинак и шлем, если только тот пожелает взять его с собой. Как только спафарий увидел, что Георгий сложил с себя оружие, он сразу же разрешил ему взойти на корабль и с радостью заключил в свои объятия. Палеолог же – человек весьма решительный – немедля приступил к делу. Он бросился на нос корабля и обратился к гребцам с такими вопросами: «Что, – говорил он, – вы делаете? Куда вы плывете, сами навлекая на свою голову величайшие беды? Город, как вы видите, захвачен. Тот, кто был ранее великим доместиком, ныне провозглашен императором. Вы видите его воинов и слышите славословия. Во дворце не будет места ни для кого другого. Вотаниат – доблестный муж, но намного доблестнее Комнины. Велико войско Вотаниата, но наше во много раз больше. Не следует вам поэтому пренебрегать своими жизнями, женами и детьми. Взгляните на город и вы увидите, что все войско и все знамена уже находятся внутри него, прислушайтесь к громким славословиям – это бывший великий доместик, ныне император, приближается к дворцу и уже принимает знаки самодержавной власти. Так поверните же корабль, перейдите к императору и сделайте его победу полной».

Гребцы вняли этим словам и согласились с Палеологом. Спафарий выразил было неудовольствие, но вооруженный мечом Георгий Палеолог пригрозил, что, заключив в оковы, бросит его на палубу или же скинет в море.

Палеолог начал славословия, к нему присоединились и гребцы. Спафария же, который протестовал и отказывался совершать славословия, он заключил в оковы и оставил лежать на палубе. Когда они проплыли немного дальше, Палеолог взял в руки акинак и щит, привел корабль к

тому месту, где находился флот, и заставил всех славословить Алексею. Там застал он человека, которого Вотаниат послал взять флот и переправить Мелиссина. Палеолог тотчас арестовал его и приказал матросам отшвартовываться. Затем он вместе с флотом отплыл и прибыл к акрополю 269, где совершил громкое славословие. Гребцам же он приказал опустить весла и стоять на месте, чтобы отразить все попытки переправиться с востока.

Вскоре Георгий заметил корабль, который причаливал к Большому дворцу 270; приказав гребцам своего корабля налечь на весла, он догоняет это судно. На нем Палеолог увидел своего собственного отца. Поднявшись на корабль, он, как и полагается детям, совершил преклонение перед родителем. Однако отец без радости взглянул на сына и не назвал его «светом очей своих», как это сделал некогда итакиец Одиссей, увидев Телемаха 271. Ведь там были пир, женихи, состязание, тетива, лук, в качестве награды победителю – целомудренная Пенелопа, и Телемах приходил не как враг, а как сын, помогавший отцу. Здесь же, напротив, сражение, война и сын с отцом, враждебные друг другу. Хотя их мысли еще и не претворились в дело, каждый из них хорошо знал о настроении другого. Назвав сына глупцом, отец спросил: «С какой целью явился ты сюда?» На что тот ответил: «Так как спрашиваешь об этом ты, мой отец, то ни с какой». А отец ему: «Подожди немного, если император послушает моего совета, то ты вскоре узнаешь».

Упомянутый Никифор Палеолог прибыл во дворец, где увидел, что воины мятежников рассеялись в разные стороны и занимаются грабежом. Поэтому он решил, что ему не составит труда одолеть их, и попросил Вотаниата дать ему варваров с острова Фулы 272, намереваясь с их помощью изгнать из города Комниных. Вотаниат, который потерял всякую надежду спасти свое положение, сделал вид, что не хочет возникновения междоусобной войны. «Если хочешь послушаться меня, – сказал он Никифору, – то иди к Комниным, которые уже находятся в стенах города, и предложи им мир». Никифор пошел, хотя и без всякого желания.

12. Тем временем Комнины вступили в город и, уверенные в победе, остановились на поле святого великомученика Георгия Сикеота 273, обсуждая вопрос о том, следует ли им отправиться сначала к своим матерям, совершить полагающееся преклонение и лишь после этого идти во дворец. Узнав об этом, кесарь послал к ним одного из своих слуг и сильно бранил Комниных за промедление.

Когда Комнины подошли к дому Ивирица 274, их настиг Никифор Палеолог, который сказал им: «Император передает вам следующее: „Я

уже стар и одинок, нет у меня ни сына, ни брата и никого из родных; поэтому ты (здесь Никифор обратился к новому императору Алексею), если хочешь, будь моим приемным сыном. Я же со своей стороны не буду препятствовать тому, чтобы ты как угодно одарил каждого из своих соратников, не буду принимать участия в управлении государством, но буду лишь по имени называться императором, принимать славословия, носить красные сандалии и жить во дворце, а государственные дела целиком будут в твоем ведении“».

Комнины ответили речами, выражающими согласие. Об этом стало известно кесарю, который быстро является к ним с угрозами и торопит отправиться во дворец. Когда он пешком входил с правой стороны во двор, ему встретились выходившие оттуда Комнины, которых он стал сурово бранить. Тут кесарь заметил Никифора Палеолога, который с левой стороны вновь шел туда. «Что тебе нужно, – спросил кесарь, – зачем идешь ты сюда, свояк?» На что тот отвечает: «По-видимому, мне ничего не удастся сделать, но я пришел для того, чтобы передать от самодержца то же предложение, что и раньше. Император полон решимости сдержать свои обещания: он будет обращаться с Алексеем как с сыном, Алексей получит всю полноту самодержавной власти и станет распоряжаться государственными делами по своему усмотрению; сам же Вотаниат будет только носить имя императора, облачаться в красные сандалии и пурпурное платье и спокойно жить во дворце, ведь он уже стар и нуждается в отдыхе». Кесарь сурово посмотрел на Никифора и, нахмурив брови, сказал: «Отправляйся и скажи императору, что делать подобное предложение было бы уместнее перед взятием города, а теперь переговоры вообще не имеют смысла. И пусть он – уже старик – покинет трон и позаботится о своем спасении». Так сказал кесарь.

Между тем Борил узнал, что Комнины вступили в город, что их войско рассеялось во все стороны, занимается грабежом, целиком предалось сбору добычи, а сами они остались с близкими им по крови и свойству и с небольшим числом чужеземцев. Поэтому он решил выступить против них, считая, что рассеявшиеся во все стороны воины Комниных не смогут оказать сопротивления. И вот он собрал воинов, носящих мечи на плечах, и тех, кто был родом из Хомы, и выстроил их рядами в идеальном боевом порядке от площади Константина до так называемого Милия 275 и дальше. Воины неподвижно стояли, сомкнув щиты и готовые к бою.

Патриархом в то время был муж святой и бедный, прошедший все виды лишений, каким только подвергались древние отцы, жившие в пустынях и горах 276. Удостоенный божьего дара пророчества, он много и

часто предсказывал, никогда не ошибался и служил для своих преемников образцом и примером добродетели. Он, казалось, отнюдь не находился в полном неведении относительно того, что случилось с Вотаниатом. Или по божественному вдохновению, или по наущению кесаря (и такое говорили, ведь кесарь давно был дружески расположен к патриарху, которого ценил за его высокую добродетель) он посоветовал императору отказаться от трона. «Не вступай, – говорил он, – в междоусобную войну, не сопротивляйся божьему повелению. Не пожелай осквернить город пролитием христианской крови, но покорись воле божьей и уйди с дороги». Император следует совету патриарха. Опасаясь бесчинства воинов, он подпоясывает свое платье и с поникшей головой 277 спускается в Великую божью церковь. Пребывая в сильном волнении, он забыл, что на нем еще императорская одежда. Но Борил, повернувшись к нему, хватает накидку, которая была прикреплена к руке Вотаниата жемчужной застежкой, отрывает ее от платья и говорит с иронической усмешкой: «Теперь эта вещь воистину больше подходит мне». Вотаниат вошел в Великий храм божьей мудрости и на некоторое время остался там.

Книга III

1. По прибытии во дворец Комнины тотчас же посылают к Вотаниату мужа своей племянницы Михаила 278, который впоследствии стал логофетом секретов 279. Михаил отправляется вместе с занимавшим тогда должность эпарха 280 Радином 281; они доставляют императора на небольшой корабль и отправляются вместе с ним в знаменитый Перивлептский монастырь 282, вдвоем побуждают бывшего императора надеть монашеское платье. Вотаниат хотел на время отложить это, но они, опасаясь переворота со стороны известных нам уже рабов или хоматинцев, настоятельно советуют Никифору постричься. Он уступает им и удостаивается ангельского облачения 283. Таковы пути судьбы! Она высоко возносит человека, когда ей заблагорассудится улыбнуться ему, надевает на него императорскую диадему и окрашивает в багряный цвет его сандалии; если же судьба хмурится, то вместо порфиры и венца облачает человека в черные лохмотья 284. Так случилось и с императором Вотаниатом. Когда его спросили друзья, хорошо ли он перенес такую перемену, он сказал: «Одно меня тяготит – воздержание от мяса, а остальное ничуть не заботит».

Между тем императрица Мария вместе с сыном Константином, которого она родила от императора Михаила Дуки, еще оставалась во дворце, ибо опасалась, как говорит поэт, «за белокурого Менелая» 285. Родство было вполне основательным предлогом для промедления, хотя находились люди, которые, движимые завистью, подозревали что-то другое. Еще раньше Мария сделала одного из Комниных своим свойственником, другого – приемным сыном 286. К этому побудила ее не какая-нибудь предосудительная причина, не привлекательность этих мужей, а то, что она находилась на чужбине и не имела при себе ни родственника, ни друга, ни соотечественника 287. Мария не хотела поступить опрометчиво и уйти из дворца, боясь, как бы не случилось беды с ее сыном, если она покинет дворец, прежде чем получит какую-нибудь гарантию его безопасности. Ведь при смене императоров нередко случаются всякие неожиданности. Ее сын был красивым мальчиком и еще очень юным, не старше семи лет (не следует меня порицать за то, что я хвалю близких мне людей, ибо я принуждена делать это самим существом дела). Не только его рассуждения, но и любые жесты и даже ребяческие игры были неподражаемы – об этом рассказывали позже те, кто знал его в детстве. Был он белокур, с молочно-белым лицом, на котором кое-где

проступал румянец, и напоминал недавно распустившийся бутон розы. Глаза у него были не белесые, а подобны ястребиным: как из золотой оправы сверкали они из-под бровей. Многочисленные прелести мальчика доставляли смотрящим на него великую усладу, его красота казалась не земной, а небесной, и всякий, кто бы ни взглянул на него, мог сказать, что он таков, каким рисуют Эрота.

Такова истинная причина того, что императрица оставалась во дворце. Ведь я вообще чувствую естественное отвращение к сочинению небылиц и выдумыванию всякого рода историй, ибо знаю, что это свойственно многим людям, особенно когда они обуреваемы завистью и злорадством, я также не легко верю клевете, распространяемой многими. Кроме того, истина во всем этом деле известна мне и из другого источника: в детстве, до восьмилетнего возраста, я воспитывалась у императрицы; пользуясь ее большим расположением, узнавала от нее все тайны. Слышала я и противоречивые суждения многих других людей. События того времени они представляли по-разному, в зависимости от своих чувств: ненависти или любви к императрице. Я видела, что далеко не все сходились во мнениях. Часто слышала я, как сама Мария рассказывала о том, что случилось с ней и какой ее обуял страх, особенно за сына. Как по моему мнению, так и по мнению многих благородных, преданных истине людей именно любовь к сыну задержала ее на короткое время во дворце после низложения императора Никифора. Вот что я хотела рассказать об императрице Марии.

Мой отец Алексей, захватив скипетр, обосновался в императорском дворце, свою же пятнадцатилетнюю супругу вместе с сестрами, матерью и кесарем – ее дедом по отцовской линии – оставил в Нижнем дворце (он так назывался благодаря своему местоположению). Сам же Алексей вместе с братьями, матерью и свойственниками поднялся в Верхний дворец, который называется Вуколеоном по следующей причине. Вблизи его стен из цемента и мрамора в давние времена сооружена пристань, где стоит каменная скульптура льва, терзающего быка 288. Схватив быка за рог, он свернул ему шею и впился в его глотку. Вот почему все это место называется Вуколеоном: строения на суше и сама пристань.

2. Многие, как говорилось выше, косо смотрели на то, что императрица продолжала оставаться во дворце, и шептались, что узурпатор якобы собирается взять ее в жены. Дуки не думали ничего подобного (они не расположены были верить сплетням), но, как я часто слышала, побаивались и подозревали мать Комниных, ибо давно знали об ее открытой ненависти к ним 289.

Когда Георгий Палеолог, прибыв вместе с флотом, начал славословия, воины Комниных, смотревшие со стен, потребовали, чтобы те замолчали, ибо опасались, что в своих славословиях моряки к имени Алексея прибавят имя Ирины и станут воздавать им общее славословие. Георгий пришел в негодование и с моря сказал им: «Не ради вас принял я на себя ратный труд, а ради Ирины, о которой вы говорите». И тут же Георгий приказал матросам совершать славословие, упоминая Ирину вместе с Алексеем. Это событие вызвало большое смятение в душах Дук, а недоброжелателям дало повод для насмешек по адресу императрицы Марии 290.

Император Алексей не имел на уме ничего подобного (и как могло быть иначе?). Взяв в свои руки управление Ромейским государством, он – человек очень энергичный – сразу же окунулся в гущу дел и начал, как бы сказать, с самой сути. С восходом солнца явился он во дворец и, не отряхнув еще пыль сражения, не дав отдыха своему телу, сразу же с головой ушел в заботы о воинах. Брата Исаака, которого он уважал как отца, Алексей посвящал, так же как и мать, во все свои планы: они помогали ему в управлении государственными делами, хотя великого ума и энергии Алексея хватило бы для управления не одним, а многими царствами.

Алексей занялся вопросами, не терпящими отлагательства, и провел остаток дня и всю ночь в заботах о толпах воинов, которые, рассеявшись по Византию, устраивали беспорядки и буйствовали. Он искал средства, чтобы, не вызывая возмущения, ликвидировать беспорядок и на будущее обеспечить безопасность всем гражданам. Боясь дерзости воинов, он особенно опасался, как бы войско, составленное из разноплеменных отрядов, не замыслило против него какое-либо зло.

Кесарь Иоанн Дука желал скорее избавиться от императрицы Марии, чтобы таким образом рассеять разные ложные подозрения. Поэтому он всеми способами старался привлечь к себе патриарха Косьму, просил его принять их сторону и остаться глухим к словам матери Комниных. С другой стороны, делая это «под предлогом Патрокла» 291, он благоразумно советовал императрице Марии потребовать у самодержца грамоту, обеспечивающую безопасность ей самой и ее сыну, и уйти из дворца. Ведь еще раньше, когда император Михаил Дука был свергнут с престола, кесарь проявил заботу о Марии и посоветовал Никифору Вотаниату, наследовавшему престол Михаила, взять ее в жены 292. Он говорил Никифору, что Мария – чужеземка, у нее нет толпы родственников, которые стали бы докучать императору, неоднократно с

похвалой отзывался о ней и много рассказывал о роде и красоте Марии.

А была она высокой и стройной, как кипарис, кожа у нее была бела, как снег, а лицо, не идеально круглой формы, имело оттенок весеннего цветка или розы. Кто из людей мог описать сияние ее очей? Ее поднятые высоко брови были золотистыми, а глаза голубыми. Рука художника нередко воспроизводила краски цветов, которые несут с собой времена года, но чары императрицы, сияние ее красоты, любезность и обаяние ее нрава, казалось, были недоступны ни описанию, ни изображению. Ни Апеллес, ни Фидий 293, ни какой-либо другой скульптор никогда не создавали подобных статуй. Как говорят, голова Горгоны 294 превращала всех смотрящих на нее в камни, всякий же, кто случайно видел или неожиданно встречал императрицу, открывал от изумления рот, в безмолвии оставался стоять на месте, терял способность мыслить и чувствовать. Такой соразмерности членов и частей тела, такого соответствия целого частям, а частей целому никто никогда не видел в человеке. Это была одухотворенная статуя, милая взору людей, любящих прекрасное, или же сама Любовь, облеченная плотью и сошедшая в этот земной мир.

Приводя упомянутые выше доводы, кесарь тронул и увлек душу императора, хотя многие советовали последнему жениться на Евдокии. Об этой Евдокии некоторые распространяли слухи, что она вновь домогалась власти и письмами склоняла на свою сторону Вотаниата в то время, когда тот находился на Дамалисе 295 и добивался императорской власти. Другие же говорили, что она делала это не ради себя, а ради своей дочери Зои Порфирородной. И Евдокия, пожалуй, добилась бы цели, если бы ее стремлению не воспрепятствовал один из ее слуг – евнух Лев Кидониат, который дал ей много дельных советов 296. Мне, однако, не пристало подробно это расписывать, ведь я испытываю естественное отвращение к клевете и потому оставляю это тем, кто любит описывать подобные вещи. Так вот, кесарь Иоанн, который всяческими способами склонял Никифора к браку, осуществил свой замысел и убедил его жениться на императрице Марии (об этом я подробно говорила раньше) 297. Благодаря этому Иоанн получил право весьма свободно разговаривать с Марией.

События растянулись на несколько дней, ибо Комнины не хотели сразу удалить Марию из дворца, во-первых, потому что пользовались многими ее благодеяниями на всем протяжении ее царствования, во-вторых (и это не менее важно), потому что их связывало с нею двойное родство. В результате возникли многочисленные и разноречивые слухи. Одни воспринимали события так, другие иначе, в зависимости от того,

питали они к императрице доброе расположение или ненависть – ведь люди привыкли судить по своему предубеждению, а не в зависимости от истинного положения дел.

Между тем Алексей, пока только один, венчается на царство десницей патриарха Косьмы 298. Этот святой, исполненный благочестия муж был избран тогда, когда на четвертом году царствования Михаила Дуки, сына Константина, скончался второго августа тринадцатого индикта 299 святейший патриарх Иоанн Ксифилин 300. То, что императрица не была удостоена императорской короны, еще более испугало Дук, которые настоятельно требовали, чтобы и Ирина была удостоена венца.

Был некий монах по имени Евстратий, по прозвищу Гарида, который жил вблизи Великой божьей церкви и прикидывался человеком благочестивым 301. Этот монах издавна часто посещал мать Комниных и предрекал ей императорскую власть. Мать Комниных, которая вообще любила монахов, была польщена такими речами, с каждым днем выказывала Евстратию все большее доверие и стремилась посадить его на патриарший престол. Ссылаясь на простодушие и праздность патриарха, она убедила нескольких человек завести с ним речь об отречении и, как будто советуя, уговорить его на этот шаг якобы ради его собственного блага. Однако такой умысел не укрылся от святого мужа; поклявшись, в конце концов, своим собственным именем, он сказал им: «Клянусь Косьмой, я не покину патриаршего престола, если своими руками не возложу на Ирину императорский венец». Вернувшись, эти люди передали его слова госпоже (так уже все ее называли по желанию ее любящего сына – императора). И вот на седьмой день после провозглашения Алексея патриарх Косьма надевает венец и на голову его супруги Ирины.

3. Внешность обеих царственных особ Алексея и Ирины была бесподобной и неподражаемой. Живописец не сумел бы изобразить их, если бы он даже смотрел на этот прообраз красоты, скульптор не привел бы в такую гармонию неодушевленную природу, а знаменитый канон Поликлета 302 показался бы вовсе противоречащим принципам искусства тому, кто сравнил бы с творениями Поликлета эти изваяния природы (я говорю о незадолго до того увенчанных самодержцах). Алексей был не слишком высок, и размах его плеч вполне соответствовал росту. Стоя, он не производил потрясающего впечатления на окружающих, но когда он, грозно сверкая глазами, сидел на императорском троне, то был подобен молнии: такое всепобеждающее сияние исходило от его лица и от всего тела. Дугой изгибались его черные брови, из-под которых глаза глядели грозно и вместе с тем кротко. Блеск его глаз, сияние лица, благородная

линия щек, на которые набегал румянец, одновременно пугали и ободряли людей. Широкие плечи, крепкие руки, выпуклая грудь – весь его героический облик вселял в большинство людей восторг и изумление. В этом муже сочетались красота, изящество, достоинство и непревзойденное величие. Если же он вступал в беседу, то казалось, что его устами говорит пламенный оратор Демосфен 303. Потоком доводов он увлекал слух и душу, был великолепен и необорим в речах, так же как и в бою, одинаково умел метать копье и очаровывать слушателей.

Моя мать, императрица Ирина, была в то время еще очень юной: ей не исполнилось тогда и пятнадцати лет. Она была дочерью Андроника, старшего сына кесаря, происходила из знатной семьи и возводила свой род к знаменитым Андронику и Константину Дукам 304. Она была подобна стройному, вечно-цветущему побегу, части и члены ее тела гармонировали друг с другом, расширяясь и сужаясь где нужно. Приятно было смотреть на Ирину и слушать ее речи, и поистине нельзя было насытить слух звучанием ее голоса, а взор ее видом. Лицо ее излучало лунный свет; оно не было совершенно круглым, как у ассирийских женщин, не имело удлиненной формы, как у скифянок, а лишь немного отступало от идеальной формы круга. По щекам ее расстилался луг, и даже тем, кто смотрел на нее издали, он казался усеянным розами. Голубые глаза Ирины смотрели с приятностью и вместе с тем грозно, приятностью и красотой они привлекали взоры смотрящих, а таившаяся в них угроза заставляла закрывать глаза, и тот, кто взирал на Ирину, не мог ни отвернуться, ни продолжать смотреть на нее. Я не знаю, существовала ли на самом деле воспетая древними поэтами и писателями Афина, но мне часто приходится слышать, как передают и повторяют следующее: не был бы далек от истины тот, кто назвал бы в то время императрицу Афиной, которая явилась в человеческом обличии или упала с неба, окруженная небесным сиянием и ослепительным блеском. Еще более удивительным ее качеством, которого нельзя найти ни у какой другой женщины, было то, что она могла одним своим взглядом смирить дерзость мужей и вдохнуть мужество в людей, охваченных страхом. Уста ее большей частью были сомкнуты, и, молчащая, она поистине казалась одухотворенной статуей красоты, живым изваянием гармонии. Во время же речи ее рука, двигаясь в такт словам, обнажалась до локтя, и казалось, что ее пальцы и руки неким мастером выточены из слоновой кости. Зрачки ее глаз напоминали спокойное море и светились синевой морских глубин. Белки ее глаз блистали вокруг зрачков, распространяя необоримую прелесть и доставляя взору невыразимое наслаждение. Таков был облик Ирины и Алексея.

Что же касается моего дяди Исаака, то он был такого же роста, как и брат, да и в остальном не очень от него отличался. Лицо у него было несколько бледным, борода росла не слишком густо, реже, чем у брата, особенно на щеках. Оба брата нередко, когда их не одолевали заботы о делах, занимались охотой. Впрочем, охоте они предпочитали воинские дела 305. В наступлении Исаак, даже когда он сам командовал войсками, никому не позволял идти впереди себя, и стоило ему завидеть ряды противников, он забывал обо всем, как молния бросался в гущу врагов и мгновенно рассекал их фаланги. Поэтому-то он не раз был взят в плен, сражаясь в Азии с агарянами 306. Единственное, за что мой дядя достоин порицания в военных делах, – это за неукротимость в бою.

4. Никифор Мелиссин, согласно данному ему обещанию, должен был получить сан кесаря 307. В то же время старшего по возрасту из братьев – Исаака – следовало почтить еще более высоким титулом. Так как сана более высокого, чем кесарь, не существовало 308, император Алексей образовал новое слово и именовал брата «севастократором» – сложным словом, состоящим из двух частей: «севаст» и «автократор», и сделал таким образом Исаака как бы вторым императором 309. Он понизил сан кесаря и отвел ему в славословиях третье место после императора. Затем он приказал им, севастократору и кесарю, по торжественным дням надевать венцы, значительно уступавшие в пышности диадеме, которой увенчивался он сам. Императорская диадема правильным полукругом облегала голову. Вся диадема была украшена жемчугами и драгоценными камнями, одни из которых вставлялись в нее, другие привешивались; с каждой стороны у висков, слегка касаясь щек, свисали цепочки из жемчуга и драгоценных камней. Эта диадема и является отличительной особенностью императорской одежды 310. Венцы же севастократоров и кесарей только в отдельных местах украшены жемчугом и драгоценными камнями и не имеют округленного покрытия.

В это же время был произведен в сан протосеваста и протовестиария 311 муж сестры императора Таронит 312, который вскоре был провозглашен паниперсевастом 313 и занял место рядом с кесарем. Его брат Адриан получил сан светлейшего протосеваста 314, а самый младший брат Никифор был назначен великим друнгарием флота 315 и возведен в ранг севаста. Эти вновь придуманные титулы изобрел мой отец: одни наименования он составил из разных слов, как об этом уже говорилось выше, другие использовал в ином значении. Такие наименования, как «паниперсеваст» и «севастократор» и подобные им, он составил из разных слов, а титул севаста употребил в другом значении. Эпитетом «севасты»

издревле назывались императоры 316, и это слово применялось только в отношении императора. Алексей же впервые дал этому титулу более широкое применение. Если рассматривать искусство властвовать как науку и некую высшую философию, как искусство искусств и науку наук, то мой отец достоин восхищения, ибо он, как некий ученый и зодчий, изобрел в империи новые титулы и новые наименования. Если знатоки словесных наук изобретали подобные наименования для ясности выражения, то знаток искусства управлять государством Алексей нередко вводил новшества 317 как в распределении должностей, так и в их наименованиях, делал все это для блага государства 318.

Между тем этот благочестивый патриарх Косьма, о котором я раньше уже говорила, совершил через несколько дней священный обряд в память Иоанна Богослова в названном именем упомянутого Иоанна храме в Евдоме 319. Затем он отказался от сана и удалился в монастырь Каллия, после того как украшал собой патриарший престол в течение пяти лет и девяти месяцев 320. Кормило патриаршей власти взял в свои руки уже упомянутый евнух Евстратий Гарида.

После того как был свергнут с трона Михаил Дука, его сын от императрицы Марии Константин Порфирородный добровольно снял с себя багряные сандалии и надел обычные черные. Однако Никифор Вотаниат, который взял скипетр у Дуки, отца Константина, приказал Константину снять черные сандалии и надеть обувь из пестрых шелковых тканей; Никифор как бы совестился юноши и отдавал должное его красоте и роду. Он не хотел, чтобы сандалии Константина целиком блистали багрянцем, но допускал, чтобы багрянцем цвели отдельные кусочки. После провозглашения Алексея Комнина мать Константина, императрица Мария, убежденная советами кесаря, попросила у самодержца скрепленный красной подписью и золотой печатью документ о том, что она и ее сын будут находиться в безопасности, и, более того, что Константин станет царствовать вместе с Алексеем, будет обут в красные сандалии, получит венец и его вместе с Алексеем провозгласят императором. Просьба Марии была уважена, и она получила хрисовул, который удовлетворял все ее притязания 321. Тогда же они сняли с него сандалии из шелковой ткани, которые он носил до этого, и дали ему красные. В дарственных грамотах и хрисовулах Константин стал подписываться киноварью на втором месте после императора Алексея, а в торжественных процессиях следовал за ним с императорской короной на голове. Как утверждали некоторые, императрица еще до восстания договорилась с Комниными о том, что они именно так обойдутся с ее сыном.

Устроив таким образом свои дела, Мария вместе с большой свитой выступает из дворца с намерением поселиться в доме, построенном покойным императором Константином Мономахом возле монастыря великомученика Георгия (это место до сих пор на простонародном языке называется Манганы) 322. Марию сопровождал севастократор Исаак.

5. Так поступили Комнины с императрицей Марией. Самодержец с раннего детства получил хорошее воспитание, всегда с вниманием относился к увещеваниям своей матери и имел в сердце страх божий, поэтому он мучился угрызениями совести из-за грабежа, которому войска, вступившие в столицу, подвергли город и его жителей. Ведь совершенно гладкий путь может довести человека, который не испытывает никаких неудач, даже до безумия; напротив, оступившись, богобоязненный и разумный человек испытывает в душе страх божий, приходит в смятение и боится, особенно если он совершил великие дела и достиг большого могущества. Его беспокоит страх, как бы, идя путем невежества, дерзости и наглости, он не навлек на себя божий гнев и не скатился с вершины власти, которой только что овладел. Ведь так именно и случилось некогда с Саулом – за нечестивость этого царя бог расколол его царство 323.

Такими мыслями мучился Алексей, ибо опасался навлечь на себя божий гнев. Он считал себя источником зла, которое причинил городу каждый из его воинов (сколько этого сброда нахлынуло тогда в город!), угрызался и мучился, как будто сам совершил все эти чудовищные злодеяния. Власть, могущество, пурпурные одежды, диадема, усыпанная драгоценными камнями, золотое платье, украшенное жемчугами, были для него ничем в сравнении с неописуемым несчастьем, обрушившимся тогда на царицу городов, а ужасы, которые постигли в то время город, при всем желании никто не в состоянии описать! Повсюду тогда подверглись грабежу храмы и святилища, государственное и частное имущество, а крики и вопли раздавались со всех сторон и оглушали граждан. Можно было подумать, что происходит землетрясение. Думая об этом, Алексей терзался и мучился душой и не был в состоянии справиться с нахлынувшим на него потоком печали, ибо он умел быстро осознавать дурные, поступки. Алексей знал, что обрушившиеся на город бедствия были делом рук и воли других, тем не менее он прекрасно понимал, что сам дал повод к началу несчастий, хотя виновниками того, что он поднял восстание, были уже упомянутые рабы. Однако Алексей приписывал всю вину себе и горячо желал исцелить рану; ведь лишь после такого исцеления и очищения смог бы он управлять империей, а также успешно руководить войском и военными операциями.

И вот он является к своей матери, делится с ней достойными одобрения душевными муками и просит указать ему способ исцелиться и избавиться от угрызений совести. Мать обняла своего сына и с радостью выслушала его слова. С его согласия она призвала патриарха Косьму (тогда он еще не отрекся от престола), некоторых высших должностных лиц из святого синода и из монашеского сословия. Император предстал перед ними как подсудимый, как виновный, как скромный проситель, как любой из людей, подчиняющихся власти и ожидающих приговора 324, который произнесет суд. Он рассказал обо всем, не умолчав ни о первых своих замыслах, ни о заговоре, ни о своих действиях, ни о причине восстания. Он изложил все это со страхом и доверием, горячо просил у них исцеления и был готов принять эпитимию. Судьи же подвергли эпитимии не только Алексея, но также всех его родственников по крови и тех, кто принимал участие в восстании, велев им для умилостивления бога поститься, спать на земле и соблюдать соответствующие обряды. Подвергшиеся эпитимии ревностно выполняли все условия. Жены их также не могли оставаться без эпитимии (а как же иначе? Ведь они любили своих мужей) и добровольно приняли на себя бремя покаяния. В то время можно было видеть, как весь дворец наполнился слезами и горем, горем не позорным, не свидетельствующим о душевной слабости, а похвальным, доставляющим высшую, беспредельную радость.

Самодержец – таково его благочестие – не ограничился этим: под императорскую пурпурную одежду он надел власяницу, которая в течение сорока суток касалась кожи его тела. По ночам он лежал на голой земле, подложив только камни под голову, и оплакивал, как и следовало, свои прегрешения. Когда прошел срок эпитимии, он уже чистыми руками коснулся государственных дел.

6. Более чем себя, желал видеть Алексей у кормила государства свою мать. До поры до времени он держал свой замысел в тайне, ибо опасался, как бы, узнав о его намерении, мать не покинула дворец, ведь, как ему было известно, она стремилась к возвышенному образу жизни 325. Как бы то ни было, во всех случаях он решительно ничего не предпринимал без ее совета, но, посвящая ее в свои замыслы, пользовался помощью матери и постепенно незаметно приобщал ее к управлению государством; иногда же он и открыто говорил, что без ее ума государственные дела придут в расстройство.

Таким образом он еще больше привязывал к себе мать, препятствуя ей выполнить ее намерение. Она, однако, думала о последнем прибежище и мечтала о монастыре, в котором могла бы провести в благочестивых

размышлениях остаток дней своих. Таково было ее желание, об исполнении которого она постоянно молилась. Лелея такую мысль и стремясь к возвышенному образу жизни, она тем не менее, как никакая другая женщина, была любящей матерью. Она хотела вместе с сыном перенести бурю, обрушившуюся на империю, и как можно лучше управлять кораблем – все равно, дуют ли ему попутные ветры или со всех сторон обрушиваются на него волны; тем более что ее сын, вступив на корму, только недавно взялся за кормило и никогда раньше не имел дела с такими волнами и ветром 326. Этими словами я намекаю на разнообразные и страшные бедствия, обрушившиеся на империю. И вот материнская любовь увлекла ее, и она стала править совместно со своим сыном-императором, а случалось, и одна брала в свои руки бразды правления и успешно, безошибочно управляла государственной колесницей. Ведь она была женщиной умной, обладала к тому же истинно царским складом ума и владела искусством властвовать. В то же время она мечтала посвятить свою жизнь богу 327.

В августе того же индикта 328 переправа Роберта вынудила Алексея выступить из столицы. Тут он и обнаружил свой тайный замысел, безраздельно передав в руки матери всю самодержавную власть. О своем решении он поставил всех в известность хрисовулом 329. Каждый пишущий историю должен рассказывать о деяниях и распоряжениях великих мужей отнюдь не в общих чертах; напротив, о подвигах следует говорить как можно более подробно, а содержание постановлений излагать. Поэтому и я, следуя такому правилу, изложу содержание упомянутого хрисовула, опуская только красоты стиля его составителя.

Вот текст хрисовула: «Никто не может сравниться с добросердечной и чадолюбивой матерью, и нет защиты надежней ее, когда предвидится опасность или грозят какие-либо иные бедствия. Если она советует, совет ее надежен, если она молится, ее молитвы становятся для детей опорой и необоримыми стражами. Такой и проявила себя на деле по отношению к нашей царственности наша святочтимая мать и госпожа, которая с моего самого раннего возраста была для меня всем: и кормилицей и воспитательницей. И хотя ее имя было занесено в список синклита, материнская любовь стояла у нее на первом месте, а доверие к сыну оставалось непоколебимым 330. В наших разделенных телах видна единая душа, которая милостью Христа сохраняется неразделенной и поныне. Ледяные слова «мое» и «твое» не произносились между нами 331, и что еще важно, ее постоянные и непрерывные молитвы достигли ушей господа и возвели меня на вершину власти. Но и после того как я принял

императорский скипетр, она не отказалась разделять труды моей царственности и отстаивать то, что было полезно и мне и государству. Моя царственность готовится ныне с божьей помощью выступить против врагов Романии 332 и усердно занимается сбором и организацией войска; очень заботит меня также управление ведомствами и делами граждан 333. И вот я нашел надежный оплот самодержавия 334 и решил поручить управление всеми этими делами моей святочтимой и достойнейшей матери. Настоящим хрисовулом моя царственность ясно повелевает следующее: все те письменные распоряжения, которые она сделает благодаря своей многоопытности в житейских делах, впрочем презираемых ею (независимо, сделаны эти распоряжения по докладу председателя секретов 335, или подчиненных ему чиновников, или же всякого другого человека, чьей обязанностью является подготовка докладов, просьб и решений, касающихся скидки 336 казенных недоимок), пусть все эти распоряжения будут иметь такую же незыблемую силу, как если бы они исходили от светлой власти моей царственности и написанное имело источником мои собственные слова 337. Все исходящие от нее решения и приказы 338, письменные и устные, мотивированные и немотивированные, если они только будут иметь ее печать с изображением Преображенья и Успенья 339, должны расцениваться как идущие от моего владычества уже потому, что на них стоит „В месяц“ того, кто будет в то время председателем секретов 340. Моя святочтимая мать по праву императора будет вольна поступать, как ей заблагорассудится, в вопросах продвижения по службе и назначения преемников 341, чиновников секретов и фем, а также распределения титулов, постов и даров из недвижимости. Если кто-нибудь получит назначение в секрет или фему, будет возведен на пост, назначен преемником или удостоен высшего, среднего или низшего титула, то пусть это остается навсегда незыблемо и неизменно. Моя мать будет полностью распоряжаться увеличением содержания чиновникам, прибавками к выдачам 342, скидкой „обычных“ налогов 343 и уменьшением или полной отменой жалованья 344, короче говоря, все ее письменные и устные приказы должны беспрекословно выполняться.

Ее слова и повеления следует рассматривать как исходящие от моей царственности, они не могут быть отвергнуты, а, напротив, должны иметь законную силу и оставаться незыблемыми на будущее. Ни сейчас, ни в будущем никто не имеет права потребовать отчета и призвать ее к ответу – ни ее помощники, ни сам логофет секретов – вне зависимости от того, покажутся им действия моей матери разумными или неразумными 345.

Ибо не подлежит никакому отчету то, что будет сделано на основании настоящего хрисовула» 346.

7. Таково было содержание хрисовула. Разве не удивительно, с каким почтением отнесся к своей матери мой отец, который уступил ей право распоряжаться всеми делами, оставил за собой только титул императора и, как бы выпустив из своих рук бразды правления, лишь бежал рядом с императорской колесницей, управляемой его матерью. Алексей сделал это, несмотря на то, что он уже миновал период юношества и вступил в возраст, когда людям подобного нрава более всего свойственно властолюбие. Он взял на себя войны и сражения против варваров, а матери доверил распоряжение всеми делами, гражданскую власть, заботы о сборе податей и о государственных расходах.

Может быть, найдется человек, который станет порицать это распоряжение моего отца, доверившего женщине управление государством 347; если бы он, однако, знал образ мыслей этой женщины, ее добродетель, ум и энергию, то отказался бы от порицаний и вместо того стал выражать восхищение. Ведь моя бабушка была настолько искусна в своих действиях, с такой ловкостью упорядочивала и устраивала государственные дела, что могла бы управлять не только Ромейской державой, но и всеми другими царствами подлунного мира. Она обладала большим опытом; познав природу многих вещей, видела истоки и результаты, как начинается и во что выливается всякое событие, понимала причину гибели и расцвета. Она умела быстро принимать нужное решение и уверенно достигать цели. Будучи такой умной женщиной, она обладала красноречием, вполне соответствующим ее уму. Она владела даром слова, но была немногословна, не растягивала свои речи, в то же время вдохновение не покидало ее слишком скоро. Она вовремя умела начать речь и весьма своевременно ее кончить. Она заняла императорский трон уже в пожилом возрасте, когда обостряется мысль человека, достигает расцвета его ум и вместе с тем возрастает опыт, – а именно это и обеспечивает успех правлению. Люди такого возраста обычно, как говорится в трагедии 348, не только способны говорить умнее молодых, но и действовать с гораздо большим успехом. И в прежнее время, будучи еще молодой женщиной, она являла собой поистине чудо, ибо в юные годы обладала умом седовласого старца. Люди, имеющие глаза, чтобы видеть, по самому ее облику могли догадаться о присущих ей добродетели и чувстве собственного достоинства 349.

Как я говорила, мой отец, придя к власти, взял на себя труды и тяготы войны, так что матери оставалось лишь наблюдать за битвами со стороны;

ее он сделал госпожой, а сам как раб повторял и исполнял отданные ею приказания. Император чрезвычайно любил свою мать и ни в чем не отступал от ее воли (вот каким любящим сыном был Алексей!). Свою десницу сделал он слугой желаний матери, подчинил слух ее голосу и принимал или отвергал все то, что принимала или отвергала его мать. Положение было таково, что он обладал только внешними признаками власти, она – самой властью. Она издавала законы, распоряжалась и управляла всем, а он лишь утверждал ее письменные и устные распоряжения, первые – рукой, вторые – голосом; он был для нее, как говорится, инструментом власти, а не самим властителем. Он был доволен всем, что она решала и определяла, не только потому, что подчинялся ей как матери, но и потому, что считался с ней как со знатоком искусства властвовать. Ведь Алексей был убежден, что она во всех областях достигла совершенства и намного превосходит людей своего времени умом и умением вести дела.

8. Таким был пролог царствования Алексея, ведь в это время его едва ли можно было с полным правом назвать самодержцем, ибо самодержавная власть им самим была отдана матери. Пусть кто-нибудь другой, следуя правилам энкомия 350, воздаст хвалу отечеству этой удивительной матери и ее роду, который она вела от знаменитых Адриана Далассина и Харона 351, и пусть он направит ладью своего повествования по морю достоинств ее предков. Мне же, пишущей историю, следует характеризовать ее не по роду и крови, а по нраву, добродетели и тем качествам, которые должны интересовать историка. Вновь возвращаясь к матери Комниных, следует сказать, что ее достоинства могли сделать честь не только женщинам, но и мужчинам, и сама она была украшением человеческой природы. Она изменила к лучшему и привела в похвальный порядок женскую половину дворца, которая с момента пришествия к власти известного Мономаха 352 и до самого воцарения моего отца пребывала в разврате и предавалась распутству. Можно было видеть, как во дворце тогда установился похвальный распорядок, ибо императрица отвела определенное время для исполнения божественных гимнов, для трапезы и для приема чиновников 353 и сама служила всем примером в соблюдении этого распорядка; дворец в это время, казалось, скорее походил на святой монастырь.

Такой была эта необыкновенная и поистине святая женщина. Как солнце превосходит звезды, так и она своим целомудрием превосходила издавна прославленных и воспетых женщин древности. А какими словами описать ее жалость к беднякам и щедрость к нуждающимся? Ее дом был

пристанищем для всех бедных родственников, для всех чужестранцев. Священников и монахов она особенно почитала, приглашала их к себе обедать и никогда не садилась за стол без монахов. Ее наружность, зеркало ее души, говорила о почтении к ангелам и страшила самих демонов; люди неразумные и падкие до наслаждений не смели даже взглянуть на нее, а целомудренным она казалась ласковой и приветливой. Она знала меру сдержанности, серьезности, так что ее сдержанность не переходила в дикую свирепость, а мягкость – в распущенность и невоздержанность; скромность была свойственна ей как раз в той степени, в какой человеколюбие соединяется с величием души. Она была склонна к размышлениям и постоянно обдумывала новые замыслы – не губительные, как шептались некоторые, для общего блага, а, напротив, спасительные, которые должны были в прежней целостности возродить идущее к гибели государство и, насколько можно, восстановить пришедшее в упадок благосостояние. Занимаясь управлением государством, она нимало не пренебрегала монашескими занятиями и большую часть ночи пела священные гимны, истощая себя бодрствованием и усердной молитвой. Утром же, иногда со вторыми петухами, она приступала к управлению государством, занималась приемом государственных чиновников, разбирала просьбы обращавшихся за помощью; секретарем у нее был Григорий Генесий. Если какой-нибудь оратор пожелал бы сочинить на эту тему энкомий, каких бы только древних знаменитых и славных своей добродетелью людей обоего пола не оттеснил бы он на второе место, для того чтобы, как это принято у составителей энкомиев, эпихейремами, энтимемами, сравнениями с другими людьми превознести до небес ту, которую хвалит 354. Однако рамки исторического сочинения не дают такой возможности его автору, поэтому, если я, ведя речь об этой императрице, о великом говорю не так, как оно того заслуживает, пусть не скажет слова осуждения никто из тех, кто знает ее добродетель, величие во всем и остроту ума. Мне же следует вернуться в своем повествовании назад, ибо, говоря об императрице, я немного отклонилась от темы.

Итак, управляя, как я уже говорила, империей, она не посвящала весь свой день мирским заботам, но исполняла положенные уставом службы в святом храме мученицы Феклы 354, храме, который построил ее деверь самодержец Исаак Комнин по следующей причине.

Когда вожди даков 356, не желая соблюдать мир, в давние времена заключенный с ромеями, вероломно нарушили его и это стало известно савроматам 357 (древние их называли мизийцами), последние также не пожелали спокойно оставаться в своих пределах (прежде они жили на

землях, которые отделяет от Ромейской державы река Истр). И вот савроматы внезапно снялись со своих мест и переселились на нашу землю. Причиной их переселения была непримиримая вражда гетов 358, которые граничили с ними и совершали на них разбойничьи набеги. Вот почему они, дождавшись времени, когда Истр покрылся льдом 359, как по суше перешли по нему через реку всем народом, перебрались на нашу сторону, всей своей тяжестью навалились на наши пределы и стали безжалостно грабить соседние города и земли. Услышав об этом, император Исаак решил занять Триадицу 360; так как он к этому времени успел сорвать направленные против него планы восточных варваров 361, то и это дело ему удалось совершить без особого труда. Исаак собрал все свое войско и отправился по дороге на Триадицу с целью изгнать савроматов из ромейских пределов. Он выстроил боевые порядки и во главе всего войска выступил против варваров. Когда последние увидели его, в их лагере начались раздоры. Исаак же, не слишком доверяя противнику, во главе сильной фаланги набросился на самую сильную и стойкую часть войска варваров, которые пришли в ужас от вида приближающегося императора и его войска. Варвары не осмелились даже взглянуть на этого громовержца, а, увидев сомкнутый строй его войска, рассеялись в разные стороны. Отступив немного, они предложили ему сразиться на третий день, но в назначенное время снялись с лагеря и обратились в бегство. Исаак, прибыв на место их лагеря, разрушил палатки, забрал обнаруженную там добычу и победителем отправился в обратный путь.

У подножия Ловеча его застиг проливной дождь и необычный для этого времени года снегопад. Это было двадцать четвертого сентября, в день, когда поминается великомученица Фекла. Реки разлились и вышли из берегов, а равнина, на которой стояли палатки императора и всего войска, превратилась в море. Все необходимые запасы были унесены потоками воды и утонули, а люди и скот коченели от холода. Небо, издавая громы, ревело, беспрерывно сверкали молнии, как бы угрожая воспламенить всю небесную сферу. Император видел все это и находился в безвыходном положении. Когда буря немного утихла и Исаак уже лишился многих своих воинов, унесенных бешеными потоками, он вместе с военачальниками покинул это место и, отойдя немного, остановился под дубом. Вдруг он услышал сильный крик и стон, как бы исходящий от этого дерева. Исаак боялся, как бы дерево не обрушилось от резкого порыва ветра. Он отошел подальше, чтобы падающее дерево его не задело, и остановился в оцепенении. Дерево же тотчас, как по сигналу, было вырвано с корнем и рухнуло на землю. Император стоял как вкопанный,

изумленный божественной заботой о нем. Затем до него дошли слухи о восстании на Востоке, и он вернулся во дворец. Тогда-то и воздвиг он в честь великомученицы Феклы великолепный храм, роскошно, с немалыми затратами отделанный и украшенный различными произведениями искусства. В награду за спасение он принес туда подобающие христианам дары 362 и постоянно пел там божественные гимны. Вот каким образом был сооружен упомянутый храм великомученицы Феклы, в котором, как я уже говорила, постоянно молилась императрица – мать самодержца Алексея.

И я в течение долгого времени имела возможность видеть эту женщину и восхищаться ею. А то, что рассказанное мною не хвастливая ложь, знают и, если пожелают, подтвердят все те, кто стремится вскрывать истину без всякого пристрастия. Если бы моей целью было писать энкомий, а не историю, то, как уже мною говорилось раньше, я бы включила в повествование немало рассказов о матери Комниных. Ныне, однако, следует вернуться к моей основной теме.

9. Император Алексей видел, что империя находится в состоянии агонии: восточные земли подвергались опустошающим набегам турок. Не лучше обстояли дела и на Западе, где Роберт не останавливался ни перед чем, чтобы водворить в императорский дворец явившегося к нему Лжемихаила (это последнее кажется мне скорее предлогом: на самом же деле Роберту не давало покоя сжигавшее его властолюбие). Найдя Михаила, Роберт «под предлогом Патрокла» раздул в большой пожар тлевшую до тех пор искру властолюбия и стал усиленно вооружаться для войны против Ромейской державы. Он оснащал дромоны и диеры, доставал в приморских областях триеры, сермоны 363 и другие многочисленные грузовые суда, а также собирал на материке большие силы для предстоящей войны. Вот почему находился в затруднении благородный юноша Алексей. Не зная, против кого сначала обратить свое оружие, он огорчался и досадовал, в то время как враги, один опережая другого, стремились навязать ему войну.

У Ромейской империи не было тогда достаточно войска (всего имелось не более трехсот воинов 364, да и те – слабосильные и совершенно неопытные в бою хоматинцы и немногочисленные варвары-чужеземцы, носящие обычно мечи на правом плече 365), а чтобы вызвать союзников из других стран, в императорской казне не было денег. Очень уж неумело распоряжались военными делами императоры – предшественники Алексея, которые довели до весьма плачевного состояния Ромейское государство. Как я слышала от воинов и некоторых

пожилых людей, ни одно государство испокон веков не оказывалось в столь бедственном положении. Трудным было положение самодержца, терзаемого многочисленными заботами. Тем не менее он – благородный, бесстрашный, имеющий большой военный опыт – хотел вывести из бури к безопасному берегу государственный корабль и был уверен, что восставшие против него враги, как разбивающиеся о скалы волны, с божьей помощью обратятся в пену.

И вот Алексей решил немедля вызвать к себе всех восточных топархов 366, которые командовали крепостями и городами и мужественно сопротивлялись туркам. Он сразу же набросал письма ко всем им: Даватину 367, в то время топотириту 368 Ираклии Понтийской и Пафлагонии, Вурцу 369 – топарху Каппадокии и Хомы – и остальным вождям. Алексей сообщает им, каким образом удалось ему с помощью божественного провидения неожиданно избегнуть грозящей опасности и получить самодержавную власть. Он приказывает им проявить нужную заботу о подвластных землях, укрепить их, оставить там необходимое число воинов, а с остальными явиться в Константинополь и привести с собой также как можно более многочисленное свежее и здоровое пополнение из новобранцев. Алексей решил принять против Роберта все возможные меры предосторожности и пресечь попытки правителей и графов перейти на сторону последнего.

В это время к Алексею вернулся посол, которого он еще до захвата Константинополя отправил к Мономахату 370. Алексей просил у Мономахата помощи и денег. Посол, однако, доставил только письма, где, как я уже рассказывала, Мономахат излагал мотивы, по которым он якобы не может помочь Алексею, пока власть находится еще в руках Вотаниата. Прочитав письмо, Алексей пришел в совершенное отчаяние: он опасался, что Мономахат, узнав о низвержении Вотаниата, перекинется к Роберту. И вот он призвал свояка – Георгия Палеолога и отправил его в Диррахий (это город в Иллирике), поручив ему любыми средствами заставить Мономахата без боя уйти из города – ведь у Алексея не хватало войска, чтобы изгнать его оттуда силой. Затем Алексей приказал Георгию всемерно противодействовать замыслам Роберта. К тому же он ввел новшество в устройство предстенных укреплений, велев оставить большую часть бревен незакрепленными, чтобы латиняне, если бы им удалось подняться по лестницам, вступив на доски, опрокинули их и упали вместе с ними на землю 371. Он в своих письмах также рекомендовал правителям прибрежных городов и самим жителям островов не падать духом и не пребывать в беспечности, но находиться настороже, быть бдительными,

принимать меры предосторожности и следить, чтобы Роберт неожиданно не захватил все прибрежные города и острова, тем самым доставив хлопоты Ромейской империи.

10. Такие распоряжения отдал император относительно Иллирика, чем, казалось, хорошо укрепил земли, лежащие на пути Роберта. Не оставил Алексей без внимания и те области, которые находились в тылу Роберта. Он отправил письма 372, во-первых, герцогу Лонгивардии Герману 373, затем Римскому папе, а также капуанскому архиепископу Эрве 374, князьям и всем знатным людям кельтских стран. Скромными подарками пытался Алексей расположить их к себе, а обещаниями богатых даров и титулов заставить выступить против Роберта. Некоторые из них тогда же отказались от дружбы с Робертом, другие обещали сделать это, если получат большее вознаграждение.

Алексей понимал, что самый могущественный из них германский король, который может сделать с Робертом все, что захочет. Поэтому Алексей неоднократно направлял ему письма 375, склоняя короля на свою сторону приветливыми словами и всевозможными посулами. Когда же он узнал, что король согласился с ним и обещал исполнить его просьбу, Алексей направил ему с Хиросфактом 376 еще одно письмо, где говорилось следующее: «Благороднейший и поистине христианский брат мой! Моя царственность молится за благоденствие и все большее преуспеяние твоего могущественного владычества. Да и как может наше благочестивое владычество, зная о твоем благочестии, не молить бога о ниспослании тебе еще большего блага и процветания? Твоя братская склонность и расположение к нашей царственности, а также тяжкий труд, который ты согласился взять на себя для борьбы с этим негодяем 377, чтобы достойно покарать убийцу, преступника, врага бога и христиан за его злые козни, свидетельствуют о великой доброте твоей души и служат прекрасным доказательством твоего благочестия. Что же касается нашей царственности, то в основном дела идут хорошо, однако нас немало 378 тревожат и волнуют действия Роберта. Но если верить в бога и его справедливый суд, гибель этого нечестивца близка. Ведь бог не может допустить, чтобы плеть грешников столь долго поражала его царство. Те дары, которые наше высочество решило отправить твоему могущественному владычеству, а именно 144 тысячи номисм и 100 влаттий 379, ныне согласно воле твоего верного и благородного графа Бурхарда 380, отправлены тебе с протопроедром и катепаном титулов 381 Константином. Упомянутая сумма посланных тебе денег состоит из обработанного серебра и романатов старого качества 382. Когда же твое

великородство даст клятву, тебе будут высланы вместе с верным слугой твоего владычества Абелярдом 383 и оставшиеся 216 тысяч номисм, а также рога за дарованные двадцать титулов 384, это будет сделано тогда, когда ты вступишь в Лонгивардию. О том, как следует принести клятвы, твоему великородству сообщалось и раньше, а еще подробнее передаст тебе об этом протопроедр и катепан Константин, получивший от нашего владычества инструкции относительно каждого пункта, на исполнении которых я настаиваю и которые должны быть подкреплены твоей клятвой. Ведь во время переговоров моей царственности с послами, назначенными твоим великородством, были упомянуты некоторые весьма важные пункты, относительно которых люди твоего великородства сказали, что они не имеют никаких предписаний. Поэтому-то моя царственность и отложила тогда принесение клятвы. Итак, пусть твое великородство, как в этом меня торжественно заверил твой верный Альберт, принесет клятву, о которой наше владычество просит как о необходимом дополнении.

Причина же задержки твоего верного и благородного графа Бурхарда заключается в том, что моей царственности было угодно показать ему моего дорогого племянника – сына моего любимого брата, счастливейшего из людей – севастократора 385. Я хотел это сделать, для того чтобы, вернувшись, Бурхард рассказал тебе о необыкновенном уме этого мальчика, проявившемся еще в нежном возрасте. Хотя моя царственность считает второстепенным в человеке внешнюю красоту и физические качества, тем не менее нельзя не признать, что и в этом отношении мальчик обладает выдающимися достоинствами. Твой посол расскажет тебе о том, как во время своего пребывания в столице он видел этого ребенка и, как подобает, беседовал с ним. Так как бог еще не послал моей царственности родного сына, его место занимает этот милый моему сердцу племянник. С божьего благоволенья ничто не препятствует тому, чтобы мы были связаны родственными узами, по-христиански любили друг друга и были близки как родственники. Ведь от этого увеличится наша мощь, и с божьей помощью мы станем непобедимы и будем грозой для неприятеля.

В знак дружбы я отправляю ныне твоему великородству украшенный жемчугами золотой крестик, позолоченную шкатулку с останками святых (имя каждого из них можно узнать из приложенной записки), сардониковую чашу, хрустальный кубок, украшенный золотом астропелек 386 и опобальзам 387. Пусть продлит бог твою жизнь, расширит пределы твоей власти, обречет на бесчестие и гибель твоих врагов. Да будет мир твоему владычеству, и солнце спокойствия пусть озаряет подвластные тебе

земли, и да будут истреблены все твои враги, и да дарует тебе необоримую силу рука всевышнего, ибо ты возлюбил истинное его имя и поднял руку на его врагов» 388.

11. Приняв такие меры относительно западных областей, Алексей обратился к не терпящим отлагательства делам и стал готовиться встретить грозящую опасность. Все еще находясь в царственном городе, он обдумывал, какими средствами ему лучше всего противодействовать готовым напасть на него врагам. Как я уже говорила, в это время безбожные турки обосновались у Пропонтиды, а захвативший весь Восток Сулейман 389 расположился лагерем в Никее (там находился султаникий 390, который по-нашему называется царским дворцом) и постоянно посылал разбойничьи экспедиции, грабившие все области, лежавшие около Вифинии и Финии. Конные и пешие отряды Сулеймана доходили до самого Боспора, который называется теперь Дамалисом, захватывали большую добычу и только что не пытались переправиться через море. Византийцы видели, что турки спокойно живут в прибрежных городках и святых храмах (ведь никто не пытался их оттуда изгнать), поэтому находились в постоянном страхе, не зная, что предпринять.

Император знал все это и обдумывал различные планы, переходя от одного к другому; наконец он выбрал лучший и по возможности приступил к его осуществлению. Он назначил декархов 391 из числа недавно набранных в армию ромеев и хоматинцев, посадил на суда легковооруженных воинов, имеющих при себе только луки и щиты, и воинов, вооруженных по своему обычаю шлемами, щитами и копьями, и приказал им по ночам плавать вдоль берега, скрытно высаживаться, а в тех случаях, когда число турок ненамного превышает их собственное, нападать на безбожников и затем сразу же возвращаться обратно. Зная их абсолютную неопытность в военном деле, Алексей приказал объявить гребцам, чтобы они гребли бесшумно и остерегались варваров, засевших в расщелинах скал.

Воины Алексея делали это в течение нескольких дней, и варвары мало-помалу стали отступать из приморских областей в глубь страны. Узнав об этом, самодержец приказал посланным им войскам захватить городки и поместья 392, которые раньше занимали турки, остаться в них на ночь, а утром, когда враги по обыкновению отправятся за провиантом или еще за чем-нибудь, разом на них напасть. Он велел им удовлетвориться даже незначительным успехом, не стремиться к большому и не подвергать себя опасности, чтобы не придать этим мужества врагам, а тотчас повернуть назад и возвратиться в укрытие.

Вскоре варвары отступили еще дальше. Это вдохновило самодержца, и он приказал пехотинцам сесть на коней, орудовать копьем и совершать многочисленные набеги на неприятеля уже не тайно по ночам, а среди бела дня. Прежние декархи стали пентеконтархами 393, а воины, которые прежде едва осмеливались в пешем строю и ночью напасть на противника, теперь доблестно сражались с ним по утрам и в то время, когда солнце достигало зенита.

Таким образом, положение варваров ухудшалось, а затухавшая было искра могущества Ромейской державы мало-помалу разгоралась. Комнин далеко отогнал турок не только от Боспора и приморских областей; он вытеснил их из Вифинии, всей Финии, из пределов Никомидии и вынудил султана настойчиво просить о мире. Алексей с радостью принял предложение о мире, ибо к нему со всех сторон поступали сообщения о неудержимом натиске Роберта, который собрал огромное войско и уже спешил приблизиться к берегам Лонгивардии 394. Ведь если, как говорится в пословице, Геракл не мог сражаться сразу против двух противников 395, то как мог это сделать молодой правитель, который не имел ни войска, ни денег и только недавно приступил к управлению государством, шаг за шагом двигавшемуся навстречу гибели и дошедшему уже до крайности, ибо вся государственная казна была растрачена без какой бы то ни было пользы. Вот почему, после того как, пользуясь всеми средствами, Алексей изгнал турок с Дамалиса и из соседних прибрежных земель, он, задобрив врагов дарами, принудил их заключить мир 396 и установил для них границу по реке Дракону. Он убедил турок не переходить эту реку и не вступать в пределы Вифинии.

12. Таким образом были улажены восточные дела. Между тем Палеолог по прибытии в Диррахий отправил скорохода с сообщением о Мономахате, который, узнав о приходе Палеолога, поспешно перекинулся на сторону Бодина и Михаила 397. Ведь Мономахат был напуган тем, что ослушался приказа императора и отправил с пустыми руками посланца, которого Алексей с просьбой о деньгах прислал к нему, еще до того как начал замысленное им восстание. В действительности же император не задумал против Мономахата ничего дурного и только собирался по указанной уже причине 398 лишить его власти. Узнав об этих действиях Мономахата, самодержец отправил ему хрисовул, гарантирующий полную безопасность 399. Получив этот хрисовул, Мономахат вернулся во дворец 400.

Тем временем Роберт явился в Гидрунт, передал своему сыну Рожеру 401 всю власть над этим городом и самой Лонгивардией, затем выступил

из Гидрунта и прибыл в порт Бриндизи. Там стало ему известно о прибытии Палеолога в Диррахий; он сразу же приказал соорудить на больших кораблях деревянные, обитые кожей башни 402, доставить на суда все необходимое для осады, а также погрузить на дромоны коней и вооруженных всадников. Торопясь с переправой, Роберт очень быстро собрал отовсюду необходимое для войны снаряжение. Он рассчитывал, подойдя к Диррахию, обложить город с моря и с суши гелеполами, испугать этим его жителей и, окружив их со всех сторон, приступом взять город.

И впрямь, когда островитяне и жители близлежащих к Диррахию прибрежных областей узнали об этом, их охватила паника. После того как закончились все предусмотренные Робертом приготовления, флот отчалил, и дромоны, триеры и монеры 403, построенные в боевой порядок по правилам флотоводческой науки, сохраняя строй, вышли в море. Пользуясь попутным ветром, Роберт достиг противоположного берега у Авлона и, плывя вдоль побережья, дошел до Бутринто. Там он соединился с Боэмундом, который еще раньше переправился и с ходу занял Авлон. Разделив войско на две части, Роберт сам встал во главе одной из них, намереваясь морем плыть к Диррахию, командование же остальными силами он поручил Боэмунду, который должен был двигаться к Диррахию по суше.

Роберт уже миновал Корфу и направлялся к Диррахию, когда возле мыса Глосса 404 его неожиданно настигла жестокая буря. Сильный снегопад и дующие с гор ветры привели в большое волнение море. С воем вздымались волны, у гребцов ломались весла, ветер рвал паруса, сломанные реи падали на палубу, и корабли уже начинали тонуть вместе с людьми 405. Все это происходило в летнюю пору, в период, именуемый «Восходом Пса», когда солнце, миновав созвездие Рака, приближалось к созвездию Льва 406. Тревога и замешательство охватили всех. Бессильные против такого врага, люди не знали, что им делать. Раздавались громкие крики, воины кляли свою судьбу, стонали и молили бога, чтобы он спас их и дал увидеть землю. Буря, однако, не унималась, словно бог возмутился беспредельной наглостью Роберта и с самого начала предназначил несчастный исход этому предприятию. Одни корабли вместе с экипажем утонули, другие разбились о скалы. Кожи, которыми были обиты башни, разбухли от влаги, гвозди выскочили из своих гнезд; отяжелевшие кожи быстро опрокидывали деревянные башни, и те, рушась, топили корабли. Судно, на котором находился Роберт, было наполовину разбито и едва не погибло. Сверх ожидания спаслись и некоторые грузовые суда с их

экипажами. Многих людей выбросило море; оно рассеяло также на прибрежном песке немало сумок и других предметов, которые везли с собой моряки Роберта. Оставшиеся в живых, как полагается, обрядили и похоронили мертвых. Им пришлось при этом выдержать страшное зловоние, ибо не было возможности быстро похоронить такое количество мертвецов. Так как все съестные припасы погибли, спасшиеся от кораблекрушения наверняка умерли бы от голода, если бы нивы, поля и сады не изобиловали плодами 407.

Что означало такое несчастье, мог понять каждый здравомыслящий человек, однако ничто не смутило бесстрашного Роберта, который, как мне кажется, молил бога продлить ему жизнь лишь для того, чтобы сразиться со всеми своими врагами. Вот почему эти события не заставили его свернуть с намеченного пути. Напротив, вместе с уцелевшими воинами (а имелись и такие, которые божьей необоримой силой были избавлены от опасности) Роберт провел семь дней в Главинице, для того чтобы отдохнуть самому и дать отдых спасшимся от бури. Он ждал воинов, оставленных в Бриндизи, и других, которые должны были прибыть на кораблях из иных мест, а также тех вооруженных всадников, пехотинцев и те легкие отряды своего войска, что незадолго до того отправились по суше. Собрав их, прибывших по суше и по морю, Роберт со всеми своими силами занял Иллирийскую равнину. Вместе с ним находился тогда и тот латинянин, который рассказал мне об этих событиях и который, как он сам говорил, был отправлен к Роберту в качестве посла епископом Бари 408. Он уверял меня, что проделал эту кампанию вместе с Робертом.

Внутри разрушенных стен города, который раньше назывался Эпидамном, были разбиты шатры, и войско расположилось по отрядам. Правивший некогда в этом городе эпирский царь Пирр, объединившись с тарентийцами, вступил в Апулии в жестокую войну с римлянами. Произошла кровопролитная битва, все жители до единого погибли от мечей, и в городе никого не осталось 409. Позднее, как рассказывают эллины и как свидетельствуют имеющиеся в городе высеченные надписи, город был отстроен Амфионом и Зетом 410 в своем нынешнем виде и, изменив наименование, стал называться Диррахием. Вот что я хотела рассказать об этом городе. На этом я заканчиваю третью книгу, а о дальнейших событиях расскажу в следующей.

Книга IV

1. Семнадцатого июня четвертого индикта 411 Роберт вместе с бесчисленным конным и пешим войском уже расположился лагерем на материке. Вид и строй его войска вызывали страх. Уже вновь со всех сторон собралось войско Роберта, по морю же переправлялся флот – корабли самых различных видов, на борту которых находились новые воины, испытанные в морских сражениях.

Диррахий был окружен со всех сторон – как с моря, так и с суши. Его жители, видя неисчислимые, превосходящие все ожидания силы Роберта, были объяты ужасом. И лишь Георгий Палеолог, храбрый, постигший военное искусство муж, который вышел победителем из бесчисленных битв на Востоке, оставался невозмутимым и укреплял город. Следуя наставлениям самодержца, он построил предстенные укрепления, густо уставил стены камнеметными машинами, воодушевил павших духом воинов, расположил по всей стене наблюдателей и сам ежедневно и еженощно совершал обходы, требуя от стражи бдительной охраны города. Тогда же он письменно сообщил самодержцу, что Роберт явился с намерением осаждать Диррахий 412. Жители города видели гелеполы и громадную, защищенную со всех сторон кожами деревянную башню с установленными наверху каменными орудиями 413, которая возвышалась даже над стенами Диррахия. Они видели также, что стены по всей окружности опоясаны снаружи вражеским войском, что к Роберту со всех сторон стекаются союзники, что соседние города опустошены набегами и с каждым днем умножается число вражеских шатров. И вот жителей города охватил страх, ибо они догадались уже об истинной цели герцога Роберта, который занял Иллирийскую равнину вовсе не для того, чтобы разграбить города и села и с большой добычей вернуться назад в Апулию, как об этом повсюду рассказывалось. Напротив, он желал захватить власть над всей Ромейской империей, и осада Диррахия была лишь исходным пунктом его планов.

И вот Палеолог приказал спросить со стены у Роберта, зачем тот явился. Роберт ответил: «Для того чтобы восстановить в правах изгнанного из империи моего зятя Михаила, покарать за допущенную по отношению к нему несправедливость и вообще отомстить за него». На что ромеи ему сказали: «Если, увидев Михаила, мы признаем его, то сразу же преклоним перед ним колена и сдадим город». Услышав это, Роберт тотчас отдает приказ обрядить Михаила в пышные одежды и показать его жителям

города. И вот под звуки всевозможных музыкальных инструментов и кимвалов, в сопровождении великолепной свиты предстал он перед взорами жителей. Они же, как только заметили этого человека, осыпали его градом насмешек и заявили, что вовсе не признают его Михаилом 414. Но Роберт не обратил на это никакого внимания и продолжал свое дело. Пока осажденные и осаждающие вели переговоры, отряд воинов неожиданно вышел из города, завязал бой с латинянами и, нанеся им некоторый ущерб, вернулся назад в Диррахий.

Высказывались разные мнения о монахе, следовавшем вместе с Робертом. Одни утверждали, что он – виночерпий императора Михаила Дуки. Другие уверяли, что он и есть тот самый свойственник варвара – самодержец Михаил, ради которого Роберт, как он сам говорил, предпринял эту великую войну. Третьи клялись, что, как им точно известно, все это сплошная выдумка самого Роберта, ибо Михаил вовсе не переходил на его сторону. Как бы то ни было, Роберт благодаря своему энергичному характеру и большому уму поднялся из крайней бедности и безвестности, захватил города и земли Лонгивардии и самой Апулии и объявил себя, о чем уже говорилось выше 415, правителем этих областей. Вскоре, как это свойственно ненасытным душам, он пожелал большего: решил напасть на иллирийские города и, если обстоятельства будут благоприятствовать, двинуться еще дальше. Ведь человеческая жадность, стоит ей лишь возникнуть, ничем не отличается от гангрены, которая, если только появится, не прекращается до тех пор, пока не распространится по всему телу и окончательно его не погубит.

2. Самодержец был письменно извещен Палеологом обо всех событиях; он знал, что, переправляясь в июне (как об этом говорилось), Роберт попал в бурю и потерпел кораблекрушение, но тем не менее, даже постигнутый божьим гневом, не отступил, а вместе со своими спутниками с ходу захватил Авлон 416, что войско его от стекающихся к нему воинов растет, как снежный сугроб, а легкомысленные люди думают, что самозванец на самом деле император Михаил, и переходят на сторону Роберта. И вот Алексей пребывал в страхе, ибо видел всю трудность стоящей перед ним задачи и понимал, что его силы не составляют даже малой доли войск Роберта; поэтому он решил призвать на помощь турок с Востока и тогда же сообщил об этом султану 417. Он вызывает к себе также венецианцев, у которых ромеи, как говорят, заимствовали «венетский цвет» 418 на конных состязаниях. Алексей привлекает их посулами и дарами, часть из которых предлагал выдать сразу, а остальные обещал прислать в будущем, если венецианцы пожелают снарядить весь

флот своей страны и быстро прибыть в Диррахий, чтобы оборонять город и вступить в жестокую битву с флотом Роберта. Если венецианцы выполнят эту просьбу, говорил Алексей, то независимо от того, одержат ли они с божьей помощью победу или (что тоже случается) будут побеждены, равным образом получат обещанное, и в том же объеме, как если бы победили, а все желания венецианцев, если они не пойдут во вред Ромейской державе, будут исполнены и утверждены, хрисовулами 419.

Услышав это, венецианцы через послов высказывают все свои желания и получают твердые обещания. Тогда они снаряжают флот из различных типов 420 кораблей и в образцовом порядке отплывают к Диррахию. Пройдя большой путь, они достигли храма, в давние времена сооруженного в честь непорочной девы; он находился в месте под названием Пали 421 и отстоял приблизительно на восемнадцать стадий 422 от лагеря Роберта около Диррахия. Оттуда они смогли увидеть, что стоящий у Диррахия флот Роберта снабжен всевозможными военными орудиями, и поэтому побоялись вступить с ним в бой. Как только Роберт узнал об их прибытии, он отправил к ним с флотом своего сына Боэмунда, предлагая венецианцам совершить славословие в честь императора Михаила и его – Роберта. Те, однако, отложили славословие до следующего дня.

С наступлением вечера, не имея возможности приблизиться к берегу из-за безветрия, венецианцы соединили большие корабли и, связав их канатами, образовали так называемую морскую гавань. Они соорудили среди мачт деревянные башни 423 и канатами подняли на них следующие за каждым из кораблей маленькие челны, внутри которых посадили вооруженных воинов; кроме того, они распилили на части длиной не более локтя тяжелые бревна, вбили в них острые железные гвозди и, таким образом, стали поджидать прибытия франкского флота. С наступлением дня подошел Боэмунд и потребовал совершить славословие. В ответ на это венецианцы стали глумиться над бородой Боэмунда 424, а тот, не желая этого терпеть, первым напал на них и приблизился к большим кораблям венецианцев; за ним последовал и остальной флот.

Началась жестокая битва 425. Так как Боэмунд дрался с великим ожесточением, венецианцы сбросили сверху одно из упомянутых мною бревен на корабль, где находился Боэмунд. Вода с шумом хлынула в пробоину, судну угрожало затопление, матросы, покинувшие корабль, утонули, не миновав той участи, которой старались избежать; остальные погибли в бою с венецианцами. Положение Боэмунда стало опасным, и он перешел на другой корабль. Еще более осмелев, венецианцы с новыми

силами ринулись в бой. В конце концов они обратили врагов в бегство и преследовали их до самого лагеря Роберта. Пристав к берегу, они высадились на сушу и возобновили бой. Когда Палеолог увидел венецианцев, он сам вышел из крепости Диррахия и стал сражаться вместе с ними. Завязавшаяся жестокая битва распространилась до лагеря Роберта; многие его воины были изгнаны из лагеря, многие стали жертвой вражеских мечей. После этого венецианцы, захватив большую добычу, вернулись на свои корабли, а Палеолог – в крепость.

Отдохнув несколько дней, венецианцы отправляют к императору послов с сообщением о происшедшем. Император, как и следовало ожидать, принял их весьма любезно, осыпал милостями и, отправляя назад, передал с ними много денег венецианскому дожу и его архонтам 426.

3. Между тем Роберт, будучи человеком весьма воинственного нрава, решил не прекращать войну, но, напротив, упорно сражаться. Однако из-за зимнего времени 427 Роберт не мог столкнуть корабли в море, а ромейский и венецианский флоты, бдительно охраняя пролив, никому не позволяли переправиться из Лонгивардии и доставить ему необходимое снаряжение и припасы. С наступлением же весны, когда утихло морское волнение, венецианцы первыми вышли в море и двинулись на Роберта. Вслед за ними с ромейским флотом отплыл Маврик. Завязалось ожесточенное сражение, в результате которого корабли Роберта обратились в бегство 428. После этого Роберт решил весь свой флот вытащить на сушу.

Между тем жители островов, прибрежных городков и все другие, платящие дань Роберту, были ободрены его неудачами и, узнав о его поражении на море, стали неохотно вносить подати, которыми их обложил Роберт. И вот он решил с еще большей энергией вести войну и продолжать сражаться как на море, так и на суше. Однако он не мог осуществить своих намерений, ибо в то время дули сильные ветры и Роберт боялся потерпеть кораблекрушение. Поэтому он провел два месяца в гавани Иерихо, где готовил все необходимое для войны на море и на суше.

Тем временем венецианские и ромейские флоты стерегли, насколько это было в их силах, пролив и пресекали всякие попытки переправиться к Роберту, когда немного утихшее море предоставляло такую возможность желающим. Не так-то легко было воинам Роберта доставать себе пропитание и на суше – ведь они стояли лагерем по реке Гликису 429, а гарнизон Диррахия не позволял им выйти за пределы рва ни за

провиантом, ни за чем-либо другим. В результате в войске Роберта начался голод. Немало неприятностей доставляли им также непривычные условия местности. По прошествии трех месяцев число погибших, как говорят, достигло десяти тысяч. Та же болезнь поразила кавалерию Роберта и унесла много жизней. Около пятисот графов и командиров – храбрейших людей, не говоря уже о бесчисленном множестве всадников более низкого звания, стали жертвой голода и болезней,

Корабли Роберта, как я говорила, стояли на реке Гликисе. После зимы и весны наступило жаркое лето, река вследствие засухи обмелела, воды в ней осталось меньше, чем в канаве, и Роберт, не имея возможности вывести в море корабли, оказался в безвыходном положении. Но он, человек весьма изобретательный и умный, нашел выход из положения и приказал вбить по обе стороны реки колья, перевязать их крепкими ивовыми прутьями, затем настелить за ними срубленные под корень большие деревья и сверху насыпать песок. Тогда вода благодаря кольям стала стекать в одно место и собираться там, как бы образуя канал. Мало-помалу прибывая, вода наполняла канал, пока, достигнув достаточной глубины, не подняла сидящие на земле корабли и не вынесла их на поверхность. Суда стали плавучими и были беспрепятственно выведены в море 430.

4. Когда самодержец получил сведения о Роберте, он немедленно сообщил Бакуриани о неудержимом натиске этого мужа, о том, что Роберт занял Авлон и нимало не обескуражен ни бедствиями, постигшими его на суше и на море, ни тем поражением, которое он претерпел, как говорится, на первых порах. Алексей приказал ему немедля собрать войско и соединиться с ним. Такой приказ отдал он Бакуриани 431, а сам в августе месяце четвертого индикта вышел из Константинополя.

В столице он оставил Исаака, для того чтобы тот поддерживал порядок в городе, развеивал слухи, распространяемые обычно врагами, охранял дворец и город и ободрял женщин, которые часто бывают склонны к унынию. Что же касается его матери, то, как я думаю, она вовсе не нуждалась в поддержке, ибо обладала большим мужеством и вообще великолепно справлялась с любыми делами.

Прочитав послание Алексея, Бакуриани тотчас же назначил младшим стратигом храброго и многоопытного в военных делах Николая Врану 432, а сам, спеша соединиться с императором, вместе со всем войском и знатными людьми немедленно вышел из Орестиады. Самодержец в свою очередь сразу же выстроил все войско, назначил командирами самых храбрых из числа лучших воинов и приказал им во время передвижения,

где только позволит характер местности, сохранять боевые порядки, каждому знать свое место, чтобы в разгар битвы строй, как подчас бывает, не смешался и не перепутался.

Отрядом экскувитов 433 командовал Константин Опос 434, македонцами – Антиох, фессалийцами – Александр Кавасила, над охридскими турками 435 начальствовал Татикий, который в то время был великим примикирием 436. Последний был храбрым, непобедимым в бою мужем, хотя и происходил от несвободных родителей. Его отец – Сарацин был взят в плен во время военного набега моим дедом со стороны отца – Иоанном Комниным. Предводителями манихеев, которых всего насчитывалось две тысячи восемьсот, были принадлежавшие к этой ереси Ксанта и Кулеон 437. Все эти мужи, обладавшие решительным и дерзким нравом, были доблестными воинами, готовыми, когда нужно, отведать крови врагов. «Ближайшими» (их обычно называют вестиаритами 438) и франкскими отрядами командовал Панукомит и Константин Умбертопул, названный так из-за своего происхождения 439.

Построив таким образом отряды, Алексей со всем своим войском выступил против Роберта 440.

Император встретил по дороге одного человека, идущего из Диррахия, подробно расспросил его о положении города и узнал, что Роберт приблизил к его стенам необходимые для штурма орудия. Тем временем Георгий Палеолог, дни и ночи обороняясь от вражеских гелепол и машин, не выдержал осады, открыл ворота, вышел из города и вступил в жестокий бой с противником 441. Он был несколько раз тяжело ранен, а особенно сильно пострадал от стрелы, вонзившейся ему в голову около виска. Он послал за опытным человеком, сам же в это время, тщетно пытаясь извлечь стрелу, обломал ее конец (я имею в виду древко и то место, где находится оперение), а остальную часть стрелы оставил в ране. Кое-как повязав себе голову, он вновь ворвался в гущу врагов и стойко сражался до самого вечера. Услышав об этом, император понял, что Георгий нуждается в немедленной помощи, и ускорил продвижение. По прибытии в Фессалонику он получил от многих людей еще более подробные сведения о Роберте. Он узнал, что Роберт готов к штурму, подготовил также к нему своих храбрых воинов, собрал на равнине около Диррахия много строительного материала и разбил лагерь на расстоянии выстрела из лука от стен города. Кроме того, большую часть войска он разместил по горам, долинам и холмам.

Много рассказывали Алексею и о мерах, принятых Палеологом. Георгий, собираясь поджечь приготовленные Робертом деревянные башни,

подвез к стенам города нефть, смолу, сухие поленья, камнеметные орудия и ожидал боя. Предполагая, что Роберт начнет штурм на следующий день, он заблаговременно соорудил деревянную башню, которую установил у внутренней стороны стены прямо против башни противника, приближавшейся извне. Всю ночь Палеолог испытывал бревно, находящееся на верхнем этаже башни, которое войны должны были метнуть в ворота вражеской башни, проверял, свободно ли оно движется и сможет ли попасть прямо в ворота, не дав им, таким образом, открыться. Видя, с какой легкостью движется и поражает цель бревно, он без страха стал ждать предстоящую битву.

На следующий день Роберт приказал всем вооружиться и ввел внутрь башни около пятисот пехотинцев и вооруженных всадников. Приблизив башню к стене, они попытались открыть верхние ворота, чтобы, пользуясь ими как мостом, проникнуть в крепость. Однако Палеолог изнутри, с помощью стоявших наготове машин и многочисленных храбрых мужей, выдвинул вперед огромное бревно и привел в полное бездействие сооружение Роберта, ибо бревно не позволяло открыть ворота башни. Тут воины Палеолога градом стрел стали осыпать стоявших на башне кельтов, последние, не выдержав этого, спрятались. Затем Георгий приказывает поджечь башню. Воины, находившиеся наверху, стремглав бросились вниз, а те, кто был внизу, открыли нижнюю дверь и стали спасаться бегством. Видя бегущего врага, Палеолог вывел своих храбрецов через ворота крепости, причем взял с собой также людей с топорами, чтобы они уничтожили башню. Палеолог с успехом провел эту операцию: верхнюю часть башни сжег, а нижнюю разбил с помощью специальных молотов и таким образом совершенно уничтожил сооружение Роберта.

5. Человек, который рассказал обо всем этом императору, сообщил также, что Роберт спешно готовит вторую башню, подобную первой, и снаряжает против Диррахия гелеполы. Император понял, что защитники Диррахия нуждаются в немедленной помощи, построил свои войска и выступил к Диррахию.

По прибытии на место он велел вырыть ров, расположил свое войско у реки Арзен и немедленно отправил к Роберту послов 442, которые должны были у него спросить, зачем он пришел и какова его цель. Алексей подошел к храму, который был воздвигнут в честь великого святителя Николая в четырех стадиях от Диррахия. Там он разведал местность, желая заранее найти наиболее подходящее место, где можно было бы во время битвы расположить фаланги 443. Это происходило пятнадцатого октября 444. Начинающийся в Далмации горный хребет, доходя до моря,

заканчивается там мысом, образующим нечто вроде полуострова, на котором и стоит упомянутый уже храм. К Диррахию обращен пологий, переходящий в равнину склон хребта; слева от этого склона находится море, справа – крутая, высокая гора 445. Император привел туда все свое войско, разбил лагерь и послал за Георгием Палеологом.

Последний, однако, имея давний опыт в подобных делах, счел неразумным являться к императору, отказался выйти из города и о своем решении дал знать Алексею. В ответ на еще более настойчивые требования императора Георгий сказал: «Выход из осажденной крепости представляется мне слишком губительным, и я не выйду отсюда, пока не увижу собственными глазами перстень с руки твоей царственности». И лишь увидев отправленный ему перстень, он в сопровождении военных кораблей прибыл к императору. Приняв Палеолога, император стал расспрашивать его о Роберте. Когда Георгий подробно обо всем рассказал, император задал вопрос, следует ли отважиться на битву с Робертом. Георгий, не раздумывая, ответил отрицательно. Решительно высказались против сражения и некоторые из многоопытных в военном деле мужей, они советовали выждать, стараться обстреливать вражеское войско и таким образом поставить Роберта в тяжелое положение, не позволяя его воинам выходить из лагеря за продовольствием и провиантом. Кроме того, они советовали приказать Бодину, далматам и другим правителям соседних областей поступать так же, уверяя, что таким образом можно будет легко одержать верх над Робертом. Однако большинство более молодых воинов предпочитали дать сражение, а особенно ратовали за него Константин Порфирородный 446, Никифор Синадин 447, предводитель варягов Намбит 448 и сыновья бывшего императора Романа Диогена – Лев и Никифор 449.

Тем временем возвратились послы, отправленные ранее к Роберту, и передали его ответ императору. «Я выступил, – говорил он, – не против твоей царственности, а чтобы отомстить за обиду, причиненную моему зятю. Если же ты хочешь мира со мной, то и я с радостью приму его, но только тогда, когда ты исполнишь требования, которые передадут тебе мои послы». Он поставил условия, совершенно невыполнимые и наносящие вред Ромейскому государству. Вместе с тем Роберт обещал, если Алексей пойдет ему навстречу, считать Лонгивардию пожалованной ему императором и, когда нужно, оказывать помощь ромеям 450. Цель Роберта была, выставив такие требования, создать впечатление, что он желает мира; на самом же деле он предлагал невыполнимые условия, рассчитывая, что они не будут приняты и он сможет продолжать войну,

ответственность за которую возложит на плечи императора ромеев.

Запросив невозможное и получив отказ, он созвал всех своих графов и сказал им следующее: «Вы знаете, какую обиду нанес моему зятю Никифор Вотаниат и какое бесчестие перенесла моя дочь Елена, вместе со своим мужем лишенная императорской власти 451. Не желая сносить такую обиду, я выступил из своей страны, чтобы отомстить Вотаниату. Однако он был свергнут с престола, и мы ныне имеем дело с молодым императором – храбрым воином, не по летам опытным в военном искусстве, с которым нельзя вести войну небрежно. Где многовластие, там и неразбериха, возникающая в результате бесчисленных противоречивых суждений. Поэтому нам всем следует подчиниться кому-нибудь одному, а он должен прислушиваться к мнению всех, а не беззаботно и неразумно полагаться лишь на свое суждение. Все должны прямо высказывать свои соображения и вместе с тем выполнять решения избранного. Я первый готов подчиниться тому, кого вы все изберете».

Все одобрили этот совет, с похвалой отозвались о словах Роберта и тогда же единодушно решили уступить ему первенство. Роберт сначала стал притворно отказываться от этой чести, они же все более настойчиво просили, и в конце концов Роберт сделал вид, что уступает просьбам, хотя на самом деле давно сам страстно желал этого. Искусно подбирая слова, приводя довод за доводом, он нехотя, как казалось непроницательным людям, двигался к тому, чего в действительности сам желал. В конце концов он сказал им: «Выслушайте мой совет, графы и остальное войско. Покинув родину, мы пришли сюда, и нам предстоит битва с очень храбрым императором; хотя он только недавно взял в свои руки бразды правления, тем не менее уже при своих предшественниках он вышел победителем из многих битв и привел в плен императорам самых опасных мятежников; посему для этой войны нам следует напрячь все свои силы. Если же бог дарует нам победу, у нас не будет недостатка в деньгах. Вот почему мы должны сжечь все свое снаряжение, пустить в море транспортные суда 452 и вступить с ним в бой так, как если бы, только что родившись, собрались тут же умереть» 453. Все согласились со словами Роберта.

6. Таковы были замыслы и планы Роберта. Однако планы самодержца были еще более хитроумны и изобретательны. Оба вождя сдерживали пока войска и раздумывали о своих действиях и военных операциях, о том, каким образом им лучше всего со знанием дела руководить войском и вести бой. Самодержец решил ночью неожиданно напасть на лагерь Роберта; он приказал всему союзному войску двигаться через солончаки

454 и с тыла напасть на лагерь – ради скрытности передвижения Алексей пошел на удлинение пути. Сам же он намеревался напасть на Роберта с фронта, как только удостоверится в том, что посланный им отряд достиг цели.

Роберт же тем временем оставил лагерь, ночью переправился через мост (это происходило восемнадцатого октября пятого индикта) 455 и со всем войском прибыл к находящемуся у моря храму, который был в давние времена сооружен в честь мученика Феодора.

Всю ночь обращались они с мольбами к богу и причащались чистых и святых таинств 456. Затем Роберт построил фаланги, сам встал в середине строя, командование обращенным к морю флангом поручил Амикету 457 (этот граф происходил из знатного рода и обладал выдающимися умом и силой), а начальником другого фланга сделал своего сына Боэмунда, прозванного Саниском 458.

Когда об этом узнал самодержец, он, как человек, всегда находящий лучшее решение в трудном положении, изменил свой план в соответствии с обстоятельствами и расположил боевые порядки по склону хребта около моря. Разделив уже войско, он не прекратил наступления варваров, которые двинулись к лагерю Роберта, но удержал вместе с их начальником Намбитом тех, кто носит на плечах обоюдоострые мечи 459. Этим последним он приказал спешиться и рядами двигаться на небольшом расстоянии впереди строя, так как все воины этого племени носят щиты. Все остальное войско Алексей разделил на фаланги, сам встал в середину строя, а командование правой и левой фалангой поручил кесарю Никифору Мелиссину и великому доместику Бакуриани. Между ним и пешим строем варваров находилось большое число искусных стрелков из лука, которых он собирался выслать вперед против Роберта; Намбиту же он приказал, чтобы его отряд немедленно расступился в обе стороны и дал проход этим лучникам, как только последним нужно будет напасть на кельтов и вернуться назад; затем войско должно снова сомкнуться и продолжать движение. Расположив таким образом всю армию, сам Алексей пошел вдоль морского берега с намерением напасть на кельтское войско с фронта. Тем временем отправленные в тыл врага варвары прошли через солончаки и, когда защитники Диррахия, согласно приказу императора, открыли ворота города, одновременно с ними напали на кельтский лагерь. В то время как полководцы двигались навстречу друг другу, Роберт выслал отряды, которым приказал нападать на ромейское войско и пытаться увлечь за собой вражеских воинов. Но и тут не оплошал император: для отражения атак он непрерывно посылал пельтастов.

Между войсками произошла небольшая перестрелка. Так как Роберт медленно следовал за своими воинами, а расстояние между обеими сторонами уже сократилось, из фаланги Амикета вырвались пехотинцы и конники, которые напали на головной отряд Намбита.

Встретив, однако, сильное сопротивление, они повернули назад (далеко не все они были отборными воинами), бросились к морю, зашли по шею в воду и, приближаясь к ромейским и венецианским кораблям, стали просить спасти их, но моряки их не приняли.

В этот момент, как рассказывают, бегущих увидела Гаита, жена Роберта, сопутствовавшая ему в военном походе, – вторая Паллада, хотя и не Афина 460. Она сурово взглянула на них и оглушительным голосом, на своем языке произнесла что-то вроде гомеровских слов: «Будьте мужами, друзья, и возвысьтесь доблестным духом» 461. Видя, что они продолжают бежать, Гаита с длинным копьем в руке во весь опор устремилась на беглецов. Увидев это, они пришли в себя и вернулись в бой.

Между тем секироносцы и сам их вождь Намбит из-за своей неопытности и горячности двигались быстрее, чем следовало, и, не менее кельтов стремясь вступить в бой, удалились на значительное расстояние от ромейского строя (ведь эти варвары обладали таким же пылким нравом, как и кельты, и ничем не уступали им в этом отношении). Роберт понял, что воины Намбита устали и еле дышат (об этом он заключил по быстроте их движения, пройденному расстоянию и весу оружия воинов), и приказал своим пехотинцам напасть на них.

Успевшие уже устать воины Намбита оказались слабее кельтов. Пало тогда все варварское войско. Те, кому удалось спастись, бросились бежать к храму архистратига Михаила 462; те, кого вместил храм, вошли внутрь, другие взобрались на крышу, думая найти там спасение. Но латиняне подожгли храм, и вместе с ним сгорели все воины.

Оставшаяся часть ромейской фаланги продолжала оказывать мужественное сопротивление. Как некий крылатый всадник набросился Роберт с остальными своими войсками на фалангу ромеев, погнал ее и рассек на много частей. Одни из его врагов пали в этой битве с оружием в руках, другие нашли спасение в бегстве. Но император Алексей оставался стоять, как нерушимая башня, несмотря на то что потерял в бою многих своих соратников – мужей благородного происхождения и большого военного опыта. Убит был Константин, сын императора Константина Дуки 463. Когда он родился, его отец был не простым человеком, Константин был рожден и вскормлен в Порфире и именно тогда получил из рук отца императорскую корону. Убит был храбрый и прекрасный муж

по имени Никифор, по прозвищу Синадин, который в тот день стремился всех превзойти в битве. Упомянутый уже Константин неоднократно заводил с ним беседы о замужестве своей сестры. Кроме того, были убиты отец Палеолога, Никифор, и другие знатные мужи 464. Получив смертельную рану в грудь, испустил дух Захарий, погибли Аспиет и многие отборные воины 465.

Битва все еще продолжалась, когда три латинянина, видя, что император продолжает сопротивляться, во весь опор с длинными копьями наперевес бросились на него. Это были уже упомянутый Амикет, Петр, сын Алифы 466 (как он сам это говорил), и еще один воин, ничем не уступающий первым двум. Амикет ударил, но промахнулся, так как его конь немного отклонился в сторону. У второго из них император мечом вышиб копье, затем что было силы ударил его по ключице и отсек руку. Но третий воин нацелился императору прямо в лицо. Алексей, человек сообразительный и твердый духом, не растерявшись, быстрым умом мгновенно понял, что ему нужно делать, и, когда кельт замахнулся, откинулся навзничь на круп коня. Конец меча, немного оцарапав кожу, натолкнулся на острие шлема, рассек держащий его под подбородком ремень и сбил шлем на землю. Затем кельт проехал мимо того, кого он, как ему казалось, сшиб с коня. Но Алексей сразу же поднялся и крепко уселся в седле, сумев ничего не потерять из своего оружия. В правой руке он держал обнаженный меч, его лицо было обагрено собственной кровью, голова не покрыта, а огненно-рыжие волосы развевались и мешали смотреть. Возбужденный конь кусал удила и вздрагивал, отчего локоны Алексея в еще большем беспорядке падали на лицо. Собравшись с силами, он продолжал сопротивляться врагам.

Вскоре Алексей увидел, что турки 467 бегут, а Бодин отступает, так и не вступив в битву. Бодин вооружился, построил войско в боевой порядок и весь день простоял на месте, делая вид, что готов выполнить договор и быстро прийти на помощь императору. Он, по-видимому, ждал, когда победа начнет склоняться на сторону самодержца, и лишь тогда собирался сам напасть на кельтов. В противном случае он намеревался воздержаться от боя и отступить. О таких намерениях Бодина говорят сами его дела: когда Бодин увидел, что кельты победили, он, так и не начав боя, отправился восвояси 468. Самодержец, видя это и не находя никого, кто мог бы прийти к нему на помощь, и сам обратил тыл. И вот латиняне стали преследовать ромейское войско.

7. Роберт прибыл к храму святого Николая, где находилась императорская палатка и все снаряжение ромейского войска. Своих

наиболее сильных воинов он послал в погоню за императором, а сам остался у храма, мечтая о том, как он захватит в плен самодержца: такие мысли распаляли его дерзкий дух. Отправленные в погоню энергично преследовали императора до места, именуемого жителями Какиплевра 469. Внизу там течет река Арзен, а над ней возвышается отвесная скала. Между ними-то и настигли Алексея преследователи. Они ударили императора копьями в левый бок (всего их было девять человек) и заставили его склониться вправо. И Алексей наверняка бы упал, если бы не успел опереться о землю мечом, который держал в правой руке. Кроме того, шпора на левой ноге впилась острием в край седла, который называют ипостромой, и помогла всаднику не упасть. Алексей левой рукой ухватился за гриву коня и удержался в седле. И вот некая божественная сила неожиданно пришла ему на помощь и спасла от врагов, ибо не без ее вмешательства справа от Алексея появились другие кельты, которые целили в него своими копьями. Ударив его в правый бок остриями копий, они сразу подняли воина и выпрямили его в седле. Эта сцена представляла собой странное зрелище: кельты, находившиеся слева, старались опрокинуть Алексея, а находившиеся справа, уперев копья в бок императора, как бы сопротивлялись первым и, противопоставив копьям копья, поддерживали императора в прямом положении. Алексей, сжав ногами коня и седло, уселся потверже, а затем явил пример мужества 470.

Конь императора был горяч и проворен, в то же время очень силен и приучен к битвам (этого коня Алексей вместе с пурпурным седлом взял у Вриенния, которого он захватил в плен в битве еще в правление императора Никифора Вотаниата). Короче говоря, конь, вдохновленный божественным промыслом, сделал прыжок, понесся по воздуху и остановился на вершине скалы, о которой я говорила: Алексей, можно сказать, взмыл вверх на крыльях мифического Пегаса. Этого коня Вриенний называл Сгурицем 471. У одних варваров копья, как бы пронзив пустоту, выпали из рук, а копья других, впившись в одежду императора, были увлечены конем вверх. Алексей сразу же обрубил приставшие к нему копья. Даже в таких опасных обстоятельствах император не пал духом и не потерял рассудка, напротив, он быстро нашел выход из положения и неожиданно выбрался из гущи врагов.

Кельты стояли разинув рты, пораженные происшедшим. И ведь, действительно, было чему удивляться. Однако, увидев, что Алексей поскакал в другую сторону, они возобновили преследование. Император долгое время уходил от врага, а затем повернул коня и, встретив одного из своих преследователей, пронзил ему грудь копьем. Тот сразу же навзничь

рухнул на землю, а император во весь опор поскакал той же дорогой. Тут он встретил двигавшийся ему навстречу отряд кельтов, преследовавший ромейские войска. Завидев его издали, они стали сомкнутым строем, желая дать передышку коням и вместе с тем захватить Алексея и доставить его в качестве добычи Роберту. Император же, заметив, что, кроме преследующих его сзади, появились новые враги спереди, потерял всякую надежду на спасение. Однако, собравшись с духом, он высмотрел стоявшего в центре воина, которого по фигуре и блеску оружия принял за Роберта, пришпорил коня и бросился на него. Тот, со своей стороны, сделал то же самое и направил копье на императора. Сойдясь, оба воина набросились друг на друга. Император первый метким ударом поражает противника копьем, которое, пробив грудь, выходит через спину. Варвар сразу же падает на землю и, так как рана оказалась смертельной, испускает дух. Тут строй врагов расступился, и император проехал сквозь него, обретя спасение убийством этого варвара.

Кельты же, как только раненый рухнул на землю, сбежались к нему и стали хлопотать вокруг лежащего. Преследователи императора, увидев их, сошли с коней; они узнали мертвого и стали, рыдая, бить себя в грудь. Это был, однако, не Роберт, а другой знатный воин, второй после Роберта. Кельты задержались, а император продолжил дальше свой путь.

8. Ведя свой рассказ, я отчасти из-за природы истории, отчасти из-за величия самих дел забыла, что предметом повествования являются деяния моего отца. Не желая, чтобы моя история вызвала к себе недоверие, я нередко бегло говорю о своем отце, ничего не преувеличиваю и не отзываюсь с излишней горячностью о его подвигах. О, если бы я была свободна и не связана любовью к своему отцу! Я бы воспользовалась всем богатством своих сведений и показала бы, на что способна моя речь, когда ее ничто не сдерживает, и как она тяготеет к изображению прекрасного! Однако препятствием к выполнению этого желания является моя совершенно естественная любовь к отцу, ибо не хочу из пристрастия к близким давать повод подозревать меня в рассказывании басен. Постоянно вспоминая о подвигах отца, я бы выплакала всю душу и не смогла бы удержаться от скорбных монодий, повествуя об обрушившихся на него бедствиях. Но для того чтобы в этой части моего повествования не было никаких риторических прикрас, я, уподобившись бесчувственному металлу и камню, лишь бегло рассказывала о несчастиях моего отца; ими и следует мне поклясться, дабы в действительности быть и называться любящей дочерью (ведь я ничем не хуже знаменитого гомеровского юноши, произнесшего такие слова: «Нет, Агелай, я Зевсом клянусь и

судьбою отцовской») 472. Пусть одной мне доставляют восхищение и горе отцовские страдания 473, а историческое повествование развивается своим чередом.

Затем кельты отправились к Роберту. Увидев, что они возвращаются с пустыми руками, он расспросил их обо всем случившемся, разразился упреками в их адрес, а командира грозил высечь и назвал его трусом и профаном в военном деле. Он считал, что этот воин должен быть наказан, за то что сам не взобрался на своем коне на скалу, не убил императора или не привел его живым. Роберт был очень мужествен и храбр, однако весьма раздражителен и желчен, с сердцем, исполненным гнева и суровости. К врагам Роберт относился таким образом: он должен был или пронзить противника копьем, или умертвить себя, перерезав, как говорится, нить своей судьбы. Тот воин, которого обвинял Роберт, очень ясно рассказал о неприступности и крутизне скалы, о том как резко поднимается она вверх и как обрывиста и опасна. Он прибавил также, что никто, ни пеший, ни конный, не может взойти на нее без божественного вмешательства; и не то что во время битвы, но и в спокойной обстановке нельзя взобраться на эту скалу. «Если ты мне не веришь, – продолжал воин, – попытайся сам или пошли своего самого храброго всадника, и тогда ты увидишь, что это невозможно. Если же кто-нибудь, с крыльями или без крыльев, умудрится взобраться на эту скалу, я согласен вынести любое наказание и быть заклеймен как трус». С ужасом и изумлением произнеся эти слова, варвар смирил гнев Роберта, чье раздражение сменилось удивлением.

Между тем император за двое суток проехал труднопроходимым путем лабиринты окрестных гор и прибыл в Охрид. По дороге он переправился через Арзен и ненадолго задержался в месте под названием Вавагора 474 (это труднопроходимая долина). Алексей не был удручен поражением и другими несчастными последствиями битвы, его не мучила рана в голове, хотя сердце у него и разрывалось от горя за павших в битве, особенно за тех, кто храбро сражался в бою. Все мысли самодержца были целиком в Диррахии, и он мучительно думал о том, что этот город остался без предводителя, так как начавшееся жестокое сражение помешало Палеологу туда вернуться. Насколько было возможно, Алексей позаботился о защите жителей города; охрану акрополя он поручил начальникам живших там выходцев из Венеции, а попечение об остальной части города – албанцу Комискорту 475, которому он в письме сообщил о тех мерах, которые тот должен был предпринять476.

Книга V

1. Тем временем Роберт совершенно беспрепятственно захватил всю добычу и императорскую палатку и, как победитель, с гордым видом прибыл на ту самую равнину, на которой он раньше, во время осады Диррахия, стоял лагерем. После кратковременного отдыха он стал раздумывать, не попытаться ли вновь взять приступом город или же отложить осаду до следующей весны, а сейчас отправиться в Главиницу и Янину и перезимовать там, расположив все войско в горных долинах над равниной Диррахия 477.

Между тем защитники Диррахия (а большинство из них, как уже говорилось 478, были амальфитянами и венецианцами) узнали о том, что случилось с самодержцем, какая произошла резня и сколько погибло мужей; им стало известно также, что флоты ушли, а Роберт следующей весной намеревается продолжить осаду. Поэтому они думали, как спастись и что делать, дабы не навлечь на себя новые беды. Наконец, на общем собрании каждый открыто высказал свое мнение, и после обсуждения своих дел они, как им казалось, нашли выход из безвыходного положения: решили покориться Роберту и сдать ему город. Подстрекаемые одним из амальфитян, они, послушавшись его советов, отворили ворота и впустили в город Роберта 479. Роберт занял Диррахий. Призвав к себе воинов, он стал смотреть, кто из них ранен серьезно, а кто лишь оцарапан мечом; он узнавал, сколько воинов и какие именно пали в описанных выше сражениях. Уже наступила зима, и Роберт намеревался набрать другое наемное войско и пригласить чужеземцев, с тем чтобы весной со всеми силами выступить против императора.

Но не только кичившийся своей победой и трофеем Роберт строил планы. Побежденный и израненный в этом ужасном бою император, лишившийся стольких храбрых воинов, хотя и пребывал в страхе и унынии, тем не менее не был склонен умалять свои силы, а, напротив, своим изобретательным умом искал способ отомстить весной за поражение. Оба мужа обладали даром предвидения, были предусмотрительны, искушены во всех военных хитростях, закалены во всевозможных штурмах, засадах и открытых сражениях, энергичны и храбры в рукопашных схватках; по уму и мужеству они были самыми подходящими друг для друга противниками из всех живущих на земле полководцев. Алексей ни в чем не уступал находившемуся уже в расцвете сил Роберту, который хвастался, что от его крика чуть ли не сотрясается

земля и приходят в замешательство целые фаланги. Но преимуществом императора была его молодость. Говорить об этом здесь, однако, неуместно, предоставим такую возможность авторам энкомиев.

Между тем император Алексей, оправившись немного от поражения и отдохнув в Охриде, прибывает в Девол 480; насколько это было в его силах, он старался вновь вдохнуть силы в уцелевших в битве, измученных страданиями воинов, а остальному своему войску через разосланных повсюду послов приказал явиться в Фессалонику. Алексей на опыте знал мужество Роберта и отвагу его огромного войска, в то же время он с горечью видел, какими неискусными и трусливыми были его – мне не хочется прибавлять слово «воины», потому что эти люди были совершенно необучены и незнакомы с военным делом. Поэтому Алексей нуждался в союзниках; но без денег приобрести их было невозможно, а денег у него не было, ибо казну без всякой пользы растратил прежний император Никифор Вотаниат 481, двери казны тогда вообще не запирались, они были открыты для всех желающих, и ее содержимое было расхищено. Отсюда происходили и все затруднения Ромейского государства, одновременно страдающего от бессилия и бедности. Что должен был делать в этих условиях молодой император, только что взявший в свои руки кормило власти? Он мог в отчаянии бросить все на произвол судьбы и вовсе отказаться от власти, дабы его, без вины виноватого, не назвали неопытным и неискусным правителем; он мог также, повинуясь необходимости, призвать возможно большее число союзников и достать откуда-нибудь денег для расплаты с ними; он мог, наконец, созвать при помощи даров рассеянных повсюду воинов. Это внушило бы воинам еще большие надежды на будущее, побудило бы находившихся с императором к стойкости, а отсутствовавших склонило бы к возвращению; благодаря этому они с еще большим мужеством могли бы сопротивляться кельтским полчищам. Не желая совершать ничего, что бы не соответствовало и не было созвучно его военному искусству и отваге, он решил сделать две вещи: отовсюду вызвать к себе союзников, ловко завлекая их обещаниями многочисленных даров, и попросить мать и брата достать денег и выслать их ему.

2. Последние, не найдя другого выхода, отправили для переплавки на императорский монетный двор все имевшиеся у них золотые и серебряные вещи. Первой отдала все доставшееся ей по наследству от матери и отца императрица, моя мать, которая считала, что этим поступком она побудит к тому же и остальных. Она опасалась за самодержца, видя, в каком тяжелом положении он находится. Кроме того, они взяли золото и серебро

у всех тех, кто был предан императорам и был согласен добровольно, в меру своих возможностей дать денег. Часть денег они отправили союзникам, часть – самодержцу. Денег, однако, не хватило даже на самое необходимое; воины, сражавшиеся с Алексеем, просили наград. Еще более щедрой платы требовали наемники. Поэтому император, разочаровавшись в ромеях, настойчиво требовал еще денег.

Родственники Алексея оказались в затруднительном положении, наедине и совместно перебирали они различные планы. Узнав же, что Роберт вновь готовится к войне, они и вовсе пришли в отчаяние и обратили тогда свое внимание на старые законы и каноны об отчуждении священной утвари. Среди прочих законов обнаружили один, позволяющий для выкупа пленных отчуждать священную утварь святых божьих церквей 482 (ведь им было известно, что жившие в Азии под властью варваров христиане, которым удалось избежать смерти, оскверняли себя общением с неверными). Поэтому они решили отдать в перековку и использовать для оплаты своих воинов и союзников часть давно не употреблявшейся и непригодной утвари, которая никому не была нужна и только представляла собой приманку для воров и святотатцев. После того как они решили это, севастократор Исаак явился в Великий храм божий, куда он собрал синод 483 и все духовенство 484. Когда члены священного синода, восседающие рядом с патриархом, увидели его, они с удивлением спросили, зачем он явился. Исаак ответил на это: «Я пришел сказать вам, что в нынешних бедственных обстоятельствах может принести пользу и спасти войско». Вместе с тем он привел им каноны о священной утвари, находящейся без употребления, долго говорил по этому поводу и заключил свою речь следующими словами: «Я принужден принуждать тех, кого мне не хотелось бы принуждать». Он высказывал благородные мысли и, казалось, вот-вот склонит большинство на свою сторону. Однако против него выступил Метакса, который стал под благовидными предлогами возражать Исааку и даже высмеивать его самого. Несмотря на это, мнение Исаака взяло верх. Это послужило основанием для тяжкого обвинения против императоров (я без колебаний называю Исаака невенчанным императором), которое выдвигалось тогда и выдвигается поныне.

Епископом Халкидона в то время был некий Лев, человек не слишком большого ума и учености, но весьма добродетельный, обладавший жестким и угрюмым нравом. Когда с Халкопратийских ворот снимали золотые и серебряные украшения, этот Лев выступил вперед и разразился дерзкой речью, не принимая в расчет ни государственной необходимости, ни законов относительно священной утвари 485. Еще более нагло и, можно

сказать, необузданно он вел себя по отношению к властителю и всякий раз как прибывал в столицу, злоупотреблял его долготерпением и человеколюбием. И тогда, когда впервые самодержец выступил из царственного города против Роберта 486, а его родной брат севастократор Исаак с общего согласия и в соответствии с законами и правом доставал, где только возможно, деньги, этот Лев своим дерзким поведением навлек на себя гнев упомянутого брата императора.

Алексей неоднократно терпел на войне поражения, бессчетное число раз вновь нападал на кельтов и, наконец, с божьего соизволения, вернулся, увенчанный победой 487. Вскоре император, однако, узнал, что на него надвигается туча других врагов (я имею в виду скифов) 488. И вот по тем же причинам начался новый сбор денег (Алексей в то время находился в столице). На этот раз Лев еще более бесстыдным образом оскорбил самодержца. Усиленному обсуждению подвергся тогда вопрос о святынях, и Лев стал учить, что мы должны почитать святые иконы не относительно, а служебно 489. Некоторые его доводы имели благовидные основания и были достойны человека, носившего сан епископа, другие же были совершенно неправильны, и я не знаю, приводил ли он их из вражды к императору или же по невежеству. Ведь он не мог ясно и точно высказать свою мысль, ибо был совершенно неискушен в словесности. Лев под влиянием подстрекавших его злобных людей, коих немало было тогда в государстве, стал нагло клеветать на императоров, несмотря на то что император просил его переменить свое мнение об иконах, отказаться от ненависти к нему, обещая отдать святым церквам еще более ценную утварь и сделать все необходимое для возмещения ущерба (а ведь Алексея уже освободили от вины наиболее достойные 490 члены синода, которых приверженцы халкидонца назвали льстецами). Поэтому он был осужден и лишен должности 491.

Нисколько не смущенный этой мерой, он не успокоился, продолжал приводить в волнение церковь и привлек к себе немалое число сторонников. Так как Лев был совершенно неукротим и неисправим, то по прошествии нескольких лет его единогласно осудили и приговорили к изгнанию 492. Он отправился в Созополь на Понте, где был окружен императорской заботой и вниманием; воспользоваться ими он, однако, не пожелал, по-видимому, из-за ненависти, которую питал к самодержцу. Но об этом достаточно.

3. Между тем самодержец усердно занимался обучением новобранцев (многие, узнав о его спасении, явились к Алексею). Он учил их твердо сидеть в седле, метко стрелять, искусно сражаться в полном вооружении и

устраивать засады. Он также вновь отправил к германскому королю посольство во главе с Мифимном и в письме еще более настоятельно побуждал его не медлить, собрать свои войска и скорее прибыть, согласно договору, в Лонгивардию. Король должен был отвлечь силы Роберта, чтобы, таким образом, Алексей получил возможность собрать свое войско и чужеземные отряды и изгнать Роберта из Иллирика. Император сулил германскому королю многочисленные милости и уверял, что скрепит клятвой брачный союз, заключить который Алексей обещал через послов 493.

Распорядившись таким образом и оставив вместо себя великого доместика Бакуриани, Алексей возвращается в царственный город, для того чтобы собрать чужеземные войска и сделать все, что диктовалось временем и обстоятельствами. Тем временем манихеи Ксанта и Кулеон 494 вместе со своим двух с половиной тысячным войском своевольно возвратились домой. Самодержец неоднократно посылал за ними, они обещали вернуться, но откладывали свой приход. Император настаивал, сулил им в письмах дары и титулы, но они так и не явились к нему.

Пока император занимался приготовлениями к походу против Роберта, к Алексею явился вестник с сообщением, что германский король уже готов вступить в Лонгивардию 495. Роберт оказался в затруднительном положении и раздумывал, что ему предпринять. Отправляясь в Иллирик, Роберт оставил своим преемником Рожера 496, младшему же сыну – Боэмунду 497 – еще не дал в управление никакой страны; поэтому после долгих раздумий Роберт собрал вместе всех графов, отборных людей из своего войска и своего сына Боэмунда Саниска, выступил с речью и сказал им следующее: «Вы знаете, графы, что, собираясь переправиться в Иллирик, я сделал своего любимого сына и первенца 498 Рожера властителем государства. Ведь нельзя было, берясь за это предприятие и покидая страну, оставить ее без правителя и отдать на разграбление каждому желающему. Ныне же германский король идет войной на нашу страну, и мы должны сделать все возможное, чтобы ее защитить. Ведь нельзя завоевывать чужие земли, оставляя на произвол судьбы свои собственные. Итак, я иду защищать свою страну и вступаю в бой с германским королем. Я поручаю Диррахий, Авлон и остальные города и острова, покоренные моим копьем 499, вот этому моему младшему сыну; я прошу и заклинаю вас: почитайте его, как меня самого, и бейтесь за него всеми силами и всей душой. А тебе, дорогой мой сын, – сказал он, обращаясь к Боэмунду, – я приказываю со всем почтением обращаться с графами, непременно пользоваться их советами, не

самовластвовать, но всегда действовать сообща с ними. Смотри, не относись легкомысленно к войне с ромейским императором из-за того только, что он потерпел страшное поражение, едва не стал жертвой меча и потерял на войне большую часть своего войска. Ведь, – продолжал Роберт, – он был уже почти в плену и, израненный, ушел буквально из наших рук. Не ослабляй своих усилий, чтобы Алексей, получив передышку, не собрался с духом и не стал сопротивляться тебе еще мужественнее, чем раньше. Алексей – незаурядный муж, он вскормлен в войнах и битвах, прошел весь Запад и Восток и привел в плен прежним самодержцам многих мятежников. Да ты и сам слышал об этом от многих людей. Если же ты будешь бездействовать, если самым решительным образом не выступишь против него, то погубишь то, чего я с таким трудом добился, и сам пожнешь плоды своего легкомыслия. Я уже отправляюсь, чтобы сразиться с королем, изгнать его из нашей страны и, таким образом, утвердить моего дорогого Рожера в пожалованной ему власти» 500.

Простившись с сыном, Роберт вступил на борт монеры и переправился в Лонгивардию 501. Оттуда он быстро прибыл в Салерно, который прежде был резиденцией дук. Находясь там, он собрал крупные военные силы и привлек как можно больше наемников из других стран.

Между тем германский король, сдерживая данные самодержцу обещания, готовился вступить в Лонгивардию. Узнав об этом, Роберт спешил прибыть в Рим, чтобы объединиться там с папой и не дать германцу достичь цели. Когда папа дал свое согласие, они оба выступили против германца. В это время торопившийся напасть на Лонгивардию король получил сведения о самодержце, о том, что тот потерпел сокрушительное поражение, что одна часть его воинов стала жертвой вражеских мечей, другая рассеялась во все стороны, что сам он подвергся большой опасности; храбро сражаясь, получил несколько тяжелых ран и сверх ожиданий спасся благодаря своей отваге и мужеству. Поэтому король повернул назад и отправился на родину, почитая победой уже то, что без надобности не подверг себя опасности.

Итак, король отправился домой. Роберт же, прибыв в его лагерь, не пожелал сам продолжать преследование, а выделил большую часть своего войска и послал его в погоню за германцем. Сам же он, забрав всю добычу, вместе с папой направился в Рим. Он утвердил папу на его престоле и сам получил от него благословение 502. Затем Роберт вернулся в Салерно, чтобы отдохнуть от тяжких воинских трудов 503.

4. Вскоре к нему явился Боэмунд, на лице которого было написано поражение 504. Как его постиг этот удар судьбы, я сейчас расскажу.

Помня наставления отца, да и вообще будучи человеком воинственным и храбрым, Боэмунд вступил в упорную борьбу с императором. Со своим войском, а также с отборными ромейскими воинами и правителями захваченных Робертом областей и городов (отчаявшись в успехе самодержца, они безоговорочно перешли на сторону Боэмунда), он через Ваинитию 505 прибывает в Янину. Прежде всего он велел вырыть ров среди находящихся за городом виноградников, расположил все войско в удобных местах, а свою палатку разбил внутри города. Он осмотрел стены и, увидев, что акрополь крепости находится в плохом состоянии, не только поспешил, насколько было возможно, исправить его, но построил также еще один хорошо укрепленный акрополь в другой части стены, где ему показалось удобным 506. Вместе с тем Боэмунд подверг грабежу соседние земли и города.

Узнав об этом, самодержец, немедля собрал все свое войско, в мае месяце 507 поспешно выступил из Константинополя и подошел к Янине. Когда же настал час битвы, Алексей увидел, что его войско не составляет и ничтожной части сил Боэмунда. Зная из опыта войны с Робертом, как трудно выдержать первый натиск кельтской конницы, он счел необходимым послать сначала небольшое число отборных пельтастов 508, чтобы завязать перестрелку с врагом. Он хотел таким путем получить представление о военном искусстве Боэмунда и, вступая в мелкие стычки, выяснить общую ситуацию, чтобы затем уже с уверенностью выступить против кельтов.

Оба войска горели желанием начать бой. Император же, опасаясь первого неотразимого натиска латинян, изобретает нечто новое. Он приказывает изготовить колесницы легче и меньше обычных, прикрепить к каждой из них по четыре шеста и приставить к колесницам тяжеловооруженных пеших воинов. По его замыслу, в тот момент, когда латиняне во весь опор бросятся на ромейскую фалангу, эти воины будут толкать вперед колесницы и таким образом прорвут плотно сомкнутый строй латинян.

Когда настал час битвы и солнце во всем своем сиянии уже поднялось над горизонтом, самодержец установил в боевой порядок фаланги и сам принял командование центром. Но в ходе сражения оказалось, что ухищрения самодержца не застали врасплох Боэмунда: как будто предварительно зная о замысле Алексея, он приспосабливается к обстоятельствам, делит на две части войско, обходит колесницы и нападает с обоих флангов на ромейский строй. Ряды смешались в этом бою с рядами, и мужи лицом к лицу бились с мужами. Много воинов пало

в битве с каждой стороны, но победу тем не менее одержал Боэмунд. Как нерушимая башня, стоял самодержец под градом летевших в него отовсюду стрел; он то набрасывался на наступающих и ввязывался в схватки, разя кельтов насмерть, нанося и получая удары, то непрерывными криками возвращал воинов, обратившихся в бегство. Но, увидев, что его строй прорван во многих местах, Алексей решил позаботиться и о себе. Может быть, кто-нибудь подумает, что император спасал себя из трусости? Нет, он избежал опасности, чтобы вновь собраться с силами и еще доблестней бороться с кельтами.

Уходя от врагов с немногими воинами, Алексей дорогой встретил кельтов и опять проявил себя неустрашимым полководцем. Ободрив своих спутников, он с силой набросился на врага, готовый или умереть на месте или одержать победу 509. Нанеся удар, он убил одного из кельтов, а его спутники, истинные щитоносцы Арея, ранили многих других и обратили врагов в бегство. Избежав, таким образом, неисчислимых и серьезнейших опасностей, Алексей через Струги благополучно прибывает в Охрид. Остановившись там, он собрал немало беглецов, оставил их в Охриде вместе с великим доместиком, а сам направился к Вардару. Сделал он это не ради отдыха – ведь Алексей вовсе не позволял себе предаваться царственной беспечности и досугу 510.

Затем Алексей вновь стянул войска, собрал наемников и выступил против Боэмунда, задумав новую хитрость, чтобы одолеть кельтов. Заготовив железные триболы 511, он вечером, накануне битвы, велел рассыпать их на пространстве между обоими войсками, там, где он ожидал особенно сильного наступления кельтской конницы. Замысел Алексея состоял в следующем: триболы вопьются в ноги коней, и первый сокрушительный натиск латинян будет сломлен, стоящие же в центре ромейские копьеносцы медленно, так, чтобы не наступить на триболы, выедут вперед, ударят по кельтам и, разъехавшись в обе стороны, вернутся назад; в это время пельтасты начнут издали усиленно обстреливать кельтов, а левый и правый фланги в неудержимом натиске обрушатся на них с двух сторон.

Таковы были планы моего отца, которые, однако, не укрылись от Боэмунда. А случилось следующее. То, что император замыслил вечером, утром стало известно кельту. В соответствии с полученными сведениями он искусно изменил свои планы и принял бой, вместо того чтобы самому начать наступление, как это он обычно делал. Предупредив намерение самодержца, он вел бой главным образом на флангах, приказав стоящей по фронту фаланге до поры до времени оставаться на месте. Когда началась

рукопашная схватка, ромейские воины обратили тыл и, устрашенные предыдущим поражением, не смели даже оглянуться на латинян. Ромейский строй смешался, несмотря на то что император оставался непоколебимым и всеми силами сопротивлялся врагам, многим из них нанося раны и то и дело получая их сам.

Однако, когда Алексей увидел, что все войско уже бежало и лишь немногие остаются с ним, он решил не подвергать себя опасности, продолжая бессмысленное сопротивление. Ведь глупо идти на явный риск, если после тяжких трудов не имеешь сил противостоять врагам. Хотя правый и левый фланги ромейской фаланги обратились в бегство, император продолжал стойко держаться, храбро сражался с фалангой Боэмунда и принял на себя всю тяжесть боя. Но, видя, что опасность неотвратима, он решил спасаться сам, дабы потом вновь выступить против победителя, стать для него еще более грозным противником и не дать Боэмунду увенчать свою победу. Вот каким он был: терпя поражение и побеждая, спасаясь бегством и преследуя врага, он никогда не терял присутствия духа и не попадал в сети безнадежного отчаяния – ведь Алексей питал великую веру в бога, чье имя постоянно было у него на устах, хотя он решительно воздерживался им клясться 512. И вот, оставив надежду на победу, он, как говорилось выше, и сам повернул назад, преследуемый Боэмундом и его отборными графами.

Но вот Алексей сказал Гулу (своему старому слуге) и другим спутникам: «Сколько еще бежать?», повернул коня и, выхватив меч из ножен, ударил в лицо первого встретившегося преследователя. Видя это, кельты решили, что он уже отчаялся спастись, и, на собственном опыте зная, как трудно одолеть человека, находящегося в таком состоянии, отступили и прекратили преследование. Итак, Алексей избавился от преследователей и избежал опасности. Даже во время бегства император не пал духом; напротив, одних беглецов он призывал вернуться, других высмеивал, хотя многие и делали вид, что не замечают этого. Избавившись таким образом от опасности 513, Алексей явился в царственный город, чтобы вновь собрать войско и выступить против Боэмунда 514.

5. После возвращения Роберта в Лонгивардию Боэмунд, следуя наставлениям отца, вступил в борьбу с самодержцем, постоянно завязывая сражения, Петра же Алифу вместе с Пунтесом 515 он отправил для завоевания различных земель. Петр Алифа немедленно овладел обоими Пологами 516, а упомянутый Пунтес – Скопле. Сам же Боэмунд, по приглашению охридчан, поспешно прибыл в Охрид. Он пробыл там некоторое время, но, так как Ариев 517 охранял крепость, ничего не

добился и направился в Остров. Оттуда он также ушел ни с чем и, пройдя через Соск 518 и Сервию, направился в Верию. Он неоднократно нападал на различные области, но, нигде не добившись успеха, через Воден прибыл в Моглены, где восстановил давно разрушенную крепость. Там он оставил с немалыми силами некоего графа по прозвищу Сарацин 519, а сам отправился к Вардару в так называемые Белые Церкви 520.

Он пробыл там три месяца, а в это время был раскрыт заговор трех знатных графов – Пунтеса, Ренальда 521 и некоего Вильгельма 522, собиравшихся перейти на сторону императора. Пунтес, предвидя провал заговора, бежал и явился к самодержцу, двоих других задержали, и, согласно кельтскому закону, они должны были оправдаться в бою 523. Вильгельм был побежден и повержен наземь, и Боэмунд ослепил его; второго же – Ренальда он отправил к своему отцу Роберту в Лонгивардию. Роберт выколол ему глаза. Затем Боэмунд оставил Белые Церкви и отправился в Касторию. Когда великий доместик узнал об этом, он прибыл в Моглены, схватил и убил Сарацина и до основания разрушил крепость. Тем временем Боэмунд вышел из Кастории и направился в Лариссе с намерением провести там зиму 524.

Самодержец же, прибыв, как было уже сказано, в столицу, тотчас приступил к делу (ведь он был очень деятелен и вовсе не склонен к праздности) и попросил у султана войско и военачальников, обладающих большим опытом. Султан послал ему семь тысяч воинов 525 во главе с многоопытными военачальниками, среди которых находился и сам Камир 526, превосходивший остальных возрастом и опытностью. Пока император занимался всеми этими приготовлениями, Боэмунд выделил часть своего войска (это были все кельты-катафракты) и, отправив их в набег, овладел Пелагонией 527, Трикалами и Касторией. Боэмунд со всем своим войском прибыл в Трикалы и выслал отряд храбрых воинов, который с ходу овладел Цивиском 528. Затем в день великомученика Георгия 529 он со всеми своими силами подошел к Лариссе, окружил стены и осадил город 530. Защитник этого города, сын слуги отца самодержца Лев Кефала 531, в течение целых шести месяцев мужественно сопротивлялся осадным машинам Боэмунда. Тогда же он письменно сообщил самодержцу о нападении варвара. Однако император не сразу, хотя и страстно желал этого, выступил против Боэмунда. Он отложил выступление, ибо собирал отовсюду наемное войско. Наконец, хорошо вооружив всех своих воинов, он вышел из Константинополя.

Приблизившись к Лариссе, император перешел через гору Кельи, а затем, оставив справа от себя большую государственную дорогу 532 и

гору, которую местные жители называют Киссав, спустился к Эзеве (это валашское 533 местечко вблизи Андронии). Оттуда он прибыл в другое село, обычно называемое Плавицей, которое расположено вблизи реки...534. Там он разбил свой лагерь и выкопал большой ров. Оттуда император направился к садам Дельфина 535, а потом в Трикалы 536. В это время к нему явился посол, доставивший письмо от упомянутого Льва Кефалы. Кефала весьма дерзко писал императору: «Ты знаешь, что я, приложив все свое усердие, доныне сохранил в своих руках крепость. У нас уже нет пищи, дозволенной христианам, и мы едим запретное. Но и запретной пищи больше не осталось. И вот, если ты поторопишься помочь нам и обратишь в бегство осаждающих, слава богу! Если же нет, я выполнил свой долг, и мы подчинимся необходимости (а что можно сделать вопреки природе и ее власти?), сдадим крепость врагам, которые теснят и буквально душат нас. Если же произойдет это несчастье (пусть меня проклянут, но я дерзко выскажу это перед лицом твоей царственности), если ты не поспешишь как можно быстрее избавить от опасности нас, изнемогающих под бременем войны и голода, если ты, наш император, будучи в состоянии помочь, не окажешь помощи, то не уйти тебе от обвинения в предательстве».

Самодержец же решил осилить врага иным способом. Его одолевали мысли и заботы. Моля бога послать ему помощь, Алексей провел целый день, раздумывая, каким образом он должен устроить засады. Он призвал к себе одного старика – жителя Лариссы и стал расспрашивать его о расположении местности. Напрягая взор и указывая пальцем, он подробно выспрашивал, где местность прорезывают овраги и нет ли там к тому же густых зарослей. Об этом расспрашивал он старика из Лариссы, намереваясь устроить засаду и хитростью одолеть латинян. Он отказался от мысли вступить в открытый бой, ибо во многих битвах потерпел поражение и на опыте знал, что такое сражаться с франками.

После захода солнца, утомленный тяжкими дневными трудами, император заснул и ему приснился сон. Алексею привиделось, что он стоит в святом храме великомученика Димитрия 537 и слышит голос: «Не печалься, не стенай, завтра ты победишь». Казалось, что голос доносится до него от одной из висящих в храме икон, на которой был изображен великомученик Димитрий. Он пробудился, радуясь услышанному во сне гласу, сотворил молитву мученику и обещал в случае победы над врагом сразу же отправиться в Фессалонику и за много стадий до города, оставив коня, пешком медленно пойти на поклонение святому.

Призвав к себе стратигов, начальников и всех своих родственников,

Алексей открыл совет и стал спрашивать мнение каждого. Затем он изложил им свой план, заключавшийся в том, чтобы передать все отряды родственникам. Главнокомандующими же он назначил Никифора Мелиссина 538 и Василия Куртикия, которого называли также Иоаннаки 539 (это знатный муж, родом из Адрианополя, знаменитый своим мужеством и военным искусством). Алексей передал им не только отряды, но и все императорские знамена 540. Он приказал построить войска таким строем, какой применял в предыдущих битвах, и велел сначала обстрелять передовые ряды латинян, а затем всему войску с боевым криком броситься на врага. Уже сойдясь щитом к щиту с врагом и вступив в рукопашный бой, они должны были обратить тыл и сделать вид, что стремительно отступают к Ликостомию 541. В то время как император отдавал эти приказания, неожиданно по всему войску раздалось ржание коней. Изумление охватило всех присутствующих, но император и вообще люди проницательные расценили это как доброе предзнаменование.

Отдав такие распоряжения, Алексей оставил войско справа от крепости Ларисса, а сам дождался захода солнца, приказав нескольким доблестным мужам следовать за ним, прошел через Ливотанийское ущелье 542, обогнул Ревеник и через так называемую Аллагу подошел с левой стороны к Лариссе. Он осмотрел местность и, заметив низину, засел там в засаде вместе со своими спутниками. Когда император, торопясь, как выше говорилось, устроить засаду, уже собирался войти в Ливотанийское ущелье, начальники ромейских отрядов выделили часть своих воинов и отправили их против кельтов, чтобы отвлечь на себя врага, и не дать ему возможности выследить императора. Эти воины, спустившись на равнину, напали на кельтов, долгое время вели бои и отступили лишь тогда, когда ночь уже не позволяла сражаться. Император же, прибыв в назначенное место, приказал всем спешиться, опуститься на колени и держать коней за уздечки. И сам он, найдя кустик чебреца, склонился к нему и, держа в руках узду, пролежал вниз лицом остаток ночи.

6. С восходом солнца Боэмунд увидел построенные в фаланги ромейские отряды, царские значки, копья, усаженные серебряными гвоздями, и коней, покрытых царскими пурпуровыми седлами. Тогда он и сам, как смог, выстроил против них свое войско и, разделив его на две части, встал во главе одной из них, а командование другой поручил Бриену 543 (это знатный латинянин, которого называли также «коннетаблем» 544). Построив таким образом войска, он вновь поступает по своему обычаю: считая, что в том месте, где он увидел царские знамена, находится и самодержец, увлеченный ложной догадкой Боэмунд с

быстротой молнии бросается на врага. Ромеи после недолгого сопротивления обратили тыл, и Боэмунд погнал их в своем неудержимом натиске так, как уже было описано раньше 545.

Тем временем император, видя, как далеко бегут его отряды и как неудержимо преследует ромейские отряды Боэмунд, предположил, что Боэмунд уже находится на значительном расстоянии от своего лагеря. Он сел на коня, приказал сделать то же самое своим воинам и подъехал к лагерю Боэмунда. Войдя туда, он убил многих оказавшихся там латинян и взял добычу 546. Затем Алексей посмотрел на преследователей и отступающих и увидел, что ромеи очень естественно изображают отступление, а Боэмунд и за ним Бриен их преследуют. Император подозвал славного стрелка Георгия Пирра и других доблестных мужей, выделил большой отряд пельтастов и приказал им быстро последовать за Бриеном, но, настигнув его, не вступать в рукопашный бой, а непрерывным дождем стрел издали осыпать коней. Они сделали это и, приблизившись к кельтам, стали не переставая метать стрелы в их коней, так что всадники оказались в отчаянном положении. Ведь любой кельт, пока он сидит на коне, страшен своим натиском и видом, но стоит ему сойти с коня, как из-за большого щита и длинных шпор он становится неспособным к передвижению, беспомощным и теряет боевой пыл 547. Как я полагаю, именно на это и рассчитывал император, отдавая приказ поражать стрелами не всадников, а коней. И вот, кельтские кони стали падать на землю, а воины Бриена закружились на месте. От этого громадного круговорота поднялся до неба большой и плотный столб пыли, который можно сравнить лишь с павшей некогда на Египет кромешной тьмой 548: густая пыль застилала глаза и не давала узнать, откуда летят стрелы и кто их посылает.

Отправив трех латинян к Боэмунду, Бриен сообщил ему обо всем случившемся. Послы прибыли к Боэмунду, когда он с несколькими кельтами стоял на островке реки Саламврия 549, ел виноград и спесиво хвастался. Его слова передаются из уст в уста и служат предметом насмешек до сих пор; коверкая по-варварски слово «Ликостомий», он несколько раз повторил: «Я загнал Алексея в волчью пасть 550». Вот до какой степени самомнение ослепляет людей, не давая им видеть, что происходит у них перед глазами.

Когда Боэмунд выслушал сообщение послов Бриена и узнал о хитрости самодержца, который обманом одержал победу, он, как и следовало ожидать, огорчился, но не пал духом (таким был этот муж). И вот несколько специально отобранных кельтов-катафрактов Боэмунда

поднялись на холм, расположенный напротив Лариссы. Ромейские воины заметили их и возгорелись страстным желанием напасть на кельтов, самодержец удерживал их от этой затеи. Тем не менее много воинов, которые собрались из разных отрядов, поднялись на холм и напали на кельтов. Они, однако, тотчас обрушились на ромеев и убили около пятисот воинов. Затем император, догадавшись о месте, через которое должен был пройти Боэмунд, отправил туда своих доблестных воинов вместе с турками и Мигидином во главе, но Боэмунд, когда те приблизились, напал на них, вышел из боя победителем и преследовал их до реки.

7. На рассвете следующего дня Боэмунд вместе с сопровождавшими его графами, а в их числе был и Бриен, переправился через упомянутую уже реку. Вблизи Лариссы он увидел болотистое место и нашел поросшую лесом долину между двумя холмами, под названием «Дворец Доменика», которая оканчивалась узким проходом (его называют клисурой); через этот проход он вошел в долину и разбил там лагерь. На другое утро к нему подошел со всем войском фалангарх Михаил Дука – мой дядя по материнской линии, человек выдающегося ума, красотой и ростом превосходивший не только своих современников, но и вообще всех живших когда-либо на земле (изумление охватывало каждого, кто смотрел на него). Мой дядя обладал неподражаемым искусством предвидеть события, принимать нужные решения и претворять их в дело.

Согласно приказу самодержца, войско Михаила не должно было целиком входить в устье клисуры, ему надо было расположить воинов снаружи отрядами, а затем, выбрав искусных стрелков из числа турок и савроматов 551, ввести их туда, однако запретить пускать в ход какое-либо оружие, кроме стрел. Когда они вошли в долину и на конях набросились на латинян, оставшиеся снаружи, одержимые воинским пылом, стали оспаривать друг у друга право войти в теснину. Боэмунд же, искусный военачальник, приказал своим воинам стоять сомкнутым строем, огородить себя щитами и не двигаться с места. Протостратор 552, со своей стороны, видя, что его воины один за другим исчезают и входят в проход, вошел туда и сам. Боэмунд увидел их и, говоря словами Гомера, «радостью вспыхнул, как лев, на добычу нежданно набредший» 553. Своими глазами видя воинов с протостратором Михаилом, Боэмунд со всем войском в неудержимом натиске набрасывается на них, и они тотчас обратили тыл. Уза (его имя происходит от названия племени) 554, человек, прославившийся мужеством и умеющий, как говорится у Гомера, «справа и слева держать щит, бычьей обтянутый кожей» 555, вышел из ущелья, направился вправо и, резко обернувшись назад, ударил первого

подвернувшегося ему латинянина. Тот сразу же вниз головой рухнул на землю.

Боэмунд преследовал наших воинов до реки Саламврии. Во время бегства упомянутый уже Уза ударил копьем знаменосца Боэмунда, выхватил из его рук знамя, некоторое время размахивал им, а затем склонил к земле. Латиняне, увидев, что знамя, находившееся раньше в прямом положении, склонилось вниз, пришли в замешательство, бросились бежать другой дорогой и прибыли по ней в Трикалы, которые уже раньше были заняты воинами Боэмунда, отступавшими в Ликостомию. Они вошли в город, где оставались некоторое время, а оттуда направились в Касторию.

Император же отошел от Лариссы, прибыл в Фессалонику и со свойственной ему в таких случаях проницательностью сразу же отправил послов к графам Боэмунда и обещал им большое вознаграждение за то, что они потребуют у Боэмунда обещанной платы. А если Боэмунду нечем будет расплатиться, Алексей советовал им убедить его спуститься к морю и просить денег у своего отца Роберта или даже самому переправиться и потребовать для них платы. Если они это исполнят, обещал Алексей, то получат всяческие титулы и бесчисленные милости. Он обещал также принять к себе тех, кто пожелает за плату служить ему, и назначить им жалование по их воле; тех же, кто хотел вернуться домой, он обещал беспрепятственно переправить через Угрию.

Графы подчинились приказу самодержца и решительно потребовали платы за четыре истекшие года. Боэмунд не имел денег и поэтому медлил. Графы настаивали на своих законных требованиях, и Боэмунд, не зная, что предпринять, оставил Бриена охранять Касторию, Петра Алифу – охранять Пологи, а сам направился в Авлон 556. Узнав об этом, император победителем возвращается в царицу городов.

8. Когда Алексей прибыл туда, он застал в беспорядке церковные дела и не позволил себе даже кратковременного отдыха. Он был истинным апостолом и, найдя церковь взбудораженной учением Итала 557, не пренебрег вопросами догмы, несмотря на то что собирался выступить против Бриена (это тот кельт, который, как уже говорилось, завладел Касторией).

В это время большое распространение получила ересь Итала, которая приводила церковь в сильное замешательство. Этот Итал (о нем нужно рассказать с самого начала) происходил из Италии и долгое время прожил в Сицилии, на острове, расположенном вблизи Италии. Сицилийцы отделились от Ромейского государства и, готовясь вступить с ним в войну,

пригласили в качестве союзников италийцев, среди которых был отец Итала. При нем находился его сын, который, хотя и не вступил еще в возраст, пригодный для военной службы, тем не менее прыгающей походкой следовал за отцом и изучал, как это принято у италийцев, военное искусство. Так прошли ранние годы Итала, такова была основа его образования. Когда же во время царствования Мономаха знаменитый Георгий Маниак поднял восстание и захватил Сицилию, отец Итала с трудом спасся вместе с сыном 558. Оба беглеца отправились в Лонгивардию, находившуюся еще под властью ромеев.

Оттуда Итал, не знаю каким образом, прибыл в Константинополь – город, который не испытывал недостатка в просвещении и словесности 559. Ведь наука, которая, начиная с владычества Василия Порфирородного 560 и до самого царствования императора Мономаха 561, находилась в пренебрежении у большинства людей, хотя и не исчезла вовсе, в правление императора Алексея расцвела, поднялась и стала предметом занятий просвещенных людей. До этого же времени большинство людей предавались роскоши и забавам, занимались из-за своей изнеженности ловлей перепелов и другими постыдными развлечениями, а науку и образование считали чем-то второстепенным.

Такого типа людей застал Итал в Константинополе, где он стал вращаться в кругу ученых мужей, обладавших грубым и суровым нравом (и такие были тогда в царственном городе). Приобщившись с их помощью к литературному образованию, он позднее стал учеником знаменитого Михаила Пселла 562. Этот Пселл мало учился у мудрых наставников, но достиг вершин премудрости и, тщательно изучив греческую и халдейскую науки 563, прославился своей мудростью благодаря природному таланту, острому уму, а также и божьей помощи (его мать, не смыкая глаз, постоянно обращалась с горячими мольбами к святой иконе богоматери в храме Кира 564 и, обливаясь горючими слезами, просила за сына 565). С ним-то и вошел в общение Итал, однако из-за своей варварской неотесанности он не смог проникнуть в глубины философии, ибо, исполненный дерзости и варварского безрассудства, не выносил учителей, у которых учился, считал, что превзошел всех еще до начала обучения и с первых уроков стал противоречить самому Пселлу 566.

Проникнув в глубины диалектики, он ежедневно вызывал волнение в местах большого стечения народа, перед которым он разводил свои словеса и, изложив какую-нибудь софистическую выдумку, доказывал ее такого же рода аргументами 567.

С Италом вступили в дружбу царствовавший в то время Михаил Дука

и его братья 568. Отдавая предпочтение Пселлу 569, они тем не менее любили Итала и использовали его в словесных состязаниях: ведь Дуки – как братья самодержца, так и сам император – были очень просвещенными людьми. Итал смотрел на Пселла горящими безумными глазами и, когда тот орлом налетал на его софизмы, приходил в волнение и неистовство, горячился или огорчался.

Что же произошло дальше? Латиняне и италийцы возгорелись желанием вступить в войну с ромеями и замыслили захват всей Лонгивардии и Италии 570. Император отправил в Эпидамн Итала, полагая, что он свой человек, честен и хорошо знаком с положением в Италии. Говоря коротко, Итала изобличили в том, что он в Италии предает нас, и был послан человек, который должен был его оттуда изгнать. Но Итал, узнав об этом, бежал в Рим. Затем он раскаялся (такова уж его натура!), обратился с просьбой к императору и по его приказу прибыл в Константинополь, где ему были для местожительства определены монастырь, известный под названием Пиги, и церковь Сорока святых 571. А когда Пселл после пострижения покинул Византий 572, Итал был назначен учителем всей философии в должности ипата философов 573 и ревностно занимался толкованием книг Аристотеля и Платона. Он казался чрезвычайно образованным человеком и более чем кто-либо другой был искушен в сложнейшей перипатетической философии и особенно диалектике. В других областях словесности он не имел больших дарований 574: хромал в грамматике и не вкусил сладости риторики. Поэтому его слог был лишен гармоничности и изящной отделки, имел характер грубый и неприкрашенный. Речь у него была хмурой и язвительной. Его писания были исполнены диалектическими доводами, а речь загромождена эпихейремами, впрочем больше в устных выступлениях, чем в письменных сочинениях. Он был настолько силен и непобедим в диспутах, что его противники оказывались беспомощными и сами собой замолкали. Своими вопросами он рыл для собеседника яму и бросал его в колодец трудностей. Этот муж был настолько опытен в диалектике, что непрерывным градом вопросов буквально душил спорящих с ним, а их ум приводил в замешательство и смущение. Никто не мог, раз встретившись с ним, пройти сквозь его лабиринты. Вообще же он был совершенно невоспитан, и гнев владел его душой, а если он и приобрел благодаря науке какую-нибудь добродетель, то его злой характер уничтожил ее и свел на нет. Этот муж спорил как словами, так и руками и не дожидался того момента, когда собеседник попадет в безвыходное положение; он не удовлетворялся тем, что зажимал рот противнику и

осуждал его на молчание, – рука Итала тотчас обрушивалась на бороду и волосы собеседника, и обида следовала за обидой; свои руки, так же как и язык, он не мог сдержать. Только одна черта Итала была чуждой философам: ударив противника, он переставал гневаться, обливался слезами и проявлял явные признаки раскаяния.

Может быть, кому-нибудь захочется узнать о его внешности? У него была большая голова, открытое лицо, выпуклый лоб, широко раздувающиеся при дыхании ноздри, окладистая борода, широкая грудь, крепкое телосложение. Роста он был не слишком высокого. Произношение у Итала было таким, какое можно ожидать от латинянина, который уже в юношеском возрасте прибыл в нашу страну и выучил греческий язык: говорил он не очень чисто и, случалось, съедал отдельные слоги. Неясность его речи и беззвучное произношение окончаний 575 не были незамечены большинством, а более искушенные в риторике люди называли его произношение «деревенским». Поэтому и сочинения Итала, хотя и были насыщены диалектикой, тем не менее не были свободны от бессвязного построения и рассеянных там и сям солецизмов 576.

9. Итак, Итал стал главным философом 577, и юношество стекалось к нему. Он раскрывал молодым людям учения Прокла, Платона и двух философов: Порфирия и Ямвлиха 578, а главным образом истолковывал желающим труды Аристотеля 579 и его «Органон» 580; этим последним он особенно кичился и более всего занимался. Итал не мог, однако, принести большой пользы ученикам, так как этому препятствовали его вспыльчивость и непостоянство нрава. Давайте посмотрим на его учеников: Иоанна Соломона 581, Ясита, Сервлия 582 и других, по-видимому, ревностных в учении его последователей. Большинство из них нередко являлось во дворец, и я сама позже видела, что они никакой науки не знали досконально 583, но тем не менее изображали из себя диалектиков, делая беспорядочные жесты и дико кривляясь 584. У них не было никаких здравых представлений, но они в туманных выражениях развивали теории 585 даже о метампсихозе и других чудовищных вещах подобного рода. А кто только из причастных к науке людей не был в то время допущен во дворец, если святая чета дни и ночи проводила в изучении священного писания (я говорю о своих родителях – императорах)? Я немного расскажу об этом, ибо законы риторики дают мне такое право.

Я вспоминаю, как часто моя мать, императрица, сидя за завтраком, держала в руках книгу и углублялась в слова догматистов – святых отцов, а особенно философа и мученика Максима 586. Она интересовалась не

столько изысканиями в естественных науках, сколько вопросами догмы, от которых желала вкусить плоды истинной мудрости. Нередко случалось мне восхищаться ею, и в своем восхищении я как-то сказала: «Как можешь ты устремлять взоры на такую высоту? Я трепещу и даже кончиками ушей не дерзаю внимать этому. Ведь философствования и мудрость этого мужа, как говорят, вызывают головокружение у читателей». Она с улыбкой ответила мне: «Такая робость, я знаю, похвальна, да и сама я не без страха беру в руки подобные книги, однако не в состоянии от них оторваться. Ты же подожди немного. Посиди сначала над другими книгами, а потом вкусишь сладость этих». Воспоминание об этих словах ранило мое сердце, и я как бы окунулась в море других рассказов. Но меня ограничивают рамки истории, и поэтому пусть мой рассказ возвратится к Италу.

Итал, процветая среди упомянутых выше учеников, относился ко всем презрительно, многих глупцов побудил к бунту и воспитал из числа своих учеников немало тиранов. Я бы многих из них могла привести в пример, если бы время не стерло из моей памяти их имена587. Все это, однако, было до того, как мой отец взошел на престол. Он застал здесь все просвещение и словесность в жалком состоянии (наука же исчезла вовсе), поэтому, если где-нибудь под золой тлела какая-либо искорка, он старался ее раздуть и не уставал побуждать к учению тех, кто имел склонность к наукам, а таких было немного, и стояли они лишь в преддверии аристотелевской философии 588; притом он поощрял их больше к изучению священных книг, чем эллинской культуры.

Император нашел, что Итал кругом сеет смуту и обманывает большое число людей, и потому поручил испытать его севастократору Исааку, который был весьма просвещенным и талантливым человеком. Исаак нашел, что Итал именно таков, каким его представляли, и публично изобличил его, а затем по приказу брата-императора передал в руки церкви 589. Так как Итал не мог скрыть своей невежественности, он и там разразился проповедью чуждых церкви догм, продолжая открыто издеваться над высшими чинами церкви и совершать другие поступки, свидетельствовавшие о его невежественном и варварском нраве. Главою церкви был тогда Евстратий Гарида, который задержал Итала в зданиях Великой церкви в надежде изменить его к лучшему. Но, как говорят, он скорее сам готов был приобщиться к его нечестию, нежели обратить Итала к истинному учению; последний совершенно склонил на свою сторону Гариду 590. Что же произошло в результате? Все жители Константинополя собрались к церкви, требуя Итала. И его, возможно, даже сбросили бы с высоты на пол церкви, если бы Итал тайком не поднялся на крышу

божественного храма и не спрятался в укромном месте.

Император сильно терзался душой, так как лживое учение Итала было подхвачено многими придворными и немало вельмож было введено в заблуждение его губительными догмами. И вот лживое учение Итала было изложено в одиннадцати пунктах 591 и отправлено императору. Самодержец приказал Италу на амвоне Великой церкви предать анафеме эти пункты в присутствии всего народа, который должен был, стоя с непокрытой головой, слушать и прибавлять: «анафема». Однако и после этого Итал не смирился, вновь открыто в присутствии многих людей проповедовал то же самое и в своей варварской необузданности отказывался слушать увещевания императора. Тогда и сам Итал был предан анафеме, хотя позже, когда он вновь раскаялся, проклятие было смягчено. С тех пор его догмы предаются анафеме, а имя подлежит церковному проклятию косвенно, тайно, без ведома большинства 592. Ведь позднее он изменил свои убеждения и раскаялся в прежних заблуждениях, отказался от учения о метампсихозе и от оскорблений священных икон святых, привел в соответствие с православием свои взгляды на «идеи» и совершенно недвусмысленно порицал самого себя за отклонение от истинного пути 593.

Книга VI

1. Как говорилось выше 594, Бриен овладел Касторией. Самодержец, стремясь изгнать его оттуда и захватить город, вновь созвал войско, снабдил всех воинов оружием, необходимым для осады и боя в открытом поле, и отправился по дороге к крепости. Расположение же той местности таково: имеется там озеро Кастория, в которое вдается мыс, расширяющийся к концу и завершающийся каменистыми холмами. На этом мысе сооружены башни и укрепления, похожие на крепостные, почему город и называется Касторией 595. Прибыв туда, император решил прежде всего обстрелять башни и укрепления из гелепол. Так как воины, не имея опорного пункта, не могли приблизиться к стенам, Алексей первым делом разбил лагерь, изготовил деревянные башни, соединил их железными цепями и из этих башен, как из укрепления, повел наступление на кельтов.

Он установил у крепости гелеполы и камнеметные орудия и, не прекращая боя ни ночью, ни днем, разрушал стены. Защитники крепости очень стойко оборонялись и не отступали, даже после того как в стене была пробита брешь. Алексею не удалось достичь своей цели, и тогда он принял мужественное и вместе с тем разумное решение: одновременно напасть на врага с двух сторон: с суши и, посадив на корабли смельчаков, с озера. Но так как кораблей там не было, Алексей приказал погрузить на колесницы небольшие челны и по узкому молу доставить их в озеро. Император заметил, что по одному склону латиняне быстро поднимаются на холм, а на спуск по другому тратят больше времени. И вот он посадил на суда Георгия Палеолога вместе с отважными мужами, приказал ему пристать к подножиям холмов и по сигналу за спиной врага взойти на гребень, поднявшись туда по пустынной и более легкой дороге. Увидав же, что самодержец вступил на суше в бой с латинянами, Палеолог должен был как можно быстрее напасть на врагов: будучи не в состоянии сражаться на два фронта, они ослабили бы сопротивление на одном из флангов, и тогда их можно было бы легко одолеть.

Георгий Палеолог пристал к берегу у упомянутого уже холма и остановился там с вооруженным войском; на высоком месте он поставил наблюдателя, который ждал условного сигнала императора, чтобы передать его Палеологу. На рассвете воины самодержца с боевыми криками поспешили вступить в бой с латинянами с суши. Наблюдатель заметил поданный сигнал и другим сигналом сообщил об этом Палеологу.

Воины во главе с Палеологом быстро поднялись на гребень холма и встали там сомкнутым строем. Бриен видел, что извне их осаждает император, что изнутри точит зубы Палеолог, тем не менее он не пал духом, а приказал своим графам еще мужественнее продолжать сопротивление. Но они сказали ему: «Ты видишь, несчастия следуют одно за другим, и каждому из нас отныне надо заботиться о своем спасении: одним перейти к императору, другим вернуться на родину». Графы сразу же претворили в дело свои слова и попросили самодержца установить одно знамя у храма великомученика Георгия 596 (там была воздвигнута церковь в честь этого мученика), а другое – в направлении Авлона 597, чтобы, как они говорили, «те из нас, которые пожелают служить твоей царственности, подошли к знамени, установленному у храма мученика, а те, которые пожелают вернуться на родину, явились к знамени, обращенному к Авлону». Сообщив это, они сразу же пришли к императору. Бриен, человек мужественный, не пожелал перейти к императору, но поклялся никогда не обращать против него оружие, если только тот позволит ему вернуться в свою страну и даст людей, которые проводят его до границ Ромейской империи. Император с готовностью исполнил эту просьбу, а сам, увенчанный блестящей победой, отправился по направлению к Византию.

2. Здесь я немного прерву течение своего рассказа, чтобы поведать, каким образом Алексей одержал победу над павликианами. Император не мог позволить себе вернуться во дворец, не одолев мятежников, и, как бы обеспечивая одной победой другую, наказанием манихеев 598 завершил круг своих подвигов. Ведь нельзя было допустить, чтобы эти потомки павликиан омрачали его славные победы над западными врагами. Однако Алексей не хотел достичь своей цели битвами, ибо не желал, чтобы обе стороны понесли на войне большие потери (императору издавна были известны жестокость и свирепость этих людей к врагам), поэтому он стремился наказать лишь главных виновников, а остальных включить в состав своего войска.

Император преследовал свою цель хитро. Зная отвагу и воинский пыл манихеев, Алексей опасался, как бы, придя в отчаяние, они не замыслили какого-нибудь зла. Ведь до тех пор они спокойно жили в своем отечестве и не совершали еще грабительских набегов. И вот на обратном пути в Византии Алексей отправил письмо, в котором приглашал еретиков к себе, завлекая их обещаниями всяких благ. Павликиане же, зная о его победе над кельтами, опасались, как бы это письмо не обмануло их благими надеждами. Тем не менее, хотя и против своей воли, они отправились к императору.

Алексей подошел к Мосинополю 599 и остановился в окрестностях города, ожидая прихода павликиан, но делая вид, что задерживается там из-за каких-то иных причин. Когда павликиане прибыли, Алексей сказал, что хочет-де на них посмотреть и записать имя каждого. С грозным видом воссел он на троне и приказал предводителям манихеев двигаться не беспорядочно, а группами по десять человек (общий смотр он обещал устроить на следующий день), затем, когда их перепишут, входить в ворота. Там уже стояли наготове воины, чтобы отбирать у еретиков коней и оружие, а их самих связывать и заключать в специальные тюрьмы. Манихеи, которые шли позади, находились в полном неведении относительно того, что происходит впереди, и входили в ворота, не зная, что ожидает каждого из них. Таким образом Алексей захватил павликиан и конфисковал их богатства, которые распределил среди своих доблестных воинов, разделявших с ним тяготы и опасности битв. Человек, взявший на себя такое дело 600, выгнал жен манихеев из домов и заключил под стражу на акрополе. Вскоре, однако, самодержец проникся состраданием к захваченным манихеям, и те, которые пожелали принять святое крещение 601, не встретили в этом отказа. Используя все средства, император выявил главных виновников этого безумия, сослал их на острова 602 и держал под стражей, а остальных освободил и разрешил идти, куда они пожелают. Манихеи всему другому предпочли свою родину и сразу же отправились туда, чтобы по возможности устроить свои дела.

3. Между тем император вернулся в царицу городов 603, где от него не укрылись сплетни, которые распространяли о нем на перекрестках и в закоулках. Слушая их, Алексей терзался душой, ибо не сделал и сотой доли того, что возводили на него злые языки. Ведь он прибег к этой мере в период крайней нужды, когда мир сотрясался и Алексей попал в затруднительное положение из-за того, что императорская казна была пуста. Он считал это займом, а не грабежом и злым умыслом тирана, как утверждали клеветники. К тому же у Алексея было намерение после успешного окончания предстоящих ему войн отдать церквам взятые у них ценности.

Вернувшись в царицу городов, он не мог снести того, что стал предметом разговоров людей, вкривь и вкось толкующих его поступки, поэтому созвал во Влахернском дворце собрание и великий синедрион, желая предстать там сначала в качестве обвиняемого и, таким образом, оправдать свои действия. И вот собрался весь синклит, военачальники и священническое сословие, которые с нетерпением ожидали, чем станет заниматься это большое собрание. А состоялось там не что иное, как

расследование клеветнических слухов относительно императора. На этом собрании присутствовали попечители святых монастырей 604, перед ними находились книги (называемые «бревиями» 605), в которых были записаны сокровища каждого храма. Внешне казалось, что сидящий на троне император был судьей, на самом же деле он сам собирался предстать перед следствием. И вот стали выяснять, какие пожертвования святым обителям издавна совершались разными лицами и что затем было оттуда взято, в том числе самим самодержцем. Когда же стало очевидным, что ничего не было взято, кроме золотых и серебряных украшений с гробницы императрицы Зои 606 и другой немногочисленной и почти не употреблявшейся для службы утвари, самодержец открыто объявил себя обвиняемым и предложил любому из присутствующих быть его судьей. А через некоторое время он уже другим тоном сказал:

«Я застал государство, окруженное со всех сторон варварами, не имевшее сил оказать сопротивление врагам, которые наседали на него. Вы знаете, какие опасности я пережил, едва не став жертвой варварского меча. Ведь враги, наступавшие со всех сторон, во много раз превосходили нас своей численностью. Вам известно о вторжениях персов и набегах скифов, и вы не забыли о копьях, которые точили против нас в Лонгивардии. Не было ни денег, ни оружия, а круг наших владений сузился, можно сказать, до неделимого центра. В то же время вы знаете, насколько с тех пор увеличилось наше войско, как оно было обучено, собрано отовсюду и спаяно в единое целое. Вы также знаете, что для всего этого потребовалось много денег, что все взятое в церквах было, как говорил знаменитый Перикл, «употреблено на необходимые цели» 607 и истрачено ради поддержания вашей чести. А если некоторым недовольным кажется, что я поступил вопреки канонам, то в этом нет ничего удивительного. Ведь мы знаем, что и царственный пророк Давид, поставленный перед той же необходимостью, вкусил вместе со своими воинами святых хлебов, хотя и не позволено было мирянину касаться пищи, предназначенной для священнослужителей 608. Кроме того, следует заметить, что священные каноны в некоторых случаях допускают продажу священной утвари ради выкупа пленных 609. Если же я, в то время как наша земля была порабощена и висела угроза захвата городов и самого Константинополя, вынужден был посягнуть на небольшое количество утвари, являющейся священной, и воспользоваться ею для освобождения пленников, то этим я не доставил зложелателям никакого повода для сколько-нибудь обоснованных обвинений». После этих слов он переменил характер своей речи, объявил себя виновным и стал осуждать самого себя. Затем он

приказал вновь раскрыть бревии, чтобы стало ясным, сколько утвари было взято. Алексей сразу же распорядился, чтобы чиновники податного ведомства выплачивали секрету Антифонита 610 значительную сумму денег. Это и до сих пор остается незыблемым, ибо там находится гробница упомянутой императрицы. Он приказал также каждый год из императорской сокровищницы выплачивать Халкопратийской церкви такую сумму, которой бы хватило на жалованье людям, певшим в божественном храме богоматери 611.

4. В это время был раскрыт заговор против самодержца, составленный вождями синклита и высшими командирами войска. Об этом донесли самодержцу, и нашлись обвинители, которые уличили соучастников этого заговора. Хотя козни заговорщиков были раскрыты и по закону им полагалось тяжкое наказание, самодержец предпочел не подвергать их этому наказанию, а только конфисковать имущество и сослать главных виновников, ограничив этим кару за участие в заговоре 612.

Но пусть мой рассказ вернется туда, откуда он отклонился. Когда самодержец был возведен Никифором Вотаниатом в должность доместика, он взял в число приближенных к себе слуг некоего манихея Травла. Он удостоил его святого крещения и сочетал браком с одной из служанок императрицы. У Травла было четыре сестры. Узнав, что они вместе с остальными изгнаны из своих жилищ, лишены всего имущества и заключены под стражу 613, он очень огорчился и, не будучи в силах стерпеть это, стал раздумывать, каким образом ему избавиться от власти самодержца. Его супруга, узнав о намерениях мужа и видя, что он собирается бежать, сообщила об этом тому, кто ведая делами манихеев 614. Ее донос не остался тайной для Травла, который созвал к себе вечером всех тех, кому успел открыть тайну. Родственники Травла собрались у него и отправились в Белятово 615 (это городок, расположенный на вершине холма, который возвышается над находящейся у Белятово долиной). Найдя город совершенно лишенным жителей, они сочли его как бы своей собственностью и обосновались в нем. Оттуда они ежедневно совершали набеги, достигали даже своего родного Филиппополя и возвращались с большой добычей.

Но Травл не ограничился этим 616: он заключил договор с обитавшими в Паристрии скифами, привлек на свою сторону правителей Главиницы 617, Дристры и прилежащих к ним областей, обручился с дочерью одного знатного скифа, стараясь всеми силами досаждать самодержцу вторжениями скифов. Император ежедневно получал сведения о Травле и в предвидении будущего старался письмами и

обещаниями привлечь его на свою сторону, ибо предчувствовал то зло, которое может причинить ему этот человек. Алексей даже составил и отослал хрисовул, гарантирующий Травлу безопасность и полную свободу 618. Но «не научился рак прямо ходить». Каким он был раньше, таким остался и теперь: старался привлечь на свою сторону скифов, еще большее их число приглашал к себе из их мест и грабил все соседние земли 619.

5. Впоследствии самодержец мимоходом уладил дела с манихеями и обязал их договором. В это время Боэмунд находился еще в Авлоне. Пусть же мой рассказ вновь вернется к нему. Узнав о Бриене и других графах, из которых одни предпочли перейти к самодержцу, другие рассеялись кто куда, Боэмунд, стремясь на родину, переправляется в Лонгивардию и, как уже говорилось, прибывает в Салерно 620 к своему отцу Роберту. Многое наговорил он ему на императора и возбудил против него гнев отца. Когда Роберт увидел Боэмунда, на лице которого было написано это страшное известие, он понял, что все расчеты на сына, как надежды на игральный черепок, привели к противоположным результатам; долгое время, как бы пораженный молнией, стоял Роберт без сил. Обо всем расспросил он Боэмунда и, поняв, что его надежды не оправдались, пришел в уныние.

Однако даже в этих тяжелых обстоятельствах у Роберта не возникло никаких малодушных или недостойных его отваги мыслей. Напротив, он еще сильнее возгорелся жаждой битв, и его охватили еще большие заботы и волнения. Ведь этот муж был полным хозяином своих намерений и планов и ни в коем случае добровольно не отступал от раз принятого решения; коротко говоря, это был человек бесстрашный, считавший, что не существует ничего такого, чего он не мог бы сразу же добиться. И вот он собрал все силы своего духа, отрешился от малодушия и разослал во все стороны послов, объявляя о новой переправе в Иллирик для борьбы с императором. И тотчас же отовсюду стеклось к нему множество конных и пеших воинов, прекрасно вооруженных и готовых к бою. Гомер сказал бы об этом множестве воинов: «словно пчелиные рои густые» 621. Много воинов собралось из соседних, но не меньше и из иноземных городов. Роберт хорошо снарядился, для того чтобы отомстить за поражение сына.

Он собрал большое войско и призвал к себе своих сыновей: Рожера и Гвидо 622 (этого последнего император Алексей хотел побудить изменить отцу и с этой целью тайно через послов предложил устроить его брак, обещал оказать высокую честь и щедро одарить деньгами. Гвидо согласился, но пока держал свое решение в тайне 623). Этим своим сыновьям Роберт передал всю конницу и отправил с приказом быстро овладеть Авлоном. Они переправились и стремительным набегом

захватили город. Для охраны его они оставили небольшой отряд, а сами с остальным войском подошли к Бутринто и с ходу овладели им.

Между тем Роберт со всем флотом 624 двинулся вдоль другого берега, напротив Бутринто и прибыл в Бриндизи, намереваясь переправиться в Иллирик. Узнав, однако, что пролив менее широк у Гидрунта, он переправился в Авлон оттуда 625. Затем со всем своим флотом он прошел вдоль берега от Авлона до Бутринто и соединился с сыновьями. Но так как захваченный ранее Корфу 626 вновь отложился от Роберта, последний оставил сыновей в Бутринто, а сам со своим флотом отплыл на Корфу. Это о Роберте.

Самодержец узнал об этом, но не пал духом, а стал готовиться вновь вступить в войну с Робертом и письмами побуждал венецианцев снарядить большой флот, обещав им щедро возместить расходы 627. Сам же он снарядил диеры, триеры и разного рода пиратские корабли, погрузил на них опытных в морском бою гоплитов и выслал их против Роберта. Когда Роберт узнал, что вражеские флоты прибыли, он, как всегда, предупреждая противника, снялся с якоря и со всеми кораблями вошел в Кассопскую гавань 628. Венецианцы в это время вошли в Пасарскую гавань 629 и оставались там некоторое время; узнав же о прибытии Роберта, они тоже быстро вошли в Кассопскую гавань. Завязался жестокий бой, и Роберт был побежден в рукопашной схватке. Но не таков был этот воинственный и жаждущий битв человек, чтобы отступить; напротив, и после этого поражения он опять стал готовиться к новому, более серьезному сражению. Командующие обоими флотами узнали об этом и, ободренные предыдущей победой, через три дня напали на Роберта, одержали блестящую победу и вернулись назад в Пасарскую гавань. Затем они, как это обычно происходит в подобной ситуации, или возгордились одержанными победами, или перестали опасаться поверженного врага, во всяком случае стали вести себя беспечно, будто уже все было кончено, и с пренебрежением отнеслись к Роберту. Отобрав быстроходные корабли, они отправили их в Венецию с сообщением о событиях и с известием о полной победе над Робертом.

Последний, узнав об этом от некоего перебежавшего к нему в это время венецианца по имени Петр Контарини 630, погрузился в еще большее уныние и отчаяние. Однако, подбодрив себя мужественными мыслями, он вновь выступил против венецианцев. Венецианцы были ошеломлены его неожиданным появлением. Около гавани Корфу они быстро связали между собой канатами свои самые большие суда и, образовав так называемую «морскую гавань», ввели внутрь ее маленькие

суда. В полном вооружении ожидали они приближения Роберта. Но тот, как только подошел, сразу же завязал с ними битву. Возник жаркий бой, сильнее предыдущего, ибо воины сражались с еще большим рвением, чем раньше. В жестоком сражении ни одна из сторон не показывала другой спину, напротив, противники бились лицом к лицу. Так как венецианцы успели израсходовать свои припасы, то корабли, не имея другого груза, кроме гоплитов, плавали на самой поверхности воды, которая не достигала даже второй полосы. И вот, когда все воины сгрудились у бортов, обращенных к противнику, корабли утонули. Погибших было около тринадцати тысяч. Оставшиеся же корабли вместе с экипажами были захвачены в плен 631.

После этой блестящей победы Роберта обуяла жестокость, и он очень сурово обошелся с многими пленными: одним выжег глаза, другим отрезал носы, третьим отрубил руки или ноги, а иногда и руки и ноги. Что же касается остальных, то он через послов сообщил их соплеменникам, чтобы те, кто пожелает выкупить из плена своих близких, явились к нему без страха. Вместе с тем он предлагал им заключить мир. Но они ответили ему на это следующее: «Знай, герцог Роберт, что если бы мы даже видели, как смерть постигает наших жен и детей, то и тогда не отказались бы от договора с самодержцем Алексеем, не перестали бы помогать ему и ревностно за него сражаться».

Вскоре венецианцы снарядили дромоны, триеры, а также другие небольшие быстроходные суда и с еще более крупными силами двинулись против Роберта. Они застали его неподалеку от Бутринто, вступили с ним в бой, одержали полную победу, многих воинов убили, а еще большее число утопили 632. При этом венецианцы едва не захватили в плен родного сына Роберта – Гвидо и супругу Роберта – Гаиту. Одержав блестящую победу, они обо всем сообщили императору, который вознаградил их многочисленными дарами и титулами, венецианского дожа почтил саном севастократора с рогой, а патриарха удостоил титула «ипертим» 633 с соответствующей рогой. Кроме того, он приказал ежегодно выдавать из императорской сокровищницы всем венецианским церквам значительную сумму золотых денег. Он сделал также данниками церкви евангелиста апостола Марка 634 всех амальфитян – владельцев лавок в Константинополе, принес ей в дар все эргастерии, находящиеся между старым Еврейским причалом и так называемой Виглой 635, отдал расположенные на этом пространстве причалы и подарил немало другой недвижимости в царственном городе, в Диррахии и многих иных местах, где бы только венецианцы ни попросили. Более того, он дал им право

беспошлинной торговли, где им заблагорассудится, разрешил не вносить в казну ни обола в виде таможенной 636 или какой-либо иной пошлины и вовсе не подчиняться ромейской власти 637.

6. Между тем Роберт (пусть мой рассказ вновь возвратится туда, откуда он отклонился, и развивается последовательно) не успокоился даже после этого поражения. Стремясь захватить город в Кефалинии, он послал туда своего сына 638 с кораблем, затем поставил на якорь у Вондицы корабли, на борту которых находилось его войско, а сам на однопалубной галее 639 отправился в Кефалинию 640. Роберт не успел еще встретиться с остальным войском и с сыном, как у него, когда он находился у Афера (это мыс Кефалинии), начался тяжелый приступ лихорадки. Изнемогая от лихорадочного жара, он попросил холодной воды. Его спутники в поисках воды разошлись в разные стороны, и один местный житель сказал им: «Вы видите этот остров Итаку. На нем некогда был построен большой город Иерусалим, теперь уже разрушенный временем. В том городе есть источник с холодной питьевой водой». Когда Роберт услышал об этом, его охватил панический страх, ибо названия Афер и Иерусалим знаменовали его близкую смерть. Дело в том, что еще раньше кто-то пророчествовал ему (льстецы обычно в таком духе дают прорицания великим людям), сказав следующее: «Ты покоришь все страны вплоть до самого Афера, а оттуда отправишься в Иерусалим, для того чтобы отдать долг судьбе» 641. Я не могу точно сказать, постигла ли Роберта лихорадка или легочная болезнь. Умер же он через шесть дней 642. Когда прибыла жена Роберта Гаита, она застала мужа в агонии, а его сына – уже оплакивающим отца.

О происшедшем несчастии сообщили тому сыну Роберта, которого он еще при жизни назначил своим преемником 643. Хотя это известие причинило ему невыразимое горе, он нашел в себе мужество, собрал все силы своего духа, призвал всех к себе и, не переставая скорбеть о кончине отца, прежде всего сообщил собравшимся о несчастии, а затем заставил их принести присягу верности. Потом он вместе с ними переправился в Апулию 644. Во время переправы, несмотря на летнее время, разразилась сильнейшая буря 645, одни корабли утонули, а другие были выброшены на берег и разбились. Корабль, на котором везли тело Роберта, был наполовину разбит, и гроб едва удалось благополучно доставить в Веносу 646. Роберт был погребен в воздвигнутом в старые времена монастыре Святой троицы, где прежде были похоронены и его братья. Он скончался на двадцать пятом году своей герцогской власти, всего прожив на свете семьдесят лет.

Когда император узнал о внезапной смерти Роберта, он воспрянул

духом, ощутив, какая огромная тяжесть свалилась с его плеч. Он сразу же обратился против тех, кто еще удерживал в своих руках Диррахий. В намерения императора входило внести раскол в лагерь врагов письмами и другими средствами, таким образом он надеялся легко овладеть Диррахием. Он также убедил оказавшихся в городе 647 венецианцев посоветовать в письмах амальфитянам, венецианцам и другим иностранцам, находившимся тогда в Эпидамне, подчиниться его воле и сдать Диррахий. Да и сам он не скупился на обещания и подарки, стремясь заставить их сдать город. Они дали себя убедить (таков вообще корыстолюбивый род латинян, готовых за один обол продать все самое для них дорогое), возлагая надежды на щедрое вознаграждение, составили заговор и убили того, кто первый предложил сдать крепость Роберту, вместе с его сообщниками. Затем они явились к императору, передали ему крепость и получили полную свободу.

7. Некий математик по имени Сиф 648, весьма чванившийся своим знанием астрологии, предсказал в оракуле, что смерть Роберта наступит после переправы в Иллирик. Он изложил свое пророчество на бумаге, которую запечатал и вручил приближенным императора, велев хранить ее до определенного срока. Затем же, после смерти Роберта, они по приказу астролога вскрыли эту бумагу. В оракуле значилось следующее: «Могущественный западный враг, посеяв большую смуту, внезапно умрет». Все были поражены ученостью этого мужа, достигшего вершины своей науки.

Я немного отвлекусь от темы повествования и коротко расскажу о предсказаниях. Это новейшее изобретение – такой науки не существовало в древности 649. Способы предсказаний не были известны во времена ученейшего астронома Евдокса 650, не имел понятия об этом Платон, и даже астролог Манефон 651 не был искушен в этой науке. Прорицая, они не знали 652 получения гороскопа, установления центров, наблюдения за расположением созвездий и всего другого 653, что изобретатель этого метода передал последующим поколениям и что доступно пониманию тех, кто занимается такими пустяками. Некогда и я немного познакомилась с этой наукой, не для того чтобы (да не бывать этому!) делать что-либо подобное, но чтобы, ближе узнав это суетное учение, суметь обличить тех, кто им занимается.

Я пишу об этом не ради хвастовства, а из желания показать, сколь многие науки расцвели при этом самодержце, который почитал как философов, так и самое философию; правда, к учению астрологов он, казалось, был настроен враждебно. Это происходило, как я думаю, потому,

что оно побуждало многих наивных людей отрешиться от надежд на бога и глазеть на звезды. Вот почему самодержец объявил войну астрологическому учению 654.

Однако в то время не было недостатка в астрологах: как раз тогда процветал упомянутый Сиф и щедро раскрывал тайны астрологии знаменитый египтянин из Александрии 650. Отвечая на многочисленные вопросы, этот александриец очень точно предсказывал будущее, причем в некоторых случаях даже не пользовался астролябией 656, а давал прорицания с помощью бросания костей. В этом не было ничего магического – александриец прорицал благодаря искусству логического мышления 657.

Самодержец видел, как молодежь, считая александрийца каким-то пророком, стекается к нему, он и сам дважды обращался к нему с вопросами, и оба раза александриец удачно на них отвечал. Алексей опасался, что в результате будет причинено зло большому числу людей и начнется повальное увлечение астрологической лженаукой, поэтому он изгнал александрийца из города и назначил ему для местожительства Редесто. Император проявил по отношению к нему большую заботу и щедро снабдил всем необходимым за счет казны.

Кроме того, занимался этой наукой, довел ее до совершенства и никому не уступал пальму первенства великий диалектик Елевтерий – также египтянин. Позже из Афин в Константинополь явился в надежде превзойти всех соперников астролог по имени Катананк. Этого Катананка спросили, когда умрет самодержец. Предсказывая согласно своим предположениям дату смерти, Катананк ошибся. Случилось же так, что в указанный день после четырехдневной лихорадки испустил дух лев, которого держали во дворце. Многие тогда усмотрели в этом исполнение предсказания Катананка. Через определенное время он вновь предсказал смерть самодержца и вновь ошибся; однако в указанный Катананком день умерла императрица Анна – мать Алексея. Хотя Катананк столько раз говорил неправду, сколько давал пророчеств об императоре, Алексей тем не менее не стал выселять его из города, так как тот сознавал свои промахи; кроме того, самодержец и не хотел дать повод думать, что он изгоняет Катананка, побуждаемый гневом. Но вернусь туда, откуда я отклонилась в сторону, дабы не показалось, что я болтаю о заоблачных материях и затемняю предмет истории именами астрологов.

Роберт, как разносила молва и утверждали некоторые люди, был выдающимся полководцем, обладал острым умом, красивой внешностью, изысканной речью, находчивостью в беседе, громким голосом и открытым

нравом. Он был высокого роста, всегда с ровно остриженными волосами на голове и с густой бородой. Роберт постоянно стремился блюсти нравы своего племени и до самой кончины сохранял свежесть лица и всего тела. Он гордился этими своими качествами; благодаря им его внешность могла считаться достойной владыки 658. Он с уважением относился ко всем своим Подчиненным, а особенно к тем, которые были наиболее ему преданы. В то же время Роберт был очень скуп, корыстолюбив, весьма склонен к приобретательству и стяжательству, да к тому же чрезвычайно тщеславен. Эти его свойства навлекли на него многочисленные порицания.

Некоторые обвиняют самодержца в отсутствии выдержки 659, за то что он поспешил пойти войной на Роберта. Ведь если бы, говорили они, Алексей раньше времени не напал на него, то легко бы одержал победу позднее, когда на Роберта обрушились со всех сторон так называемые албанцы и посланные Бодином далматы. Но то утверждают злопыхатели, которые сами сторонятся вражеских копий и мечут своим языком отравленные стрелы в сражающихся. Всем известны мужество Роберта, его военное искусство и твердая воля. Этот муж принадлежал к числу людей, которых не легко, а, напротив, очень трудно одолеть, и его храбрость, казалось, только возрастала от поражений.

8. Как говорилось выше, император вместе с перешедшими на его сторону латинянами – графами Бриена – первого декабря седьмого индикта 660 победителем возвращается в столицу и застает императрицу, страдающую от родовых мук в том здании дворца, которое издавна было предназначено для рожениц-императриц. Это здание было названо «Порфира», благодаря чему по всему миру получило распространение слово «порфирородный». Ранним утром в субботу у них родилась девочка, как утверждали, очень похожая на отца. Это была я.

Как я некогда слышала от императрицы – моей матери, за три дня до прибытия самодержца (он возвращался с войны против Роберта после многочисленных битв и тяжких трудов), уже находясь в родовых муках, она запечатлела на своем животе знак креста и сказала: «Обожди, дитя, прибытия своего отца». Протовестиарисса же – ее мать – стала браниться: «Откуда ты знаешь? – сердито сказала она. – Может быть, он вернется через месяц. Как ты выдержишь тогда такие мучения?» Вот что сказала ее мать. Однако приказание императрицы было исполнено, что явно свидетельствовало о том расположении к родителям, которое я питала еще в чреве матери и которое проявилось в будущем. Ведь и впоследствии, когда я выросла и стала разумной, я нежно любила как мать, так и отца. Многие люди могут рассказать о моей любви к родителям, и прежде всего

те, кому известны мои дела. Их показания подтверждаются моими муками и трудами ради родителей, а также теми опасностями, которым я подвергала себя из любви к ним, пренебрегая почестями, деньгами и самой жизнью. Меня настолько воспламеняла любовь к родителям, что я неоднократно готова была отдать за них душу. Однако хватит об этом, пусть повествование возвратится к событиям, которые произошли после моего рождения.

С чрезвычайной пышностью были исполнены все церемонии, полагающиеся при рождении детей в императорской семье. Вожди синклита и войска совершили, разумеется, славословие, принесли дары и оказали почести, все выражали самую большую радость, танцевали, пели; близкие же по крови императрице буквально не могли найти места от счастья 661. По прошествии нескольких дней родители удостоили меня венца и императорской диадемы 662.

В то время Константин – сын императора Михаила Дуки, о котором я часто упоминала, еще царствовал вместе с самодержцем – моим отцом, вместе с ним подписывал красными чернилами дарственные грамоты, в процессиях сопутствовал ему с тиарой на голове, в славословиях же упоминался на втором месте; а так как и мне должны были совершаться славословия, то распорядители славословий стали называть имена Константина и Анны одновременно 663. И так продолжалось долгое время, о чем позже я нередко слышала от своих родственников и родителей. По-видимому, это было предвестником последующих событий моей жизни – счастливых или же, наоборот, несчастных.

Затем у императоров родилась вторая девочка 664, очень похожая на родителей, облик которой носил отпечаток той добродетели и ума, что воссияли впоследствии. Но император и императрица страстно желали мальчика, и их молитвы исполнились: в одиннадцатом индикте 665 рождается у них мальчик 666. Родители были очень рады, и, так как мечта осуществилась, у них не осталось и следа от горя. Все подданные, видя радость императоров, тоже ликовали, поздравляли друг друга и были очень довольны. Императорский дворец был преисполнен тогда веселья, и не осталось в нем места для печали и забот; доброжелатели радовались от глубины души, некоторые же лишь делали вид, что испытывают радость. Ведь подданные обычно враждебно относятся к властителям, но в большинстве случаев притворством и лестью стараются заслужить расположение могущественных людей. Как бы то ни было, ликование в то время стало всеобщим.

У ребенка была смуглая кожа, широкий лоб, худые щеки, нос не

курносый, но и не орлиный с горбинкой, а правильной формы. Его темные глаза, насколько это можно заметить у младенца, свидетельствовали об остром уме. Желая возвести мальчика в императорское достоинство и оставить ему в наследство Ромейское государство, родители в Великой божьей церкви удостоили его святого крещения и венца 667. Вот что было с нами, порфирородными, с момента нашего рождения. О том же, что случилось с нами дальше, будет рассказано в надлежащем месте.

9. Самодержец Алексей изгнал турок из прибрежных областей Вифинии, Боспора и расположенных над ними земель и заключил, как говорилось выше 668, мирный договор с Сулейманом. Направившись затем в Иллирик, он с большим трудом одержал победу над Робертом и его сыном Боэмундом и избавил западные земли от величайшего бедствия 669. Вернувшись оттуда, он обнаружил, что турки Абуль-Касима 670 не только вновь устремились на наши восточные владения, но дошли до самой Пропонтиды и прибрежных областей.

Ныне следует мне начать рассказ о том, как эмир Сулейман вышел из Никеи, оставив для ее охраны Абуль-Касима, как Бузан 671, посланный в Азию персидским султаном, был побежден и убит братом султана Тутушем 672 как этого Тутуша после его победы над Бузаном задушили его собственные троюродные братья.

Прежний император Роман Диоген возвел в сан доместика некоего армянина по имени Филарет 673, который был человеком замечательного мужества и ума. Последний оказался свидетелем всего, что случилось с Диогеном, и узнал о его ослеплении. Питая необычайную любовь к Диогену, он не мог вынести этого, замыслил мятеж и захватил власть над Антиохией. Так как турки непрерывно совершали грабительские набеги на окружающие земли и не оставляли Филарета в покое, он решил перейти к туркам и по их обычаю совершить обрезание. Его сын настоятельно отговаривал отца от этого неразумного шага, но его благие советы не были услышаны. Сын был очень огорчен. Он отправляется в путь и через восемь дней достигает Никеи, является к получившему тогда титул султана эмиру Сулейману, уговаривает его осадить Антиохию и побуждает вступить в войну с отцом. Сулейман согласился и, собираясь выступить против Антиохии, оставил Абуль-Касима охранять Никею, назначив его начальником над всеми начальниками. Сам же он, взяв с собой сына Филарета, за двенадцать ночей (ради скрытности передвижения он днем стоял на месте) прибыл в Антиохию и с ходу захватил город 674.

Как раз в это время Харатик 675 тайком ограбил Синоп, ибо узнал, что там хранится много золота и денег из императорской сокровищницы.

Между тем брат великого султана Тутуш, владыка Иерусалима, всей Месопотамии, Алеппо и территории, простирающейся до Багдада, сам претендовавший на Антиохию, увидел, что эмир Сулейман поднял мятеж и захватывает уже власть над Антиохией. Тогда он со всеми войсками расположился между Алеппо и Антиохией. Его отряды встретились с войском эмира Сулеймана, и разразилась большая битва. Когда бой перешел в рукопашную схватку, воины Сулеймана повернули назад и обратились в беспорядочное бегство. Сулейман вышел из боя, остановился, как ему казалось, в безопасном месте, бросил щит на землю и, опустившись, сел на него. Он, однако, не остался не замеченным своими соплеменниками. Несколько сатрапов подошли к нему и сказали, что посланы за ним его дядей Тутушем 676. Сулейман же, предвидя грозившую опасность, отказался идти. Сатрапы продолжали настаивать, но Сулейман не мог один им сопротивляться и, вытащив из ножен меч, всадил его в живот и насквозь пронзил себя. Этот дурной человек умер дурной смертью 677. Оставшиеся в живых воины эмира Сулеймана сразу же перешли к Тутушу.

Когда великий султан узнал об этом, он, опасаясь возросшего могущества Тутуша, отправил Чауша 678 к самодержцу с предложением породниться посредством брака и обещал в этом случае выселить турок из прибрежных земель, передать императору крепости и всеми силами ему помогать. Приняв посла и прочитав письмо султана, император ни словом не обмолвился о браке, но, видя, что Чауш – человек разумный, стал расспрашивать, откуда тот родом и кто его родители. Когда Чауш ответил, что по матери он иберiец 679, а отец его – турок, император стал усиленно уговаривать его принять святое крещение. Чауш согласился и клятвенно заверил самодержца, что, приняв крещение, не вернется назад. Чауш имел письменный приказ султана: в том случае, если император будет склонен согласиться на заключение брака, изгнать из прибрежных городов всех сатрапов, показав им специальное султанское письмо. Воспользоваться им и убедил император Чауша; он посоветовал, предъявляя письмо султана, изгнать сатрапов, после чего вернуться в царственный город.

Чауш с готовностью отправился прежде всего в Синоп, там он предъявил письмо султана Харатику и изгнал его из города, не дав унести с собой и обола императорских денег. При этом происходило следующее: выходя из Синопа, Харатик осквернил храм пречистой госпожи нашей богородицы и тут же, испуская пену, упал на землю, охваченный неким демоном, которого послало божественное провидение 680; так, в

состоянии безумия, и вышел он из города. Власть же над Синопом Чауш вручил Константину Далассину 681, которого император послал туда с этой целью. Затем Чауш обошел также и другие города, предъявляя султанское письмо, изгонял сатрапов и передавал города сатрапам самодержца. После этого Чауш вернулся к императору, принял святое крещение, получил многочисленные дары и был назначен дукой Анхиала.

10. Когда весть о самоубийстве эмира Сулеймана распространилась по всей Азии, каждый сатрап, охранявший город или городок, захватил и присвоил себе ту крепость, которую охранял. Ведь в то самое время, когда Сулейман, отправляясь к Антиохии, передал охрану Никеи Абуль-Касиму, он, как уже говорилось, доверил также прибрежные области, Каппадокию и всю Азию различным сатрапам, приказав каждому охранять свой удел и ждать его возвращения. Абуль-Касим, который был в то время архисатрапом Никеи, захватил город, где находился султаникий, уступил своему брату Пулхасу 682 власть над каппадокийскими городами и пребывал в беззаботности, надеясь получить сан султана и считая его уже в своих руках. Человек ловкий и не боящийся опасности, он не желал удовлетворяться тем, что имел, но отправлял отряды, которые опустошали всю Вифинию и доходили до самой Пропонтиды.

Самодержец со своей стороны, применяя прежнюю тактику, отражал набеги и в то же время склонял Абуль-Касима к заключению мирного договора. Видя, однако, что тот постоянно строит козни и откладывает заключение договора, Алексей решил выслать против него сильное войско. Он отправил к Никее со значительными силами Татикия (о нем уже неоднократно упоминалось в моем сочинении) 683 и приказал ему с осторожностью вступать в бой с врагами, если встретит их вне города. Татикий выступил и, так как турки не появлялись вовсе, расположил войско в боевом порядке вблизи города. Турки же открыли ворота города, и отряд, насчитывающий двести всадников, неожиданно бросился на войско Татикия. Когда кельты (а их немало было в войске) увидели их, они с длинными копьями наперевес стремительно напали на турок, многих из них ранили, остальных загнали в крепость. После этого войско Татикия простояло в прежнем боевом порядке до захода солнца. Так как ни один турок больше не появлялся за воротами города, Татикий отступил к Василии 684 и расположился лагерем в двенадцати стадиях от Никеи. Ночью явился к нему один крестьянин и сообщил о приближении пятидесятитысячного войска во главе с Борсуком 685, которого послал новый султан Бэрк-Ярук 686. Татикий получил сведения об этом также и из других источников; не имея сил сражаться с таким большим войском

врага, он отказался от своих прежних замыслов и не захотел погубить свое войско в битве с гораздо более многочисленным и сильным врагом и предпочел сохранить его в целости. Затем он обратил свои мысли и взоры к царственному городу, куда решил вернуться через Никомидию.

Абуль-Касим же, заметив со стен, что Татикий направился к Константинополю, вышел из города и последовал за Татикием с целью напасть на него, как только увидит, что тот расположился лагерем в каком-либо удобном месте. Он настиг Татикия в Пренете 687, приблизился к нему и вступил в ожесточенную битву. Татикий быстро построил свои войска в боевой порядок и приказал кельтам первыми на конях напасть на варваров и начать схватку. Кельты с длинными копьями наперевес скачут во весь опор, как огонь, налетают на варваров, рассекают их фаланги и обращают в паническое бегство. Затем Татикий через Вифинию возвращается в царственный город.

Однако Абуль-Касим никак не хотел успокоиться: его заветным желанием было овладеть скипетром Ромейского государства или во всяком случае получить власть над всеми приморскими областями и самими островами. С такими планами и явился он в Киос (это приморский город в Вифинии), где намеревался прежде всего снарядить пиратские корабли. Постройка кораблей двигалась к концу, и Абуль-Касим, как ему казалось, успешно приближался к своей цели. Но его приготовления не остались тайной для самодержца. Алексей сразу же снарядил имевшиеся у него диеры, триеры и остальные суда, назначил дукой Мануила Вутумита 688 и отправил его против Абуль-Касима с приказом постараться сжечь недостроенные суда Абуль-Касима в том состоянии, в каком он их найдет. Кроме того, он по суше послал против Абуль-Касима Татикия с большим войском. Оба полководца выступили из города. Вскоре Абуль-Касим увидел уже подходящего с моря на большой скорости Вутумита и узнал о противнике, приближающемся по суше. Он решил, что занимаемая им местность, неровная и узкая, непригодная для боя, очень неудобная для действий лучников, не позволила бы им отражать кавалерийские атаки ромеев. Поэтому, желая расположить войско в более подходящем месте, он ушел оттуда и прибыл на место, которое одни называют Алики, другие Кипарисием 689. Тем временем подошел с моря Вутумит и в мгновение ока сжег корабли Абуль-Касима.

На следующий день по суше подошел и Татикий, который расположил войско в удобном месте и в течение целых пятнадцати дней, не переставая, с утра до вечера обстреливал войско Абуль-Касима или вступал с ним в сражение. Абуль-Касим вовсе не склонен был отступать, а,

напротив, оказывал сильное сопротивление. Латинянам это надоело и, хотя условия местности им не благоприятствовали, стали докучать Татикию, чтобы он позволил им одним вступить в бой с турками. Татикий же, хотя это ему было не по душе, подчинился воле латинян, ибо видел, что к Абуль-Касиму ежедневно прибывают новые пополнения турок. Выстроив перед восходом солнца свои фаланги, он вступил в сражение с Абуль-Касимом. Многие турки были тогда убиты, многие взяты в плен, большинство же повернули назад, бросив на произвол судьбы снаряжение. Да и сам Абуль-Касим едва спасся, погнав своего коня к Никее. Воины Татикия с большой добычей возвратились в лагерь.

Когда самодержец, великий ловец человеческих душ, способный смягчить и каменное сердце, узнал об этом, он составил письмо Абуль-Касиму 690, в котором советовал последнему отказаться от своих пустых затей, не тратить зря сил, перейти на сторону императора и таким образом избавить себя от тяжких трудов, получить титулы и щедрые дары. Между тем Абуль-Касим узнал, что Борсук осадил находившиеся во владении некоторых сатрапов крепости и уже приближается к Никее с целью осадить город. Поэтому он, разгадав замысел императора и превратив, как говорят, необходимость в доблесть, смело принял его предложение о мире.

Когда они заключили мирный договор, самодержец замыслил извлечь для себя и другую выгоду; не имея иной возможности добиться своей цели, он пригласил в царственный город Абуль-Касима, чтобы тот получил деньги, полностью насладился роскошной жизнью, а затем возвратился домой. Абуль-Касим согласился на это и явился в царственный город, где и пользовался императорским благоволением. Так как Никомидией (это центр вифинской метрополии) владели тогда турки – правители Никеи, император, желая их оттуда изгнать, решил, пока они с Абуль-Касимом изъявляют друг другу свои чувства, построить у моря другую крепость. И вот он погрузил все необходимые для строительства материалы на суда, посадил на них самих строителей и поручил сооружение крепости друнгарию флота Евстафию, которому открыл свой тайный замысел. Император приказал ему также, в случае если мимо будут проходить какие-нибудь турки, всеми способами выказать им свое благоволение, щедро снабдить всем необходимым и дать им понять, что крепость сооружается с ведома Абуль-Касима; затем Евстафий должен был отвести всю флотилию от берегов Вифинии, чтобы Абуль-Касим ничего не узнал о происходящем.

В то же время Алексей ежедневно давал Абуль-Касиму деньги, постоянно приглашал его посещать бани, совершать верховые прогулки,

ездить на охоту, а также осматривать портики вдоль улиц. Он заставлял возниц устраивать ради Абуль-Касима конные состязания в театре, который был в давние времена сооружен великим Константином 691, и побуждал его ежедневно бывать там и наблюдать за испытанием коней. Алексей делал все это, чтобы выиграть время и дать возможность строителям соорудить крепость. Когда же строительство было окончено и Алексей достиг цели, он богато оделил Абуль-Касима, пожаловал ему достоинство севаста и, еще более упрочив договор, с почестями отправил его по морю.

Абуль-Касиму сообщили о сооружении крепости, но он, хотя и был в душе уязвлен, тем не менее притворялся, что ни о чем не знает, и хранил полное молчание. Нечто подобное рассказывают и об Алкивиаде. И он таким же образом обманул лакедемонян, не соглашавшихся на восстановление разрушенных персами Афин. Приказав афинянам восстанавливать город, он отправился послом в Лакедемон, затягивая исполнение своей посольской миссии, выгадал время для строителей; и лакедемоняне узнали о восстановлении Афин уже после того, как обман совершился. Об этом великолепном обмане упоминает кое-где в своих речах и Пеаний 692. Таков был замысел моего отца, еще более хитрый, чем у Алкивиада. Он ублажал варвара конными ристаниями и другими удовольствиями, со дня на день откладывал его отъезд, благодаря чему завершил строительство укрепления и отправил этого мужа из города лишь после того, как все было кончено 693.

11. Между тем Борсук, как и ожидали, подошел с большими силами и осадил Никею (как и говорил об этом в свое время Татикию явившийся к нему ночью крестьянин). В течение трех месяцев он непрерывно осаждал город. Жители Никеи и сам Абуль-Касим понимали всю тяжесть своего положения и, не будучи более в состоянии сопротивляться, отправили послов к императору с просьбой о помощи; при этом они сказали, что предпочитают именоваться рабами императора, чем сдаться Борсуку. Император сразу же отобрал лучших из имевшихся при нем воинов, дал им значки и обитые серебряными гвоздями скипетры 694 и отправил на помощь Абуль-Касиму.

Не для того чтобы помочь Абуль-Касиму, отправил самодержец войско; напротив, по его замыслу эта «помощь» должна была обратиться гибелью для Абуль-Касима. Ибо, в то время как два врага Ромейского государства боролись друг с другом, нужно было оказать помощь более слабому; не с целью увеличить его силы, а чтобы дать возможность отразить врага, и тогда Алексей получил бы город, который до того ему не

принадлежал. Затем император, мало-помалу захватывая один за другим города, расширил бы пределы Ромейского государства, которые совсем сузились, особенно с тех пор как усилилось турецкое оружие. Ведь в свое время границами Ромейской державы были «столбы», которые обозначали наши пределы на Востоке и Западе. Западные назывались «Геракловыми» 695, восточные же, находящиеся где-то у индийской границы, – «Дионисовыми» 696. Трудно представить себе, как далеко вширь простиралось тогда владычество Ромейской империи: Египет, Мероя 697, вся страна троглодитов 698 и земли, расположенные рядом со знойной зоной; в другую же сторону – знаменитая Фула 699 и жители северных стран, над головой которых находится Северный полюс 700. Но в то время, о котором идет речь, восточную границу Ромейского владычества образовывал соседний Боспор, западную – Адрианополь. Однако император Алексей, можно сказать, обеими руками нанося удары по наседающим на него со всех сторон варварам, действовал из Византия как из центра и расширил территорию империи: западной границей он сделал Адриатическое море, восточной – Евфрат и Тигр 701. И он вернул бы империи прежнее благоденствие, если бы его намерению не помешали постоянные войны и непрерывные труды и опасности (ведь самодержец постоянно подвергался грозным опасностям).

Как я говорила с самого начала, Алексей, отправляя войско властителю Никеи Абуль-Касиму, имел целью не избавить его от опасности, а добыть победу для самого себя. Но судьба не благоприятствовала этому. Дела самодержца сложились следующим образом. Когда посланные им воины прибыли к городку, названному по имени кира Георгия 702, турки немедленно открыли им ворота. Воины поднялись к зубцам стены, находящейся над восточными воротами, составили знамена и скипетры, сопровождая свои действия боевыми криками. Находившиеся за стеной были устрашены и, решив, что пришел сам самодержец, ушли оттуда. Тогда ромейское войско возвратилось в царственный город, ведь силы ромеев были недостаточны, для того чтобы встретить ожидаемое нашествие персов из внутренних областей Турецкого царства.

12. Между тем султан, который ожидал возвращения Чауша, понял, что тот медлит, и узнал обо всех поступках последнего: о том, как Чауш хитростью изгнал Харатика из Синопа, принял святое крещение и, облеченный властью дуки Анхиала, был отправлен самодержцем на Запад. Это очень раздосадовало и огорчило султана. И вот он решает отправить Бузана с войском против Абуль-Касима и передать с ним для самодержца

письмо относительно брачного союза. Это письмо содержало следующее: «Я слышал, о император, о твоих делах: о том, как ты, только приняв власть над империей, с самого начала был вовлечен в многочисленные войны, о том, что скифы стали готовиться выступить против тебя, когда ты не успел еще утихомирить латинян, о том, что эмир Абуль-Касим нарушил твой договор с Сулейманом и опустошает всю Азию до самого Дамалиса. Если же ты желаешь, чтобы Абуль-Касим был изгнан из этих областей и чтобы Азия и Антиохия перешли под твою власть, отправь ко мне свою дочь в невесты моему старшему сыну 703. Если ты это сделаешь, то в будущем не встретишь на своем пути никаких препятствий; благодаря мне с помощью войск, которые я тебе отправлю, ты легко добьешься своих целей не только на Востоке, но и в Иллирике и на всем Западе, и никто впредь не осмелится выступить против тебя». Это о персидском султане.

Бузан, дойдя до Никеи, делал неоднократные попытки захватить город, но, несмотря на все свои поползновения, не достиг цели из-за мужественного сопротивления Абуль-Касима. Тогда, попросив помощь у императора и получив ее, он пожелал овладеть другими городами и городками и, отойдя от Никеи, разбил лагерь у Лампи (это река у Лопадия) 704. После его ухода Абуль-Касим навьючил на пятнадцать мулов столько золота, сколько могли унести животные, и отправился к персидскому султану, намереваясь принести ему этот дар, дабы не лишиться власти. Он застает султана около Спахи, где он стоял лагерем. А так как султан не удостоил его даже взгляда, Абуль-Касиму пришлось прибегнуть к помощи посредников. Когда последние стали слишком докучать султану, он сказал: «Я уже доверил власть эмиру Бузану и не хочу ее отнимать. Поэтому пусть Абуль-Касим отправляется к нему, отдаст деньги и выскажет все, что пожелает. Воля Бузана будет и моим решением».

Долгое время провел у султана Абуль-Касим, но, несмотря на все старания, ничего не добился. Затем он направился к Бузану, но встретил по дороге двадцать отборных сатрапов, которых послал против него Бузан (ведь от последнего не укрылся уход Абуль-Касима из Никеи). Сатрапы схватили; его, набросили ему на шею сделанную из тетивы петлю и задушили. Впрочем, по моему мнению, приказ поступить таким образом с Абуль-Касимом исходил не от Бузана, а от султана. Вот что хотела я рассказать об Абуль-Касиме.

Император прочел письмо султана, но не пожелал принять во внимание его предложение. А как же могло быть иначе? Ведь императорская дочь, которую этот варвар просил в письме обручить со своим старшим сыном, была бы, судя по всему, несчастной, если бы ей

пришлось отправиться в Персию и принять участие в управлении царством, более злополучным, чем любая нищета. Но бог не допустил этого, да и сам император не позволил бы такому случиться, даже если бы оказался в самом тяжелом положении. Он сразу же, как только впервые услышал содержание письма, высмеял притязания варвара и сказал вполголоса: «Бес вселился ему в голову». Так отнесся самодержец к этому браку. Тем не менее, решив вскружить султану голову пустыми надеждами, он пригласил к себе Куртикия и еще троих мужей и отправил их в качестве послов 705. Он снабдил их письмом, в котором заявлял, что рад миру и склоняется к предложению султана; в то же время Алексей со своей стороны выставил некоторые другие требования, для исполнения которых нужно было время. Отправленные из Византии послы, не успев еще достичь Хорасана 706, узнали об убийстве султана и повернули назад.

Дело в том, что брата султана, Тутуша, после того как он убил эмира Сулеймана и своего зятя, шедшего на него войной из Аравии, обуяла гордыня; узнав, что султан уже вошел в мирные переговоры с самодержцем, он замыслил убийство брата. И лот он призвал к себе двенадцать кровожадных хасиев 707, как они называются на персидском языке, сразу же отправил их в качестве послов к султану, посоветовав следующим образом убить брата: «Идите, – сказал он, – и прежде всего возвестите, что вам нужно сообщить султану нечто секретное; когда же вам позволят войти, приблизьтесь тотчас же к моему брату, как будто желая сказать ему что-то на ухо, и растерзайте его». Послы, или, вернее, убийцы, с готовностью отправились убить султана, как будто их посылали на обед или на пир. Они застали султана пьяным и, пользуясь полной свободой (стража стояла далеко), выхватили из-под полы мечи и сразу же растерзали несчастного. Ведь хасии радуются крови и почитают за наслаждение вогнать меч в человеческое тело. Впрочем, если в этот момент кто-нибудь, напав на них, вспорет им живот, то такую смерть они сочтут для себя честью. Свое кровавое ремесло они принимают и передают как отцовское наследство. Никто из них не возвратился к Тутушу, ибо своими жизнями пришлось им расплатиться за содеянное убийство 708.

Бузан узнал об этом событии и со всеми своими силами вернулся в Хорасан. Когда он приближался к Хорасану, его встретив брат убитого – Тутуш. Сразу же завязывается рукопашная битва, в которой оба войска сражаются с одинаковым упорством и ни одно не уступает победу другому. Но когда пал получивший смертельную рану Бузан, который храбро сражался и приводил в замешательство целые фаланги, все его

воины стали искать спасения в бегстве и рассеялись кто куда 709. Тутуш победителем вернулся в Хорасан как облеченный уже саном султана. Но опасность нависла над его головой. Сын убитого султана Тапара 710 Бэрк-Ярук встретился с ним и, по словам поэта, «радостью вспыхнул, как лев, на добычу нежданно набредший» 711. Всей своей мощью и силой напал он на войско Тутуша, прорвал его строй, обратил в паническое бегство воинов и стад преследовать бегущих. Был в этом бою убит и сам Тутуш, как Новат 712, обуянный гордыней.

Когда к султану Хорасана, как я уже рассказывала, отправился с деньгами Абуль-Касим, брат последнего Пулхас подошел к Никее и овладел городом. Услышав об этом, самодержец пообещал Пулхасу щедрые дары, если он только уйдет из Никеи и передаст ему город. Пулхас хотел этого, но тянул время и обращал свои взоры к Абуль-Касиму; он отправлял императору послание за посланием, поддерживая в нем надежду, на самом же деле ожидал возвращения брата.

В это время произошли следующие события. Убитый хасиями султан Хорасана в свое время взял в плен двух сыновей великого султана. После смерти султана они бежали из Хорасана и вскоре явились в Никею. Увидев братьев, жители Никеи встретили их с радостью. Пулхас с готовностью передал им Никею, как перешедшее от отца наследство. Старший из них, по имени Килич-Арслан 713, был избран султаном. Он вызвал в Никею жен и детей тех воинов, которые в то время там находились, поселил их в городе и вновь сделал Никею резиденцией султанов. Распорядившись таким образом относительно Никеи, он сместил Пулхаса, подчинил всех никейских сатрапов архисатрапу Мухамеду 714 и, оставив последнего в городе, выступил по направлению к Мелитине.

13. Это я хотела рассказать о султанах. Между тем архисатрап Илхан 715 занял со своими войсками Аполлонию и Кизик (это два прибрежных города) и стал опустошать всю приморскую территорию. Когда самодержец узнал об этом, он снарядил значительное число имевшихся в его распоряжении небольших судов (флот тогда еще не был готов), погрузил на них храбрых воинов и гелеполы; командование ими поручил Александру Евфорвину 716 – человеку знатного рода и знаменитому своим мужеством, которого отправил против Илхана. Подойдя к Аполлонии, Александр сразу же осадил город. Через шесть дней в результате непрекращающегося даже по ночам штурма Александр овладел внешним кругом крепостных стен, который обычно называют «эксополом». Но Илхан упорно оборонял акрополь, надеясь, что к нему подойдет подкрепление извне.

Когда Александр увидел, что на помощь Илхану идет сильная варварская армия и что его силы не составляют и малой части приближающегося войска, он предпочел отказаться от победы, но сохранить живыми своих воинов. Видя насколько трудным стало его положение и понимая, что не осталось средств спастись, он решил направиться к морю; намереваясь плыть к нему по реке, он вместе с воинами взошел на свои корабли. Однако Илхан, разгадав намерение Александра, прибыл раньше него, овладел выходом из озера и мостом на реке в том месте, где в давние времена святая Елена соорудила храм в честь великого Константина, чье имя с тех пор и поныне носит этот мост 717. У выхода из озера и на самом мосту он поставил с обеих сторон весьма воинственных мужей, которым приказал поджидать в засаде прихода кораблей. Когда все воины Александра на уже упомянутых мною небольших судах 718 выходили из озера, они попали в ловушку Илхана. Видя постигшую их беду, они в полной растерянности пристали к берегу и высадились на сушу. К ним подошли турки, и разразилась большая битва. Многие отборные воины были взяты в плен, а многие попали в водовороты и были увлечены потоком.

Узнав об этом, император не смог вынести поражения и послал против турок по суше сильное войско под командованием Опоса. Последний подошел к Кизику и с первого же натиска овладел городом. Затем Опос выделил из своих отрядов около трехсот бесстрашных и опытных в осаде крепостей воинов и отправил их против Пиманина. Они с ходу овладели городом, одних его жителей убили, других отослали в плен к Опосу, который немедленно отправил пленников императору. Сам же Опос прибыл оттуда к Аполлонии и начал упорную осаду города. Илхан, не будучи в состоянии бороться с ним, добровольно сдает город, а сам со своими кровными родственниками переходит на сторону императора, от которого получает многочисленные дары, в том числе и самый великий из них: я имею в виду святое крещение. Некоторые не пожелали следовать за Опосом, например, Скалиарий 719 и возведенный позднее в сан иперперилампра 720 ... (они принадлежали к числу знатных архисатрапов). Узнав, однако, о благоволении и щедрых дарах, с которыми самодержец встретил Илхана, они также явились к Алексею и получили все, чего пожелали 721.

Ведь император был истинно святым человеком; как в отношении своей добродетели, так и речи, он был, можно сказать, высшим жрецом всяческого благочестия. Он был выдающимся учителем нашей догмы, обладал рвением и речью апостола и хотел обратить в нашу веру не только

кочевников-скифов, но и всю Персию, а также варваров, которые населяют Египет и Ливию и справляют таинства Магомета.

14. Однако достаточно об этом. Я желаю рассказать о нападении на Ромейскую державу, которое было страшнее и грандиознее предыдущего, и возвращаю свой рассказ к началу 722, ибо вражеские нашествия, подобно морским волнам, следовали одно за другим. Одно из скифских племен 723, которое подвергалось постоянным грабежам со стороны савроматов 724, снялось со своих мест и спустилось к Данувию. Скифам нужно было заключить договор с жившими по Данувию племенами, и они с общего согласия вступили в переговоры с их вождями: Татушем, по прозвищу Хали 725, Сеславом и Сацой 726 (нужно упомянуть имена этих предводителей, хотя они и оскверняют мою историю). Первый из них владел Дристрой, остальные – Вичиной 727 и другими городами. Заключив с ними договор, скифы свободно переправились через Данувий, стали грабить соседние земли и захватили несколько городков. В дальнейшем, немного утихомирившись, они стали возделывать землю, сеять просо и пшеницу.

Между тем манихей Травл со своими товарищами и теми единомышленниками, которые захватили городок на холме Белятово и о которых я раньше рассказывала подробнее 728, узнав о действиях скифов, произвели на свет то, что давно вынашивали в себе: они заняли крутые дороги и теснины, пригласили к себе скифов и стали грабить территорию Ромейского государства. Ведь манихеи по своей природе весьма воинственны и, как псы, постоянно жаждут упиться человечьей кровью.

Получив об этом известие, император Алексей приказал взять войско и выступить против скифов доместику Запада Бакуриани, которого он знал как человека, вполне способного руководить войском, строить его в фаланги и весьма искусного в боевых маневрах. Вместе с ним должен был отправиться Врана, также человек весьма воинственный. Бакуриани подошел к скифам тогда, когда они, пройдя через теснины, расположились лагерем у Белятово. Видя многочисленность врага, он воздержался от битвы, считая, что лучше в настоящее время без боя сохранить в целости свое войско, чем потерпеть поражение в бою со скифами и понести большие потери. Однако это решение не понравилось отважному и дерзкому Вране. Доместик, дабы на него не пало подозрение, что он из трусости откладывает битву, уступил настояниям Враны, приказал всем воинам вооружиться, построил их в боевые порядки, взял на себя командование центром фаланги и выступил против скифов. Так как ромейское войско не составляло и малой части вражеских сил, все воины

пришли в ужас от одного вида противника. Тем не менее они напали на скифов; в сражении многие из них были убиты, пал и получивший смертельную рану Врана. Доместик яростно сражался, с силой набрасывался на врага, но ударился о дуб и тотчас же испустил дух.

Узнав об этом, самодержец стал оплакивать павших: каждого в отдельности и всех вместе. Более всего горевал он, проливая потоки слез, о смерти доместика, ведь Алексей горячо любил этого человека, еще до того как стал императором. И тем не менее Алексей не пал духом от поражения: он призвал к себе Татикия, снабдил его большой суммой денег и отправил в Адрианополь с приказом заплатить воинам годовое жалованье и собрать отовсюду военные силы, чтобы, таким образом, вновь сколотить сильное войско. Умбертопулу же он приказал оставить в Кизике сильный гарнизон и с одними кельтами немедленно явиться к Татикию.

Татикий, увидев латинян вместе с Умбертопулом, воспрянул духом и, так как ему и самому удалось собрать сильное войско, тотчас выступил против скифов. Подойдя к окрестностям Филиппополя, он располагается лагерем на берегу реки, которая протекает у Блисна 729. Когда же Татикий увидел скифов, возвращающихся из набега с большой добычей и многочисленными пленниками, он, не успев еще сгрузить в лагере снаряжение, выделил из своего войска сильный отряд и послал его против скифов. Затем он вооружился сам, приказал облачиться в доспехи всем своим воинам, построил фаланги и выступил вслед за посланным отрядом. Заметив, что скифы с добычей и пленниками соединились с остальным скифским войском на берегу Гебра 730, Татикий разделил свое войско на две части, приказал на обоих флангах поднять боевой клич и с воинственными возгласами и громкими криками напал на варваров. В завязавшейся жестокой битве большинство скифов было убито, но многие рассеялись в разные стороны и спаслись. Забрав всю добычу, Татикий победителем вступил в Филиппополь.

Расположив там все войско, он стал раздумывать, с какой стороны и каким образом следует ему вновь напасть на варваров. Зная, что их силы неисчислимы, Татикий разослал во все стороны наблюдателей, чтобы от них постоянно получать сведения о скифах. Возвратившись назад, наблюдатели сообщили, что великое множество варваров находится у Белятово и опустошает окрестности. Татикий ожидал прихода скифов, но, не имея достаточно сил, чтобы противостоять такой массе врагов, находился в полном смятении чувств и не знал, что предпринять. Тем не менее он оттачивая свое оружие и вдохновлял войско к битве. Между тем к Татикию явился некто, кто сообщил о приближении варваров, утверждая,

что они находятся уже недалеко.

Татикий сразу же взял оружие, вооружил все войско, немедленно переправился через Гебр, расположил по отрядам фаланги, выстроил их для битвы и сам принял командование центром боевого строя. Варвары со своей стороны тоже выстроились в принятый у скифов боевой порядок и установили свои войска для сражения; они, казалось, искали битвы и как бы вызывали на бой противника. Однако оба войска пребывали в страхе и оттягивали схватку: ромеев смущало численное превосходство скифов, скифы же с опаской посматривали на одетых в латы ромеев, на их знамена и сверкающие как звезды доспехи 731. Только дерзкие и отважные латиняне желали первыми вступить в бой и точили на врагов свои зубы и оружие. Однако их сдерживал Татикий, человек уравновешенный, обладавший даром предвидеть события. Оба войска стояли на месте, каждое выжидало, когда другое придет в движение, и ни один воин ни с той, ни с другой стороны не осмеливался выехать на середину. Когда солнце уже клонилось к закату, оба полководца вернулись в свои лагеря. То же самое повторялось два следующих дня: полководцы готовились к бою, ежедневно выстраивали боевые порядки, но ни один не осмеливался вступить в бой. На третье утро скифы отступили. Когда Татикий узнал об этом, он сразу же погнался за скифами, как говорится, «пеший за лидийской колесницей» 732. Скифы, однако, успели до него пройти через Сидиру 733 (это название одной долины), а Татикий, не застав их там, со всем своим войском вернулся в Адрианополь. Он оставил там кельтов, велел воинам отправляться по домам, а сам с частью войска вернулся в столицу.

Книга VII

С наступлением весны главный военачальник скифского войска Челгу прошел через расположенную по Данувию долину (он вел за собой примерно восьмидесятитысячное смешанное войско, состоявшее из савроматов, скифов и немалого числа дакских воинов, вождем которых был Соломон 734), и принялся опустошать города. Челгу подошел к самому Хариополю, захватил там большую добычу и явился в место под названием Скотин 735. Когда об этом узнали Николай Маврокатакалон и Вебециот, получивший это имя от названия своей родины 736, они вместе со своими войсками прибыли в Памфил 737. Видя, что поселяне – жители прилежащих областей, гонимые сильным страхом, собираются в городах и крепостях, оба полководца вышли из Памфила и прибыли вместе со всем войском в городок под названием Кули 738. За ними двинулись скифы; поняв, куда «метит» ромейское войско 739 (это выражение принято у солдат), они, можно сказать, пошли по его следам.

С наступлением дня Челгу, намереваясь вступить в битву с Маврокатакалоном, построил свое войско. Маврокатакалон же, желая осмотреть варварское войско, вместе с несколькими военачальниками поднялся на гребень возвышающегося над равниной холма. Видя множество варваров, он, хотя и страстно желал боя, решил повременить со сражением, ибо сознавал, что ромейское войско не составляет и малой части варварских сил. Вернувшись назад, Маврокатакалон вместе с командирами войска и самим Иоаннаки 740 стал раздумывать, следует ли им нападать на скифов. Все военачальники побуждали Маврокатакалона начать бой. Он и сам был склонен к такому решению и поэтому, разделив войско на три части, приказал поднять боевой клич и завязал сражение с варварами. Много скифов было ранено, не меньше убито. Сам Челгу, мужественно сражавшийся и приводивший в замешательство целые фаланги, получил смертельную рану и испустил дух. Большинство же скифов во время отступления попадали в реку, которая протекает между Скотином и Кули, и, давя друг друга, утонули.

Одержав блестящую победу над скифами, военачальники императора вернулись в столицу. Они получили от Алексея дары и титулы в соответствии со своими заслугами и отправились назад вместе с братом самодержца Адрианом Комниным, который был тогда назначен великим доместиком Запада.

2. Изгнанные, таким образом, из областей Македонии и

Филиппополя, скифы вновь вернулись на берега Истра, обосновались там и принялись грабить нашу землю с такой свободой, как если бы она была их собственностью. Это стало известно императору. Он не мог стерпеть, чтобы скифы жили в ромейских пределах, и к тому же опасался, как бы они вновь не проникли через теснины 741 и не нанесли нам еще большего ущерба, чем раньше. Поэтому, хорошо вооружив войско, Алексей прибывает в Адрианополь 742, а оттуда выступает к Лардею 743, который расположен между Диамболем и Голоей 744. Назначив командующим Георгия Евфорвина, он морем направляет его в Дристру. Самодержец же задержался в Лардее на сорок дней, в течение которых отовсюду собирал войско. Набрав значительную армию, он стал раздумывать, не следует ли ему пройти через теснины и вступить в бой со скифами. «Нельзя, – говорил Алексей, – давать скифам передышки». Император рассудил совершенно правильно и принял во внимание обычай варваров: ведь скифские набеги, в какое время года они бы ни начались, не прекращались в следующем и, случаясь, например, летом, не кончались осенью или даже зимой. Это бедствие не было ограничено кругом одного года 745, в течение нескольких лет скифские набеги приводили в волнение Ромейское государство, я же упомянула лишь о некоторых из них. В рядах скифов не было раскола, несмотря на то, что император неоднократно пытался тем или иным способом привлечь их на свою сторону. Ни один скиф тайно не перешел к императору; настолько непреклонны были они в то время.

Никифор Вриенний и Григорий Маврокатакалон 746 (последнего император за сорок тысяч выкупил из скифского плена) никоим образом не соглашались на войну со скифами в Паристрии. Напротив, Георгий Палеолог, Николай Маврокатакалон и другие цветущие юноши настоятельно побуждали императора пройти через Гем 747 и сразиться со скифами в Паристрии. С ними заодно были и два сына самодержца Диогена: Никифор и Лев, которые родились и Порфире, уже после того как их отец вступил на престол, и потому были прозваны «порфирородными». Порфира – это здание императорского дворца, четырехугольное с пирамидальной крышей; выходит оно к морю у пристани, в том месте, где находятся каменные быки и львы 748; пол его выложен мрамором, стены облицованы драгоценным камнем – не обычным и широко распространенным, а таким, какой прежние императоры привозили из Рима. Камень этот почти весь пурпурного цвета и по всей поверхности, как песчинками, усеян белыми крапинками. Благодаря ему, думается мне, и назвали наши предки это здание Порфирой.

Но возвращаюсь к своему рассказу. Когда труба громкими звуками уже побуждала всех выступить против скифов по дороге через Гем, Вриенний, который всеми силами безуспешно старался отвратить самодержца от этого предприятия, сказал ему наставительно: «Знай, император, если ты перейдешь через Гем, то узнаешь, чьи кони резвей». Его спросили, что означают эти слова, и он пояснил: «Когда все обратятся в бегство». Хотя этому мужу за его мятеж и выкололи глаза, тем не менее его по праву признавали весьма искусным стратегом и умелым полководцем. Тех, кто желает подробнее узнать о том, как этот упомянутый нами Вриенний из-за своего мятежа или бунта против самодержца Вотаниата был лишен глаз и как его, когда он был еще зрячим, захватил Алексей Комнин, в то время доместик западных и восточных войск, и передал Борилу, я отсылаю к великому кесарю 749. Ведь кесарь, ставший зятем Алексея уже после того, как этот последний взял в свои руки скипетр Ромейского государства, приходился сыном 750 Вриеннию.

Дойдя до этого места своей истории, я испытываю душевное смятение и преисполняюсь скорбью. Ведь кесарь обладал мудрым умом и проявлял необычайную рассудительность в речах. Сила, быстрота, телесная красота – все прекрасные качества души и тела сочетались в нем и украшали собой этого мужа. Только одного такого, во всех отношениях выдающегося человека произвела природа и создал бог. Как Гомер воспел Ахилла среди ахейцев, так можно было бы воздать хвалу и моему кесарю, блиставшему среди рожденных под солнцем людей. Будучи выдающимся знатоком военного деда, кесарь не пренебрегал науками: он читал все книги, погружался в изучение всех областей знания и почерпнул оттуда немало мудрости как нашей, так и не нашей 751. Позднее он и сам обратился к сочинительству и по приказу госпожи моей матери (я говорю об императрице Ирине) набросал достойное упоминания и чтения произведение, где изложил историю деяний моего отца, совершенных прежде, чем он взял в свои руки бразды правления. В этой книге он подробно повествует о Вриеннии, правдиво рассказывает о несчастьях своего отца и описывает подвиги свекра; он не допускает никакой лжи в рассказах о них, хотя одному был близок по свойству, другому – по крови. Об этом я упоминала в предыдущих главах своей истории.

Скифы заметили, что Георгий Евфорвин с большим войском и флотом движется против них по Истру. Эта река стекает с западных гор, проходит через водопады и пятью устьями впадает в Эвксинский Понт. Большая и многоводная, она протекает по обширной равнине и повсюду судоходна: по ней плавают самые большие груженые суда. У этой реки: не одно

название: в верховьях, у истоков, она именуется Данувием, в низовьях, у устьев, принимает название Истр. И вот со скифской стороны увидели, что по реке плывет Георгий Евфорвин, и узнали о приближении самодержца с большим войском по суше. Сочтя невозможным сражаться одновременно против того и другого врага, скифы стали искать способ избежать грозящей им опасности. Они отправляют с посольством сто пятьдесят человек, которые должны были предложить Алексею мир, вместе с тем в своей речи пригрозить ему и, если самодержцу будет угодно согласиться на их просьбы, пообещать по первому требованию явиться к нему на помощь с тридцатью тысячами всадников. Однако самодержец разгадал обман скифов. Он понял, что делают они это предложение лишь с целью избежать нависшей угрозы и, как только окажутся в безопасности, сразу же разожгут из искры ненависти большой пожар. Поэтому император не принял предложения скифов.

Во время беседы с послами к самодержцу подошел один из писцов – некий Николай – и на ухо шепнул ему: «Сегодня, император, жди солнечного затмения». Император сомневался, но Николай клятвенно заверил, что не лжет. Тогда самодержец со своей обычной сообразительностью обратился к скифам со словами: «Пусть бог нам будет судьей; если сегодня на небе появится какое-нибудь знаменье, да будет оно для вас знаком, что я по справедливости отвергаю ваше весьма подозрительное предложение; значит, ваши фалангархи просят о мире без серьезных намерений. Если же знамения не будет, то это послужит доказательством ошибочности моей догадки». Не прошло и двух часов, как солнечный свет затмился и весь диск, закрытый луной, стал невидим 752. Скифы были поражены; самодержец передал их Льву Никериту (это евнух, с детства воспитанный среди воинов, человек весьма уважаемый) с приказом под усиленной охраной доставить их в царственный город. Никерит с большой охотой отправился в Константинополь.

Но варвары только и мечтали об освобождении: по прибытии в Малую Никею 753 убили ночью стражей, которые небрежно стерегли их, и извилистыми тропами вернулись к тем, кто их отправил с посольством. Никерит, которому еще с тремя воинами едва удалось спастись, прибыл к самодержцу в Голою.

3. Когда император узнал о случившемся, он стал опасаться, как бы эти послы не подняли всю скифскую армию и не напали на него. Он не нуждался, как некогда Атрид Агамемнон, в сне, который побудил бы его к битве 754, – напротив, Алексей сам горячо стремился к сражению и, пройдя с отрядами через Сидиру, разбил лагерь у Вичины (это – река,

стекающая с соседних гор 755). В тот день многие воины, отправившись для добычи провианта, отошли на большое расстояние от лагеря и были убиты или взяты в плен. Утром самодержец быстро прибывает в Плиску, а оттуда поднимается на холм, называемый «Симеоновым» 756 (местные жители зовут его также «Скифским булевтерием»). И вновь воины, которые в поисках провианта удалились на большое расстояние от лагеря, попали в беду.

На следующий день император подошел к реке, протекающей вблизи Дристры, примерно в двадцати четырех стадиях от нее, сложил снаряжение и расположился лагерем. Но скифы неожиданно напали с другой стороны на императорский стан, убили большое число легковооруженных воинов и захватили в плен многих мужественно сражавшихся манихеев. Во время нападения в войске поднялась большая паника, и беспорядочно бегущие всадники обрушили императорскую палатку. Недоброжелателям самодержца это показалось дурным предзнаменованием. Однако император силами одного из отрядов своего войска отогнал подальше от палатки напавших на него варваров, дабы они вторично не подняли паники в его лагере, затем тотчас же сел на коня, успокоил волнение и в полном порядке выступил с войском по дороге на Дристру (это самый знаменитый среди приистрийских городов), чтобы атаковать город с помощью гелепол.

Принявшись за дело, император окружил город, разрушил с одной стороны стену и со всем войском вступил в Дристру. Два акрополя упомянутого города находились в руках родственников Татуша, сам же он еще раньше покинул Дристру, чтобы заручиться поддержкой куманов и вместе с ними вернуться на помощь скифам. Уходя, он сказал на прощанье своим людям: «Мне точно известно, что император намеревается осадить крепость. Когда он появится на равнине, займите до него самый высокий и удобный холм и разбейте там лагерь. Тогда самодержец не сможет спокойно осаждать крепость: он будет беспокоиться за свой тыл и бояться вас. А вы непрерывно, ежедневно и еженощно высылайте против него воинов».

Самодержец сообразил, что ему нужно делать, оставил осаду акрополей, отошел оттуда, расположился лагерем у речки, протекающей вблизи Истра, и стал раздумывать, следует ли ему напасть на скифов. Палеолог и Григорий Маврокатакалон стояли за то, чтобы отложить битву с печенегами, и советовали силой овладеть Большой Преславой. «Скифы, – говорили они, – увидят, что мы при оружии и движемся в таком порядке, и не отважатся вступить с нами в битву. Если же всадники осмелятся на бой

без повозок 757, то, как вы хорошо знаете, они потерпят поражение и у нас на будущее будет прекрасно защищенное укрепление – Большая Преслава».

Преслава 758 – это знаменитый город, расположенный на Истре; некогда он носил не такое варварское имя, а назывался по-эллински Мегалополем и был таковым не только по названию. Но с тех пор как болгарский царь Мокр 759, его потомки и, наконец, последний представитель болгарской династии (как у иудеев Седекия 760) Самуил 761 стали совершать набеги на западные земли, этот город приобрел двойное имя: к сохранившемуся греческому названию «большой» 762 добавилось славянское слово, и он стал повсюду называться «Большая Преслава». «Из такого убежища, – говорили сторонники Маврокатакалона, – мы ежедневно будем обстреливать скифов из луков, будем непрерывно наносить им ущерб и не позволим врагам выходить из лагеря ни за провизией, ни за другими необходимыми припасами».

В то время как произносились такие речи, сыновья Диогена Никифор и Лев (они были молоды и еще не испытали горечи поражения) сошли с коней, разнуздали их, прогнали ударами в просо и сказали: «Ничего не опасайся, император, мы сами обнажим акинаки и растерзаем скифов». Император, человек отважный, предпочитавший всегда первым вступить в бой, не принял во внимание доводов тех, кто пытался отговорить его. Поручив Георгию Куцомиту позаботиться об императорской палатке и обо всем снаряжении, он отправил его в Ветрин 763, а войску приказал не зажигать в тот вечер светильников и вообще никаких огней, держать коней оседланными и бодрствовать до восхода солнца. Наутро Алексей выступил из лагеря, разделив войско, построил боевым строем фаланги, объехал и осмотрел армию. Затем он занял место в центре строя, где находились близкие ему по крови и свойству: брат Алексея Адриан, командовавший тогда латинянами, и другие благородные мужи. Левым флангом командовал кесарь Никифор Мелиссин – муж сестры Алексея; правым предводительствовали Кастамонит и Татикий; союзниками – савроматы Уза и Караца. Император выделил шесть воинов, которым поручил охрану своей особы и приказал следить за ним и ни на кого больше не обращать никакого внимания; это были двое сыновей Романа Диогена, имевший давний боевой опыт Николай Маврокатакалон, Иоаннаки, предводитель варягов Намбит и Гул, находившийся еще в услужении у отца Алексея.

Скифы тоже встали в боевые порядки – ведь они обладают врожденным искусством воевать и строить ряды, – устроили засады, по всем правилам тактики «связали» свои ряды 764, как башнями огородили

свое войско крытыми повозками, а затем поотрядно двинулись на самодержца и стали издали метать стрелы в наших воинов. Тогда самодержец, построив войско применительно к порядку наступающих отрядов, распорядился, чтобы гоплиты не выходили вперед и не нарушали сомкнутого строя до тех пор, пока скифы не окажутся на расстоянии, удобном для рукопашного боя, а подождали бы того момента, когда пространство между двумя движущимися друг на друга войсками сократится до «уздечки» 765, и лишь затем разом бросились на врагов.

Во время этих приготовлений вдалеке показались скифы, двигавшиеся со своими крытыми повозками, женами и детьми. Разразилась битва, длившаяся с утра до вечера; произошла большая резня, в результате которой с той и с другой стороны пало немало воинов. Пал в тот же день и получивший смертельную рану сын Диогена Лев, ибо, налетев на скифов, он дальше, чем следует, позволил себя увлечь к их повозкам. Брат императора Адриан, которому было доверено командование латинянами, увидев, сколь неудержим скифский натиск, во весь опор бросился к скифским повозкам и после мужественной схватки вернулся назад в сопровождении лишь семи воинов, остальные были либо убиты, либо взяты в плен скифами. Победа еще не склонялась ни на ту, ни на другую сторону, и оба войска продолжали упорно сражаться, когда вдали показались скифские лохаги 766 во главе тридцатишеститысячного войска; ромеи, не имея сил сопротивляться столь многочисленному врагу, повернули назад.

Тогда император вышел из рядов войска и остановился; в одной руке у него был меч, в другой он, как знамя, держал омофор богородицы 767. Он стоял, окруженный двадцатью мужественными всадниками, среди которых находились Никифор – сын Диогена, протостратор Михаил Дука – брат Августы, а также ближайшие слуги. К Алексею подбежали три пеших скифа, двое схватили с обеих сторон за узду коня, а третий уцепился за правую ногу императора. Алексей тотчас отрубил руку одному из скифов, на другого замахнулся акинаком и грозным криком обратил его в бегство; скифа же, который держался за его ногу, он ударил по шлему. Не со всей силы, не со всего размаха ударил Алексей, император опасался, как бы меч не отскочил в сторону и не поразил его самого в ногу или коня его; не хотел император стать легкой добычей для врагов. Поэтому он, с большой осторожностью двигая рукой, быстро наносит скифу второй удар. Ведь Алексей в своих действиях, словах и движениях руководствовался разумом, не поддавался гневу и не позволял увлечь себя никакой страсти. Император еще первым ударом сшиб шлем

со скифа, и теперь меч поразил обнаженную голову врага. Скиф, не издав ни звука, упал на землю. Протостратор же, видя беспорядочное бегство ромейских отрядов (фаланги были уже прорваны, и все воины в панике бежали), говорит: «Зачем, император, ты еще здесь задерживаешься? Зачем ты рискуешь жизнью и пренебрегаешь спасением?» Алексей ответил: «Лучше умереть в мужественном бою, чем сохранить жизнь ценой позора». На что протостратор: «Если бы это сказал обыкновенный человек, честь ему и хвала. Но ты – император, и твоя смерть – несчастье для всего мира. Почему не изберешь ты для себя лучшую участь? Ведь спасшись, ты снова вступишь в бой и добьешься победы».

Самодержец, видя нависшую над его головой опасность (скифы дерзко наступали на него), отказался от всяких благих надежд и сказал: «Настало время и нам с божьей помощью позаботиться о спасении. Мы, однако, не пойдем той же дорогой, что и беглецы, иначе встретим врагов, когда они будут возвращаться после погони за нашими воинами. Но, – тут император указал рукой на скифов, которые стояли на краю строя, – набросимся на них так, как будто бы, только что родившись, собираемся тут же умереть. С божьей помощью мы проберемся в тыл скифского строя и двинемся по другой дороге». Произнеся эти слова и ободрив своих людей, он сам как огонь налетает на скифов и ударяет первого встретившегося ему воина. Тот тотчас вывалился из седла. Прорвав таким образом сомкнутый скифский строй, император со спутниками вышел в тыл скифам. Так действовал император. С протостратором же случилось следующее: его конь, поскользнувшись, упал, и он сам рухнул на землю. Один из его слуг немедленно отдал ему своего коня. Протостратор догнал самодержца и уже не отступал от него ни на шаг – так он любил Алексея.

В этой невообразимой сумятице, когда одни бежали, другие преследовали, скифский отряд вновь нагоняет императора. Мгновенно обернувшись, Алексей ударил преследующего его скифа и убил, как утверждали очевидцы, не только его, но и нескольких других врагов. Один скиф, подъехав со спины к Никифору Диогену, собрался было уже нанести удар. Увидев это, самодержец крикнул Диогену: «Посмотри назад, Никифор!». Поспешно обернувшись, Никифор ударил скифа в лицо. Император рассказывал (я сама слышала), что ему никогда не приходилось видеть в человеке столько стремительности и ловкости. «Если бы в тот день, – говорил он также, – я не держал в руках знамени, то убил бы скифов больше, чем растет волос на моей голове». И это не было пустым бахвальством, ибо скромность Алексея не знала предела. Ход беседы и существо дела вынуждали отца иногда в кругу близких рассказывать нам о

своих делах; да и это он делал только по нашему настоянию. Но никто никогда не слышал, чтобы самодержец хвастался чем-нибудь перед посторонними.

Сильный ветер и атаки печенегов не позволяли императору прямо держать знамя. Один скиф, схватив обеими руками длинное копье, нанес Алексею удар в ягодицу, и хотя копье не оцарапало кожи, тем не менее причинило Алексею невыносимую боль, которая не покидала его в течение многих лет. Все это заставило императора свернуть знамя и спрятать его от людских глаз в кустиках чебреца. За ночь он благополучно добрался до Голои 768, а днем достиг Боруя и остановился там с намерением выкупить пленников.

4. Во время битвы, когда ромейские отряды, потерпев поражение, обратились в бегство, Палеолог упал на землю и потерял коня. Он оказался в совершенно беспомощном положении; понимая, какая нависла над ним опасность, он стал искать глазами коня и вдруг увидел одетого в священническую одежду проедра Халкидона Льва, о котором я уже упоминала выше 769. Лев отдал ему своего коня, он вскочил на него и пустился в бегство; этого святого мужа ему больше не удалось увидеть. Лев обладал открытой душой и являл собой истинный образ епископа, но был излишне простоват и не всегда умел соизмерять с рассудком свое усердие. Поэтому-то и постигла его, как говорилось раньше, та беда, из-за которой он лишился престола. Палеолог всегда отличал и высоко чтил этого мужа за его выдающуюся добродетель. Я не могу сказать, сподобился ли Палеолог божественного явления благодаря своему беспредельному доверию к этому мужу или же в данном случае проявился некий другой тайный замысел провидения относительно епископа 770.

Преследуемый печенегами, Палеолог заехал в болотистое и заросшее место, где встретил отряд в сто пятьдесят воинов, который был со всех сторон окружен скифами. Видя безнадежность своего положения и не имея сил сопротивляться столь многочисленному врагу, они доверились Палеологу, так как с давних пор знали его мужество и непоколебимый дух. Палеолог посоветовал им напасть на скифов и оставить всякую мысль о спасении, дабы, как я полагаю, обрести спасение. «Нужно, – сказал он, – скрепить это решение клятвой, чтобы наша воля была единой, чтобы никто не оставался в стороне во время атаки на скифов и чтобы каждый из нас считал своим личным делом общее спасение и общую опасность». Стремительно поскакав на врага, Палеолог ударяет первого встретившегося ему противника. Оглушенный ударом, скиф рухнул на землю. Но остальные воины атаковали нерешительно, поэтому одни из

них были убиты, а другие, как зверь в логово, вернулись в густые рощи и скрылись там в поисках спасения. В тот момент, когда вновь преследуемый печенегами Палеолог достиг одного холма, под ним пала раненая лошадь; сам он, однако, спасся и поднялся на находившуюся вблизи гору. В поисках дороги – а найти ее было не так-то легко – Палеолог блуждает там в течение одиннадцати дней, в конце концов встречает одну женщину, вдову воина, и некоторое время пользуется ее гостеприимством. Сыновья этой женщины, воины, сами спасшиеся от опасности, показали ему дорогу. Вот что случилось с Палеологом.

Между тем скифские военачальники решили умертвить захваченных пленных, однако народ не позволил им этого сделать, так как желал продать пленных за деньги. Когда такое постановление было принято, Мелиссин письмом известил о нем императора. И хотя Мелиссин сам был пленником, тем не менее он приложил немало усилий, чтобы заставить скифов принять это решение. Император, который в то время находился еще в Боруе, вытребовал из царицы городов большую сумму денег и выкупил пленных.

5. В это время к Истру подходит Татуш с куманами, которых ему удалось привлечь на свою сторону. Видя столь большую добычу и такое множество пленников, куманы сказали скифским военачальникам: «Мы оставили родину, проделали столь длинный путь и пришли вам на помощь, чтобы делить с вами как опасности, так и победы. Мы выполнили свой долг, и вы не можете отправить нас назад с пустыми руками. Ведь мы не преднамеренно явились после окончания битвы, и виноваты в этом не мы, а император, поспешивший начать бой. Поэтому если вы не разделите с нами всю добычу, то мы станем вашими врагами, а не союзниками». Скифы на это не согласились. Куманы не стерпели отказа, и разразилась жестокая битва, в результате которой скифы были наголову разбиты и с большим трудом добрались до так называемой Озолимны. Теснимые куманами, они долгое время пробыли там, не решаясь пуститься в путь.

Озеро, которое мы теперь называем Озолимной, очень велико в поперечнике и окружности и по своим размерам не уступает ни одному из озер, отмеченных когда-либо географами. Оно расположено за Ста холмами 771, и в него впадают широкие и очень красивые реки. По озеру плавает много больших грузовых судов, и уже по одному этому можно заключить, какова его глубина. Озолимной же оно называется не потому, что от него исходят дурные и тяжелые испарения 772, а потому что некогда к этому озеру подошло гуннское войско (этих гуннов на простонародном языке называют узами), которое расположилось на его

высоких берегах. Поэтому озеро и назвали Узолимной (с добавлением, как я полагаю, гласной «?» 773). Ни у одного из старых авторов нельзя найти сведений о том, что гуннское войско собиралось в этом месте, но при самодержце Алексее все отовсюду стекались туда и дали месту такое название. Такова история этого озера 774, которую я впервые сейчас поведала с целью показать, как в результате многочисленных походов самодержца Алексея многие места стали называться или его именем, пли же именем врагов, которые в этих местах собирались. То же самое известно о царе Александре Македонском, по имени которого названы Александрия в Египте и Александрия в Индии; точно так же по имени одного из его воинов – Лисимаха – названа Лисимахия. Ничего нет удивительного, что и император Алексей, соперник Александра, переименовывал различные места и при этом использовал названия племен, которые собирались там или приходили по его зову, а в некоторых случаях в память совершенных им подвигов давал и свое имя 775. Вот те несколько замечаний об упомянутой выше Озолимне, которые я сделала в соответствии с задачами исторического сочинения. Куманы, ощущая недостаток в провианте, возвращаются тем временем на родину, чтобы запастись провизией и снова выступить против скифов.

6. Между тем император, находясь в Боруе, стягивает туда войска и вооружает пленников 776, всех остальных воинов. В это время к самодержцу является на обратном пути из Иерусалима граф Фландрский 777, который дает ему принятую у латинян клятву 778 и обещает по прибытии домой отправить на помощь Алексею пятьсот всадников. Самодержец оказал ему большие почести и отправил графа, довольного, на родину. Затем самодержец покинул Боруй и со вновь собранным войском прибыл в Адрианополь. Скифы же, пройдя по узкой долине, расположенной между Голоей и Диамболем, разбили свой лагерь около Маркеллы. Самодержец, зная о действиях куманов и ожидая их возвращения, страшился и опасался их прихода. И вот Алексей призвал к себе Синесия, снабдил его хрисовулом и отправил к скифам с приказом воспрепятствовать дальнейшему продвижению варваров, задержать их в пределах занятой ими ранее области и, если только противники согласятся заключить мир и выдать заложников, щедро снабдить их всем необходимым. В намерения императора входило воспользоваться помощью скифов в борьбе против куманов в том случае, если куманы подойдут к Истру и попытаются продвинуться дальше. Если бы скифы не согласились на это предложение, Синесий должен был бы покинуть их и вернуться назад. Упомянутый Синесий прибыл к скифам и,

соответствующим образом обратившись к ним, убедил их заключить договор с императором 779. Находясь у скифов, Синесий всем им выказывал большое почтение и избегал подать какой бы то ни было повод для обиды.

Между тем вернулись назад куманы, готовые вступить в бой со скифами. Они не нашли скифов на прежнем месте и, узнав, что те, пройдя клисуры, прибыли в Маркеллу и заключили мирный договор с императором, попросили разрешения пройти через клисуры и напасть на скифов. Но император, уже заключивший договор со скифами, не дал им на это согласия, сказав: «Не нужна мне ваша помощь, берите причитающуюся вам плату и возвращайтесь назад». Алексей милостиво обошелся с куманскими послами, щедро их одарил и отпустил с миром. Этот поступок Алексея придал смелости скифам, которые нарушили договор и, вновь принявшись за свои бесчеловечные деяния, стали опустошать прилежащие города и земли. Ведь вообще все варвары обладают непостоянным нравом и по природе своей неспособны соблюдать договоры. Видя это, Синесий вернулся к императору, приняв на себя роль вестника скифского своенравия и вероломства.

Скифы заняли Филиппополь, и император, который знал об этом, оказался в чрезвычайно тяжелом положении, ибо у него не было сил сразиться с таким множеством варваров в открытом бою. Однако Алексей всегда искал выход из тяжелого положения и никогда не падал духом в трудных обстоятельствах. И теперь решил он попытаться нанести урон врагу, обстреливая его войско и устраивая засады. Он догадывался, какими местами и городами скифы собираются овладеть утром и, предупреждая приход варваров, сам занимал их накануне вечером. Если же ему становилось известно, что скифы намерены захватить какое-либо место вечером, он заранее занимал его утром. При каждом удобном случае обстреливал скифов и, устраивая засады, издали вел бой с врагом, стремясь не дать ему овладеть крепостями.

И вот оба противника – самодержец и скифы – подошли к Кипселлам. Ожидаемое наемное войско еще не прибыло, и самодержец, который хорошо знал подвижность скифской армии и видел, что она стремительно приближается к царице городов, оказался в чрезвычайно тяжелом положении. Не имея сил бороться с таким множеством варваров, он, как говорится, выбрал из всех зол меньшее и решил заключить новый мирный договор. Он отправил послов с предложением мира, и скифы сразу же пошли навстречу его желанию 780. Еще до заключения мирного договора к Алексею явился перебежчик Неанц. Затем император послал Мигидина

за продовольствием 781, которое тот должен был доставить из соседних областей. Позднее в битве около ...782 сын этого Мигидина стремительно набросился на печенегов, но был пойман и схвачен скифянкой, и железным серпом его затащили к скифским повозкам. По просьбе Мигидина император выкупил отрубленную голову его сына. Отец невыносимо мучился в течение трех суток, а затем ударил себя в грудь камнем и умер.

Недолго скифы соблюдали мирный договор; как псы, они вскоре вновь набросились на свою блевотину 783. Покинув Кипселлы, они прибыли в Тавроком 784 и, оставшись там на зиму 785, стали грабить окружающие селения.

7. С наступлением весны 786 скифы из Таврокома переходят в Хариополь. Император, который находился в то время в Булгарофиге, без промедления выделил большую часть войска, включил в нее всех своих отборных воинов и даже так называемых «архонтопулов» (на лицах этих юношей только появлялся первый пушок, но их боевой натиск был неудержим) и приказал им с тыла напасть на скифов, находящихся на своих повозках.

Отряд архонтопулов был впервые образован Алексеем. Так как из-за легкомыслия прежних императоров у Ромейского государства вовсе не было войска 787, Алексей собрал отовсюду сыновей павших воинов, обучил их обращению с оружием и искусству боя и назвал архонтопулами, то есть сыновьями «архонтов» 788. Он назвал их так, чтобы самое имя вызвало в памяти юношей благородство и мужество их родителей, чтобы они «воспомнили бурную силу» и проявили еще большее мужество, когда обстоятельства потребуют от них смелости и отваги. Таким был, коротко говоря, отряд архонтопулов, насчитывавший две тысячи воинов; точно так же у лаконцев был некогда образован так называемый «священный полк» 789.

И вот эти новобранцы-архонтопулы, построенные в боевой порядок, двинулись против варваров. Однако скифы, засевшие в засаде у подножия холма, подстерегли их и, увидев, что архонтопулы устремились к их повозкам, с неудержимой силой бросились на врага. В рукопашной схватке пало около трехсот беззаветно сражавшихся архонтопулов. Еще долгое время горестно оплакивал их император и, проливая горючие слезы, называл каждого из них по имени, как будто они лишь были в отлучке 790.

Одержав победу над противником, печенеги прошли через Хариополь и направились к Апросу, опустошая все на своем пути. Прибегнув к

своему старому методу, император опережает печенегов и до них входит в Апрос; ведь, как я неоднократно говорила, у Алексея не было войска, нужного для открытого боя с противником. Императору было известно, что скифы с восходом солнца отправляются в набеги за продовольствием. Призвав к себе Татикия, о котором я упоминала во многих местах моего сочинения, Алексей приказал ему взять с собой самых храбрых отроков 791, отборных воинов среди ближайших- своей личной охраны и всех латинян, подстеречь утром отправившихся за фуражом скифов и, когда те подальше отойдут от лагеря, стремительно броситься на варваров. Татикий исполнил приказ, убил три сотни врагов и большое их число привел в плен.

Что же происходит дальше? К императору прибыло около пятисот отборных всадников, посланных графом Фландрским 792, которые доставили ему в подарок сто пятьдесят отборных коней. Кроме того, всадники продали Алексею тех коней, которые были им не нужны. Император Алексей с почестями принял латинян и сделал им немало подарков. В это время с Востока пришло сообщение о том, что правитель Никеи Абуль-Касим, которого персы обычно называют сатрапом, а турки, ныне владеющие персидской территорией 793, именуют эмиром, готовится захватить Никомидию. Поэтому император отправил всадников для защиты этой области.

8. В это время Чакан 794, хорошо осведомленный о многочисленных неудачах императора на Западе и о его постоянных войнах с печенегами, решил воспользоваться удобным случаем и обзавестись флотом. Встретившись с одним жителем Смирны, он поручил ему, как человеку, имеющему в этом деле большой опыт, сооружение пиратских судов. Снарядив большое число кораблей и сорок боевых челнов 795, Чакан посадил на них опытных воинов, вышел в море, пристал к Клазоменам и с ходу овладел городом. Оттуда он двинулся к Фокее и приступом захватил ее. Из Фокеи он отправил посланца к куратору Алопу 796, которому было поручено управление Митиленой, и грозил страшно покарать его, если он не уйдет из города; при этом Чакан говорил, что заботится о судьбе Алопа и лишь по этой причине предупреждает его о тех ужасах, которые придется ему испытать, если он не покинет Митилену. Алоп испугался угроз Чакана и, сев ночью на корабль, направился в царственный город.

Когда это стало известно Чакану, он без всякого промедления выступил из Фокеи и с ходу овладел Митиленой. Расположенная на мысе острова Мифимна не покорилась Чакану. Когда об этом узнал император, он тотчас на кораблях отправил туда большое войско и укрепил город.

Чакан же, не обратил никакого внимания на Мифимну, отплыл прямо к Хиосу и с ходу им овладел. Когда самодержцу стало это известно, он послал против Чакана сильный флот и большое число воинов, начальником которых был назначен Никита Кастамонит. Никита двинулся в путь, завязал бой с Чаканом, но сразу же потерпел поражение; при этом Чакан захватил многие корабли Кастамонита. Когда о случившемся с Кастамонитом известили императора, он снарядил другой флот и назначил его дукой Константина Далассина – своего родственника по материнской линии, человека весьма воинственного 797. Высадившись на Хиосском берегу, Далассин тут же приступил к осаде крепости и упорно сражался, торопясь захватить город до прибытия Чакана из Смирны. Обстреливая стены из многочисленных гелепол и камнеметных орудий, он разрушает участок стены между двумя башнями. Когда находившиеся в городе турки увидели это, они убедились в силе ромейского натиска и стали на ромейском языке взывать к милосердию господа.

Однако воины Далассина и Опоса не хотели ничего слушать; они стремились проникнуть в крепость, хотя оба полководца и старались удержать их, ибо опасались, как бы воины не захватили в городе всю добычу и деньги, которые хранил там Чакан. Они говорили: «Вы слышите, как турки громко славословят самодержца, и видите, что они уже покорились нам. Поэтому не входите в город и не учиняйте жестокой расправы над турками». Когда после захода солнца наступила ночь, турки соорудили новую стену вместо разрушенной и навесили на нее с внешней стороны тюфяки, кожи и всевозможную одежду, чтобы хоть сколько-нибудь ослабить силу ударов летящих камней.

Чакан снарядил имевшийся у него флот, собрал около восьми тысяч турок и двинулся сушей к Хиосу, в то время как флот следовал за ним вдоль берега. Когда об этом узнал Далассин, он посадил на корабли большое число своих воинов во главе с Опосом, приказал командирам флота выйти в море и посоветовал Опосу вступить в бой с Чаканом, если встретит его во время переправы. Чакан же, оставив материк, направился прямо к Хиосу. Опос встретил его в середине ночи. Увидев, что тот новым способом выстраивает свои корабли (сделав громадную цепь, Чакан связал ею все суда, чтобы обратившиеся в бегство не смогли уйти, а стремившиеся вырваться вперед не нарушили боевого строя), Опос испугался и, не решившись даже приблизиться к врагу, повернул кормило и направился назад к Хиосу. Чакан велел морякам без устали грести и по всем правилам военной науки стал преследовать Опоса. Когда они оба уже приближались к Хиосу, Опос первый успел ввести свои корабли в

Хиосскую гавань (она еще раньше была захвачена Далассином). Чакан же проплыл мимо этого уже упомянутого причала и подвел свои корабли к стене крепости. Все это происходило в четвертый день недели. На следующий день он ссадил с кораблей всех воинов, сосчитал и переписал их.

Далассин, обнаружив небольшой городок вблизи гавани, засыпал ров, который выкопал ранее, спустился к городку, выкопал новую глубокую траншею и расположил в ней воинов. На следующий день оба войска вооружались и готовились выступить друг против друга. Ромеи, которые получили приказ Далассина не нарушать сомкнутого строя, неподвижно стояли на месте. Чакан же приказал большей части варваров в сопровождении немногочисленного отряда всадников двигаться на ромеев.

Увидев это, латиняне с длинными копьями наперевес поскакали на варваров. Но те стали метать стрелы не в кельтов, а в их коней; поражая своими копьями латинян, турки убили большинство из них, а остальных ранили и загнали в ров. Оттуда латиняне в безрассудном порыве бросились к кораблям. Видя бегущих без оглядки кельтов, ромеи испугались, немного отступили назад и остановились у стены упомянутого уже городка. Благодаря этому варвары смогли спуститься к берегу и захватить несколько кораблей. Увидев это, моряки отчалили, отошли от берега и встали на якоря, ожидая дальнейших событий. Но Далассин приказал им плыть вдоль западного берега острова, подойти к Волиссу и поджидать там его прибытия (Волисс – это городок, расположенный на мысе острова). Однако несколько скифов явились к Чакану и сообщили ему о плане Далассина. Поэтому Чакан послал пятьдесят разведчиков, которые должны были немедленно поставить его в известность, когда флот Далассина будет готов к отплытию. В то же время он отправил к Далассину послание с предложением о встрече. Чакан, возможно, желал обсудить условия мира, ибо, как мне кажется, он совершенно отчаялся в победе, видя мужество и отвагу Далассина.

Далассин известил его, что на следующий день подойдет к краю лагеря, чтобы каждый из них смог высказать свое мнение и выслушать другого. Варвар не встретил отказом это предложение. Утром оба полководца сошлись в одном месте, и Чакан, назвав Далассина по имени, таким образом начал беседу: «Знай, что я тот самый юноша, который некогда совершал набеги на Азию и храбро сражался, но по своей неопытности был обманом взят в плен известным Александром Каваликой 798. Александр отдал меня в качестве пленника самодержцу Никифору Вотаниату, который сразу же возвел меня в сан протоновелиссима 799 и

щедро одарил. За это я обещал верно служить ему. Однако, с тех пор как бразды правления взял Алексей Комнин, все нарушилось. Сейчас я явился сообщить тебе причину своей вражды к императору. Пусть самодержец узнает об этом и, если он хочет прекратить возникшие между нами распри, пусть полностью вернет все то, на что я имею право и чего был лишен. Если же тебе угодно, чтобы наши дети соединились браком, пусть будет составлено об этом письменное соглашение по обычаям ромеев и варваров. А после того как все упомянутые условия будут выполнены, я при твоем посредничестве верну самодержцу все острова, которые я своими набегами отторгнул от Ромейской державы, и, заключив с ним договор, вернусь на родину».

Однако Далассин, которому был хорошо известен коварный нрав турок, увидел во всем этом лишь одни пустые отговорки и отложил до поры до времени исполнение просьбы Чакана. Вместе с тем он изложил Чакану свое мнение о нем и сказал: «Ты не выполнишь своих обещаний и не передашь мне островов, да и я без согласия самодержца не могу согласиться с теми требованиями, которые ты предъявляешь к нему и ко мне. Но пусть выслушает твои предложения великий дука Иоанн, брат жены императора, который со всем флотом и в сопровождении многочисленного сухопутного и морского войска уже подходит сюда. Можешь быть уверен, что при его посредничестве ты заключишь мир с императором».

В свое время самодержец послал этого Иоанна Дуку с большим войском в Эпидамн, чтобы он приложил все силы для защиты Диррахия и вместе с тем вступил в войну с далматами. Дело в том, что Бодин, человек весьма воинственный и исполненный коварства, не пожелав оставаться в пределах своей страны, ежедневно совершал набеги на ближайшие к Далмацил села и присоединял их к своим владениям.

Иоанн Дука пробыл в Диррахии одиннадцать лет 800, за это время он отвоевал у Вукана 801 многие крепости и многих далматов привел в плен к императору. Наконец, вступив в упорный бой с Бодином, он захватил в плен его самого. Много раз имел самодержец случай убедиться в воинственном духе и военном искусстве Иоанна Дуки и знал о его готовности исполнить любой приказ императора. В борьбе с Чаканом самодержец нуждался именно в таком человеке; поэтому он вызвал его из Диррахия, назначил великим дукой флота и с многочисленным сухопутным и морским войском отправил против Чакана.

Позднее я расскажу о том, в какие сражения с Чаканом вступал Иоанн и из каких опасных положений вышел победителем.

Далассин ожидал Дуку и в беседе с Чаканом дал ему понять, что возлагает все надежды на приход Иоанна. Чакан же, кажется, ответил словами Гомера: «Но приближается ночь, покориться и ночи приятно» 802. Чакан обещал Далассину доставить на рассвете много съестных припасов. Все это, однако, было лишь хитростью и обманом. И Далассин не ошибся в своих подозрениях. Утром Чакан тайком спустился к берегу и, пользуясь попутным ветром, отправился в Смирну, чтобы набрать там большое войско и вновь вернуться на Хиос. Но Далассин почти не уступал Чакану в хитрости: вместе со своими воинами он сел на имевшиеся у него корабли и прибыл на них в Волисс. Там он добыл себе корабли, соорудил гелеполы, дал отдых своим воинам, набрал новых и вернулся туда, откуда ушел. Он завязал жестокий бой с варварами, разрушил стену и, в то время как Чакан находился еще в Смирне, захватил город, а затем, воспользовавшись тихой погодой, со всем флотом направился прямо к Митилене.

9. Такие меры против Чакана принял самодержец. Когда Алексей узнал, что скифы вновь наступают на Русий, расположились лагерем у Поливота 803, он немедленно вышел из Константинополя и прибыл в Русий. Вместе с ним отправился перебежчик Неанц, втайне вынашивавший против него злой умысел; с Алексеем находились также Канц и Катран – оба эти мужа питали горячую любовь к императору и отнюдь не были новичками на войне. Завидев издали большой отряд скифского войска, Алексей вступил с ним в бой. Много ромеев пало в битве, некоторые были взяты в плен и убиты скифами, но немалое их число благополучно добралось до Русия. Но это была всего лишь битва со скифами, вышедшими в набег за провизией.

Когда же к императору подошли латиняне, которых называют маниакатами 804, он воспрянул духом и решил вступить в рукопашный бой со скифами. Так как обе армии находились на небольшом расстоянии друг от друга, император, желая начать сражение, не решился приказать подать трубой сигнал к бою. Он призвал к себе Константина – слугу, в чьи обязанности входил уход за императорскими соколами 805, велел ему взять тимпан, бить в него с вечера до утра и, обходя расположение войска, возвещать, что всем следует привести себя в состояние боевой готовности, ведь самодержец решил вступить наутро в бой со скифами без сигнала трубы. Между тем скифы ушли из Поливота, достигли места, называемого Гадос, где и разбили свой лагерь.

Вот какие меры принял самодержец в тот вечер. На рассвете он разделил войско, построил его по фалангам и выступил против скифов. До

начала битвы, когда войска еще стояли на своих местах, Неанц поднялся на близлежащий холм, якобы для того чтобы осмотреть скифский строй и доставить самодержцу сведения о его расположении. Но сделал он нечто прямо противоположное. На своем языке Неанц стал советовать скифам расположить рядами свои повозки и не опасаться самодержца, который и так удручен предыдущим поражением и уже готов обратиться в бегство, ибо испытывает недостаток в воинах и союзниках. Сказав это, Неанц спустился к самодержцу.

Однако один полуварвар, зная скифский язык, понял обращенные к скифам слова Неанца и обо всем сообщил императору. Когда об этом поставили в известность Неанца, он потребовал улик. Полуварвар смело вышел на средину и стал обличать его. Тогда Неанц на виду у императора, стоя в окружении фаланг, внезапно выхватил меч и отсек голову этому человеку. Как мне кажется, желая убийством доносчика отвести от себя обвинения, содержащиеся в доносе, он еще более обнаружил свою вину. Почему же он иначе не вытерпел улик? Видимо, Неанц потому осмелился на такой риск и совершил поступок, вполне достойный варварской души, поступок, настолько же подозрительный, насколько и дерзкий, что желал вырвать язык, изобличавший его коварство. Однако император сразу не наказал варвара, не покарал Неанца, как он того заслуживал, но подавил гнев в своем сердце, ибо не хотел раньше времени спугнуть зверя и внести замешательство в ряды воинов. Он сдержался и совладал со своим гневом; ведь он и раньше, по прежним поступкам Неанца, а также по другим признакам, предчувствовал предательство этого человека, к тому же судьба битвы была в то время «на мечном острие распростерта» 806. Вот почему император до поры до времени подавил клокочущее в его груди негодование и не смог в тот момент решить, что ему сделать. Вскоре Неанц подъехал к императору, спрыгнул с лошади и попросил у него другого коня. Алексей тотчас же дал ему лучшего коня с императорским седлом. Неанц вскочил на него и, так как в это время оба войска уже пошли на сближение друг с другом, сделал вид, что бросился в бой со скифами, но обратил острие копья назад, перешел к своим сородичам и сообщил им немало сведений о расположении войска императора. Скифы воспользовались его наставлениями, вступили в жестокий бой с самодержцем и наголову разбили его войско.

Император, видя, что ромейские фаланги разбиты и все воины бегут, оказался в отчаянном положении. Не пожелав бессмысленно подвергать опасности свою жизнь, он во весь опор поскакал к реке, протекающей около Русия. Там он сдержал коня и вместе с несколькими отборными

воинами стал, как мог, отбиваться от преследователей. Нападая на врагов, он многих из них убил, но то и дело сам получал удары. В это время, спасаясь от врагов, с другой стороны к реке подошел Георгий, прозванный Пирром. Самодержец, строго обратившись к Пирру, подозвал его к себе. Видя стремительный натиск скифов, чье число увеличивалось с каждым часом (на помощь им прибывали все новые подкрепления), Алексей оставил там Георгия с остальными воинами и приказал ему, экономно расходуя силы, сдерживать скифов до его возвращения. Быстро повернув коня, он переправился на другой берег реки и прибыл в Русий. Император собрал всех спасшихся бегством воинов, которых застал там, всех жителей, пригодных по возрасту для военной службы, и даже крестьян с их повозками, и приказал им как можно быстрее выйти из города и встать строем на берегу реки. Все произошло быстрее, чем слово сказывается, и Алексей, построив их рядами, вновь переправился через реку и вернулся к Георгию, хотя его так трепала лихорадка, что у него зуб на зуб не попадал.

Когда все скифское войско собралось, оно увидело двойной строй ромеев и мужественно сражающегося самодержца. Зная отвагу Алексея, одинаково храброго в победах и поражениях, зная неудержимость его натиска, скифы остановились на месте, не решаясь вступить в схватку. Самодержец тоже не двигался вперед – его мучила лихорадка, к тому же еще не все рассеявшиеся воины собрались; он медленно объезжал на коне свои ряды, проявляя отвагу перед лицом врага. Случилось так, что оба войска, не двигаясь с места, простояли до вечера и с наступлением ночи без боя возвратились в свои лагеря: противники испытывали страх Друг перед другом и не смогли решиться на битву. Тем временем воины, рассеявшиеся кто куда после предыдущего сражения, мало-помалу вернулись в Русий; большинство из них вообще не приняло никакого участия в сражении. Уклонившись от боя, через область под названием Аспр 807 пришли тогда в Русий Монастра, Уза и Синесий – мужи любезные Арею и весьма воинственные.

10. Самодержец, мучимый, как я говорила, лихорадкой, ненадолго прилег отдохнуть, чтобы восстановить силы. Однако он не мог лежать спокойно и все обдумывал, что следует ему сделать на другой день. В это время к нему явился Татран 808 (этот скиф неоднократно переходил к самодержцу и вновь возвращался домой; Алексей каждый раз прощал его, и скиф горячо полюбил императора за его долготерпение. Поэтому Татран был предан императору и старался ему угодить). Он сказал: «У меня есть подозрение, император, что скифы завтра окружат нас, а затем постараются вступить с нами в бой, поэтому предупреди их намерение и

на рассвете выстрой войско за стенами города». Император похвалил скифа, принял его совет, собираясь осуществить этот план с восходом солнца. Переговорив с Алексеем, Татран отправился к скифским вождям и сказал им следующее: «Не кичитесь победой над самодержцем; видя малочисленность нашего войска, не обманывайте себя благими надеждами выиграть бой. Неодолима сила властителя, к тому же с минуты на минуту ожидается прибытие большого наемного войска. Если вы не согласитесь на мир с императором, ваши тела расклюют хищные птицы». Вот что сказал скифам Татран.

Так как скифы ежедневно и еженощно совершали опустошительные набеги на наши земли, самодержец решил захватить их коней, которые в большом количестве паслись на равнине. Он призвал к себе Узу и Монастру и приказал им вместе с отборными всадниками пройти по тылам у скифов, к утру достичь равнины и захватить коней, весь остальной скот и самих пастухов. Император советовал им ничего не опасаться, «ибо, – говорил он, – вы легко сможете выполнить мой приказ, пока мы будем с фронта биться со скифами». И Алексей не ошибся в своих расчетах: его слова были немедленно претворены в дело.

В ожидании нападения скифов император не сомкнул глаз и не вздремнул ни на минуту. В течение всей ночи он призывал к себе воинов, особенно лучников, подолгу беседовал с ними о скифах, подстрекал их, можно сказать, к бою, Давал полезные советы для предстоящей на следующий день битвы и учил натягивать лук, пускать стрелу, время от времени осаживать коня, опять отпускать поводья и, когда нужно, соскакивать с лошади. Вот чем занимался в течение ночи Алексей. Затем он ненадолго уснул.

На рассвете все скифские военачальники переправились через реку, видимо, стремясь вступить в бой; таким образом, подтверждалась догадка самодержца (он умел хорошо предвидеть события, ибо приобрел большой опыт в непрерывных сражениях, которые чуть ли не ежедневно затевали против него враги). Алексей немедленно вскочил на коня, приказал подать трубой сигнал к бою, выстроил фаланги и сам встал перед строем. Видя, что скифы движутся с еще большей стремительностью, чем раньше, он сразу же приказал опытным лучникам сойти с коней и, наступая на скифов в пешем строю, непрерывно метать в них стрелы. За лучниками последовала остальная часть строя и сам самодержец, командовавший центром войска. Они отважно бросились на скифов, и завязалась жестокая битва. Видя сомкнутый строй ромейского войска и мужественно сражающегося самодержца, скифы, изнемогшие под градом стрел, пришли

в ужас, повернули назад и, стремясь переправиться через реку, побежали к своим повозкам. Во весь опор неслись преследовавшие их ромейские воины: одни из них копьями наносили удары в спины скифов, другие метали стрелы. Многие скифы, не успев еще достичь берега реки, убитыми пали на землю, а многие в паническом бегстве попали в речные водовороты и, не сумев из них выбраться, захлебнулись. С наибольшим мужеством сражались в тот день домашние слуги 809 императора; они были поистине неутомимы. Самодержец, проявив в этот день наивысшую доблесть, победителем вернулся в свой лагерь.

11. Император отдыхал в лагере в течение трех дней, затем покинул его и явился в Цурул. Самодержец не собирался в ближайшем будущем уходить оттуда, поэтому он вырыл в восточной части городка ров, куда мог упрятать все войско, поставил там императорскую палатку и сложил все снаряжение. Скифы в свою очередь тоже подошли к Цурулу, но, услышав, что самодержец занял город до них, переправились через реку, текущую по равнине вблизи этого городка (на местном языке она называется Ксирогипс) 810, и разбили лагерь между рекой и городком. Таким образом, скифы находились снаружи и окружали город, а император оказался внутри и, можно сказать, был осажден в Цуруле.

Наступила ночь; как говорит гомеровская Каллиопа 811, «все – и бессмертные боги и коннодоспешные мужи спали», но самодержца Алексея «сладостный сон не покоил» 812. Он бодрствовал и вынашивал планы, каким образом своим искусством одолеть дерзость варваров. Он видел, что городок Цурул выстроен на крутом холме, а все варварское войско расположилось внизу на равнине. Не имея достаточных сил, чтобы осмелиться в открытую сразиться с таким множеством варваров, он придумывает весьма хитрый план действий. Забрав у жителей города их повозки, он снимает с них кузовы, а колеса с осями поднимает наверх, подвешивает их в ряд с внешней стороны стены и канатами привязывает к зубцам. Не успел его замысел созреть, как тотчас был претворен в дело. В один час на стены были навешены колеса, будто ряд соединенных осями кругов, один возле другого.

Поднявшись утром, император вооружился сам, вооружил воинов, вывел их из-за стены и выстроил лицом к лицу с варварами. Получилось так, что наши воины стояли у тех участков стены, где были подвешены колеса, а противник расположился в одну линию напротив. Сам император занял место в центре строя и посоветовал воинам следующее: когда труба подаст сигнал к бою, им надлежит сойти с коней, пешим строем медленно двигаться на противника и, непрерывно пуская в дело лук и стрелы,

стараться вызвать атаку скифской фаланги; увидев, что скифы поддаются на провокацию и уже направляют на них своих коней, воины должны обратиться в бегство, затем, немного отклонившись в сторону, бежать одни влево, другие – вправо и уступать дорогу врагу до тех пор, пока тот не приблизится к городской стене. Воинам, стоявшим на стене, он приказал, как только ромейский строй разделится, обрубить мечами канаты и обрушить вниз колеса с осями.

Все было сделано в соответствии с приказом императора. Скифские всадники закричали по-варварски и разом бросились на наших воинов, которые, не торопясь, пешим строем наступали на них (лишь один император был среди них на коне). Ромеи, медленно перебирая ногами, двинулись назад и, в соответствии с замыслом самодержца, сделали вид, что отступают, а затем, чего уже никто от них не мог ожидать, разомкнули строй и как бы открыли варварам прямой путь к городу. Скифы вошли в проход, образовавшийся между двумя фалангами, и на них со свистом стремительно понеслись колеса, на локоть отскакивая от стены. Они ударялись о стену ободами и, как пущенные из пращи, с огромной скоростью скатывались в гущу варварской конницы. Стремительно падая вниз под воздействием силы тяжести, набирая скорость благодаря покатости места, колеса подсекали голени коней, подкашивая им передние или задние ноги, в зависимости от того, куда приходился удар, и сбрасывали всадников. Колеса непрерывно одно за другим низвергались на врагов. Ромеи с двух сторон бросились на скифов; всюду завязались жестокие схватки. Одних варваров убили пущенные ромеями стрелы, других поразили копья, а большую часть стремительно несущиеся колеса столкнули в реку, где они и утонули.

На следующий день император заметил, что оставшиеся в живых скифы вновь готовятся к бою. Зная боевой дух своих воинов, Алексей приказал им вооружиться. Взяв оружие и построив в боевой порядок войско, он подошел к склону холма, повернул свои фаланги лицом к скифам и стал ждать случая завязать с ними бой. Сам император занял место посреди войска. В разразившейся жестокой битве ромейские фаланги вопреки ожиданиям одержали победу и стали неудержимо преследовать варваров. Когда самодержец увидел, что преследователи уже на значительное расстояние удалились от города, у него появились опасения, как бы сидящие в засаде враги внезапно не напали на ромеев, не повернули назад скифов и, соединившись с ними, не нанесли поражения ромейскому войску. Поэтому Алексей непрерывно выезжал к своим воинам и приказывал им сдержать коней и дать им отдых. Таким образом

разошлись в тот день оба войска: скифы бежали, а ликующий император славным победителем вернулся в свой лагерь. Разбитые наголову скифы расположились лагерем между Булгарофигом и Малой Никеей.

Так как уже приближалась зима 813, самодержец решил вернуться в царственный город, чтобы отдохнуть от многочисленных битв и дать отдых большей части своих воинов. Он разделил свое войско, отобрал для дальнейшей борьбы с врагом наиболее храбрых воинов и назначил командовать ими Иоаннаки и Николая Маврокатакалона, о которых я неоднократно говорила выше. Он приказал им расположить во всех городах силы, нужные для охраны, и вывести из всей страны пехотинцев вместе с повозками и влекущими их быками. Император решил вступить весной в еще более жестокую войну со скифами и поэтому заранее принимал необходимые меры. Устроив все таким образом, он вернулся в Византий.

Книга VIII

1. Самодержцу стало известно, что скифские военачальники отправили часть своего войска против Хировакх 814 и что появление варваров ожидается с минуты на минуту. Император, человек весьма деятельный и всегда готовый ко всякого рода неожиданностям, не позволил себе и недели отдыха во дворце; он, даже не вымывшись в бане, не стряхнув с себя пыль войны, немедленно собрал воинов, охранявших город, и новобранцев – всего около пятисот человек, всю ночь вооружал их, а утром вышел из Константинополя и тогда же объявил о своем выступлении против скифов родственникам, свойственникам и прочим высокородным особам, принадлежавшим к военному сословию. Это происходило в пятницу мясопустной недели 815. Через своих посланцев Алексей отдал им следующий приказ: «Я выступил из города, ибо узнал о стремительном продвижении скифов к Хировакхам. Вам надлежит явиться ко мне на сырной неделе 816. Я предоставлю вам для небольшого отдыха время между мясопустной пятницей и сырным вторником, так как не хочу, чтобы вы сочли мой приказ суровым и неразумным».

Император немедленно отправился прямо к Хировакхам, вошел в город, запер ворота и забрал ключи. Всех преданных ему слуг он расставил у бойниц, приказав им, не смыкая глаз, сторожить стены города, чтобы никто не смог туда подняться и, перевесившись через стену, вступить в переговоры со скифами. Скифы же, как и предполагалось, прибыли на рассвете к Хировакхам и расположились на гребне холма, примыкающего к городской стене. Из их числа отделилось около шести тысяч воинов, которые в поисках провианта рассеялись в разные стороны и даже достигли Деката 817, находящегося примерно в десяти стадиях от стен царицы городов (поэтому, я думаю, этот город так и назывался). Остальные скифы оставались на месте. Император поднялся на предстенное укрепление и стал осматривать равнину и холмы, желая удостовериться в том, что на помощь варварам не движется новое войско и что скифы не устроили засады против тех, кто попытался бы на них напасть. Император не только не заметил никаких военных приготовлений со стороны скифов, но, напротив, увидел, что скифы во втором часу 818 дня собираются обедать и отдыхать. Смотря на несметное множество варваров, Алексей не осмеливался вступить с ними в открытый бой; в то же время его мучило сознание, что скифы могут опустошить всю страну и даже подойти к стенам царственного города, а он в это время, ради того

чтобы изгнать их, покинул столицу. И вот он призвал к себе воинов и, испытывая их, сказал: «Нечего бояться многолюдного скифского войска! С надеждой на бога в сердце вступим в бой со скифами. И если только наша воля будет едина, мы, я уверен, наголову разобьем противника». Воины решительно было отказались и возмутились его словами, и поэтому Алексей, еще больше пугая их и вместе с тем склоняя на риск, заявил: «Если ушедшие за провиантом скифы возвратятся назад и соединятся с оставшимися, над нами нависнет грозная опасность. Ведь скифы или овладеют городом и обрекут нас на смерть, или же, не обращая внимания на нас, подойдут к стенам столицы, расположатся у ее ворот и закроют нам вход в царственный город. Лучше рискнуть, чем трусливо умереть. Я уже выхожу из города: кто хочет, пусть следует за мной в гущу скифов, а кто не может или не хочет, пусть не высовывается за ворота».

После этого император вооружился и немедленно вышел из города через ворота, ведущие к озеру. Обогнув стену, он чуть отклонился от нее и поднялся на холм в тылу у врага. Ведь Алексей прекрасно понимал, что в лобовую атаку на скифов за ним не пойдет ни один воин. Он выхватил копье, врезался в гущу скифов и ударил первого встретившегося ему врага. Воины Алексея также не уклонились от боя, многих скифов убили, других взяли в плен. Затем со свойственной ему хитростью Алексей приказывает воинам облачиться в скифские одежды и сесть на скифских коней; своих же коней, значки и отрубленные головы скифов он поручил преданным воинам, приказав им доставить все это в крепость и ждать там его возвращения.

Отдав такие распоряжения, Алексей со скифскими знаменами и облаченными в скифские одежды воинами спускается к реке 819, протекающей вблизи Хировакх, предполагая, что через нее должны будут переправиться скифы, возвращающиеся после набега. Последние заметили воинов Алексея, приняли их за своих и без страха приблизились к ним; в результате одни скифы были убиты, другие захвачены в плен.

2. С наступлением вечера (дело было в субботу) император, ведя за собой пленных, возвращается в Хировакхи. Он пробыл там весь следующий день, а в понедельник 820 утром вышел из крепости. Он разделил войско, поставил впереди воинов, несущих скифские знамена, а за ними – пленных скифов, которых вели местные жители. Другим местным жителям император велел нести насаженные на копья отрубленные головы скифов и таким образом совершать путь. Немного поодаль под ромейскими значками следовал император вместе со своими воинами.

В утро мясопустного воскресенья 821 всегда готовый к ратным делам Палеолог раньше других вышел из Византия. Зная подвижность скифских отрядов, он не пренебрег в пути мерами предосторожности и выделил нескольких находившихся при нем слуг, которым приказал, двигаясь на некотором расстоянии впереди остального войска, осматривать равнины, леса и дороги, а если покажутся какие-нибудь скифы, быстро вернуться и сообщить об этом. Слуги вышли вперед, увидели скифские знамена и одетых в скифские одежды воинов на равнине Димилия, вернулись назад и сообщили о приближении скифов. Палеолог немедленно вооружился. Вслед за ними явился другой вестник, сообщивший, что на некотором расстоянии от так называемых скифов показались ромейские значки, а за ними – воины. Принесшие эту весть были и правы и не правы: шедшее позади войско и казалось и было ромейским, и им предводительствовал император, но и те, что, одетые по-скифски, двигались впереди, тоже были ромеями, только в скифских одеждах. Они оделись так по приказу самодержца, чтобы уподобиться по внешнему виду скифам и, как я уже говорила, ввести в заблуждение настоящих скифов. С другой стороны, император воспользовался скифским снаряжением для обмана наших, чтобы ромейские воины, встретившись с его отрядом, решили, что натолкнулись на скифов и испугались. Это была невинная воинская шутка, хотя она и преследовала цель возбудить страх. Ведь ромеи, не успев еще испугаться, уже успокоились бы, заметив императора. Таким безобидным образом самодержец пугал встречных. Но если в ком это зрелище возбудило страх, то Палеолог – он всех превосходил своей опытностью и знал, как любит Алексей изобретать всевозможные хитрости, – сразу же распознав уловку Алексея, быстро успокоил себя и других воинов.

Вслед за Палеологом из Константинополя устремилось множество родственников и близких императора. Они торопились, как им самим казалось, выполнить договор и явиться к самодержцу. Ведь, как уже говорилось раньше, было условлено, что они прибудут к Алексею в сырную неделю, следующую за мясопустной. Не успели они, однако, выйти из города, как император сам вернулся туда с трофеем. Встретившись с Алексеем, они, наверное, не поверили бы, что император один добыл такой трофей и столь быстро одержал победу, если бы своими глазами не увидели насаженные на острия копий головы скифов и не узрели того, как ведут одного за другим в оковах, со связанными за спиной руками тех варваров, которых пощадили мечи. И действительно, быстрота, с которой свершился этот поход, была удивительна. Я знаю также, что Георгий Палеолог бранил и порицал себя (об этом рассказывали мне

очевидцы) за то, что опоздал к битве и не был рядом с самодержцем, заслужившим столь великую славу неожиданной победой над варварами. – Георгий страстно желал разделить славу Алексея.

В отношении же самодержца, можно сказать, наглядно осуществились слова известной песни «Второзакония»: «Как бы мог один преследовать тысячу и двое прогнать тьму?» 822. Ведь император Алексей чуть ли не один противостоял в тот день огромному множеству варваров и до самого победного конца мужественно выносил на себе всю тяжесть битвы. Если учесть, сколько и какие воины были у императора, если сопоставить военную хитрость самодержца, его находчивость, силу и смелость с числом и мощью варваров, станет ясно, что император один завоевал победу.

3. Таким образом, бог неожиданно даровал победу властителю. Увидя вступающего в город императора, жители Византия ликовали и восхищались быстротой, смелостью и искусством, с которым было совершено это предприятие. Радуясь неожиданной победе, они пели, танцевали и славили бога, пославшего им такого спасителя и благодетеля. И лишь Никифор Мелиссин страдал душой, не мог, как это свойственно людям, перенести чужой славы и сказал: «Эта победа для нас – радость без выгоды, а для врагов – печаль без урона».

Между тем бесчисленное множество скифов, рассеявшихся по всему Западу, подвергало грабежу наши земли, и никакие поражения не могли обуздать их беспредельную дерзость. То там, то здесь захватывали они городки на Западе, не щадили селений, находящихся вблизи царицы городов, и даже доходили до места под названием Вафис-Риак 823, у которого воздвигнут храм величайшего из мучеников – Феодора 824. Множество людей ежедневно приходило туда для поклонения святому, а по воскресеньям благочестивые богомольцы толпами являлись в этот святой храм и, располагаясь вокруг него, в притворе или во внутренней части 825, проводили там дни и ночи. Однако натиск скифов настолько усилился, что желающие поклониться мученику, опасаясь внезапных набегов скифов, даже не решались открыть ворота Византия.

Такая напасть с Запада постигла самодержца на суше. Но и на море он не чувствовал себя спокойно, ибо подвергался большой опасности из-за Чакана, который вновь соорудил флот а совершая набеги на Приморские области. Все это мучило и терзало императора, и заботы одолевали его со всех сторон.

Алексею сообщили, что Чакан соорудил еще больший флот в прибрежных областях, разорил острова, которыми владел раньше, начал

подумывать о наступлении на западные земли и через послов посоветовал скифам захватить Херсонес 826.

Кроме того, Чакан не давал наемникам, явившимся к Алексею с Востока (я говорю о турках), соблюдать договор с самодержцем и сулил им всяческие блага, если они оставят самодержца и перейдут к нему, как только он достанет ячменя 827. Император знал об этом и, так как его дела на суше и на море находились в весьма тяжелом положении и суровая зима 828 заперла все выходы (из-за сугробов нельзя было даже открыть двери домов – никто не помнил, чтобы когда-нибудь навалило столько снега, как в тот год), он приложил все усилия, чтобы письмами вызвать отовсюду наемное войско.

Когда же наступило весеннее равноденствие, тучи перестали грозить войной и море смирило свой гнев, император, на которого с обеих сторон наседали враги, решил направиться в приморские области, дабы обороняться от врагов на море и одновременно бороться с ними на суше. Он сразу же отправил кесаря Никифора Мелиссина 829 и приказал ему быстрее, чем слово сказывается, прибыть в Энос. Алексей еще раньше в письме поручил Мелиссину собрать как можно большее число воинов, причем призвать на службу не ветеранов (их он прежде распределил по западным городам для охраны наиболее важных крепостей), а новобранцев из числа болгар и кочевников (их в просторечии называют влахами) 830 и тех, кто пешие и конные явятся к нему из всех других областей 831. Сам же Алексей вызвал к себе из Никомидии пятьсот кельтов, посланных ему графом Фландрским, выступил из Византия вместе со своими родственниками и быстро прибыл в Энос. Затем он сел в лодку и поплыл по реке 832, осматривая ее русло и берега. Выбрав место, где удобней всего можно было расположить войско, он вернулся. Ночью Алексей собрал военачальников и рассказал им о реке и об обоих ее берегах. «Давайте, – сказал он, – завтра переправимся через реку; вы осмотрите равнину и, может быть, не сочтете вовсе непригодным для лагеря то место, которое я вам покажу; там и надо будет разбить палатки».

Все согласились с ним. Наутро Алексей первым переправился на другой берег, и все войско последовало за ним. Вместе с военачальниками он вновь осмотрел берега и равнину у реки и показал им понравившееся ему место (оно лежит у городка, именуемого местными жителями Хирины 833, по одну сторону от него – река, по другую – болото). Так как всем воинам это место показалось достаточно защищенным, Алексей приказал быстро вырыть траншею и расположил там все войско. Затем с большим числом пельтастов он возвратился обратно в Энос, чтобы отражать напор

наступающих с той стороны скифов.

4. Ромеи, окопавшиеся у Хирин, узнали о приближении огромного скифского войска и сообщили об этом самодержцу, который еще находился в Эносе. Алексей на дозорном судне 834 поплыл вдоль берега, через устье вошел в реку и присоединился к своему войску. Отчаяние и страх охватили императора, когда он увидел, что его войско не составляет и малой доли скифской армии и что не в человеческих силах помочь ему. Тем не менее Алексей не пал духом, не опустил руки; напротив, он старался найти выход из положения.

Через четыре дня он издали заметил, как с другой стороны к нему уже приближается почти сорокатысячное куманское войско. Опасаясь, что куманы соединятся со скифами и вместе с ними навяжут ему кровопролитную битву (Алексей не ждал от нее ничего, кроме гибели всего войска), император решил привлечь куманов на свою сторону; ведь это он призвал их к себе. Главными предводителями куманского войска были Тогортак, Маниак 835 и другие воинственные мужи. Император видел, какое множество куманов приближается к нему, и, зная податливость их нрава, боялся, что из союзников они превратятся во врагов и нанесут ему величайший вред. Поэтому он предпочел ради безопасности со всем войском уйти оттуда и переправиться обратно через реку, но прежде всего решил призвать к себе куманских вождей. Последние немедленно явились к императору; позже других, после долгих колебаний пришел Маниак.

Алексей приказал поварам приготовить для них роскошный стоя, он дружелюбно принял куманов, хорошо угостил их, вручил всевозможные дары, а затем потребовал от куманских вождей клятв и заложников – ведь ему был известен коварный нрав этих людей. Куманы с готовностью выполнили требование Алексея, дали ручательства и попросили разрешения сражаться с печенегами в течение трех дней. При этом они обещали, если бог дарует победу, разделить на две части всю захваченную добычу и половину выделить императору. Император предоставил им право по их желанию преследовать скифов в течение не только трех, но целых десяти дней и к тому же заранее подарил им всю добычу, которую они должны были бы захватить, если бы только бог послал им победу. До тех пор скифская и куманская армии оставались на своих местах, и куманы тревожили скифское войско стрельбой из лука.

Не прошло еще и трех дней, как самодержец вызвал к себе Антиоха (это знатный муж, решительностью своего характера превосходивший многих людей) и приказал ему навести мост через реку. Вскоре мост был

наведен из кораблей, скрепленных друг с другом огромными бревнами. Император, призвав своего шурина, протостратора Михаила Дуку, и своего брата, великого доместика Адриана, приказал им встать на берегу реки, не позволять коннице и пехоте переправляться одновременно, а пустить перед конницей пехоту, повозки со снаряжением и вьючных мулов. Когда переправилась пехота, император, боясь скифов и куманов и опасаясь их неожиданного наступления, быстрее, чем слово сказывается, вырыл ров 836, поместил туда всех пехотинцев и лишь после этого приказал переправляться коннице. Стоя на берегу реки, он сам наблюдал за переправой.

Между тем Мелиссин, действуя согласно письменному приказу самодержца 837, собрал отовсюду войско, вывел из соседних областей пехотинцев, которые везли свое снаряжение и необходимые припасы на повозках, запряженных быками, и срочно отправил их к самодержцу. Когда пехотинцы находились уже в поле зрения наших воинов, многие ромеи приняли их за скифский отряд, наступающий на самодержца. Один воин набрался смелости и, указывая на них пальцем самодержцу, стал утверждать, что это скифы. Алексей поверил его словам и, не имея сил бороться с таким многочисленным врагом, пришел в отчаяние. Призвав к себе Радомира (этот муж был отпрыском знатного болгарского рода и по материнской линии приходился родственником Августе – моей матери) 838, он послал его разведать, кто такие эти пришельцы. Радомир быстро выполнил приказ и, вернувшись, сообщил, что приближаются воины, посланные Мелиссином. Самодержец обрадовался и, после того как воины вскоре подошли, вместе с ними переправился через реку. Алексей приказал еще больше увеличить ров и объединил вновь прибывший отряд с остальным войском. Тем временем куманы немедля подошли к рву, который самодержец покинул вместе со всем войском, идя к переправе, и поставили там свои шатры.

На следующий день самодержец двинулся вниз по реке с намерением достичь брода, который местные жители называют Филокаловым 839. Но по дороге он встретил большой отряд скифов, напал на него и завязал жестокий бой. Обе стороны понесли в битве большие потери, но победу одержал император, наголову разбивший скифов. После битвы каждое войско вернулось в свой лагерь, и ромеи в течение всей ночи оставались на месте. С рассветом они выступили оттуда, прибыли к так называемому Левуни (это возвышающийся над равниной холм), и самодержец поднялся на него. Так как для всего войска места наверху не хватало, император велел вырыть у подножия холма ров, достаточный для всего войска, и

поместил там своих воинов. В это время к самодержцу вместе с несколькими скифами вновь явился перебежчик Неанц. Увидев последнего, император припомнил ему его недавнее предательство и еще кое-что, взял его под стражу и заковал в кандалы вместе с другими скифами.

5. Так действовал император. Между тем скифы, расположившись по берегам речки под названием Мавропотам 840, начали тайком привлекать на свою сторону куманов, призывая их стать союзниками. Вместе с тем они непрерывно отправляли послов к императору с предложением мира. Алексей догадывался о хитром замысле скифов и давал уклончивые ответы послам, желая внушить им мысль, что к нему должно подойти наемное войско из Рима 841. Куманы же, поскольку обещания печенегов были двусмысленными, не перешли к ним и вечером обратились к императору со следующими словами: «До каких пор будем мы оттягивать бой? Знай, что мы больше не намерены ждать и с восходом солнца отведаем мяса волка или ягненка». Император выслушал это и, зная крутой нрав куманов 842, больше не стал откладывать сражения. Определив следующий день для решительной битвы, он обещал куманам назавтра вступить в бой со скифами, а сам немедленно созвал военачальников, пентеконтархов и остальных командиров и велел им объявить по всему лагерю о назначенной битве. Несмотря на принятые меры, император опасался бесчисленного множества печенегов и куманов и боялся соединения обоих войск.

К одолеваемому этими мыслями императору прибыли на подмогу перебежчики – около пяти тысяч храбрых и воинственных жителей горных областей 843. Не собираясь более откладывать сражения, император стал просить помощи у бога. На закате он первый приступил к молитвам, устроил торжественное факельное шествие и стал исполнять соответствующие случаю гимны. Он не оставил в покое ни одного человека в лагере; разумным людям советовал, а невежественным приказывал делать то же, что и он. В это время можно было наблюдать такую картину: солнце опускалось за горизонт, а воздух, казалось, озаряли не только лучи солнца, но и яркий свет других многочисленных звезд. Каждый воин укрепил на своем копье и зажег как можно большее число светильников и свечей. А голоса воинов, я думаю, достигали небесных сфер и даже, можно с уверенностью сказать, возносились к самому господу богу. Как я полагаю, все это было свидетельством благочестия императора, который даже не помышлял напасть на врагов без божественной помощи. Алексей не возлагал надежд ни на воинов, ни на

коней, ни на свои военные хитрости, но всецело полагался на высший суд. До середины ночи свершал молитвы Алексей и лишь затем позволил себе кратковременный отдых. Восстав ото сна, император полностью вооружил легкие отряды войска, правда, некоторых воинов облачил в одежды и головные уборы, перешитые из одноцветных шелковых плащей 844, ибо железных доспехов на всех не хватило.

С первой улыбкой утра Алексей в полном вооружении вышел из лощины и приказал подать сигнал к бою. У подножья так называемого Левуния (это место...845) он разделил свое войско и выстроил фаланги по отрядам. Сам пышащий яростью самодержец встал впереди строя, командование правым флангом принял Георгий Палеолог, левым – Константин Далассин. Справа от куманов стоял в полном вооружении вместе со своими воинами Монастра. Видя, что самодержец устанавливает фаланги, куманы также вооружили и выстроили в принятый у них боевой порядок свои отряды. Слева от них находились Уза и – фронтом на запад – Умбертопул с кельтами. Как бы огородив свое войско строем фаланг и окружив его плотным кольцом конных отрядов, самодержец приказал вновь подать трубой сигнал к бою.

Ромеи, опасаясь неисчислимого скифского войска и несметного множества крытых повозок, которые скифы использовали вместо стены, в один голос воззвали к милости всевышнего и, опустив поводья, бросились в бой со скифами; самодержец несся впереди всех. Строй принял вид серпа, и в один момент, будто по условному знаку, все войско, в том числе и куманы, ринулось на скифов. Один из самых главных скифских военачальников понял, чем все это может кончиться, и решил заранее обеспечить себе спасение: в сопровождении нескольких скифов он явился к куманам – последние говорили на одном с ним языке. Хотя куманы ревностно сражались со скифами, тем не менее он питал к ним больше доверия, чем к ромеям, и хотел воспользоваться их посредничеством перед самодержцем. Самодержец заметил это и стал опасаться, как бы и другие скифы не перешли к ним, не привлекли на свою сторону куманов и не убедили их направить против ромейской фаланги как помыслы свои, так и коней. Поэтому император, который всегда умел находить выход из критического положения, немедленно приказал императорскому знаменосцу со знаменем в руках встать у куманского лагеря.

К этому времени скифский строй был уже прорван, оба войска сошлись в рукопашной схватке и началась резня, подобной которой никто никогда не был свидетелем. Страшные удары мечей поражали уже постигнутых божьим гневом скифов, а разящие устали непрерывно

размахивать оружием и, утомленные, ослабили натиск. Самодержец въехал на коне в гущу врагов; он приводил в замешательство целые фаланги, наносил удары пытавшимся сопротивляться, а находившихся вдали устрашал криками. Когда Алексей увидел, что наступил полдень и солнечные лучи уже падают вертикально, он предусмотрительно сделал следующее. Подозвав к себе нескольких воинов, он приказал им попросить крестьян наполнить водой кожаные мехи и привезти их на своих мулах. Когда доставляющих воду крестьян увидели их соседи, они, хотя их никто об этом и не просил, сделали то же самое: стали подвозить воду в амфорах, в кожаных мехах или в других подвернувшихся под руку сосудах, чтобы освежить наших воинов, освобождавших их от страшного скифского владычества. Выпив немного воды, ромеи продолжили битву.

В тот день произошло нечто необычайное: погиб целый народ вместе с женщинами и детьми, народ, численность которого составляла не десять тысяч человек, а выражалась в огромных цифрах. Это было двадцать девятого апреля 846, в третий день недели. По этому поводу византийцы стали распевать насмешливую песенку: «Из-за одного дня не пришлось скифам увидеть мая».

На закате, когда все скифы, включая женщин и детей, стали добычей меча и многие из них были взяты в плен, император приказал сыграть сигнал отхода и вернулся в свой лагерь. Все случившееся тогда должно было казаться чудом, особенно если принять во внимание следующее обстоятельство. В свое время ромеи, выступая из Византия против скифов, закупили веревки и ремни, чтобы ими связать пленных и таким образом привести их к себе домой 847. Но все произошло тогда наоборот: ромеи сами были связаны и оказались в плену у скифов. Это произошло в битве со скифами у Дристры 848, когда бог обуздал гордыню ромеев. Но позднее, в то время, о котором я сейчас повествую, бог, видя, что ромеи охвачены страхом, потеряли всякую надежду на спасение и не имеют сил противостоять такому множеству врагов, неожиданно даровал им победу, и теперь уже они вязали, разили, вели в плен скифов и, не ограничиваясь этим (ведь все это нередко происходит и во время небольших сражений), в один день полностью уничтожили многотысячный народ.

6. Куманский и скифский отряды отошли друг от друга, и самодержец с наступлением сумерек вспомнил о еде. В это время перед ним предстал разгневанный Синесий и сказал следующее: «Что происходит? Что это за новые порядки? У каждого воина по тридцати и более пленных скифов, а рядом с нами толпа куманов. Если усталые воины, как это и должно быть, уснут, скифы освободят друг друга и, выхватив акинаки, убьют своих

стражей. Что тогда будет? Прикажи скорей умертвить пленных». Император сурово взглянул на Синесия и сказал: «Скифы – те же люди; враги тоже достойны сострадания. Я не знаю, о чем ты только думаешь, болтая это!». Затем Алексей с гневом прогнал продолжавшего упорствовать Синесия. Одновременно он велел довести до сведения всех воинов приказ сложить в одно место скифское оружие и хорошо стеречь пленных.

Сделав такие распоряжения, император спокойно провел остаток ночи. Однако в среднюю стражу ночи воины, повинуясь божественному гласу, или по другой неизвестной мне причине убили почти всех пленных 849. Император узнал об этом утром, сразу же заподозрил Синесия и немедленно призвал его к себе. Разразившись угрозами, Алексей сказал в обвинение Синесию: «Это дело твоих рук». И хотя Синесий поклялся, что ни о чем не знает, Алексей приказал заключить его в оковы. «Пусть узнает, – сказал император, – каким злом являются одни только оковы, и он никогда не будет выносить людям столь суровые приговоры». И Алексей наказал бы Синесия, если бы к нему не явились вельможи, приходившиеся родственниками и свойственниками самодержцу, и сообща не попросили помиловать Синесия.

Между тем большинство куманов опасалось, как бы самодержец ночью не замыслил чего-нибудь против них, поэтому они забрали свою добычу и ночью выступили по дороге к Данувию. Сам же император, стремясь уйти от зловония, исходившего от трупов, на рассвете выступил из лагеря и направился к Кала-Дендра – в восемнадцати стадиях от Хирин. По дороге его нагнал Мелиссин: он не успел прибыть к моменту битвы, ибо занимался отправкой самодержцу упомянутых новобранцев. Алексей и Мелиссин, как полагается, радушно приветствовали друг друга и остаток пути беседовали о событиях минувшей битвы со скифами.

Прибыв в Кала-Дендра, самодержец узнал о бегстве куманов и велел погрузить на мулов все то, что он должен был отдать куманам согласно условиям договора, и приказал, если удастся, настичь их до Данувия и вручить им их долю. Ведь Алексей нередко и со многими людьми вел беседы о лживости и считал недопустимым не только лгать, но даже казаться лживым. Так он распорядился относительно беглецов. Тех же куманов, которые за ним последовали, Алексей щедро угощал весь остаток дня. Он решил, однако, не отдавать куманам в тот день причитающегося им жалования, а подождать, пока они не протрезвятся во сне и, придя в себя, не начнут отдавать себе отчет в происходящем. На следующий же день Алексей призвал их всех к себе и заплатил им намного лучше, чем

обещал раньше. Император решил отпустить куманов домой, но взял у них заложников, ибо опасался, что на обратном пути они рассеются во все стороны в поисках провианта и нанесут немалый вред селениям, расположенным вдоль дороги. Так как куманы просили обеспечить им безопасность в пути, Алексей поручил Иоаннаки (это человек выдающегося мужества и ума) позаботиться о куманах и благополучно доставить их к самому Зигу 850. Так божественное провидение позаботилось о самодержце.

Полностью исполнив своей долг, самодержец в мае с трофеем победителем возвращается в Византий.

Здесь я должна кончить свой рассказ о скифах, хотя из многочисленных событий я коснулась лишь немногих и, можно сказать, погрузила только кончики пальцев в воды Адриатического моря. Ведь о блестящих победах самодержца, о поражениях его врагов, о собственных подвигах Алексея, о всех случившихся в то время событиях и о том, как император всегда умел приспособиться к обстоятельствам и тем или иным способом выпутаться из тяжелого положения, – обо всем этом не смогли бы рассказать ни новый Демосфен, ни весь сонм ораторов, ни Академия вместе со Стоей, если бы они даже сочли своей первой задачей восхваление деяний Алексея.

7. Через несколько дней после возвращения императора во дворце был раскрыт заговор, составленный против самодержца армянином Ариевом и кельтом Умбертопулом (и тот и другой знатные и воинственные мужи), привлекшими к себе немалое число сторонников. Улики были налицо, и истина обнаружилась. Заговорщики были осуждены и приговорены к конфискации имущества и изгнанию. Следует отметить, что самодержец полностью освободил их от полагающегося по законам наказания 851.

Затем до самодержца донеслись слухи о нашествии куманов и о том, что Бодин вместе с далматами намерен нарушить договор и вторгнуться в наши земли. Поэтому Алексей пребывал в нерешительности, не зная, против какого врага обратить свое оружие. Он решил выступить вначале против далматов, до их прибытия занять узкую долину между нашими и их землями и, насколько будет возможно, укрепить ее. Он собрал всех приближенных, открыл им свое намерение и, получив общее одобрение, выступил из столицы, чтобы устроить дела на Западе.

Вскоре Алексей прибыл в Филиппополь, где получил письмо от болгарского архиепископа 852, в котором тот сообщал, что дука Диррахия Иоанн, сын севастократора, вынашивает планы восстания. Весь день и всю ночь провел Алексей в душевном волнении; из жалости к отцу Иоанна он

откладывал расследование дела, но в то же время опасался, что слух об Иоанне оправдается. Иоанн был еще юношей, и Алексей, зная необузданный нрав людей этого возраста, боялся, что он поднимет мятеж и доставит невыносимое горе как своему отцу, так и дяде. Поэтому император решил всеми способами постараться сорвать замысел Иоанна, ведь он был необычайно привязан к юноше.

И вот Алексей призвал к себе великого этериарха 853 Аргира Карацу (несмотря на свое скифское происхождение, этот человек отличался большим благоразумием и был слугой добродетели и истины) и вручил ему два письма 854. В первом, адресованном Иоанну, содержалось следующее: «Наша царственность, узнав, что варвары выступили против нас и прошли через клисуры, вышла из Константинополя, чтобы укрепить границы 855 Ромейской державы. Тебе же следует самому явиться с докладом о положении во вверенной тебе области (ибо я опасаюсь злых умыслов против нас со стороны Вукана) и сообщить мне о положении в Далмации и о том, соблюдает ли Вукан условия мирного договора (ведь до меня ежедневно доходят неблагоприятные вести о нем), чтобы, получив более точные сведения о Вукане, я смог во всеоружии встретить его козни. Затем я отправлю тебя с необходимыми инструкциями обратно в Иллирик, дабы, на два фронта сражаясь с врагами, с божьей помощью добиться победы». Таково было содержание письма, адресованного Иоанну.

В другом письме, обращенном к знатным жителям Диррахия, говорилось следующее: «Узнав, что Вукан вновь злоумышляет против меня, я выступил из Византия, чтобы укрепить узкие долины между Далмацией и нашим государством и вместе с тем точнее разузнать о Вукане и о далматах. Поэтому я решил вызвать к себе вашего пуку и любимого племянника моего владычества, а дукой назначил человека, который вручит вам это письмо. Примите же нового дуку и подчиняйтесь всем его распоряжениям».

Вручив эти письма Караце, он приказал ему по прибытии прежде всего доставить письмо, адресованное Иоанну, и, если тот добровольно подчинится приказу, с миром проводить его и взять на себя охрану области до возвращения Иоанна; а на тот случай, если Иоанн станет сопротивляться и откажется повиноваться, Алексей велел Караце призвать к себе наиболее влиятельных граждан Диррахия и прочесть им второе письмо, чтобы они помогли ему задержать Иоанна.

8. Сведения обо всем этом дошли до севастократора Исаака, который находился в то время в Константинополе. Он спешно выступил из города и через двое суток прибыл в Филиппополь. Застав императора спящим, он

тихо вошел в его палатку, рукой подал знак спальникам самодержца соблюдать тишину, улегся на другое ложе, находившееся в палатке его брата-императора, и заснул.

Император, восстав ото сна, неожиданно увидел брата. Алексей некоторое время старался не шуметь и приказал то же самое остальным. Когда севастократор проснулся, он увидел своего брата-императора бодрствующим, тот также увидел его, они подошли друг к другу и обнялись. Затем император спросил Исаака, чего он хочет и какова причина его прихода. Тот ответил: «Я пришел ради тебя». На что император: «Напрасно ты тратил силы и утомлял себя». Севастократор встретил эти слова молчанием, ибо терялся в догадках, с каким известием прибудет посол, еще ранее отправленный им в Диррахий. Ведь как только до Исаака дошли слухи о сыне, он набросал ему короткое письмо, в котором приказывал Иоанну скорее явиться к самодержцу и сообщал, что сам он отправляется из Византия в Филиппополь, дабы соответствующими доводами опровергнуть доносы на Иоанна и дождаться там прибытия сына.

Исаак покинул императора и удалился в предназначенную для него палатку. Немедленно вслед за этим к нему прибежал письмоносец, посланный к Иоанну, и сообщил о прибытие сына.

Севастократор отбросил всякие подозрения, подбодрил себя мужественными мыслями и, исполненный гнева против тех, кто первыми донесли на его сына, в сильном волнении явился к императору. Увидев Исаака, император сразу же понял причину его гнева, но все же спросил брата, как он себя чувствует. Исаак ответил: «Плохо, по твоей вине». Он вообще не умел обуздывать свой гнев и нередко готов был взорваться по самому пустому поводу 856. К этому он добавил еще следующее: «Я не столько зол на твою царственность, сколько, – тут он указал пальцем на Адриана, – на этого лжеца». Кроткий и ласковый император ничего ему не возразил, ибо знал, как следует утихомирить кипящего гневом брата. Они уселись и вместе с кесарем Никифором Мелиссином и некоторыми своими родственниками и свойственниками стали обсуждать слухи, распространяемые об Иоанне. Когда Исаак увидел, что его брат Адриан и Мелиссин намеками стараются бросить тень на его сына, он вновь не смог сдержать бурлящего в нем гнева и, сурово взглянув на Адриана, пригрозил, что вырвет ему бороду и отучит нагло лгать и пытаться отнять у императора его близких родственников.

В это время прибывает Иоанн. Его сразу же провели в палатку императора, и он слышал все, что о нем говорилось. Не на суд привели его,

и обвиняемого не держали под стражей. Император сказал Иоанну: «Сочувствуя твоему отцу – моему брату, я не могу вынести того, что тут о тебе говорят, поэтому будь спокоен и живи как раньше». Все это говорилось в императорской палатке, где присутствовали только родственники и не было ни одного чужого человека. Так было замято это дело, и остается неизвестным, возникло ли оно в результате пустой болтовни или Иоанн действительно злоумышлял против императора. Алексей подозвал к себе своего брата севастократора Исаака вместе с его сыном Иоанном и после продолжительной беседы сказал, обращаясь к севастократору: «Спокойно отправляйся в царственный город и расскажи о наших делах матери. Его же, – тут он указал на Иоанна, – как видишь, я отправляю назад в Диррахий, чтобы он позаботился о вверенной ему области». Так они расстались: один на следующий день направился в Византий, другой – в Диррахий 857.

9. Это выступление против самодержца было не последним. В царственном городе находился Феодор Гавра 858. Зная дерзость и энергию этого человека, Алексей решил удалить его из столицы и потому назначил дукой Трапезунда, города, который тот ранее отобрал у турок. Гавра был родом из горных районов Халдии 859 и завоевал славу доблестного воина, ибо превосходил всех людей своим умом и мужеством. Ни в одном, даже самом малом деле, не терпел он неудач и постоянно брал верх над своими противниками, а завладев Трапезундом и распоряжаясь им как своей собственностью, он и вовсе стал непобедим. Сына Гавры, Григория, севастократор Исаак Комнин обручил с одной из своих дочерей. Так как молодые люди были еще очень юны, между ними только состоялась помолвка. Гавра отдал севастократору своего сына Григория, для того чтобы дети вступили в брак, когда достигнут совершеннолетия, а сам, попрощавшись с императором, вернулся в свою страну. Однако вскоре, покоряясь общей участи, умерла супруга Гавры, и он женился вторично – на одной знатной аланке. Новая жена Гавры и супруга севастократора оказались дочерьми двух сестер. Когда это обнаружилось, брачный договор между детьми был расторгнут, ибо законы и каноны запрещали их связь 860.

Зная, какой Гавра воин и что он может учинить, император не пожелал после расторжения брачного договора отпустить назад его сына. Он решил задержать Григория в царственном городе по двум причинам: Алексей хотел, во-первых, оставить его в качестве заложника, а во-вторых, обеспечить себе дружелюбие Гавры – ведь если последний и замыслил бы зло против императора, то должен был бы воздержаться от его

осуществления. Кроме того, Алексей намеревался женить Григория на одной из моих сестер 861. Вот почему он откладывал возвращение юноши.

Гавра же вновь прибыл в царицу городов и, вовсе не понимая планов самодержца, решил тайно забрать сына. Он держал пока это решение в тайне, хотя самодержец косвенно, намеками давал ему понять о своем намерении. Я не знаю, может быть, Гавра не понимал намеков, а может быть, и сознательно не обращал на них никакого внимания из-за недавнего расторжения брачного договора, во всяком случае он попросил позволить ему вернуться назад вместе с сыном. Но самодержец не согласился на это. Тогда Гавра сделал вид, что он добровольно оставляет сына и вверяет его заботам самодержца.

Когда Гавра попрощался с императором и уже должен был покинуть Византии, севастократор устроил ему прием в том месте, где сооружен храм великомученика Фоки 862, в очень красивом имении, расположенном у Пропонтиды; сделать это севастократора побудила новая женитьба Гавры, в результате которой между ними возникла родственная близость. После роскошного пира севастократор отправился в Византий, а Гавра попросил разрешить его сыну провести с ним следующий день; севастократор охотно дал свое согласие.

Когда многократно упомянутый нами Гавра уже должен был на следующий день расстаться с сыном, он попросил наставников проводить его до Сосфения 863, где намеревался разбить свой лагерь. Наставники согласились и отправились вместе с Гаврой. Затем, уже собираясь уходить из Сосфения, он обратился к наставникам с прежней просьбой – разрешить сыну следовать с ним до Фароса 864. Но они отказали ему. Тогда Гавра стал ссылаться на свои отцовские чувства, на предстоящую долгую разлуку с сыном и приводить различные другие доводы и таким образом тронул сердца наставников. Они дали себя убедить и последовали за Гаврой. Прибыв к Фаросу, Гавра обнаружил свой замысел, похитил сына, посадил его на грузовое судно и вместе с ним предался воле понтийских волн.

Когда самодержец узнал об этом, он быстрее, чем слово сказывается, отправил в погоню быстроходные суда, приказав морякам вручить Гавре предназначенное ему письмо 865 и постараться вернуть мальчика, если только Гавра согласится на это и не захочет приобрести врага в лице самодержца. Отправленные в погоню настигли Гавру уже за городом Эгиной, у города, который местные жители называют Карамвис 866. Они вручили ему императорское письмо, в котором самодержец сообщал, что намерен женить мальчика на одной из моих сестер, прибавили на словах

многое другое и убедили Гавру отправить назад сына. По его прибытии самодержец сразу же скрепил брачный договор соответствующими грамотами и передал Григория заботам наставника – одного из слуг императрицы, евнуха Михаила.

Живя во дворце, Григорий пользовался большим вниманием со стороны императора, который исправлял его нрав и обучал всем военным наукам. Но, как это вообще свойственно молодым людям, Григорий никому не желал подчиняться и страдал оттого, что якобы не получил приличествующего ему титула. Будучи к тому же недоволен наставником, он стал искать способ уйти к своему отцу, хотя ему скорее следовало испытывать благодарность к императору за столь большую заботу. Григорий не ограничился одними намерениями и приступил к делу. Кое с кем он поделился своим тайным замыслом. Этими людьми были Георгий, сын Декана, Евстафий Камица 867 и Михаил-виночерпий, которого дворцовые слуги обычно называют «пинкерном» 868 (все трое – храбрые воины и весьма близкие самодержцу люди). Михаил явился к самодержцу и сообщил ему обо всем, но Алексей не хотел верить этому и отказался его слушать.

Так как Гавра продолжал настаивать и спешно готовил бегство, преданные самодержцу люди сказали ему: «Если ты клятвенно не подтвердишь своего решения, мы не последуем за тобой». Когда тот согласился, они показали ему, где лежит святой гвоздь 869, которым нечестивцы пронзили бок моего спасителя. Они хотели, чтобы Григорий похитил этот гвоздь и поклялся именем того, кто был им ранен. Гавра послушался и тайком похитил святой гвоздь. Один из тех, кто еще раньше известил самодержца о замысле Григория, прибежал к Алексею со словами: «Вот Гавра, а за пазухой у него гвоздь». По приказу самодержца Гавру немедленно привели и у него из-за пазухи извлекли гвоздь. На допросе он сразу же без колебаний обо всем рассказал, выдал сообщников и раскрыл своп замыслы. Алексей осудил Григория и передал его дуке Филиппополя Георгию Месопотамиту 870 с приказом в оковах и под стражей стеречь его на акрополе 871. Георгия, сына Декана, он, снабдив письмом, отправил к Льву Никериту, который был в то время дукой Параданувия 872. Сделал он это будто бы для того, чтобы Георгий вместе со Львом охраняли прилежащие к Данувию области, на самом же деле, чтобы Георгий находился под надзором Льва. Алексей заключил под стражу Евстафия Камицу и остальных заговорщиков и отправил их и ссылку.

Книга IX

1. Обойдясь таким образом с Иоанном и Григорием Гаврой, самодержец выступил из Филиппополя и вступил в узкую долину, расположенную между нашими и далматскими землями. Весь путь через горный хребет, который местные жители называют Зигом, он проделал не верхом (мешала пересеченная, изобилующая оврагами, заросшая деревьями труднопроходимая местность), а прошел пешком и своими глазами осматривал, не осталось ли где-нибудь незащищенных участков, через которые врагу нередко удается пройти. В одних местах он приказал вырыть рвы, в других – соорудить деревянные башни, а где дозволяли условия, – построить из кирпича и камня крепости. При этом он сам определял их вели чину и расстояние друг от друга. Кое-где он заставлял срубать под корень огромные деревья и укладывать их на землю. Сделав таким образом дороги неприступными для врагов, он вернулся в столицу. В моем рассказе это предприятие кажется легким, но многие из тех, кто был тогда с императором и здравствует поныне, могут подтвердить, сколько пота пролил тогда самодержец.

Алексей получил точные сведения о Чакане и узнал, что последний, несмотря на все поражения на море и на суше, не отказался от прежних намерений, присвоил себе знаки императорского отличия, именует себя императором 873, избрал Смирну своей резиденцией и готовит флот, чтобы вновь разграбить острова, дойти до самого Византия и, если удастся, захватить императорскую власть. Ежедневно получая подобные сведения, самодержец решил не пребывать в бездействии, не приходить в уныние от этих слухов и в течение оставшегося летнего времени и зимы 874 готовиться, а следующей весной вступить в решительную борьбу с Чаканом и не только постараться сорвать всеми средствами его замыслы, надежды и начинания, но изгнать его из самой Смирны и освободить из-под власти Чакана все другие захваченные им области.

На исходе зимы, когда уже начинало улыбаться весеннее солнышко, Алексей вызвал к себе из Эпидамна своего шурина Иоанна Дуку и назначил его великим дукой флота 875. Вверив Иоанну отборное сухопутное войско, император приказал ему двигаться по суше против Чакана 876, а командование флотом поручил Константину Далассину и велел ему плыть вдоль берега; одновременно приблизившись к Митилене, оба полководца должны были с двух сторон – с моря и с суши – завязать бой с Чаканом.

Подойдя к Митилене, Дука сразу же соорудил деревянные башни и, используя их как опорный пункт, начал упорное наступление на варваров. Чакан, поручивший ранее охрану Митилены своему брату Галаваце 877, спешно прибыл туда, выстроил войско в боевой порядок и сам вступил в бой с Дукой, ибо понимал, что у Галавацы не хватит сил для борьбы с таким славным воином. Завязалось упорное сражение, которое окончилось только с наступлением ночи.

С этого момента Дука в течение трех месяцев, не переставая, ежедневно атаковал Митилену и с восхода до заката геройски сражался с Чаканом. Но труды Дуки не приносили плодов. Самодержец, получая об этом известия, сердился и досадовал. Как-то, расспрашивая воина, явившегося из Митилены, и узнав, что сражения не приносят Дуке никаких результатов, император спросил его, в котором часу вступают они обычно в бой с Чаканом. Воин ответил, что, мол, при первых лучах солнца. Тогда император задал второй вопрос: «Кто из сражающихся обращен лицом к востоку?» – «Наше войско», – ответил тот. Император, умевший мгновенно улавливать суть дела, тотчас понял причину неудач и быстро набросал письмо 878 к Дуке, где советовал отказаться от утренних битв с Чаканом и, таким образом, не бороться одному с двумя противниками: с солнечными лучами и самим Чаканом. Он рекомендовал нападать на врагов лишь в то время, когда солнце, пройдя через меридиан, станет клониться к закату. Он вручил это письмо воину, несколько раз повторил свой совет и, наконец, решительно сказал: «Если вы нападете на врагов после полудня, то сразу же одержите победу». Воин передал это Дуке, который даже в малом никогда не пренебрегал советами самодержца.

На следующий день варвары, как и обычно, вооружились, но противник не появлялся (ведь ромейские фаланги согласно наставлениям самодержца не выходили из лагеря), и они решили, что в этот день боя не будет, сняли с себя оружие и остались на месте. Однако Дука не пребывал в бездействии. Когда солнце достигло зенита, он вместе со всеми воинами уже был при оружии, когда же солнце склонилось к закату, выстроил в боевой порядок войско и с боевым кличем и громкими криками неожиданно напал на варваров. Но Чакан не растерялся, он немедленно хорошо вооружился и сразу же завязал бой с ромеями. В это время подул сильный ветер, и, когда бой перешел в рукопашную схватку, столб пыли поднялся до самого неба. Частично из-за слепящего глаза солнца, частично из-за ветра, несущего в лицо пыль, а также из-за того, что натиск ромеев был в этот раз сильнее обычного, варвары потерпели поражение и обратили тыл.

После этого Чакан, не будучи более в состоянии выдерживать осаду и не имея сил, достаточных для непрерывных боев, предложил заключить мир и просил только разрешить ему беспрепятственно отплыть в Смирну. Дука согласился и взял двух заложников из числа знатных сатрапов. Так как Чакан тоже попросил заложников, Дука выдал ему Александра Евфорвина и Мануила Вутумита (оба – храбрые и воинственные мужи) при условии, что Чакан, уходя из Митилены, не совершит никакого насилия над ее жителями и никого из них не увезет в Смирну, сам же он со своей стороны обещал позволить Чакану беспрепятственно отплыть в Смирну. Они дали друг другу клятвы, и Дука уже не волновался, что Чакан, уходя, причинит вред митиленцам, а Чакан – что его будет беспокоить ромейский флот во время переправы. Но как «не научился рак ходить прямо» 879, так и Чакан не отказался от своих мерзостей. Он попытался увести с собой всех митиленцев вместе с их женами и детьми.

Между тем Константин Далассин, в то время талассократор, не успев еще согласно приказу Дуки причалить на своих кораблях к какому-то мысу 880, узнал обо всем происходящем, явился к Дуке и попросил разрешить ему вступить в бой с Чаканом.

Дука же, соблюдая данную им клятву, медлил с решением. Далассин настаивал и говорил следующее: «Давал клятву ты, меня же при этом не было. Ты и соблюдай свою клятву, а я тогда не присутствовал, не клялся, ничего не знаю о вашем договоре и вступлю в бой с Чаканом». Как только Чакан отчалил и прямым путем направился к Смирне, его быстрее, чем слово сказывается, настигает Далассин; он немедленно нападает на Чакана и начинает преследовать его. Дука же подошел к остальному флоту Чакана в момент, когда тот отчаливал, захватил корабли и освободил из рук варваров пленников и военнопленных, в оковах содержавшихся на судах.

Тем временем Далассин захватил многие пиратские корабли Чакана и приказал умертвить их команды вместе с гребцами. Чуть было не попал тогда в плен и сам Чакан. Однако этот плут, предчувствуя опасность, перешел на одно из легких судов и незаметно ускользнул. Предвидя события, Чакан заблаговременно велел туркам, находившимся на материке, расположиться на мысе и ждать, пока он благополучно не достигнет Смирны или же, встретив врагов, в поисках убежища не причалит на корабле к мысу. И Чакан не ошибся в своих расчетах: причалив к мысу, он соединился с поджидавшими его турками, направился к Смирне и вскоре туда прибыл.

Вернувшись с победой, Далассин встретился с великим Дукой. Дука же, после того как Далассин вернулся, укрепил Митилену и направил

большую часть ромейского флота против островов, находившихся под властью Чакана (Чакан успел занять многие из них). Приступом овладев Самосом и некоторыми другими островами, он вернулся в царственный город.

2. Через несколько дней самодержцу стало известно, что Карик 881 восстал и захватил Крит, а Рапсомат занял Кипр. Против них Алексей послал с большим флотом Иоанна Дуку. Когда критяне получили сведения о прибытии Дуки на Карпаф 882, который, как они знали, расположен недалеко от Крита, они напали на Карика, зверски убили его и сдали Крит великому дуке 883.

Дука укрепил остров, оставил для его защиты значительные силы и отплыл на Кипр. Как только Иоанн причалил к острову, он сразу же с ходу овладел Киринией 884. Узнав об этом, Рапсомат стал усиленно готовиться выступить против него. Покинув Левкусию 885, он занял холмы около Киринии и разбил там свой лагерь. Этот человек, неопытный в военном деле и неискушенный в полководческом искусстве, все оттягивал бой. Ему бы неожиданно напасть на ромеев, а он все откладывал сражение, причем делал это не потому, что не был готов к нему и собирал силы для предстоящей битвы (напротив, у Рапсомата все было готово, и он, если бы только захотел, мог немедленно начинать бой), а потому, что просто не желал вступать в схватку.

Рапсомат вел войну так, как будто это была детская игра: малодушно отправлял к ромеям послов, словно рассчитывал привлечь врагов на свою сторону сладкими речами. Я полагаю, он поступал так то ли из-за своей неопытности в военном деле (как я слышала, он лишь незадолго до того впервые взявший в руки меч и копье, не умел садиться на коня, а забравшись в седло, боялся и волновался, когда надо было ехать; так недоставало военного опыта неопытному Рапсомату!), то ли из-за того, что был напуган и голова у него пошла кругом от неожиданного появления императорских войск. Рапсомат уже вступал в войну с чувством безнадежности, поэтому удача и не сопутствовала ему.

Вутумит привлек на свою сторону некоторых бывших сообщников Рапсомата и включил их в состав своего войска. На следующий день Рапсомат построил фаланги и, ища боя с Дукой, медленно двинулся по склону холма. Когда расстояние между обеими армиями сократилось, от войска Рапсомата отделился отряд в сто воинов якобы для того, чтобы напасть на Дуку.

Однако скачущие во весь опор воины повернули назад острия своих копий и перешли к Дуке. Увидев это, Рапсомат сразу же обратил тыл и,

пустив коня во весь опор, направился в Немес в надежде найти там корабль, чтобы перебраться в Сирию и, таким образом, обрести спасение. Его по пятам преследовал Мануил Вутумит. Мануил уже нагонял его, и Рапсомат, не достигнув цели, бросился в другую сторону, к горе, и стал искать защиту в воздвигнутом в давние времена храме святого Креста. Вутумит, которому Дука поручил преследование врага, настиг там Рапсомата, гарантировал ему безопасность, забрал его с собой и привел к великому дуке. Затем все прибыли в Левкусию, подчинили себе весь остров, привяли необходимые меры для его защиты и в письме сообщили обо всем случившемся самодержцу.

Император отдал должное их делам и решил усилить оборону Кипра. Он назначил Каллиппария (человек этот не принадлежал к знатному роду, но не раз давал свидетельства своей справедливости, бескорыстия и скромности) судьей и эксисотом 886. Так как остров нуждался в человеке, который смог бы обеспечить его охрану, император поручил оборонять остров Евмафию Филокалу 887, назначил его стратопедархом и дал ему военные корабли и конницу, чтобы он смог защитить Кипр на море и на суше. Вутумит забрал Рапсомата и восставших вместе с ним бессмертных, вернулся к Дуке и отправился в царственный город.

3. Такие события развернулись на островах – я имею в виду Кипр и Крит. Тем временем Чакан – человек воинственный и решительный – не пожелал умиротвориться, но вскоре подошел к Смирне и овладел городом 888. Преследуя прежнюю цель, он тщательно снарядил пиратские суда: дромоны, диеры, триеры и также легкие суда. Узнав об этом, самодержец не пал духом и не стал медлить, а поспешил напасть на Чакана с моря и с суши. Он назначил Константина Далассина талассократором и тогда же направил его со всем флотом против Чакана.

В то же время Алексей счел целесообразным направить султану письмо, чтобы натравить его на Чакана. Письмо гласило следующее: «Тебе известно, о славный султан Килич-Арслан, что сан султана перешел к тебе от отца. Твой зять Чакан поднял оружие, как может показаться, против Ромейской империи и называет себя императором, однако совершенно очевидно, что все это лишь предлог. Чакан достаточно опытен и сведущ, чтобы понять: Ромейская империя не для него, и ему не по силам захватить над ней власть. Все его интриги направлены против тебя. Не спускай этого Чакану и не проявляй слабости, будь настороже, дабы не лишиться власти.

Я с божьей помощью изгоню его из пределов Ромейской империи, но, в заботах о тебе, рекомендую, чтобы и ты сам подумал о своей державе и

власти и мирно, а если не удастся, то и оружием, привел к повиновению Чакана» 889.

В то время как совершались все эти приготовления, Чакан вместе с войском с суши подходит к Авиду, осаждает его и окружает гелеполами и разными камнеметными орудиями. У Чакана не было тогда пиратских судов, ибо их постройка к тому времени не была еще завершена. Далассин – отважный и храбрый воин – тоже направился с войском к Авиду.

Когда султан Килич-Арслан получил сообщение императора, он немедленно взялся за дело и с войском двинулся против Чакана – таковы все варвары: они всегда рады устроить резню и начать войну. Когда Килич-Арслан был уже близко, Чакан пришел в замешательство, ибо видел, что враги наступают с суши и с моря, а строительство кораблей еще не закончено и его силы недостаточны для борьбы с ромеями и войском его свойственника Килич-Арслана. Кроме того, он опасался жителей и воинов Авида. Ничего не зная о кознях самодержца, Чакан решил явиться к султану.

Султан, увидев Чакана, изобразил на своем лице радость и приветливо принял его. Затем он, как и положено, велел приготовить трапезу и во время еды принуждал Чакана пить несмешанное вино. Видя, что Чакан выпил уже довольно много вина, султан обнажил свой меч и поразил его в бок. Чакан упал замертво 890. После этого султан отправляет к самодержцу посла с предложением мира. Килич-Арслан не обманулся в своих расчетах: самодержец удовлетворил его просьбу. Был заключен, как и полагается, мирный договор, и в приморских областях водворился мир.

4. Не успел еще самодержец освободиться от этих забот и избавиться от доставленных Чаканом хлопот (Алексей принимал личное участие не во всех событиях, но всегда мысленно был с воюющими и помогал им в их делах и заботах), как должен был отправиться на новые подвиги.

Дело в том, что Вукан (этот муж, властитель всей Далмации, был искусен как в речах, так и в делах) через два года после разгрома скифов 891 вышел за пределы своей страны и стал опустошать соседние города и земли, овладел даже Липением, поджег и спалил город. Узнав об этом, император решил не оставлять действия Вукана безнаказанными, собрал против сербов 892 большое войско и повел его прямо к Липению (это небольшой городок, расположенный у подножия Зига, отделяющего Далмацию от нашей страны). Его целью было, если представится возможность, завязать упорную битву с Вуканом, а если бог дарует ему победу, отстроить и восстановить в прежнем виде Липений и все остальные города. Вукан, узнав о приходе самодержца, вышел из Липения

и прибыл в Звенчан (это городок, расположенный на упомянутом уже Зиге, между Ромейским государством и Далмацией).

Когда самодержец прибыл в Скопле, Вукан отправил к нему послов с предложением мира; снимая с себя всякую ответственность за происшедшие печальные события и целиком возлагая вину на ромейских сатрапов, Вукан сообщал следующее: «Сатрапы не желают оставаться в своих пределах; они совершают бесчисленные набеги и наносят немалый вред Сербии. Я со своей стороны не буду больше предпринимать никаких враждебных действий, вернусь к себе, отправлю твоей царственности заложников из числа моих родственников и впредь не переступлю границ своего государства». Император согласился на это и, оставив лишь тех, кто должен был восстановить разрушенные города и взять заложников, отправился в царственный город. Однако Вукан, несмотря на все требования, не выдавал заложников и со дня на день оттягивал исполнение обещания.

Не прошло и года 893, как он вновь отправился в набег на ромейские земли. Несмотря на то, что он получил множество писем от самодержца, где тот напоминал об условиях договора и о данных обещаниях, Вукан не пожелал исполнить обещанного. Тогда император призвал к себе Иоанна, сына своего брата, севастократора, и отправил его с изрядным войском против Вукана.

Иоанн, человек, не имевший военного опыта, но, как всякий юноша, пылавший жаждой битв, выступил в поход, переправился через реку Липений и разбил лагерь у подножия Зига, прямо напротив Звенчана. Это не укрылось от Вукана, и он вновь обратился с предложением мира, обещал Иоанну выдать обещанных заложников и впредь добросовестно выполнять условия мирного договора. Все это, однако, были лишь пустые обещания, на самом деле он втайне готовил нападение на Иоанна.

Когда Вукан уже выступил к лагерю Иоанна, к последнему, предупреждая неприятеля, явился некий монах, который сообщил о замысле Вукана и утверждал, что враг уже подходит. Иоанн с гневом прогнал монаха, назвав его лжецом и обманщиком. Но события подтвердили слова монаха. Вукан ночью напал на Иоанна, и в результате многие наши воины были убиты в палатках, а многие обратились в паническое бегство, попали в водовороты протекавшей внизу реки и утонули. Лишь наиболее храбрые бросились к палатке Иоанна и, мужественно сражаясь, с трудом отстояли ее от неприятеля. Таким образом, большая часть ромейского войска погибла.

Затем Вукан собрал своих воинов, поднялся на Зиг и остановился у

Звенчана. Воины Иоанна видели их, но самих их было мало, сразиться с таким многочисленным противником они не могли и поэтому решили переправиться назад через реку. После переправы они прибыли в Липений, расположенный примерно в двенадцати стадиях оттуда 894,

Потеряв большинство своих воинов, Иоанн не мог более продолжать сопротивления врагу и направился к царственному городу. Вукану больше никто не мешал, он осмелел и стал грабить соседние города и земли. Он опустошил территорию вокруг Скопле и сжег селения. Не ограничившись этим, он занял Полог, дошел до Враньи, все разорил и с большой добычей вернулся в свою страну.

5. Император не мог этого вынести и немедленно вновь взялся за оружие. Ведь ему не надо было, как Александру, ждать, пока флейтист Тимофей исполнит громкую песнь. Самодержец вооружился сам, вооружил имевшихся в его распоряжении воинов и отправился прямо в Далмацию; Алексей стремился отстроить разрушенные крепости, восстановить их в прежнем виде и с лихвой отплатить Вукану за причиненное им зло. Он покинул столицу и достиг Дафнутия 895 (это древний город, в сорока стадиях от Константинополя), где задержался в ожидании тех своих родственников, которые еще к нему не прибыли.

На следующий день к нему приходит исполненный злости и гордыни Никифор Диоген. Спрятавшись за своей обычной маской, он с лисьей хитростью изобразил на своем лице приветливость и сделал вид, что откровенно разговаривает с императором. Свою палатку он поставил не на обычном расстоянии от императорской опочивальни, а рядом с дорогой, поднимающейся к палатке императора. Когда это увидел Мануил Филокал, от тотчас понял замысел Никифора и, как пораженный молнией, застыл на месте. С трудом пришел он в себя и, немедленно явившись к императору, сказал: «Неспроста, кажется мне, сделал это Никифор; меня гложет страх, как бы этой ночью не предпринял он чего-либо против твоей царственности. Под тем или иным предлогом я заставлю его перенести палатку в другое место». Но Алексей со своей обычной невозмутимостью не разрешил Филокалу делать этого и в ответ на его настояния сказал: «Не следует мне давать ему повод для обиды. Пусть он обнаружит перед богом и людьми злой умысел против меня». Филокал огорчился, всплеснул руками и, упрекнув императора в беспечности, ушел.

Вскоре, в среднюю стражу ночи, когда император беззаботно спал рядом с императрицей, Диоген со спрятанным под полой мечом входит в палатку и останавливается у порога. Ведь когда император почивал, двери палатки обычно не закрывались и никто не охранял его сон. Это – об

императоре. Что же касается Никифора, то божественная сила не позволила тогда ему выполнить свое намерение. Увидев служанку, веером обмахивающую императора и императрицу и отгоняющую комаров от их лиц, он, как говорит поэт, «от ужаса членами всеми трепещет и бледность его покрывает ланиты» 896 и до следующего дня откладывает убийство. Планы Никифора, который без всякой причины все время замышлял убийство императора, не остались тайной для Алексея: вскоре явилась служанка и поведала императору обо всем случившемся. На другой день Алексей отправился дальше; он делал вид, что ни о чем не знает, но устроил все таким образом, чтобы самому находиться под охраной и вместе с тем не давать Никифору никаких благовидных предлогов для недовольства.

Когда они достигли области Серр, следовавший вместе с самодержцем Константин Дука Порфирородный попросил Алексея остановиться на отдых в его поместье 897, говоря, что оно очень живописно, изобилует прохладной питьевой водой и в нем имеются обширные покои для приема императора (называется имение Пентигостис). Император пошел навстречу его желанию и остановился там на отдых. Но и на следующий день Порфирородный не позволил ему уйти оттуда. Он просил Алексея остаться еще немного, чтобы отдохнуть от дороги и смыть в бане пыль со своего тела, – у Константина был уже готов роскошный пир для императора. И вновь пошел Алексей навстречу желанию Порфирородного. Когда Никифор Диоген, давно замышлявший бунт и ждавший только удобного случая, чтобы покончить с Алексеем, узнал, что император вымылся и вышел из бани, он привесил к поясу акинак и, как будто возвращаясь с охоты, вошел в дом. Увидев Никифора, Татикий, уже давно знавший о его замысле, вытолкал его за дверь со словами: «Что ты являешься в таком непристойном виде, да еще с мечом? Ведь сейчас время бани, а не похода, охоты или битвы». Не достигнув цели, Никифор удалился.

Считая, что он уже разоблачен (ведь совесть – страшная обличительница), Никифор решил обеспечить себе спасение бегством, отправиться во владения императрицы Марии в Христополе или в Перник, или же в Петрич и в дальнейшем действовать в зависимости от обстоятельств. Ведь императрица Мария еще ранее приблизила к себе Никифора как сводного брата прежнего императора, ее мужа Михаила Дуки (они были единоутробными братьями от разных отцов) 898.

На третий день император выступил из Пентигостиса; он оставил там Константина, чтобы дать ему отдых, ибо боялся утомить нежного юношу,

впервые покинувшего родину и отправившегося в военный поход. Ведь Константин был единственным ребенком у матери; самодержец любил его как своего сына, заботился о нем и делал ему, так же как и его матери, императрице, всевозможные послабления 899.

6. Чтобы мое повествование не было сбивчивым, я изложу историю Никифора Диогена с самого начала. О том, как Роман, отец Никифора, был облечен императорской властью и какой его постиг конец, рассказано в трудах многих историков 900, и желающие могут там обо всем этом прочесть.

Роман оставил после своей смерти сыновей – Льва и Никифора 901. К тому времени, когда Алексей был провозглашен самодержцем, они оба из императоров уже превратились в частных лиц, ибо их брат Михаил сразу же после вступления на престол немедленно снял с них красные сандалии, сорвал венцы и заключил братьев вместе с их матерью, императрицей Евдокией, в Киперудский монастырь 902. Алексей же окружил братьев своей заботой, делая это частично потому, что сочувствовал перенесенным ими страданиям, а частично из-за необыкновенной красоты и силы юношей. На их щеках только появлялся первый пух, оба они были высокими, обладали пропорциональным сложением, и размеры их тела соответствовали канону. Лев и Никифор были настоящим цветом юности, и только люди, ослепленные ненавистью, могли не заметить отваги и благородства этих молодых львов 903.

Алексей ни о чем никогда не судил поверхностно, не закрывал глаза на правду, не находился в плену предосудительных страстей, а все взвешивал на точных весах разума. Поэтому, понимая, с какой высоты были низвергнуты эти юноши, он принял их как своих детей, и чего только он ни говорил братьям, какими благодеяниями их ни осыпал, как только ни проявлял свою заботу о них. И хотя людская зависть не прекращала метать в них свои стрелы (многие люди пытались натравить самодержца на юношей), Алексей оказывал им все большее покровительство, с постоянной благосклонностью смотрел на них, старался вызвать у них симпатии и все время давал братьям полезные советы.

Любой другой на его месте с подозрительностью отнесся бы к юношам и с самого начала всеми способами постарался бы изгнать их прочь из государства, но самодержец ни во что не ставил бесчисленные наветы на них, горячо любил юношей, одаривал их мать Евдокию и не лишил ее почестей, приличествующих императрицам. Никифору он отдал под начало Крит и предназначил этот остров для его резиденции. Так поступил император.

Из них двоих Лев, человек здравого ума и благородного характера, видя доброе расположение императора, был доволен своим жребием и удовлетворился тем, что имел, следуя Изречению: «Если тебе досталась Спарта, дорожи ею» 904. Но вспыльчивый и обладавший тяжелым нравом Никифор непрерывно тайком затевал козни против самодержца и замышлял бунт. Свой план он держал в тайне и, лишь после того как приступил к делу, кое с кем доверительно поделился своими замыслами. Благодаря этому его планы стали известны многим лицам, и слух о них достиг ушей императора. Император повел себя несколько необычно; он стал при удобном случае призывать к себе заговорщиков и, делая вид, что ни о чем не слышал, увещевал их и давал разумные советы. Чем более явным становился заговор, тем более свободно обращался с заговорщиками император, желая таким образом привлечь их на свою сторону.

Но нельзя отмыть добела эфиопа 905. Никифор остался верен себе и заражал скверной всякого, к кому приближался; одних он привлекал на свою сторону клятвами, других – обещаниями. Простые воины не слишком заботили Никифора – они и так уже все склонились на его сторону. Его помыслы были обращены к вельможам, и он всеми силами стремился заручиться поддержкой военачальников и главных членов синклита. Ум его был острее обоюдоострого меча, однако Никифор не отличался постоянством и лишь в одном проявлял твердую волю – в стремлении к власти. Медоточивый в речах, весьма любезный в обращении, он порой надевал на себя лисью маску смирения, но случалось, что и проявлял истинно львиный пыл. Он обладал могучим телосложением и хвастался, что может померяться силой с гигантами; кожа у него была смуглой, грудь – широкой, и он на целую голову возвышался над всеми современниками. Каждому, кто наблюдал, как он играет в мяч, гарцует на коне, мечет стрелы, потрясает копьем или правит колесницей, казалось, что перед ним некое новое чудо; он разевал рот от восхищения и разве что не застывал на месте. Благодаря этим качествам Никифору удалось завоевать расположение многих людей. Он настолько продвинулся в достижении своей цели, что даже привлек на свою сторону мужа сестры самодержца, Михаила Таронита, удостоенного сана паниперсеваста 906.

7. Однако мне следует вернуться к прерванной нити повествования и продолжить рассказ по порядку. Самодержец постоянно думал о том, сколько времени прошло с момента, как ему стало известно о заговоре Диогена, и испытывал душевное смятение, вспоминая, с какой благосклонностью относился он к обоим братьям с самого начала своего

правления, каких милостей и забот удостаивал их в течение стольких лет, однако не сумел изменить к лучшему характер Никифора. Обо всем размышлял император – о том, как Диоген после первого неудачного покушения вновь явился к нему, и о том, как его оттолкнул Татикий. Он знал, что Никифор точит против него свой злодейский меч, торопится замарать руки невинной кровью и что, сидя до поры до времени в засаде и подстерегая его по ночам, он уже готовится к открытому убийству. И вот Алексея обуревали противоречивые мысли. Он не хотел преследовать Диогена, ибо питал к этому мужу искреннюю привязанность и любовь; в то же время, сопоставляя факты, понимая, до каких размеров может вырасти это зло, и отдавая себе отчет в том, какая опасность угрожает его жизни, Алексей страдал душой. Приняв все это во внимание, он решил взять под стражу Никифора.

Никифор же, спеша осуществить задуманное бегство и желая в ту же ночь пуститься в путь к Христополю, вечером послал слугу к Константину Порфирородному с просьбой дать ому резвого скакуна, которого Константину подарил император. Но Константин отказался, говоря, что не может в тот же день отдать ему такой ценный подарок императора.

Наутро император отправился дальше, и Диоген последовал за ним, ибо бог, путающий планы и расстраивающий замыслы целых народов, помешал Никифору, который, задумав бегство, с часу на час откладывал осуществление своего намерения. Таков был божий суд.

И вот Никифор, поставив свою палатку вблизи Серр, в том же месте, где и император, предался своим обычным размышлениям: ему казалось, что он уже уличен и его ожидает страшное будущее. В это время император призывает к себе своего брата, великого доместика Адриана, – дело было вечером дня великомученика Феодора 907 – и рассказывает ничего прежде не подозревавшему Адриану о том, как Диоген с мечом явился в дом и как его вытолкали за дверь; Алексей делится с братом своими опасениями, как бы Диоген не поспешил при первой возможности привести в исполнение свой старый замысел. Тогда же император приказывает доместику зазвать Диогена в палатку, с помощью медоточивых слов и всевозможных обещаний убедить его открыть все свои замыслы и посулить ему безопасность и полное прощение в будущем, если только Диоген ничего не скроет и выдаст сообщников.

Рассказ Алексея поверг Адриана в отчаяние, тем не менее он отправился исполнять приказ. Но ни угрозами, ни обещаниями, ни советами не удалось ему убедить Диогена хоть частично раскрыть свои замыслы. Что же дальше? Великий доместик очень опечалился, ибо понял,

навстречу каким бедствиям идет Диоген. Адриан был женат на младшей из сводных сестер Диогена 908 и поэтому так упорно, со слезами на глазах обращался с мольбами к своему шурину. Ему, однако, не удалось убедить Диогена, хотя Адриан был весьма настойчив и напомнил ему один эпизод из прошлого. Однажды самодержец играл в мяч на ипподроме Большого дворца 909; туда с мечом под одеждой вошел некий варвар, армянин или турок; увидев, что самодержец отстал от своих товарищей по игре и придерживает тяжело дышащего коня, чтобы дать ему перевести дух, варвар с мечом под одеждой приблизился к Алексею и пал на колени, словно обращаясь к нему с просьбой. Император сразу же остановил коня, повернулся к варвару и спросил, чего тот хочет. Тогда этот убийца под маской просителя схватился за меч и попытался извлечь его из ножен. Но меч не поддавался. Непрерывно пытаясь вытащить меч, он произносил лживые просьбы. Затем, отчаявшись в своих попытках, он бросился на землю и, распростершись, стал просить снисхождения. Император повернул к нему коня и спросил, по какой причине тот просит снисхождения. Тогда варвар показал ему меч в ножнах и, бия себя в грудь, в ужасе закричал: «Теперь я узнал, что ты истинный раб божий, теперь я собственными глазами увидел, как великий бог охраняет тебя. Ведь этот меч был предназначен убить тебя, и я принес его из дому, чтобы пронзить им твое тело. Не раз пытался я извлечь его, но меч не подчинился моей руке». Император без страха продолжал сидеть в той же позе, как будто бы не услышал ничего необычного. Все присутствующие сразу же сбежались к Алексею, одни – чтобы услышать слова варвара, другие – взволнованные случившимся. Наиболее преданные императору люди уже готовы были растерзать варвара, но Алексей кивком головы, жестом и окриками не дал им сделать этого.

Что же дальше? Воин-убийца немедленно получает прощение, и не только прощение, но и богатые дары, к тому же он пользуется полной свободой. Многие друзья императора, докучая Алексею, требовали удалить убийцу из царственного города. Но он не послушался их и сказал: «Если господь не охранит города, напрасно бодрствует страж 910. Посему давайте молиться богу и просить у него защиты». Стали распространять слухи, что варвар покушался на самодержца с согласия Диогена. Но император не обращал внимания на эту молву и даже возмущался ею. Он продолжал терпеть Диогена и изображал полное неведение до тех пор, пока острие меча, можно сказать, не коснулось его горла. Но хватит об этом.

Великий доместик напомнил этот эпизод Никифору, но не смог его

ни в чем убедить. Затем он пришел к императору и сообщил, что Диоген ни в чем не сознается и запирается, несмотря на все увещевания.

8. И вот император вызвал к себе Музака и приказал ему, взяв оружие и помощников, отвести Никифора из палатки великого доместика в свою, где им надлежало со всеми мерами предосторожности стеречь его, но не заключать в оковы и не причинять никакого зла. Музак сразу же приступил к исполнению приказа. Схватив Никифора, он привел его в свою палатку.

Всю ночь Музак увещевал и уговаривал Диогена. Видя, что тот дерзко отвечает ему, исполненный гнева Музак начал действовать вопреки приказу. Он решил применить пытку. Едва он начал пытать Диогена, как тот, не выдержав даже первого прикосновения, пообещал во всем сознаться. Музак немедленно освободил Никифора от оков и позвал писца со стилом (это был Григорий Каматир, недавно назначенный на пост секретаря императора) 911. Диоген рассказал обо всем, не умолчав и о подготовлявшемся покушении.

Наутро Музак захватил с собой письменные признания Диогена и найденные им письма, присланные Диогену различными лицами (из этих писем явствовало, что императрица Мария знала о бунте Диогена, старалась не допустить убийства Алексея и не только усиленно отговаривала Диогена от осуществления его плана, но убеждала его вообще отказаться от мысли об убийстве), и принес их императору. Прочтя письма, Алексей обнаружил в них имена большинства подозреваемых им людей и пришел в отчаяние, ибо заговорщики оказались весьма высокопоставленными лицами. Ведь Диогена не интересовали простые люди: они и так с давних пор были всей душой преданы ему и приняли его сторону, поэтому он старался заручиться поддержкой первых людей из военного и гражданского сословия.

Самодержец решил оставить в тайне соучастие императрицы Марии и упорно притворялся, что ни о чем не знает; он делал это в память того взаимного доверия и согласия, которое существовало между ними еще до того, как он вступил на престол. Повсюду распространялись тогда слухи, что императору сообщил о замысле Диогена сын Марии, император Константин Порфирородный. Это, однако, не соответствует действительности, ибо обстоятельства заговора постепенно стали Алексею известны от самих помощников Диогена.

Диоген был уличен, заключен в оковы и отправлен в ссылку. Знатные соучастники его заговора еще не были задержаны, однако они хорошо понимали, что уже находятся под подозрением, и поэтому пребывали в

страхе и раздумывали, что им делать. Сторонники императора заметили их беспокойство, но, казалось, сами испытывали беспокойство, видя, в каком затруднительном положении оказался самодержец: над его головой уже нависла опасность, а рассчитывать он мог лишь на ограниченный круг лиц. Целый рой мыслей обуревал Алексея, он находился в смятении и вспоминал обо всех событиях с самого начала: о том, сколько раз Диоген покушался на него, как божественная сила ему помешала и как после этого Диоген попытался собственноручно совершить убийство. Много раз менял Алексей свои решения; император знал, что все военное и гражданское сословие развращено лестью Диогена, не имел сил для защиты от стольких врагов, да и не хотел увечить множество людей, поэтому он ограничился лишь высылкой в Кесарополь главных виновников – Диогена и Кекавмена Катакалона 912. Их должны были держать там в оковах под стражей, не причиняя другого зла, хотя все окружающие советовали императору нанести увечья им обоим (ведь Алексей очень сильно любил Диогена и все еще заботился о нем). Кроме того, Алексей отправил в ссылку и лишил имущества мужа своей сестры Михаила Таронита и...913.

Что же касается остальных, то он счел наиболее безопасным вообще не производить над ними следствия и постараться смягчить их сердца снисходительностью. Вечером все приговоренные к ссылке отправились в назначенные места, и Диоген отбыл в Кесарополь. Остальным заговорщикам не пришлось менять своего местожительства – они остались там, где и были 914.

9. Находясь в этих трудных обстоятельствах, самодержец решил собрать всех на следующий день и привести в исполнение свое намерение. Все его родственники, свойственники и искренне любившие самодержца слуги, находившиеся еще в услужении у отца Алексея (люди энергичные, умевшие предвидеть события и мгновенно найти самый разумный способ действия), опасались, как бы на следующий день, когда соберется большая толпа, какие-нибудь воины не набросились на императора и не растерзали его прямо на троне. Ведь они нередко носят мечи под одеждами, как тот самый варвар, который под видом просителя явился к императору во время игры в мяч 915. Предотвратить это можно было лишь одним способом: отнять у воинов всякие надежды на Диогена, распространив слух о том, что он тайно ослеплен. И вот благожелатели Алексея разослали своих людей, которые должны были каждому тайно сообщать об ослеплении Диогена (на самом деле самодержцу и в голову не приходило ничего подобного). Как станет ясно из дальнейшего, этот слух, несмотря на его

неправдоподобность, сделал свое дело.

Когда светлый лик солнца выглянул из-за горизонта, к императорской палатке первыми пришли приближенные Алексея, не запятнавшие себя участием в заговоре Диогена, и воины, чьей обязанностью с давних пор была охрана императорских особ. Одни из них явились с мечами на поясе, другие несли копья, у третьих на плечах были ромфеи. Они встали группами на некотором расстоянии от императорского трона и, образовав полукруг, как бы заключили в его центр самодержца. Гнев владел их душами, и они точили, если не мечи, то во всяком случае сердца. Родственники и свойственники Алексея встали по обе стороны императорского трона. Справа и слева от них расположились другие вооруженные щитами воины. Император с грозным видом восседал на троне, одетый скорее по-воински, чем по-царски, – его не очень высокая фигура почти не возвышалась над окружающими. Золото обрамляло его трон и покрывало голову. Брови у Алексея были нахмурены, глаза полны тревоги; в них отражалось волнение души; ожидание схватки окрасило щеки самодержца еще большим румянцем. Затем к палатке сбежались все остальные воины; они были перепуганы, и душа их готова была уйти в пятки от страха; одних сильнее, чем удары стрел, мучили угрызения совести, других – опасения пустых подозрений.

Никто не произносил ни звука, все стояли в страхе, напряженно глядя на воина, расположившегося у двери палатки. Это был муж разумный в речах и искусный в делах, по имени Татикий. Император посмотрел на него и взглядом подал знак впустить толпящихся за дверью. Татикий тотчас позволил им войти. Воины, несмотря на страх, медленно переступая с ноги на ногу и отводя взоры, вошли в палатку. Построившись рядами, они с нетерпением ждали дальнейших событий и каждый из них с ужасом думал о том, что, может быть, свершает последний путь в своей жизни. Но и самодержец, как человек, не был совершенно спокоен (впрочем, он целиком уповал на бога); Алексей опасался, как бы эта разнородная толпа не замыслила какого-нибудь нового зла против него.

Набравшись мужества, император разом ринулся в схватку. Обратившись с речью к собравшимся (в это время они стояли безмолвнее рыб, как будто им отрезали языки), он сказал следующее: «Как вам известно, Диоген никогда не испытывал от меня никакого зла. Не я, а другой отнял императорскую власть у его отца, я же вообще не причинял ему никаких огорчений и никакого вреда. Когда с божьего соизволения императорская власть перешла в мои руки, я не только не тронул Диогена и его брата Льва, но полюбил их обоих и обращался с ними как со своими

детьми. Нередко раскрывал я козни Никифора и всякий раз прощал ему. Никифор не исправлялся, однако я относился к нему терпеливо и покрывал многие его выходки, направленные против меня, ведь я видел, с какой неприязнью все относятся к братьям. Тем не менее мои благодеяния не изменили коварного нрава Диогена, который в награду за все для него сделанное обрек меня на смерть».

В ответ на эти слова все присутствовавшие закричали, что не хотят иметь никакого другого императора, кроме Алексея. Но большинство воинов вовсе не думало так – они произносили эти льстивые слова лишь для того, чтобы избежать нависшей опасности. Воспользовавшись моментом, император даровал большинству из них прощение, поскольку виновники заговора еще раньше были осуждены на изгнание. При этом поднялся такой крик, подобного которому, как рассказывают присутствовавшие там, никто никогда не слышал. Одни восхваляли императора и восхищались его милосердием и кротостью, другие поносили изгнанников и утверждали, что они достойны смерти. Таковы люди: сегодня они превозносят, прославляют и почитают человека, но стоит его жребию измениться, как они без всякого стыда совершенно меняют свое отношение к нему. Кивком головы император заставил их замолчать и сказал: «Не надо шуметь и запутывать дело, ведь, как уже сказано, я всем даровал прощение и буду к вам относиться как прежде».

Но в то время как император даровал заговорщикам прощение, кое-кто отправил людей лишить глаз Диогена, приняв такое решение без ведома Алексея; на подобное наказание был обречен как сообщник Диогена и Кекавмен Катакалон. Это произошло в день великих апостолов 916. С тех пор и поныне об этом деле рассказывают всякие небылицы. Один бог знает, пошел император навстречу требованиям ослепить Диогена или же весь замысел целиком принадлежал ему одному. Я пока что не имею на этот счет точных сведений 917.

10. Вот какие хлопоты доставил самодержцу Диоген, но необоримая рука всевышнего неожиданно избавила Алексея от грозящей опасности. Эти события не лишили императора мужества, и он отправился прямо в Далмацию.

Вукан знал о приближении самодержца к Липению и видел, что Алексей уже подходит к городу. Однако Вукан не мог противостоять ромейскому войску, двигающемуся сомкнутым строем и в полном боевом снаряжении, и поэтому немедленно отправил к Алексею посла с предложением мира; вместе с тем он согласился выдать императору всех обещанных ранее заложников и в будущем не причинять ему никакого зла.

Самодержец приветливо принял варвара, так как ненавидел междоусобную войну и стремился ее предотвратить – ведь далматы тоже были христианами. После этого Вукан осмелел, сразу же явился к императору, привел с собой своих родственников и главных жупанов и охотно отдал самодержцу в качестве заложников своих племянников Уреса 918, Стефана Вукана и других – всего двадцать человек (ведь Вукану ничего иного не оставалось). Самодержец, мирным путем уладив то, что обычно решается войной и оружием, вернулся в царственный город.

Алексей продолжал заботиться о Диогене, плакал о юноше и горестно стенал (как это можно было видеть и слышать), выказывал ему свое расположение, старался вселить в него бодрость и вернул Диогену большую часть отнятого у него имущества. Но охваченный горем Диоген отказался жить в столице; он предпочел обосноваться в своих владениях и все свое время проводил в изучении книг древних авторов, которые ему читали вслух. Лишенный возможности видеть, он воспользовался для чтения глазами других людей. Способности этого мужа были таковы, что он и слепой легко понимал то, что непостижимо даже для зрячих. Диоген превзошел все науки и, что самое удивительное, знаменитую геометрию. С этой целью он воспользовался помощью одного философа, которому велел доставить геометрические фигурки, изготовленные из твердого материала. Ощупывая их руками, он получил представление обо всех теоремах и фигурах геометрии. Точно так же известный Дидим, не имея глаз, досконально изучил музыку и геометрию благодаря остроте ума. Правда, познав эти науки, Дидим впал в глупую ересь, и его ум был ослеплен тщеславием так же, как глаза болезнью 919. Всякий, кто слышит такое о Диогене, удивляется, я же видела этого мужа своими глазами и была поражена, услышав его рассуждения об этих науках. Я и сама не совсем невежда в науках и поэтому сумела понять, каким великолепным знанием теорем обладает Диоген. Но несмотря на занятия науками, он не отрешился от своей старой ненависти к самодержцу, и его ум все еще был затуманен жаждой власти. Он вновь кое с кем поделился своими тайными замыслами, и один из них явился к самодержцу и сообщил ему о намерениях Диогена. Алексей призвал Диогена к себе, расспросил о его замыслах и выяснил имена сообщников. Диоген быстро во всем признался и немедленно получил прощение.

Книга X

1. Затем церковь, подобно грязному потоку, захлестнул Нил 920, он привел в смятение души всех людей и многих увлек в пучину своей ереси (человек этот, ловко носивший маску добродетели, пришел – не знаю откуда – в столицу, где жил замкнуто, в неустанном изучении священных книг, как будто посвятил свою жизнь одному только богу и себе). Он был совершенно незнаком с эллинской наукой; не имея наставника, который с самого начала раскрыл бы ему сокровенный смысл священного писания, он прилежно изучал сочинения святых отцов, но так как не был искушен в словесных науках 921, то извратил смысл писания.

Этот самозванный учитель благодаря показной добродетели, суровому образу жизни и учености, которую ему приписывали, собрал вокруг себя немало учеников и проник в знатные дома. На самом же деле он не знал, что означает у нас «таинство ипостасного соединения», и вообще не в состоянии: был понять, ничто такое «соединение», ни что такое «ипостась»; он не мог понять ни в отдельности смысла слов «ипостась» и «соединение», ни смысла целого: «ипостасное соединение» 922; не усвоив учения святых отцов о том, как обожествилось человеческое естество, он в своем заблуждении зашел так далеко, что учил, будто оно обожествилось по природе 923.

Это не укрылось от самодержца. Как только ему стало известно о Ниле, он решил применить быстродействующее лекарство. Призвав к себе этого человека, он стал корить его за дерзость и невежество и при помощи многочисленных доводов четко разъяснил ему, что означает ипостасное соединение богочеловека-слова, рассказал, как происходит обмен свойств и поведал о том, как человеческое естество было обожествлено милостью свыше. Но Нил крепко держался за свое лжеучение и был готов скорее претерпеть любые муки, пытки, тюрьму и увечья, чем отречься от своего учения, что человеческое естество было обожествлено по природе.

В это время в столице было много армян. Нил явился искрой среди их готового вспыхнуть нечестия. Нил стал вести частые беседы с Тиграном и Арсаком 924, которых его учение особенно сильно побуждало к нечестию. Что же потом? Самодержец, видя, что нечестие охватило уже многие души, что заблуждения Нила и армян сплелись между собой и повсюду открыто провозглашается, будто человеческое естество обожествилось по природе, что все написанное по этому поводу святыми отцами отвергается, а ипостасное соединение почти никем не понято, счел

нужным решительно пресечь зло и, собрав самых видных представителей церкви, постановил созвать синод для разбирательства этого дела.

Собрались все епископы и сам патриарх Николай 925. Нил предстал перед ними вместе с армянами. Были оглашены его догматы. Нил изложил их ясным голосом и твердо отстаивал, приводя многие аргументы. Что же потом? Чтобы освободить души многих верующих от его лжеучения, синод предал Нила вечной анафеме и во всеуслышание провозгласил догмат об ипостасном соединении в соответствии с традиционным учением святых отцов 926.

После него или, вернее говоря, вместе с ним был осужден некий Влахернит, разделявший, несмотря на свой священнический сан, нечестивые и чуждые церкви взгляды. Он общался с сектой «энтузиастов» 927, заразившись их скверной, он многих вовлек в обман, пролез в знатные дома столицы и распространял там свои нечестивые взгляды. Самодержец не раз призывал его к себе и наставлял, но Влахернит нисколько не отступал от своего лжеучения; тогда самодержец и его предал церкви; после тщательного расследования Влахернита тоже признали неисправимым и предали вечной анафеме как его самого, так и его учение 928.

2. И вот самодержец, как хороший кормчий, благополучно преодолел непрерывный натиск волн, смыл с себя мирскую грязь и привел в порядок церковные дела, а затем погрузился в новую пучину войн и бурь. Все время, как один вал за другим, набегали на императора потоки бед, и Алексей, как говорится, не мог ни свободно вздохнуть, ни сомкнуть глаз.

Могут заметить, что я зачерпнула лишь малую каплю из Адриатического моря и скорее бегло упомянула, чем рассказала о деяниях императора, который боролся тогда со всеми ветрами и всеми бурями, пока попутный ветер не вывел корабль империи в спокойную гавань. Но кто бы мог достойно воспеть его дела – сильный глас Демосфена, или стремительный Полемон 929, или все музы Гомера? Я бы сказала, что ни сам Платон, ни вся Стоя и Академия вместе не смогли бы создать что-либо достойное его души. Еще не утихли бури и нескончаемые войны, и еще неистовствовала непогода, как уже разразилась новая буря, ничуть не слабее предыдущих.

Какой-то человек, не принадлежавший к знатному роду, происходивший из низов, в прошлом воин 930, объявил себя сыном Диогена, хотя настоящий сын Диогена был убит еще в то время, когда Исаак Комнин, брат самодержца, сражался с турками у Антиохии 931 (желающих узнать об этом подробней я отсылаю к сочинению

знаменитого кесаря). Многие пытались заткнуть рот самозванцу, но он не умолкал. Он явился с Востока в овчине, нищий, подлый и изворотливый; обходил город дом за домом, улицу за улицей, рассказывая о себе небылицы: он де сын прежнего императора Диогена, тот самый Лев, который, как уже было сказано, был убит стрелой под Антиохией. И вот, «воскресив мертвого», этот наглец присвоил себе его имя и стал открыто домогаться императорской власти, вовлекая в обман легковерных. И это тоже было тягостным прибавлением ко всем невзгодам императора: сыграв с ним злую шутку, судьба послала ему этого несчастного. Подобно гурманам, которые, насытившись, лакомятся на закуску медовыми пряниками, судьба ромеев, досыта насладившись множеством бед, стала разыгрывать императора такими вот лжеимператорами 932.

Между тем самодержец совершенно пренебрегал всеми слухами. Но этот вояка 933 все время болтал на улицах и перекрестках, и слух о нем дошел до сестры императора Алексея, Феодоры, вдовы погибшего сына Диогена. Она не смогла стерпеть этих выдумок. После смерти мужа она приняла монашество и, предав себя одному богу, вела жизнь строго аскетическую. Поскольку этот обманщик не успокоился ни после второй, ни после третьей попытки его образумить, самодержец отослал его в Херсон и приказал взять под стражу. Но он, очутившись в Херсоне, стал по ночам подниматься на городскую стену и, высунувшись, заводил беседы с куманами, которые обычно туда приходили торговать и покупать нужные им товары. Обменявшись с ними клятвами, однажды ночью он обвязал себя веревкой и спустился по стене вниз.

Куманы вместе с ним отправились в свою страну 934. Он прожил там довольно долго и достиг того, что куманы уже стали называть его императором. В жажде хлебнуть человечьей крови, вкусить человечьего мяса 935 и унести из нашей страны богатую добычу, они решили «под предлогом этого Патрокла» вторгнуться всем войском в Ромейскую землю, чтобы посадить его на трон, якобы принадлежавший его отцу. Такие у него были намерения, и они не остались неизвестными самодержцу. Поэтому Алексей как можно лучше вооружил войска и приготовился к войне с варварами. Как мы уже говорили, он еще раньше укрепил горные долины, которые на языке простонародья называются клисуры.

Спустя некоторое время, узнав, что куманы вместе с самозванцем вторглись в Паристрий, он собрал главных военачальников, а также своих родственников и свойственников и спросил их совета, идти ли ему на врага. Все его отговаривали. Однако Алексей, который не доверял даже самому себе, не хотел руководствоваться и соображениями своих

ближних; он возложил все надежды на бога и просил его решения.

И вот Алексей созвал воинское и священническое сословие и вечером отправился в Великую церковь в сопровождении самого патриарха Николая (он взошел на патриарший трон в седьмом индикте 6592 года после отречения Евстратия Гариды) 936.

Император написал на двух дощечках по вопросу, следует ли выступать против куманов или нет, запечатал их 937 и велел корифею 938 положить на святой престол. Ночь прошла в пении молитв. На рассвете в алтарь вошел положивший дощечки, взял одну из них, вынес и на виду у всех вскрыл и прочел. Это решение самодержец принял как божий глас 939, он с головой ушел в заботы о предстоящем походе и стал письмами собирать отовсюду войско.

И вот, хорошо подготовившись, он двинулся навстречу куманам. Собрав все войско, он прибыл в Анхиал, вызвал к себе своего зятя кесаря Никифора Мелиссина, Георгия Палеолога и его племянника Иоанна Таронита 940, послал их в Боруй и приказал стоять на страже, дабы обеспечить безопасность города и окрестностей. Затем Алексей разделил войско, во главе отрядов поставил своих лучших военачальников – Даватина, Георгия Евфорвина и Константина Умбертопула и послал их охранять клисуры в окрестностях Зига. Сам же он прибыл в Хортарею 941 (так называется одна из клисур Зига) и объехал весь Зиг, проверяя, все ли его прежние приказания исполнены теми, кто взял на себя их выполнение; незаконченное или сделанное кое-как он исправлял, чтобы преградить путь куманам. Уладив все дела, он ушел оттуда и разбил лагерь возле так называемого Священного озера 942, неподалеку от Анхиала. Ночью пришел некий Будило 943, из знатных влахов, с известием, что куманы перешли Данувий. Тогда император решил на рассвете собрать наиболее достойных своих родственников и военачальников и обсудить, что делать. Все сказали, что нужно занять Анхиал, и император немедленно послал с наемниками (Скалиарием Илханом 944 и другими отборными воинами) Кантакузина и Татикия охранять так называемые Фермы 945, а сам отправился в Анхиал.

Узнав, что куманы рвутся к Андрианополю, он вызвал всех знатных адрианопольцев, среди них самыми видными были Тарханиот Катакалон 946 и Никифор, сын Вриенния, домогавшегося некогда императорской власти 947 (он и сам пытался захватить власть, но был ослеплен). Император велел им хорошо охранять крепость и, когда подойдут куманы, не терять выдержки и не ввязываться с ними в схватку, а быть благоразумными и обстреливать их на расстоянии, почти все время держа

ворота на запоре. Он обещал им многочисленные милости, если они исполнят его приказания 948. Дав эти наставления Вриеннию и другим, самодержец отослал их преисполненными радостных надежд в Адрианополь. Константину Евфровину Катакалону он письмом приказал взять с собой Монастру (у этого полуварвара был большой военный опыт) и Михаила Анемада 949 с их войсками и, как только куманы пройдут через клисуры, двинуться вслед и неожиданно на них напасть 950.

3. Между тем куманы узнали от влахов тропы через ущелья и легко перешли Зиг. Когда они приблизились к Голое, жители немедленно заключили в оковы начальника крепости и передали его куманам, которых они встретили радостными приветствиями. Константин Катакалон, который хорошо помнил наставления императора, встретившись с куманами, вышедшими за фуражом, отважно на них напал и взял в плен около сотни. Император сразу же призвал его к себе и наградил титулом «новелиссима». Видя, что Голоя во власти куманов, жители соседних городов – Диамболя и других – перешли на сторону куманов, радостно встретили их, передали свои города и славословия Лжедиогену. Он же, получив власть над этими городами, направился со всем куманским войском к Анхиалу с намерением штурмовать его стены.

Тем временем император находился в городе. Еще с детских лет приобретя большой военный опыт, он видел, что сама местность служит препятствием для нападения куманов и является хорошей защитой для городских стен, поэтому он разделил войско, велел открыть ворота крепости и поотрядно выстроил своих воинов снаружи тесным строем, у края боевого строя куманов... часть ромейской фаланги, крича...951 обратили в бегство и преследовали до самого моря. Самодержец, видя это и не имея сил дать отпор такому множеству врагов, приказал воинам сохранять сомкнутый строй и не выходить из рядов. Куманы тоже стояли в строю, лицом к лицу с ромеями и тоже не нападали на них. Это длилось в течение трех дней с утра до вечера; расположение местности мешало куманам начать сражение, хотя они и хотели этого, а из ромейского войска никто не нападал на них.

Крепость Анхиал расположена следующим образом. Справа находится Понт, слева – каменистая, труднопроходимая местность, усаженная виноградниками, неудобная для движения конницы.

Что же было потом? Варвары, видя твердость императора и потеряв надежду осуществить свой план, избрали другой путь и отправились к Адрианополю. Самозванец их обманывал, говоря: «Как только Никифор Вриенний услышит, что я пришел в Адрианополь, он откроет ворота и

примет меня с большой радостью; он даст мне денег и окажет всевозможные милости. Хотя он и не родственник моему отцу, но питал к нему братские чувства. Когда же крепость перейдет к нам, мы отправимся дальше, прямым путем к царственному городу». Он называл Вриенния своим дядей, сочиняя ложь, имевшую вид правды. Действительно, император Роман Диоген знал этого самого Вриенния как человека, превосходящего умом всех своих современников и, ценя его прямоту и неизменную искренность в словах и делах, решил сделать его своим братом; это и было исполнено при взаимном согласии 952. Это была всем известная правда, но самозванец дошел до такого бесстыдства, что на самом деле называл Вриенния своим дядей.

Таковы были уловки самозванца. Куманы же, которым, как и всем варварам, легкомыслие и непостоянство присущи от природы, верили его словам; они направились к Адрианополю и расположились у стен города. Сорок восемь дней продолжались сражения, ибо молодежь, рвущаяся в бой, каждый день делала вылазки из города и непрерывно завязывала сражения с варварами. Никифор Вриенний, которого окликнул снизу самозванец, наклонился с башни и, услышав незнакомый голос, ответил, что не признает в нем сына Романа Диогена (как уже было сказано, названного брата Вриенния – ведь подобное случается нередко) и что подлинный сын Романа убит под Антиохией. С этими словами он отослал прочь пристыженного обманщика.

Между тем время шло, осажденные стали уже испытывать лишения и письмом попросили помощи у самодержца. Он тотчас приказал Константину Евфорвину выбрать из подчиненных ему комитов 953 достаточно сильный отряд и ночью войти с ним в Адрианополь со стороны Калафад: Катакалон немедленно выступил по дороге на Орестиаду в надежде пройти незаметно для куманов. Но его план не удался. Куманские всадники заметили ромеев и, намного превосходя их численностью, напали на них, отбросили назад и стали яростно преследовать. При этом сын Катакалона, Никифор (впоследствии он стал мне зятем, женившись на моей сестре, Марии Порфирородной 954), потрясая длинным копьем, внезапно поворачивается к преследовавшему его скифу и поражает его прямо в грудь. Тот сразу же упал замертво. И в самом деле, Никифор по-настоящему умел владеть копьем и прикрываться щитом. Видя Никифора на коне, можно было принять его за уроженца Нормандии, а не ромея. Верхом на коне этот юноша был настоящее чудо; природа щедро одарила его; он был почтителен к богу, мягок и кроток с людьми.

Не прошло и сорока восьми дней, как по приказанию Никифора

Вриенния (в его руках находилась вся власть в Адрианополе) отважные воины внезапно открыли ворота и напали на куманов. В завязавшемся упорном бою погибло много ромеев; они мужественно сражались, пренебрегая жизнью, и убили много врагов. Как только Мариан Маврокатакалон 955 заметил Тогортака (это предводитель куманского войска), он, потрясая длинным копьем, во весь опор помчался прямо на него; еще немного, и он убил бы его, если бы окружавшие Тогортака куманы не поспешили на выручку, едва не убив и самого Мариана. Этот Мариан, хотя и был очень юн и совсем недавно вышел из отрочества, часто выезжал из ворот Орестиады, чтобы сразиться с куманами, и всякий раз возвращался победителем, ранив или убив кого-нибудь из врагов. Это, действительно, был доблестный воин; доблестный сын, он как наследство получил от доблестных родителей свое мужество. Спасшись от грозившей ему смерти, он, кипя гневом, кинулся на Лжедиогена, который стоял на берегу реки, там, где сражался с варварами и Мариан. Мариан, увидев, что Лжедиоген одет в пурпур и царские одежды, а окружавшие его люди рассеялись кто куда, поднял свой кнут и стал без жалости стегать его по голове, называя самозванцем.

4. Император, узнав, что куманы упорствуют в осаде Адрианополя и что там постоянно происходят бои, решил, что и ему следует перейти туда из Анхиала. И вот он, созвав лучших военачальников и видных горожан, просил их посоветовать ему, что делать. Тут выступил некий Алакасей и сказал: «Мой отец был когда-то близок с отцом самозванца. Я могу пойти, заманить самозванца в какую-нибудь крепость и там схватить его». Алакасея спросили, как он осуществит этот замысел. Он предложил самодержцу способ, каким действовал воин Кира, Зопир 956. Он объявил, что обезобразит себя, обрежет бороду и волосы, отправится к самозванцу и скажет, будто бы пострадал от самодержца.

Может быть, он сказал и не сделал, обещал и не выполнил своего обещания? Нет, не успел самодержец одобрить его предложение, как Алакасей был уже наголо острижен, а тело его изранено. В таком виде он и явился к мнимому Диогену. Напомнив ему об их прежней дружбе и многом другом, он сказал: «Я вытерпел много зла от императора Алексея и, полагаясь на старинную близость моего отца к твоей царственности, пришел, чтобы помочь тебе достичь цели». Он воспользовался этими льстивыми словами, дабы вернее завлечь самозванца.

Расскажу об Алакасее подробней: он у самодержца Алексея взял пропуск и удостоверительное письмо к начальнику крепости Пуца 957, гласящее: «Исполни без колебаний все, что предложит тебе предъявитель

этого письма, и слушайся его» (самодержец верно угадал, что куманы из Адрианополя явятся именно в эту крепость). Затем Алакасей пришел к самозванцу, как я уже сказала, наголо остриженный и сказал: «Много бед я перенес, из-за тебя терпел я позор и оковы, из-за тебя много дней провел в тюрьме. Когда ты перешел ромейские границы, самодержец счел меня подозрительным, ибо знал о твоей дружбе с моим отцом. И вот я, освободившись от оков, тайно убежал к тебе, моему господину, и хочу послужить тебе полезным советом».

Самозванец хорошо принял его и спросил, что нужно делать для достижения цели. Алакасей ответил: «Видишь там крепость и широкую равнину? Там можно найти корма для коней на все то время, какое ты пожелаешь отвести для отдыха себе и своему войску. Не стоит пока двигаться дальше; лучше задержаться немного здесь, завладеть этой крепостью, куманы в это время добудут фураж, а ты потом отправишься к царственному городу. Если тебе нравится мой план, я увижусь с начальником крепости – он мой давний друг – и устрою так, что он сдаст тебе крепость без боя».

Этот замысел понравился Диогену. Ночью Алакасей привязал письмо императора к стреле и пустил ее в крепость. Прочтя письмо, начальник приготовился сдать крепость. На рассвете Алакасей первым приблизился к воротам и притворился, что беседует с начальником, – заранее он условился с Диогеном о знаке, по которому тот немедля должен был войти в крепость. Некоторое время Алакасей делал вид, что беседует с начальником, а затем подал самозванцу условленный знак; увидев его, Диоген с немногими воинами без страха вошел в крепость. Жители радостно встретили самозванца; начальник Пуцы пригласил его в баню, и тот по настоянию Алакасея сразу же согласился. Потом Диогену и его куманам была предложена пышная трапеза. Попировав вволю и выпив много вина из полных мехов, куманы легли спать и захрапели.

Алакасей, начальник крепости и другие тотчас окружили их, забрали у них оружие и коней, Диогена же оставили храпеть на своем месте, а его спутников убили и бросили в ров, ставший для них естественной могилой.

Тем временем Катакалон, следовавший по приказу императора за куманским войском, увидел, как Диоген вошел в крепость, а куманы рассеялись для добычи фуража, и разбил лагерь вблизи названного города. Алакасей же побоялся дать весть самодержцу о происшедшем – повсюду сновали куманы, – а вместе с Диогеном отправился прямо в Цурул, чтобы оттуда двинуться в царственный город. Когда об этом узнала находившаяся в царском дворце госпожа, мать императора, она

немедленно послала друнгария флота, евнуха Евстафия Киминиана, чтобы тот принял Диогена и доставил его в столицу. Евстафий имел при себе одного турка по имени Камир 958, которого он использовал для ослепления Диогена 959.

Между тем император, все еще находившийся в Анхиале, получил сведения, что куманы рассеялись для добычи фуража по близлежащей территории, и выступил из Анхиала в Малую Никею. Однако, узнав, что Кица, один из предводителей куманского войска, разослал двенадцать тысяч воинов для добычи фуража, захватил богатую добычу и подошел с куманами к ущелью Таврокома, император собрал свои отряды, спустился к берегу реки, текущей по этому ущелью, и расположился там лагерем. Это место было густо покрыто чебрецом и молодой древесной порослью. Расположив там войско, он выделил большой отряд турок, опытных стрелков из лука, и послал их против куманов в расчете на то, что турки завяжут бой с куманами и увлекут их после нескольких конных атак вниз по склону. Но куманы напали на турок и неудержимо преследовали их вплоть до ромейской фаланги, а затем, немного придержав коней, восстановили строй и приготовились напасть на ромеев.

Император заметил, как какой-то куман дерзко выехал из рядов и разъезжает вдоль строя, как будто вызывая противника для поединка; Алексей не мог стерпеть, что и левое и правое крыло его войска бездействуют, отделился от остальных и во весь опор помчался на жаждавшего боя варвара. Он ударил копьем кумана, по рукоять вонзил ему в грудь меч и сбросил с коня. В этот день император отличился скорей как воин, чем как полководец. Этим он сразу вселил мужество в ромейское войско и страх в скифское. Как башня двинулся он на скифов и рассек их ряды. Таким образом строй варваров был разорван, а сами они в беспорядке и смятении бежали во все стороны. Куманов в тот день погибло около семи тысяч, в плен было уведено три тысячи.

Отнятую добычу император не разрешил, как обычно, поделить между воинами – совсем недавно она была награблена в окрестностях, и Алексей велел вернуть ее жителям. Как птица, облетел приказ императора окрестности, и каждый, кто был ограблен, приходил, узнавал свое добро и забирал его. Ударяя себя в грудь, с мольбой воздевая к небу руки, они просили у бога благ для самодержца. И слышен был слившийся воедино глас мужчин и женщин, долетавший до самой лунной сферы.

Но достаточно об этом. Сам же император, исполненный радости, собрал свое войско и вернулся в Малую Никею. Там он пробыл два дня, а на третий ушел в Адрианополь, где провел немало дней в доме Сильвестра.

В это время все предводители куманов решили обмануть самодержца и, покинув остальное войско, пришли к нему якобы по собственной инициативе, будто бы с целью немедленно заключить с ним мир. Они рассчитывали, что за время переговоров куманское войско успеет подтянуться к своим передовым отрядам. Пробыв у императора три дня, на четвертый они ночью отправились к себе.

Распознав обман куманов, самодержец спешно послал скороходов сообщить тем, кому была поручена охрана проходов Зига, чтобы они не ослабляли внимания, а напротив, особенно бдительно несли стражу и постарались схватить беглецов. Сам же он, узнав, что куманское войско движется вперед со всеми имевшимися при нем воинами, явился в место под названием Скутари 960, в восемнадцати стадиях от Адрианополя, а на другой день – в Агафонику 961. Узнав, что куманский лагерь все еще находится у Аврилево 962 (место недалеко от упомянутых городов), он отправился туда, но еще издали увидел бесчисленные огни, зажженные куманами, призвал Николая Маврокатакалона и других высших военачальников, чтобы обсудить с ними, что делать. Было решено послать за предводителями наемников Узой (из савроматов), скифом Карацой и полуварваром Монастрой и приказать им, выходя из лагеря, распорядиться зажечь у каждой палатки по пятнадцати и более костров; тогда куманы, увидав такое множество огней, решат, что ромейское войско огромно, и не станут больше на него нападать с такой смелостью. Костры вселили большой страх в души куманов. На рассвете самодержец с войском в полном вооружении выступил на врага; в завязавшемся бою куманы обратили тыл. Тогда самодержец разделил войско, легковооруженные отряды послал вдогонку и сам неудержимо устремился за бегущими. Настигнув их у клисуры Сидиры, он многих убил, а еще больше взял в плен.

Посланные вперед отряды отобрали у куманов всю добычу и вернулись. Самодержец, спасаясь от непогоды, провел ночь на горной вершине над Сидирой, а на рассвете прибыл в Голою. Здесь он остался на сутки, чтобы вознаградить своих мужественных воинов и почтить их дорогими подарками. Осуществив свое намерение, он отпустил их всех домой, исполненных радости, и через двое суток вернулся в императорский дворец.

5. Едва самодержец передохнул от многочисленных трудов, как до него дошла весть, что турки совершают набеги на Вифинию и все там грабят. Алексей, которого отвлекали дела Запада, куда было обращено почти все внимание, задумал думу великую, достойную его души; он

обеспечил безопасность Вифинии и следующим образом оградил ее от набегов турок. Об этом следует рассказать.

Река Сангар и морской берег, который тянется прямо до Хили 963 и сворачивает к северу, ограничивают весьма большую территорию. Эту территорию из-за отсутствия защитников издавна без труда грабили наши беспокойные соседи исмаилиты 964; они проходили через земли мариандинов 965 и жителей другого берега Сангара, переправлялись через реку и наседали на Никомидию. Император, желая остановить натиск варваров и заставить их прекратить набеги на эти земли, а главное, обезопасить Никомидию, нашел ниже озера Ваана 966 длинный ров, прошел по нему до конца и заключил по его расположению и форме, что это – не случайно возникшее углубление и не природное образование, а дело человеческих рук. Он стал узнавать подробности и выяснил, что ров действительно вырыт по приказанию Анастасия Дикура 967. Никто не мог сказать, зачем это было сделано, но императору показалось, что самодержец Дикур хотел отвести воду из озера в искусственный канал. Придя к этой же мысли, самодержец Алексей приказал значительно углубить ров.

Опасаясь, что в месте слияния двух протоков может образоваться переправа, он воздвиг очень прочное укрепление, отовсюду одинаково надежное, защищенное водой, а также высотой и толщиной своих стен; поэтому оно и стало называться Сидира 968. И теперь эта железная башня – город перед городом и стена его стен. С утра до вечера наблюдал самодержец за постройкой укрепления, несмотря на сильную жару (солнце в это время проходило тропик Рака). Он терпел зной и пыль и не жалел расходов, чтобы стена становилась все прочней и несокрушимей; за каждый камень он щедро вознаграждал всех, кто его притащил, было ли их пятьдесят человек или сто. Поэтому перетаскивание камней привлекло не случайных людей, а всех воинов и слуг: и местных жителей и пришельцев, – ведь они видели, что их ждет щедрое вознаграждение и что сам император распоряжается работами наподобие афлофета. Это была уловка, при помощи которой ему удалось обеспечить большое стечение народа и, таким образом, облегчить перетаскивание огромных камней. Вот каким был самодержец, глубочайший в замыслах, величайший в свершениях.

Так, как описано выше, продолжалось правление самодержца до..... индикта. ..... года 969. Не успел он немного отдохнуть, как до него дошел слух о приближении бесчисленного войска франков. Он боялся их прихода, зная неудержимость натиска, неустойчивость и непостоянство нрава и все прочее, что свойственно природе кельтов и неизбежно из нее

вытекает: алчные до денег, они под любым предлогом легко нарушают свои же договоры. Алексей непрестанно повторял это и никогда не ошибался. Но самодержец не пал духом, а все делал для того, чтобы в нужный момент быть готовым к борьбе. Однако действительность оказалась гораздо серьезней и страшней передаваемых слухов. Ибо весь Запад, все племена варваров, сколько их есть по ту сторону Адриатики вплоть до Геркулесовых столбов, все вместе стали переселяться в Азию; они двинулись в путь целыми семьями и прошли через всю Европу 970. Причиной такого огромного передвижения было следующее.

Один кельт, по имени Петр, по прозвищу Кукупетр 971, отправился на поклонение гробу господню и, натерпевшись много бед от разорявших всю Азию турок и сарацин, едва вернулся в свои края. Не желая мириться с неудачей, он решил вновь отправиться в тот же путь. Но Петр понимал, что ему нельзя больше идти ко гробу господню одному, дабы не случилась беда, и поэтому он прибегнул к ловкой выдумке. Петр сделал следующее. Он возвестил во всех латинских странах: «Глас божий велел мне объявить всем графам во Франкии, чтобы они оставили свои дома и отправились на поклонение гробу господню и все сделали для освобождения Иерусалима из рук агарян».

И выдумка удалась ему. Петр как будто покорил все души божественным гласом, и кельты начали стекаться отовсюду, кто откуда, с оружием, конями и прочим военным снаряжением. Общий порыв увлек их, и они заполнили все дороги. Вместе с кельтскими воинами шла безоружная толпа женщин и детей, покинувших свои края; их было больше, чем песка на берегу и звезд в небе, и на плечах у них были красные кресты 972. Как реки, хлынувшие отовсюду, всем войском двинулись они на нас через Дакию.

Приходу этого множества народов предшествовало появление саранчи, которая не тронула пшеницу, однако страшно опустошила виноградники 973. Как объясняли тогда толкователи знамений, это означало, что кельтское войско, вторгшись к нам, воздержится от вмешательства в дела христиан, но грозно обрушится на варваров-исмаилитов, рабов пьянства, вина и Диониса. Ибо все это племя, преданное Дионису и Эроту, чрезвычайно склонно ко всякому блуду; оно не обрезает вместе с плотью свою похоть и есть не что иное, как раб, трижды раб всех пороков Афродиты. Вот почему они боготворят и почитают Астарту и Астарота 974, и вот почему они выше всего ставят изображение звезды 975 и своей золотой Хобар 976. Пшеницу же рассматривали как христианский символ, потому что она – трезвая и

насыщающая. Вот как толкователи объясняли виноградники и хлеба.

Но достаточно о знамениях. Они сопровождали приход варваров, и умные люди предвидели наступление каких-то новых событий. Все это множество людей пришло не сразу и не по одному пути (да и как могла такая огромная толпа из разных мест вся разом переправиться через пролив Лонгивардии?); сначала одни, затем другие, потом следующие, – постепенно все совершили переправу и двинулись по суше. Как я уже говорила, перед каждым войском двигались тучи саранчи. Неоднократно наблюдая это, все понимали, что саранча – предвестница франкских отрядов.

Когда отдельные отряды уже переправились через пролив Лонгивардии, самодержец собрал некоторых военачальников ромейского войска и отправил их в район Диррахия и Авлона с приказом дружелюбно встретить переправившихся, в изобилии поместить на их пути запасы продовольствия 977, доставленные из всех областей, а также следовать и наблюдать за варварами и, если они станут нападать и грабить близлежащие земли, обстреливать и отгонять их отряды. С посланными были и люди, знающие латинский язык, чтобы улаживать возможные столкновения.

Но чтобы мой рассказ был ясным и подробным, приведу повсюду распространившийся слух, что первым, кто продал свои земли и пустился в предстоящий путь, был Готфрид 978. Он был человеком очень богатым, весьма гордившимся благородством, храбростью и знатностью своего рода – ведь каждый кельт стремится превзойти всех остальных. И вот у мужчин и женщин возникло стремление, подобного которому не знала ничья память. Люди простые, искренние хотели поклониться гробу господню и посетить святые места. Но некоторые, в особенности такие, как Боэмунд и его единомышленники, таили в себе иное намерение: не удастся ли им в придачу к остальной наживе попутно захватить и сам царственный город. Боэмунд в угоду своей давнишней ненависти к самодержцу стал смущать души многих благородных людей 979. Между тем провозгласивший этот поход Петр с двадцатью четырьми тысячами пехоты и ста тысячами всадников раньше всех переправился через пролив Лонгивардии 980 и пришел в столицу через Угрию. Племя кельтов – вообще, как можно догадаться, очень горячее и быстрое – становится совершенно необузданным, когда к чему-то стремится.

6. Узнав про все, что Петр вытерпел раньше от турок 981, император посоветовал ему дождаться прихода остальных графов 982, но тот не послушался, полагаясь на большое количество сопровождавших его людей,

переправился через пролив и разбил свой лагерь под городком, называвшимся Еленополь 983. За ним последовало около десяти тысяч норманнов 984. Отделившись от остального войска, они стали грабить окрестности Никеи 985, обращаясь со всеми с крайней жестокостью. Даже грудных детей они резали на куски или нанизывали на вертела и жарили в огне, а людей пожилых подвергали всем видам мучений 986.

Жители города, узнав о происходящем, открыли ворота и вышли сразиться с норманнами. Но так как норманны сражались с большим упорством, они после жестокого боя вернулись назад в крепость. Норманны же, забрав всю добычу, возвратились в Еленополь. Там между ними и теми, кто оставался в городе, началась ссора; зависть, как обычно в таких случаях, стала жечь души оставшимся, и между ними и норманнами произошла драка. Своевольные норманны снова отделились и с ходу взяли Ксеригорд 987.

Султан 988, узнав о случившемся, послал против них Илхана 989 с крупными силами. Илхан, подступив к Ксеригорду, сразу взял его 990, норманнов же частью сделал добычей мечей, частью увел в плен. Не забыл Илхан и об оставшихся с Кукупетром. Он устроил в удобных местах засады, чтобы на них неожиданно наткнулись и погибли те, которые будут двигаться в сторону Никеи. Кроме того, зная жадность кельтов, он послал двух предприимчивых людей в лагерь Кукупетра и поручил им возвестить там, что норманны, взяв Никею, занялись разделом добра.

Слух дошел до лагеря Петра и привел всех в большое смятение. Услышав о дележе и богатстве, они тотчас же, забыв и свой воинский опыт и боевое построение 991, бросились в беспорядке по дороге к Никее 992. Ведь племя латинян, вообще, как сказано выше, очень жадное на богатство, теряет рассудок и становится совершенно неукротимым, если задумает набег на какую-нибудь землю. Двигаясь неправильным строем и не отрядами, они наткнулись на турок, устроивших засаду около Дракона, и были убиты самым жалким образом 993. Жертвой исмаильских мечей стало такое множество кельтов и норманнов, что те, кто собирал валявшиеся повсюду трупы заколотых, сложили из них не холм, не бугор, не горку, а огромную гору, необыкновенную по высоте и толщине; вот какой курган костей они набросали. Позднее люди того же племени, что и убитые варвары, воздвигли стену в виде города и вперемешку с камнями, как щебень, заложили в нее кости убитых, и город стал для них гробницей. Он стоит до сих пор, окруженный стеной из камней, смешанных с костями.

Итак, все они стали добычей мечей, и только Петр с немногими

другими вернулся в Еленополь 994. Турки снова устроили засаду, чтобы схватить их. Самодержец, получив точные сведения об этом избиении, не мог допустить, чтобы и Петр был пленен. Поэтому он немедленно послал за Константином Евфорвином Катакалоном, о котором я уже много раз упоминала, погрузил на военные корабли большое войско и отправил его через пролив на помощь Петру. Турки, завидев приближение Катакалона, обратились в бегство. Катакалон же, нисколько не медля, взял Петра и его людей, а их было наперечет, и доставил невредимыми к императору.

Когда император напомнил Петру о его прежнем неблагоразумии и о том, что он снова попал в беду, оттого что не послушался его предостережений, Петр с заносчивостью латинянина сказал, что не он виновник этих бедствий, а те, которые не подчинились ему и следовали собственным прихотям 995; он назвал их разбойниками и грабителями, потому-де спасителю и было неугодно, чтобы они поклонились гробу господню.

Латиняне, подобные Боэмунду и его единомышленникам, давно жаждавшие завладеть Ромейской империей, подчинить ее себе, нашли, как я уже сказала, в призывах Боэмунда хороший предлог и возбудили все это движение; они обманывали простодушных людей, прикидываясь, что отправляются против турок мстить за гроб господень, и продавали свои земли 996.

7. Некто Гуго, брат короля Франкии 997, кичившийся, как Новат, своей знатностью, богатством и силой, собираясь у себя на родине в путь к гробу господню и стремясь заранее обеспечить себе блестящую встречу, велел передать императору такие безумные слова: «Знай, – сказал он, – император, что я – царь царей и самый великий из живущих под небом 998. Поэтому, когда я прибуду, ты должен встретить меня с подобающей торжественностью и оказать прием, достойный моего происхождения».

Это услышал император. В это время дукой Диррахия был Иоанн, сын севастократора Исаака (о нем говорилось выше), а дукой флота – Николай Маврокатакалон; он расставил корабли вокруг порта Диррахия на известном расстоянии друг от друга и сам выезжал из города, наблюдая за морем, чтобы ни один пиратский корабль не мог проплыть незамеченным. Им обоим самодержец тотчас же отправил по письму 999, где приказывал дуке Диррахия ожидать прибытия Гуго с суши или с моря, немедленно известить о его появлении императора и встретить Гуго с подобающей торжественностью, а дуке флота – не ослаблять своего внимания, не поддаваться беспечности и быть все время настороже.

Гуго, благополучно достигнув берегов Лонгивардии, тотчас же

отправил дуке Диррахия послов, числом двадцать четыре, одетых в золотые латы и поножи; с ними были также граф Церпентирий и Илья 1000, бежавший от самодержца из Фессалоники. Послы сказали дуке: «Да будет тебе, дука, известно, что господин наш Гуго вот-вот прибудет и что он несет с собой из Рима золотое знамя святого Петра 1001. Знай также, что он – глава всего войска франков. Поэтому приготовься принять его и войско так, как подобает по его достоинству, и устрой ему должную встречу».

Пока они сообщали это дуке, Гуго прибыл, как сказано, через Рим в Лонгивардию 1002. При переправе из Бари в Иллирик он попал в сильную бурю и потерял большую часть своих кораблей вместе с гребцами и воинами; лишь один челн, как раз тот, в котором находился Гуго, наполовину разбитый, был выброшен волнами на берег между Диррахием и Пали. Здесь чудом спасшегося Гуго встретили двое из тех, кто по приказу дуки ожидал его прибытия, и обратились к нему со словами: «Дука ждет твоего прихода и очень хочет тебя видеть». Гуго тотчас же потребовал коня, один из этих двоих спешился и с готовностью отдал своего коня Гуго.

Дука принял его, целого и невредимого, поприветствовал, расспросил, как и откуда он прибыл; узнав о несчастье, приключившемся в плаванье, ободрил Гуго добрыми надеждами и предложил богатое угощение. После пира он предоставил ему волю, но не полную свободу 1003. Тотчас же известив о нем самодержца, дука ждал, что ему будет предписано дальше. Самодержец, узнав обо всем, спешно послал Вутумита в Эпидамн, который я часто называла Диррахием, с поручением доставить Гуго в столицу, держа путь не напрямик, а в объезд через Филиппополь, так как боялся продолжавших прибывать кельтских толп и отрядов.

Император принял Гуго с почетом, всячески выражая ему свою благосклонность, дал много денег и тут же убедил стать его вассалом и принести обычную у латинян клятву 1004.

8. Но весь этот рассказ про Гуго – только вступление. Не прошло и пятнадцати дней, как Боэмунд, о котором часто упоминалось выше, высадился на берег у Кавалиона 1005 с многочисленными графами 1006 и с войском, ни с чем не сравнимым по величине. Местность эта находится вблизи Виусы (таковы названия мест в тех краях). Пусть не упрекают меня в том, что я пользуюсь варварскими именами, которыми приходится пятнать ткань исторического повествования, – ведь и Гомер не считал зазорным приводить ради исторической точности имена беотийцев и названия разных варварских островов 1007.

По пятам Боэмунда прибыл к берегам Лонгивардии граф Брабанта 1008. Он тоже решил переплыть пролив и нанял за шесть тысяч золотых статиров пиратский корабль, очень большой, трехмачтовый, с двумястами гребцов и с тремя лодками на буксире. Опасаясь ромейского флота, он отплыл не к Авлону, как все остальные латиняне, а, отчалив, слегка отклонился в сторону, воспользовался попутным ветром и направился прямо к Химаре.

Но, боясь дыма, он попал в огонь, ибо столкнулся не с теми моряками, что непрерывно сторожили в проливе Лонгивардии, а с самим дукой всего ромейского флота Николаем Маврокатакалоном. Дука, уже извещенный об этом пиратском корабле, вышел в море со всеми диерами, триерами своего флота и несколькими дромонами и бросил якорь у Кавалиона, напротив Асона, из которого он отправился и где оставил крупный флот. Так называемого «второго комита» 1009 он выслал в море на его собственном корабле, который называется у моряков «экскуссат» 1010 и приказал ему зажечь сигнальный огонь, как только гребцы уже упомянутого пиратского корабля отчалят и поплывут по волнам. Комит отплыл и тотчас же выполнил приказ.

Дука Николай, заметив данный ему знак, часть кораблей немедленно окрылил парусами, часть снабдил веслами на манер сороконожек и устремился навстречу переправлявшемуся графу. Он встретил спешившего к Эпидамну графа, когда тот отдалился от суши не больше чем на три стадии; с ним было полторы тысячи вооруженных воинов и восемьдесят отборных коней. Заметив дуку, кормчий корабля сказал графу Брабанта: «Этот флот, что плывет на нас, из Сирии, и нам грозит стать жертвой мечей и сабель». Граф велел тотчас же всем надеть латы и упорно сражаться.

Несмотря на то, что была середина зимы – в этот день поминается великий святитель Николай 1011 – стояла совершенно ясная, безветренная погода, и ночь в полнолуние была светлей, чем весной. Ветра не было вовсе, пиратский корабль не мог плыть и стоял на воде без движения.

Повествуя об этом, мне хотелось бы сказать несколько слов о подвигах Мариана. Он сразу же попросил у дуки флота, своего отца, самые легкие суда, помчался прямо к пиратскому кораблю и попытался захватить его, ворвавшись на него с носа. Видя Мариана в полном вооружении, к нему тотчас же сбежались люди с оружием в руках. Мариан стал уговаривать латинян на их языке ничего не опасаться и не сражаться с единоверцами. Кто-то из латинян прострелил ему шлем из цангры.

Цангра 1012 – это варварский лук, совершенно неизвестный эллинам.

Пользуясь им, не нужно правой рукой оттягивать тетиву, а левой подавать вперед лук; натягивающий это орудие, грозное и дальнометное, должен откинуться чуть ли не навзничь, упереться обеими ногами в изгиб лука, а руками изо всех сил оттягивать тетиву. К середине тетивы прикреплен желоб полуцилиндрической формы, длиной с большую стрелу; пересекая тетиву, он доходит до самой середины лука; из него-то и посылаются стрелы. Стрелы, которые в него вкладываются, очень коротки, но толсты и имеют тяжелые железные наконечники. Пущенная с огромной силой стрела, куда бы она ни попала, никогда не отскакивает назад, а насквозь пробивает и щит и толстый панцирь и летит дальше. Вот насколько силен и неудержим полет этих стрел. Случалось, что такая стрела пробивала даже медную статую, а если она ударяется в стену большого города, то либо ее острие выходит по другую сторону, либо она целиком вонзается в толщу стены и там остается. Таким образом, кажется, что из этого лука стреляет сам дьявол. Тот, кто поражен его ударом, погибает несчастный, ничего не почувствовав и не успев понять, что его поразило.

И вот стрела, пущенная из цангры, попала в верхушку шлема и пробила его на лету, не задев даже волоска Мариана; провидение не допустило этого. Мариан быстро метнул в графа другую стрелу и ранил его в руку; стрела пробила щит, прошла сквозь чешуйчатый панцирь и задела бок графа. Это увидел один латинский священник, тринадцатый по счету из тех, кто сражался вместе с графом. Стоя на корме, он стал метать в Мариана стрелы. Но Мариан не пал духом и продолжал яростно сражаться, побуждая к тому же и своих воинов, так что раненным и изнуренным соратникам латинского священника пришлось трижды сменяться. Но сам священник, хотя и получил много ран и был весь залит кровью, бестрепетно продолжал битву.

Представление о священнослужителях у нас совсем иное, чем у латинян. Мы руководствуемся канонами, законами и евангельской догмой: «не прикасайся, не кричи, не дотрагивайся, ибо ты священнослужитель» 1013. Но варвар-латинянин совершает службу, держа щит в левой руке и потрясая копьем в правой, он причащает телу и крови господней, взирая на убийство, и сам становится «мужем крови», как в псалме Давида 1014. Таковы эти варвары, одинаково преданные и богу и войне. Так и этот, скорее воин, чем священнослужитель, надел священное облачение и, взяв в руки весло, устремился в морской бой, начав битву сразу и с морем и с людьми. Наши же обычаи, как я уже говорила, следуют... Аарона, Моисея 1015 и нашего первого епископа 1016.

Бой продолжался с вечера до середины следующего дня и становился

все ожесточенней. Латиняне, хотя и против воли, сдались Мариану, прежде получив от него обещание сохранить им жизнь. Но этот воинственный священник не прекратил боя и тогда, когда уже был заключен мир. Опустошив колчан, он схватил булыжник и швырнул его в Мариана, который успел прикрыть голову щитом; камень ударился о щит, разбил его на четыре части и пробил шлем. Мариан, оглушен ный ударом, сразу потерял сознание и долго лежал, не издавая ни звука, подобно знаменитому Гектору, когда тот едва не испустил дух, пораженный камнем Аякса 1017. С трудом придя в себя и собравшись с силами, Мариан стал метать стрелы в своего врага и трижды его ранил. Но этот, скорей воитель, чем священник, все еще не насытился битвой. Перекидав руками все камни, оставшись без камней и без стрел и не зная, что ему делать дальше, чем защищаться от врага, он стал метаться и буйствовать, как зверь, терзающий от ярости самого себя 1018. Все, что попадалось под руку, он тотчас же пускал в ход. Найдя мешок с хлебами, он стал их швырять как булыжники, будто свершая службу и превращая битву в богослужение. И вот, схватив один из хлебов, он изо всех сил бросил его в лицо Мариану и расшиб ему щеку.

Вот все об этом священнике, о корабле и его экипаже. Граф Брабанта, сдавшись вместе с кораблем и со своими людьми, с готовностью последовал за Марианом. Когда же они достигли берега и сошли с корабля, этот самый священник стал повсюду разыскивать Мариана; не зная его имени, он искал его по цвету одежды. Найдя, он подошел к нему, обнял, поцеловал и тут же хвастливо сказал: «Если бы вы встретились мне на суше, много вас погибло бы от моих рук». Выпустив Мариана из объятий, он дал ему серебряный кубок ценой в сто тридцать статиров. Сказав это и сделав такой подарок, священник испустил дух.

9. В это же время граф Готфрид 1019 с другими графами и с войском, состоявшим из десяти тысяч всадников и семидесяти тысяч пехотинцев, тоже совершил переправу 1020 и, дойдя до столицы 1021, расположил свое войско на берегу Пропонтиды; оно растянулось от моста, находящегося вблизи Космидия 1022, до самого Святого Фоки. Император настаивал на том, чтобы Готфрид переправился через Пропонтиду, тот же откладывал со дня на день и, приводя причину за причиной, оттягивал время. На самом деле он дожидался прибытия Боэмунда и остальных графов. Ибо если Петр с самого начала предпринял весь этот огромный путь для поклонения гробу господню, то все остальные графы, и особенно Боэмунд, питая старинную вражду к самодержцу, искали только удобного случая отомстить ему за ту блестящую победу, которую он одержал над

Боэмундом, сразившись с ним под Лариссой 1023; их объединяла одна цель, и им во сне снилось, как они захватывают столицу (об этом я часто вспоминала выше); лишь для вида они все отправились к Иерусалиму, на деле же хотели лишить самодержца власти и овладеть столицей.

Но император, уже давно знакомый с их коварством, письменно приказал 1024 наемным войскам и их командирам расположиться отрядами на территории от Афиры до Филея (это прибрежная местность у Понта), и быть настороже; если же будут посланы люди от Готфрида к Боэмунду или к идущим сзади графам или от них к Готфриду, то преградить им путь.

Между тем произошло следующее. Император призвал к себе нескольких графов, спутников Готфрида, и посоветовал им убедить Готфрида принести клятву. Этот разговор занял много времени из-за природной болтливости латинян и их любви к долгим речам; по их лагерю пронесся ложный слух, что император велел задержать графов. Тотчас же на Византии двинулись густые фаланги 1025; они сразу же разрушили до основания дворцы у Серебряного озера 1026 и начали штурмовать стены Византия без гелепол (их не было у латинян). Полагаясь на свою многочисленность, они настолько обнаглели, что дерзнули поджечь ворота, находящиеся под императорским дворцом 1027, недалеко от храма, сооруженного некогда одним из императоров в честь великого святителя Николая 1028.

При виде латинских фаланг не только городской сброд Византия, трусливый и не знающий военного дела, но и преданные императору люди принялись стенать, плакать и бить себя в грудь. Они вспоминали тот четверг, когда был взят город 1028, и боялись, что нынешний день станет им возмездием за то, что было прежде. Все, кто был знаком с военным делом, сбегались в беспорядке к императорскому дворцу. Однако сам император не вооружался; он не надел чешуйчатого панциря, не взял щита и копья, не опоясался мечом, а остался спокойно сидеть на императорском троне, ободряя всех веселым взглядом, вселяя надежды в души своих приближенных и советуясь с родственниками и военачальниками о том, что предпринять.

Прежде всего он запретил кому бы то ни было выходить из города и вступать в бой с латинянами – отчасти, чтобы не нарушать святость дней (был четверг той великой и святой недели, когда Спаситель принял за всех позорную смерть 1030), отчасти, чтобы избежать братоубийственной бойни. Поэтому он много раз посылал гонцов к латинянам, убеждая их прекратить бой. «Побойтесь, – говорил он, – бога, в этот день принесшего

себя в жертву за всех нас, не отвергшего ради нашего спасения ни креста, ни гвоздей, ни копий-удела преступников. Если же вы стремитесь в бой, то и мы будем готовы к нему на другой же день после святого воскресения». Но они не только не послушались самодержца, а еще тесней сомкнули свои фаланги и стали метать стрелы с такой силой, что даже ранили в грудь одного из стоявших у императорского трона. При виде этого большинство из тех, кто стоял по обе стороны от императора, отступили назад. А он продолжал бесстрашно сидеть, ободряя и ласково упрекая их, так что изумление охватило всех. Когда же Алексей увидел, что латиняне дерзко подступают к стенам и не внемлют его разумным советам, то прежде всего послал за своим зятем Никифором, моим кесарем, и приказал ему взять лучших воинов, опытных стрелков из лука, и расставить их на стене. Он велел подвергнуть латинян сильному обстрелу, но не целиться, а метить главным образом мимо, чтобы не убивать, а только устрашить латинян множеством стрел. Как я уже сказала выше, он боялся нарушить святость дня и не желал братоубийственной бойни.

Других отборных воинов, вооруженных в большинстве своем луками и длинными копьями, он послал открыть ворота возле Святого Романа 1031 и изобразить стремительное наступление на латинян, соблюдая при этом следующее построение 1032. Каждого вооруженного копьем воина самодержец приказал прикрыть с обеих сторон двумя пельтастами и медленно двигаться в таком порядке, а небольшое число опытных лучников велел выслать вперед, чтобы они издали обстреливали кельтов из лука, часто обращаясь то в одну, то в другую сторону. Когда оба строя сблизятся, лучники должны были тотчас же во весь опор устремиться на латинян, дать знак другим лучникам, следующим за ними, закидать стрелами не всадников, а их коней – отчасти для того, чтобы сдержать натиск кельтов, которые на раненых конях не смогут уже так быстро мчаться на ромеев, отчасти же, и это – главное, чтобы не убивать христиан. Воины с готовностью выполнили приказ императора, открыли ворота и, то устремляясь на латинян во весь опор, то сдерживая коней уздой, убили многих; в тот день были ранены и несколько наших воинов.

Но оставим их. Как я уже сказала, мой господин, кесарь, с опытными лучниками расположился на башнях, чтобы обстреливать варваров. Все они имели меткие и дальнометные луки – ведь все это были юноши, не уступавшие во владении луком гомеровскому Тевкру 1033. А лук кесаря был воистину луком Аполлона. Кесарь не тянул тетиву к груди, как те гомеровские эллины 1034, и не прилаживал стрелу к луку, чтобы показать, подобно им, свое охотничье искусство, но, как Геракл, слал смертельные

стрелы из бессмертного лука и, наметив цель, поражал ее без промаха, стоило лишь ему захотеть. В любое время, в битвах и сражениях, он поражал любую цель и наносил рану именно в то место, в какое направлял стрелу. Он так сильно натягивал лук и так быстро слал стрелу, что превзошел, казалось, в стрельбе из лука и самого Тевкра и обоих Аяксов. Но, глядя на латинян, которые, прикрываясь щитами и шлемами, дерзко и безрассудно подступали к городским стенам, он при всем своем искусстве, хотя и натягивал лук и прилаживал стрелу к тетиве, однако, уважая святость дня и храня в душе приказ самодержца, нарочно метал стрелы не целясь, то с недолетом, то с перелетом.

Воздержавшись ради такого дня от меткой стрельбы в латинян, кесарь все же обратил свой лук против одного дерзкого и бесстыдного латинянина, который не только метал множество стрел в стоявших наверху, но и выкрикивал на своем языке какие-то дерзости. Не напрасно полетела стрела из рук кесаря; она пробила щит, прошла через чешуйчатый панцирь сквозь руку и вонзилась в бок. И вот он, безгласный, уже лежал на земле, как сказал поэт 1035, а к небу поднялись голоса тех, кто прославлял кесаря, и тех, кто оплакивал убитого. После этого завязалась жестокая и страшная битва; упорно сражались и всадники вне города и те, кто стоял на стенах. Самодержец ввел в бой свои собственные войска 1036 и обратил латинские фаланги в бегство.

На другой день Гуго, придя к Готфриду, посоветовал ему подчиниться воле императора и дать клятву хранить незапятнанную верность, если он не хочет вновь испытать на собственном опыте военный опыт самодержца. Но Готфрид сказал ему с порицанием: «Ты вышел из своей страны, как царь, с большими богатствами и войском, и сам низвел себя с такой высоты на положение раба, а теперь, будто совершив великий подвиг, ты приходишь советовать то же самое и мне». Гуго ответил; «Нам надо было оставаться в своей стране и не зариться на чужую; но мы дошли до этих мест и очень нуждаемся в покровительстве императора, нас не ждет ничего хорошего, если мы не подчинимся ему». Гуго ушел без всякого результата. Самодержец же, узнав, что идущие позади графы уже приближаются, послал к Готфриду некоторых из своих лучших военачальников с войсками, поручив им убедить Готфрида переправиться через пролив 1037. Когда их увидели латиняне, они, не выждав ни мгновенья и даже не узнав их намерений, бросились в бой. В ожесточенной битве, завязавшейся между ними, было много убитых с той и с другой стороны; ранены были также воины самодержца, которые дерзко напали на него 1038. Так как императорские войска сражались с

большим упорством, латиняне обратились в бегство.

Таким образом, спустя некоторое время Готфрид подчинился воле императора. Придя к нему, он дал ту клятву, которую от него требовали: все города и земли, а также крепости, которыми он овладеет и которые прежде принадлежали Ромейской империи, он передаст под начало того, кто будет назначен с этой целью императором. Поклявшись в этом, он получил много денег и стал гостем и сотрапезником императора 1039. После пышных пиров он переправился через пролив и разбил свой лагерь под Пелеканом 1040. Самодержец же распорядился, чтобы им в изобилии доставлялось всякое продовольствие 1041.

10. Вслед за Готфридом прибыл граф по имени Рауль 1042 с пятнадцатью тысячами всадников и пехотинцев; со своими графами он расположился лагерем у Пропонтиды, возле так называемого Патриаршего монастыря 1043, а остальные войска растянул вплоть до самого Сосфения. На уме у Рауля было то же, что и у Готфрида, и он откладывал переправу с намерением дождаться идущих позади графов. Император же, предвидя будущее и опасаясь их прихода, всеми средствами побуждал Рауля к переправе. Он позвал к себе Опоса (это был человек благородного ума, никому не уступавший в воинском искусстве) и, когда тот явился, велел ему по суше отправиться с другими доблестными воинами к Раулю и заставить его переправиться через пролив. Когда Опос увидел, что Рауль вовсе не подчиняется предписаниям императора, говорит о нем с дерзостью и держит себя надменно, он выстроил своих воинов в боевом порядке, с оружием в руках, чтобы испугать варвара. Он думал, что этим он убедит его переправиться на другой берег. Но Рауль быстрей, чем слово сказывается, выстроил в боевом порядке своих кельтов и, «радостью вспыхнув, как лев, на добычу нежданно набредший», тотчас же завязал с Опосом большое сражение.

В это время с моря подъехал Пигасий, чтобы переправить отряды Рауля на ту сторону. Видя, что на суше идет бой и кельты с яростью нападают на войско ромеев, он высадился на берег и напал на кельтов с тыла. Много кельтов было убито, еще больше было ранено, а оставшиеся стали просить о переправе. Император, человек весьма предусмотрительный, не хотел, чтобы они соединились с Готфридом и настроили его против самодержца, рассказав о случившемся. Поэтому он с радостью согласился на просьбу кельтов и, погрузив их на корабли, отправил морем к гробу спасителя, к чему они и стремились. Он отправил послов и к тем графам, которые были еще в пути, передал им дружелюбные слова и вселил в них добрые надежды. Придя, они с

готовностью исполнили все приказы.

Вот все, что касается графа Рауля. Вслед за ним приближалось новое бесчисленное множество людей, смешанное по составу, собранное почти изо всех кельтских земель, во главе с предводителями – королями, герцогами, графами и даже епископами 1044. Самодержец, человек, удивительно умевший предвидеть будущее и заранее принимать нужные меры, отправил к ним послов с поручением дружелюбно их встретить и передать добрые слова. Он распорядился доставлять им в пути продовольствие и поручил это специально назначенным людям, чтобы у латинян не возникало ни малейшего повода и никакой причины к неудовольствию. Все они устремились к столице. И казалось, было их больше, чем звезд на небе и песка на морском берегу. «Тьмы, как листы на древах, как цветы на долинах весною» 1045, по словам Гомера, – столько было их, и все они стремились в Константинополь.

Я охотно привела бы имена их предводителей, но лучше, полагаю, этого не делать. Язык мой немеет, я не в силах произносить нечленораздельные варварские звуки, и меня пугает масса варварских имен. И к чему мне стараться перечислить такое множество имен людей, один вид которых наполняет отвращением окружающих? Когда они, наконец, достигли столицы, их войска расположились, по совету самодержца, у монастыря Космидия, растянувшись вплоть до Иерона 1046.

Не девять глашатаев созывали их, как некогда эллинов, своим криком, а много сильных воинов, повсюду следуя за ними, призывали их исполнять повеления самодержца. Император, желая склонить графов к той клятве, которую уже принес Готфрид, стал приглашать их к себе по отдельности, с глазу на глаз объяснять им свои намерения, стараясь через благоразумных повлиять на непокорных. Но они, выжидая прибытия Боэмунда, не поддавались уговорам, а находили разные способы уклониться от клятвы и выдвигали то одно, то другое требование. Император легко опровергал все их аргументы и, пустив в ход разные средства убеждения, побудил их, наконец, дать ту же клятву, что и Готфрид, а его самого вызвал по морю из Пелекана, дабы клятва была подписана в его присутствии.

Когда все, в том числе и Готфрид, были уже в сборе и когда все графы дали клятву, кто-то из знати осмелился сесть на императорский трон 1047. Император стерпел это, не сказав ни слова, так как давно знал надменный нрав латинян. Но граф Балдуин 1048 подошел к этому человеку, взял его за руку и, заставив встать, сказал с упреком: «Нельзя так поступать, ведь ты обещал служить 1049 императору. Да и не в обычае у ромейских

императоров, чтобы их подданные сидели рядом с ними. Тот же, кто, поклявшись, стал слугой его царственности, должен соблюдать обычаи страны». Тот ничего не сказал Балдуину, но, пронизав его недобрым взглядом, проговорил про себя на родном языке: «Что за деревенщина! Сидит один, когда вокруг него стоит столько военачальников».

От императора не ускользнуло движение губ латинянина. Подозвав одного из переводчиков с латинского языка, он спросил его о значении сказанного. Узнав смысл слов, он до времени ничего не сказал латинянину, но сохранил его слова в памяти. Когда же все прощались с императором, он подозвал к себе этого надменного и бесстыдного латинянина и спросил, кто он такой, откуда происходит и какого рода 1050. Тот ответил: «Я – чистокровный франк знатного рода, и мне известно одно: в той местности, откуда я родом, есть храм на перекрестке, сооруженный в древние времена. Туда приходит каждый, кто хочет сразиться на поединке. Вооруженный для единоборства, он просит там помощи у бога и остается в ожидании того, кто отважится принять его вызов. Я тоже провел долгое время на этом перекрестке, ожидая того, кто сразится со мной, но никто не дерзнул».

Император, выслушав его, сказал: «Если раньше ты искал и не находил битвы, то теперь пришло твое время насытиться битвами. Я советую тебе не находиться ни в задних рядах, ни в голове фаланги, а держаться в середине вместе с гемилохитами 1051, ибо я давно уже знаю, как сражаются турки». Этот совет он давал не только ему; всем другим он тоже говорил о том, что ждет их в пути, и советовал, когда бог пошлет им победу, не поддаваться порыву и не преследовать варваров, чтобы не попасть в засаду и не погибнуть.

11. Вот все о Готфриде, Рауле и их спутниках. Боэмунд же с другими графами достиг Апроса. Он знал, что не принадлежит к знатному роду и не имеет из-за недостатка денег многочисленного войска; поэтому, желая приобрести расположение самодержца и в то же время скрыть свои истинные намерения, он опередил всех остальных графов и в сопровождении лишь десяти кельтов поспешил прибыть в царственный город1052. Император, давно знакомый с его интригами, с его коварным и обманчивым нравом, тоже торопился встретиться с ним, раньше чем прибудут остальные графы, хотел выслушать его и убедить переправиться через пролив до их прихода, ибо опасался, что Боэмунд, соединившись с теми, кто вот-вот должен был появиться, может обратить их мысли в дурную сторону.

Император встретил Боэмунда веселым взглядом и спросил, как

прошел его путь и где он оставил графов.

Боэмунд отвечал ему в соответствии со своим нравом. Алексей шутя напомнил о том, как дерзко Боэмунд сражался против него под Диррахием и Лариссой и об их прежней вражде 1053. Боэмунд на это ответил: «Раньше я действительно был твоим врагом и противником, теперь же я пришел к тебе как друг твоей царственности». Самодержец коснулся в разговоре многих тем и попытался выведать его мысли; видя, что Боэмунд готов принести клятву верности, он сказал: «Сейчас ты устал с дороги, пойди и отдохни. Вскоре мы поговорим обо всем, о чем хотим».

От императора Боэмунд отправился в Космидий, где ему было приготовлено жилье; для него был накрыт богатый стол со всякими мясными блюдами и закусками. Затем повара принесли сырое мясо животных и птиц и сказали: «Мы приготовили эти блюда, как видишь, по нашим обычаям, но если они тебе не нравятся, то вот сырое мясо – его приготовят так, как ты захочешь». Сделать и сказать это велел им сам самодержец. Обладая способностью угадывать характеры, император понял, что человек этот злобен и недоброжелателен. Чтобы не было никаких недоразумений, он даже велел подать ему сырое мясо, ибо желал рассеять этим всякие подозрения. И Алексей не ошибся.

Коварный Боэмунд не только не отведал кушаний, но даже не захотел дотронуться до них кончиками пальцев. Он тотчас оттолкнул их от себя и, не обмолвившись и словом о своем подозрении, стал раздавать блюда присутствующим; он делал вид, что милостиво одаряет всех, а в действительности, как было видно всякому проницательному человеку, готовил им смертельный напиток. Он даже не скрывал, что хитрит, до такой степени Боэмунд презирал своих людей. Сырое же мясо он велел приготовить собственным поварам по обычаям своей страны. На другой день он спросил тех, кому роздал кушанья, как они себя чувствуют. Они ответили: «Даже очень хорошо», и сказали, что не испытывают никакого недомогания. Тогда Боэмунд открыл свои тайные мысли и произнес: «А я, помня о своих войнах с Алексеем и о прежней битве, побоялся: не решил ли он умертвить меня, подмешав к еде смертельный яд».

Вот все о Боэмунде. Никогда я не видела дурного человека, который бы не удалялся от правильного поведения во всем, что бы он ни говорил и ни делал. Ибо тот, кто отошел от середины, навсегда останется далек от добродетели, к какой бы крайности он ни отклонился 1054.

Позвав к себе Боэмунда, император и ему предложил принести обычную у латинян клятву. Боэмунд понимал свое положение, знал, что не происходит от знатных предков и не имеет ни денег, ни, вследствие этого,

большого войска – с ним пришли лишь немногочисленные кельты; кроме того, Боэмунд вообще был лжив по природе и поэтому с большой готовностью подчинился воле самодержца 1055. Тогда император выделил одну комнату во дворце и устлал весь пол разного рода ценностями 1056, одеждами, золотыми и серебряными монетами и другими, менее дорогими вещами. Комната оказалась настолько заполненной, что из-за множества вещей нельзя было сделать ни шагу. Император приказал тому, кто должен был показать все это Боэмунду, открыть двери внезапно. И вот Боэмунд, пораженный зрелищем, воскликнул: «Если бы у меня было столько богатств, я бы давно овладел многими странами». Тогда тот: «Это все пожаловал тебе сегодня император».

Боэмунд принял богатства с огромной радостью и, поблагодарив, отправился отдыхать в отведенные ему покои. Когда же ему принесли дары, он, забыв о своем прежнем восхищении, сказал: «Никогда я не ожидал такой обиды от императора. Возьмите это все и отнесите тому, кто вас послал». Император же, зная непостоянный нрав латинян, ответил ему народной поговоркой: «Пусть злоба его обратится против него же» 1057. И вот Боэмунд, который недавно сам с негодованием от всего отказался, узнав об ответе императора и увидев слуг, потребовавших назад ценности, изменил тактику, весело взглянул на слуг и, подобно полипу, преобразился в одно мгновенье. Этот человек, негодяй по природе, был очень находчив в любых обстоятельствах, а подлостью и бесстрашием настолько превосходил всех прошедших через нашу страну латинян, насколько уступал им в количестве войска и денег. Но, выделяясь среди латинян необычайной ловкостью, он обладал общим им всем природным качеством – непостоянством. Те самые богатства, от которых он отказался, принял теперь с большой радостью.

Настроен он был очень враждебно. Не владея никакими землями, он покинул родину для вида – ради поклонения гробу господню, на самом деле – чтобы добыть себе владения и, если удастся, то даже захватить трон Ромейской державы (ведь он следовал заветам своего отца). Но пустив, как говорится, в ход все средства, он сильно нуждался в деньгах. Самодержец, зная его злобу и недоброжелательство, искусно старался устранить все, что могло способствовать его тайным замыслам. Поэтому, когда Боэмунд, думая перехитрить хитрого 1058, хотел получить восточный доместикат 1059, он его не получил. Император боялся, что, обретя власть и подчинив, таким образом, всех графов, он в будущем легко сможет склонять их ко всему, что задумает. Однако, не желая дать понять Боэмунду, что его замыслы уже раскрыты, император тешил его добрыми надеждами, говоря:

«Еще не время, своей энергией и верностью ты достигнешь и этого».

Поговорив с графами и милостиво наделив их всевозможными дарами и титулами, он на другой день воссел на императорский трон. Позвав к себе Боэмунда и всех других графов, он рассказал им о том, что их ждет в пути, дал полезные советы, сообщил о способах ведения боя, какими обычно пользуются турки, научил, как нужно выстроить войско и как расположить засады, а также остерег их далеко преследовать турок, когда те обратят тыл. Смягчив дарами и речами дикий нрав латинян, дав им полезные советы, император побудил их к переправе.

Из всех латинян император выделил Исангела 1060, которого полюбил за выдающийся ум, за искренность суждений и за чистоту жизни; он знал также, что больше всего Исангел дорожил правдой и не предпочел ей ничто иное. Всеми этими качествами он выделялся среди других латинян, как солнце среди звезд. По этой причине император удержал его при себе. Когда все графы заключили договор с самодержцем 1061 и через пролив Пропонтиду отбыли на Дамалис, самодержец, избавившись от тех хлопот, которые они ему доставляли, стал часто приглашать к себе Исангела; он подробно поведал ему о том, что ждет латинян в пути, а также раскрыл свои подозрения относительно намерений франков. Об этом он часто говорил с Исангелом. Как бы открыв ему ворота своей души и все объяснив, он просил его неусыпно помнить о коварстве Боэмунда и, если тот захочет нарушить клятву, удержать его и любым способом расстроить козни. Исангел ответил самодержцу: «От своих предков Боэмунд как некое наследство получил коварство и вероломство, и будет величайшим чудом, если он останется верен своей клятве. Но я сделаю все, чтобы выполнить твое поручение». И, заключив договор с самодержцем 1062, он уехал, чтобы соединиться с кельтским войском.

Самодержец тоже, конечно, хотел выступить вместе с кельтами против варваров, но опасался их неисчислимого множества. Поэтому он решил отправиться в Пелекан, чтобы, находясь вблизи Никеи, знать как идут дела у кельтов, и вместе с тем следить за вылазками турок и за положением в самой Никее. Он считал для себя позором не отличиться каким-нибудь воинским подвигом и решил, если представится удобный случай, самому захватить Никею, а не получать ее от кельтов во исполнение клятвы. Но этот замысел он от них скрывал. Обо всех своих приготовлениях и о том, для чего они нужны, знал он один, свой план он доверил одному лишь Вутумиту. Его Алексей отправил с поручением привлечь на свою сторону варваров в Никее, обещав им всякие блага и полное прощение и в то же время пригрозив, что их ждут всяческие беды и

что они станут жертвой мечей, если их захватят кельты. Император давно знал надежность и предприимчивость Вутумита в подобных делах. Так начались и так развивались эти события.

Книга XI

1. Боэмунд и все другие графы, соединившись с Готфридом в том месте, откуда им предстояло отплыть в Кивот, ожидали Исангела 1063. Но латинян было бесчисленное множество, продовольствия не хватало, и поэтому они не могли там задерживаться. И вот, несмотря на свое решение дождаться императора и Исангела (латиняне намеревались принести клятву Алексею и затем отправиться к Никее), они разделились на две части и двинулись к Никее – одни через Вифинию и Никомидию, другие – через Кивотский пролив. Так они подошли к Никее. Распределив между собой башни и соединявшие их стены, они решили штурмовать их в определенном боевом порядке, дабы, соревнуясь друг с другом, сделать осаду еще более ожесточенной; ту часть, что пришлась на долю Исангелу, они оставили незанятой 1064 в ожидании его прибытия. В то же время самодержец прибыл в Пелекан; в мыслях у него, как сказано выше, была Никея.

Варвары, находившиеся в Никее, много раз обращались к султану 1065 за помощью. Пока он медлил, осада города продолжалась уже много дней от восхода до заката. Видя свое тяжелое положение, варвары отказались от прежних намерений и предпочли лучше обратиться к императору, чем попасть в руки кельтов. Поэтому они позвали к себе Вутумита, который во многих посланиях обещал им всяческие блага от самодержца, если они сдадут ему Никею. Тот совершенно недвусмысленно сообщил им о дружелюбии императора, показал письменные обещания на случай, если они сдадут ему крепость, и был с радостью принят турками, которые отказались уже от мысли противостоять такому множеству врагов и решили, что лучше добровольно отдать город императору и получить взамен деньги и титулы, чем стать жертвой мечей.

Вутумит не провел в городе и трех дней, как прибыл Исангел и стал штурмовать стены заранее приготовленными гелеполами 1066. В это время разнесся слух о приближении султана. Узнав об этом, турки ободрились и тотчас выслали Вутумита из города. Султан же, выделив часть войска, послал его для наблюдения за действиями Исангела, приказав своим воинам не уклоняться от боя, если они встретятся с кем-либо из кельтов. Воины Исангела, издали заметившие турок, завязали бой. Тогда и остальные графы, в том числе Боэмунд, получив известие о нападении варваров, взяли у каждого графа по двести воинов и, составив

из них большой отряд, тут же послали его на помощь Исангелу. Настигнув варваров, кельты преследовали их до самого вечера.

Но султан не пал духом. На рассвете он вооружился и занял со всем своим войском долину у стен Никеи. Кельты, узнав об этом, хорошо вооружились и, как львы, бросились на него. Завязалась тяжелая и страшная битва. В течение целого дня бой шел с равным успехом, когда же солнце «склонилось ко мраку» 1067, турки обратились в бегство и ночь положила конец сражению. Много воинов пало с той и с другой стороны: немало было убито, но большинство – ранено 1068.

Кельты, одержав блестящую победу, возвращались, наколов головы врагов на копья и неся их наподобие знамен, чтобы варвары, издали завидев их, испугались такого начала и отказались от упорства в бою. Так поступили и такое замыслили латиняне. Султан же, видя бесчисленное множество латинян» отвагу которых он испытал в сражении, передал туркам – защитникам Никеи – следующее: «Поступайте впредь, как сочтете нужным». Он наперед знал, что они предпочтут отдать город императору, чем попасть в руки кельтов.

Тем временем Исангел, преследуя прежнюю цель, соорудил круглую деревянную башню, со всех сторон покрыл ее кожами, в середине оплел прутьями и, защитив ее отовсюду, приблизил к башне под названием Гонат. Это название башня получила давно, когда знаменитого Мануила (отца императора Исаака Комнина и его брата Иоанна, моего деда по отцу) император Василий назначил стратигом-автократором всего Востока, чтобы положить конец вражде со Склиром, либо применив силу, либо склонив Склира к заключению мирного договора. Но воинственный и кровожадный Склир всегда предпочитал миру войну и ежедневно завязывал бой, ибо не только не желал мира, но стремился взять Никею при помощи мощных гелепол. Пробив стену, Склир разрушил башню в основании, поэтому она осела вниз, как будто опустившись на колени; из-за этого башня и получила такое название 1069.

Такова история этой башни. Исангел же, с большим искусством построив уже упомянутую башню, которую опытнейшие в сооружении машин люди называют «черепахой» 1070, поместил внутри нее вооруженных воинов, дробителей стен и других, умеющих железными орудиями расшатывать башни в основании; первые должны были сражаться с защитниками стены, вторые – под их прикрытием подкопать башню. Вместо вынутых камней они заложили деревянные балки, а добравшись до другой стороны стены (им был уже виден проникавший оттуда свет), они подожгли их. Когда балки сгорели дотла, Гонат

склонился еще больше и оправдал свое название 1071. Окружив остальную часть стены таранами и «черепахами» и вмиг наполнив землей наружный ров (он сравнялся с прилегавшим к нему с обеих сторон полем), латиняне бросили все свои силы на осаду города.

2. Император тщательно все обдумал и пришел к выводу, что латиняне, несмотря на их невероятное множество, ни в коем случае не смогут взять Никею. Поэтому он велел соорудить разного рода гелеполы, причем большую часть не так, как обычно эти машины сооружают, а по своему собственному замыслу (этим он вызвал всеобщее восхищение) и послал их графам. Как уже было сказано, император, переправившись через пролив с имевшимися у него войсками, находился в Пелекане, недалеко от Месампел 1072, где некогда был воздвигнут храм великомученика Георгия.

Самодержец хотел выступить вместе с латинянами против безбожников-турок. Но понимая, что неисчислимое войско франков нельзя даже сравнить с отрядом ромеев, и зная непостоянство латинян, он, взвесив все обстоятельства, отказался от своего намерения. Да и не только поэтому: он наперед видел, насколько латиняне ненадежны, не верны слову, как Еврип, устремляются от одной крайности к другой и из корыстолюбия готовы продать за обол своих жен и детей. Вот из каких соображений самодержец воздержался в то время от исполнения своего намерения. Он решил не идти вместе с кельтами, а помогать им так, как если бы он был с ними 1073.

Зная прочность стен Никеи, он считал, что латиняне не смогут овладеть городом. Когда же он узнал, что султан по прилегающему к Никее озеру легко доставляет туда большие военные силы и всевозможное продовольствие, он решил овладеть озером. Построив такие челны, какие могли держаться на воде озера, он доставил их на повозках и спустил на воду у Киоса. На челны же он погрузил вооруженных воинов во главе с Мануилом Вутумитом и, чтобы они производили впечатление большого войска, дал им больше, чем надо, знамен, а также трубы и барабаны.

Так распорядился самодержец относительно озера 1074. С суши он призвал к себе Татикия и Циту с двумя тысячами отважных пельтастов и послал их к Никее, приказав сразу же по высадке на берег захватить крепость кира Георгия, погрузить на мулов весь запас стрел, спешиться вдали от стен Никеи, дойти пешком до башни Гонат, разбить там лагерь, а затем вместе с латинянами по общему сигналу штурмовать стены. Татикий, прибыв со своим войском к Никее, сообщил кельтам план императора. Они все тотчас же вооружились и с громкими криками

бросились на приступ.

Воины Татикия слали множество стрел, часть кельтов пробивала стены, часть непрерывно метала камни из орудий. И вот варвары, напуганные зрелищем императорских знамен на озере и звуками труб Вутумита (он тем временем послал к ним вестников напомнить про императорские обещания), пришли в такое смятение, что не отваживались даже выглянуть из-за зубцов городских стен. Потеряв уже надежду на помощь султана, они решили, что лучше всего сдать город самодержцу и вступить в переговоры с Вутумитом, который сказал им все, что положено, и показал хрисовул, врученный ему прежде императором. Выслушав текст хрисовула, где император обещал не только простить их, но и щедро одарить деньгами и титулами сестру и жену султана 1075 (которая, как говорили, была дочерью Чакана), а также вообще всех никейских варваров, они, ободренные обещаниями, позволили Вутумиту войти в город. Он немедленно известил Татикия письмом: «Добыча уже в наших руках, нужно готовиться к штурму стен, пусть и кельты делают то же самое, но не доверяй им ничего, кроме круговой атаки стен; скажи им, что с восходом солнца нужно окружить стены и начинать штурм».

К этой хитрости Вутумит прибег для того, чтобы кельтам казалось, будто город взят им с боя, и чтобы задуманный самодержцем план передачи города остался в тайне. Император не хотел, чтобы кельты узнали о действиях Вутумита. На другой день с двух сторон раздались боевые крики: кельты с жаром кинулись на приступ на суше, а Вутумит, взобравшись на предстенное укрепление, утвердил там скипетр и знамена и приветствовал самодержца звуками горнов и труб. Так все ромейское войско вступило в Никею 1076.

Вутумит, зная, что кельтов огромное множество, что нрав их изменчив, а натиск неудержим, опасался, как бы они не ворвались в крепость и не овладели ею. Видя к тому же, что у сатрапов в городе войска больше, чем у него самого, и они могут, если захотят, схватить и убить его, он немедленно забрал себе ключи от городских ворот. Только одни ворота были в это время открыты для входа и для выхода, остальные же он закрыл, опасаясь близкого соседства кельтов. Теперь, имея ключи от этих ворот, Вутумит решил каким-нибудь способом уменьшить число сатрапов в городе, чтобы легче было справиться с ними, если они замыслят против него что-либо дурное. Для этого он позвал их к себе и посоветовал отправиться к самодержцу, чтобы получить у него много денег, великие почести и ежегодные выплаты 1077. Он уговорил турок и ночью, открыв ворота, стал переправлять их по прилегающему озеру 1078 небольшими

группами, через короткие интервалы к Радомиру и полуварвару Монастре, расположившимся вблизи городка, названного по имени кира Георгия. Радомиру и Монастре он велел отправлять сатрапов к самодержцу сразу же, как только те сойдут на берег, и не задерживать их даже на мгновенье, чтобы они не соединились со следующей группой турок и не замыслили что-либо недоброе.

Это было настоящее предвидение и бесспорная проницательность – результат большого жизненного опыта этого человека. Пока Радомир и Монастра быстро отсылали прибывающих турок к самодержцу, они были в безопасности и ничто им не угрожало, но как только они ослабили бдительность, над ними нависла опасность со стороны варваров, отправку которых они задержали. Число варваров увеличилось, и они замыслили ночью напасть на Радомира и Монастру и одно из двух – или убить их или связать и доставить султану. Все сошлись на последнем. Ночью, как и было решено, они напали на ромеев, связали их и увели с собой. Турки достигли вершины холма Азала 1079 (это место находится в... 1080 стадиях от стен Никеи), а оказавшись там, конечно, спешились и дали передышку коням.

Монастра был полуварваром и знал турецкий язык, Радомир же, взятый когда-то турками в плен, прожил с ними немало времени и тоже кое-что понимал на их языке. Оба они не раз пытались убедить варваров речами: «Зачем, – говорили они, – готовите вы нам смертельный напиток, если вам нет в этом никакой выгоды! Все другие получат от самодержца богатые дары и ежегодные выплаты, вы же сами себя их лишаете. Итак, не злоумышляйте против самих себя; имея возможность избавиться от всех опасностей, вернуться домой богатыми людьми и, возможно, владельцами земель, вы сами подвергаете себя явной опасности. Вы можете даже попастгь где-нибудь в засаду к ромеям, – тут они рукой указывали на ручьи и болота, – и погибнуть ни за что, потерять жизнь. Ведь вас подстерегает множество врагов: не только кельты и варвары, но и неизмеримое число ромеев. Если же вы послушаетесь нас, мы вместе, повернув коней, отправимся к самодержцу. Клянемся богом, вы получите от императора несметные дары, и вас беспрепятственно отпустят куда захотите как свободных».

Их слова убедили турок. Обменявшись клятвами, они отправились к императору. Когда они прибыли в Пелекан, самодержец, увидев Радомира и Монастру, ласково на них взглянул – а ведь в душе он был очень сердит на них – и отправил их отдыхать.

На другой день те из турок, которые захотели остаться на службе у

императора, получили бесчисленные награды, но и те, которые надумали вернуться домой, тоже сподобились немалых даров, и им разрешили поступать по их желанию 1081. Лишь после этого император стал сурово бранить Радомира и Монастру за неблагоразумие; но видя, что они не могут смотреть ему в лицо от стыда, он изменил тон и поспешил ободрить их уже иными речами. Вот все о Радомире и Монастре.

Кельты обратились к Вутумиту, которого самодержец назначил дукой Никеи, с просьбой впустить их в город, чтобы посетить в нем храмы и поклониться им. Но он, как уже было сказано, хорошо знал нрав кельтов и не согласился впустить их всех скопом, а разрешил входить по десять человек в открытые ворота.

3. Самодержец, все еще находясь под Пелеканом и желая получить клятву от графов, которые не поклялись ему, написал Вутумиту, чтобы тот посоветовал всем графам не трогаться в путь на Антиохию, не вступив в договор с императором 1082, – в этом случае они получат еще более щедрые дары. Раньше всех других, едва услышав о деньгах и подарках, склонился на предложение Вутумита Боэмунд, который посоветовал и другим отправиться к императору: такова была его неудержимая страсть к наживе. Когда графы прибыли в Пелекан, самодержец торжественно встретил их и удостоил своей заботы 1083. Затем, собрав их, он сказал: «Вам известно, какую клятву вы мне принесли, если вы ее еще не нарушили, посоветуйте принести клятву тем, кто этого не сделал». Графы тотчас же позвали тех, кто еще не клялся; те собрались и принесли клятву.

Однако племянник Боэмунда, Танкред 1084, отличавшийся независимостью характера, твердил о том, что он обязан верностью только одному Боэмунду и намерен хранить ее до самой смерти. Все окружающие, и даже родственники императора, принялись убеждать его, а он с притворным равнодушием взглянул на палатку, в которой сидел самодержец (подобной по величине никто никогда не видел), и сказал: «Если ты дашь ее мне, полную золота, и к тому же все, что ты дал остальным графам, то и я принесу клятву». Палеолог, очень ревностно относившийся к императору, не смог стерпеть притворных слов Танкреда и с презрением оттолкнул его. Неукротимый Танкред бросился на Палеолога. При виде этого император сошел с трона и встал между ними. Боэмунд тоже удержал племянника и сказал: «Не подобает бесстыдно нападать на родственников императора». Тогда Танкред, устыдившись, что он точно пьяный бросился на Палеолога, уступил уговорам Боэмунда и тоже дал клятву 1085.

Когда все латиняне принесли клятвы, император дал им Татикия, в то

время великого примикирия, с войском, чтобы он во всем помогал латинянам, делил с ними опасности и принимал, если бог это пошлет, взятые города. И вот кельты снова переправились через пролив и на следующий день выступили по дороге на Антиохию 1086. Император догадывался, что не все в силу необходимости уйдут с графами, и дал знать Вутумиту, чтобы он нанял для охраны Никеи кельтов, отставших от войска.

Татикий с войском и все графы с бесчисленной толпой кельтов за два дня дошли до Левк 1087. Боэмунду по его просьбе позволили идти в авангарде, остальные двигались за ним медленным шагом, сохраняя строй 1088. Когда Боэмунд проходил равнину Дорилея, его увидели турки и, решив, что они наткнулись на все кельтское войско, исполнились презрения и сразу же завязали бой 1089. Тот самый надменный латинянин, который дерзнул сесть на императорский трон 1090, расположился, забыв совет самодержца, на краю строя Боэмунда, потерял выдержку и выехал вперед. При этом погибли сорок его воинов, а он сам, смертельно раненный, обратил врагам тыл и бросился в середину строя; дело показало, насколько разумен был совет императора, которым пренебрег этот латинянин.

Боэмунд, видя, с каким упорством сражаются турки, послал за помощью к кельтским отрядам. Они быстро подоспели, и началась тяжелая и страшная битва. Победу одержало ромейское и кельтское войско. Построившись отрядами, они отправились дальше. Возле Гебраики 1091 навстречу им попались султан Данишменд 1092 и Хасан 1093 во главе восьмидесяти тысяч гоплитов. Завязался упорный бой 1094, где участвовало много войск с обеих сторон и ни одна их них не хотела уступить другой. Турки храбро сражались с врагами; Боэмунд, который командовал правым флангом, видя это, отделился от остального войска и отважно напал на самого султана Килич Арслана, – «как лев, могуществом гордый», по словам поэта 1095. Устрашенные турки обратили кельтам тыл. Помня советы самодержца, кельты не стали далеко преследовать врага, а захватили траншеи и, отдохнув там немного, снова настигли турок у Августополя 1096, напали на них и обратили в бегство. Варварское войско было разгромлено, те же, кто спасся, рассеялись кто куда, оставив жен и детей. После этого они уже были не в состоянии противостоять латинянам и искали спасения в бегстве.

4. Что же было потом? Латиняне вместе с ромейским войском подошли к Антиохии 1097 по так называемому «Быстрому потоку» 1098, оставив без внимания окрестные области. Они выкопали ров у городских

стен, сложили снаряжение и начали осаду города, продолжавшуюся три месяца 1099. Турки, напуганные нахлынувшим на них бедствием, обратились к султану Хорасана 1100 с просьбой прислать им большое войско, чтобы помочь антиохийцам и прогнать латинян, осаждающих город.

На одной из башен некий армянин охранял часть стены, доставшуюся Боэмунду 1101. Он часто выглядывал из-за стены; Боэмунд умаслил его и, прельстив множеством обещаний, уговорил предать город 1102. Армянин сказал: «Когда пожелаешь, дай мне знак, и я сразу же передам тебе эту башню. Будь же со своими людьми наготове и имей при себе лестницы. Не только сам будь наготове, а пусть все войско вооружится, чтобы турки, видя, как вы с боевыми кличами взбираетесь на стены, испугались и обратились в бегство».

Этот план Боэмунд до поры до времени хранил в тайне. Пока он его обдумывал, явился вестник с сообщением, что уже приближается из Хорасана огромное множество агарян под командованием военачальника Кербоги 1103. Боэмунд не хотел отдавать город Татикию во исполнение клятвы императору, он сам домогался Антиохии, а узнав об агарянах, задумал дурную думу: волей или неволей принудить Татикия отступить от города. И вот Боэмунд пришел к нему и сказал: «Заботясь о твоей безопасности, я хочу открыть тебе тайну. До графов дошел слух, который смутил их души. Говорят, что войско из Хорасана султан послал против нас по просьбе императора. Графы поверили и покушаются на твою жизнь. Я исполнил свой долг и известил тебя об опасности. Теперь твое дело позаботиться о спасении своего войска». Татикий, видя, что начался сильный голод (бычья голова продавалась за три золотых статира) 1104, отчаялся взять Антиохию, снялся с лагеря, погрузил войско на ромейские корабли, стоявшие в порту Суди 1105, и переправился на Кипр 1106.

После его ухода Боэмунд, все еще державший в тайне обещание армянина и питавший сладкие надежды обеспечить себе власть над Антиохией, сказал графам: «Смотрите, сколько уже времени мы здесь бедствуем и не только ничего не достигли, но и вот-вот падем жертвой голода, если чего-нибудь не придумаем для своего спасения». На вопрос, что именно он имеет в виду, Боэмунд ответил: «Не все победы бог дает одержать нам, полководцам, оружием, и не всегда они добываются в сражении. То, что не дает бон, нередко дарит слово, и лучшие трофеи воздвигает приветливое и дружеское обхождение. Поэтому не будем понапрасну терять время, а лучше до прихода Кербоги разумными и мужественными действиями обеспечим себе спасение. Пусть каждый на

своем участке постарается уговорить стража-варвара. А тот, кому первому удастся это, если хотите, станет командовать в городе до тех пор, пока не придет человек от самодержца и не примет от нас Антиохию. Но, возможно, мы сумеем добиться успеха как-нибудь иначе» 1107.

Так сказал хитрый Боэмунд, который жаждал власти не ради латинян и общего блага, а ради собственного честолюбия. Его замыслы, речи и обман не остались безрезультатными, но об этом я скажу ниже. Все графы дали свое согласие и приступили к делу 1108. На рассвете Боэмунд подошел к башне, и армянин согласно уговору открыл ворота. Боэмунд со своими воинами сразу же, быстрей, чем слово сказывается, взобрался наверх 1109; стоя на башне на виду у осажденных и осаждающих, он приказал подать трубой сигнал к бою. Это было необычайное зрелище: охваченные страхом турки тотчас бросились бежать через противоположные ворота, и лишь немногие смельчаки остались защищать акрополь; кельты же, следуя по пятам Боэмунда, взбирались по лестницам и быстро захватили город Антиоха 1110. Танкред сразу же во главе большого отряда кельтов стал преследовать бегущих; многие были убиты, многие ранены.

Между тем Кербога с многотысячным войском прибыл на помощь Антиохии и, обнаружив, что она уже взята, разбил лагерь, выкопал ров и, сложив свое снаряжение, решил осаждать город 1111. Но едва он приступил к делу, как на неги напали вышедшие из города кельты и завязалась большая битва. Победу одержали турки; латиняне оказались запертыми за воротами, и им пришлось сражаться на два фронта: с защитниками акрополя (его удерживали варвары) 1112 и с турками, расположившимися за стеной. Боэмунд, человек ловкий, желая присвоить себе власть в Антиохии, вновь обратился к графам и сказал под видом совета: «Не следует нам одновременно сражаться на два фронта – с теми, кто внутри и кто снаружи. Разделимся на две неравные части в соответствии с числом врагов и так будем вести бой с ними. Если вы согласны, я буду сражаться с защитниками акрополя, остальные схватятся в жестоком бою с врагами, наступающими извне».

Все согласились с Боэмундом. Он сразу же приступил к делу и быстро соорудил напротив акрополя поперечную стену 1113, отделившую его от всей Антиохии, – надежнейший оплот на случай, если бы война затянулась. Он сам стал неусыпным стражем этой стены и при малейшей возможности храбро вступал в бой. Другие графы тоже прилагали большие усилия, и каждый на своем участке неустанно охранял город, следил за предстенными укреплениями и зубцами, чтобы варвары не взобрались как-

нибудь ночью по лестницам и не захватили Антиохию и чтобы кто-нибудь из жителей не поднялся тайком на стену и, договорившись с варварами, не предал город.

5. Вот все об Антиохии. Самодержец в это время очень хотел прийти на помощь кельтам, но его вопреки желанию удерживали грабеж и полное разорение, которым подверглись приморские города и земли. Чакан, как собственной вотчиной, распоряжался Смирной, а некто по имени Тэнгри-Бэрмиш 1114 – городом эфесян у моря, где был некогда сооружен храм апостола Иоанна Богослова 1115. Другие сатрапы захватывали крепость за крепостью, обращались с христианами, как с рабами, и все грабили. Они овладели даже островами Хиосом, Родосом и всеми остальными и сооружали там пиратские корабли. Поэтому самодержец решил прежде всего заняться делами на море и Чаканом, оставить на материке необходимое войско и изрядный флот, чтобы сдерживать набеги и отгонять прочь варваров, а уж затем со всем остальным войском направиться к Антиохии и по пути при любой возможности сражаться с варварами.

Самодержец позвал к себе Иоанна Дуку, своего шурина, передал ему войска, набранные в различных областях, и флот, достаточно сильный для осады приморских городов; он передал ему и дочь Чакана, взятую в плен со всеми, кто оказался в то время в Никее; Алексей велел Иоанну повсюду объявлять о взятии Никеи, а если ему не будут верить, показывать дочь Чакана турецким сатрапам и живущим на побережье варварам, чтобы те, которые владели названными выше городами, увидя ее и удостоверившись во взятии Никеи, отдали города без боя. Снабдив Иоанна всем необходимым, император отослал его. Какой трофей воздвиг Иоанн в память победы над Чаканом и каким образом он прогнал турка, покажет мой дальнейший рассказ.

Иоанн Дука, мой дядя по матери, простившись с императором, выступил из столицы, переправился в Авид и, призвав к себе человека по имени Каспак 1116, поручил ему командование флотом и управление всей морской экспедицией в целом, обещав, если он будет хорошо сражаться и возьмет Смирну, сделать его правителем города со всеми окрестностями. Итак, Иоанн отправил Каспака, как я сказала, по морю в качестве талассократора флота, а сам остался на суше как тагматарх 1117. Когда жители Смирны увидели, что к ним приближаются одновременно по морю Каспак с флотом, по суше – Иоанн Дука (в то время как Каспак вошел в гавань, Иоанн разбил лагерь на некотором расстоянии от городских стен), они, зная уже о взятии Никеи, отказались от всякого сопротивления и

предпочли вступить в мирные переговоры, пообещав сдать Смирну без боя и кровопролития, если Иоанн Дука поклянется, что предоставит им возможность невредимыми вернуться на родину. Дука согласился на предложение Чакана и обещал все точно исполнить. Изгнав турок из Смирны мирным путем, он передал всю власть в ней Каспаку. В это время произошел следующий случай.

Когда Каспак возвращался от Иоанна Дуки, к нему подбежал житель Смирны и стал обвинять одного сарацина в том, что тот отнял у него пятьсот золотых статиров. Каспак велел увести обоих и разобрать спор. Когда потащили сарацина, тот решил, что его ведут убивать; отчаявшись спастись, он обнажил кинжал и всадил его Каспаку в живот, а затем, повернувшись, ранил в бедро и его брата. Поднялась паника, сарацин убежал, а все моряки и даже гребцы беспорядочной толпой ворвались в город и стали безжалостно убивать всех без разбора. Это было ужасное зрелище – в один миг было убито около десяти тысяч человек. Иоанн Дука, погоревав над Каспаком, вновь ушел в заботы о крепости 1118. Выйдя из Смирны, он осмотрел стены, разузнал у сведущих людей о настроении жителей и, так как на пост дуки Смирны требовался мужественный человек, он назначил Иалея, которого считал лучшим из людей, – это был очень воинственный муж.

Оставив весь флот для охраны Смирны, Дука с войском отправился к Эфесу, который был в руках сатрапов Тэнгри-Бэрмиша и Марака 1119. Видя его приближение, варвары вооружились и выстроили свои фаланги боевыми рядами на равнине перед крепостью. Не медля ни мгновения, войска Дуки, сохраняя боевой строй, устремились на них. Завязалась битва, занявшая большую часть дня. Сражались обе стороны, и исход, битвы был неясен, но затем турки обратили тыл и устремились в паническое бегство. При этом многие были убиты, а в плен взяты не только рядовые воины, но и многие сатрапы; всего пленных было две тысячи. Узнав о пленных, император приказал рассеять их по островам. Остальные турки отправились по реке Меандр в Поливот. Настроены они были высокомерно и считали, что совсем отделались от Дуки. Но вышло все не так: оставив дукой города Пенея, он со всем войском гоплитов, следуя советам самодержца, отправился за турками не беспорядочно, а в хорошем строю, как и подобает идти на врага опытному полководцу.

Как уже было сказано, турки, держа путь по Меандру и расположенным вдоль него городам, достигли Поливота. Дука же не устремился за ними по их следам, а отправился кратчайшим путем, с налету занял Сарды и Филадельфию и поручил их охрану Михаилу

Кекавмену. Затем он подошел к Лаодикии, где все жители сразу вышли к нему навстречу. За то, что они сделали это добровольно, Дука безбоязненно разрешил им самим распоряжаться городом и не назначил своего правителя. Потом он, пройдя через Хому, прибыл в Лампи 1120 и здесь назначил стратигом Евстафия Камицу. Дойдя до Поливота, он застал там множество турок, стремительно напал на них в тот момент, когда они складывали снаряжение, наголову разбил их, многих убил и взял большую добычу, соответствовавшую численности врага.

6. В то время как Дука сражался с турками и еще не вернулся, самодержец уже был готов выступить на помощь кельтам в Антиохии. Он прибыл со всем войском в Филомилий, убив по дороге много варваров и разорив много городов, прежде ему подвластных. В Филомилии к нему из Антиохии через Тарс явились Вильгельм Грантмесниль 1121, Стефан, граф Франкии 1122, и Петр, сын Алифы 1123, спустившиеся на веревках 1124 со стен Антиохии; они уверяли, что кельты находятся в очень тяжелом положении, и клялись, что их ждет неминуемая гибель.

Поэтому император решил еще быстрей двигаться на помощь кельтам, хотя все и удерживали его от этого. В то же время повсюду разнеслась весть, что несметное число варваров, выступивших против самодержца, уже совсем близко. Дело в том, что султан Хорасана, узнав о намерении самодержца оказать помощь кельтам, послал против него собственного сына, по имени Исмаил 125. Султан собрал огромные силы в Хорасане и в отдаленных областях, хорошо вооружил всех воинов и отправил их с приказом настичь самодержца, прежде чем он дойдет до Антиохии. Таким образом, самодержец стремился выступить на помощь кельтам и поскорей уничтожить кипевших яростью турок вместе с их предводителем Кербогой, но его удержало сообщение прибывших франков 1126 и известие о выступлении Исмаила. Размышляя о наиболее вероятном ходе событий, император считал невозможным спасти город, недавно захваченный кельтами, которые, еще не успев там утвердиться, сразу же были осаждены агарянами – ведь кельты потеряли надежду на спасение, хотели оставить неприятелю беззащитные стены и думали лишь о бегстве.

И в самом деле, наряду с другими свойствами племя кельтов отличается своеволием и нежеланием слушать советы; оно никогда не придерживается ни дисциплины, ни военной науки. Во время боя гнев рычит в них, и все они – рядовые воины и предводители – делаются неукротимыми, врываясь во вражескую фалангу. Они неудержимы, если только их противник хоть немного дрогнет, но если неприятель устроит засады но правилам военной науки и искусно будет с ними бороться, их

отвага переходит в другую крайность. В общем первый натиск кельтов неудержим, но затем их очень легко одолеть из-за их тяжелого оружия и бешеного, безрассудного нрава.

Вот почему самодержец, не имея достаточных сил для борьбы с таким множеством врагов и будучи не в состоянии изменить нрав кельтов или добрым советом склонить их к разумным действиям, решил не двигаться дальше, дабы, спеша на помощь Антиохии, не потерять и самого Константинополя. Алексей опасался, что его настигнут несметные полчища турок и тогда жители окрестностей Филомилия станут жертвой варварских мечей, поэтому он решил повсюду объявить о нашествии агарян; тотчас же было объявлено, чтобы все мужчины и женщины ушли до нашествия врагов, спасая жизнь за добро, которое можно унести с собой.

Все сразу же решили следовать за императором, не только мужчины, но даже и женщины...1127. Так распорядился самодержец относительно пленных. Он выделил часть воинов и, разделив их на несколько групп, разослал в разных направлениях, с тем чтобы, наткнувшись на какой-нибудь отправившийся в набег отряд, они сразились с ним и в упорном бою задержали наступление агарян. Сам же Алексей со всей: толпой пленных варваров и присоединившихся: к нему христиан вернулся в царственный город 1128.

Когда архисатрап Исмаил узнал, что самодержец по выходе из Константинополя совершил много убийств, начисто разграбил по пути все селения, взял большую добычу, многих увел в плен и возвращается в царственный город, ничего не оставив ему, Исмаилу, он понял, что птичка улетела от него, и растерялся. Обратившись в другую сторону, он решил осаждать Паиперт 1129, который незадолго до того взял знаменитый Феодор Гавра. Дойдя до реки близ Паиперта, Исмаил расположил там все свое войско. Узнав об этом, Гавра замыслил напасть на него ночью. Но чем кончилось дело у Гавры, каков он был и откуда родом, об этом пойдет речь в соответствующем месте, а сейчас продолжим рассказ 1130.

Латиняне, сильно страдая от голода и непрерывной осады, обратились к своему епископу Петру, который, как уже было сказано, потерпел до этого поражение под Еленополем 1131, и попросили у него совета. Он же сказал им: «Вы дали обет хранить чистоту до тех пор, пока не будете в Иерусалиме. Боюсь, что вы нарушили этот обет, поэтому бог теперь не помогает вам, как прежде. Обратитесь к господу, покайтесь в своих грехах; облекшись во вретище, осыпав себя пеплом, явите свое раскаянье горячими слезами и всенощными. Тогда и я постараюсь вымолить вам

милость у бога». Они последовали наставлениям епископа. Через несколько дней епископ созвал по божьему внушению наиболее знатных графов, велел им копать справа от алтаря и найти таи святой гвоздь. Они сделали то, что им было приказано, но, ничего не найдя, налет духом, вернулись и сообщили о неудаче. Тогда епископ еще ревностней сотворил молитву и приказал с еще большим усердием возобновить поиски. Они вновь исполнили повеление, нашли то, что искали, и, объятые ликованием и дрожью, побежали с находкой к Петру 1132.

Этот свято чтимый гвоздь они доверили с тех нор носить в сражениях Исангелу как чистейшему из всех. На следующий день через потайные ворота они выступили против турок. При этом граф Фландрский просил остальных уступить ему в единственной просьбе – позволить первому, всего с тремя воинами, напасть на турок. Его просьба была удовлетворена. В то время как фаланги, выстроившись поотрядно, стояли друг против друга и готовились начать сражение, граф Фландрский сошел с коня и, трижды простершись на земле, воззвал к богу о помощи; Все воскликнули: «С нами бог!», а он во весь опор устремился на самого Кербогу, стоявшего на холме. Быстро метнув копья, они повергли наземь встретившихся с ними лицом к лицу турок. Устрашенные турки, вместо того чтобы вступить в бой, видя, что божья сила помогает христианам, обратились в бегство. Во время бегства большая часть варваров была подхвачена водоворотами рек и утонула, а их тела образовали как бы мост для бежавших позади 1133.

После длительного преследования кельты повернули назад и заняли турецкий лагерь, где нашли все снаряжение варваров. Они хотели тут же забрать с собой всю собранную турками добычу, но она была столь велика, что лишь в течение тридцати дней ее с трудом удалось перенести в Антиохию. Здесь кельты ненадолго задержались, чтобы передохнуть от тягот войны; в то же время они, беспокоясь об Антиохии, искали человека для охраны города 1134. Им оказался не кто иной, как Боэмунд, домогавшийся этого еще тогда, когда город не был взят. Предоставив ему всю власть в городе, они сами отправились в Иерусалим 1135. По дороге они захватили много приморских городков; те же, которые были лучше укреплены и требовали более длительной осады, они, спеша к Иерусалиму, пока не трогали. Окружив его стены и приступив к осаде, они после месяца непрерывных штурмов взяли город 1136 и убили много жителей – сарацин и евреев 1137. Когда же все покорились и уже никто не оказывал сопротивления, они вручили всю власть Готфриду и назвали его королем 1138.

7. Когда властитель Вавилона 1139 Америмн 1140 узнал о походе кельтов, о том, как был взят ими Иерусалим и что даже Антиохия и многие другие окружающие ее города захвачены кельтами, он немедленно собрал и выслал против них большое войско из армян и арабов, из сарацин и агарян. Кельты, узнав об этом от Готфрида, тотчас же вооружились, подошли к Яффе и стали ожидать их прибытия. Затем они перешли оттуда в Рамлу, где принял муку великомученик Георгий, встретились с войском Америмна и вступили с ним в бой. Победу быстро одержали кельты.

На следующий день вражеский авангард напал на них сзади; латиняне были разбиты и спаслись бегством в Рамлу. Только графа Балдуина не было с ними: он бежал еще раньше – не из трусости, а чтобы позаботиться о своем собственном спасении и достать войско для борьбы с вавилонянами. Вавилоняне же подступили к Рамле, осадили ее со всех сторон и вскоре взяли. При этом много латинян было убито, еще больше было пленниками уведено в Вавилон. Затем все вавилонское войско поспешно обратилось к осаде Яффы. Так всегда поступают варвары. Балдуин же, о котором было сказано выше, объехал все захваченные франками селения и собрал там немало всадников и пехотинцев; он составил из них значительное войско, напал на вавилонян и нанес им сильное поражение 1141.

Император, услышав о поражении латинян под Рамлой, был очень огорчен пленением графов 1142. Зная их цветущий возраст, силу и славное, как у древних героев, происхождение, он не мог стерпеть, чтобы они оставались пленниками на чужбине. Поэтому он позвал к себе некоего Вардала, послал его в Вавилон, дал ему много денег для выкупа и вручил ему письмо к Америмну относительно графов 1143. Прочтя письмо самодержца, Америмн отпустил всех графов охотно и без вознаграждения, за исключением Готфрида 1144. Его он еще раньше вернул за выкуп его брату, Балдуину. Император принял с почетом прибывших в столицу графов, дал им много денег и, когда они хорошо отдохнули, довольными отправил на родину. Готфрид же, восстановленный в сане короля Иерусалима, послал своего брата Балдуина в Эдессу 1145.

Тогда же самодержец приказал Исангелу поручить Лаодикию 1146 Андронику Цинцилуку, а Мараклею 1147 и Валан 1148 – людям Евмафия (в то время дуки Кипра), самому же двинуться дальше и по мере сил стараться овладеть остальными крепостями 1149. Исангел, повинуясь письму императора, исполнил приказание 1150. Передав крепости вышеназванным лицам, он отправился к Антараду 1151 и овладел им без боя. При этом известии Атабег Дамасский 1152 собрал большие силы и

выступил в поход против Исангела. Поскольку у Исангела было слишком мало сил против такого огромного войска, он решился на решение скорее разумное, чем храброе. Доверившись местным жителям, он сказал им: «Я укроюсь, где-нибудь в этой огромной крепости, а вы, когда придет Атабег, не открывайте ему правды, а уверьте его, что я в испуге бежал».

Атабег, придя, спросил про Исангела. Поверив, что тот убежал, он, усталый с дороги, разбил свою палатку вблизи стен крепости. Поскольку жители проявили к нему полное дружелюбие, турки, ничего не подозревая и не опасаясь никаких враждебных действий, выпустили коней на равнину. В полдень, когда солнце отвесно бросает свои лучи, Исангел хорошо вооружился и, внезапно открыв ворота, ворвался со своими воинами (их было около четырехсот) в середину турецкого лагеря. Не щадя жизни, вступили с ним в бой те из турок, кто привык мужественно сражаться, а остальные пытались найти спасение в бегстве. Но широкая долина, где не было ни болота, ни холма, ни оврага, отдала их в руки латинян. Все они стали жертвой мечей; в плен были взяты немногие. Так, хитростью победив турок, Исангел отправился в Триполи 1153.

Быстро придя туда, Исангел сразу же занял вершину холма, который возвышается около Триполи и составляет часть Ливанских гор. Он хотел использовать его как укрепление и в то же время перехватить воду, текущую с Ливана в Триполи по склону этого холма. Затем он сообщил обо всем случившемся императору и просил его соорудить надежное укрепление, до того как из Хорасана подойдут еще более крупные силы. Император поручил строительство этой крепости дуке Кипра и приказал ему срочно отправить с флотом в указанное Исангелом место все необходимые материалы и строителей. Вот все, что случилось к этому времени 1154.

Исангел разбил свой лагерь возле Триполи и, пустив в ход все средства, неустанно стремился овладеть городом. Боэмунд, узнав, что Цинцилук вошел в Лаодикию, перестал скрывать ту вражду к самодержцу, которую питал в глубине души, и послал своего племянника Танкреда с крупными силами для осады Лаодикии. Как только слух об этом дошел до Исангела, он без малейшего промедления прибыл к Лаодикии, встретился для переговоров с Танкредом и всяческими доводами стал убеждать его снять осаду крепости. Но после долгого разговора, увидев, что он не сумел склонить Танкреда на свою сторону и поет песни глухому, Исангел удалился оттуда и вернулся к Триполи. Танкред же отнюдь не отказался от осады. Цинцилук, видя упорство Танкреда и трудность своего собственного положения, запросил помощи с Кипра. Но так как на Кипре

медлили, он оказался в отчаянном положении и, мучимый осадой и голодом, предпочел сдать крепость 1155.

8. Тем временем, место Готфрида 1156 ввиду его смерти должен был занять новый король. Те латиняне, что были в Иерусалиме, тотчас же призвали из-под Триполи Исангела 1157. Но он все время откладывал свой отъезд. Когда же он отправился в столицу 1158 и в Иерусалиме поняли, что он там медлит, они послали за Балдуином, находившимся тогда в Эдессе, и сделали его королем Иерусалима 1159. Император радостно встретил Исангела. Узнав о том, что власть в Иерусалиме получил Балдуин, он удерживал у себя Исангела до тех пор, пока не прибыло войско норманнов под предводительством двух братьев, которых звали Бьяндраты 1160.

Император много раз советовал им двигаться тем же путем, что и предыдущие отряды, идти на Иерусалим вдоль берега и таким образом соединиться с остальным войском латинян. Но он не смог убедить их, так как они и не собирались соединяться с франками, а хотели идти другой дорогой, на восток, напрямик подойти к Хорасану и захватить его 1161. Император, зная неудобства этого пути и не желая гибели такого большого войска (а их было пятьдесят тысяч всадников и сто тысяч пехотинцев 1162), стал, как говорится, действовать другим путем. Убедившись, что они его не слушаются, он позвал Исангела и Циту и отправил их вместе с норманнами, чтобы они давали им добрые советы и по возможности обуздывали их неразумные порывы 1163. Переправившись через Кивотский пролив и стремясь к Армениаку, норманны подошли к Анкире 1164 и с ходу овладели ею. Затем они переправились через Галис и подошли к одному городку. Его жителями были ромеи, и священники, надев священное облачение, неся в руках кресты и евангелия, смело вышли к христианам-норманнам. Но норманны бесчеловечно и жестоко убили не только священников, но и остальных христиан и беззаботно продолжали свой путь по направлению к Амасии.

Турки, опытные в военном искусстве, заняли все селенья на пути норманнов и сожгли все продовольствие, а затем с силой напали на них самих. Победу одержали турки. Это было в понедельник 1165. Турки разбили шатры, устроили лагерь и сложили все снаряжение. На следующий день войска сразились снова. Турки окружили кельтов шатрами и не давали им ни выйти за продовольствием, ни вывести вьючный скот и лошадей на водопой. Кельты, уже предвидя гибель, не жалели больше жизней и на другой день – это была среда, – хорошо вооружившись, завязали бой с варварами. Турки взялись было за копья и

луки, но не стали ими сражаться, а выхватили из ножен и обнажили мечи, бросились в рукопашный бой и сразу же обратили норманнов в бегство. Норманны, добравшись до своего лагеря, стали искать чьего-нибудь совета.

Но благородного самодержца, их лучшего советчика, которым они пренебрегли, не было с ними. Им оставалось лишь «спросить мнение Исангела и Циты; при этом они осведомились, нет ли поблизости какой-нибудь территории, подвластной самодержцу, чтобы там укрыться. Оставив в лагере снаряжение, палатки и всех пехотинцев, они сели на коней и как можно быстрей помчались к приморской части Армениака и к Павраку 1166. Турки же все разом ворвались в лагерь и полностью его разграбили. Затем они бросились преследовать норманнов, настигли и уничтожили пехоту, а некоторых воинов взяли в плен и увезли в Хорасан, чтобы показать их своим 1167.

Вот какие подвиги совершили турки в борьбе с норманнами. Исангел и Цита с немногими уцелевшими всадниками прибыли в царственный город 1168. Самодержец принял их, дал много денег и, когда они отдохнули, спросил, куда они намерены теперь отправиться. Они пожелали в Иерусалим. Самодержец щедро одарил латинян и отправил их морем, предоставив все на их усмотрение. Исангел покинул столицу 1169 с намерением вернуться к своему войску и вновь подошел к Триполи в жажде овладеть этим городом 1170. Но потом на него напала смертельная болезнь, и, прежде чем испустить последний вздох, он позвал к себе своего племянника Вильгельма1171, передал ему как бы в наследство все завоеванные им крепости и назначил его предводителем своих войск. Узнав о смерти Исангела 1172, самодержец сразу же отправил дуке Кипра письмо с приказом 1173 послать к Вильгельму Никиту Халинца с большой суммой денег, дабы склонить Вильгельма на сторону самодержца и побудить его принести присягу в том, что он будет хранить нерушимую верность императору, как хранил ее до самой своей кончины его покойный дядя Исангел.

9. Самодержец, узнав, что Лаодикия взята Танкредом, отправил Боэмунду письмо следующего содержания: «Тебе известны клятвы и обещания, которые давал Ромейской империи не ты один, но все вы. Теперь же ты, первый нарушив клятву, завладел Антиохией и наряду с другими крепостями подчинил себе даже Лаодикию. Итак, уйди из Антиохии и изо всех других городов, как требует справедливость, и не навлекай на себя новую войну». Боэмунд прочел императорское письмо и, не имея возможности прибегнуть к обычной своей лжи – факты с полной

очевидностью свидетельствовали об истине, – сделал вид, что согласен с содержанием письма, а виновником всех зол, свершенных им самим, объявил императора и написал ему так: «Виноват в этом не я, а ты. Обещав следовать за нами с большими силами, ты не захотел подтвердить свое обещание делом. Мы же, подступив к Антиохии, три месяца 1174 сражались с неприятелем, терпя много лишений, и испытали такой голод, какой не испытывал еще никто из людей, так что многие из нас ели даже мясо, запрещенное законом 1175. В то время как мы стойко переносили все это, тот, кого ты дал нам в помощники, верный слуга твоего владычества Татикий, бросил нас среди всех опасностей и ушел 1176. Мы вопреки всякой вероятности взяли город и даже обратили в бегство пришедшие на помощь антиохийцам войска из Хорасана. Справедливо ли, чтобы мы так легко оставили то, что добыто нашим потом и страданиями?» 1177

Когда император по возвращении послов прочел письмо Боэмунда, он понял, что это по-прежнему тот же самый Боэмунд, нисколько не изменившийся к лучшему; он понял, что необходимо стеречь границы Ромейской империи и по мере возможности пресекать необузданные замыслы Боэмунда. Поэтому он послал с Вутумитом в Киликию большое войско, в том числе отборных представителей воинского сословия – отважных людей, щитоносцев Арея; среди них выделялись Барда и главный виночерпий Михаил, оба во цвете лет и с первым пушком на щеках. Еще с детства самодержец взял их к себе, обучил воинскому делу и вручил их Вутумиту как самых преданных людей вместе с тысячью других отважных кельтов и ромеев. Они должны были сопутствовать Вутумиту и во всем ему подчиняться, но в то же время секретными письмами постоянно извещать императора обо всех событиях. Император спешил захватить всю Киликию, чтобы облегчить себе затем поход против Антиохии.

Вутумит выступил со всем войском и достиг Атталии. Там Вутумит обнаружил, что Варда и главный виночерпий Михаил не подчиняются его воле, и тогда, чтобы не взбунтовалось войско, а все труды не оказались напрасны и ему бы не пришлось покинуть Киликию безо всякого результата, он немедленно сообщил обо всем самодержцу и просил избавить себя от их присутствия. Самодержец, зная, какой вред приносят обычно подобные вещи, быстро обратил их обоих и всех других казавшихся ему подозрительными к другим начинаниям. Он в письме приказал обоим юношам немедленно отправиться на Кипр, находиться при Константине Евфорвине, получившем в то время власть дуки острова

Кипра, и во всем ему подчиняться. Они были рады письму и быстро отплыли на Кипр. Однако юноши и к дуке Кипра все то недолгое время, что у него провели, относились со своим обычным бесстыдством. В результате и он стал косо смотреть на них. Оба юноши, помня постоянную заботу о них императора, в письмах постоянно нападали на дуку и просили отозвать их в Константинополь. Самодержец, который вместе с ними отправил на Кипр и других знатных людей, казавшихся ему подозрительными, распечатав их письма, испугался, как бы юноши не заразили своим недовольством и других, поэтому тотчас же приказал Кантакузину взять их с собой. Тот прибыл в Киринию, вызвал их и забрал с собой.

Вот все про Варду и про главного виночерпия Михаила. Что же до Вутумита, то он с Монастрой и с оставшимися при нем отборными командирами прибыл в Киликию. Обнаружив, что армяне уже заключили договор с Танкредом, Вутумит миновал их земли и, дойдя до Мараша, овладел им и всеми соседними городками и селеньями. Он оставил большое войско для охраны всей этой территории под началом полуварвара Монастры, о котором упоминалось во многих местах моего повествования, а сам вернулся в царственный город 1178.

10. Выступившие в поход на Иерусалим франки, стремясь к завоеванию сирийских городов, многое обещали епископу Пизы за поддержку в достижении их цели. Их уговоры подействовали, и оп, заручившись поддержкой еще двоих епископов, живших у моря, не стал медлить. Снарядив диеры и триеры, дромоны и другие самые быстроходные суда, числом около девятисот, он направился к франкам 1179. При этом он отделил значительную часть своих кораблей и отправил их грабить Корфу, Левкаду, Кефалинию и Закинф.

Император, получив об этом известие, приказал строить корабли во всех областях Ромейской империи 1180. Немало кораблей стал он сооружать и в самом царственном городе. Сам же он время от времени совершал объезды на монере и указывал строителям, что и как следует делать. Зная опытность пизанцев в морских боях и опасаясь сражения с ними, император поместил на носу каждого корабля бронзовую или железную голову льва или какого-нибудь другого животного, – позолоченные, с разинутой пастью, головы эти являли собой страшное зрелище. Огонь, бросаемый по трубам в неприятеля, проходил через их пасть, и казалось, будто его извергают львы или другие звери. Устроив все таким образом, он позвал к себе Татикия, только что вернувшегося из Антиохии, передал ему корабли и назвал его «светлейшая голова». Общее

командование флотом он поручил Ландульфу и назначил его, как самого опытного в морской войне, великим дукой.

Покинув столицу в апреле 1181, они с ромейским флотом прибыли к Самосу, причалили к суше и сошли на берег, чтобы покрыть корабли асфальтом и увеличить этим их прочность. Узнав, что мимо прошел пизанский флот, они отчалили и поспешили вслед за ним в направлении Коса. Пизанцы достигли острова утром, ромеи – к вечеру. Не застав пизанцев, ромеи отправились на Книд, расположенный у восточного материка. Приплыв туда, они снова упустили добычу, но нашли небольшое число оставшихся там пизанцев и спросили у них, куда направился пизанский флот. Те сказали, что к Родосу. Они тотчас же отчалили и вскоре настигли пизанцев между Патарами и Родосом. Увидев их, пизанцы выстроились в боевом порядке и приготовили к бою не только мечи, но и сердца. Когда ромейский флот подошел, один комит 1182, родом из Пелопоннеса, по имени Перихит, искусный мореходец, едва увидев пизанцев, окрылил веслами свою монеру и как можно быстрей помчался на них. Он, как огонь, пронесся сквозь ряды пизанских кораблей и вернулся к ромейскому флоту.

Между тем ромейский флот не вступил в бой с пизанцами в правильном боевом строю, а напал на них быстро и беспорядочно. Сам Ландульф первым подплыл к пизанским кораблям, но неудачно метнул огонь 1183 и достиг лишь того, что огонь рассеялся. Комит по имени Элеимон отважно атаковал с кормы большой корабль, однако его судно зацепилось за руль вражеского и не смогло отплыть. Элеимон попал бы в плен, если бы немедленно не кинулся к снарядам, не бросил в пизанцев огонь и не поразил цель. Затем он быстро повернул корабль и тотчас же поджег еще три огромных варварских корабля. Между тем внезапно разгулявшийся ветер взволновал море, стал трепать корабли и грозил вот-вот потопить их (волны бушевали, реи скрипели и паруса рвались). Варвары, испуганные огнем (ведь они не привыкли к снарядам, благодаря которым можно направлять пламя, по своей природе поднимающееся вверх, куда угодно – вниз и в стороны) и устрашенные бурей, решили обратиться в бегство.

Так поступили варвары; ромейский же флот пристал к островку Севтлосу. На рассвете они ушли оттуда и причалили к Родосу. Сойдя с кораблей, они вывели на берег своих пленников, в том числе и племянника самого Боэмунда, и стали угрожать им, что продадут их всех в рабство или убьют. Но видя, что пленники невозмутимы и не боятся рабства, ромеи тотчас же перебили их.

Уцелевшая часть пизанского флота занялась грабежом попадавшихся им на пути островов, в том числе и Кипра. Евмафий Филокал, который был там в то время, выступил против них. Оставшиеся на кораблях, поддавшись страху и не заботясь более о тех, кто отправился в набег, бросили большую часть своих на острове, а сами в беспорядке отчалили и поплыли к Лаодикии, имея намерение соединиться с Боэмундом 1184. Прибыв туда, они явились к нему и сказали, что стремятся к дружбе с ним. Верный себе, Боэмунд принял их с радостью. Когда же те, кто был занят грабежом и брошен на острове, вернулись и не нашли своего флота, они в отчаянии бросились в море и утонули.

Талассократоры ромейского флота, в том числе и Ландульф, прибыли на Кипр и, собравшись, решили начать переговоры о мире. Все пришли к единому мнению, и к Боэмунду был отправлен Вутумит. Боэмунд принял его и продержал у себя целых пятнадцать дней. Поскольку Лаодикию уже охватил голод, а Боэмунд оставался Боэмундом, нисколько не изменился и не научился ценить мир, он позвал к себе Вутумита и сказал ему: «Ты пришел сюда совсем не ради мира и дружбы, а чтобы поджечь мои корабли. Уходи отсюда; хватит с тебя и того, что остался цел».

Вернувшись от Боэмунда, Вутумит застал тех, кто его посылал, в гавани Кипра. Из слов Вутумита они еще ясней поняли, что Боэмунд из-за своего дурного нрава ни в коем случае не примирится с самодержцем, поэтому они подняли паруса и поплыли по водяным дорогам в столицу. Но около Сики 1185 на море поднялось сильное волнение, разразилась большая буря, и все корабли, кроме тех, которыми командовал Татикий, полуразбитые, были выброшены на берег.

Так обстояли дела с пизанским флотом. Боэмунд же, человек по природе чрезвычайно дурной, испугался, как бы император раньше него не захватил Курик, не ввел в гавань ромейский флот, не установил на Кипре свой контроль и не стал задерживать союзников Боэмунда, прибывавших к нему из Лонгивардии по анатолийскому побережью. Рассуждая таким образом, он сам решил отстроить Курик и удержать порт. Некогда хорошо укрепленный город, Курик в последнее время был сильно разрушен. Но самодержец, заботясь о том же и разгадав замыслы Боэмунда, послал евнуха Евстафия, возведенного с должности каниклия 1186 на пост великого друнгария флота, с поручением спешно занять Курик и как можно скорей его отстроить. Он велел также отстроить расположенную в шести стадиях от Курика крепость Селевкию 1187, оставить в обоих городах крупные военные силы и назначить дукой Стратигия Страва, человека малого роста, но большого знатока военного дела. Кроме того, он

приказал ввести в гавань большой флот, поручив ему помогать Кипру и бдительно подстерегать тех, кто будет идти на помощь Боэмунду из Лонгивардии.

Итак, вышеназванный друнгарий флота отправился в путь и, предупреждая замыслы Боэмунда, восстановил Курик и привел его в прежнее состояние. Сразу после этого он отстроил Селевкию, окружил ее рвом, оставил в обоих городах значительные силы под началом дуки Стратигия, спустился в порт, оставил там, согласно указаниям императора, сильный флот и вернулся в столицу, где удостоился больших похвал и щедрых даров самодержца 1188.

11. Вот все о Курике. Год спустя 1189 император узнал, что генуэзский флот тоже готовится выйти на помощь франкам. Алексей предвидел, что и генуэзцы могут нанести немалый ущерб ромейской империи, и поэтому по суше отправил с крупными силами Кантакузина, а с флотом спешно снарядил и послал Ландульфа, которому приказал без промедления прибыть к южному побережью 1190 и завязать бой с генуэзцами, когда те будут проходить мимо. Когда флот плыл к месту назначения, разразилась жестокая буря, повредившая много кораблей. Их вытащили на берег и тщательно осмолили.

Между тем Кантакузин узнал, что генуэзский флот, плывущий вдоль южного побережья, находится где-то поблизости. Исполняя приказ самодержца, он поручил Ландульфу отвести восемнадцать кораблей (это все, что осталось в море; остальные были вытащены на берег) к мысу Малея 1191, поставить их там на якорь, а когда мимо будут проходить генуэзцы, немедленно завязать бой – если Ландульф на это отважится – или спасать себя, корабли и матросов и укрыться в Короне. Ландульф отправился, но, увидав большой флот генуэзцев, отказался от боя и поспешно прибыл в Корону.

Кантакузин же собрал, как и нужно было, весь ромейский флот, погрузил своих людей и на всех парусах поспешил вдогонку за генуэзцами. Не догнав их, он направился в Лаодикию, чтобы обратить все свои помыслы на войну с Боэмундом. Приступив к делу, он захватил гавань и, не прекращая осаду ни днем, ни ночью, штурмовал стены 1192.

Впрочем, он ничего не достиг; тысячу раз наступал, тысячу раз терпел неудачу: то он пытался примириться с кельтами, но не мог убедить их, то вступал в бой, но терпел поражение. Наконец, он за трое суток построил между берегом и стенами Лаодикии небольшую круглую стену из нецементированных камней и под ее прикрытием внутри в короткий срок воздвиг укрепление из камней, скрепленных цементом, чтобы

использовать его как опорный пункт для дальнейшего штурма. Кроме того, с двух сторон у входа в гавань он построил по башне и протянул между ними железную цепь, чтобы преградить путь кораблям, которые должны были прийти на помощь кельтам. В это же время он захватил много небольших прибрежных городков: Аргирокастр 1193, Маркаб 1194, Гавал 1195 и другие, вплоть до окрестностей Триполи. Прежде эти города платили дань сарацинам, позднее самодержец потом и кровью присоединил их к Ромейской державе 1196.

Император решил, что Лаодикию необходимо осадить не только с моря, но и с суши, ведь он, способный мгновенно постичь нрав человека, уже давно был знаком с коварством и кознями Боэмунда и в точности изучил его хитрость и непокорство. И вот Алексей позвал Монастру и послал его с большим войском по суше, чтобы он вместе с Кантакузином – один с моря, другой с суши – осадил Лаодикию. Но Кантакузин еще до прибытия Монастры овладел и гаванью и самим городом; акрополь же, который теперь вошло в обычай называть «кула», еще удерживали кельты – пятьсот пехотинцев и сто всадников.

Боэмунд, услышав о взятии прибрежных городов и узнав от графа – защитника акрополя Лаодикии – о нехватке продовольствия в городе, соединил все свои отряды с войсками своего племянника Танкреда и Исангела, нагрузил мулов всевозможными припасами, прибыл в Лаодикию и быстро доставил продовольствие на кулу. Затем Боэмунд вступил в переговоры с Кантакузином и сказал ему следующее: «С какой целью ты строишь все это?» Тот ответил: «Вы, как известно, обещали служить самодержцу и клятвенно обязались вернуть взятые вами города. А теперь ты сам преступил клятву и нарушил условия мира; взяв этот город, ты передал его нам, а теперь передумал и вновь владеешь им 1197, видно, я напрасно явился сюда, надеясь принять города, завоеванные вами». Боэмунд сказал: «Золотом или железом собираешься ты взять у нас эти города?» Тот ответил: «Золото я дал моим спутникам, чтобы храбрей сражались». Тогда Боэмунд сказал с гневом: «Без денег, да будет тебе известно, ты не получишь и маленькой крепости». И тотчас приказал своей коннице приблизиться к самым воротам города.

Воины Кантакузина, осаждавшие городские стены 1198, осыпали приближавшихся к стенам франков градом стрел и отбросили их на некоторое расстояние. Но Боэмунд сразу же собрал их всех снова и вошел в акрополь. Боэмунд заподозрил защищавшего акрополь графа и его кельтов, прогнал их и передал командование другому графу. Он уничтожил также все виноградники, чтобы они не мешали наступлению

конницы латинян. После этого ушел в Антиохию. Кантакузин же упорно продолжал осаду города, прибегал к тысячам всяких уловок, ухищрений и осадными машинами непрерывно приводил в замешательство латинян на акрополе. Между тем Монастра, двигаясь с конным войском по суше, захватил Лонгиниаду 1199, Тарс, Адану, Мамисту и полностью всю Киликию 1200.

12. Боэмунд, опасаясь угроз самодержца и не имея никаких средств для защиты (у него не было ни большого войска на суше, ни флота на море, а опасность уже надвигалась на него со всех сторон), задумал нечто очень низкое и очень подлое. Прежде всего, оставив Антиохию своему племяннику Танкреду, сыну Маркиза 1201, он повсюду распустил слух, что Боэмунд, мол, умер, и сам живой убедил весь мир в своей кончине.

Молва, как на крыльях, разнеслась повсюду, извещая о смерти Боэмунда. Когда Боэмунд нашел, что слухи уже достаточно распространились, он велел приготовить 1202 деревянный гроб и диеру для его перевозки; и вот живой покойник отплыл из Суди – это порт Антиохии – в Рим 1203. Так и доставляли его по морю как мертвого. Внешне казалось, что везут настоящего покойника; Боэмунд лежал в гробу, и где только они ни появлялись, варвары рвали на себе волосы и громко рыдали. А тот лежал в гробу, вытянувшись, как мертвец, вдыхая и выдыхая воздух через потайные отверстия. Так было на берегу. Но как только корабль выходил в море, Боэмунду давали еду и ухаживали за ним, а потом снова начинались слезы и шарлатанство.

Чтобы от «трупа» шел запах и все думали, что он разлагается, они не то задушили, не то зарезали петуха и подкинули его «мертвому». Уже на четвертый или на пятый день от петуха пошел дух, нестерпимый для всех, кто не потерял обоняния. Обманутым людям казалось, что этот тяжелый дух исходит от Боэмунда. Больше всех наслаждался этой гадкой выдумкой сам Боэмунд, и я удивляюсь, как его нос мог вынести такую атаку, ведь Боэмунд живой лежал рядом с мертвечиной. Из этого случая я поняла, что все племя варваров не знает удержу в своих стремлениях и готово добровольно вытерпеть любые страдания. Вот и Боэмунд живой, умерший только для вида, не побоялся жить рядом с мертвечиной. В первый и единственный раз видела наша земля подобную хитрость варвара, целью которой было ниспровержение ромейского владычества. Никогда прежде ни варвар, ни эллин не придумывали против врагов ничего подобного, да и будущие поколения, я полагаю, такого не увидят.

Достигнув Корфу, найдя там спасительное убежище и оказавшись в безопасности, мнимый мертвец воскрес, покинул гроб, насладился

горячим солнцем, вдохнул чистого воздуха и пошел по городу. Жители, глядя на его чужеземную одежду, спрашивали, какого он рода и состояния, кто он, откуда прибыл и куда направляется.

А он, презирая их всех, искал дуку города. Дукой был некий Алексей из фемы Армениака. Явившись к нему, Боэмунд принял надменный вид и высокомерным тоном, как это свойственно варварам, потребовал передать самодержцу следующее: «К тебе обращается тот самый сын Роберта, Боэмунд, чье мужество и упорство уже давно познали и ты и твоя империя. Бог свидетель, ни в каких случаях я не терпел зла, причиненного мне. С тех пор как я через земли ромеев дошел до Антиохии и покорил своим копьем всю Сирию, я пережил много горького из-за тебя и твоего войска; меня манили от надежды к надежде и бросали в тысячи сражений и битв с варварами.

Но знай: умерев, я снова воскрес и ушел из твоих рук. Скрывшись под видом мертвеца от всех глаз, от всех рук и подозрений, я ныне живу, хожу, дышу воздухом и шлю отсюда, из Корфу, твоей царственности ненавистные тебе вести. Ведь ты не обрадуешься, узнав, что город Антиохию я поручил Танкреду, моему племяннику (а он достойный противник для твоих военачальников), что сам я возвращаюсь на родину. И хотя тебе и твоим людям сообщали, что я мертв, я и мои люди видят меня живого и полного вражды к тебе. Живой, я умер, и мертвый, воскрес, чтобы поколебать подвластную тебе Романию. Если я переправлюсь на другой берег, увижу лонгивардов, латинян и германцев и моих франков, верных сынов Арея, я не перестану заливать потоками крови твои земли и города, пока не водружу свое копье в самой Византии». Вот до какой наглости дошел этот варвар 1204!

Книга XII

1. Итак, я описала события после первой переправы Боэмунда, рассказала о кознях, которые он строил самодержцу, желая добыть себе скипетр Ромейской державы, о том, какой хитрый способ возвращения придумал Боэмунд и как он достиг цели, притворившись мертвым и морем прибыв на Корфу. Пусть же мое повествование обратится к последующим делам Боэмунда.

Прибыв, как уже говорилось, на Корфу, этот испускающий зловоние «мертвец» через дуку острова разразился угрозами по адресу самодержца (об этом уже сообщалось в моем повествовании), потом отплыл в Лонгивардию 1205 и там принялся за осуществление своего замысла: в намерения Боэмунда входило вновь занять Иллирик, и с этой целью он старался собрать больше союзников, чем раньше. Он завязал переговоры с франкским королем 1206 о браке, и король отдал одну из своих дочерей 1207 в жены самому Боэмунду, а другую отправил морем в Антиохию к племяннику Боэмунда – Танкреду 1208. Затем Боэмунд собрал отовсюду многотысячную армию, вызвал из всех областей и городов графов вместе с их войсками и ускорил переправу в Иллирик.

Когда до императора дошло известие, переданное ему Алексеем 1209, он сразу же направил письма во все области: Пизу, Геную и Венецию, заранее прося их жителей не позволить Боэмунду увлечь себя лживыми словами и перетянуть на свою сторону 1210. Ведь Боэмунд, объезжая все области и города, обрушивался с нападками на самодержца и называл его язычником и врагом христиан 1211.

Когда кельты, в бесчисленном множестве переправившись с Запада в Азию, как бич, обрушились на Антиохию, Тир и все соседние города и области, Вавилонец 1212 захватил триста графов, заключил их в оковы и бросил в тюрьму; в тюрьме их содержали строго, как в старые времена. Узнав о пленении графов и о всех выпавших на их долю несчастьях, самодержец стал терзаться душой и думать лишь об их освобождении. Призвав к себе Никиту Панукомита и снабдив деньгами, отправил его к Вавилонцу вместе с письмом 1213, в котором просил вернуть ему этих пленных графов и обещал султану всяческие блага, если только тот освободит пленников от оков и вернет им свободу. Вавилонец принял Панукомита, выслушал то, что сообщал ему самодержец, прочел письмо и сразу же освободил графов от оков и вывел их из тюрьмы. Он, однако, не предоставил им полной свободы, а передал их Панукомиту, для того чтобы

тот препроводил графов к самодержцу. При этом султан не взял ничего из отправленных ему денег. Один бог знает, почему он так поступил. Может быть, сумма была недостаточной для выкупа стольких графов, может быть, султан хотел избежать подозрения в сребролюбии, чтобы не показалось, будто он отдает пленников за плату, в то время как он от чистого сердца оказывал бескорыстную услугу императору, а может быть, Вавилонец просто рассчитывал на большее 1214.

Когда император увидел прибывших графов, он был очень удивлен нравом варвара и усердно расспрашивал бывших пленников обо всем, что с ними случилось. Узнав, что они в течение стольких месяцев находились в тюрьме, ни разу не видели солнца, не снимали оков и долгое время не вкушали иной пищи, кроме хлеба и воды, он, сочувствуя их страданиям, стал проливать горячие слезы. Он сразу же удостоил их многих милостей, пожаловал денег, подарил всевозможные одежды, отправил в баню и всячески старался облегчить им боль от перенесенных мук. Графы радовались благодеяниям самодержца, которые он оказал своим бывшим врагам и неприятелям, нарушившим данные ему клятвы и обещания, и ценили его незлобивость. Через несколько дней император призвал их и сказал: «На будущее я предоставляю вам право находиться в этом городе столько, сколько вы захотите. Если же кто-нибудь, вспомнив о близких, пожелает вернуться, пусть, попрощавшись с нами, беспрепятственно отправится на родину; он будет щедро снабжен деньгами и всем необходимым для дороги. Я хочу, чтобы у вас было право выбора, остаться вам или, уйти, чтобы вы поступали, как и подобает свободным людям, по своей воле». До поры до времени графы оставались с самодержцем, принимая, как было сказано, от него всевозможные знаки внимания, и всем сердцем привязались к нему.

Я уже сказала, что Боэмунд прибыл в Лонгивардию. Стремясь собрать войско больше, чем прежде, он стал объезжать все города и области и обрушиваться с нападками на самодержца, которого он во всеуслышанье называл язычником и человеком, всеми силами содействующим язычникам. Зная об этом, самодержец снабдил щедрыми дарами упомянутых графов и отправил их по домам. Сделал он это частично потому, что графы сами уже хотели вернуться в свои земли, частично, чтобы они опровергли наветы Боэмунда. Сам же он спешно отправился в Фессалонику, чтобы обучить военному искусству новобранцев и вместе с тем воспрепятствовать Боэмунду, собравшемуся, судя по слухам, переправиться из Лонгивардии на нашу территорию. И вот, возвратясь на родину, эти графы стали живыми уликами против Боэмунда, они называли

его обманщиком, в словах которого нет и грана истины, и нередко в лицо укоряли его за ложь. Они обличали Боэмунда во всех городах и областях и выставляли себя как надежных свидетелей.

2. Повсюду распространялась весть о предстоящей переправе Боэмунда. Самодержец, испытывая большой недостаток в воинах и нуждаясь в войске, не уступающем кельтским полчищам и способном противостоять им, не стал медлить и колебаться, а послал за военачальниками, находившимися в Келесирии, – я имею в виду Кантакузина и Монастру, из которых первый охранял Лаодикию, второй – Тарс 1215. Вызвав их оттуда, он не оставил без защиты охраняемые ими области и города: в Лаодикию он отправил с другим войском Пецея, в Тарс и все подвластные Монастре города и области – Аспиета 1216. Этот муж происходил из знатного армянского рода и, как утверждала тогда молва, был знаменит своим мужеством; правда, события не подтвердили его репутации, по крайней мере как полководца.

Дело в том, что властитель Антиохии Танкред, которого мы в своем повествовании оставили в Сирии, усиленно распространял слухи, что вскоре он прибудет в Киликию, дабы осадить ее и освободить из-под власти императора, поскольку эта страна де принадлежит ему и его оружием отвоевана у турок. Танкред не только повсюду распространял подобные слухи, но отправлял письма, содержащие еще более страшные угрозы. Эти письма ежедневно вручались и Аспиету. Танкред не только угрожал, но и осуществлял для острастки некоторые свои угрозы, а другие обещал исполнить в будущем. Он отовсюду набирал воинов – армян и кельтов, ежедневно тренировал их, обучал войско строить ряды и сражаться, а иногда и отправлял его в набеги, – это был дым, предшествующий огню; он также сооружал осадные машины и всяческим образом: готовился к осаде. Это о Танкреде.

А в это время армянин Аспиет пребывал в беспечности и устраивал у себя по ночам неумеренные попойки, будто ему некого было бояться, будто ему никто не угрожал и будто над его головой не нависла никакая опасность. И тем не менее это был мужественный человек, храбрый щитоносец Арея. Прибыв, однако, в Киликию, очутившись вдали от руки своего господина и самолично распоряжаясь всеми делами, он предался всякого рода наслаждениям. Таким образом, этот армянин превратился в женоподобного и распущенного человека и, когда настало время осады, проявил свое бессилие перед лицом неутомимого воина Танкреда. Его слух не оглушили громовые угрозы Танкреда, и он даже не взглянул на молнии, которые метал этот громовержец, явившийся, чтобы опустошить

Киликию.

Танкред неожиданно выступил в поход из Антиохии 1217 вместе с огромным войском; разделив его на две части, он одних своих воинов отправил сушей против городов Мопса, а других посадил на триеры и морем повел к реке Сарос. Эта река течет с севера с Таврских гор, протекает между двумя городами Мопса 1218 – разрушенным и существующим – и впадает в Сирийское море. Отплыв оттуда, корабли Танкреда приблизились к устью этой реки и поднялись к мостам, соединяющим оба города Мопса. Таким образом, город был окружен и подвержен ударам с обеих сторон. Прибывшие с Танкредом легко могли напасть на город с кораблей, а наступающие с материка – вести бой на суше. Аспиет, однако, вел себя так, как будто не случилось ничего необычного и густой рой неприятельских воинов не носился с жужжанием вокруг города; его мало заботили эти вещи, и я не знаю, о чем он только думал и почему поступал столь недостойно своего мужества. Такое поведение сделало его ненавистным всему императорскому войску. Какая судьба грозила бы киликийским городам, если бы их захватил столь грозный муж, как Танкред, который превосходил всех своих современников, был одним из наиболее опытных полководцев и к тому же никогда не знал неудач в осаде городов!

Может быть, кто-нибудь удивится, что для самодержца осталась тайной неопытность Аспиета в военном деле. Я могу сказать в защиту своего отца, что он был введен в заблуждение знатностью рода Аспиета: да, знаменитый род и славное имя этого человека сыграли немалую роль в его назначении. Ведь Аспиет был заметным человеком в роде Арсакидов 1219, и в его жилах текла царская кровь. Поэтому император и назначил его стратопедархом всего Востока 1220 и вознес на пьедестал, особенно после того как получил доказательство его мужества.

Когда, как я упоминала, мой родитель, самодержец, вступил в бой с Робертом, некий кельт, огромного роста, в пылу битвы пришпорил коня и с занесенным копьем, как вихрь, набросился на Аспиета. Аспиет схватился за меч, но получил от кельта сильный удар и был тяжело ранен копьем, которое задело его легкие и пронзило позвоночник. Тем не менее он не потерял мужества от удара и не вывалился из седла, а усевшись покрепче, ударил варвара по шлему и рассек надвое не только его шлем, но и голову. Тут же оба они падают с коней: кельт замертво, Аспиет – еще с признаками жизни. Слуги подняли истекавшего кровью Аспиета, оказали ему необходимую помощь и отнесли к самодержцу, которому они показали копье, рану и сообщили о смерти кельта.

Вспомнив тогда, не знаю каким образом, его исключительное мужество и смелость и приняв во внимание славный род его, самодержец направил Аспиета как способного полководца в Киликию для борьбы с Танкредом и назначил, как я уже писала, стратопедархом.

3. Но достаточно об этом. Военачальникам, находившимся на Западе, император направляет другие письма с приказом немедленно выступить к Сланице. Что же дальше? Может быть, призвав к себе бойцов, Алексей сам оставался бездеятельным, предался легкомысленному досугу и мылся в банях, как обыкновенно поступают императоры, предпочитающие животный образ жизни? Ни в коем случае! Император и часа не мог более оставаться во дворце. Покинув Византий, он, как говорилось выше, направился в западные области и в сентябре месяце четырнадцатого индикта на двадцатом году с того момента, как он взял в свои руки бразды правления 1221, явился в Фессалонику. Вместе с собой он принудил следовать и Августу.

Императрица обладала таким характером, что не хотела быть на людях, большей частью оставалась у себя дома и занималась своими делами – я имею в виду чтение книг святых мужей, молчаливые размышления, а также благотворительность и благодеяния людям, особенно тем, которые, как она заключала по их внешности и образу жизни, служили богу и проводили время в молитвах и антифонных песнопениях 1222. Когда какие-либо обязанности императрицы по необходимости заставляли ее показываться на людях, она исполнялась стыда, и румянец сразу же покрывал ее щеки. Ведь и любомудрая Феано 1223, когда кто-то, указывая на ее обнаженную руку, сказал шутливо «Какая красивая рука», ответила: «Но она не предназначена для всеобщего обозрения» 1224. Императрица же, моя мать, воплощение достоинства, сосуд святости, не только не любила выставлять на всеобщее обозрение свою руку и лик, но даже не желала, чтобы звук ее голоса достигал слуха людей, не входивших в ее обычное окружение. Такова была ее необыкновенная стыдливость. Но так как даже боги, как говорят, не могут сопротивляться необходимости, она была вынуждена сопровождать самодержца во время его частых военных походов.

Природная стыдливость удерживала ее во дворце, а страсть и пламенная любовь к самодержцу заставляли ее против воли покидать императорские покои. К тому были разные причины. Первая из них – постигшая Алексея болезнь ног, которая требовала большой заботы о нем. Боли в ногах причиняли ему огромные страдания, и Алексей не выносил ничьих прикосновений, кроме моей госпожи и матери. Она заботливо

ухаживала за ним, искусно касалась его тела и облегчала боль в его ногах. Пусть никто не обвинит меня в бахвальстве – я восхищаюсь его нравственными качествами, и пусть никто не заподозрит, что я неверно оцениваю самодержца, – я говорю истину. Император считал все, что касалось его и его особы, чем-то второстепенным по сравнению с благополучием городов. Ничто не могло отвратить его от любви к христианам: ни боль, ни наслаждения, ни военные поражения и ничто другое, большое или малое, ни солнечный жар, ни зимняя стужа, ни варварские набеги 1225. Алексей был нечувствителен к подобным вещам, и хотя его тело было ослаблено целым сонмом болезней, он поднимался на защиту отечества.

Второй и главной причиной, заставившей императрицу сопровождать самодержца, было следующее: повсюду тогда возникали многочисленные заговоры, и Алексей нуждался в постоянном присмотре и поистине многоглавом страже. Ведь ночь, как и день, была полна опасностями для императора, вечер встречал его новыми бедами, и еще большими несчастиями грозило ему утро, – свидетель тому бог. Разве не нуждался император в тысячеглазом страже, когда столько негодяев злоумышляли против него: одни метали в него стрелы, другие точили мечи, а третьи, не в силах ничего предпринять, пускали в ход болтливые языки и злословие? Какого еще союзника надо было ему иметь при себе, если не ее, самой природой предназначенную быть его советчицей? Кто позаботился бы о самодержце и взял бы под подозрение заговорщиков лучше императрицы, способной найти благо для Алексея и тем более заметить козни его врагов? Моя мать была всем для моего господина и отца: ночью – неусыпным оком, днем – славным стражем, во время еды – хорошим противоядием и спасительным лекарством против зла, которое можно причинить через пищу. Таковы были причины, пересилившие природный стыд этой женщины и давшие ей смелость предстать перед глазами мужчин.

Тем не менее она и тогда не отказалась от своего обычного благочиния, но благодаря выражению глаз, молчаливости и всему своему поведению осталась незамеченной большинством людей. О том, что императрица следует за войском, свидетельствовали лишь носилки, установленные на двух мулах и покрытые сверху царским покрывалом; а ее божественное тело было укрыто от взоров. Всем было известно только, что больному императору обеспечен наилучший уход и что у него есть бдительный страж, неусыпное око, не дремлющее ни при каких обстоятельствах. И мы, преданные самодержцу люди, старались оберегать

его и, постоянно бодрствуя, всем своим умом и сердцем в меру наших сил помогали госпоже, моей матери. Об этом я написала специально, имея в виду насмешников и клеветников. Ведь они обвиняют даже невинного (об этом свойстве человека знала уже гомеровская муза), презирают благородные дела и упрекают безупречное 1226.

В происходившем в это время походе (император предпринял наступление против Боэмунда) она участвовала и добровольно и недобровольно. Ведь не следовало императрице участвовать в нападении на варварское войско. Почему? Да потому что это дело Томириды 1227, массагетки Спарефры 1228, но никак не моей Ирины. Ее мужество заключалось в другом, и она была вооружена не копьем Афины и не шлемом Аида, чтобы искусно отражать несчастия и превратности жизни (а императрица знала, сколь много их обрушивается на императоров), ее щитом, панцирем и мечом были, следуя Соломону, деятельный характер, непримиримость к страстям и искренняя вера 1229. Так была вооружена моя мать для войн подобного рода; в остальном, в полном соответствии со своим именем 1230, она была настроена весьма миролюбиво.

Так как императору предстояло сражение с варварами, он решил подготовиться к войне, возымел намерение укрепить одни крепости, усилить оборону других и вообще стремился принять все необходимые меры против Боэмунда. Вместе с собой взял он и императрицу, частично в своих собственных интересах по уже упомянутым причинам, частично потому, что еще не угрожала никакая опасность и время войны не пришло.

И вот она, захватив все имеющиеся у нее в золотой и иной монете деньги, а также другие ценности, выступает из города. В продолжение всего пути она щедрой рукой награждала на дорогах всех нищих, одетых в козьи шкуры или голых, и ни один проситель не ушел от нее с пустыми руками. И даже тогда, когда императрица достигала предназначенной для нее палатки, она, войдя в нее, не ложилась сразу отдыхать, а широко открывала двери для просителей. Ведь эти люди имели открытый доступ к Ирине и могли свободно видеть и слышать ее. Она не только снабжала бедняков деньгами, но и давала им благие советы. Если она видела, что какой-нибудь нищий обладает здоровым телом, но ведет праздную жизнь, она побуждала его заняться трудом, чтобы он добывал себе все необходимое, а не предавался лени из-за своей нерадивости и не бродил от двери к двери, выпрашивая подаяние. Ничто не могло отвлечь императрицу от этих дел. Известно, что Давид растворял свое питье слезами 1231, а императрица, казалось, ежедневно смешивала и пищу и питье с состраданием 1232.

Многое я могла бы рассказать об императрице, если бы свидетельства дочери не показались неправдоподобными и льстивыми по отношению к матери. А тем, кто питает подобные подозрения, я расскажу о делах, служащих лучшими доказательствами правдивости моих слов.

4. Когда жители западных областей узнали о прибытии самодержца в Фессалонику, они устремились к нему, как тяжелые тела к центру. На этот раз приходу кельтов не предшествовало нашествие саранчи, но в небе появилась большая комета – самая большая из всех когда-либо появлявшихся прежде; одни говорили, что она была «брусом», другие – «дротиком» 1233. По-видимому, свыше был дан знак, возвещающий о каких-то новых необычайных событиях. Ведь сияние этой кометы можно было видеть в течение целых сорока суток. Она появилась на западе и двигалась к востоку. Все были устрашены ее появлением и старались отгадать, что она предвещает. Хотя самодержец мало обращал внимания на подобные явления и полагал, что они бывают вследствие естественных причин, тем не менее он обратился с вопросом к сведущим в этой области людям. Он призвал к себе Василия, назначенного недавно эпархом Византия (сей муж выказывал большое расположение к самодержцу), и спросил его о появившейся звезде. Василий же пообещал дать ответ на следующий день и удалился туда, где он остановился (это был храм, воздвигнутый в давние времена в честь евангелиста Иоанна) 1234, и после захода солнца стал наблюдать за звездой. Утомленный исследованиями и вычислениями, он случайно заснул и во сне увидел святого, одетого в священническую одежду. Василий возликовал и решил, что видит его не во сне, а наяву. Узнав святого, он исполнился страха и робко попросил его сообщить, какие события возвещает эта звезда. На это святой ответил, что звезда предвещает нашествие кельтов. «Ее сгорание свидетельствует, что они найдут здесь погибель», – сказал он. Вот что я хотела рассказать о появившейся звезде.

Император же, прибыв, как я уже говорила, в Фессалонику, готовился к переправе Боэмунда, обучал новобранцев натягивать лук, стрелять в цель и прикрываться щитом. Он также отправлял письма, намереваясь обеспечить себе чужеземных союзников, которые смогли бы, когда потребуется, быстро явиться на помощь. Большое внимание уделял он также Иллирику, укрепил город Диррахий и назначил его правителем Алексея 1235 – второго сына севастократора Исаака. Вместе с тем он приказал завершить снаряжение флота на Кикладских островах, в приморских городах Азии и в Европе. Многие тогда отговаривали его сооружать флот на том основании, что Боэмунд не спешит с переправой,

Алексей, однако, не обращал на эти советы внимания и говорил, что полководец должен быть неусыпным стражем и не только готовиться к непосредственной опасности, но и смотреть дальше, дабы не оказаться из-за скупости неподготовленным в нужный момент, когда уже придет весть о наступлении врага.

Распорядившись самым разумным образом, он выступает из Фессалоники и прибывает в Струмицу, а оттуда к Слопиму 1236. Узнав о поражении сына севастократора, Иоанна, высланного вперед против далматов, Алексей отправляет ему на помощь значительные силы. Однако негодный Вукан немедленно предлагает императору мир и высылает требуемых заложников. Алексей провел там год и два месяца, а затем, узнав, что Боэмунд еще находится в пределах Лонгивардии, уже зимой 1237 распустил воинов по домам, а сам прибыл в Фессалонику. В то время как Алексей совершал свой путь к Фессалонике, у императора порфирородного Иоанна 1238 в Валависте 1239 родился мальчик – первенец; вместе с ним появился на свет и другой ребенок – девочка. В Фессалонике император почтил память великомученика Димитрия 1240 и затем вернулся в столицу.

В это время случилось следующее. В центре площади Константина, на видимой отовсюду багряного цвета колонне, стояла бронзовая статуя, обращенная лицом к востоку; в ее правой руке находился скипетр, в левой – сделанный из бронзы шар. Говорят, что это была статуя Аполлона, но жители Константинополя, как я полагаю, назвали ее Анфилием. Великий император Константин, отец и властитель города, дал ей свое имя – имя самодержца Константина. Однако первоначальное название пересилило, и все продолжали именовать статую Анилием или Анфилием.

Неожиданно поднявшийся сильный юго-западный ветер сорвал статую с пьедестала и сбросил ее на землю 1241 – солнце в это время находилось в созвездии Тельца. Многие, а особенно те, кто враждебно относился к самодержцу, восприняли это как дурное предзнаменование и принялись распространять слухи, что падение статуи предвещает смерть императора. На это Алексей говорил: «Я знаю только одного господина над жизнью и смертью и не могу поверить, что падение изображений влечет за собой смерть. Если, к примеру, Фидий или какой-либо другой скульптор, обтесывая камень, создавал статуи, то разве он оживлял мертвецов и творил живых людей? Если бы это было так, что оставалось бы на долю творца всех? Ведь „я умерщвляю и я оживляю, – говорит творец 1242, – а не падение или возведение той или иной статуи“». Император возлагал все надежды на великий промысел божий.

5. Новая беда опять грозила самодержцу, на этот раз уже не от простого народа. Некие мужи, чванящиеся доблестью и славой рода, снедаемые жаждой убийства, покушались на жизнь самодержца.

Дойдя до этого места своего повествования, я останавливаюсь в удивлении, откуда только свалилось на императора такое множество бед. Ведь не было ничего, поистине ничего, что бы так или иначе не обратилось против него. Непрерывно происходили внутренние волнения и вспыхивали восстания извне. Не успевал самодержец подавить внутренний мятеж, как пожар восстания охватывал все внешние области. Казалось, сама судьба как неких самородных гигантов порождала варваров и внутренних тиранов. И все это, несмотря на милосердное и человеколюбивое управление Алексея, несмотря на то, что он всех и каждого осыпал своими благодеяниями. Своих он постоянно щедро одаривал и жаловал им почетные титулы, а варварам, откуда бы они ни были, не давал никаких поводов и оснований для войн, лишь сдерживал их, когда они приходили в волнение. Только плохие полководцы во время мира умышленно побуждают к войне своих соседей. Ведь мир является целью всякой войны. Постоянно предпочитать войну миру ради...1243, постоянно пренебрегать благой целью – дело безумных полководцев, демагогов, людей, уготовляющих гибель городу 1244.

Император Алексей поступал как раз наоборот, он ревностно заботился о мире, имея...1245 старался сохранить, а не имея его, нередко проводил бессонные ночи в думах о том, как его возвратить. По природе своей он был человеком мирным и становился воинственным лишь тогда, когда его принуждали обстоятельства. Что касается Алексея, я могла бы смело сказать, что императорское достоинство на долгое время покинувшее ромейский двор, возвратилось лишь при нем и как бы впервые нашло приют в Ромейской державе.

Но, как я сказала в начале этой главы, меня поражает обилие военных забот, обрушившихся на императора. Все – можно было видеть – пришло в волнение как внутри, так и за пределами государства. Император Алексей вовремя разгадывал скрытые и тайные замыслы врагов и при помощи всевозможных ухищрений ликвидировал опасность, он боролся как с внутренними тиранами, так и с внешними врагами-варварами, благодаря своему острому уму всегда предупреждая козни заговорщиков и срывая их планы. Уже по самому положению дел я могу судить о судьбе империи в то время. Все чужеземные племена пылали злобой к Ромейской империи, иотовсюду нахлынули на нее бедствия, потрясшие само тело государства. Если человека постигают бедствия, со всех сторон одолевают враги, а

плоть изнуряет внутренний недуг, провидение побуждает его к борьбе с надвигающимися отовсюду бедствиями. То же самое можно было наблюдать и в этом случае.

Варвар Боэмунд, о котором я неоднократно упоминала, готовился двинуть сильнейшее войско против ромейского трона и в то же время, как уже говорилось в начале главы, поднимала голову толпа тиранов. Во главе заговора стояли всего четыре человека – братья по прозвищу Анемады, один по имени Михаил, второй – Лев, третий... четвертый...1246. Они были братьями как по рождению, так и по духу. Все они единодушно желали одного: убить самодержца и захватить императорский скипетр. К ним присоединились и другие высокородные мужи: Антиохи, отпрыски знатного рода, Эксазины, Дука и Иалий 1247, превосходившие всех когда-либо живших людей своей любовью к битвам, кроме того, Никита Кастамонит, некий Куртикий и Георгий Василаки 1248. Все это были люди, занимавшие первые места в военном сословии; из числа же членов синклита заодно с заговорщиками был Иоанн Соломон.

Михаил – главный из четырех Анемадов – лицемерно объявил, что Соломон будет помазан на императорский трон благодаря его богатству и знатности рода. Соломон занимал видное место в синклите, но был самым низкорослым и самым легкомысленным из всех, кто поддался обману вместе с ним. Он считал, что превзошел учение Аристотеля и Платона, на самом же деле был далек от философской науки, и легкомыслие помрачило его ум. И вот он, как бы подгоняемый Анемадами, на всех парусах пустился к царственному городу 1249. Но Анемады во всем обманывали его. Ведь на самом деле сторонники Михаила не имели в виду возвести его на императорский трон – куда там! – они лишь пользовались в своих целях его легкомыслием и богатством. Они выкачивали из него золото, морочили ему голову обещаниями престола и: совершенно приручили к себе. В истинные их намерения входило, если только все пойдет хорошо и судьба улыбнется им, оттолкнуть его локтем и оставить «трепыхаться на море» 1250, а самим захватить скипетр, уделив Соломону лишь малую толику славы и выгод. В разговорах, которые велись с ним о заговоре, они умалчивали об убийстве самодержца, не упоминали ни об оружии, ни о войне, ни о битвах, дабы не отпугнуть Соломона, который, как им было известно, испытывал страх перед какими бы то ни было войнами. И вот такого мужа они приняли в свои объятия, как самого главного. Кроме того, к их заговору присоединились Склир 1251 и Ксир 1252, исполнявший в то время должность эпарха Константинополя.

Соломон, как говорилось выше, человек легкомысленный, вовсе не

понимал намерений Эксазина, Иалия и Анемадов и считал, что Ромейская империя уже у него в руках, поэтому он стал посвящать кое-кого в свои планы и обещанием даров и титулов привлекать на свою сторону. Однажды к нему зашел «корифей драмы» Михаил Анемад и, увидев, что Соломон с кем-то беседует, спросил, о чем идет речь. Соломон же со свойственным ему простодушием ответил: «Этот человек попросил у меня титул и, получив обещание, согласился примкнуть к нашему заговору». Михаил осудил его за глупость; увидев, что Соломон совсем не умеет держать язык за зубами, он испугался и перестал посещать его дом.

6. Между тем воины – я говорю об Анемадах, Антиохах и их сообщниках – продолжали готовить покушение на жизнь императора, намереваясь осуществить задуманное убийство самодержца сразу же, как представится благоприятный случай. Так как божественное провидение не оберегало их, а время шло, то они, боясь быть уличенными, решили, что настал долгожданный случай.

Проснувшись однажды утром, самодержец почувствовал желание подсластить горечь своих многочисленных забот и стал вместе с некоторыми из родственников играть в затрикий (эта игра изобретена изнеженностью ассирийцев и от них перешла к нам) 1253. Заговорщики же, вынашивая планы убийства, взяли в свои злодейские руки оружие и собрались через императорскую опочивальню проникнуть к императору. Эта императорская опочивальня, где спали императоры, расположена в левой стороне дворцового храма Богоматери (многие называли его именем великомученика Димитрия) 1254; с правой же стороны храма находился атрий с полом, выложенным мрамором. Выходящие туда ворота храма были открыты для всех желающих. Через них-то и решили заговорщики проникнуть внутрь храма, а затем взломать двери императорской опочивальни, войти в нее и мечом заколоть самодержца. Вот что замыслили эти кровавые убийцы против человека, не причинившего им никакого зла. Но бог расстроил их планы. Кто-то сообщил самодержцу о готовящемся, и он сразу же призвал к себе всех заговорщиков. Первыми приказал император доставить во дворец Иоанна Соломона и Георгия Василаки и поместить их вблизи той комнаты, где он сам находился вместе с родственниками. Он желал кое о чем допросить их, ибо, давно зная их простодушие, надеялся легко выведать у них о заговоре то, что ему было нужно. Однако, несмотря на неоднократные вопросы, они все отрицали.

В это время выступает вперед севастократор Исаак и, обращаясь к Соломону, говорит: «Тебе хорошо известна доброта моего брата-

императора. Сообщи о заговоре, и ты немедленно получишь прощение, но если ты откажешься это сделать, будешь подвергнут мучительному допросу». Соломон внимательно посмотрел на севастократора и, увидев окружающих его варваров с обоюдоострыми мечами на плечах, задрожал от страха, сразу же сообщил обо всем и назвал имена сообщников, но поклялся, что ничего но знал о замышлявшемся убийстве. Затем их отдали стражникам, которым было поручено охранять дворец, и заключили каждого в отдельном помещении. Остальных заговорщиков император также подверг допросу. Они во всем сознались, не умолчали и о замышлявшемся убийстве. Когда выяснилось, что все это устроено воинами, а особенно главой заговора Михаилом Анемадом, смертельно ненавидевшим самодержца, император приговорил всех их к изгнанию и лишению имущества.

Роскошный дом Соломона был отдан Августе. Но она, оставаясь верной себе, исполнилась жалости к супруге Соломона и подарила ей этот дом, не взяв оттуда даже самой малости. Соломон находился в тюрьме в Созополе. Анемада же и его приспешников Алексей приказал, как главных виновников, с обритыми головой и бородой провести через площадь 1255, а затем выколоть им глаза. Актеры 1256 схватили их, набросили на них мешки, украсили их головы «коронами» из бычьих и овечьих кишок, водрузили на быков – не на спины, а на бока – и провезли через дворцовый двор. Впереди них прыгали жезлоносцы 1257, громко распевая насмешливую песенку, подходящую к этой процессии. Она была сложена на народном языке, и ее смысл был таков: песенка эта имела цель побудить весь народ...1258 и посмотреть на этих украшенных рогами тиранов, которые точили мечи на самодержца 1259.

Посмотреть на это стеклись люди всех возрастов. И мы, императорские дочери, скрыто вышли, чтобы полюбоваться на это зрелище. Когда собравшиеся увидели Михаила со взором, устремленным ко дворцу, с руками, в мольбе воздетыми к небу, который жестами просил отрубить ему руки и ноги и отсечь голову, ни одно живое существо не могло удержаться от слез и стенаний, а особенно мы – дочери императора. Я, желая избавить Михаила от этих страданий, неоднократно просила свою мать-императрицу взглянуть на процессию. По правде сказать, я заботилась об этих мужах в интересах самодержца, чтобы он не лишился столь славных воинов, а особенно Михаила, которому был вынесен самый суровый приговор. Видя, что несчастие заставило Михаила смириться, я, как уже говорилось, стала понуждать мать выйти в надежде, что этим мужам, находившимся уже на краю гибели, удастся спастись. Ведь актеры

стали двигаться медленней, стараясь дать возможность убийцам получить прощение. Но императрица медлила (она сидела с самодержцем, и они вместе пред ликом богоматери молились богу), тогда я спустилась и в страхе остановилась в дверях. Не решаясь войти, я кивком головы вызвала императрицу. Уступив моим настояниям, она поднялась наверх 1260, взглянула на процессию и, увидев Михаила, исполнилась жалости к нему; заливаясь горючими слезами, вернулась она к самодержцу и стала настойчиво просить его сохранить глаза Михаилу.

Император сразу же отправляет человека, который должен был остановить палачей. Вестник спешит и застает осужденных еще внутри так называемых «рук» 1261, никто, пройдя дальше них, не может быть избавлен от казни. Императоры, соорудив на хорошо видимом отовсюду месте, на высокой каменной арке эти бронзовые «руки», установили такое правило: если кто-нибудь, осужденный законом на смерть, окажется внутри них и в это время его настигнет весть о милосердии самодержца, то он освобождается от наказания. «Руки» символизировали объятия, в которые император вновь принимает осужденных, протягивая им руку и не выпуская их из рук своего милосердия. Если же осужденные прошли дальше этих «рук», значит, и императорское владычество как бы оттолкнуло их от себя. Таким образом, участь подлежащих наказанию людей зависит от судьбы; и я считаю, что она является божественным приговором и ее следует призывать на помощь. Весть о прощении застает их внутри «рук», и несчастные избавляются от опасности, или же они проходят дальше «рук» и теряют всякую надежду на спасение. Я целиком полагаюсь на божественное провидение, которое и тогда избавило этого мужа от ослепления. Кажется, сам бог внушил тогда нам милосердие к Михаилу. Вестник спасения быстро вошел под арку, где были установлены бронзовые «руки», передал тем, кто вел Михаила, грамоту, дарующую прощение, взял Михаила с собой, повернул назад, подошел к башне, сооруженной рядом с дворцом и запер в ней Михаила. Такой ему был дан приказ 1262.

7. Еще не освободили из тюрьмы Михаила, как в Анемскую тюрьму был доставлен Григорий 1263. Это одна из башен той части городской стены, которая находится вблизи Влахернского дворца 1264. Называлась она Анемской, и это имя она как бы получила от самой судьбы, ибо первым ее узником был Анемад, который провел там много времени.

В двенадцатом индикте 1265 уже упомянутый Григорий был назначен дукой Трапезунда. Он давно вынашивал планы восстания и по дороге в Трапезунд осуществил свое тайное намерение. Встретив Даватина,

который возвращался в Константинополь, поскольку сан дуки был передан Тароните, он заключил его в оковы и бросил в тюрьму в Тивенне 1266. Так поступил Григорий не только с Даватином, но и с многими знатными жителями Трапезунда, в том числе с племянником Вакхина. Так как заключенных не освобождали от оков и не выпускали из тюрьмы, они, составив заговор, силой расправились со стражами, поставленными мятежником, вывели их за стены города, прогнали, а сами овладели Тивенной. Самодержец в многочисленных письмах то призывал Григория к себе, то советовал ему 1267, если он хочет заслужить прощение и вернуть расположение императора, бросить свои дурные замыслы, а иногда и грозил наказать его, если он ослушается. Григорий был настолько далек от того, чтобы послушаться добрых советов самодержца, что отправил ему длинное послание, в котором бранил не только лучших членов синклита и воинского сословия, но даже родственников и свойственников самодержца.

Из этого письма самодержец понял, что Григорий с каждым днем все дальше ступает по стезе зла и движется к полному безумию. Потеряв всякую надежду на исправление Григория, император в четырнадцатом индикте 1268 отправляет против него племянника – сына своей старшей сестры – Иоанна 1269, который приходился мятежнику двоюродным братом по отцовской линии. Иоанн должен был прежде всего дать Григорию спасительные советы, и император надеялся, что тот послушается Иоанна благодаря их родственной близости и общности крови. Но в том случае, если бы Григорий не захотел слушать советов, Иоанн должен был во главе большого войска вступить с ним в мужественную борьбу на суше и на море. Узнав о предстоящем прибытии Иоанна, Григорий выступил к Колонии (это хорошо укрепленная и неприступная крепость) 1270 с целью призвать себе на помощь Данишменда.

Отправляясь из города, Иоанн узнал об этом, выделил из состава своего войска кельтов и отборных ромейских воинов и выслал их против Григория. Воины настигли Григория и завязали с ним упорный бой. Два храбреца, сойдясь с Григорием в бою, копьями сшибли мятежника с коня и взяли его в плен. Захватив таким образом Григория, Иоанн доставляет его самодержцу и клянется, что вообще не виделся во время пути с Григорием и не удостаивал его своей беседы. Тем не менее Иоанн неоднократно ходатайствовал за Григория перед самодержцем, ибо последний делал вид, что собирается выколоть Григорию глаза. Нехотя обнаружил самодержец свое притворство и как бы уступил просьбам

Иоанна, потребовав, однако, чтобы тот никому ни о чем не рассказывал.

На четвертый день император велел наголо остричь Григория, обрить ему бороду, провести его через площадь и затем заключить в уже упоминавшуюся Анемскую башню. Но и в тюрьме Григорий вел себя неразумно и ежедневно обращался к своим стражам с безумными пророческими речами, хотя император в своей щедрости удостаивал его большой заботы, надеясь, что он изменит свой нрав и раскается. Но Григорий оставался прежним; он постоянно призывал к себе моего кесаря, ибо издавна был дружески к нам расположен. Самодержец не препятствовал Григорию, желая, чтобы кесарь утешил его в его отчаянии и подал ему благие советы. Тем не менее Григорий, казалось, очень медленно изменялся к лучшему. Поэтому время его заключения в тюрьме было продлено; затем он был прощен и получил такое количество милостей, даров и титулов, какого не имел никогда ранее. Таков был император в подобного рода делах 1271.

8. Распорядившись таким образом относительно заговорщиков и мятежника Григория, император вовсе не забыл о Боэмунде. Напротив, он призвал к себе Исаака Контостефана 1272, назначил его великим дукой флота и отправил в Диррахий, пригрозив, что выколет ему глаза, если тот не успеет прибыть в Иллирик до переправы Боэмунда. В то же время он непрерывно направляет письма дуке Диррахия Алексею 1273, своему племяннику, побуждая его постоянно быть начеку и требовать того же от наблюдавших за морем, чтобы Боэмунд не смог переправиться тайно (император хотел, чтобы его немедленно известили письмом о переправе норманна). Так распорядился самодержец.

Приказ, полученный Контостефаном, предписывал не что иное, как усердно стеречь пролив между Лонгивардией 1274, не позволять переправляться кораблям Боэмунда, высланным вперед к Диррахию для доставки с одного берега на другой всякого снаряжения, и вообще не давать Боэмунду что-либо перевозить из Лонгивардии. Однако, выступая из Константинополя, Контостефан даже не знал удобного для переправы в Иллирик места. Мало того, пренебрегая приказом, он переправился в Гидрунт – город, расположенный на побережье Лонгивардии. Этот город охраняла женщина, как говорили, мать Танкреда. Не могу сказать, была ли она сестрой неоднократно упоминаемого мною Боэмунда или нет. Ведь я точно не знаю, по отцовской или по материнской линии приходился Танкред родственником Боэмунду 1275.

Явившись туда с флотом и причалив к берегу, Контостефан атаковал стены Бриндизи и уже, можно сказать, держал в своих руках город. Но

находившаяся в стенах города женщина – она обладала здравым умом и твердым характером – видела это и, как только корабли Контостефана причалили к берегу, послала гонца за одним из своих сыновей и срочно потребовала его к себе. В это время все матросы пребывали в приподнятом настроении и, полагая, что город находится уже в их руках, славословили императора. Да и она сама, оказавшись в тяжелом положении, приказала горожанам делать то же самое. Вместе с тем она направила послов к Контостефану, согласилась подчиниться самодержцу, обещала заключить с ним мирный договор и выйти для переговоров к Контостефану, чтобы последний смог обо всем сообщить императору. Эта хитрость нужна была ей для того, чтобы ввести в заблуждение Контостефана, и если прибудет ее сын, сбросить, как говорят о трагических актерах, маску и вступить в бой.

В то время как крики славящих самодержца внутри и вне стен города, сливаясь в общий гул, наполняли всю округу – как уже говорилось, эта воительница своими лживыми речами и посланиями вводила в заблуждение Контостефана, – прибывает сын, которого она ждала, вместе с сопровождавшими его графами. Он нападает на Контостефана и наголову разбивает его войско. Матросы, неопытные в сухопутных битвах, бросились к морю. Скифы же (а их было немало в ромейском войске) во время боя ринулись, как это принято у варваров, за добычей, и шестеро из них были взяты в плен. Они были отправлены Боэмунду, который, увидев их, сразу же отправился в Рим, взяв с собою скифов как самую ценную добычу. Явившись к апостольскому престолу и беседуя с папой 1276, он возбуждал в нем негодование против ромеев и раздувал старую ненависть этих варваров к нашему народу. Стремясь еще более ожесточить италийцев, входивших в окружение папы, Боэмунд показал им пленных скифов в доказательство того, что самодержец Алексей враждебно относится к христианам, выставляет против них неверных варваров, страшных конников – стрелков, поднимающих оружие на христиан и мечущих в них стрелы. При каждом слове Боэмунд указывал папе на этих скифов, одетых в скифские платья и имевших весьма варварский вид, и при этом то и дело, по обычаю латинян, называл их язычниками, издеваясь над их именем и видом. Как можно убедиться, Боэмунд прибег к мерзким средствам, подстрекая к войне с христианами: он воздействовал на ум первосвященника с целью убедить его в том, что имеет благовидные основания для вражды к ромеям; в то же время Боэмунд старался собрать многочисленное ополчение из числа людей грубых и глупых. Ведь какие варвары из близких или дальних краев добровольно не пошли бы воевать с нами, если бы к тому побудил их сам первосвященник и если бы

справедливая, как им казалось, причина вооружила на бой каждого коня, каждого мужа и руку каждого воина? Обманутый словами Боэмунда, папа согласился с ним и одобрил переправу в Иллирик.

Вернемся, однако, к нити нашего повествования. Сухопутные воины храбро сражались, но остальных поглотили морские волны, и славная победа, казалось, была уже в руках кельтов. Однако наиболее храбрые наши воины, особенно из знати, и среди них такие доблестные мужи, как Никифор Иалий Эксазин, его двоюродный брат Константин Эксазин, именовавшийся Дукой, мужественный Александр Евфорвин и другие воины такого же сана и положения, «воспомнили бурную силу», повернули назад, обнажили акинаки, напрягая все силы души и тела, вступили в бой, приняли на себя всю тяжесть битвы, разбили кельтов и одержали над ними славную победу. Контостефан, получив благодаря этому передышку от кельтского натиска, отчаливает оттуда и вместе со всем флотом прибывает в Авлон.

Когда Контостефан впервые прибыл в Диррахий, он рассеял свои военные корабли на пространстве от Диррахия до Авлона и дальше до места под названием Химара (от Диррахия до Авлона – сто стадий, от Авлона до Химары – шестьдесят). Узнав о том, что Боэмунд уже торопится с переправой, он предположил, что скорее всего следует ожидать прибытия норманна в Авлон, ибо путь до Авлона короче, чем до Диррахия. Поэтому он решил усилить охрану Авлона, выступил из города с остальными дуками 1277 и стал усердно стеречь пролив Авлона. Он также поместил дозорных на гребне так называемого холма Ясона, чтобы они вели наблюдение за морем и подстерегали корабли. Как раз в это время с противоположного берега прибыл один кельт, который стал утверждать, что переправу Боэмунда следует ожидать с минуты на минуту. Контостефаны 1278 узнали это и, страшась морского боя с Боэмундом (одна мысль о нем приводила их в ужас), притворились, что больны и поэтому нуждаются в бане 1279. Ландульф, который командовал всем флотом, человек, обладавший большим опытом морских боев и сражений, настойчиво советовал им постоянно быть начеку и ожидать прибытия Боэмунда. Контостефаны же, отправляясь в Химару с намерением вымыться в бане, у Глоссы, расположенной недалеко от Авлона, в качестве наблюдателя оставили так называемого второго друнгария флота 1280 с монерой-экскуссат. Что же касается Ландульфа, то он с некоторым числом кораблей остался у Авлона.

9. Приняв эти меры, Контостефаны отправились в баню (или же под предлогом бани). Боэмунд же окружил себя двенадцатью пиратскими

кораблями (это были все диеры с многочисленными гребцами, поднимавшими шум непрерывными ударами весел), выстроил со всех сторон торговые суда и как забором огородил ими военный флот 1281. Глядя издали с какого-нибудь возвышенного места на этот движущийся флот, можно было принять его за плавучий город 1282. Судьба благоприятствовала Боэмунду: море было спокойно, и лишь завывающий ветер слегка щетинил его поверхность 1283 и надувал паруса грузовых судов – это позволяло им плыть по ветру. Гребные суда двигались вровень с парусными, и шум от них с середины Адриатического моря был слышен на обоих берегах. От вида варварского флота Боэмунда можно было прийти в ужас, и если воины Контостефанов испугались, то я не буду их порицать и обвинять в трусости. Ведь Боэмунда, двигающегося с таким флотом, мог бы испугаться и флот аргонавтов, не то, что Контостефаны, Ландульфы и им подобные.

Ландульф увидел Боэмунда, переправляющегося в таком устрашающем порядке с грузовыми судами, с тысячами воинов на борту – об этом подробнее говорилось выше – и, будучи не в состоянии сопротивляться такому многочисленному противнику, отошел на небольшое расстояние от Авлона, открыв Боэмунду путь к городу. Боэмунд воспользовался благоприятным случаем, переправился из Бари в Авлон 1284, высадил свое войско на берегу и прежде всего стал грабить побережье. Боэмунд вел с собой огромное франкское и кельтское войско уроженцев острова Фула, которые состояли на военной службе у ромеев, но тогда были вынуждены обстоятельствами перейти к Боэмунду, а также много германцев и кельтиберов 1285. Боэмунд разместил всех собравшихся к нему воинов по всему адриатическому побережью, один за другим ограбил все города и напал на Эпидамн, который мы называем Диррахием 1286. В его намерения входило захватить этот город и подвергнуть опустошению всю страну вплоть до Константинополя. Искусный как никто другой в осаде городов, превосходивший в этом отношении самого Димитрия Полиоркета 1287, он думал только об Эпидамне и двинул против этого города все средства осады. Прежде всего он разместил войско кругом и осадил все селения, расположенные у самых стен или вблизи Диррахия. Иногда ромейское войско боролось с ним, иногда Боэмунд не встречал никакого сопротивления. После многочисленных битв, сражений и убийств Боэмунд, как я говорила выше, обратился к осаде города Диррахия. Однако прежде чем перейти к самой битве тирана Боэмунда за Диррахий, следует рассказать о расположении города.

Он стоит на самом берегу Адриатического моря. Это большое и глубокое море простирается вширь до берегов Италии, а вдоль, делая изгиб к северо-востоку, доходит до земли, населенной варварами-ветонами 1288, напротив которой расположена страна Апулия. Таковы границы Адриатического моря. Диррахий, или Эпидамн, древний эллинский город, лежит под Элиссом 1289 и слева от него – Элисс расположен выше и правее. Я не знаю точно, назван ли Элисс просто так или по имени какой-нибудь реки Элисс, впадающей в большую реку Дримон. Элисс – это крепость, расположенная на высоком месте и совершенно неприступная, господствующая, как говорят, над равниной Диррахия. Она настолько защищена от опасностей, что может оказаться очень полезной в обороне Диррахия с суши и с моря.

Этой крепостью Элиссом и воспользовался самодержец Алексей для поддержки города Эпидамна. Он укрепил город Диррахий как со стороны реки Дримона, которая была судоходна, так и со стороны суши и доставил по морю и по суше все необходимое – провиант для воинов и жителей города, а также оружие и военное снаряжение.

Нужно рассказать и о Дримоне. Эта река берет начало в Лихнитском озере, которое на современном испорченном языке называется Охридским 1290 и, спускаясь с Мокра 1291, течет через сто каналов, называемых «стругами» 1292. Эти отдельные реки как бы через различные истоки ста потоками вытекают из озера, в дальнейшем не исчезают, а впадают в реку, протекающую у Девры, откуда и возникло название Дримон 1293. Соединяясь друг с другом, они делают реку широкой и полноводной. Минуя крайние пределы Далмации, она течет к северу, затем поворачивает к югу и, дойдя до подножия Элисса, впадает в Адриатический залив. Вот что я хотела рассказать о расположении Диррахия и Элисса и о защищенности того и другого.

Еще находясь в царственном городе, император узнал из писем дуки Диррахия о переправе Боэмунда и поспешил выступить из столицы. Дука Диррахия, человек неутомимый, не позволявший себе ни на минуту сомкнуть глаз, узнал, что Боэмунд переправился на равнину Иллирика, сошел с корабля и разбил лагерь; он призвал к себе «крылатого», как его называли, скифа 1294 и через него сообщил самодержцу о переправе Боэмунда. Скиф застал самодержца, когда тот возвращался с охоты, подбежал к нему и, склонив голову, громогласно сообщил, что Боэмунд переправился. Все, кто там был, застыли на месте, оцепенев от одного имени Боэмунда. Но самодержец, человек мужественный и рассудительный, сказал, развязывая ремни башмаков: «Сейчас пойдем

завтракать, а потом подумаем о Боэмунде».

Книга XIII

1. Все мы были поражены тогда величием духа самодержца. Он же, хотя перед присутствовавшими и сделал вид, что беззаботно принял это известие, тем не менее в душе был очень взволнован. Он решил вновь выступить из Византия, хотя и знал, что на родине у него отнюдь не все в порядке. Несмотря на это, Алексей, уладив дела во дворце и в царственном городе, поручив охрану того и другого великому друнгарию флота евнуху Евстафию Киминиану и Никифору, сыну Декана, в первый день ноября первого индикта 1295 выступил из Византия в сопровождении немногих спутников – людей, близких ему по крови – и остановился в пурпурной императорской палатке у стен Герания 1296.

Император испытывал опасения, что при его выходе богоматерь во Влахернах не явила обычного чуда 1297. Поэтому он задержался на четыре дня, а затем после захода солнца отправился вместе со своей госпожой назад и, скрытно войдя вместе с немногими спутниками в святой храм Богоматери, исполнил там обычные песнопения и усердно сотворил молитву. Затем, после того как свершилось обычное чудо, он с благими надеждами вышел из храма. На следующий день император отправился по направлению к Фессалонике и по прибытии в Хировакхи назначил Иоанна Таронита 1298 эпархом. Этот муж происходил из знатного рода, с детства был взят к императору и в течение долгого времени служил ему секретарем. Это был человек энергичного характера, знаток ромейских законов, хваливший декреты Алексея лишь в том случае, если они были достойны величия ума императора 1299. Речь Иоанна была свободна, но, порицая, он не бранился без всякого стыда, а вел себя согласно тем наставлениям, которые дал диалектику Стагирит 1300.

Выступив оттуда, император стал одно за другим отправлять письма 1301 дуке флота Исааку и тем, кто находился вместе с ним, – я имею в виду Эксазина – Дуку и Иалия. В этих письмах он призывал их постоянно быть начеку и отражать попытки переправиться из Лонгивардии к Боэмунду. Достигнув Места, Августа выразила желание вернуться во дворец, но самодержец заставил ее продолжать путь дальше. Они оба переправились через реку под названием Гебр и разбили палатки около Псилла 1302. Император, уже избежавший одного покушения, чуть было не стал жертвой другого, если бы божественная рука не воспрепятствовала убийцам свершить свое дело.

Некий муж, который по одной линии вел свой род от знаменитых

Аарониев 1303 (хотя он и был незаконнорожденным), стал подстрекать мятежные элементы к убийству самодержца. Своим тайным замыслом он поделился с братом Феодором – я не хочу говорить о том, были ли и другие мятежники посвящены в это дело. Во всяком случае для свершения убийства они наметили одного раба-скифа по имени Димитрий, хозяином которого был сам Аарон. Заговорщики полагали, что отъезд императрицы позволит им осуществить свой план, и скиф, воспользовавшись удобным случаем, вонзит меч в грудь императора, встретившись с ним в каком-нибудь закоулке или тайком подобравшись к спящему. Кровожадный Димитрий точил меч и готовил к убийству свою десницу.

Но Справедливость изменила ход действия. Императрица никак не покидала императора и изо дня в день, покоряясь его воле, следовала за самодержцем. Кровавые убийцы, видя, что неусыпный страж – я говорю об императрице – все еще медлит с отъездом, потеряли терпение, написали фамусу и подбросили ее в императорскую палатку. Подбросившие фамусу не были обнаружены (слово «фамуса» 1304 означает записку, содержащую брань). Заговорщики советовали самодержцу продолжать дальше свой путь, а Августе вернуться в Византий. Закон жестоко карает подобные действия: сама фамуса предается огню, а осмелившиеся ее подбросить подвергаются суровым наказаниям. Не добившись цели, заговорщики опустились до клеветнических фамус. После завтрака, когда все, за исключением манихея Романа, евнуха Василия Псилла и Феодора, брата Аарона, покинули самодержца, была найдена новая фамуса, подброшенная на императорское ложе, содержавшая жестокие нападки на императрицу за то, что она следует за императором, а не возвращается немедленно в царственный город. Ведь у заговорщиков была цель получить свободу действий. Но самодержец знал, кто подбросил ее, и сказал, исполненный гнева, обращаясь к императрице: «Фамусу подбросил или я, или ты, или кто-нибудь из присутствующих здесь». В конце фамусы стояли следующие слова: «Это пишу я, монах, которого ты сейчас не знаешь, но увидишь во сне».

Некий евнух Константин, бывший еще стольником 1305 отца Алексея, а в то время прислуживавший императрице, в третью стражу ночи, находясь около палатки и творя обычную молитву, услышал чей-то крик: «Не будь я человек, если я не явлюсь к императору, не раскрою ему весь ваш замысел и не расскажу о подброшенных фамусах». Константин немедленно приказал своему слуге разыскать произнесшего эти слова. Слуга пошел, узнал в кричавшем слугу Аарона – Стратигия, взял его с собой и отвел к стольнику. Стратигий, войдя, сообщил все, что ему было

известно. Константин же вместе со Стратигием отправился к самодержцу. Императорская чета в то время спала. Тем не менее Константин, встретив евнуха Василия, заставил его пойти и сообщить императору все то, что Константин рассказал ему о человеке Аарона – Сратигии. Василий немедленно вошел в палатку, введя туда и Стратигия. Тот тотчас же был подвергнут допросу, подробно поведал обо всей истории с клеветническими фамусами, рассказал, кому принадлежал план убийства и кто должен был умертвить императора. «Мой господин Аарон, – сказал он, – вместе с другими небезызвестными твоей царственности людьми, о император, готовил на тебя покушение и подослал к тебе убийцу Димитрия, моего товарища по рабству, родом скифа, человека твердого нрава и готового на все, с душой зверской и жестокой. Ему-то и вручили они обоюдоострый меч и отдали бесчеловечный приказ вплотную подойти к тебе и с бесстыдной дерзостью вонзить меч в императорское тело».

Однако император (не легко верил он подобным вещам) сказал: «Не плетешь ли ты это обвинение из ненависти к господам и своему товарищу-рабу? Раскрой мне всю правду и все, что тебе известно. Если ты будешь уличен во лжи, то не добром обернутся для тебя твои обвинения». Но тот утверждал, что говорит правду, и император поручил евнуху Василию взять у Стратигия клеветнические письма. Стратигий идет вместе с Василием, вводит его в палатку Аарона, когда там все спали, берет походную сумку, полную подобных писаний, и отдает ее Василию. Уже утром император увидел эти писания, понял, что замышляется убийство, и отдал приказ блюстителям порядка в городе отправить мать Аарона в ссылку в Хировакхи, Аарона...1306, его брата Феодора – в Анхиал. Эти дела задержали императора на пять дней.

2. Император двигался к Фессалонике и, так как отряды собрались отовсюду в одно место, решил построить войско в боевой порядок. Фаланги немедленно выстроились по лохам, впереди которых встали лохаги 1307, арьергард находился позади, масса воинов, сверкая своим оружием, заполняла центр фаланги (они представляли собой страшное зрелище) и, стоя плотно друг к другу, как бы образовывали что-то вроде городской стены. Казалось, будто бронзовые статуи или отлитые из меди воины недвижно стоят на равнине, лишь потрясая своими копьями и горя желанием пронзить ими врагов. Так выстроил император войско, затем привел его в движение и стал показывать воинам, как следует двигаться влево и вправо 1308. Алексей выделил из всего войска новобранцев и назначил командирами тех, кого он сам воспитал и обучил военному искусству. Было их всего триста человек – все молодые и рослые, сильные

телом, с первым пухом на щеках, все как один искусные стрелки из лука и непревзойденные метатели копий. Сыновья разных народов, они составляли отборный отряд всего ромейского войска и подчинялись стратигу-императору, ибо он был для них одновременно и императором, и стратигом, и учителем. Отобрав из их числа наиболее искусных воинов, Алексей назначил их начальниками отрядов и отправил в узкие долины, через которые должно было пройти варварское войско. Сам же он зазимовал в Фессалонике.

Как я уже говорила, тиран Боэмунд с сильным флотом переправился с одного берега на другой, высадил на наши равнины все франкское войско и в боевом порядке двинулся оттуда к Эпидамну с намерением, если удастся, первым же натиском овладеть городом, а если нет, завоевать город с помощью стенобитных машин и камнеметных орудий. Такова была его цель.

Он стал лагерем напротив восточных ворот, на которых установлена бронзовая конная статуя 1309, осмотрел местность и приступил к осаде. В течение целой зимы он строил планы и выискивал уязвимое место в обороне Диррахия, а с первой улыбкой весны всего себя посвятил осаде. После переправы Боэмунд немедленно предал огню свои грузовые суда, корабли для перевозки лошадей и так называемые «стратиотиды» 1310; сделал он это частично из военной хитрости, дабы его войско не возлагало надежд на море, частично – вынуждаемый ромейским флотом. Прежде всего он расположил вокруг города варварское войско и вступил в перестрелку с врагом; со своей стороны ромейские воины обстреливали варваров то с башен Диррахия, то издали. Затем он стал высылать отряды франкского войска, атаковал и отражал атаки противника. Боэмунд захватил Петрулу 1311, крепость Милос за рекой Деволом и присвоил себе по обычаю войны все города в округе Диррахия. Вот что свершил он своей воинственной десницей.

В то же время он сооружал военные машины, строил черепахи, снабженные башнями или таранами, щиты и навесы; он трудился в течение всей зимы и лета 1312, своими угрозами и делами устрашая и без того устрашенных людей. Но не смог Боэмунд поколебать мужества ромеев. Кроме того, он встретился с трудностями в снабжении войска провиантом: все, что он захватил в окрестностях Диррахия, было потреблено, а продовольствие, которое по расчетам Боэмунда ему должны были доставить, не давали подвезти отряды ромейского войска, овладевшие долинами, проходами и самим побережьем. Поэтому голод сразу постиг как коней, так и людей, и губил тех и других, ибо у коней не

было корма, а у людей – пищи. Кроме того, варварское войско было поражено некоей желудочной болезнью. Казалось, болезнь возникла от вредной пищи (я говорю о просе), но на самом деле послал ее на бесчисленное и неодолимое войско божий гнев, который губил воинов одного за другим.

3. Однако это несчастье казалось пустяком человеку, стремившемуся к тирании и грозившему уничтожить весь мир. Он и в несчастии продолжал строить свои каверзы. Сжавшись в клубок подобно раненому зверю, он, как я говорила, все свое внимание обратил на осаду. Соорудив прежде всего черепаху с тараном 1313 – некое неописуемое чудовище, Боэмунд придвинул ее с востока к городу. Черепаха представляла собой страшное зрелище; она была сооружена следующим образом: построили небольшую черепаху в виде параллелограмма, подвели под нее колеса, со всех сторон – сверху и с боков – покрыли сшитыми бычьими шкурами, соорудив, как говорит Гомер 1314, «семикожную» крышу и стены, а затем внутри укрепили тараны.

Когда машина была готова, Боэмунд приблизил ее к стене с помощью множества воинов, которые шестами толкали ее изнутри и двигали к стенам Диррахия. Когда машина приблизилась и оказалась на нужном расстоянии от стен, из-под нее убрали колеса и со всех сторон укрепили кольями, чтобы крыша не сотрясалась от ударов. Затем несколько наиболее могучих воинов, одновременно с обеих сторон толкая таран, стали с силой бить им в стену. Воины разом и с силой толкали таран, тот устремлялся вперед, бил в стену, отражался от нее, возвращался назад и наносил новый удар. Так повторялось несколько раз, таран двигался туда и назад и, не переставая, долбил стену. По-видимому, древние механики, которые изобрели под Гадирой таран, назвали его по аналогии с баранами, во время драки сталкивающимися лбами 1315.

Но жители города издевались над варварами с их «козлиным» 1316 штурмом, высмеивали толкателей тарана и безрезультатную осаду. Открыв ворота, они приглашали варваров войти в город и издевались над ударами тарана. От ударов тарана, – говорили они, – не получится пробоины размером с ворота. Благодаря мужеству жителей города и храбрости стратига Алексея, племянника самодержца Алексея, попытки врагов оказались тщетными, они сами вышли из боя и во всяком случае на этот раз прекратили осаду. Мужество жителей города, открывших ворота варварам и бесстрашно встретивших их, повергло в страх неприятеля и заставило его отказаться от применения машины. Таким образом, черепаха с тараном бездействовала. Тем не менее сверху на уже бездействовавшую,

неподвижную по приведенным выше причинам машину был сброшен огонь, обративший ее в пепел.

Отказавшись от этой затеи, франкское войско прибегло к помощи еще более страшного сооружения; они обратили его против северной стены, находящейся у резиденции дуки, которая называлась преторием. Расположение местности там таково: равнина переходит в холм – не каменистый, а земляной, на котором сооружена городская стена. Напротив этой стены, как я сказала, и начали воины Боэмунда весьма искусно копать ров. Это была некая новая беда, которой грозили городу осаждающие, новое средство осады, хитро придуманное против Диррахия. Копая, они продвигались под землей, как роющие норы кроты. Иногда они защищали головы и плечи от летящих сверху камней и стрел покатыми навесами, иногда подпирали столбами верхний слой земли. Таким образом, копая землю, они продвигались прямо вперед, рыли широкий и глубокий ров, и непрерывно вывозили на повозках выкопанную землю. Когда у варваров получилась длинная траншея, они возликовали, как будто свершили что-то великое.

Но не дремали и осажденные: они стали рыть землю на определенном расстоянии. Выкопав большой ров, они расположились вдоль него, наблюдая за тем местом, где осаждающие должны были прокопать отверстие в наш ров. Они сразу же обнаружили в одном месте врагов, стучавших, рывших и подкапывавших основание стены. Услышав их голоса, они прорыли со своей стороны отверстие и, увидев через образовавшуюся дыру толпу врагов, огнем сожгли им лица. Этот огонь получают таким образом: из сосны или других таких же вечнозеленых деревьев добывают хорошо воспламеняющийся сок. Этот сок растирают с серой и закладывают в камышовые трубки; «трубач» сильным и продолжительным выдохом выталкивает эту массу, которая воспламеняется, коснувшись огня у конца трубки, и как молния падает на лица противников. Этим огнем и воспользовались защитники Диррахия. Оказавшись лицом к лицу с противником, они стали жечь врагам бороды и лица. Можно было видеть, как варвары, подобно рою пчел, выкуриваемых дымом, в беспорядке бросились бежать оттуда, куда они вошли в полном порядке.

Когда и эти их старания оказались тщетными и из их: замысла не вышло ничего путного, варвары придумали третье сооружение – деревянную башню – осадное орудие, которое, как говорит молва, они начали готовить не после неудачи с прежними орудиями, а за целый год до этого. Вот это орудие было настоящим, а все, о которых говорилось ранее,

– пустяки.

Однако прежде скажу несколько слов о том, как выглядит город Диррахий. Стена города по высоте несколько уступает башням 1317, которые находятся по всей ее окружности и возвышаются примерно на одиннадцать футов. Башни укреплены зубцами и на них можно подняться по винтовой лестнице. Так выглядит и так укреплен город. Достойна упоминания толщина стены: более четырех всадников плечом к плечу могут безопасно ехать по ней. Я бегло описала городскую стену, чтобы сделать более ясным мой дальнейший рассказ.

Что же касается устройства этой машины, которую варвары Боэмунда соорудили в виде башни-черепахи 1318, то его трудно описать; на машину страшно было смотреть, так утверждали видевшие ее, не говоря уже о тех, к кому это ужасное чудовище приближалось. Машина была устроена следующим образом: на четырехугольном основании была построена высокая деревянная башня, на пять-шесть локтей возвышавшаяся над башнями города. С этой деревянной башни можно было опустить висячую лестницу и легко сойти на городскую стену. Варвары полагали, что жители города, постоянно отбрасываемые назад, не вынесут натиска такой силы. Осаждавшие Диррахий, по-видимому, обладали знанием оптики, ибо не без ее помощи измерили они высоту стен. Если они и не знали оптики, то во всяком случае пользовались диоптрами 1319. Страшное зрелище представляла собой эта башня, но еще страшней казалась она во время движения. Многочисленные колеса поднимали над землей ее основание. Когда же находившиеся внутри воины двигали ее с помощью ломов, машина производила ужасающее впечатление, ибо источник движения не был виден и казалось, что какой-то огромный гигант движется сам по себе. Со всех сторон – от основания до крыши – машина была закрыта, она была разделена на много ярусов и по всей ее окружности находились двери, из которых падал дождь стрел. Наверху стояли в полном вооружении храбрые и готовые к защите мужи с мечами в руках.

В тот момент, как это страшное чудовище приближалось к стене, воины Алексея – стратига города Диррахия – тоже не теряли времени даром. Пока Боэмунд за стенами города сооружал свою машину – эту не знающую препятствий гелеполу, они в свою очередь в стенах города готовили ей противодействие. Заметив высоту этой самодвижущейся башни и то место, где ее установили после снятия колес, они вбили напротив этого деревянного сооружения четыре огромных бревна, поднимавшихся наподобие подмостков от четырехугольного основания.

Затем они соединили настилами стоящие друг против друга бревна и подняли свое сооружение на локоть выше деревянной башни за стеной. Со всех сторон это сооружение осталось открытым (оно не нуждалось в защите) и только сверху было покрыто крышей. Воины Алексея подняли на верхний ярус открытой деревянной башни «жидкий огонь» с намерением метать его в стоявшую напротив них машину. Но ни замысел, ни его исполнение, казалось, не могли привести к полному уничтожению вражеской машины, ведь огонь, сброшенный на нее, лишь коснулся бы поверхности башни. Что же они изобретают? Они наполняют пространство между деревянной и городской башней всевозможным легко воспламеняющимся материалом и обильно поливают его потоками масла. Ко всему этому они поднесли огонь – головни и факелы. Некоторое время огонь лишь теплился, а затем после короткой вспышки разгорелся в большое пламя. Сделали свое дело и брызги «жидкого огня». Огонь охватил это целиком деревянное сооружение; раздался треск, и страшно было глядеть на это зрелище. Огромное пламя можно было видеть на тринадцать стадий в окружности. Громкие крики и невероятная сумятица поднялась среди находившихся внутри башни варваров, одни из них, охваченные пламенем, превращались в пепел, другие бросались сверху на землю. Страшный шум и невероятная сумятица начались и среди тех варваров, которые находились вне башни 1320.

4. Это я хотела рассказать о громадной деревянной башне и штурме города варварами. Вернемся вновь к императору. С наступлением весны 1321 Августа из Фессалоники вернулась в царственный город, а самодержец, продолжая путь, прибыл через Пелагонию в Девол, расположенный у подножия тех труднопроходимых горных проходов, о которых я уже говорила.

Задумав новый план борьбы с варварами, Алексей решил отказаться от открытого сражения. Поэтому, не желая вступать в рукопашный бой, он оставил неприступные долины и непроходимые дороги в качестве нейтральной зоны между обоими войсками и расположил крупные силы под командой преданных ему людей на гребнях холмов. Он разработал новый план действий, согласно которому его люди не должны были иметь возможности легко добираться до Боэмунда и оттуда к ним не могли доставляться письма и передаваться приветы, ведь благодаря этим последним очень часто завязывается дружба. А отсутствие общения, как говорит Стагирит, разрушило много дружеских союзов 1322. Зная Боэмунда как человека, исполненного коварства и энергии, Алексей, хотя и желал, как говорится, сразиться с ним лицом к лицу, тем не менее не

переставая измышлял иные способы и средства борьбы.

Мой отец-самодержец не боялся опасностей и много их испытал на своем веку. Однако он во всем руководствовался разумом и, несмотря на свое горячее желание вступить в бой, по названной уже причине стремился одолеть Боэмунда иными средствами. Ведь, как мне кажется, полководец не должен во всех случаях стремиться оружием одержать победу, но иногда, когда время и обстоятельства это позволяют, может для завоевания полной победы прибегнуть к хитрости. Насколько мне известно, полководцы часто обращаются к помощи не только мечей и сражений, но и мирных договоров. Да и вообще бывают случаи, когда врага лучше одолеть коварством. Вот и тогда самодержец, по-видимому, затевал хитрость.

Желая вызвать разногласия между графами и Боэмундом, потрясти или же вовсе разорвать их боевой союз, он, как на сцене, разыгрывает следующее. Алексей призывает к себе севаста Марина из Неаполя (этот Марин происходил из рода Маистромилиев 1323; обманутый лживыми словами и обещаниями, он в то время не слишком твердо придерживался клятвы, которую дал императору, тем не менее самодержец решился открыть ему свой тайный замысел относительно Боэмунда), вместе с ним Рожера (это знатный франк) и Петра Алифу, мужа, знаменитого своим воинским искусством, соблюдавшего непоколебимую верность самодержцу. Призвав их к себе, Алексей попросил у них совета, как лучше всего одолеть Боэмунда, а также спросил их о наиболее преданных Боэмунду людях, которых тот любит и ценит. Узнав о них, Алексей сказал, что нужно всевозможными хитростями привлечь этих людей на свою сторону. «Если нам удастся, мы с их помощью внесем раздор во все кельтское войско», – вот что сообщает император уже упомянутым мужам. У каждого из них он просит по одному человеку из числа наиболее преданных и умеющих держать язык за зубами слуг. Они сказали, что с готовностью отдадут ему своих лучших слуг.

После того как люди явились, Алексей, как на сцене, разыгрывает следующее: он составляет как бы ответные письма к некоторым наиболее близким Боэмунду людям, изображая дело так, будто бы те писали Алексею, домогались его дружбы и открывали ему тайные замыслы тирана. Он посылает им эти письма 1324, будто бы выражая свою благодарность и благосклонно принимая их преданность. Этими людьми были:

Гвидо – родной брат Боэмунда, некий славный муж по имени Коприсиан 1325, кроме того, Ричард и Принципат 1326, храбрый муж,

занимавший высшие должности в войске Боэмунда, и многие другие. Этим людям направил Алексей фальшивые письма.

Ни от кого, ни от Ричарда, ни от кого другого не получал император никаких писем с изъявлениями верности и преданности. Он сам по собственному почину сочинил все письма. Эта инсценировка имела следующий смысл: если слух о предательстве столь высокопоставленных мужей, которые будто бы отвернулись от Боэмунда и перешли на сторону императора, дойдет до ушей тирана, тот сразу же придет в неистовство, проявит свою варварскую природу, станет с ними дурно обращаться и вынудит их порвать с ним. Таким образом, благодаря ухищрению Алексея они сделают то, что им самим даже не пришло бы в голову: восстанут против Боэмунда. Как я полагаю, стратиг знал, что вражеское племя сильно тогда, когда оно едино и спаяно, но бунтующее и разделенное на враждующие партии, оно становится слабее и представляет собой легкую добычу для противника. Таков был глубокий замысел самодержца, и в этих письмах содержалось затаенное коварство.

Свой замысел Алексей приводит в осуществление следующим образом. Он посылает фальшивые письма, приказав гонцам вручить каждому латинянину предназначенное ему письмо. В этих посланиях он не только выражал благодарность, но и сулил подарки, царские дары и давал многочисленные обещания. Алексей увещевал их и в будущем сохранять и проявлять преданность ему и не иметь от него никаких тайн. Алексей также отправил вслед верного человека с приказом скрытно следовать за гонцами, когда те приблизятся к вражескому лагерю, обогнать их, явиться до них к Боэмунду, выдать себя за перебежчика, сказать, что перешел к Боэмунду, так как ему ненавистна мысль остаться у императора, и постараться снискать дружбу тирана. В знак своей преданности он должен был недвусмысленно уличить тех мужей, которым были направлены письма, и сказать, что де тот-то и тот-то (назвав их по имени) нарушили верность Боэмунду, стали преданными друзьями императора, заботятся о его благе и что следует остерегаться, как бы они внезапно не привели в исполнение злой умысел, который давно питают против Боэмунда. Он должен был также принять меры к тому, чтобы Боэмунд не причинил никакого зла гонцам с письмами. Ведь император заботился, чтобы посланные им люди остались невредимы, а дела Боэмунда пришли в расстройство.

Может быть, Алексей только сказал и ничего не сделал? Нет! Упомянутый нами муж является к Боэмунду, берет с него клятвенное ручательство безопасности гонцов с письмами, говорит все, что ему велел

самодержец. На вопрос, где, по его мнению, должны находиться гонцы, он ответил, что они проходят через Петрулу. Боэмунд отправил людей перехватить гонцов, распечатал письма и, не усомнившись в их правдивости, почувствовал головокружение и чуть не упал.

Он распорядился заключить тех людей под стражу, а сам в течение шести дней, не выходя из палатки, мучительно раздумывал, что ему следует делать. Он мысленно перебирал различные варианты. Вызвать коннетаблей и высказать своему брату Гвидо подозрения, имеющиеся на его счет? Вызвать их после дознания или без дознания? И, наконец, кого назначить вместо них коннетаблями? Все они были людьми знатными, Боэмунд понимал, какой ущерб принесет их опала, и поэтому решил дело соответственно обстоятельствам (я думаю также, что он заподозрил скрытый смысл писем): приветливо обошелся с ними и смело позволил им сохранить свое прежнее положение 1327.

5. Самодержец, расположив ранее по всем клисурам крупные военные силы во главе с отборными военачальниками, преградил кельтам все пути так называемыми «завалами» 1328. Михаил Кекавмен стал неусыпно стеречь Авлон, Иерихо и Канину, а Александр Кавасила со смешанным отрядом пехотинцев был послан в Петрулу. Этот последний был человеком необычайной храбрости и немало азиатских турок обратил в бегство. Девру охранял с большим войском Лев Никерит, а Евстафию Камице была поручена защита клисур в окрестностях Арванона.

Боэмунд, как говорится, с места в карьер выслал против Кавасилы своего брата Гвидо, некоего графа по имени Сарацин и Контопагана. После того как некоторые пограничные с Арваноном городки перешли на сторону Боэмунда 1329, их жители, прекрасно знавшие дороги вокруг Арванона, явились к нему, сообщили точные сведения о расположении Девра и показали тайные тропы. Тогда Гвидо разделил свое войско на две части, сам завязал сражение с Камицей с фронта, а Контопагану и графу по имени Сарацин приказал следовать за проводниками, жителями Девра, и напасть на Камицу с тыла. Оба они одобрили этот план, и когда Гвидо завязал сражении с фронта, остальные графы напали на лагерь Камицы с тыла и учинили страшную резню. Камица не мог сражаться сразу против всех, и, увидев, что его воины обратились в бегство, сам последовал за ними. В тот день пали многие ромеи, в том числе Кара, с детства приближенный к самодержцу и вошедший в число близких ему людей, и турок Скалиарий – один из наиболее славных восточных правителей, перешедший на сторону императора и принявший святое крещение. Это о Камице.

Тем временем Алиат, который вместе с другими военачальниками охранял Главиницу, спустился на равнину; один бог знает, сделал он это для того, чтобы вступить в бой или чтобы осмотреть местность. Случайно ему повстречались кельты-катафракты, доблестные воины числом пятьдесят человек. Они разделились на две части, и одни воины, пустив коней во весь опор, со страшной силой напали на отряд Алиата с фронта, а другие бесшумно зашли с тыла (местность там была болотистой). Но Алиат не заметил зашедших с тыла воинов, все свои мысли и силы обратил на борьбу с находившимся перед ним противником и не видел нависшей угрозы. Зашедшие с тыла напали на него и завязали жестокий бой. Встретившийся Алиату граф Контопаган сразился с Алиатом, ударил его копьем, и тот тут же бездыханный рухнул на землю. Немало воинов Алиата пало тогда вместе с ним 1330. Узнав о случившемся, самодержец призвал к себе Кантакузина, которого знал как человека искусного в военном деле; Кантакузин, как я говорила 1331, прибыл к самодержцу, вызванный им из Лаодикии.

Военные действия против Боэмунда не терпели отлагательств, поэтому самодержец отправил Кантакузина вместе с большим войском, и сам выступил из лагеря, следуя за Кантакузином и вдохновляя его на бой. Прибыв к клисуре, именуемой на местном языке Петрой, он остановился где-то возле нее. Поделившись с Кантакузином многочисленными соображениями и военными планами, Алексей дал ему полезные советы, ободрил добрыми надеждами, отправил его в Главиницу, а сам вернулся в Девол.

Продолжая путь, Кантакузин приблизился к городку Милосу, сразу же изготовил к бою всякого рода гелеполы и осадил городок. Ромеи дерзко приблизились к стенам Милоса, причем одни из них подожгли и спалили ворота, а другие по стене быстро поднялись к зубцам. Кельты, расположившиеся лагерем на другом берегу реки Виусы, заметили это и побежали к крепости Милосу. Как только разведчики Кантакузина (это были, как уже сообщалось, варвары 1332) увидели их, они в беспорядке бросились бежать назад к полководцу и, вместо того чтобы незаметно сообщить ему об увиденном, стали издали громко кричать о приближении врагов. Воины услышали о приближении кельтов и, хотя они перевалили через стену, сожгли ворота и уже, собственно, имели город в своих руках, испугались и бросились искать коней. Ослепленные страхом, с помутившимся от ужаса рассудком, они садились на чужих коней. Кантакузин делал отчаянные попытки задержать их и, наезжая на объятых страхом людей, громко произносил слова поэта: «Будьте мужами, о други,

воспомните бурную силу». Это не произвело впечатления, тогда Кантакузин искусно успокоил волнение воинов такими словами: «Нельзя оставлять врагам гелеполы, иначе они обратят их против нас. Подожжем их, а затем в порядке отступим». Воины немедленно и с большой готовностью исполнили приказание и сожгли не только гелеполы, но и лодки, стоявшие на реке Виусе, чтобы кельты не смогли переправиться с того берега. Кантакузин, немного отступив назад, оказался на равнине, справа от которой протекала река Арзен, а слева находилось топкое и болотистое место. Пользуясь им как прикрытием, он разбил там лагерь.

Упомянутые уже кельты подошли к берегу реки, но лодки были сожжены, и они, обманувшись в своих ожиданиях, разочарованные, повернули назад. Брат Боэмунда Гвидо, узнав от них о случившемся, направился в другую сторону и, отобрав наиболее храбрых воинов, отправил их к Иерихо и Канине. Они достигли узкой долины, охранявшейся Михаилом Кекавменом (самодержец поставил его там стражем) и, пользуясь благоприятным для них расположением местности, смело напали на ромеев и наголову их разбили. Ведь кельт, легко уязвимый на равнине, сражаясь с врагами в узком месте, непобедим.

6. Воспрянув духом, кельты вновь двинулись на Кантакузина. Видя, однако, что место, где, как я говорила, Кантакузин разбил свой лагерь, неудобно для них, они остереглись вступать в бой и отложили сражение. Кантакузин же узнал об их приходе и в течение ночи со всем войском переправился на другой берег реки. Солнце еще не выглянуло из-за горизонта, а Кантакузин уже облачился в доспехи, вооружил все войско и занял место перед центром строя; слева от него находились турки, а алан Росмик командовал правым флангом, где стояли его соотечественники. Кантакузин выслал против кельтов скифов с приказом стрельбой из луков отвлекать на себя врагов; скифы должны были то осыпать их градом стрел, то отходить немного назад и вновь нападать на кельтов.

Скифы с готовностью отправились выполнять приказ. Но им ничего не удалось сделать, так как кельты двигались медленно, щит ко щиту и не размыкая строя. Когда оба войска сошлись на расстояние, удобное для боя, кельты с такой огромной силой набросились на противника, что скифы не смогли более стрелять из лука и повернулись спиной к врагам. На помощь скифам ринулись в бой турки, кельты, однако, даже не обратили на них внимания и с еще большим пылом продолжали битву. Видя, что скифы терпят поражение, Кантакузин приказал командовавшему правым флангом эксусиократору 1333 Росмику вместе со своими воинами (это были воинственные аланы) вступить в бой с кельтами. Однако Росмик,

напав на кельтов, обратился в бегство, хотя, как лев, страшно рычал на кельтов. Когда же Кантакузин увидел, что и Росмик терпит поражение, он, как бы возбудив стрекалом свою храбрость, нападает на кельтский строй с фронта, разбивает на много частей их войско, обращает кельтов в паническое бегство и преследует их до городка Милос. Он убил большое число как простых, так и знатных воинов, взял в плен некоторых знатных графов, в том числе Гуго, брата...1334 по имени Ричард и Контопагана и вернулся победителем. Желая произвести своей победой еще большее впечатление на императора, он наколол на копья головы многих кельтов и сразу же отправил их Алексею вместе с самыми знатными пленниками – Гуго и Контопаганом.

Дойдя до этого места, водя свое перо в час, когда зажигают светильники, и почти засыпая над своим писанием, я чувствую, как нить повествования ускользает от меня. Ведь когда по необходимости приходится в рассказе употреблять варварские имена и нагромождать события друг на друга, кажется, что расчленяется тело истории и разрывается последовательность повествования. Да не прогневаются на меня те, которые с благосклонностью читают мою историю.

Воинственный Боэмунд видел, в каком тяжелом положении находятся его дела: с моря и с суши наступают враги, припасы уже истощились, и он во всем испытывает недостаток. Поэтому Боэмунд выделил большое войско и отправил его с целью грабежа во все города, расположенные рядом с Авлоном, Иерихо и Каниной. Но Кантакузин не дремал, и его, как говорит поэт, «сладостный сон не покоил»; для отпора кельтам он быстро выслал Вероита во главе большого войска. Сойдясь с врагом, Вероит разбивает его и для увенчания победы на обратном пути поджигает и уничтожает корабли Боэмунда 1335. Когда жестокий тиран Боэмунд узнал о поражении посланного им войска, он ничуть не был смущен и чувствовал себя так, будто не потерял ни одного воина. Напротив, его отвага, казалось, возросла еще более, он вновь отобрал пехотинцев и конников – закаленных воинов – числом в шесть тысяч человек и отправил их против Кантакузина, полагая, что им удастся в первом же натиске пленить ромейское войско вместе с самим Кантакузином. Но у Кантакузина были наблюдатели, постоянно следившие за кельтскими полчищами, от них он узнал о наступлении кельтов, в течение ночи вооружился сам и вооружил своих воинов, горя нетерпением утром напасть на кельтов. Утомленные кельты прилегли ненадолго отдохнуть на берегу реки Виусы; там с первой улыбкой утра и застает их Кантакузин. Он сразу же нападает на них и многих кельтов берет в плен, а еще большее

их число убивает. Остальные были увлечены водоворотами реки и утонули: убегая от волка, они попали в лапы льва 1336.

Всех графов Кантакузин отправил самодержцу, а затем вернулся к Тимору 1337; это – болотистое и труднопроходимое место. Он провел там семь дней и выслал в разные места нескольких разведчиков с приказом наблюдать за действиями Боэмунда и добыть языка 1338, дабы получить более точные сведения о Боэмунде. Посланные случайно встретились с сотней кельтов, которые изготовляли плоты с намерением переправиться на них через реку и захватить городок, расположенный на противоположном берегу. Разведчики неожиданно напали на кельтов и почти всех их захватили в плен, в том числе и брата Боэмунда, человека десятифутового роста, с размахом плеч, как у Геракла. Странно было видеть, как этого огромного гиганта – настоящего исполина – держит пигмей, крохотный скиф. Ради забавы Кантакузин, отправляя пленных самодержцу, распорядился, чтобы этого исполина ввел в оковах к императору пигмей-скиф. Узнав о прибытии пленных, император воссел на императорский трон и приказал ввести их. Входит скиф, ведя в оковах гигантского кельта, которому он не доставал даже до ягодиц. Тотчас раздался громкий смех. И остальные графы были заключены в тюрьму...1339.

7. Не успел еще самодержец и улыбнуться успеху Кантакузина, как прибыло новое, на этот раз печальное известие о чудовищной резне, учиненной над ромейскими отрядами Камицы и Кавасилы. Но самодержец не пал духом, хотя и был в душе очень огорчен, пребывал в печали, оплакивал павших, а по временам и проливал слезы над участью этих людей. Призвав к себе Константина Гавру 1340, любезного Арею мужа, огнем пышащего в лица врагов, Алексей велел ему идти в Петрулу, чтобы выяснить, откуда проникли в долину кельты, учинившие эту резню, и преградить им путь на будущее. Гавра, однако, был недоволен и тяготился этим поручением (он был весьма высокого мнения о себе и желал браться только за великие дела), поэтому самодержец тотчас отправляет с тысячью храбрейших мужей Мариана Маврокатакалона – мужа сестры моего кесаря, человека неистового в бою, доказавшего свою храбрость многочисленными подвигами и снискавшего большую любовь самодержца. Алексей также отобрал и послал вместе с ними большое число снедаемых жаждой битв слуг багрянородных особ и моего кесаря. Мариан тоже опасался этого поручения, тем не менее он удалился в свою палатку, чтобы обдумать приказ императора.

В среднюю стражу ночи пришло письмо от Ландульфа,

находившегося в то время вместе с талассократором Исааком Контостефаном. Ландульф обвинял Контостефанов – Исаака и его брата Стефана – и Евфорвина в том, что те пренебрегают охраной переправы из Лонгивардии и ради отдыха иногда высаживаются на сушу. Ландульф писал следующее: «Ты, император, не жалеешь ни сил, ни трудов, чтобы воспрепятствовать набегам кельтов, а они дремлют и не охраняют переправу из Лонгивардии. Поэтому те, которые переправляются к Боэмунду и доставляют ему все необходимое, пользуются полной свободой. Вот и недавно к Боэмунду переправились лонгиварды. Они дождались попутного ветра (южные ветры благоприятны для переправляющихся из Лонгивардии в Иллирик, а северные наоборот), окрылили свои корабли парусами и смело отплыли в Иллирик. Сильный южный ветер не позволил им причалить к Диррахию, а заставил плыть вдоль диррахийского побережья до Авлона. Они пристали к берегу на своих вместительных грузовых судах, высадили большое конное и пешее войско и доставили Боэмунду необходимые припасы. Затем они повсюду устроили торги, и кельты в изобилии могли купить все, что им нужно».

Император разгневался, стал жестоко порицать Исаака, пригрозил наказать его, если он не исправится, и потребовал, чтобы Исаак все время был начеку. Но усилия Контостефана не приносили никаких результатов. Не раз пытался он помешать врагам переправиться в Иллирик, выплывал на середину пролива, но не достигал цели; видя, что кельты, пользуясь попутным ветром, стремительно плывут на всех парусах, он оказывался не в состоянии сражаться сразу с двумя противниками: с кельтами и с ветром, дующим в лицо. Ведь, как говорят, даже Геракл не мог бороться сразу с двумя. Силой ветра корабли Контостефана поворачивало назад. Самодержец был очень раздосадован таким ходом дел. Он понял, что Контостефан ставит на якорь ромейский флот не там, где следует, и ему мешают южные ветры, благоприятные для кельтских кораблей. Алексей нарисовал берега Лонгивардии и Иллирика с расположенными по обе стороны пролива гаванями и отправил эту карту Контостефану, объяснив ему в письме, где следует ставить на якорь корабли и откуда, пользуясь попутным ветром, он сможет напасть на переправляющихся кельтов 1341. Он ободрял Контостефана и побуждал его приняться за дело. Исаак воспрянул духом, подошел к тому месту, на которое ему указывал самодержец, и поставил на якорь корабли. Дождавшись случая, когда кельты с груженными судами отплыли из Лонгивардии в Иллирик, Контостефан воспользовался дувшим в то время попутным ветром, настиг их в середине пролива и одни пиратские корабли сжег, а большинство

пустил ко дну вместе с командами.

Еще не зная об этом и находясь под впечатлением письма Ландульфа и самого дуки Диррахия, император изменяет свое решение, немедленно вызывает уже упомянутого Мариана Маврокатакалона, назначает его дукой флота, а охрану Петрулы поручает другому человеку. Мариан отплыл, встретил по некоей счастливой случайности переправлявшиеся из Лонгивардии к Боэмунду пиратские и грузовые суда, груженные всевозможными съестными припасами, и захватил их. Он и на будущее время остался неусыпным стражем пролива между Лонгивардией и Иллириком и совершенно не позволял кельтам переправляться к Диррахию.

8. Тем временем самодержец, расположившись лагерем у подножия клисур возле Девола, удерживал тех, кто вынашивал замыслы перейти на сторону Боэмунда и осыпал градом посланий оборонявших клисуры, предписывая каждому военачальнику, скольких воинов должен он отправлять против Боэмунда на равнину Диррахия и в какой боевой порядок выстраивать людей для битвы. Большая часть воинов должна была на конях выезжать вперед, возвращаться назад и, неоднократно повторяя этот маневр, пускать в дело свои луки; в это же время копьеносцы должны были медленно двигаться вслед за ними, принимать к себе лучников в случае, если те отступят дальше, чем нужно, и поражать кельтов, которые к ним приблизятся. Император щедро снабжал воинов стрелами и приказывал не жалеть их, но метать не в кельтов, а в их коней. Ведь император знал, что из-за своих панцирей и кольчуг кельты почти неуязвимы, а попусту расходовать стрелы Алексей считал совершенно бессмысленным.

Кельтские доспехи представляют собой железную кольчугу, сплетенную из вдетых друг в друга колец, и железный панцирь из такого хорошего железа, что оно отражает стрелы и надежно защищает тело воина. Кроме того, защитой кельту служит щит – не круглый, а продолговатый, широкий сверху, а внизу заканчивающийся острием; с внутренней стороны он слегка изогнут, а внешняя его поверхность гладкая, блестящая, со сверкающим медным выступом. Стрела, безразлично какая – скифская, персидская или даже пущенная рукой гиганта, отскакивает от этого щита и возвращается назад к пославшему ее. Поэтому-то, думается мне, император, знакомый с кельтским вооружением и стрельбой наших лучников, и приказал им, пренебрегая людьми, поражать коней и «окрылять» их стрелами, чтобы заставить кельтов спешиться и таким образом сделать их легко уязвимыми. Ведь на

коне кельт неодолим и способен пробить даже вавилонскую стену; сойдя же с коня, он становится игрушкой в руках любого. Зная коварство своих спутников, император не хотел переходить через клисуры, хотя, как он неоднократно говорил мне об этом, горячо желал завязать открытое сражение с Боэмундом. Ведь его желание сражаться было острее любого меча, и он обладал непоколебимым и неустрашимым нравом. Однако недавние события тяжело поразили его в самую душу и не дали ему исполнить свое намерение.

Между тем ромеи теснили Боэмунда с суши и с моря. Хотя император наблюдал за событиями, развертывавшимися на равнине Иллирика как зритель, тем не менее он всеми своими мыслями и чувствами был вместе со сражавшимися и разделял их труды и лишения. Более того, он побуждал к битвам и сражениям военачальников, расположившихся на холмах в клисурах, и учил, как надо нападать на кельтов. Мариан в это время охранял пролив между Лонгивардией и Иллириком, отражал все попытки переправиться в Иллирик и не позволял пробраться к Боэмунду ни трехмачтовому судну, ни большому грузовому кораблю, ни легкому двухвесельному суденышку.

Продукты питания, доставлявшиеся по морю, а также добывавшиеся на суше, кончились 1342. Боэмунд видел, что война ведется ромеями с большим искусством (если кельты выходили из лагеря ради фуража или продовольствия или выгоняли коней на водопой, ромеи нападали и убивали многих воинов). В результате численность войска Боэмунда мало-помалу сокращалась, поэтому он отправил к дуке Диррахия Алексею послов с предложением мира 1343.

Один знатный граф Боэмунда, Вильгельм Кларет, видя, как все кельтское войско гибнет от голода и болезни (воинов свыше постигла некая страшная болезнь), решил позаботиться о своем спасении и вместе с пятьюдесятью всадниками 1344 перешел к самодержцу. Император принял Вильгельма, расспросил о Боэмунде, узнал, что войско противника гибнет от голода и находится в очень тяжелом положении, возвел Вильгельма в сан новелиссима и пожаловал ему многочисленные дары и милости 1345.

В это время императору из письма Алексея стало известно, что Боэмунд прислал послов с предложением мира. Зная о постоянных кознях своих приближенных, видя, как они ежечасно поднимают восстания, и испытывая гораздо больше ударов со стороны внутренних врагов, чем внешних, император решил прекратить биться на два фронта. Превращая, как говорится, необходимость в доблесть, он предпочел заключить мир с кельтами и не отклонять просьб Боэмунда; ведь Алексей боялся двигаться

дальше по причине, о которой уже говорилось выше. Поэтому он остался на месте, обороняясь против двух противников, а дуке Диррахия приказал письменно сообщить Боэмунду следующее: «Ты знаешь, сколько раз я был обманут, доверившись твоим клятвам и речам. Если бы священной евангельской заповедью не предписывалось христианам прощать друг другу обиды, я бы не открыл свой слух для твоих речей. Однако лучше быть обманутым, нежели нанести оскорбление богу и преступить священные заповеди. Вот почему я не отклоняю твоей просьбы. Итак, если ты действительно желаешь мира и питаешь отвращение к глупому и бессмысленному делу, за которое принялся, и не хочешь больше радоваться виду христианской крови, пролитой не ради твоей родины, не ради самих христиан, а лишь ради твоей прихоти, то приходи ко мне вместе с теми, кого пожелаешь взять с собой, ведь расстояние между нами невелико. Совпадут наши желания или не совпадут, достигнем мы соглашения или нет, в любом случае ты вернешься, как говорится, в целости и сохранности в свой лагерь» 1346.

9. Услышав это, Боэмунд потребовал, чтобы император дал ему в качестве заложников знатных людей, и заверил, что их до его возвращения будут содержать в норманнском лагере на свободе под наблюдением графов. Иначе, говорил Боэмунд, он не решится явиться к самодержцу. Император призвал к себе неаполитанца Марина, славного своим мужеством франка Рожера (оба они люди здравомыслящие и хорошо знакомые с нравами латинян), Константина Евфорвина – человека большой силы и благородного нрава, никогда не терпевшего неудач при выполнении приказов императора, и некоего Адралеста, знавшего кельтский язык, и отправил их к Боэмунду с приказом всеми возможными способами воздействовать на Боэмунда и убедить его по собственной воле явиться к самодержцу, с тем чтобы сообщить свои пожелания и высказать просьбы. Если его просьбы, – должны были передать послы, – придутся по душе самодержцу, желания Боэмунда будут, естественно, удовлетворены, если же нет, то Боэмунд невредимым вернется в свой лагерь. Дав такие наставления послам, император отправил их в путь, и они двинулись по дороге к Боэмунду.

Боэмунд, узнав о прибытии послов, стал опасаться, как бы они, увидев тяжелое положение его войска, не сообщили о нем императору, поэтому он на коне встретил послов вдали от лагеря. Послы передали ему слова самодержца таким образом: «Император говорит, что он вовсе не забыл о тех обещаниях и клятвах, которые дал ему не только ты, но и все графы, проходившие тогда через империю1347. Как видишь, не добром

обернулось для тебя нарушение тех клятв». Выслушав это, Боэмунд сказал: «Достаточно об этом. Если у вас есть еще какое-нибудь сообщение от императора, я хочу его выслушать».

На это послы ответили ему: «Император, желая спасти тебя и твое войско, передает тебе через нас следующее: „Как известно, несмотря на все свои тяжкие труды, ты не смог овладеть Диррахием и не добился никакой выгоды для себя и для своих людей. Если ты не желаешь окончательно погубить себя и свое войско, иди к моей царственности, без страха открой все свои желания и выслушай в ответ мое суждение. Если наши мнения совпадут, – слава богу! Если нет, то я невредимым отправлю тебя обратно в твой лагерь. Более того, те из твоих людей, которые пожелают пойти на поклонение гробу господню, благополучно прибудут к нему под моей охраной, а тот, кто предпочтет удалиться на свою родину, получит от меня щедрые дары и вернется домой“».

На это Боэмунд сказал им: «Теперь я в действительности убедился, что император послал ко мне людей, способных привести и выслушать доводы. Я хотел бы получить от вас полную гарантию, что не буду неуважительно принят самодержцем. Пусть самые близкие его родственники встретят меня за шесть стадий до города, а когда я приближусь к императорской палатке и буду входить в двери, пусть он поднимется с императорского тропа и с почтением примет меня. Император не должен упоминать ни о каких заключавшихся ранее между нами договорах и вообще устраивать суд надо мной, и я буду иметь свободу по своему желанию высказать все, что захочу. К тому же император должен взять меня за руку и предоставить место у изголовья своего ложа, я же войду в сопровождении двух воинов 1348 и не буду преклонять колен и склонять головы перед самодержцем». Выслушав его слова, упомянутые выше послы отказались принять требование Боэмунда, чтобы император поднялся с трона, и отклонили его как чрезмерное. И не только это: они отвергли его просьбу не преклонять колен и не склонять головы в знак почтения императору. Что же касается остального, то послы не отказались, чтобы несколько дальних родственников Алексея вышли на определенное расстояние, встретили направляющегося к императору Боэмунда и оказали ему услуги и почтение, чтобы он вошел в палатку в сопровождении двух воинов и чтобы император взял его за руку и предоставил ему место у изголовья своего походного ложа. После этого разговора послы удалились туда, где им было приготовлено место для отдыха. Послов охраняли сто сержантов 1349, чтобы, выйдя ночью, они не увидели тяжкого положения войска и не стали с большим пренебрежением

относиться к Боэмунду.

На следующий день Боэмунд вместе с тремястами всадников и всеми своими графами прибыл на то место, где он накануне беседовал с упомянутыми послами. Затем, в сопровождении знатных людей – числом шесть человек – он отправился к послам, а остальных оставил ожидать его возвращения. Боэмунд с послами вернулся к обсуждению прежней темы, и, так как Боэмунд продолжал настаивать на своих требованиях, один весьма высокопоставленный граф, по имени Гуго, сказал ему следующее: «Мы явились воевать с императором, но еще никто не поразил врага своим копьем; оставь эти разговоры, заменим мир войной». Обе стороны выдвигали многочисленные доводы, и Боэмунд был тяжело уязвлен тем, что не все его требования, предъявленные послам, будут удовлетворены. Некоторые из них они приняли, на другие ответили отказом;

Боэмунд уступил и, как говорится, превратив необходимость в доблесть, потребовал от послов клятву, что будет принят с почетом и что если самодержец и не пойдет навстречу его желаниям, то невредимым отправит его обратно в лагерь. Перед ними положили святые евангелия, и Боэмунд потребовал выдать его брату Гвидо заложников, чтобы тот держал их под стражей до его возвращения. Послы согласились на это и в свою очередь потребовали клятву, что заложникам гарантируется безопасность. Боэмунд ответил согласием, и они обменялись клятвами. Здесь Боэмунд передал заложников (севаста Марина, Адралеста и франка Рожера) своему брату Гвидо, чтобы тот, безразлично, заключит Боэмунд мирный договор с императором или нет, согласно клятве, невредимыми отправил их к самодержцу.

10. Собираясь отправиться вместе с Евфорвином Константином Катакалоном к императору, Боэмунд хотел переменить местоположение своего войска, ибо из-за длительного пребывания на одном месте поднялось сильное зловоние, но сказал, что даже этого не хочет делать без согласия послов. Таково непостоянство племени кельтов, которые в один миг способны перейти от одной крайности к другой. Среди них можно наблюдать, как один и тот же человек то хвастает, что потрясает всю землю, то раболепствует и падает ниц, особенно когда встречает людей более твердого характера. Послы не позволили переместить войско более чем на двенадцать стадий и сказали Боэмунду: «Если тебе угодно, мы тоже пойдем с тобой и осмотрим место». Боэмунд согласился и на это, и они сразу же письмами известили тех, кто охранял клисуры, чтобы они не совершали набегов и не причиняли им вреда.

Евфорвин Константин Катакалон попросил Боэмунда разрешить ему

отправиться в Диррахий. С его согласия, Катакалон быстро прибыл к Диррахию и, разыскав правителя города, сына севастократора Исаака, Алексея, передал последнему то, что сообщил ему самому и отправившимся вместе с ним воинским начальникам самодержец. Защитники Диррахия не могли выглянуть из-за стены, так как им мешало приспособление, еще раньше изобретенное самодержцем для зубцов диррахийской стены. Это были деревянные щиты, специально изготовленные по этому случаю без гвоздей и искусно приставленные к крепостным зубцам, чтобы латиняне, если бы они попытались вскарабкаться по лестницам, добравшись до зубцов, не смогли бы там укрепиться, а соскользнули бы вместе со щитами и, как говорилось, упали бы внутрь 1350. Евфорвин поговорил с защитниками города, передал им сообщение императора и вселил в них мужество. Расспросив их о положении крепости, Евфорвин выяснил, что дела их находятся в наилучшем состоянии, что они имеют все необходимое и ни во что не ставят машины Боэмунда. После этого Евфорвин прибыл к Боэмунду, разбившему лагерь в том месте, о котором он говорил раньше, и вместе с Боэмундом отправился к императору. Остальные послы, согласно данному ранее обещанию, остались с Гвидо. Мануила Модина, самого верного и преданного из своих слуг, Евфорвин отправил вперед к Алексею Комнину с сообщением о приближении Боэмунда. Когда Боэмунд подходил к императорской палатке, ему, как и обещали послы, устроили встречу.

Император протянул руку вошедшему в палатку Боэмунду, взял его за руку, обратился к нему с подобающим царям приветствием и посадил вблизи императорского трона. О Боэмунде можно сказать в двух словах: не было подобного Боэмунду варвара или эллина во всей ромейской земле – вид его вызывал восхищение, а слухи о нем – ужас.

Но опишу детально внешность варвара. Он был такого большого роста, что почти на локоть возвышался над самыми высокими людьми, живот у него был подтянут, бока и плечи широкие, грудь обширная, руки сильные. Его тело не было тощим, но и не имело лишней плоти, а обладало совершенными пропорциями и, можно сказать, было изваяно по канону Поликлета. У него были могучие руки, твердая походка, крепкие шея и спина. Внимательному наблюдателю он мог показаться немного сутулым, но эта сутулость происходила вовсе не от слабости спинных позвонков, а, по-видимому, тело его имело такое строение от рождения. По всему телу кожа его была молочно-белой, но на лице белизна окрашивалась румянцем. Волосы у него были светлые и не ниспадали, как у других варваров, на спину – его голова не поросла буйно волосами 1351,

а была острижена до ушей. Была его борода рыжей или другого цвета, я сказать не могу, ибо бритва прошлась по подбородку Боэмунда лучше любой извести 1352. Все-таки, кажется, она была рыжей. Его голубые глаза выражали волю и достоинство. Нос и ноздри Боэмунда свободно выдыхали воздух: его ноздри соответствовали объему груди, а широкая грудь – ноздрям 1353. Через нос природа дала выход его дыханию, с клокотанием вырывавшемуся из сердца. В этом муже было что-то приятное, но оно перебивалось общим впечатлением чего-то страшного. Весь облик Боэмунда был суров и звероподобен – таким он казался благодаря своей величине и взору, и, думается мне, его смех был для других рычанием зверя. Таковы были душа и тело Боэмунда: гнев и любовь поднимались в его сердце, и обе страсти влекли его к битве. У него был изворотливый и коварный ум, прибегающий ко всевозможным уловкам Речь Боэмунда была точной, а ответы он давал совершенно неоспоримые 1354. Обладая такими качествами, этот человек лишь одному императору уступал по своей судьбе, красноречию и другим дарам природы.

11. Самодержец бегло и глухо напомнил Боэмунду о прошлом и перевел беседу в другое русло. Боэмунд же, чья совесть была неспокойна, постарался избежать ответа на его слова и сказал лишь следующее: «Я явился сюда не держать ответ. Ведь и у меня есть что сказать. Но так как бог привел меня сюда, я всецело полагаюсь на твое владычество». Император же на это: «Оставим прошлое. Если ты хочешь заключить со мной мир, то, во-первых, должен стать одним из подвластных моего владычества; во-вторых, сообщить об этом своему племяннику Танкреду и приказать ему передать моим посланцам Антиохию, согласно прежнему нашему соглашению, а кроме того, сейчас и в будущем соблюдать все то, о чем мы тогда договорились между собой». Когда император высказал и выслушал это и многое другое, Боэмунд, который остался прежним и нисколько не изменился, произнес: «У меня нет возможности дать тебе такое обещание». А в ответ на другие требования императора он попросил, согласно договоренности с послами, разрешения вернуться к своему войску. Император сказал ему: «Лучше меня самого никто не сможет безопасно доставить тебя обратно». Сказав это, он во всеуслышание приказал начальникам войска приготовить им коней, чтобы отправиться к Диррахию.

Услышав это, Боэмунд пошел в предназначенную ему палатку и попросил свидания с моим кесарем Никифором Вриеннием, возведенным тогда в сан паниперсеваста 1355. Тот приходит к Боэмунду и, пустив в ход все свое красноречие (никто не мог с ним сравниться в публичных

выступлениях и беседах), убеждает его согласиться с большинством условий императора. Взяв Боэмунда за руку, он приводит его к императору. На следующий день Боэмунд по своему собственному выбору и усмотрению принес клятву и заключил договор. Вот его содержание.

12. «Предыдущий договор 1356, который я заключил с твоим боговенчанным владычеством, когда останавливался вместе с многочисленным франкским войском в царственном городе, направляясь из Европы в Азию для освобождения Иерусалима, стал недействителен в результате превратностей судьбы; поэтому пусть он будет отменен и не имеет силы, ибо фактически он расторгнут самим изменившимся положением вещей. Твоя царственность не должна иметь ко мне никаких притязаний и опираться на пункты и условия прежнего договора. Ведь когда я объявил войну твоему от бога владычеству 1357 и нарушил соглашение, вместе с ним потеряли силу и обвинения твоего владычества против меня. Теперь же, как бы раскаявшись, подобно объятому ужасом рыболову 1358, я вновь обрел разум и чуть ли не стал благоразумнее благодаря твоему копью. Поскольку ты решил взять меня под свою десницу и сделать своим вассалом, я, помня поражения и битвы прежнего времени, намереваюсь заключить с твоим владычеством новый договор в том, что становлюсь вассалом твоего скипетра 1359, или, говоря яснее и четче, слугой и подвластным 1360.

И вот отныне согласно этому второму договору, который я желаю соблюдать вечно, в чем клянусь богом и всеми его святыми, при свидетельстве которых произносится и пишется это соглашение, я буду верным человеком твоей царственности и твоего горячо любимого сына – императора Иоанна Порфирородного. Я выступлю с оружием в руках против любого противника твоего владычества, вне зависимости от того, будет ли поднявший на тебя руку христианского рода или же врагом нашей веры 1361, из числа тех, кого мы называем язычниками.

Итак, из того, что содержалось в упомянутом ранее договоре, я извлекаю, считаю действительным и твердо сохраню только один пункт, удовлетворяющий обе стороны – вашу царственность и меня: я буду слугой и вассалом твоей царственности и царственности твоего сына; в то время как остальные пункты договора упразднены, я как бы восстанавливаю это потерявшее силу соглашение и, что бы ни случилось, не буду отменять его. Не будет причины, ни явного или тайного средства, благодаря которым я мог бы оказаться нарушителем договора и нынешнего соглашения. Но по хрисовулу твоей царственности я получаю в восточных областях землю, которая будет теперь ясно здесь названа; в хрисовуле твое

владычество подпишется красными чернилами, с него будет снята и вручена мне копия; принимая данную мне землю как дар вашей царственности и владея на основании хрисовула этим даром, я в качестве вознаграждения за эти земли и города приношу свою верность вашей царственности: твоей, великого самодержца кира Алексея Комнина, и твоего трижды дорогого сына и императора кира Иоанна; эту верность я обещаю сохранять неизменной и непоколебимой как надежный якорь.

Для того чтобы яснее повторить свое обещание и сохранить имена подписавших соглашение, повторяю: я, Боэмунд, сын Роберта Гвискара, вступая в соглашение с вашим владычеством, решил твердо придерживаться этого соглашения с вашей царственностью (т. е. с тобой, киром Алексеем, ромейским самодержцем, и твоим порфирородным сыном – императором) в том, что буду истинным и верным вассалом, пока дышу и принадлежу к числу живых. Я выступлю с оружием в руках против всех врагов, которые появятся в будущем у вас и вашей царственности – навеки священные августы-императоры Ромейской державы. И если вы мне прикажете, я буду со всем своим войском безоговорочно служить вам и делать все, что будет необходимо. Если же появятся враги у вашего владычества, если только они не будут подобны бессмертным ангелам, не будут неуязвимы для наших копий и тела их не будут стальными, и если я буду здоров и свободен от войны с варварами и турками, я сам во главе войска буду сражаться в войне за вас. Если же мне помешает, как это часто случается с людьми, тяжелая болезнь или война настоятельно потребует моего участия, тогда я обещаю оказать вам сильную поддержку, отправив своих самых храбрых людей, которые восполнят мое отсутствие. Ведь истинная верность, в которой я сегодня клянусь вашей царственности, и состоит в том, что я, как уже говорилось, буду сам или же через своих людей неуклонно выполнять условия договора.

Я клянусь соблюдать договор в целом и в частностях и верно оберегать ваше владычество и вашу жизнь 1362 – я подразумеваю здешнюю, земную жизнь. За вашу жизнь я буду стоять с оружием в руках, как кованая железная статуя. Я распространяю эту клятву на ваше императорское достоинство и ваши императорские тела, если только будет замышляться против них зло каким-нибудь нечестивым врагом, которого я смогу уничтожить и отвратить от злого дела. Это относится также ко всем вашим землям и городам, большим и малым, к островам и вообще ко всей находящейся под вашим скипетром территории, на суше и на море, от Адриатического моря до всего Востока, и вдоль Большой Азии, где простираются ромейские пределы. Кроме того, я соглашаюсь – да услышит

господь это соглашение и станет его свидетелем – никогда не захватывать и не присваивать никакой отошедшей сейчас или ранее под вашу власть области, города или острова, и вообще никакой территории на Востоке и Западе, которой владела или владеет сейчас константинопольская империя; исключение составляют те области, которые были определенно подарены мне вашим от бога владычеством и которые поименно будут перечислены в настоящем письменном соглашении. Но если мне удастся захватить землю, бывшую некогда владением этой империи и изгнать оттуда ее властителей, то я должен позволить вам распоряжаться ею по своему усмотрению. В том случае если вы пожелаете, чтобы я как наш вассал и верный слуга управлял захваченной землей, пусть будет так. Если же нет, то я без всяких колебаний передам ее тому, кого пожелает назначить ваша царственность. Ни от кого другого я не соглашусь принять землю, город или городок, которые некогда находились под властью империи; все, что было вашим, захваченное в результате осады или без осады, вновь станет вашим, и я не буду по этому поводу иметь ни малейших претензий.

Я не возьму клятвы ни с одного христианина и не дам ее никому, я не заключу никакого соглашения, которое могло бы принести вред и нанести ущерб вам и вашей империи. Я не стану без твоего согласия вассалом другого человека или другого государства, большого или малого; одна власть у меня, которой я обещаю служить: твоя царственность и царственность твоего трижды дорогого сына. А если явятся ко мне люди твоей царственности, поднявшие мятеж против твоего владычества, и пожелают служить мне, то я буду их ненавидеть, отвергну их предложения и, более того, выступлю против них с оружием в руках. Остальных же варваров, желающих встать под мои знамена, я приму, однако, не от своего лица, а заставлю их принести клятву тебе и твоему трижды дорогому сыну; их земли я возьму от имени вашей царственности и обещаю поэтому беспрекословно выполнять все приказы, касающиеся этих земель. Это относится к городам и землям, которые находились ранее под ромейским скипетром.

Что же касается тех земель, которые никогда не были в повиновении у Романии, то я клятвенно обещаю, что все их, как доставшиеся мне без войны, так и в результате войны и сражений, я буду расценивать как данные мне вашей царственностью, будь они турецкими или армянскими, или как сказали бы люди, знающие наш язык, языческими или христианскими. Если же ко мне явятся какие-либо выходцы из этих племен и пожелают служить мне, то я приму их только при том условии,

что и они станут людьми вашей царственности. На них будут распространяться мой договор с вашей царственностью и принесенные мною клятвы. Те из них, кого вы, навеки священные императоры, пожелаете подчинить моей власти, пусть будут подчинены мне, тех же, кого вы пожелаете, чтобы я послал к вашему владычеству, я с их согласия отправлю; если же они не захотят и откажутся служить вам, то и я не приму их.

С племянником моим Танкредом, если он не пожелает отказаться от ненависти к вашей царственности и не освободит из-под своей власти города вашей империи, я буду вести непримиримую борьбу. После того как, пожелает он того или не пожелает, города будут освобождены, я, с разрешения вашего владычества, буду властвовать над тем, что даровано мне хрисовулом и что будет здесь точно перечислено. Другие же города, в том числе Лаодикия в Сирии, за исключением дарованных мне, будут присоединены к вашим владениям. Я никогда не приму беженцев из вашей империи, отправлю их назад и заставлю вернуться в вашу империю.

К тому же, дабы сделать договор более надежным, я и добавление к вышесказанному обещаю следующее. Чтобы это соглашение навеки осталось незыблемым и непоколебимым, я согласен представить поручителями моих людей, которые должны будут по моему праву владеть дарованными мне твоей царственностью землей, городами и городками (которые будут здесь поименно перечислены). Я их обяжу страшной клятвой хранить истинную верность вашему владычеству и точно соблюдать все, чего требуют ромейские законы и что записано в настоящем договоре. Я заставлю их поклясться небесными силами и неотвратимым гневом божьим в том, что, если я (да не быть этому! Не допустите этого, о Спаситель, о справедливость божия!) когда-нибудь замыслю что-либо против вашей царственности, они прежде всего будут на протяжении сорока дней всеми способами стараться обратить меня, возгордившегося, к верности вашей царственности. Это произойдет, если это вообще может произойти, только тогда, когда безумие и бешенство обуяют меня или я явно лишусь рассудка. Если же я буду упорствовать в своем безумии, неуклонно отвергая их увещевания, и бурный поток бешенства охватит мою душу, они отрекутся от меня и передадут вашему владычеству свою руку, мысль и землю, которой владели по моему праву; они заберут их из-под моей власти и вручат вам и вашей стороне. Они будут обязаны клятвой сохранять верность, покорность и преданность, какие и я согласился блюсти по отношению к вам; если же они узнают о каких-либо заговорщиках и смутьянах, то с оружием в руках должны

будут выступить за вашу жизнь и земную честь и непрестанно сражаться за ваши царственные особы, дабы не понесли они ущерба ни от какого врага. Я клянусь и призываю в свидетели бога, людей и высших ангелов, что я, обязав их страшными клятвами, заставлю совершать и делать все, что в их силах. Что же касается ваших крепостей, городов, земель и вообще всех областей, находящихся под вашей властью, которые расположены на Западе или лежат на Востоке, то мои люди клятвенно признают то соглашение, которое я заключил с вами. Они будут это делать как при моей жизни, так и после смерти. Ваше владычество будет в их лице иметь подвластных себе людей и пользоваться ими как верными слугами.

Те из моих людей, которые оказались здесь и находятся со мной, немедленно принесут клятву верности и заключат соглашение с вами, севастами: с тобой, киром Алексеем, ромейским самодержцем, и с твоим порфирородным сыном – императором. Что же касается тех из моих всадников и тяжеловооруженных воинов, именуемых у нас обычно кавалляриями 1363, которые сейчас отсутствуют, то пусть твоя царственность отправит человека в Антиохию, и они принесут там ту же самую клятву; посланный твоей царственностью примет ее. Я же, со своей стороны, клянусь тебе в этом, заставлю этих мужей дать клятву и заключить то же соглашение без всяких изменений.

К тому же я соглашаюсь и клянусь в том, что если ваша царственность пожелает поднять оружие и начать войну с теми, кто владеет городами и землями, принадлежавшими некогда константинопольской империи, то и я сделаю то же самое и с оружием в руках выступлю против них 1364. С томи же, против кого у тебя нет желания выставлять войска, не будем воевать и мы. Ведь мы решили во всем служить вашему владычеству и ставить всякое свое деяние и желание в зависимость от воли твоей царственности.

Если же перебежчики – сарацины и исмаилиты явятся к твоей царственности и сдадут свои города, то я не буду им препятствовать и стараться привлечь их на свою сторону, за исключением тех, что обратятся к твоему владычеству, вынужденные сделать это моим оружием, и, доведенные до крайности, в момент опасности будут пытаться перейти к тебе, чтобы обеспечить себе спасение. Но всех этих и тех, кто, опасаясь франкского оружия и стремясь избежать грозящей смерти, призовет на помощь вашу священную царственность...1365 не по этой причине будете вы претендовать на пленных, но, разумеется, только на тех, которые явятся в услужение к вам добровольно, а не вынужденные сделать это нашими

трудами и усилиями. К тому же я согласен с тем, что те воины, которые пожелают вместе со мной переправиться из Лонгивардии через Адриатическое море, должны дать клятву и согласиться служить твоей царственности; клятву у них всех примет, разумеется, человек вашего владычества, которого вы для этой цели сами отправите на противоположный берег Адриатического моря. Если же кто-нибудь откажется дать клятву, то я вообще не позволю ему переправиться как не желающему быть нашим единомышленником.

Нужно также, чтобы подаренные мне твоим от бога владычеством по хрисовулу области и города были обозначены в настоящей записи. Вот они: город Антиоха в Келесирии с укреплениями, владениями и самим расположенным на берегу моря Суэтием 1366, Дукс 1367, включая его владения с Кавкой 1368 и Лулом 1369, Удивительная Гора 1370, Ферсии 1371 со всеми подвластными им областями, стратигида Святой Илия 1372 с подвластными ей городками, стратигида Ворзе 1373 и подвластные ей городки, вся область вокруг стратигиды Сезер, которую греки называют Лариссой 1374, а также стратигиды Артах 1375 и Телух 1376 с их окрестностями; вместе с ними Германикия и подвластные ей городки, Черная Гора 1377 и все подчиненные ей крепости и вся лежащая под ней долина, разумеется, за исключением владений Льва и Феодора Рупениев, армян – подданных вашего владычества; кроме вышеперечисленных, стратигат Пагра 1378, стратигат Палаца 1379, фема Зуме 1380 и все подвластные им крепости, городки и принадлежащие им области. Все эти земли, как дарованные мне до конца жизни божественным владычеством, перечисляются и в хрисовуле вашей царственности; после же моего переселения из этого мира они должны будут вернуться под власть нового Рима, царицы городов Константинополя; при этом я должен через вас, вечно священных августов императоров, в чистоте хранить непоколебимую верность и доброе расположение к владычеству и престолу этого города и быть слугой и вассалом императорского жезла.

Я соглашаюсь и клянусь в этом богом, почитаемым в антиохийской церкви, что антиохийским патриархом не будет человек нашего племени, но тот, кого ваша царственность назначит из сынов великой константинопольской церкви; ваш посланец займет антиохийский престол и будет делать все, что подобает первосвященнику в хиротонии 1381 и других церковных делах согласно привилегиям этого престола.

Были также отторгнутые вашей царственностью от владений князя города Антиохии области, которые вы пожелали целиком взять под свою власть. Вот они: фема Поданд... кроме того, стратигат города Тарса 1382,

город Адана, Мопсуэстия, Анаварз и, коротко говоря, вся та часть Киликии, которая расположена между Кидном и Гермоном. Кроме того, стратигида Лаодикия в Сирии, разумеется, стратигат Гавал, который мы на варварский манер называем Зевел, стратигаты Валана и Мараклеи, а также Антарад вместе с Антартом 1383 (это две стратигиды). Это все области, которые ваша царственность отняла от владений князя Антиохии и, отделив их, включила в круг своих владений. Я доволен тем, что мне даровано, и не оспариваю то, что отнято.

Я буду придерживаться прав и привилегий, которые получил от вас, и не буду претендовать на те, которые не получил. Я не переступлю границ, но, как уже говорилось, до конца жизни останусь в пределах дарованной мне территории, владея и пользуясь ею. После моей смерти (и это уже было записано выше) эти области вновь будут присоединены к тому государству, из которого они мне были выделены. Выражая последнюю волю, я прикажу управляющим и своим людям 1384, чтобы они отдали все упомянутые земли под власть Ромейской державы, не тщились получить их обратно и не затевали из-за них никаких распрей. Я клянусь и подтверждаю свое соглашение в том, что они без промедления и колебаний выполнят приказ.

Кроме того, пусть будет прибавлено в соглашение следующее: ввиду того что я просил ваш престол возместить мне отнятое вашим владычеством из-под власти Антиохии и ее княжества, и об этом же просили вашу царственность паломники 1385, ваше владычество согласилось в качестве возмещения предоставить мне фемы, области и города, лежащие на Востоке. Здесь нужно упомянуть и их названия, чтобы твоя царственность не питала никаких сомнений, а я имел то, о чем просил. Вот они: фема всей области Касиотида 1386, чьим главным городом является Верея и которая на варварском языке называется Алеппо, фема Лапари 1387 и все входящие в нее городки (Пласты, крепость Хоний, Ромаины, крепость Арамис, городок Амира, крепость Сарван 1388, укрепление Телхампсон 1389). Кроме того, три Тилия (Славотилий1390 и два других), укрепление Сген, крепость Калциер; к тому же следующие городки: Коммермоери, Кафисмат, Сарсап и маленький городок Некра 1391. Это все фемы, расположенные в ближней Сирии. Из месопотамских же фем, находящихся вблизи города Эдессы: фема Лимниев и фема Аэт, обе со всеми своими укреплениями.

Нельзя оставить здесь без упоминания вопрос об Эдессе и талантах, назначенных мне твоим хранимым богом владычеством для ежегодной выплаты, – я имею в виду двести литр в монетах чеканки Михаила 1392.

Ведь, кроме прочего, священным хрисовулом вашей царственности мне было отдано и графство...1393 в целом вместе со всеми подвластными ему укреплениями и землями, причем графская власть вручена не только мне, но по священному хрисовулу я имею право передать ее тому, кому сам пожелаю, если, разумеется, тот, кто ее получит, будет подчиняться приказам и поле вашей царственности, как вассал той же власти и той же империи, и будет разделять и признавать мое соглашение с вами.

Вместе с тем с этого времени, после того как я стал вашим человеком и принадлежу к сфере вашего владычества, я должен получать из императорской казны в качестве ежегодного дара двести талантов в монетах настоящего качества, имеющих изображение прежнего императора кира Михаила. Они будут доставляться мне послом, которого я буду с письмом посылать к вам в царственный город из Сирии, чтобы он получал для меня эти деньги.

Вы, навеки священные императоры, севасты и августы Ромейской державы, будете, разумеется, соблюдать все, записанное в хрисовуле вашей священной царственности, и будете выполнять свои обещания. Я, со своей стороны, подкрепляю свой договор с вами следующей клятвой. Я клянусь страстями недоступного страданиям спасителя нашего Христа, непобедимым крестом его, который он принял ради спасения всех, и этими святейшими евангелиями, уловившими весь мир в свои тенета; держа их в руках и мысленно присовокупляя к ним крест Христа драгоценный, терновый венок, гвозди и копье, пронзившее его божественный животворный бок, я клянусь тебе, могущественный и святой наш император господин Алексей Комнин, и разделяющему с тобой власть трижды дорогому киру Иоанну Порфирородному в том, что буду придерживаться всех соглашений и слов, слетевших с моих уст, и во все времена буду соблюдать их. Я клянусь, что забочусь сейчас и впредь буду заботиться о благе вашего владычества, что не допущу и мысли о ненависти и коварстве по отношению к вам, но останусь верен заключенным мною соглашениям, никоим образом не преступлю данной вам клятвы, не откажусь от обещаний и не буду замышлять ничего недружелюбного – ни я сам, ни все те, кто находится в моей власти и входят в состав моего воинства. Но мы облачимся в доспехи и выступим с оружием и копьями в руках против твоих врагов, а твоим друзьям протянем руку. Я буду всегда мыслить и поступать на благо и ради чести Ромейского государства. Пусть мне помогут в этом бог, крест и святые евангелия».

Такое было записано, и даны клятвы в присутствии поставивших свои

подписи свидетелей в сентябре месяце второго индикта в конце 6617 года 1394.

При свершении этого присутствовали следующие свидетели, поставившие свои подписи: любезные богу епископ Амальфи Мавр и епископ Тарента Ренар вместе со своими клириками; богобоязненный аббат священного монастыря святого Андрея, расположенного в Лонгивардии на острове Бриндизи, и два монаха этого же монастыря; начальники паломников, которые подписались собственноручно, а их имена были выведены рядом с их подписями рукой любезного богу епископа Амальфи, который прибыл к самодержцу как папский посол. От императорского двора присутствовали: севаст Марин, сын Дагоберта Рожер, Петр Алифа, Вильгельм Ганд, Ричард Принчита, Жофруа Мали, сын Рауля Умберт, Павел Римлянин, явившиеся из Дакии посланники от краля и зятя императора 1395, жупан Пер, Симон и посланники Ричарда Сенешаля, новелиссим Василий-евнух и нотариус Константин 1396. Такую письменную клятву самодержец взял у Боэмунда и вручил ему в ответ упомянутый выше хрисовул, подписанный, как полагается, киноварью императорской рукой 1397.

Книга XIV

1. Таким образом, исполнилось желание самодержца, и Боэмунд заключил приведенное выше письменное соглашение, поклявшись евангелием и копьем, которым безбожники пронзили бок нашего спасителя. Затем Боэмунд обратился с просьбой позволить ему вернуться на родину, а всех своих воинов. поручил власти и усмотрению самодержца, попросив щедро снабдить их всем необходимым и разрешить перезимовать в пределах Ромейской державы; когда же кончится зима и они придут в себя от многих и тяжких трудов, позволить им отправиться туда, куда они пожелают 1398. Это попросил он и сразу же склонил самодержца к своим просьбам. Боэмунд был возведен в сан севаста, получил много денег и отправился обратно к своему войску. Боэмунда сопровождал Константин Евфорвин, по прозванию Катакалон, который должен был уберечь Боэмунда от наших воинов, а главное, позаботиться об удобном и безопасном месте для войскового лагеря, выслушать и удовлетворить просьбы воинов. По прибытии в лагерь Боэмунд передал войско людям, специально с этой целью направленным самодержцем, взошел на монеру и отправился в Лонгивардию 1399. После этого он прожил не более шести месяцев и разделил общую участь 1400.

Самодержец некоторое время еще занимался кельтами, а затем, уладив дела, отправился в Византий. Вернувшись домой, Алексей не позволил себе даже кратковременного отдыха; зная, что варвары совершенно опустошили все побережье Смирны до самой Атталии, он считал, что покроет себя позором, если не восстановит города в прежнем их виде, не приведет их в обычный порядок и не возвратит рассеявшихся повсюду жителей. Не забыл Алексей и об Атталии, но подумал и об этом городе.

В это время Евмафий Филокал (этот выдающийся муж из знати превосходил многих людей не только своим родом, но и умом, был благороден в мыслях и делах, верен богу и друзьям и как никто другой предан властителю; он, однако, не прошел никакого военного обучения, не умел обращаться с луком, оттягивать до груди тетиву и прикрываться щитом; в остальном же он был весьма искусен: умел устраивать засады и всевозможными хитростями одолевать врага) явился к самодержцу и стал настоятельно просить о назначении его правителем Атталии. Самодержец знал Филокала как неистощимого на выдумки и искусного в делах человека, которому постоянно благоприятствует судьба (чем бы она ни

была и что бы мы ни подразумевали под этим словом 1401; за что только Филокал ни брался, он всегда достигал цели) и поэтому удовлетворил его просьбу, дал ему большое войско и, снабдив многочисленными наставлениями, приказал во всем действовать расчетливо. По прибытии в Авид Филокал сразу же переправился через пролив и явился в Адрамитий. Этот некогда многолюдный город был совершенно разграблен и уничтожен Чаканом, опустошавшим область Смирны. Видя, что Адрамитий полностью уничтожен – казалось, в нем никогда никто не жил, – Филокал сразу же отстроил город, восстановил его, созвал отовсюду тех его жителей, которым удалось спастись, пригласил большое число людей из других областей, поселил их в Адрамитии и придал городу прежний вид. Затем он поинтересовался турками, выяснил, что они в то время находились в Лампи, выделил отряд своего войска и отправил его против них.

Воины приблизились к туркам, завязали жестокий бой и сразу же одержали победу. Они зверски обошлись с турками и даже бросали новорожденных детей в котлы с кипящей: водой. Многих врагов они убили, многих взяли в плен и с ликованием отправились назад к Евмафию. Оставшиеся в живых облачились во все черное (они хотели, чтобы сами одежды поведали соплеменникам об их горестях) и стали бродить по территории, подвластной туркам; скорбно стеная, они рассказывали о несчастьях, выпавших на их долю, одеждами вызывали к себе всеобщее сострадание и побуждали турок выступить на их защиту. Тем временем Евмафий, который прибыл в Филадельфию, радовался успеху своего предприятия.

Между тем архисатрап по имени Хасан, владевший Каппадокией и обращавшийся с ее жителями, как с рабами, узнал о случившемся с уже упомянутыми турками, собрал свои силы, призвав немало воинов из других областей, довел численность войска до двадцати четырех тысяч и выступил против Евмафия. Евмафий же, как говорилось, человек искусный, не проводил беспечно время в Филадельфии и не предавался безделию в стенах города; он послал во все стороны наблюдателей и, чтобы они не пренебрегли своими обязанностями, вслед за ними отправил других людей, которым приказал постоянно бодрствовать, не смыкать глаза по ночам и наблюдать за проходами и равнинами. Когда один из наблюдателей заметил издалека турецкое войско, он прибежал к Евмафию и сообщил ему об этом. Евмафий же с его умом, умением ориентироваться в обстановке и мгновенно осуществлять свое решение понял, что у него нет достаточного войска для сопротивления столь многочисленному

противнику, приказал запереть все городские ворота, запретив кому бы то ни было подниматься на стену, кричать, играть на флейте или кифаре. Короче говоря, Евмафий хотел, чтобы город казался всем проходящим мимо совершенно необитаемым. Подойдя к Филадельфии, Хасан окружил своим войском ее стены и оставался там в течение трех дней. Никто из обитателей города не выглядывал сверху, городские ворота были заперты изнутри, поэтому Хасан, у которого, впрочем, не было гелепол и камнеметных орудий, решил, что войско Евмафия невелико и по этой причине не осмеливается выходить из города. Посмеявшись над немощью защитников города, он, исполненный презрения к Евмафию, направился другой дорогой 1402. Выделив из своего войска десять тысяч человек, он отправил их против Кельвиана 1403, других... 1404 к Смирне и Нимфею, а остальных к Хлиарам и Пергаму. Послав всех воинов в набеги за провиантом, он сам последовал с отрядом, направившимся к Смирне.

Тем временем Филокал узнал о действиях Хасана и послал все свое войско против турок. Преследователи застали турок, отправившихся к Кельвиану, в то время, когда те безмятежно спали, и, на рассвете напав на них, учинили кровавую резню и освободили всех пленных, захваченных турками. Затем они бросились преследовать турок, отправившихся к Смирне и к Нимфею. Ромейские воины из авангарда выбежали вперед, с фронта и обоих флангов напали на турок, завязали бой и одержали полную победу. Многих врагов они убили, большое число захватили в плен, а немногие оставшиеся обратились в бегство, попали в водовороты Меандра 1405 и сразу же утонули. Меандр – это река во Фригии, самая извилистая из всех рек, делающая многочисленные излучины. Ободренные второй победой, ромеи бросились преследовать остальные отряды, однако им ничего больше не удалось сделать, так как турки намного их опередили. Затем они вернулись в Филадельфию. Евмафий, увидев их и узнав, как они доблестно сражались и старались никого не упустить из своих рук, щедро наградил их и обещал большие милости в будущем.

2. Танкред и после смерти Боэмунда упорно удерживал за собой Антиохию, считал ее своим уделом и совершенно не допускал к участию в ее делах самодержца. Император видел, что варвары-франки нарушили клятвы в отношении этого города, в то время как он потратил много денег и испытал немалые беды, переправляя их многотысячные войска с Запада в Азию, несмотря на то, что постоянно сталкивался с упрямством и дерзостью франков. Алексей отправил вместе с ними многочисленное ромейское войско против турок с двумя целями: во-первых, чтобы франки не пали от турецких сабель (император заботился о них как о христианах),

во-вторых, чтобы они с нашей помощью одни исмаилитские города разрушили, а другие, во исполнение договора, отдали ромейским императорам и таким образом расширили пределы Ромейского государства. Но Ромейская держава не получила никакой пользы от всех этих трудов, страданий и даров, напротив, варвары цепко держались за Антиохию и отказывались передать нам другие крепости 1406. Алексей не мог стерпеть этого, не отплатить злом за зло и не отомстить за такую бесчеловечность 1407.

Танкред получил неисчислимые дары и груды золота, император проявлял беспредельную заботу о франках, послал им на помощь множество войск, а Ромейская империя не получила от этого никакой выгоды, франки не соблюдали и ни во что не ставили соглашения и клятвы и всю военную добычу считали своей собственностью. Эти думы терзали Алексея, и он, будучи не в силах вынести наглости латинян, отправил к правителю Антиохии Танкреду послов 1408, обвинил его в несправедливости и нарушении клятв и сообщил, что не намерен более терпеть пренебрежения к себе и отомстит ему за неблагодарность к ромеям. Ведь было бы более чем странно, если бы император истратил денег сверх всякой меры, отправил лучшую часть войска для захвата Сирии и Антиохии, приложил все силы для расширения границ Ромейского государства, а Танкред роскошествовал за счет его денег и трудов. Это и сообщил через послов самодержец. Однако безумный и бешеный варвар даже краем уха не захотел выслушать слова истины и свободную речь послов и поступил согласно обычаям людей его племени: раздувшись от спеси, он хвастался, что вознесет свой престол выше звезд, грозил пробить острием копья вавилонские стены, в выспренных выражениях бахвалился силой, недвусмысленно говорил, что он бесстрашен и неудержим в натиске, и утверждал, что ни при каких обстоятельствах не отдаст Антиохию, даже если у его будущих противников будут огненные руки. Он считал, что сам он – великий ассириец Нин 1409, огромный и непобедимый гигант, «бремя земли» 1410, давящее на почву, а все ромеи – муравьи и самые слабые из живых существ.

Когда послы вернулись от Танкреда и рассказали о безумии кельта, император исполнился гневом, пришел в неукротимую ярость и пожелал немедленно отправиться к Антиохии. Он собрал высокопоставленных представителей воинского сословия и всех членов синклита и просил у них совета. Все они неодобрительно отнеслись к походу императора против Танкреда, ибо считали, что прежде следует привлечь на свою

сторону других графов, властвовавших над соседними с Антиохией городами, и самого иерусалимского короля Балдуина, выяснить их настроение и узнать, намереваются ли они помогать Алексею против Антиохии; если окажется, – говорили они, – что графы враждебны Танкреду, пусть Алексей отважится на войну, а в противном случае уладит антиохийские дела иным способом. Самодержец одобрил их совет, сразу же призвал Мануила Вутумита и еще одного человека, знающего латинский язык, и отправил их к графам и к иерусалимскому королю, подробно рассказав, о чем вести беседу с графами и с самим иерусалимским королем Балдуином. Из-за корыстолюбия латинян отправляться к графам без денег было нельзя, поэтому император через Вутумита вручил приказ Евмафию Филокалу, в то время дуке Кипра, выделить послам столько кораблей, сколько нужно, а для подарков графам дать большую сумму денег в монетах различного вида, чеканки и достоинства.

Император приказал уже упомянутым лицам, а особенно Мануилу Вутумиту, взяв деньги у Филокала, причалить с кораблями к Триполи, встретиться с графом Бертраном 1411, сыном Исангела (имя последнего неоднократно встречалось на страницах моей истории), напомнить ему о верности, которую соблюдал самодержцу его отец, вручить императорское письмо и сказать следующее: «Не будь хуже своего отца, следуй его примеру и соблюдай верность мне. Знай, что я уже отправляюсь в Антиохию, дабы отомстить тем, кто не соблюл страшных клятв богу и мне. Ты же не оказывай никакой поддержки Танкреду и старайся заставить графов сохранять мне верность, чтобы они не приняли сторону Танкреда» 1412.

Послы прибывают на Кипр, берут деньги и столько кораблей, сколько пожелали, и сразу же отплывают в Триполи; причалив в гавани города, они сходят с кораблей, встречаются с Бертраном и высказывают ему все то, что им приказал император.

Видя, что Бертран расположен к самодержцу, готов исполнить все его желания и, если понадобится, принять за него смерть и даже явиться на поклон к императору, когда тот прибудет в окрестности Антиохии, послы с согласия Бертрана и в соответствии с наставлениями самодержца поместили во дворец триполитанского епископа все деньги, которые везли с собой. Самодержец опасался, что графы, узнав о деньгах, которые везут послы, заберут их себе, воспользуются ими для себя и Танкреда, а послов отпустят ни с чем. Поэтому-то он и велел послам отправиться сначала без денег, выяснить настроение графов, передать им слова самодержца,

пообещать денежные дары, потребовать клятву и лишь затем, если графы выразят желание покориться его воле, вручить им деньги. Итак, люди Вутумита, как говорилось, поместили деньги во дворец триполитанского епископа.

Тем временем Балдуин узнал о прибытии послов и направил к ним с приглашением своего двоюродного брата Симона. Послы с согласия Бертрана оставляют деньги, следуют за присланным из Иерусалима Симоном и являются к Балдуину, осаждавшему Тир. Тот приветливо принял их, осыпал всевозможными милостями и, так как они прибыли к нему в мясопуст, продержал их все сорок дней 1413 – в это время, как говорилось, он вел осаду Тира 1414.

Тир был защищен прочными городскими стенами, кроме того, его окружали еще три пояса стен. Внутри внешнего пояса находился средний, а внутри среднего – внутренний – третий. Эти стены располагались концентрическими окружностями и опоясывали город. Балдуин понимал, что ему, прежде чем сделать попытку захватить город, нужно сокрушить эти укрепления, которые, как панцирь, защищали Тир и мешали осаждать город. Стенобитными орудиями Балдуин разрушил первый и второй поясы укреплений и приступил к третьему. Однако, разрушив предстенные укрепления, он предался бездействию. Если бы Балдуин приложил усилия, то разрушил бы и саму стену. Но он решил проникнуть в город при помощи лестниц, счел, что Тир уже в его руках и поэтому ослабил осаду. Это и обеспечило спасение сарацинам.

Стоявший на пути к победе лишился ее, а попавшие в тенета выбрались из сетей. Бездействие Балдуина дало осажденным передышку, которую они использовали для дела. Сарацины пошли на такую хитрость: под предлогом заключения мирного договора они отправили послов для переговоров, а в это время готовились к защите. Они кружили надеждами голову Балдуину, а сами строили против него хитрые планы. Видя, что война ведется очень вяло и осаждающие ведут себя беспечно, они однажды ночью наполнили жидкой смолой много глиняных амфор и сбросили их на машины, стоявшие у города. Амфоры, естественно, разбились, и жидкость вытекла на деревянные машины. Сарацины сбросили на них зажженные факелы, а затем и амфоры с нефтью; нефть попала в огонь, пламя взвилось к небу и машины сгорели дотла. Свет наступившего дня смешался со светом пламени, столбом поднимавшегося к небу от деревянных черепах. Воины Балдуина получили возмездие за свое легкомыслие и раскаялись в своем небрежении, дым и огонь стали для них хорошим уроком.

Шесть воинов, находившихся у черепах, попали в плен; тирский

вождь велел обезглавить пленников, а их головы камнеметными орудиями забросить в войско Балдуина. Когда воины увидели все это – огонь, головы, они в ужасе вскочили на коней и, устрашенные видом голов, обратились в бегство, хотя Балдуин, разъезжая повсюду, и взывал к бегущим, стараясь вдохнуть в них мужество. Он, однако, «пел для глухих»: обратившиеся в бегство были неудержимы и, казалось, неслись на птичьих крыльях. Их бегство закончилось в крепости, которую на местном языке называют Аке 1415. Она стала прибежищем для этих трусливых беглецов. Тогда Балдуин в отчаянии, потерпев полную неудачу, последовал, хотя и вопреки воле, за беглецами и укрылся в упомянутом городе.

Тем временем Вутумит, взойдя на одну из кипрских триер (их всего было двенадцать), плывет вдоль берега по направлению к Аке, застает там Балдуина и передает ему все, что приказал самодержец, прибавив от себя, что император дошел до Селевкии. Это была не правда, а хитрость, имевшая цель поразить варвара и заставить его скорей отпустить Вутумита. Обман, однако, не укрылся от Балдуина, который сурово осудил Вутумита за ложь.

Дело в том, что Балдуин еще раньше от кого-то узнал о действиях самодержца; ему было известно, что Алексей отправился вдоль берега, захватил пиратские корабли, грабившие побережье, но из-за болезни вынужден был вернуться, как об этом будет подробнее рассказано ниже. Все это Балдуин изложил Вутумиту, и, осудив его за ложь, сказал: «Ты отправишься со мной к гробу господню, а оттуда я через послов сообщу о своем решении самодержцу». По прибытии в святой город 1416 Балдуин потребовал у послов деньги, отправленные императором. Но Вутумит сказал: «Вы получите эти деньги при условии, если соблюдете клятву, данную вами императору во время прохождения через империю, и пообещаете помогать ему в борьбе против Танкреда». Балдуин желал получить деньги, но оказывать помощь собирался не императору, а Танкреду. Поэтому, не получая денег, он страдал. Таков вообще нрав варваров: они с жадностью глядят на дары и деньги, но меньше всего расположены делать то, за что им эти деньги даются. И вот, вручив Вутумиту одни лишь письма, Балдуин отпустил его. Послы встретились также и с графом Яцулином 1417, который пришел в день воскресения спасителя для поклонения гробу господню, и подобающим образом беседовали с ним. Но Яцулин говорил все то же, что и Балдуин, и послы, не добившись успеха, покинули Иерусалим 1418.

Не застав Бертрана в числе живых 1419, они попросили отдать деньги, которые поместили в епископском дворце. Но сын Бертрана и

триполитанский епископ задерживали выдачу денег, и послы сказали им с угрозой: «Вы не отдаете нам денег, значит, вы не истинные рабы императора и не соблюдаете ему верности, как это делали Бертран и его отец Исангел. Поэтому в будущем вас не будут снабжать с Кипра всем необходимым, дука Кипра не станет помогать вам, и вы падете жертвой голода». Всеми средствами – то медоточивыми речами, то угрозами – пытались они получить деньги, но не сумели убедить сына Бертрана. Тогда они решили заставить его принести клятву в нерушимой верности самодержцу и отдать ему только те дары, которые были отправлены его отцу: монеты золотой и серебряной чеканки и различные одежды. Приняв дары, сын Бертрана принес клятву в нерушимой верности самодержцу. Остальные деньги послы отвезли к Евмафию и купили на них породистых коней из Дамаска, Эдессы и самой Аравии. Затем они пересекли Сирийское море и залив Памфилии, но, сочтя путешествие по суше более надежным, отказались от дальнейшего плавания, направились к Херсонесу, где тогда находился самодержец, переправились через Геллеспонт и прибыли к императору.

3. Как снежные вихри, заботы одна за другой обрушивались на императора: на море властители Пизы, Генуи и Лонгивардии готовили флот для опустошения побережья, а по суше уже вновь подходил с востока к Филадельфии и приморским областям эмир Шахиншах 1420. Поэтому Алексей решил выйти из царственного города и обосноваться в месте, откуда он мог бы вести войну на два фронта. И вот он прибывает на Херсонес 1421, отовсюду – с суши и с моря – вызывает к себе воинов и располагает большое войско за Скамандром вплоть до Адрамития и даже Фракисия 1422. Стратигом Филадельфии был в то время Константин Гавра, и в городе находилось достаточное число людей для обороны. Стратигом Пергама, Хлиар и соседних с ними городов был полуварвар Монастра, чье имя неоднократно упоминалось в моей истории, стратигами прочих приморских городов – другие мужи, выдающиеся своей отвагой и военным опытом. Самодержец много раз приказывал им постоянно быть начеку и рассылать во все стороны наблюдателей, чтобы они узнали о набегах варваров и немедленно о них сообщали.

Обеспечив таким образом безопасность Азии, император обратился к войне на море и приказал морякам завести корабли в гавани Мадита и Кили, неусыпно стеречь пролив и в ожидании франкского флота бдительно охранять морские пути; в это время другие моряки должны были плавать вокруг островов, охранять их и вместе с тем не упускать из виду Пелопоннеса, надежно охранять его.

Собираясь задержаться на некоторое время в этих краях, император велел построить для себя в удобном месте жилище и провел там зиму 1423. Когда флот, снаряженный в Лонгивардии и других областях, отчалил и вышел в море, его командующий отобрал пять диер и отправил их для захвата пленных и добычи сведений о действиях императора. Но по прибытии в Авид оказалось, что лишь одна диера вернулась назад, а остальные были захвачены вместе с гребцами. Благодаря этой диере командующие упомянутыми флотами получили сведения о самодержце и узнали, что он тщательно укрепил подступы с моря и с суши и проводит зиму на Херсонесе, чтобы вдохнуть мужество в сердца своих людей. Не будучи в состоянии противостоять ухищрениям самодержца, они повернули кормила кораблей и направились в другую сторону.

Однако некий кельт из числа плывших вместе с командующими на своем корабле, весьма быстроходной монере, отделился от остального флота и направился к Балдуину. Он нашел Балдуина осаждающим Тир, рассказал ему о тех действиях самодержца, о которых говорилось выше (думаю, что он отправился с согласия командующих), и сообщил, что ромейский флот, как уже было сказано выше, захватил посланные на разведку дромоны. Без краски стыда он также сообщил Балдуину, что предводители кельтского флота, видя готовность самодержца к бою, повернули назад, ибо сочли, что лучше отступить ни с чем, нежели потерпеть поражение в сражении с ромейским флотом. Вот что сказал Балдуину этот кельт, охваченный дрожью и еще не избавившийся от страха перед ромейским флотом. Такие события произошли с кольтами на море.

Но на суше бедствия не миновали самодержца и несчастия не прошли мимо него. Дело в том, что некий Михаил из Амастриды 1424, правитель Акруна, замыслил мятеж, захватил город и стал безжалостно опустошать соседние земли. Узнав об этом, самодержец выслал против него Георгия, сына Декана, во главе изрядного войска. После трехмесячной осады Георгий захватил город и немедленно отправил мятежника к самодержцу. Самодержец поручил командование крепостью другому, а Михаилу, нахмурив брови, пригрозил суровыми карами и, вынеся для виду смертный приговор, вселил ужас в этого человека; вскоре, однако, он избавил воина от страха. Еще не успело солнце скрыться за горизонтом, как узник оказался свободным и приговоренный к смерти получил бесчисленные дары. Такую доброту мой отец-император проявлял постоянно, и тем не менее позже он встретился со всеобщим недоброжелательством; так, некогда и творец всего сущего, господь, пролил в пустыне дождь манны,

накормил людей в горах, провел их, не обмочивших и ног, по морю, а позже был отвергнут, испытал издевательства, побои и в конце концов был осужден на крест безбожниками. Но, повествуя об этом, я исторгаю из себя слезы прежде слов и испытываю мучительное желание рассказать о недоброжелателях императора и перечислить их имена, однако я унимаю свой язык и бьющееся сердце и непрестанно повторяю про себя слова поэта: «Сердце, смирись: ты гнуснейшее вытерпеть силу имело» 1425. Вот что хотела я рассказать об этом бессовестном воине.

Между тем часть войска, отправленного султаном Шахиншахом, двигалась через район Синая, а часть шла по территории, называемой собственно Азией. Константин Гавра, в то время правитель Филадельфии, узнал об этом, вместе со своим войском подошел к Кельвиану и встретил там варваров. Он сам первый во весь опор бросился на варваров, приказав остальным следовать за ним, и одержал победу. Султан, пославший турок, узнал о поражении столь многочисленного войска и отправил послов с предложением мира, заверяя самодержца, что всегда желал мира между мусульманами и ромеями. Султан давно слышал о доблести, которую самодержец проявлял в борьбе с врагами, а теперь, испытав ее на себе и узнав «по кромке ткань» и «по когтям льва», был вынужден идти на заключение мирного договора.

Когда послы из Персии прибыли, император с грозным видом воссел на троне, а командиры выстроили в ряд воинов, собранных из разноязыких стран, и варваров-секироносцев и подвели послов к императорскому трону. Алексей задал им полагающиеся в таких случаях вопросы о султане, выслушал, что султан передал ему через послов, и признался, что с радостью заключил бы мир со всеми. Он расспросил послов о предложениях султана, нашел, что не все его требования приемлемы для Ромейской державы и, стараясь придать своим словам наибольшую убедительность, в длинной речи удачно возражал послам и убеждал их пойти навстречу его желаниям. Затем он отпустил послов в приготовленную палатку, предложил им подумать и обещал назавтра заключить договор, если они всей душой согласятся с его доводами. Так как послы, по-видимому, с готовностью приняли предложения самодержца, на следующий день был заключен договор 1426. Император думал не только о себе, но и о Ромейской империи. Алексей заботился об общем благе больше, чем о своем, и во всех действиях имел в виду пользу для ромейского скипетра; он желал, чтобы соглашение оставалось в силе и в будущем, после его смерти. Однако самодержец не достиг цели: после его смерти все изменилось и пришло в замешательство. Но в то время

недовольство улеглось и все шло к прочному миру. С ...1427 и до конца века Алексея мы жили в мире; но все блага исчезли вместе с императором, и все старания Алексея оказались после его смерти напрасными из-за тупоумия тех, кто наследовал скипетр 1428.

4. От моряков, спасшихся с пяти быстроходных кораблей, командующие франкским флотом, как уже говорилось, получили сведения о ромейском флоте и узнали, что император, снарядив флот, в ожидании их наступления живет на Херсонесе. Поэтому они отказались от прежнего намерения и не пожелали вовсе приближаться к ромейским пределам. Император провел зиму в Каллиополе вместе с императрицей (она, как неоднократно говорилось, следовала за Алексеем из-за мучившей его болезни ног), выждал то время, когда латинский флот обычно пускается в плавание, и вернулся в царственный город 1429.

В скором времени прибывает сообщение о наступлении пятидесятитысячного турецкого войска из всех восточных земель, в том числе из Хорасана. Даже краткого отдыха не удалось вкусить Алексею за все время его владычества, ибо враги один за другим ополчались на него. И вот он отовсюду сзывает все войско и, выбрав момент, когда варвары обычно совершают набеги на христиан, переправляется через пролив, отделяющий Византий от Дамалиса. Даже болезнь ног не отвращает императора от этого предприятия.

Этой болезни не было ни у кого из его предков, так что нельзя считать, что она перешла к нему по наследству; ее причиной не был и изнеженный образ жизни, как это обычно случается с прожигателями жизни и любителями наслаждений. Но я расскажу, как обрушилась на него эта болезнь ног. Однажды, когда он упражнялся в игре в мяч со своим партнером Татикием, о котором я неоднократно рассказывала, Татикий свалился с коня и упал на императора. От тяжелого удара Алексей почувствовал боль в коленной чашечке и во всей ноге, но, будучи человеком весьма терпеливым, не подал виду. Алексей немного подлечил ногу, вскоре боль утихла, и император продолжал свои обычные занятия. Такова первая причина болезни ног императора, ибо боли в ушибленных местах повлекли за собой боли ревматические. Но был и другой более очевидный источник болезни. Кто не знает о том, как бесчисленное множество кельтов, снявшись отовсюду со своих мест, двинулись к нам и прибыли в царицу городов? 1430 Погруженный в безбрежное море забот, император издавна знал, что кельты даже во сне грезят о Ромейской империи, и видел, что кельтов больше, чем песка в пустыне и звезд на небе, а все ромейские силы, даже если их собрать воедино, не составят и

ничтожной доли кельтского войска. А в то время большая часть его воинов была рассеяна: одни стерегли долины Сербии и Далмацию, другие охраняли от набегов куманов и даков приистринские земли; кроме того, большому числу воинов была доверена охрана Диррахия, дабы город не был вновь захвачен кельтами.

Видя это, самодержец сосредоточил свое внимание на кельтах, а остальные дела счел второстепенными. Раздавая титулы и дары, он сдерживал волнения варваров, еще не проявлявших открыто своей вражды; всевозможными средствами отражая натиск кельтов, император не меньше, если не больше, опасался восстания своих подданных и всеми способами старался защитить себя и искусно воспрепятствовать осуществлению их намерения. Но кто сможет рассказать о массе бедствий, постигших его? Приспосабливаясь ко всему, применяясь как только можно к обстоятельствам, обращаясь к делам, не терпящим отлагательства, он действовал как хороший врач, следующий правилам своего искусства. С рассветом, когда солнце только поднималось над восточным горизонтом, он ежедневно восседал на императорский трон и приказывал беспрепятственно впускать всех кельтов, желая выслушать их требования и вместе с тем стараясь разного рода искусными доводами подчинить их своей воле.

Кельтские графы, люди по природе своей дерзкие и бесстыдные, невоздержанные во всех своих желаниях и превосходящие болтливостью весь род человеческий, входили к самодержцу без всякого порядка, и каждый граф приводил с собой столько людей, сколько хотел: за первым входил второй, за вторым третий. Войдя, они говорили, не следя, как это некогда предписывалось ораторам, по водяным часам за временем, а каждый вел беседу с самодержцем столько времени, сколько хотел. Таков уж был их нрав. Не в меру болтливые, они не стыдились самодержца, не дорожили временем, не догадывались о гневных взглядах присутствующих, и ни один из них не уступал места пришедшему вслед за ним; без всякого удержу продолжали они говорить и предъявлять свои требования. Их болтливость, «крючкотворство» и пустословие хорошо известны всем тем, кто интересуется людскими нравами, присутствовавшие же там убедились в этом на собственном опыте.

Когда наступал вечер, не евший целый день Алексей поднимался с трона, чтобы удалиться в императорскую опочивальню. Однако и этим он не избавлял себя от докучливости кельтов. Один за другим шли к нему кельты, при этом приходили не только те, с кем он не беседовал днем: многие являлись и вторично, выдвигая все новые и новые поводы для

разговоров; император стоял прямо и, окруженный кельтами, мужественно переносил их болтовню. Можно было наблюдать, как он один своими доводами находчиво парировал возражения всех кельтов. Не было конца их бесконечной болтовне. Когда кто-нибудь из чинов 1431 пытался прервать кельтов, его самого прерывал император: зная природную вспыльчивость франков, Алексей боялся, как бы по незначительному поводу не вспыхнул большой пожар распри и это не причинило бы серьезного вреда Ромейской державе.

Это было поистине удивительное зрелище: как кованная из бронзы или каленого железа статуя, еженощно стоял император с вечера до полуночи, а нередко и до третьих петухов или даже до ярких солнечных лучей. Все остальные, не выдержав усталости, нередко уходили, отдыхали и, недовольные, возвращались вновь. Никто из присутствовавших не мог сохранять неподвижность, все они старались как-нибудь изменить позу: один садился, второй склонял или подпирал голову, третий прислонялся к стене. И лишь один император мужественно выносил этот труд. Какими словами можно описать его долготерпение? Ведь он беседовал с тысячами людей, при этом каждый из них подолгу разглагольствовал и, как говорит Гомер, «каркал не в меру болтливо» 1432, один уходил и предоставлял возможность разглагольствовать другому, тот третьему, а третий четвертому. Графы стояли, только пока они разговаривали, а император все время стоял до первых или вторых петухов. После небольшого отдыха он вновь с восходом солнца восседал на троне, и новые труды и вдвойне тяжкие словопрения приходили на смену ночным бдениям.

По этой причине болезнь и поразила ноги самодержца. С тех пор и до конца жизни через определенные промежутки времени у него случались приступы ревматизма, сопровождавшиеся сильными болями. Император был настолько терпелив, что никогда не роптал, но говорил: «Я страдаю по заслугам, не без причины со мной произошло такое, а из-за множества моих грехов». Если же с его губ и слетало малодушное слово, он сразу же осенял себя крестным знамением против злого беса и говорил: «Изыди, мерзкий, погибель тебе и твоим козням против христиан» 1433. Однако довольно на этот раз рассказывать о болезни ног.

Был еще некто, кто способствовал болезни императора и из полного горечи сосуда преумножал его страдания 1434 (чтобы не рассказывать всего, я ограничусь этим кратким определением), несмотря на то, что императрица смазывала сосуд медом и, будучи неусыпным стражем самодержца, умудрялась отвращать от него многие напасти. Пусть и он войдет в мою историю и будет назван как третья причина болезни

императора – не как повод, а, пользуясь языком врачей, как ее возбудитель. Ведь этот человек не то чтобы один раз встретился с императором и затем ушел, а постоянно находился вместе с ним и присутствовал при нем, наподобие того, как в кровеносных сосудах присутствуют губительные соки. Более того, он был, если заглянуть в природу этого человека, не только причиной болезни, а скорее самой болезнью, ее тяжелейшим проявлением. Однако мне нужно прикусить язык, сдержать свою речь и не сбиваться с главного пути, хотя я и испытываю сильнейшее желание наброситься с нападками на негодяев. Но повествование о нем я отложу до подходящего момента.

5. Однако хватит рассказывать о кельтах. Император переправился на Дамалис и расположился лагерем. Там и оставило его наше повествование. Как снег, стекались к нему воины и переправлялись туда, где он остановился в ожидании прибытия всего войска и в надежде, что утихнет сильная боль. При нем находилась Августа, заботившаяся о его больных ногах и всевозможными заботами облегчавшая его страдания. Увидев, что наступило полнолуние, император сказал ей: «Если турки намерены совершить набег, то сейчас самое подходящее для этого время, я же упустил удобный случай, и мне горько». Эти слова император произнес вечером, а утром к нему явился евнух – спальник 1433 императора, который сообщил о наступлении турок на Никею и показал письмо Евстафия Камицы, в то время правителя Никеи, с донесением о действиях турок.

И вот самодержец без всякого промедления и задержки, забыв о мучавшей его боли, направился на колеснице к Никее, держа кнут в правой руке. Воины рядами, поотрядно, с копьями в руках двигались со всех сторон от колесницы. Одни из них бежали рядом, другие двигались впереди, третьи следовали сзади; они радовались выступлению императора против варваров, но огорчались, что боль мешает ему ехать верхом. Алексей вселял в них бодрость кивками головы и словами, ласково улыбался и заговаривал с ними. Через три дня он прибыл в место под названием Эгиалы. Оттуда он собирался плыть к Кивоту. Видя, что он торопится с переправой, Августа попрощалась с ним и отправилась в царственный город.

Когда самодержец достиг Кивота, к нему является некий человек с сообщением, что главные сатрапы распределили между собой сорок тысяч воинов и одни из них отправились в набег на Никею и соседние с ней области, а Монолик 1436 и ...1437 опустошают побережье. Те турки, говорил он, которые опустошили окрестности Никейского озера и Прусу,

разграбили также Аполлонию, расположились там лагерем и свезли всю добычу; затем они двинулись вперед, ограбили Лопадий и все соседние области, подошли к самому Кизику, напали на него с моря и с ходу им овладели, ибо правитель города не только не оказал им никакого сопротивления, но трусливо бежал из города. Зато Кюнтохмиш 1438 и эмир Мухаммед, могущественные архисатрапы, с большой добычей и многочисленными пленниками: мужчинами, женщинами и детьми, которых пощадило оружие, отправились через Лентианы к Пиманину. Монолик же переправился через реку, называемую на местном языке Варин 1439 и стекающую с горы под названием Ивид 1440 (на ней берут начало также и многие другие реки: Скамандр, Ангелокомит и Емпил 1441), направился к Парию и к Авиду на Геллеспонте и со всеми пленными прошел без битв и кровопролития через Адрамитий и Хлиары.

Получив это сообщение, самодержец письмом приказал Камице 1442, исполнявшему тогда обязанности дуки Никеи, с пятьюстами воинами последовать за варварами, письменно извещать его о их действиях, но избегать столкновения с турками. Камица выступает из Никеи, настигает Кюнтохмиша, эмира Мухаммеда и остальных варваров в Аоратах 1443 и, забыв о приказе императора, сразу же на них нападает. Турки же, которые ожидали самодержца, решили, что это именно он обрушился на них, испугались и обратили тыл. Затем, схватив и допросив одного скифа, они узнали, что на них напал Камица. После этого они прошли через горы и, вновь обретя мужество, звуками тимпанов и криками стали сзывать рассеявшихся повсюду соплеменников. Те услышали призывный сигнал и собрались все вместе. Затем они вернулись на равнину, лежащую как раз под Аоратами, и сосредоточились там.

Камица же, забрав у варваров всю добычу, не пожелал продолжать путь к Пиманину, где мог бы удобно расположиться (это хорошо укрепленный городок), а задержался в Аоратах и, таким образом, сам того не замечая, навлек на себя беду. Ведь варвары, оказавшись в безопасности, отнюдь не забыли о Камице; напротив, они все время строили козни против него. Узнав, что Камица все еще находится в Аоратах и занят заботами о добыче и пленных, они сразу же построили поотрядно войско и рано утром напали на него. Многие воины Камицы, видя множество варваров, решили обеспечить себе спасение бегством. Сам же Камица вместе со скифами, кельтами и наиболее храбрыми из ромеев мужественно принял бой. Большинство из них пало в битве, однако Камица с немногими оставшимися в живых продолжал сражаться. Его конь, получив смертельную рану, рухнул на землю. Племянник Камицы по

имени Катародон соскочил со своего коня и отдал его дяде. Но Камице – человеку грузному и высокому – нелегко было вскочить на коня. Поэтому он немного отступил назад, оперся о дерево, обнажил акинак и уже без всякой надежды на спасение обрушил град ударов на шлемы, плечи и руки варваров, осмелившихся с ним схватиться. Варвары видели, как упорно сопротивляется Камица, сколько воинов он убивает и ранит и вот, удивленные отвагой и восхищенные стойкостью мужа, они решили сохранить ему жизнь. Архисатрап по имени Мухаммед, и прежде знакомый с Камицей, узнал его, остановил сражавшихся, соскочил с коня, вместе со своими людьми приблизился к нему и сказал: «Не предпочти смерть жизни, дай мне руку и спаси себя». Камица же, видя, что он окружен множеством врагов и не имеет больше сил сражаться, протягивает руку Мухаммеду. Мухаммед посадил Камицу на коня и связал ему ноги, чтобы он не смог убежать. Вот что случилось с Евстафием.

Самодержец, догадавшись, по какому пути должны пройти варвары, направился по другой дороге, прошел через Никею, Малагину и так называемые Василики 1444 (это долина и труднодоступный проход, находящийся на хребте Олимпа), спустился в Алифины 1445 и прибыл к Акроку 1446. Алексей торопился опередить турок, чтобы напасть на них с фронта и завязать упорное сражение. Турки же, совершенно забыв о ромейском войске, достигли камышовых зарослей, находящихся в долине, и расположились там на отдых. Когда самодержец выступал против варваров, пришла весть, что турки подошли к нижней части долины. Поэтому он выстроил войско в боевой порядок на значительном расстоянии от вражеского стана, впереди поставил Константина Гавру и Монастру, на обоих флангах разбил воинов по отрядам и поручил командование арьергардом Ципурелу и Абеле – людям, обладавшим большим и давним военным опытом. Взяв на себя командование центром строя, Алексей, как молния, напал на турок, привел в замешательство все их фаланги и вступил в упорный бой с варварами. В завязавшемся рукопашном сражении много варваров было убито и много было взято в плен. Те же, кто укрылся в тростниковых зарослях, на некоторое время избежали опасности.

Одержав блестящую победу над врагом, самодержец направился к тростниковым зарослям, стремясь выгнать из них спрятавшихся там турок. Воины, однако, оказались в затруднительном положении, ибо болотистая почва и густой тростник не позволяли им войти в заросли. Тогда император приказал окружить заросли и с одной стороны поджечь тростник. Приказ был исполнен, и огромное пламя взвилось ввысь.

Спрятавшиеся в тростнике, спасаясь от огня, попали в руки воинов. Одни из них стали жертвой мечей, другие были доставлены к самодержцу.

6. Вот что случилось с варварами, спустившимися с Карме 1447. Тем временем эмир Мухаммед узнал о несчастье, постигшем мусульман из Карме, соединился с обитающими в Азии туркоманами и другими племенами и сразу же отправился в погоню за императором; в результате вышло так, что один и тот же человек преследовал и сам был преследуем. Варвары Мухаммеда по пятам следовали за самодержцем, а он двигался вслед за турками из Карме и, таким образом, оказался между теми и другими. Над первыми он уже одержал победу, но его преследователи находились еще вне опасности 1448.

Внезапно напав на арьергард самодержца, Мухаммед прежде всего встретился с Абелой. Абела, вообще человек мужественный, находясь в поле зрения императора, исполнился еще большей отвагой и двинулся на Мухаммеда, даже мгновения не подождав своих воинов, чтобы вместе с ними в боевом порядке встретить нападение турок. За Абелой последовал Ципурел. Когда они достигли одной стороны крепости (остальные воины еще не успели подойти к ним), подъехал стойкий боец Мухаммед. Он поразил стрелой не всадника, а коня, и сбросил Абелу на землю. Увидев это, турки окружили спешившегося Абелу и убили его. Затем, завидя Ципурела, бесстрашно скачущего на них, турки как бы окрылили стрелами коня, на котором он ехал, вышибли Ципурела из седла и тотчас зарубили его своими саблями. Тем временем воины арьергарда, чьей обязанностью было защищать коней и утомленных воинов, охранявших снаряжение, и по мере возможности отгонять атакующих врагов, увидели турок, напали на них и обратили их в паническое бегство.

Между тем Камица, находясь в плену у турок, заметил возникшее в пылу боя замешательство; видя, что одни бегут, а другие преследуют, он, как человек решительный, задумал побег и пустился в путь. Встретившийся Камице на дороге кельт-катафракт отдал ему своего коня. Камица прибывает к самодержцу 1449, стоявшему лагерем на равнине между Филадельфией и Акроком, которая по своим размерам могла бы вместить не одну, а несколько армий. Император принял Камицу с большой радостью, возблагодарил бога за его спасение и отправил Камицу в царственный город со следующим напутствием: «Расскажи, что ты перенес, что видел, и сообщи нашим, что мы божьей милостью живы». Когда же самодержец узнал о гибели Абелы и Ципурела, он был очень огорчен этим и сказал: «Отдав двоих, мы получили одного». Ведь у императора был обычай после победы в бою выяснять, не попал ли кто-

нибудь из его воинов в плен и не стал ли кто-либо добычей вражеской руки. Если даже он обращал в бегство целые фаланги и одерживал победу, но при этом погибал хотя бы один, пусть даже самый последний воин, то такую победу император ни во что не ставил, считал ее настоящей кадмовой победой, потерей, а не прибылью для себя. Поручив охрану этой области Георгию Левуну и другим военачальникам и оставив им своих воинов, самодержец победителем вернулся в царственный город 1450.

Тем временем Камица прибыл на Дамалис и, узнав, что императрица находится в Верхнем дворце, в среднюю стражу ночи сел в лодку, прибыл во дворец и стал стучать в ворота, выходящие к морю. Его спросили, кто он такой, но Камица не захотел называть своего имени и просил отворить ему ворота. Наконец он нехотя назвал себя, и ему разрешили войти. Обрадованная Августа встретила его перед дверьми своей спальни (это место раньше называли Аристирием) 1451. Увидев Камицу в турецкой одежде и хромающим на обе ноги из-за ранения, полученного в битве, она прежде всего спросила о самодержце, а затем велела ему сесть. После этого она расспросила его обо всем; слушая о новой, неожиданной победе самодержца и видя перед собой пленника свободным, императрица не знала, что ей делать от радости. Она велела Камице отдохнуть до утра, а затем выйти и сообщить всем о случившемся.

Поднявшись утром, Камица вскочил на коня и в той самой одежде, в которой, неожиданно обретя свободу, бежал из плена, въехал на площадь Константина. Весь город немедленно сбежался к нему, стремясь узнать о его судьбе, а еще более горя желанием получить известие о самодержце. Многочисленные конники и пешие окружили Камицу, а он громогласно рассказывал о войне, о том, что случилось с ромейским войском, что придумал император против варваров и как он одержал блестящую победу, жестоко отомстив врагу. В конце речи Камица поведал о своем неожиданном бегстве от варваров. Вся толпа славила их, и шум славословия достигал неба.

7. Таким образом это произошло, и Константинополь наполнился слухами о подвигах императора. И действительно, с какими только бедствиями, посланными судьбой во вред ему и Ромейскому государству, не встретился император! В каких несчастиях не побывал! Но его добродетель, бдительность и энергия были опорой и защитой против всех бед. Ни одному из императоров, от древних до нынешних, не приходилось сталкиваться со столь запутанными делами, с такой испорченностью нрава самых различных людей, с какими, как мы видели, встретился самодержец в своем государстве и за его пределами. Может быть, дела ромеев

находились в столь плачевном состоянии по божьей воле (ведь я не склонна связывать нашу судьбу с движением звезд), может быть, Ромейская держава оказалась в таком тяжком положении из-за безрассудства прежних императоров, во всяком случае во время правления моего отца происходило множество бедствий и неурядиц. В один и тот же момент ополчились на него скиф с севера, кельт с запада, исмаилит с востока; не говорю уже об опасностях, подстерегавших его на море, о варварах, господствовавших на море, и о бесчисленных пиратских кораблях, построенных гневом сарацин 1452 или воздвигнутых корыстолюбием ветонов и их недоброжелательством к Ромейской державе. Все они с вожделением смотрели на Ромейскую империю. Ведь по своей природе империя – владычица других народов, поэтому ее рабы враждебны к ней и при первом удобном случае один за другим – с моря и с суши – нападают на нее. Прежде, до нашего правления, положение не было столь трудным и тяжелым, но как только на императорскую колесницу взошел мой отец, тотчас отовсюду хлынули потоки бедствий: пришел в движение и показал острие своего копья кельт, натянул тетиву лука исмаилит, на тысячах колесниц ринулись на нас все кочевые и скифские племена.

Может быть, кто-нибудь, кому попадется в руки моя история, прочтя эти слова, скажет, что мой язык подкуплен природой? Клянусь теми опасностями, которые испытал император ради благоденствия ромеев, клянусь трудами и страданиями, которые он вытерпел ради христиан, что я говорю и пишу это не ради лести отцу. Ведь когда я вижу промахи своего отца, я преступаю закон природы и придерживаюсь истины, ибо считаю, что как мне ни дорог отец, но истина дороже. Как некогда сказал один философ 1453, из двух друзей лучше предпочесть истину. Я следую за самим ходом вещей, рассказываю и повествую о событиях, ничего не прибавляя от себя и ничего не опуская. Доказательство этому налицо: я описываю события не тысячелетней давности. До сих пор живут и здравствуют люди, знавшие моего отца; они рассказывают о нем, и от них я почерпнула немало для моей истории, одни помнят и рассказывают одно, другие – другое, но все они согласны между собой. Да и сама я в большинстве случаев находилась с отцом и сопутствовала матери; мне не пришлось жить домоседкой, наслаждаясь тенью и роскошью. Клянусь моим господом и божьей матерью, с самых пеленок на меня обрушились страдания, горести и бесконечные несчастия как внешние, так и внутренние. Умолчу о своих телесных недугах: пусть расскажут о них слуги женской половины.

Но чтобы описать беды, обрушившиеся на меня, когда мне не было и восьми лет, чтобы перечислить, скольких врагов родила мне человеческая испорченность, нужна прелесть Исократа, велеречивость Пиндара, стремительность Полемона, Каллиопа Гомера, лира Сапфо или что-нибудь еще более действенное. Не было бедствий, ни малых, ни больших, ни близких, ни дальних, которые сразу же не обрушились бы на меня. С тех пор и поныне поток несчастий затопляет меня; до настоящего времени, когда я пишу это сочинение, бушует море бедствий и одна за другой набегают полны.

Однако незаметно для себя я увлеклась рассказом о своих страданиях. Теперь же, осознав это, я возвращусь, как бы отплыв назад, к моей первоначальной теме. Как говорилось, то, о чем я повествую, частично было известно мне самой, частично я различными способами узнала от тех, кто участвовал в походах вместе с самодержцем и с оказией пересылал нам сведения о событиях войны, но чаще я сама слышала рассказы самодержца и Георгия Палеолога. Таким путем я получила много сведений, однако главным образом я собрала их во время правления третьего императора после моего отца 1454, когда уже не было лжи и лести к его деду – ведь все льстят тому, кто в настоящее время восседает на троне, а перед умершим не заискивают, говорят голую правду и передают все как было.

Скорбя о собственных несчастьях, оплакивая трех императорских особ: отца-самодержца, госпожу мать-императрицу и, о горе, своего супруга-кесаря, я держусь вдали от жизни 1455 и посвящаю себя книгам и богу. Доступ ко мне закрыт даже людям низкого звания, не говоря уже о близких моего отца и о тех, от которых я могла бы узнать то, что им случилось услышать от других. Клянусь душами блаженных самодержцев, вот уже тридцатый год, как я не видела людей моего отца, не встречалась и не беседовала с ними, ибо одни из них умерли, другие [из-за неустойчивого положения вещей 1456] боятся. Властители осудили меня на чрезвычайно нелепое положение: видеть меня никто не может, а ненавидят многие. Что же касается полученных мною исторических сведений, то, свидетель бог и его всевышняя матерь – моя госпожа, я собрала их из простых, совершенно безыскусных сочинений и узнала от стариков, которые были воинами в то время, когда мой отец взял в свои руки ромейский скипетр, но, встретившись с несчастьями, сменили мирские волнения на мирную монашескую жизнь. Попавшие в мои руки сочинения обладают простым, незатейливым слогом, придерживаются истины; написаны они без всяких ухищрений и риторической

выспренности. Рассказы стариков по своему языку и смыслу были такими же, как эти сочинения. По ним судила я об истинности своей истории, сравнивая и сопоставляя свое повествование с их рассказами, а их рассказы с тем, что я нередко слышала от своего отца и от дядей с отцовской и материнской стороны. Из всего этого и выросло древо истины 1457.

Однако вернусь к тому, о чем я повествовала выше: бегству Камицы от варваров и его речи, обращенной к гражданам. Как я говорила, Камица рассказал о всех событиях и об искусных выдумках императора против исмаилитов. Жители Константинополя единодушно, в один голос превозносили и славили самодержца, боготворили и восхваляли его военное искусство, не в силах сдержать своих восторгов. В радостном настроении проводили они домой Камицу, а через несколько дней уже встречали вернувшегося с трофеем победителя, священного самодержца. Так вели себя жители Константинополя. Император явился во дворец и, возблагодарив бога и божью матерь за спасение, вернулся к своему обычному образу жизни.

Усмирив внешних врагов и подавив восстания тиранов, Алексей обратил свое внимание на суды и законы, ведь он великолепно разбирался как в военных, так и в мирных делах. Он улаживал дела сирот, охранял права вдов, сурово относился ко всякой несправедливости и лишь изредка позволял себе отдых на охоте и в часы досуга. Кроме всего прочего, он поступал как истинный философ и в другом отношении: он обуздывал свое тело и делал его покорным своей воле. Большую часть времени он отдавал трудам, а затем отдыхал от трудов. Но досуг был для Алексея тоже трудом: он состоял в чтении и изучении книг и в строгом следовании завету «исследуйте писания» 1458. Охота и игра в мяч имели для моего отца второстепенное и третьестепенное значение еще тогда, когда он был молод и это чудовище, болезнь ног, подобно извивающейся змее, не набросилось на него и, как говорится в проклятии, не ужалило его в пятку 1459. Когда же болезнь началась и стала развиваться, Алексей увлекся гимнастическими упражнениями, верховой ездой и другими забавами; в этом отношении он следовал наставлениям врачебной науки, согласно которой от постоянной верховой езды рассасывается стекающая жидкость и облегчается тяжесть, давящая на тело. Как я говорила выше, эту болезнь мой отец приобрел не по какой иной причине, как из-за трудов и страданий, принятых им на себя ради славы ромеев.

8. Не прошло и года, как до императора дошел слух о переправе куманов через Истр. Уже в ноябре месяце восьмого индикта 1460, в начале

осени, он выступает из царицы городов и, созвав все 1461 свое войско, располагает его в Филиппополе, в городах Петрич и Триадица, в феме Ниш и дальше до Браничева на берегу Истра. Алексей приказал проявлять большую заботу о конях, чтобы они стали упитанными и смогли носить на себе седоков в бою. Сам он находился в Филиппополе – это город в центре Фракии.

С той стороны, где дует северный ветер, город омывает Гебр. Эта река стекает с вершины Родоп, делает много поворотов и излучин, протекает мимо Адрианополя, принимает в себя много притоков и около города Эноса впадает в море. Когда я говорю о Филиппе, то имею в виду не македонца, сына Аминты (город возник позже этого Филиппа), а Филиппа-римлянина, мужа огромного роста и неодолимой силы. Этот город существовал и раньше – до Филиппа, и одни называли его Кринидами, другие – Тримунтом 1462. Но этот огромный Филипп расширил пределы города, окружил его стенами, сделал его самым славным из фракийских городов, построил в нем огромный цирк и другие удивительные сооружения – их следы я сама видела, по какому-то поводу находясь в Филиппополе вместе с самодержцем. Город расположен на трех холмах, каждый из которых опоясан большой и высокой стеной. Там же, где город спускается на ровное и гладкое место, его окружает ров, идущий вдоль Гебра.

Как кажется, город был некогда большим и красивым. Но с тех пор как в давние времена его поработили тавры и скифы 1463, он приобрел такой вид, в каком я застала его во время правления моего отца и, судя по нему, решила, что город действительно был раньше большим. Кроме всего прочего, на Филиппополь обрушились бедствия из-за множества живших там нечестивцев: этот город поделили между собой армяне 1464, так называемые богомилы – о их ереси и о них самих я расскажу позже в свое время 1465 – и богоненавистнейшие павликиане, ветвь манихеев, происходящие, как об этом свидетельствует само их имя, от Павла и Иоанна; последние заимствовали свое нечестивое учение у Мани и в чистом виде передали его своим последователям 1466.

Я хотела коснуться учения манихеев, кратко изложить его и к тому же попытаться опровергнуть наиболее нечестивые из их догм. Зная, однако, что манихейская ересь всем представляется смехотворной, и торопясь продолжить свое повествование, я опущу доводы против нее. Да и вообще, как мне известно, не только наши единоверцы, но даже ненавидящий нас Порфирий во многих главах показал ее полную бессмыслицу; он самым научным образом рассмотрел глупое учение манихеев о двух началах,

правда, его собственное «единое начало» приводит читателей к платоновскому «единству» или «одному». Ведь мы почитаем единое начало, но не то, которое заключается в одном лике, и мы не принимаем «одного» Платона, то, которое у эллинов – «невыразимое» и «тайное» у халдеев. От него выводят они и многие другие начала, земные и небесные 1467.

Вот этих последователей Мани и сыновей Каллиники, Павла и Иоанна, людей грубых, жестоких, без колебаний проливающих кровь, победил на войне и захватил в плен славный среди императоров Иоанн Цимисхий; он вывел их из Азии, из областей Халива 1468 и Армениака, во Фракию и заставил поселиться около Филиппополя. Он сделал это, во-первых, чтобы удалить их из хорошо укрепленных городов и крепостей, которыми они распоряжались как неограниченные правители, а во-вторых, чтобы использовать их как надежную стражу против скифских набегов, которым постоянно подвергалась Фракия 1469. Ведь варвары проходили через долины Гема и совершали набеги на равнину, лежащую у его подножья.

Гем – это огромная горная гряда, вытянутая в линию параллельно Родопам, которая начинается у Эвксинского Понта, проходит вблизи водопадов и простирается до самого Иллирика. Эта горная гряда, думается мне, рассекается Адриатическим морем, снова продолжается на противоположном берегу и доходит до самих Геркинийских лесов 1470. Оба ее склона населяют многочисленные и богатые племена: на северном живут даки и фракийцы, на южном – фракийцы и македонцы. Через Гем проходили с давних времен кочевники-скифы, пока копье Алексея и многочисленные битвы совершенно их не уничтожили; всем своим войском они наносили ущерб Ромейской державе и особенно близлежащим городам, главным из которых был знаменитый Филиппополь.

Но Иоанн Цимисхий превратил еретиков-манихеев из врагов в союзников по оружию и, таким образом, выставил надежную защиту против кочевников-скифов. С тех пор города освободились от постоянных набегов. Манихеи же, люди по своей природе свободолюбивые и непокорные, стали вести привычный им образ жизни и вернулись к своим обычаям. Все жители Филиппополя, за исключением немногих, были манихеями, они притесняли находившихся в городе христиан, грабили их имущество, не обращая никакого или почти никакого внимания на посланцев императора. Число манихеев возрастало, и вся округа Филиппополя стала еретической. К тому же к ним влился горький поток

армян и другой, берущий начало, от мутных источников Якова 1471. Это было, как бы сказать, стоком всякой скверны. Еретики различались в учениях, но в восстаниях все они были согласны с манихеями 1472!

Мой отец-самодержец применил в борьбе с ними весь свой большой военный опыт и одних захватил без боя, других обратил в рабство с помощью оружия. Такое истинно апостольское деяние взял на себя и свершил этот великий человек! Какой из его поступков не достоин похвалы? Может быть, он небрежно относился к своим военным обязанностям? Нет, Восток и Запад наполнил он своими военными подвигами. Может быть, он презирал образование? Тоже нет, ибо как никто другой изучал Алексей священное писание, дабы отточить свой язык для схваток с еретиками. Только он один с одинаковым успехом умел пользоваться оружием и словесными доводами, оружием побеждая варваров, словами одолевая врагов бога; так и тогда, выступив против манихеев, он завязал с ними скорее апостольское, чем военное сражение. Я бы назвала его тринадцатым апостолом, хотя некоторые приписывают такую славу Константину Великому. Мне же кажется, что Алексея можно считать равным самодержцу Константину или же, чтобы избежать возражений, следующим после Константина апостолом и императором.

Как я уже говорила выше, император по упомянутым причинам оказался в Филиппополе и, поскольку куманы еще не подошли, стал заниматься побочным делом с большим усердием, чем главным, отвращая манихеев от их горькой веры и приобщая их к сладостному учению. С утра до середины Дня или до вечера, а иногда и до второй или третьей стражи ночи он призывал к себе манихеев, наставлял их в истинной вере и обличал лживость их ереси. Вместе с императором находились проедр Никеи Евстратий 1473, муж умудренный в божественных и светских науках, превосходящий в искусстве диалектики стоиков и академиков, и тот, кто занимал епископский престол Филиппополя. Кроме них и больше их помогал самодержцу мой кесарь Никифор, которого Алексей приобщил к чтению священных книг. Многие из манихеев явились тогда без всяких колебаний к священникам, признались в своих заблуждениях и сподобились святого крещения. Но в то же время можно было слышать, как многие манихеи, превосходившие приверженностью к своей вере знаменитых маккавеев 1474, приводили изречения и свидетельства из священного писания, считая, что ими они обосновывают свое мерзостное учение. Однако в результате постоянных бесед и непрерывных увещеваний самодержца и их в большинстве своем тоже убедили принять святое крещение. Ведь прения нередко продолжались с утренней зари до

глубокой ночи, Алексей не прекращал беседы и часто оставался без пищи; и все это происходило в летнее время 1475 в палатке, стоявшей под открытым небом.

9. Во время этих событий, когда словопрения с манихеями были в разгаре, явился некий человек с берегов Истра и сообщил о переправе куманов. Император с бывшими при нем воинами без всякого промедления отправился к Данувию. Прибыв в Видин и не застав там варваров (узнав о приближении самодержца, они переправились назад), император немедленно отобрал храбрых воинов и приказал им преследовать варваров. Переправившись через Истр, они немедленно двинулись вслед за варварами. Они преследовали их в течение трех суток, но видя, что куманы на кожаных плотах, которые они несли с собой, переправились через реку, протекающую за Данувием, вернулись ни с чем к самодержцу.

Император был огорчен, что его войско не настигло варваров, однако счел частичной победой уже то, что ему удалось отогнать варваров одним звуком своего имени и обратить многих еретиков из манихейской ереси в нашу веру; таким образом он воздвиг двойной трофей: над варварами – благодаря оружию, над еретиками – благодаря благочестивым речам. И вот он вновь вернулся в Филиппополь и, немного отдохнув, опять обратился к битвам. Он ежедневно призывал к себе Кулеона 1476, Кусина и вместе с ним Фола – руководителей манихейской ереси, похожих на остальных еретиков, но умелых защитников своего лжеучения, недоступных слову убеждения, умевших весьма ловко извращать и превратно толковать священное писание, и вступал с ними в словесные битвы. Можно было наблюдать двойную битву: император прилагал все силы для их спасения, а они спорили ради кадмовой победы. Они стояли втроем и, как кабаны оттачивают зубы, оттачивали аргументы один другому, желая разорвать доводы императора. Если какой-нибудь аргумент ускользал от Кусина, его находил Кулеон, а если испытывал затруднения Кулеон, вступался Фол; как огромные набегающие друг за другом валы обрушивались они один за другим на доводы и положения императора. Как паутину сметал самодержец возражения этих нечестивцев и сразу же затыкал им рот. Ему, однако, не удалось их убедить, и, наконец, придя в отчаяние от глупости этих людей, император отправил их в царицу городов и предназначил для их поселения портики, окружающие Большой дворец. Но «охота» императора не кончилась полной неудачей, хотя ему пока и не удалось «подстрелить» словами предводителей манихеев; ежедневно он обращал к богу сотню, а то и больше еретиков, так что общее число тех, кого ему

удалось «подстрелить» раньше и кого он уловил своей речью теперь, составили многие тысячи людей.

Но зачем говорить и распространяться о том, что известно всему миру, чему свидетели – Восток и Запад? Ведь Алексей различными способами обратил в нашу православную веру целые города и области, погрязшие в различных ересях. Людям высокопоставленным он пожаловал богатые дары и записал их в число отборных воинов. Что же касается людей простого звания, в том числе земледельцев, проводящих жизнь у плугов и быков, то он собрал их всех вместе 1477, с женами и детьми, и построил для них город вблизи Филиппополя на противоположном берегу реки Гебра; туда он переселил их и назвал город Алексиополем или, как он чаще именуется, Неокастром 1478. Тем и другим император (и в этом его особая заслуга) выделил пашни, виноградники, дома и недвижимое имущество. Он не оставил эти дары без подтверждения подобно садам Адониса, сегодня цветущим, а завтра увядающим 1479; он подкрепил дары хрисовулом 1480 и постановил, что полученное в награду имущество принадлежит не только им самим, а может быть передано их детям и детям их детей; если же детей нет, дары наследуют жены 1481. Вот каким образом оказывал благодеяния Алексей 1482. Но хватит об этом, хотя большая часть событий и опущена мною 1483. Пусть никто не упрекнет мою историю в том, что ее содержание пристрастно. Ведь живы многочисленные свидетели событий, о которых я рассказываю, – они не преминули бы обличить меня во лжи.

Самодержец, сделав все необходимое, выступил из Филиппополя и переселился в царицу городов. И снова начались у самодержца непрерывные бои и прения со сторонниками Кулеона и Кусина. Алексей одолел Кулеона, казавшегося более разумным и способным следовать слову истины, и превратил его в смиренную овцу нашего стада. Но Кусин и Фол впали в неистовство и, хотя речи императора обрушивались на них, как молот на железо, оставались железными, отвернулись от императора и не поддались его речам. Поэтому император заключил их как самых зловредных из всех манихеев и явно приближающихся к помешательству, в так называемую Элефантинскую тюрьму 1484 и, щедро снабдив всем необходимым, оставил умирать под тяжестью собственных грехов.

Книга XV

1. Так поступил самодержец с Филиппополем и манихеями. Затем варвары приготовили для него другой горький напиток. Султан Сулейман 1485 замыслил вновь разорить Азию и вызвал войска из Хорасана и Алеппо на случай, если ему придется встретиться с сильным сопротивлением самодержца. Когда намерение Сулеймана стало до конца ясно императору, последний решил подойти с войском к Иконию и вступить с султаном в жестокую битву, ибо там находился султаникий Килич-Арслана1486. Алексей вызвал воинов из чужеземных стран, призвал большое число наемников и собрал отовсюду свое войско. В то время как оба полководца разрабатывали планы нападения друг на друга, самодержца постигла его обычная болезнь ног. Со всех сторон стекались воины, но не все сразу, а «по капле», ибо отечества воинов находились далеко. Болезнь же не только не позволяла Алексею приняться за исполнение его намерения, но даже мешала ему ходить. Прикованный к постели, он не столько был удручен болезнью ног, сколько необходимостью отложить наступление на варваров. Это не укрылось от варвара Килич-Арслана; без зазрения совести опустошал он всю Азию и совершил семь набегов на христиан.

Никогда еще боль так не мучила самодержца. Болезнь раньше обычно обрушивалась на него через большие промежутки времени, но в тот раз она мучила его не периодически, а непрерывно, и приступы следовали один за другим. Однако люди Килич-Арслана считали страдания Алексея симуляцией – не болезнью, а медлительностью и легкомыслием под предлогом боли в ногах. Поэтому они часто жестоко насмехались над императором и во время выпивок и попоек как прирожденные ораторы разглагольствовали о болезни ног императора. Болезнь ног стала для варваров темой комедии. Они изображали персонажи врачей, слуг императора, выводили на сцене самого императора покоящимся на ложе и вышучивали его. Во время подобных представлений среди варваров поднимался громкий смех. Это не осталось тайной для самодержца, он кипел гневом и горел желанием начать против них войну. Вскоре, когда боль немного утихла, он пустился в намеченный путь. Император переправился на Дамалис, пересек пролив между Кивотом и Эгиалами, достиг Кивота, а оттуда в ожидании прибытия отрядов и вызванного им наемного войска отправился в Лопадий.

Когда все собрались, он со всем войском выступает оттуда и

прибывает в крепость кира Георгия, находящуюся рядом с Никейским озером, а оттуда – в Никею; затем через три дня он возвращается назад к мосту Лопадия 1487 и разбивает свой лагерь у источника, носящего имя Карика. Намерение императора заключалось в том, чтобы сначала через мост переправилось войско, которое разбило бы палатки в удобном месте, а затем через тот же мост перешел он сам и установил императорскую палатку в расположении войска. Однако коварные турки, грабившие равнину у подножий Лантиан и так называемой Котирекии 1488, узнали о наступлении самодержца, испугались и сразу же зажгли много костров, чтобы создать впечатление присутствия большого войска. Костры освещали воздух и пугали неопытных людей, однако самодержца они: не устрашили. Затем турки со всей добычей и пленными ушли оттуда. Император утром поспешил на (уже упомянутую) 1489 равнину, стремясь застать там неприятеля, но упустил добычу. Найдя многих ромеев еще с признаками жизни, а многих уже мертвыми, он, естественно, был охвачен скорбью и пожелал преследовать турок. Однако, дабы не упустить всей добычи – ведь все войско не могло быстро настичь беглецов, – он разбивает лагерь возле Пиманина, сразу же отбирает храбрых легковооруженных воинов, поручает им преследовать варваров и показывает, какой дорогой надлежит двигаться за злодеями. Воины настигли варваров с их добычей и пленными в месте, которое местные жители называют Келлия 1490, как огонь, набросились на них, с большинством расправились саблями, некоторых взяли в плен, забрали всю добычу и, одержав большую победу, вернулись к самодержцу. Император встретил их, узнал о полном поражении врагов и возвратился в Лопадий. Там он провел целых три месяца, частично из-за отсутствия воды в землях, через которые должен был проходить (дело было летом 1491, и стояла невыносимая жара), частично поджидая не успевшие подойти отряды наемного войска. Когда все собрались, он снялся с лагеря, разместил все войско на хребтах Олимпа и даже занял Аэр 1492, расположенный у так называемой Малагины.

В это время императрица находилась в Принкипе 1493, дабы иметь возможность быстрей получать известия о самодержце, который вернулся в Лопадий. Император, как только прибыл в Аэр, послал за ней императорскую монеру; во-первых, Алексей постоянно опасался приступа болезни ног, во-вторых, боялся внутренних врагов в своем войске и потому нуждался в заботливом внимании императрицы и в ее глазах, не знающих сна.

2. Не прошло и трех дней, как утром явился императорский спальник

и остановился около императорского ложа. Императрица проснулась, увидела его и сказала: «Он принес нам весть о наступлении турок». Спальник начал было говорить, что турки подошли к крепости Георгия, но императрица жестом заставила его замолчать, дабы не разбудить самодержца. Алексей слышал их разговор, однако не шелохнулся и ничем не выдал себя. С восходом солнца он обратился к своим обычным делам, целиком уйдя в заботы о предстоящем. Не прошло и трех часов, как прибыл новый посланец с сообщением о приближении варваров. Самодержица находилась еще с самодержцем; она, естественно, испытывала страх, но подчинялась воле мужа. Когда же император с императрицей отправились завтракать, прибыл еще один посланец, весь в крови; он бросился в ноги самодержцу и стал клятвенно заверять, что опасность нависла над головой и варвары уже подходят. Самодержец немедленно велел самодержице вернуться в Византий. В глубине души она испытывала страх и опасения, но ни словом, ни видом не выдала своей боязни. Как та, воспетая в притчах Соломона женщина 1494, она обладала мужественным и твердым характером и не проявила женского малодушия, какое мы наблюдаем у большинства женщин, услышавших какое-либо страшное известие; бледность выдает трусость их душ, и они издают непрерывные жалобные вопли, как будто опасность уже нависла над ними. Но императрица, если и испытывала страх, то только страх за самодержца, как бы с ним чего не случилось, и уже во вторую очередь – за себя. И в то время она вела себя не недостойно своей доблести: она покидала самодержца вопреки своему желанию, часто оглядывалась назад, смотрела на него и с трудом рассталась с императором ценой большого усилия и напряжения воли. Она спустилась к берегу, взошла на монеру, предназначенную для императорских особ, поплыла вдоль берега Вифинии, по дороге была застигнута бурей и в конце концов причалила на корабле к берегу у Еленополя, где остановилась на некоторое время. Вот и все об Августе.

Тем временем самодержец вместе с родственниками и имевшимися в его распоряжении воинами немедленно вооружился. Вскочив на коней, они все вместе поскакали к Никее. Но варвары захватили одного алана, узнали от него о наступлении императора и побежали назад теми же самыми тропами, которыми пришли туда. В это время Стравовасилий и Михаил Стипиот (услышав имя Стипиота, не подумайте, что это полуварвар; последний был купленным рабом того Стипиота, которого я имею в виду, и позже был принесен им в дар императору; этот же Стипиот был человеком знатного рода) 1495, весьма воинственные, давно

знаменитые мужи, находились на Гермийских холмах 1496 и наблюдали за горными проходами в надежде, что варвары, как дикие звери, попадутся в их сети. Узнав об их приближении, они явились на равнину под названием...1497, завязали бой с турками и в жестокой битве разбили их наголову. Император же прибыл в неоднократно упоминавшуюся нами крепость Георгия, оттуда – в селение, именуемое местными жителями Сагудаями 1498, но нигде не встретил турок. Узнав о поражении, которое нанесли туркам уже упомянутые храбрые мужи – я имею в виду Стипиота и Стравовасилия, – он одобрил врожденную отвагу и победу ромеев и разбил свой лагерь рядом с этой крепостью.

На следующий день император спустился к Еленополю, где застал императрицу, задержавшуюся там из-за волнения на море. Он рассказал ей обо всем случившемся: как, стремясь к победе, турки обрекли себя на несчастья, мечтая победить, были побеждены сами и обрели противоположное тому, чего ожидали. Избавив ее от великого страха, император выступил к Никее. Там он получил известие о наступлении других турок и отправился в Лопадий. Некоторое время он провел в этом городе, но, узнав, что к Никее подходит большая турецкая армия, выступил с войском к Киосу. Узнав же, что турки в течение всей ночи двигались по направлению к Никее, он вышел оттуда и через Никею направился к Мискуре. Там ему сообщили, что все турецкое войско еще не прибыло, но небольшое число воинов, отправленных Моноликом, находится в Долиле и в окрестностях Никеи с заданием следить за передвижением императора и постоянно передавать сведения Монолику. Поэтому император отправил в Лопадий Льва Никерита с войском и приказал ему быть начеку, сторожить дороги и письменно сообщать обо всем, что ему удастся узнать о турках.

Остальное войско Алексей расположил в удобных местах и предпочел пока не выступать против султана, ибо предполагал, что спасшиеся варвары сообщили всем азиатским туркам о натиске, который им пришлось выдержать, и рассказали, что повсюду, встречая ромеев, они нападали на них, но, несмотря на упорство в бою, терпели поражение, что часть из них была взята в плен, часть убита и лишь немногим израненным воинам удалось уйти; Алексей опасался, что варвары, узнав о его наступлении, отступят от Икония и все его старания пропадут даром. Поэтому он повернул коня и через Вифинию прибыл в Никомидию. Алексей надеялся, что варвары устанут ожидать его наступления, вернутся туда, где жили раньше, осмелев, отправятся в обычные свои набеги, а султан примется за прежние дела; и вот тогда-то, когда воины немного

отдохнут, а кони и вьючные животные станут упитанными, император начнет еще более серьезную войну с турками и вступит с ними в жестокий бой. По этой причине, как говорилось, и отправился Алексей в Никомидию.

По прибытии на место он распределил всех следовавших за ним воинов по селениям, расположенным рядом с Никомидией, чтобы у коней и вьючных животных было много пищи (земля Вифинии богата пастбищами), а сами воины имели возможность через находившуюся вблизи бухту привозить в достаточном количестве все необходимое из Византия и его окрестностей. Он приказал им со всем усердием печься о конях и вьючных животных, не выезжать ни на охоту, ни на прогулки, чтобы к нужному времени кони были упитаны, способны легко носить всадников и пригодны для кавалерийских атак на врага.

3. Сделав такие распоряжения, Алексей как наблюдатель расположился вдали, а по всем дорогам поставил стражей. Намереваясь пробыть там значительное время, он по уже неоднократно упомянутым причинам посылает за Августой, чтобы она находилась с ним до тех пор, пока он, узнав о приходе варваров, не решит уйти из Никомидии. Императрица быстро прибывает в Никомидию.

Она видела, как некоторые злопыхатели насмехаются над бездействием Алексея, повсюду клевещут и шепчутся, что император, так хорошо снарядившись против варваров и собрав такие большие силы, не совершил ничего значительного и ушел в Никомидию; так как они бесстыдно высказывали подобные вещи не только по углам, но и на улицах, перекрестках и скрещениях дорог, императрица была этим очень огорчена и раздосадована. Однако самодержец, предвидя успех своего предприятия против врага – ведь он был искушен в делах, такого рода, – ни во что не ставил подобные разговоры и упреки, относился к ним с презрением, как к детским забавам, и смеялся над ребячливостью своих противников. Он ободрял Августу мужественными речами, клятвенно заверял ее, что то, над чем они смеются, станет причиной еще более славной его победы.

Я полагаю, что мужество в том и заключается, чтобы с умом добиваться победы, ведь отвага и энергичность без разума – качества отрицательные: это дерзость, а не храбрость. Мы проявляем храбрость в посильной борьбе и дерзость – в непосильной. Так что, когда опасность нависает над нами (мы избегаем) 1499 открытого сражения и в этом случае ведем войну другого рода и стараемся одолеть врага без помощи оружия. Первой доблестью полководца является умение добиться победы,

не подвергая себя опасности. «Так и возница искусством одним побеждает возницу» 1500, – говорит Гомер. Победу, связанную с опасностью, имеет в виду и поговорка «кадмова победа». Мне кажется вполне разумным также и во время самой битвы применять военные хитрости и каверзы, если только войско по своей силе уступает вражескому. Каждый желающий может почерпнуть из истории, что победы бывают не одинаковы и не единообразны, а издавна и поныне достигаются различными способами, так что победа одна, средства же, которыми ее завоевывают полководцы, различны и многообразны по своей природе. Одни из некогда прославленных полководцев, по-видимому, побеждали противников при помощи силы, другие для достижения победы нередко прибегали к иным средствам. Что же касается моего отца-императора, то иногда он побеждал противников силой, иногда умом, а случалось, что в ходе самой битвы выдумывал какой-нибудь хитрый план, отважно осуществлял его и добивался победы. То прибегая к военной хитрости, то действуя силой, он нередко совершенно неожиданно воздвигал трофеи. Ведь это был человек, менее чем кто-либо другой боявшийся опасностей, и опасности постоянно подстерегали его, но в одних случаях он встречал: их с открытой головой и вступал в бой с варварами, в других притворялся, что уступает врагу, и делал вид, что боится, если, конечно, в этом была необходимость и этого требовали обстоятельства. Коротко говоря, он побеждал, отступая, и брал верх, преследуя; падая и низвергая, он подобно триболе всегда принимал прямое положение 1501.

Вновь заговорив об этом, я хочу отвести от себя упрек в хвастовстве; как я неоднократно говорила в свое оправдание, эти слова рождает не преданность отцу, а существо дела. Разве интересы истины мешают мне одинаково любить отца и истину? Ведь я решила писать правду, и к тому же правду о доблестном муже. Если же случилось так, что он оказался отцом автора, то пусть его имя войдет в мое сочинение как нечто побочное, а повествование придерживается природы истины. Ведь я уже имела случаи проявлять любовь к отцу и этим заточила копья и навострила мечи многих своих врагов. Об этом знают те, кому знакомы мои дела. Но в историческом сочинении я не преступлю границ истины. Одно время – для дочерней любви, и тогда я проявила мужество, другое – для истины, и если оно наступило, я не стану им пренебрегать. А раз, как я сказала, и это время выдает во мне любящую дочь, то я не хотела бы, чтобы людское недоброжелательство затемнило истину. Однако вернемся к нити моего повествования.

Все то время, в течение которого там был разбит шатер самодержца,

Алексей не имел иного занятия, кроме зачисления в войско новобранцев и тщательного обучения их натягивать лук, потрясать копьем, править конем и становиться расчлененным строем 1502. Он обучал воинов новому боевому порядку, который он изобрел, а случалось, что и сам выезжал вместе с ними, объезжал фаланги и давал полезные советы.

Солнце уже сошло с больших кругов и, миновав осеннее равноденствие, опустилось на южные круги; самодержец счел это время удобным для похода и со всем войском выступил по направлению к Иконию, согласно тому намерению, которое имел с самого начала. По прибытии в Никею он выделил из состава войска легковооруженных воинов во главе с опытными военачальниками, приказав им с целью добычи фуража двигаться впереди и совершать силами отдельных отрядов набеги на турок. Он велел им, однако, в случае если бог дарует победу и они обратят врагов в бегство, не увлекаться преследованием, а удовлетворившись достигнутым, сохраняя порядок, возвращаться назад.

Прибыв вместе с самодержцем в место, лежащее...1503, которое местные жители называют Гаита 1504, они сразу же отправились вперед, а Алексей выступил оттуда со всем войском и подошел к мосту около Пифика. Затем в три дня он прошел через Арменокастр и так называемые Левки 1505 и прибыл на равнину Дорилея. Видя, что ее площадь достаточна для построения боевых порядков, он, желая осмотреть все войско и оценить его мощь, расположился на этой равнине лагерем и, воспользовавшись удобным случаем, выстроил воинов тем самым строем, который давно изобрел и часто рисовал на листах, чертя расположение боевых порядков (ведь он не был несведущ в элиановой тактике) 1506.

Из своего немалого опыта император знал, что боевой порядок турок строится не так, как у других народов, не как у Гомера «щит со щитом, шишак с шишаком, человек с человеком» 1507, а правый, левый фланги и центр турецкого строя расположены на определенном расстоянии друг от друга, и фаланги стоят как бы разорванно. Если враг нападает на правый или левый фланг, на него обрушивается центр и часть строя, расположенная за ним, и они, как ураган, сметают противника. Что же касается вооружения, то турки, не в пример кельтам, мало пользуются копьями, а стараются окружить врага со всех сторон и обстрелять его из луков; защищаться турки предпочитают издали. Когда турок преследует, он захватывает свою жертву при помощи лука; когда его преследуют самого, одолевает врага при помощи стрел; турок мечет стрелу, и стрела на своем лету поражает коня или всадника; пущенная сильной рукой, она пронзает тело насквозь. Вот какие искусные лучники турки 1508.

Многоопытный император принял это во внимание и потому, сам расположив боевые порядки, построил фаланги таким образом, что турки должны были стрелять с правой стороны – туда, где воины защищены щитами; наши же могли метать стрелы слева 1509 – туда, где тело открыто. Император решил, что его боевые порядки непобедимы; он был восхищен их силой и считал, что идея такого строя внушена ему богом, а боевые порядки выстроены ангелами. Все кругом были восхищены, обрадованы и вдохновлены изобретением самодержца 1510. Он же, думая о своем войске и равнинах, через которые оно должно было пройти, размышляя о силе и крепости боевых порядков, черпал из дум благие надежды и молил бога осуществить их.

4. Выстроив таким образом войско, Алексей прибыл в Сантаварис 1511. Распределив всех военачальников, он послал Камицу против Поливота и Кедреи 1512 (это хорошо укрепленный городок, находившийся под властью султана по имени Пухей 1513), а Стипиоту...1514 выступить против варваров в Амории. Узнав о его решении, два скифа перебежали к Пухею и сообщили ему о наступлении Камицы и о приближении самодержца. Охваченный ужасом, Пухей тогда же, в среднюю стражу ночи, покинул город и ушел со своими соплеменниками. На рассвете Камица прибыл в город, но не обнаружил там ни Пухея, ни вообще турок. Найдя в городке (я говорю о Кедрее) немало добра, он тем не менее не польстился на него, а был очень удручен, как охотник, из рук которого ускользнула добыча. Не задерживаясь, Камица повернул коня, направился к Поливоту, неожиданно напал на врага, убил бесчисленное множество варваров, взял добычу и пленных, расположился в тех местах лагерем и стал поджидать прибытия самодержца.

Стипиот по прибытии в Пиманин сделал то же самое и вернулся к императору. Самодержец же на закате достиг Кедреи. К нему сразу же явилось несколько воинов с сообщением, что в близлежащих городках – владениях некогда знаменитого Вурца – находится бесчисленное множество варваров. Выслушав это известие, император немедленно приготовился действовать. Он сразу же призвал сына этого Вурца по имени Варда 1515, Георгия Левуна и скифа, на скифском языке именовавшегося Питикой, вместе с их воинами, образовал боеспособный отряд и выслал их против варваров с приказом по прибытии на место отправить воинов в набеги, разорить все соседние селения, а их жителей выселить и привести к нему. Они сразу же отправились в путь, а самодержец, преследуя прежнюю цель, торопился достичь Поливота и затем дойти до Икония.

Такое намерение было у императора, и он уже собирался без промедления приступить к делу, как получил известие, что варвары и сам султан Сулейман, узнав о его наступлении, сожгли в Азии все пашни и луга, так что не осталось ни пищи для людей, ни корма для коней. Кроме того, дошли сведения о новом наступлении варваров из северных областей 1516, и крылатая молва облетела всю Азию. Император боялся, что по пути в Иконий его войско из-за недостатка пищи падет жертвой голода, и в то же время опасался ожидавшегося наступления варваров. И вот он принимает разумное и смелое решение – спросить бога, как ему поступить, – отправиться к Иконию или же выступить против варваров, находившихся у Филомилия. Он записал свои вопросы на двух листках, положил их на святой престол и провел всю ночь в усердных молитвах и песнопениях. Утром явился священник, в присутствии 1517 всех развернул один из листков и прочел самодержцу повеление отправляться по дороге в Филомилий 1518. Вот что я хотела рассказать о самодержце.

Тем временем Варда Вурц, следуя по уже упомянутой дороге, увидел, как большое войско спешит перейти через мост Зомпи 1519 и соединиться с Моноликом. Варда сразу же вооружается, вступает с ним в бой на равнине Аморий и разбивает противника наголову. Но другие турки, направлявшиеся к Монолику из восточных областей, натолкнулись на лагерь Вурца, когда тот еще не вернулся, и захватили оказавшихся там вьючных животных и снаряжение воинов. Вурц же с богатой добычей победителем двинулся в обратный путь, но по дороге встретил одного человека, шедшего из лагеря, и, узнав от него, что турки разграбили лагерь и ушли с добычей, стал размышлять, что ему следует предпринять. Он хотел отправиться в погоню за варварами, но не мог этого сделать, так как турки двигались очень быстро, а его кони уже устали. Поэтому, чтобы не случилось беды, он отказывается от преследования и медленно, в полном порядке продолжает свой путь, утром прибывает в уже упомянутые городки Вурца и выселяет оттуда всех жителей. Он забрал пленных, взял весь имевшийся у варваров провиант, позволил себе и своим усталым воинам кратковременный отдых в удобном месте, а с восходом солнца отправился по дороге к самодержцу.

По пути ему встречается другой турецкий отряд, который сразу же на него нападает, и в результате завязывается большое сражение. Турки в течение долгого времени выдерживали бой, но затем попросили отдать им пленных и захваченную у них добычу, обещая, если их требования будут удовлетворены, оставить попытки нападения на ромеев и вернуться домой. Однако Вурц не пошел навстречу желаниям турок и храбро продолжал

битву. С предыдущего дня у сражавшихся не было во рту и глотка воды, поэтому, подойдя к берегу реки, они стали утолять жар жажды, а затем один за другим возвращались на поле битвы. В то время как одни продолжали бой, другие, уставшие, освежали себя водой. Вурц же, удрученный количеством врагов, видя отвагу варваров, пришел в отчаяние и отправил к императору с сообщением о событиях не какого-нибудь простого воина, а уже упомянутого Георгия Левуна. Не найдя дороги, свободной от турецких полчищ, Георгий с отчаянной смелостью врезался в гущу врагов, выбрался из нее и благополучно прибыл к императору.

Алексей получил известие о Вурце, точно выяснил количество турок и, поняв, что Вурц испытывает большую нужду в воинах и подкреплениях, вооружил войско и вооружился сам. Построив армию по фалангам, он в образцовом порядке выступил против варваров. Авангардом командовал император (Михаил) 1520, правым флангом – Вриенний, левым – Гавра, арьергардом – Кекавмен. Пока турки в отдалении ждали приближения ромеев, племянник императрицы Никифор, юноша, горящий жаждой битвы, выехал вперед из строя, увлек за собой нескольких других щитоносцев Арея, вступил в схватку с первыми, кто напал на него, получил удар в колено и ударил копьем в грудь ранившего его воина. Турок сразу же упал с коня и безмолвный распростерся на земле. Видя это, варвары, стоявшие позади, сразу же показали ромеям спину. Император с радостью принял доблестного юношу, осыпал его похвалами, а сам направился к Филомилию.

Он достиг озера Сорока мучеников и на следующий день прибыл в так называемые Месанакты 1521. Выступив оттуда, он с ходу овладел Филомилием 1522. Затем он выделил из состава войска различного рода отряды во главе с храбрыми военачальниками и отправил их во все селения в округе Икония с приказом разорить их и вызволить из рук варваров пленных. Как стадо диких зверей, рассеялись воины во все стороны, а затем вернулись к императору и привели ему освобожденных от варваров пленников, которых они захватили вместе с их пожитками. Вместе с ними добровольно следовали и жители этих областей – ромеи, бежавшие из-под власти варваров, – женщины с младенцами, мужчины, дети; все они устремились к самодержцу, как к спасительному убежищу. Алексей опять выстроил войско новым строем, поместил в его середину всех пленных вместе с женами и детьми и отправился назад тем же путем, которым шел раньше; где бы Алексей ни проходил, он везде соблюдал все меры предосторожности. Видя это зрелище, можно было подумать, что какой-то защищенный башнями город ожил и движется этим новым

строем.

5. Во время движения императора варвары не показывались, но большое число воинов Монолика, прячась в засадах, следовало по обе стороны от него. Когда же император проходил по равнине, расположенной между Поливотом и уже упомянутым озером, группа варваров – все храбрые воины, легковооруженные и двигавшиеся налегке, сидевшие в засадах по обе стороны войска, неожиданно появились на возвышенности перед ромеями. Архисатрап Монолик, старик, обладавший большим опытом войн и боевых построений, впервые увидев столь необычный строй, был удивлен и поражен новым способом построения войска и стал выяснять имя предводителя. Он догадался, что отрядами и этим новым строем командует не кто иной, как самодержец Алексей, и, несмотря на все желание, не мог решиться на него напасть. Тем не менее Монолик приказал поднять воинский крик; стараясь создать у ромеев впечатление, что на них движется большое войско, он заставил своих воинов бежать не сомкнутым строем, а отдельными группами и в беспорядке (этот их боевой порядок я описывала выше), чтобы неожиданностью зрелища и гулом несущейся конницы оглушить и поразить ромеев.

Самодержец же двигался впереди строя и выдавался вперед, как башня, как огненный столб или как божественное, небесное явление. Он ободрял фаланги, приказывал сохранять боевой порядок и призывал воинов к мужеству. «Не ради себя, – говорил он, – предпринял я столь тяжкий труд, а ради чести и славы Ромейской державы, и я в любой момент готов принять за вас смерть». Воины исполнились мужества; каждый соблюдал свое место и спокойно продолжал путь, так что варварам казалось, будто строй не движется вовсе. Весь день без всякого успеха атаковали турки ромейское войско, но не смогли прорвать ромейский строй в целом или в какой-либо его части. Затем они, ничего не добившись, возвратились на холмы, зажгли множество костров и всю ночь выли, как волки, время от времени насмехаясь над ромеями – среди них были некоторые полуварвары, говорившие по-гречески. На рассвете Монолик приказал туркам повторить прежний маневр.

Между тем прибыл сам султан Килич-Арслан и, увидев великолепное построение войска, был удивлен, но, по обычаю молодых людей, принялся насмехаться над стариком Моноликом, медлившим вступить в бой с самодержцем. Монолик ответил ему: «По старости или по трусости я до сих пор откладывал рукопашную битву с императором. Если ты такой храбрый, иди и попытай счастья сам, дело покажет, кто прав». Килич-

Арслан сразу же сам напал на арьергард, одним сатрапам приказал атаковать самодержца с фронта, другим – завязать бой на обоих флангах. Командующий правым флангом кесарь Никифор Вриенний, видя бой в арьергарде, возгорелся желанием помочь воинам, замыкавшим строй, однако, не желая проявлять юношескую неопытность, сдерживал свой кипящий гнев против варваров и старался в полном порядке, не нарушая строя, продолжать свой путь.

Так как варвары упорно сражались, командующий левым флангом, мой самый любимый брат, порфирородный Андроник повернул коня и вместе со своей фалангой с силой набросился на варваров. Андроник проявлял на войне разумную отвагу, искусство рук и необыкновенный ум. Однако, только вступив в цветущий возраст, он безвременно погиб 1523, умер и покинул нас, когда этого никто не ожидал. О молодость, цветение тела и легкие прыжки на коня! Куда вы исчезли? Скорбь о нем понуждает меня разразиться горестным плачем, но законы исторического повествования удерживают меня от этого. Приходится удивляться, что теперь люди не превращаются, как, судя по рассказам, это было раньше, в камень, птицу, дерево или какой-нибудь неодушевленный предмет и не меняют свою природу под воздействием большого горя. Не знаю, миф это или правда, но лучше сменить свою природу на бесчувственную, чем испытать столь великое горе. Если бы это могло произойти, выпавшие на мою долю горести быстро обратили бы меня в камень.

6. Видя, что дело дошло уже до рукопашной схватки, Никифор, опасаясь поражения, повернул коня и поспешил на помощь со своим отрядом. Тогда варвары повернули назад и в панике вместе с султаном Килич-Арсланом устремились на холмы. Много турок было тогда убито в бою и еще больше взято в плен. Все, кому удалось спастись, рассеялись в разные стороны, а сам султан, отчаявшись спастись, бежал в сопровождении только одного своего виночерпия к храму, воздвигнутому на вершине холма, вокруг которого рядами стояли огромные кипарисы. Теснимый тремя преследовавшими его скифами и сыном Узы, он поднялся на холм, затем немного отклонился в сторону и спасся благодаря тому, что преследователи не знали его в лицо. Виночерпий же был схвачен скифами и как великий дар доставлен самодержцу. Император ликовал по поводу столь славной победы над врагами; вместе с тем он был огорчен, что султан не попал в его руки, хотя и, как говорится, едва унес ноги.

С наступлением вечера император располагается лагерем, а оставшиеся в живых варвары вновь поднимаются на холмы, зажигают множество костров и всю ночь, как псы, лают на ромеев. Некий скиф

убежал из ромейского войска, явился к султану и сказал ему: «Не вступай в бой с самодержцем днем, из этого ничего хорошего не выйдет. Так как равнина невелика, император поставил палатки тесно одна к другой, поэтому пусть легковооруженные стрелки спустятся к подножию холмов и всю ночь осыпают ромейский лагерь градом стрел. Они нанесут немалый ущерб ромейскому войску». Тогда же один полуварвар тайно от турок явился к императору и передал ему, что посоветовал султану перебежчик-скиф, и подробно рассказал о всех планах против ромейского войска.

Узнав об этом, самодержец разделил войско на две части: одной из них он приказал, оставаясь в лагере, бодрствовать и быть начеку, а остальным – вооружиться, выйти за пределы лагеря, встретить двигавшихся на них турок и завязать бой. В течение всей ночи варвары, окружив со всех сторон лагерь, совершили рейды к подножиям холмов и осыпали воинов дождем стрел. Но ромеи, следуя наставлениям самодержца, защищались, не размыкая строя. На рассвете они выступили в том же порядке, вновь поместили в середину строя добычу, все снаряжение, пленных с женами и детьми и направились по дороге в Амбу 1524.

В этот момент начался тяжелый и жестокий бой. Султан вновь собрал свои силы, окружил со всех сторон войско и завязал упорное сражение; он, однако, не смог прорвать сомкнутого строя ромеев и, как бы натолкнувшись на стальную стену, должен был уйти ни с чем. В горести и отчаянии султан в течение всей следующей ночи совещался с Моноликом и остальными сатрапами, а на рассвете с согласия всех варваров попросил мира у самодержца. Самодержец не ответил отказом, а, напротив, принял его просьбу. Он сразу же велел сыграть сигнал сбора, приказал всем сохранять спокойствие, держаться в том же порядке, не сходить с коней, не снимать поклажи с вьючных животных и, как и раньше, в продолжение всего пути иметь при себе для защиты щиты, шлемы и копья. Такое распоряжение было отдано самодержцем с единственной целью: чтобы строй не был прорван в сумятице боя и все его люди не стали добычей врага. Видя многочисленные полчища турок, со всех сторон нападающих на ромейское войско, император испытывал опасения.

Остановившись в удобном месте, император расположил по обе стороны от себя всех родственников и большое число отобранных им воинов и сам стал во главе их; справа и слева находились его родственники и свойственники, а непосредственно за ними – отборный отряд воинов-катафрактов; блеск сверкающего оружия ярче солнечных лучей озарял воздух. В этот момент подъехал и султан вместе со своими

сатрапами, во главе которых двигался Монолик, превосходивший всех азиатских турок своим возрастом, опытом и мужеством; султан застал императора на равнине между Августополем и Акронием 1525.

Сатрапы издали заметили самодержца, сошли с коней и совершили полагающееся преклонение перед императором. Султану же самодержец не позволял сойти с коня, хотя тот несколько раз и пытался это сделать. Но быстро спешившись, Килич-Арслан обнял ногу самодержца. Император же подал ему руку и велел сесть на одного из лучших своих коней. Когда султан вскочил на коня и сбоку приблизился к самодержцу, Алексей немедленно снял с себя плащ и набросил его на плечи Килич-Арслана.

Немного подождав, император изложил ему свои соображения в таких словах: «Если вы пожелаете покориться Ромейской империи и прекратить свои набеги на христиан, то получите дары и титулы и будете в дальнейшем свободно жить в отведенных вам землях, там, где вы обитали раньше, до того как Роман Диоген взял в свои руки бразды правления и потерпел то страшное поражение 1526, когда, на свое несчастье, вступив в бой с султаном, он был пленен им. Предпочтите мир войне, удалитесь с территории Ромейской державы и удовлетворитесь своей собственной. Послушавшись моих слов – ведь я даю вам хороший совет, – вы не раскаетесь и, кроме того, получите многочисленные дары. Если же нет, то знайте: я истреблю все ваше племя». Султан и его сатрапы с готовностью приняли эти условия и сказали: «Мы бы не явились сюда, если бы не решили заключить мир с твоей царственностью». Выслушав их ответ, император отослал турок в приготовленные для них палатки и пообещал на следующий день скрепить договор. На другой день император вновь встретил султана по имени Шахиншах, заключил с ним, как полагается, договор, вручил ему большую сумму денег, щедро одарил его сатрапов и, ублажив их, отпустил назад 1527.

Между тем самодержец узнал, что сводный брат султана Масуд 1528, желая захватить власть, замыслил убийство Шахиншаха. Как это всегда происходит в таких случаях, к Масуду перешли некоторые сатрапы. Поэтому император посоветовал султану немного обождать, пока он не получит более подробные сведения о заговоре, чтобы Килич-Арслан смог отправиться в путь, зная положение и принимая меры предосторожности. Султан пренебрег советом самодержца и самоуверенно продолжал преследовать свою цель. Самодержцу не хотелось создать впечатление, будто он силой задерживает добровольно явившегося к нему султана, и этим навлечь на себя хулу. Поэтому он сказал, уступая решению варвара: «Хорошо было бы немного подождать, но раз ты так хочешь идти, то

нужно, как говорится, искать другой выход, поэтому возьми у меня сильный отряд воинов-катафрактов, которые благополучно доставят тебя до самого Икония». Однако и на это предложение варвар ответил отказом. Таков уж надменный нрав варваров, считающих себя чуть ли не выше облаков.

И вот, попрощавшись с самодержцем и получив много денег, султан отправился домой. Ночью явилось ему сновидение – не лживое, не посланное Зевсом, не побуждавшее варвара к битвам и, говоря словами сладостной поэзии, не «подобное Пелееву сыну» 1529, а возвещавшее варвару истину. Султану приснилось, что во время завтрака его окружило множество мышей, старавшихся вырвать у него из рук хлеб, который он ел. Он ничуть не испугался и попытался их отогнать, но мыши вдруг превратились во львов и одолели его. Проснувшись, он рассказал сон сопровождавшему его воину самодержца и спросил, что это значит. Тот объяснил, что мыши и львы означают врагов, однако султан не захотел поверить и с безрассудной поспешностью пустился в путь.

Он выслал вперед разведчиков, которые должны были высматривать врагов, отправившихся в набег за фуражом. Но разведчики встретили Масуда, когда тот уже приближался во главе большого войска, вступили с ним в переговоры, примкнули к его заговору против Шахиншаха, а, вернувшись, сказали, что никого не видели. Шахиншах принял их сообщение за правду, беззаботно продолжал путь и встретил варварское войско Масуда. Некий Гази 1530, сын сатрапа по имени Хасан Катух 1531, убитого султаном Шахиншахом, выходит из рядов и ударяет копьем Шахиншаха, но султан, быстро обернувшись, выхватывает копье из рук Гази со словами: «Не знал я, что ныне и женщины мечут в нас копья». Затем он быстро направляется назад к императору. Шахиншаха удержал сопутствовавший ему Пухей, который давно перешел на сторону Масуда, но делал вид, что дружественно расположен к Шахиншаху и дает ему благие советы. На самом же деле он увлекал его в западню и копал ему яму, когда советовал не возвращаться к императору, а, немного отклонившись от дороги, идти в Тирагий – городок, лежащий вблизи Филомилия.

Наивный, как ребенок, Шахиншах послушался Пухея и прибыл в Тирагий, где был приветливо встречен его жителями – ромеями, знавшими о дружеском расположении к нему императора. Варвары тем временем во главе с самим Масудом подошли к Тирагию, окружили со всех сторон его стены с намерением осадить город. Шахиншах, выглянув из-за стены, разразился страшными угрозами по адресу своих соплеменников-варваров

и сказал, что ромейские войска самодержца уже подходят и что если они не кончат войну, то испытают то-то и то-то. Находившиеся в городе ромеи мужественно сопротивлялись туркам. Тогда Пухей сбрасывает маску и обнажает свою волчью натуру, скрытую под овечьей шкурой. Он спускается со стены, пообещав Шахиншаху вселить бодрость в жителей города и побудить их к еще более мужественной борьбе. На деле же он стал угрожать жителям, советовать им сдаться и открыть туркам городские ворота, если они не хотят стать жертвой варваров, поскольку де многочисленное войско подходит уже из самого Хорасана. Жители, испуганные множеством варваров, вняв советам Пухея, открывают туркам путь в город.

Схватив султана Шахиншаха, турки ослепляют его; так как под рукой не оказалось необходимого инструмента для этой цели, они воспользовались подсвечником, подаренным Шахиншаху самодержцем, и сосуд света превратился в источник темноты и мрака. Шахиншах мог еще немного видеть и, когда его за руку привели в Иконий, решился рассказать о случившемся своей кормилице, а та в свою очередь – его супруге. Таким образом слух об этом дошел до самого Масуда и взбудоражил дух варвара. Исполнившись гнева, он приказал Елегму 1532 (это знатный сатрап) задушить Шахиншаха тетивой лука 1533. Таков был конец султана Шахиншаха, не последовавшего по своему безрассудству увещеваниям самодержца. Самодержец же направился к царственному городу, при этом он всю дорогу следил за сохранением строя войска.

7. Может быть, слушая о боевых порядках и фалангах, пленных и добыче, о стратиге и командирах, кто-нибудь и решит, что это обычные рассказы историков и поэтов. Но этот боевой порядок казался всем новым и удивительным, никто никогда не видел его, и ни один историк не поведал о нем потомству. Идя по дороге к Иконию, воины сохраняли строй и двигались в такт звукам флейты. Видя целиком всю фалангу, можно было подумать, что она, двигаясь, остается недвижной и перемещается, оставаясь на месте. Этот сомкнутый и единый строй напоминал незыблемые горы, он двигался, как огромный зверь, при этом фаланга двигалась, подчиняясь одной душе.

После того как ромеи прибыли в Филомилий, повсюду, как говорилось выше, освободили тех, кто находился под владычеством варваров; поместив пленных, женщин, детей и всю добычу в центр строя, они двинулись в обратном направлении медленно, ступая ленивым «муравьиным» шагом. Многие были больны, многие женщины беременны; если одна из них собиралась рожать, то по знаку самодержца раздавался

сигнал трубы, который заставлял всех застыть на месте, и тотчас весь строй останавливался. Как только самодержец узнавал, что роды кончились, раздавался другой необычный сигнал – призыв к выступлению, который побуждал всех продолжать путь. Если же кто-нибудь находился при смерти, то происходило то же самое: самодержец сам приходил к умирающему и призывал к нему священников пропеть отходный молебен и причастить умирающего. Таким образом, над умирающим совершались все полагающиеся обряды, и самодержец не позволял строю двинуться ни на шаг до тех пор, пока тело не клали в гроб и не хоронили. Когда же наступало время завтрака, Алексей призывал к себе женщин и мужчин, ослабевших от болезней или старости, отдавал им большую часть пищи и заставлял поступать так же своих сотрапезников. И напоминала его трапеза некое божественное пиршество – не было во время нее никаких музыкальных инструментов, ни флейт, ни тимпанов и вообще никакой назойливой музыки 1534.

Взяв на себя заботу об этих людях, он по прибытии на Дамалис (дело было вечером) отказался от торжественного въезда в город, не пожелал ни императорской процессии, ни театральной пышности 1535, а, как это и было нужно, назначил на следующий день переправу войска. Взойдя на монеру, он в час, когда зажигаются светильники, прибыл во дворец.

На следующий день он целиком ушел в заботы о пленных и чужеземцах. Детей, лишившихся родителей, испытывающих горечь сиротской доли, он отдал своим родственникам и другим людям, известным ему своей благочестивой жизнью, а также игуменам святых монастырей. Он приказал им воспитывать этих детей не как рабов, а как свободных, обучая их всем наукам и знакомя со священным писанием. Некоторых же детей он отдал в приют 1536, который сам учредил, сделав из него скорее школу для желающих учиться. Руководителям этого приюта он наказал давать детям общее образование 1537. В прилегающей к акрополю части города, там, где находится выход к морю, Алексей нашел огромной величины храм великого апостола Павла и соорудил там второй город – внутри царицы городов. Храм наподобие акрополя стоял на самом высоком месте города.

Новый город простирался на несколько стадий (может быть, кто-нибудь скажет на сколько именно?) в длину и ширину. Вокруг него тесно стояли дома бедняков и, что еще больше свидетельствует о человеколюбии императора, жилища калек. Можно видеть, как бродят там друг за другом слепые, хромые иди имеющие какие-либо иные увечья. Смотрящим на такое зрелище кажется, что это портик Соломона, заполненный людьми с

искалеченными телами 1538. Круг домов двойной и двухэтажный: одни из этих искалеченных мужчин и женщин живут наверху, на втором этаже, другие же копошатся внизу, у самой земли. Что же касается величины круга, то желающий посмотреть этих людей, начав с утра, обошел бы круг только к вечеру.

Таков этот город, таковы его обитатели. У них нет ни земельных участков, ни виноградников или чего-либо иного, что, как мы знаем, заполняет человеческую жизнь, но каждый и каждая из них, как у Иова 1539, живет в сооруженном для него доме, из рук самодержца получая пищу и кров без всякой затраты труда. И что самое удивительное, эти неимущие, как некие господа, обладают имуществом и разнообразными доходами, пользуются заботами и вниманием, и сам самодержец вместе со своими приближенными печется о них. Если где-нибудь было поместье, расположенное в хорошем месте и к тому же доходное, император отдавал его этой братии, благодаря чему вино у них текло рекой, в изобилии был хлеб и все то, что люди едят вместе с хлебом. Число кормящихся там было огромно. По-видимому, это слишком смело, однако я скажу, что деяние самодержца можно сравнить с чудом моего спасителя, я имею в виду «семь тысяч и пять тысяч» 1540. Но тогда он накормил тысячи людей пятью хлебами как бог-чудотворец, а в данном случае человеколюбивое деяние было совершено по божественной заповеди. Иначе говоря, там было чудо, а тут императорская щедрость, снабжавшая братию всем необходимым.

Я сама видела, как девушка помогала старухе, зрячий вел за руку слепого, у безногого были ноги – не свои, а чужие, безрукого вели другие люди, детей кормили грудью чужие матери и здоровые ухаживали за паралитиками. Все множество находившихся на попечении людей делилось на две части: тех, кто нуждался в прислуге, и тех, кто прислуживал. Самодержец не мог сказать паралитику: «Встань и иди» 1541, приказать слепому смотреть 1542 или заставить ходить безногого 1543. Это было по силам лишь единорожденному, ставшему ради нас человеком и жившему на земле ради людей. Но император делал все, что было в его возможностях: он дал каждому калеке слугу и окружил одинаковой заботой увечного и здорового. Так что, если бы кто-нибудь пожелал познакомиться с новым городом, который мой отец заложил и построил, он увидел бы четыре города и даже больше, ибо его населяют живущие внизу, живущие наверху и прислуживающие и тем и другим. Но кто смог бы определить число каждодневно питающихся там, сумму каждодневных расходов на них или измерить внимание, уделяемое

каждому? Ведь я отношу к заслугам Алексея и то, что было сделано после него. Император предоставлял в их распоряжение дары земли и моря 1544 и как мог облегчал им жизнь. Во главе этого многотысячного города стоит попечитель – некий знатный муж, название города – Приют 1545. Приютом он называется благодаря человеколюбию самодержца по отношению к сиротам и бывшим воинам. Поэтому и стало употребительным название, означающее попечение о сиротах. Всеми этими делами распоряжаются секреты 1546, от людей, ведающих имуществом бедняков 1547, требуются отчеты, и права подопечных охраняются хрисовулами 1548.

В храме великого проповедника Павла собран большой клир и имеется множество огней. Зайдя в храм, можно услышать антифонное пение хоров, ибо, по примеру Соломона, Алексей позаботился о диакониссах и большое внимание уделил нашедшим тут приют иберийским 1549 монахам, которые, поселившись в Константинополе, прежде были вынуждены просить под дверьми подаяние. И для них заботливость моего отца соорудила большой монастырь, снабдила их пищей и подобающей одеждой. Пусть знаменитый Александр Македонский хвастает Александрией в Египте, Букефалой в Мидии и Лисимахией в Эфиопии 1550. Самодержец же Алексей не так кичился воздвигнутыми им городами, которые, как мы знаем, были понастроены им повсюду 1551, как гордился этим городом.

По левую сторону от входа находятся храмы и святые монастыри; справа от большого храма стоит грамматическая школа для сирот, собранных из разных стран, в ней восседает учитель, а вокруг него стоят дети – одни из них ревностно занимаются грамматическими вопросами, другие пишут так называемые схеды. Там можно увидеть обучающегося латинянина, говорящего по-гречески скифа, ромея, изучающего греческие книги, и неграмотного грека, правильно говорящего по-гречески. Такую заботу проявлял Алексей о гуманитарном образовании 1552. Схедография же – изобретение более нового времени: нашего поколения. Я обхожу молчанием Стилиана, так называемого Лонгиварда, тех, кто занимался собиранием различных имен, Аттика и тех, кто входил в священное сословие нашей Великой церкви, чьи имена я опускаю 1553. Ныне же изучение возвышенных предметов – сочинений поэтов, историков и той мудрости, которую из этих сочинений можно извлечь, – люди не считают даже второстепенным занятием. Главным занятием стали теперь шашки и другие нечестивые игры 1554. Я говорю об этом, ибо огорчена полным пренебрежением к общему образованию. Это терзает мою душу, потому

что я сама провела много времени в подобного рода занятиях. Завершив свое начальное образование, я перешла к риторике, занялась философией, обратилась наряду с этими науками к поэтам и историкам и благодаря им сгладила шероховатости своего стиля; затем, овладев риторикой, я осудила сложные сплетения запутанной схедографии. Этот рассказ – не отступление, он нужен для связности повествования.

8. Затем, на ...1555 году его царствования, появилась громадная туча еретиков. Это был новый вид ереси, ранее незнакомый церкви. Соединились между собой два издавна известные злейшие и мерзостнейшие учения: нечестивость манихеев (так их можно называть), которую мы именовали также павликианской ересью 1556, и бесстыдство мессалиан 1557. Это и было учение богомилов, образовавшееся от слияния мессалианской и манихейской ереси 1558. По всей видимости, оно существовало еще до вступления моего отца на престол 1559, но не обнаруживало себя – ведь племя богомилов весьма искусно умеет облачаться в личину добродетели. Человека со светской прической не увидеть среди богомилов: зло скрывается под плащом и клобуком 1560. Вид у богомила хмурый, лицо закрыто до носа, ходит он с поникшей головой и что-то нашептывает себе под нос. Но сердцем он – бешеный волк. И вот это-то опаснейшее племя извлек, как извлекают тайными заклинаниями притаившуюся в норе змею, и вывел на свет мой отец. Он отложил свои многочисленные заботы о западных и восточных делах и обратился к вопросам духовного свойства. Ведь Алексей во всех отношениях был выше всех: в искусстве обучения он достигал больших успехов, чем профессиональные учителя 1561, в битвах и походах превосходил тех, кто вызывал восхищение воинской доблестью.

Слух о богомилах уже разнесся повсюду. Был некий монах Василий 1562, который весьма ловко распространял нечестивое учение богомилов. У Василия было двенадцать учеников, которых он именовал апостолами; он привлек к себе также и учениц – женщин, безнравственных и мерзких 1563, и повсюду, таким образом, сеял заразу. Как огонь, охватывало зло многие души 1564. Не вынесла этого душа императора, и он занялся расследованием ереси. Некоторые из богомилов были доставлены во дворец, и все они называли Василия учителем, главой и руководителем богомильской секты. Один же из них, некий Дивлатий, на допросе не хотел сознаться и лишь после того как был подвергнут пыткам показал на упомянутого Василия и на тех, кого тот избрал себе апостолами. Многим лицам поручил самодержец розыски Василия, и вот объявился главный служитель Сатанаила 1565 Василий – человек в монашеском одеянии, с

иссохшим лицом, безбородый, высокого роста, весьма ловкий в распространении нечестивого учения.

Самодержец, желая убеждениями принудить Василия раскрыть перед ним свои самые затаенные мысли, призывает его к себе, воспользовавшись благочестивым предлогом. При появлении Василия Алексей поднялся с места, посадил его возле себя и разделил с ним трапезу, затем, опустив леску и насадив на крючок приманку, он дал проглотить ее прожорливому чудовищу. Весь яд влил он в глотку этого мерзкого монаха. Вместе с тем он всяческим образом делал вид, что хочет стать его учеником, и не только он сам, но и его брат – севастократор Исаак. Алексей притворился, будто готов принять слова Василия за глас божий и полностью подчиниться ему, если только мерзейший Василий позаботится о спасении его души. «Почтеннейший отец (император обмазал сладостью чашу, чтобы одержимый бесом изрыгнул свою желчь), – говорит он, – я восхищаюсь твоей добродетелью и желаю познать проповедуемое твоей святостью учение, ибо наше, можно сказать, плохо и не ведет к добродетели». Василий сначала притворялся: будучи настоящим ослом, он напяливал на себя львиную шкуру и не поддавался на эти речи, тем не менее он возгордился от почестей – ведь император даже посадил его с собой за стол. Во всем помогал Алексею и вместе с ним устраивал эту инсценировку его брат – севастократор. В конце концов Василий выложил учение своей секты. Каким образом это происходило?

Помещение, где находились императоры вместе с этим негодяем, открыто говорившим и выкладывавшим все, что у него было на душе, отделялось от женской половины занавесом; за этим занавесом писец и записывал все, что говорилось. Болтун разглагольствовал, как учитель, император изображал из себя ученика, а в это время секретарь записывал поучения Василия. Все – дозволенное и недозволенное, говорил этот богомерзкий муж, не умолчав ни об одной из своих богопротивных догм 1566. Он с презрением отзывался о нашем богословии, клеветал на все церковное управление и, о ужас, святые храмы именовал храмами бесов; он также порицал и объявил дурным почитание тела и крови того, кто был первым архиереем и первой жертвой 1567.

Что же дальше? Император сбрасывает маску и поднимает занавес. Собрался весь синклит, сошлось воинство, присутствовало и высшее духовенство. На патриаршем троне царицы городов восседал тогда блаженнейший среди патриархов кир Николай Грамматик. Огласили богопротивное учение Василия – улики были неопровержимыми. Обвиняемый ничего не отрицал, но сразу же вступил в открытый спор; он

уверял, что готов к огню, бичеванию и любому виду смерти – ведь эти погрязшие в заблуждении богомилы считают, что могут безболезненно перенести любое наказание, ибо ангелы якобы вынесут их из самого костра 1568. Хотя все порицали Василия за нечестие, и в том числе те, кто разделял его гибельное учение, сам он – мужественнейший богомил – оставался непреклонным. Несмотря на то, что Василию угрожал и костер и другие беды, он не отступал от беса и находился в объятиях своего Сатанаила. В то время как Василий пребывал в заключении, император неоднократно приглашал его к себе и призывал отказаться от нечестивого учения, тем не менее тот оставался равнодушным к призывам императора.

Но я не обойду молчанием случившегося с ним чуда. До того как император стал более сурово с ним обращаться, Василий, уже раскрыв свое нечестивое учение, отправился в один домик, расположенный вблизи императорских палат, незадолго до этого построенный для него. Был вечер, на безоблачном небе сияли звезды, и молодая луна озаряла вечернюю тьму. Когда монах зашел среди ночи в комнату, в нее сами собой градом полетели камни. Ничья рука не метала их, и никто не забрасывал ими одержимого бесом святошу. По-видимому, гнев рассерженных, пришедших в негодование бесов – подручных Сатанаила – был вызван тем, что Василий раскрыл императору тайны и тем самым навлек тяжелые гонения на исповедуемое им лжеучение. Рассказал об этом некий Параскевиот, который был приставлен сторожем к этому одержимому, чтобы он не мог ни с кем вступать в беседы и передавать таким образом заразу. Этот Параскевиот страшной клятвой клялся, что слышал шум падавших на землю и на крышу камней, видел непрерывно летевшие камни, однако нигде не обнаружил того, кто мог бы их бросать. Граду камней сопутствовало землетрясение: почва волновалась, а крыша дома скрипела. Параскевиот же, по его собственным словам, сохранял присутствие духа до того момента, как понял, что это дело рук бесов, но, увидев, что камни, как говорится, дождем сыплются сверху, а старикашка-ересиарх удалился и заперся в доме, он, приписав это дело бесам, уже не отдавал себе отчета в том, что происходит.

9. Это о чуде. Намеревалась я рассказать о всей ереси богомилов. Но, как говорит где-то прекрасная Сапфо 1569, мне мешает стыд. Ведь я, пишущая историю, – женщина, к тому же самая уважаемая из царственных особ и самая старшая из детей Алексея. Кроме того, надлежит хранить молчание о том, о чем говорят повсюду. У меня есть желание подробно описать богомильскую ересь, и тем не менее я не делаю этого, дабы не осквернять свой язык. Тех же, кто желает точнее узнать о ереси богомилов,

я отсылаю к книге под названием «Догматический паноплий», составленной по приказу моего отца.

Был некий монах по имени Зигавин, хорошо известный моей госпоже, бабушке со стороны матери, и всему священническому сословию. Он досконально изучил грамматику, не пренебрегал риторикой и как никто другой знал догматы церкви. Его-то и призвал к себе самодержец и приказал изложить по порядку каждое в отдельности все еретические учения, сопроводив их опровержениями святых отцов, а ересь богомилов описать в том виде, в каком преподавал ее этот нечестивый Василий. Вот эту книгу и назвал самодержец «Догматическим паноплием», она и до сих пор носит это имя 1570. Но пусть мое повествование вновь обратится к описанию гибели Василия.

Самодержец вызвал отовсюду учеников и единоверцев Василия – прежде всего уже упомянутых двенадцать учеников – и выяснил их образ мыслей. Были они в полном смысле слова учениками Василия. Ведь зараза проникла и в знатные семьи и охватила множество народа. Вот почему он сразу же приговорил к сожжению всех еретиков: и корифея и хор. Когда уличенные в богомильстве были собраны вместе, одни из них продолжали отстаивать свое еретическое учение, другие полностью отказывались от него, решительно возражали обвинителям и высказывали свое отвращение к богомильской ереси. Так как самодержец не мог питать к ним доверия, то, для того чтобы какой-нибудь христианин не затесался среди богомилов, а богомил не ускользнул от него под видом христианина, он изобрел некий новый способ, благодаря которому можно было обнаружить истинных христиан.

На следующий день Алексей воссел на свой императорский трон. В тот день присутствовали многие члены синклита, священного синода и наиболее достойные из числа ученых назиреев 1571. Все обвиняемые в богомильской ереси были выведены на середину, и самодержец приказал вновь подвергнуть допросу каждого из них. Одни признали себя богомилами и ревностно отстаивали свою ересь, другие же решительно отпирались, называли себя христианами и ничего не признавали, когда их обвиняли. Тогда Алексей, нахмурив брови, сказал: «Сегодня будут зажжены два костра, в центре одного из них в землю будет вбит крест; затем каждому будет предоставлен выбор: желающие умереть в христианской вере, отделившись от остальных, взойдут на костер с крестом, а придерживающиеся богомильской ереси будут брошены в другой костер. Ведь лучше самому умереть как христианину, чем, оставаясь жить, подвергнуться преследованиям как богомил и возмущать

совесть многих людей. Итак, пусть каждый идет, куда захочет» 1572. Сообщив такое богомилам, император сделал вид, что покончил с этим делом. Обвиняемых немедленно взяли и увели, а в это время собралась большая толпа стекшегося отовсюду народа. В месте под названием Циканистр 1573 разожгли костры в семь раз, как говорит певец, сильнее, чем их обычно разжигали 1574. Огонь поднялся до небес; в одном из костров находился крест. Так как все обвиняемые должны были быть сожжены, каждому был предоставлен выбор вступить в тот костер, который он пожелает. Те, кто придерживался православия, увидели всю безвыходность своего положения и подошли к костру с крестом, чтобы принять истинно мученическую смерть. Нечестивцы же, придерживавшиеся мерзкой ереси, обратились к другому костру. Когда они готовы были все вместе броситься в костры, присутствующие стали жалеть христиан, которые должны были сгореть, и выражали сильное недовольство императором, не зная о его намерении. Но приказ императора предупредил палачей и не дал им свершить своего дела. Получив, таким образом, надежные доказательства того, кто является истинным богомилом, император отпустил с многочисленными наставлениями ложно обвиненных христиан. Богомилов же он вновь заключил в тюрьму, отделив нечестивого Василия от остальных апостолов. Некоторых из них он сам ежедневно призывал к себе, поучал, увещевал отречься от мерзкой веры, других же по его приказу ежедневно посещали наиболее достойные из священников и наставляли их в православной вере, убеждая отречься от богомильской ереси. Одни из еретиков исправились и были освобождены из-под стражи, другие в ереси окончили свою жизнь в тюрьмах, хотя и имели полный достаток в пище и одежде.

10. Василия же, как истинного ересиарха и к тому же совершенно не раскаявшегося, все члены священного синода, наиболее достойные назиреи и сам занимавший тогда патриарший престол Николай приговорили к сожжению. С ними был согласен и самодержец, который, помногу и часто беседуя с Василием, убедился в его дурном нраве и знал, что он не отрекся от ереси. Тогда-то и распорядился император развести на ипподроме громадный костер. Была вырыта очень глубокая яма, а куча бревен, сложенная из высоких деревьев, казалась горой. Когда подожгли костер, на арену ипподрома и на ступеньки мало-помалу стала стекаться большая толпа народа, с нетерпением ожидавшая дальнейших событий. С другой стороны вбили крест, и нечестивцу была дана возможность выбора на тот случай, если он, испугавшись огня и изменив свои убеждения, подойдет к кресту, чтобы избежать костра. Присутствовала при этом и

толпа еретиков, взиравших на своего главу Василия. Он же, казалось, с презрением относился к любому наказанию и грозившей ему опасности и, находясь вдалеке от костра, смеялся, морочил всем головы прорицаниями, будто некие ангелы вынесут его из огня, и тихо напевал псалм Давида: «К тебе он не приблизится, только смотреть будешь очами твоими» 1575.

Когда же толпа расступилась, дав ему возможность увидеть ужасное зрелище огня (ведь и с большого расстояния почувствовал он жар огня и увидел взвившееся вверх и как бы испускающее громы пламя, огненные искры которого поднимались на высоту каменного обелиска, стоящего посреди ипподрома) 1576, этот храбрец, казалось, струсил и пришел в замешательство от одного вида огня и, как человек, попавший в безвыходное положение, стал вращать глазами, хлопать руками и ударять себя по бедру.

Придя в такое состояние от одного зрелища огня, он тем не менее оставался непоколебимым: его железную душу не мог ни смягчить огонь, ни тронуть обращенные к нему увещевания самодержца. Возможно, из-за неотвратимо грозящей беды его охватило безумие и, находясь в полной растерянности, он не понимал, что ему полезней делать, быть может (и это более вероятно), дьявол, владевший его душой, окутал непроницаемой мглой его разум. Этот проклятый Василий стоял совершенно безучастный перед лицом грозившей ему страшной опасности, глазея то на костер, то на собравшуюся толпу. Всем казалось, что Василий действительно помешался: он не двигался к костру, не отходил назад, а как бы оцепенев, неподвижно стоял на одном месте. Так как о Василии распространялись всевозможные слухи и басни, то палачи опасались, как бы покровительствующие Василию бесы с божьего дозволения не совершили какого-нибудь необычайного чуда. Они боялись, что этот негодяй, выйдя невредимым из огня, явится в многолюдное место и в результате произойдет новый обман, еще хуже предыдущего. Поэтому они решили подвергнуть Василия испытанию. Так как Василий рассказывал небылицы и хвастался, что выйдет невредимым из огня, то палачи, взяв его за плащ, сказали: «Посмотрим, коснется ли огонь твоей одежды», – и тотчас бросили плащ в середину костра. В ответ на это обманутый бесом Василий сказал со смехом: «Вы видите, мой плащ взлетел на воздух!» Палачи же, узнав «по кромке ткань», подняли Василия и бросили его в платье и башмаках в середину костра. Пламя, как будто разгневавшись на него, целиком сожрало нечестивца, так что даже запах никакой не пошел и дым от огня вовсе не изменился, разве что в середине пламени появилась тонкая линия из дыма. Ведь сама стихия поднимается против нечестивцев,

щадит же она – чтобы сказать правду – только людей богоугодных. Так некогда в Вавилоне отступил и отошел огонь от угодных богу юношей и окружил их со всех сторон наподобие золоченых покоев 1577.

Не успели еще палачи поднять негодяя Василия, как пламя, казалось, вырвалось навстречу, чтобы схватить нечестивца. Стоявший кругом народ с нетерпением ждал и требовал, чтобы бросили в огонь и всех остальных причастных к гибельной ереси Василия. Но самодержец не согласился и приказал заключить их в портиках и галереях Большого дворца 1578. После этого зрители были распущены. Позже безбожников перевели в другую весьма надежную тюрьму, где они содержались долгое время и умерли в своем нечестии. Таково было последнее деяние из всех великих трудов и подвигов самодержца – поступок совершенно новый, необычный по своему характеру, неслыханный по своей смелости. И я думаю, современники и близкие императору удивляются до сих пор и им кажется, что все происходившее тогда было не наяву, а привиделось во сне. Начиная с того времени, когда вскоре после провозглашения императором Диогена варвары вступили в пределы Ромейской державы и Диоген, как говорится, с первых шагов потерпел неудачу в походе на них 1579, и вплоть до воцарения моего отца варварская рука не оставалась в покое, она точила мечи и копья против христиан, а битвы, сражения и убийства не прекращались. Уничтожались города, опустошались области, и вся ромейская земля была обагрена христианской кровью. Одних постигла печальная участь, и они пали от стрел и копий, других заставили покинуть насиженные места и пленниками увезли в персидские города. Страх охватил всех, и они поспешили укрыться от обрушившихся бедствий в пещерах, рощах, горах и холмах. Одни из них, уведенные в Персию, оплакивали в молитвах свои страдания, другие, еще сохранившие свободу – если вообще кто-либо оставался в ромейских пределах, – стеная, проливали слезы кто о сыне, кто о дочери 1580, как женщины, заливаясь горючими слезами, они плакали кто о брате, кто о преждевременно ушедшем из жизни племяннике, и не было тогда места без слез и стенаний. Что же касается императоров, то они, за исключением немногих (я имею в виду Цимисхия и императора Василия 1581), с давних пор 1582 и до воцарения моего отца вообще не осмеливались ступить на азиатскую землю.

11. Но что говорить об этом? Я чувствую, что отошла от нити своего рассказа. Тема моего повествования предписывает мне двойную задачу: описать и вместе с тем оплакать все то, что пришлось претерпеть самодержцу, рассказать о его трудах и сложить скорбную песнь о том, что

истерзало мое сердце. Теперь я хочу поведать о его смерти и о крушении счастья на земле. Однако мне приходят на ум некоторые из отцовских речей, которые отвлекают меня от моей истории и ввергают в скорбь и стенания. Ведь я часто слышала его речи и слышала, как он однажды прервал мою мать-императрицу, когда та велела мудрым людям рассказать в историческом сочинении потомкам о его деяниях, многочисленных подвигах и трудах. «Пусть они лучше, – говорил император, – оплакивают мою судьбу и скорбят о постигших меня бедствиях».

Не прошло и полутора лет со времени возвращения самодержца из похода, как его постигла новая страшная болезнь, которая готовила ему смертельную ловушку, а если говорить правду, – уничтожение и гибель всему. Поскольку этого требует важность моей темы и поскольку я с пеленок была любящей дочерью, я решаюсь преступить законы исторического повествования и рассказать – хотя и не испытываю большого желания это делать – о кончине самодержца.

Однажды во время конных ристаний поднялся сильный ветер, по этой причине ревматизм Алексея как бы отхлынул и, покинув его конечности, перешел в плечо. Большинство врачей вообще не подозревало о той угрозе, которая нависла над нами. Но Николай Калликл 1583 – так он именовался – стал для нас пророком страшных бедствий; он сказал, что следует опасаться, как бы болезнь, перейдя с конечностей на другую часть тела, не поставила бы под угрозу жизнь больного. Мы, однако, не могли и не желали этому поверить.

Ни один врач, кроме Калликла, не рекомендовал тогда очистить с помощью слабительного тело Алексея. Его организм не привык к слабительному и совершенно не был приучен принимать лекарства. Учитывая это, большинство врачей, и особенно Михаил Пантехн 1584, категорически отвергали предложение очистить тело Алексея. Калликл же, предвидя будущее, решительно говорил им: «Сейчас вещество ушло из конечностей и обрушилось на плечо и шею. Впоследствии же, если его не изгнать из тела слабительным, оно войдет в какой-нибудь важный для жизни орган, а то и в само сердце, и причинит непоправимый вред». По приказу моей госпожи я присутствовала при этом разговоре, чтобы разобраться в предложениях врачей, слышала их речи и была согласна с доводами Калликла. Возобладало, однако, мнение большинства. Мало-помалу приступ ревматизма, мучивший тело императора обычное число дней, ослабел, и к больному вернулось здоровье.

Но не прошло и шести месяцев, как на императора обрушилась губительная болезнь, причиной которой, возможно, были удручавшие его

повседневные дела и множество государственных забот. Я часто слышала, как он говорил императрице, жалуясь ей на свою болезнь: «Что это за недуг, затрудняющий мое дыхание? Мне хочется вздохнуть глубоко, полной грудью и избавиться от боли, мучающей мое сердце. Часто пытаюсь я это сделать, но ни разу не смог хоть немного освободиться от тяжести, гнетущей меня. Как будто огромный камень лежит у меня на сердце и прерывает дыхание, и я не могу понять причины, от которой у меня появился этот недуг. И еще я скажу тебе, дорогая моя, разделяющая со мной мои страдания и мысли: на меня часто нападает зевота, не дающая мне вдыхать воздух и доставляющая мне страшные муки. Если ты знаешь, что это за новое несчастие постигло меня, скажи». Когда императрица слушала подобные речи и узнавала о его страданиях, то казалось, что это она сама страдает от той же болезни и это у нее перехватывает дыхание – так трогали ее слова самодержца.

Она постоянно приглашала самых сведущих врачей, заставляла их определять вид болезни и просила выяснить непосредственные и косвенные причины недуга. Они щупали его артерии, признавали, что находят в каждом ударе пульса признаки всякого рода ненормальностей, но не могли определить их причины 1585. Врачам был известен образ жизни императора – не изнеженный, а, напротив, благоразумный, умеренный, какой ведут гимнасты и воины, при котором не могут появиться дурные соки – следствие неумеренного образа жизни. Поэтому они объясняли стеснение в его груди другой причиной, считая, что непосредственным источником его болезни являются не что иное, как тяжкие заботы и постоянные непрерывные горести, из-за которых его сердце разогревается и притягивает к себе из всего тела излишнее вещество. Поэтому-то страшная болезнь и обрушилась на самодержца, не дает ему передышки и, как петля, душит его.

С каждым днем болезнь становилась все сильнее и нападала на него не через определенные промежутки времени, а постоянно и непрерывно, так что самодержец уже не мог ложиться на бок и был не в состоянии без усилий вдыхать воздух. Тогда были вызваны все врачи, и болезнь императора стала предметом их изучения. Они разошлись между собой во мнениях, каждый ставил свой диагноз и старался в соответствии с ним лечить больного. Как бы то ни было, состояние самодержца оставалось тяжелым. Ни одного вдоха не мог он сделать свободно. Чтобы вообще иметь возможность дышать, он должен был все время сидеть прямо, если же он ложился на спину или на бок, то, увы, наступало удушье. И малого количества воздуха не мог он втянуть при вдохе или выпустить при

выдохе. Даже когда сон из сострадания спускался к нему, то и тогда испытывал он удушье. Так что все время – и когда он бодрствовал и когда спал – угроза удушья висела над ним.

Не дав Алексею слабительного, врачи решили прибегнуть к кровопусканию и сделали надрез на локте. Однако от кровопускания ему не стало легче, состояние его оставалось прежним: он задыхался и, тяжело дыша, грозил испустить дух у нас на руках. Его самочувствие все же улучшилось, когда ему дали лекарство из перца. Мы были вне себя от восторга» не знали, как выразить свою радость, и обращались с благодарственными молитвами к богу. Но все это было заблуждением. На третий или на четвертый день к самодержцу вернулись приступы удушья и стеснение дыхания. Я боюсь, не хуже ли ему стало от того напитка, который, будучи не в силах совладать с болезнетворными соками, рассеял их, вогнал в пустоты артерий и усугубил болезнь. С этого времени ему очень трудно было найти удобную для лежания позу, ибо наступил самый тяжелый период болезни. Ночи напролет, с вечера до утра, лежал император без сна, не принимая пищи и ничего другого, что могло бы принести ему спасение. Нередко или, вернее, постоянно видела я, как моя мать проводила около императора бессонные ночи, сидела позади него на ложе, поддерживала его своими руками и, как могла, помогала ему дышать. Из глаз ее текли потоки слез, более обильные, чем воды Нила. Невозможно описать, какую заботливость проявляла она по отношению к нему днем и ночью, какой труд выносила на своих плечах, леча Алексея, поворачивая и переворачивая его, ухищряясь разными способами застилать его постель. Да и вообще никому тогда не было покоя.

Петля как бы следовала за самодержцем, вернее, она сопутствовала ему и, не переставая, душила. Так как не была никакого средства против этой болезни, император удалился в южную часть дворца. Когда он чувствовал стеснение в груди, он находил единственное облегчение в движении. Императрица сумела сделать это движение непрерывным: прикрепив к императорскому ложу с обеих сторон – у головы и ног – деревянные ручки, она велела слугам высоко над полом носить ложе и, сменяя друг друга, печься о самодержце.

Затем самодержец перешел из Большого дворца в Манганы. Но и это ничего не дало для спасения императора. Видя, что болезнь постоянно возвращается, и потеряв всякую надежду на помощь от людей, императрица еще усердней стала обращаться с мольбой к богу. В каждом храме она велела зажечь множество свечей и непрерывно исполнять гимны, она делала подарки жителям всех внутренних и приморских

областей, побуждала к усердным молитвам монахов, которые обитали в горах и пещерах или в других местах и вели отшельническую жизнь, просила молиться о самодержце всех болящих, содержащихся в тюрьмах, и несчастных, которые благодаря ее дарам стали богатейшими людьми.

Когда же внутренности у самодержца распухли и выдались вперед, ноги отекли 1586 и лихорадка охватила тело, некоторые из врачей, мало заботясь о лихорадке, решили прибегнуть к прижиганию. Однако все лечение было бесполезным и никчемным. Ничем не помогло и прижигание: внутренности остались в том же состоянии, дыхание было затруднено. Ревматизм как бы из другого источника проник в язычок гортани, поразил то, что эскулапы называют нёбом, десны Алексея воспалились, горло раздулось, язык распух. Поэтому пищевод, по которому должна была проходить пища, сузился, его края сомкнулись, и над нами навис ужас оказаться свидетелями голодной смерти императора, совершенно не принимавшего никакой пищи. Я же, бог – свидетель, немало хлопотала о его питании, ежедневно своими руками подносила ему пищу и старалась сделать ее пригодной для глотания. Все средства, применявшиеся для лечения воспаления, оказались... а все старания наши и врачей ни к чему не привели.

На одиннадцатый день, после того как болезнь вступила в свою последнюю стадию, она, достигнув высшей точки, поставила под угрозу жизнь больного; состояние Алексея ухудшилось, начался понос. Бедствия одно за другим обрушивались на нас в то время. Ни эскулапы, ни мы, хлопотавшие вокруг самодержца, ни ... не знали, куда обратить свои взоры; все говорило о близкой гибели. Все остальное время прошло для нас в волнениях и бурях; устоявшийся порядок расшатался, ужас и опасность нависли над нами. Августа всегда проявляла мужество перед лицом опасности, а в то время вела себя особенно мужественно: она подавляла свои страдания и стояла, как олимпийский победитель, борясь с жесточайшей болью. Видя самодержца в таком состоянии, императрица терзалась душой и мучилась сердцем, но напрягала волю и стойко переносила бедствия; она была смертельно ранена, страдания проникали до мозга костей, тем не менее она не поддавалась горю. И все же слезы катились из ее глаз, красота ее лица увяла, и душа еле держалась в теле.

Утром пятнадцатого августа 1587 (это был пятый день той недели в которую празднуют успенье нашей госпожи, пречистой девы богородицы) эскулапы натерли мазью голову самодержца (эта мера казалась им необходимой); затем они ушли домой, сделав это не без цели и не потому, что в этом была какая-нибудь необходимость, а потому, что знали о

непосредственной опасности, нависшей над самодержцем. Среди врачей три были главными: замечательный Николай Калликл, Михаил Пантехн, получивший прозвище по названию рода, и ... евнух Михаил. Толпа родственников, окружавшая императрицу, принуждала ее принять пищу ... она не принимала и сна ... одну за другой целые ночи проводила ... ухаживая за самодержцем ... согласилась. Когда у самодержца наступил последний обморок... она поняла и, ожидая ... жизнь, бросилась на ... рыдала, била себя в грудь, оплакивала свалившиеся на нее несчастья, хотела тут же лишить себя жизни, но не могла этого сделать.

Император, хотя и находился при смерти и страдания одолевали его, был как бы сильнее смерти ... он проявлял заботу об императрице и вместе с одной из своих дочерей старался унять ее волнение. Это была его третья дочь – порфирородная Евдокия 1588. Мария же делала то же, что и та, другая Мария 1589, но в отличие от нее, она сидела не в ногах, а у изголовья моего господина и, желая облегчить его страдания, давала ему пить воду, но не из чаши, а из кубка, чтобы ему было легче глотать – ведь у Алексея были воспалены нёбо, язык и горло. Тогда император обратился с твердыми, мужественными и, увы, последними своими увещеваниями. «Что ты, – сказал он, – изводишь себя горем по поводу моей кончины, зачем ты заставляешь меня заранее переживать грозящую мне смерть? Почему ты не подумаешь о себе и об ожидающих тебя бедствиях, вместо того чтобы погружаться в море печали, нахлынувшее на тебя?» Вот что он сказал императрице и еще более разбередил ее рану.

Я со своей стороны делала все, что можно, и, клянусь всеведущим богом перед лицом своих еще здравствующих друзей и будущих читателей моего сочинения, что ничем тогда не отличалась от помешанных, целиком отдавшись своему страданию. Я забросила тогда и философию и науку: то я ухаживала за отцом – наблюдала за биением пульса и прислушивалась к его дыханию, то занималась матерью, в которую старалась вдохнуть силы.

Но ... области совершенно неизлечимы ... самодержец не мог очнуться из последнего обморока, и душа Августы рвалась последовать за ним. Так была ... и на самом деле, говоря словами псалма, «Объяли меня муки смертные» 1590. И я почувствовала тогда, что лишаюсь рассудка ... я сходила с ума и не знала, что со мной будет и куда мне обратиться, видя императрицу, погруженную в море бедствий, и самодержца с его непрерывными обмороками, двигающегося к концу своего жизненного пути. Придя в себя после второго обморока, благодаря моей любимой сестре Марии, которая брызгала ему в лицо холодной водой и розовыми духами, самодержец отдал императрице те же приказы. Затем он упал в

третий обморок ... и перестановка императорского ложа, казалось ... хлопотавших вокруг него и меня ... и мы переместили прикованного к постели самодержца в другую часть пятиэтажного здания в надежде, что он вдохнет свежего воздуха и очнется из обморока. Эта часть дворца выходила на север, и комнаты не были ... дверьми.

Тем временем наследник престола уже тайно явился в предназначенную для него комнату; узнав о ... императора, он поторопился с выступлением и поспешил в Большой дворец 1591. В это время город ... пришел в волнение, но не совсем ... Императрица же сказала сквозь рыдания: «Пусть провалится все – диадема, империя, власть, владычество, троны, господство; начнем скорбный плач». И я, забыв обо всем на свете, зарыдала вместе с ней, заплакали и ... рвали на себе волосы и испускали скорбные крики. Но мы привели ее в чувство. Император находился при последнем издыхании и, как говорится, уже испускал дух. Императрица, еще одетая ... и пурпурные сандалии, бросилась на землю у изголовья Алексея ... терзалась и не знала как ... воспаление сердца. В это время возвратились пульс императора ... биение артерии ... но, скрыв всю серьезность положения, внушили всем окружающим добрые, но ничем не оправданные надежды. Они сделали это с определенным умыслом, ибо знали, что, как только уйдет из жизни император, испустит дух и императрица. Но императрица со своим здравым умом не знала, верить ей или не верить. Она хорошо знала их искусство, верила им и в то же время не могла поверить, ибо видела, что жизнь самодержца «на мечном острие распростерта»; не зная, к чему склониться, она нередко обращала свой взор на меня и, как это она постоянно делала в критические моменты, просила оракула и ждала, что я ей возвещу.

Моя госпожа и самая любимая из моих сестер Мария, украшение нашего рода, женщина твердого характера, воплощение всех добродетелей, стояла между самодержцем и императрицей и рукой то и дело мешала смотреть на самодержца. Я вновь положила свою правую руку на кисть императора и наблюдала за пульсацией крови, ее же, то и дело хватавшуюся руками за голову... покрывало (в этих обстоятельствах она намеревалась сбросить с себя императорское одеяние) столько раз я удерживала ее ... ощущая пульс. Но я ошиблась ... ибо то, что показалось мне ... было не силой ... но так как дыхания большая ... работа артерии и легких прекратилась. Отняв руку от тела самодержца, и к императрице ... вновь положила руку на кисть ... удушье. Она несколько раз делала мне знаки, ибо хотела, чтобы я сообщила ей о пульсе императора. Когда же ... я

опять коснулась его кисти и поняла, что последние силы покидают Алексея и пульс исчез, я склонила голову, в бессилии и изнеможении устремила свой взор на землю, не произнося ни слова, закрыла глаза руками и, отступив назад, зарыдала. Императрица поняла, что это означает, и в полном отчаянии огласила весь дворец жалобным криком.

Но как я расскажу о бедствии, постигшем всю вселенную? Как я оплачу свои несчастья? Императрица сбросила с себя императорское покрывало, ножом под корень обрезала свои волосы, сорвала с ног пурпурные сандалии и потребовала обычные черные. Она хотела сменить также порфиру на черное платье, но под руками не было плаща. У третьей из моих сестер 1592 – уже давно встретившейся с несчастиями вдовства – были платья, подходившие ко времени и обстоятельствам. Из них императрица и взяла для себя одежду, облачилась в нее и накинула на голову простое темное покрывало. В это время самодержец отдал богу свою святую душу, и закатилось мое солнце 1593. В ... те, кто не был подавлен горем, подняли плач, стали бить себя в грудь, испускать скорбные крики, вознося свои голоса к небу ... оплакивая благодетеля, все им ...

И теперь не могу понять, действительно ли я живу, пишу историю и вспоминаю смерть самодержца. Я протираю глаза, чтобы убедиться, не сон ли это; может не сон, а некое исступление, умопомешательство, странная и удивительная болезнь, постигшая меня. Как могу я оставаться в живых после его кончины и ... как я не испустила дух вместе с ним, как душа не отлетела от моего тела, как чувства не покинули меня и я не погибла. А если этого не произошло, то как я только не спрыгнула с высокой крутой скалы и не бросилась в морские волны?

Я описала свою жизнь ... величайшими бедствиями. Но как говорится в трагедии: «Нет такого страдания и посланного богами несчастия, груз которых я не вынесла бы на своих плечах» 1594. И действительно, по воле бога я стала средоточием всех бед. Я лишилась светоча вселенной – великого Алексея, но душа осталась хозяином моего несчастного тела. Погас и другой великий светоч, вернее, сияющая луна, гордость и слава Востока и Запада, императрица Ирина 1595, но я живу и вдыхаю воздух. Несчастья, следовали одно за другим, удары судьбы постигали меня непрерывно, но самым тяжелым горем, которое я испытала, была смерть кесаря; и я пережила столь злосчастные события. За несколько дней болезнь взяла верх, искусство оказалось бессильным, я погрузилась в море отчаяния и была недовольна тем, что душа еще теплится в моем теле. Если бы я не была сделана из стали или какого-нибудь подобного материала ... и

будучи чужой, я немедленно погибла бы. Но, сохраняя жизнь, я умирала тысячью смертей.

О Ниобе 1596 ... я слышала удивительные рассказы ... от горя превратившейся в камень ... и после превращения в бесчувственную природу ее страдания были бессмертны и в бесчувственной природе. Но я воистину еще более злосчастна, чем она, потому что после своего последнего самого большого несчастья я осталась жить, чтобы ощутить и другие горести. Превратиться в бездушный камень лучше... слезы текли, я осталась ... будучи, таким образом, нечувствительна к несчастьям. Пережить такие несчастья, вынести во дворце такие страшные злодейства со стороны людей хуже несчастий Ниобы... бедствия, достигнув такой степени... прекратились.

После смерти императора и императрицы, гибели кесаря и этих страданий оказалось достаточно, чтобы источить мою душу и тело. Ныне подобно рекам, стекающим с высоких гор ... и потоки несчастий... как бы в один водяной вал... затопляющий мой дом. Но кончу свое повествование, дабы, описывая печальные события, я не пришла в еще более смятенное состояние.

Приложения

Библиография периодика

ВВ – Византийский временник.
ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения.
ИРАИК – Известия Русского археологического института в Константинополе.
МП – Македонски преглед.
Сп БАН
– Списание на Българската академия на науките.
ТКДА – Труды киевской духовной академии.
AA – Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae.
AB – Analecta Bollandiana.
AHR – Americal Historical Review.
AIPhHOS – Annuaire de l'Institut de philologie et d'histoire orientales et slaves.
ARBSH – Akademie Roumaine, Bulletin de la section historique.
BCH – Bulletin de correspondance hellenique.
BSl – Byzantinoslavica.
Byz. – Byzantion.
BZ – Byzantinische Zeitschrift. ΕΕΒΣ – Ἐπετηρ ς Ἑταιρείας Βυξαντιν ν Σποδ ν.
EO – Echos d'Orient.
Or. Chr. Per. – Orientalia Christiana Periodica.
RE – Pauly-Wissowa, Real-Encyclopädie der Klassischen Altertumwissenschaft hrsg. von W. Kroll.
REB – Revue des études byzantines.
REG – Revue des études grecques.
ROL – Revue d'Orient latin.
SK – Seminarium Kondakovianum.

ИСТОЧНИКИ И ПЕРЕВОДЫ ИСТОЧНИКОВ[1] *(сокращения)*

Анна Комнина, *Сокращенное сказание...* – Анна Комнина, *Сокращенное сказание о делах царя Алексея Комнина (1087–1118)*, пер. под ред. Карпова, СПб., 1859.

Безобразов, *Документы...* – Безобразов П., *Документы по истории византийской империи*, – ЖМНП, 265, 1889.

Безобразов, *Хрисовул...* – Безобразов П., *Хрисовул императора Михаила VII Дуки*, – ВВ, 6, 1899.

Васильевский, *Житие св. Мелетия...* – Васильевский В., *Житие св. Мелетия* Миупольского, – *«Православный палестинский сборник», VI, 2, СПб., 1886.*

Васильевский, *Советы и рассказы...* – Васильевский В., *Советы и рассказы византийского боярина XI/ в.* – ЖМНП, 215, 216, 1881.

«Византийская сатира „Тимарион“» – «Византийская сатира „Тимарион“», пер. С. Поляковой и И. Феленковской, предисл. Е. Липшиц, – ВВ, 6, 1953.

«Две византийские хроники» – «Две византийские хроники X века. Псамафийская хроника. Иоанн Камениата. Взятие Фессалоники», М., 1959.

Курц, *Евстафия Фессалоникийского...* – Курц Э., *Евстафия Фессалоникийского и Константина Манасси монодии на кончину Никифора Комнина*, – ВВ, 17, 1910.

Любарский, *Расправа...* – «Расправа императора Алексея Комнина с богомилами», пер. и комм. Я. Любарского, – «Вопросы истории религии и атеизма», 12, М., 1964.

Любарский, Фрейденберг, *Девольский договор...* – Любарский Я., Фрейденберг М., *Девольский договор 1108 г. между Алексеем Комнином и Боэмундом*, – ВВ, 21, 1962.

Никифор Вриенний, *Исторические записки* – Никифор Вриенний, *Исторические записки (967–1087)*, пер. под ред. Карпова, СПб., 1858.

Пападимитриу, Ὁ Πρόδρομος ... – Пападимитриу С., Ὁ Πρόδρομος τοῦ Μαρκιανοῦ Κώδικος, – ВВ, 10, 1903.

Пападопуло-Керамевс, Συμβολαί – Пападопуло-Керамевс А., Συμβολα –ες τν στορίαν Τραπεζοῦντος – ВВ, 12, 1906.

Попруженко, *Святого Козмы пресвитера слово...* – Попруженко М., *Святого Козмы пресвитера слово на еретики*, – «Памятники древней

письменности и искусства», 167, 1907.

Попруженко, *Синодик царя Борила* – Попруженко М., *Синодик царя Борила*, Одесса, 1897.

«Правила св. вселенских соборов» – «Правила св. вселенских соборов», I, М., 1912.

ПСРЛ – «Полное собрание русских летописей», I, М.-Л., 1926.

Сюзюмов, *Книга, Эпарха* – «Византийская Книга Эпарха». Вступительная статья, перевод, комментарий М. Я. Сюзюмова, М., 1962.

Успенский, *Делопроизводство...* – Успенский Ф., *Делопроизводство по обвинению Иоанна Итала в ереси*, – ИРАИК, 2, 1897.

Успенский, *Синодик...* – Успенский Ф., *Синодик в неделю православия*, Одесса, 1893.

Aimé, *L'Ystoire de li Normant* – Aimé, *L'Ystoire de li Normant et la chronique de Robert Viscart*, Paris, 1835.

Alb. Aq. – «Alberti Aquensis liber christianae expeditionis», – RHC occ., IV.

Annalista Saxo – Annalista Saxo, MGH SS, VI.

Anon. Bar. Chron. – «Anonymi Barensis Chronicon», – RIS, V.

Anon. Syn. Chron. – «Anonymu Synopsis Chronike», Sathas, Bibl. gr., VII, 1894.

Attal. – «Michaelis Attaliotae historia», rec. I. Bekkerus, Bonn, 1853.

Bart. Nang. – Bartolphus Nangiensis, *Gesta Francorum Iherusalem expugnantium,* – RHC occ., III.

Bernard. – «Bernardi Marangonis Annales Pisani ab anno 1104 ad 1175», – MGH SS, XIX.

Bernoldus – Bernoldus, *Chronicon* – MHG SS, V.

Browning, A *new source...* – Browning R., A *new source on byzantine-hungarian relation in the twelfth century, the inaugural lecture of Michael* τοῦ ’Αγχιάλου ς πάτος τν φιλοσοφν, **–** «Balkan Studies», 2, 1961.

Bryennios, *Les quatre livres...* – Bryennios N., *Les quatre livres des histoires*, traduction française avec notes par H. Grégoire, – Byz., 23, 1953.

Cafaro – Cafaro, *De liberatione civitatum orientis,* – RHC occ. V.

CCAG – «Catalogus codium astrologorum graecorum», ed. Cumont F., Boll F., Bruxellis, 1904.

Cec. – «Cecaumeni strategicon et incerti scriptoris de officiis regiis libellus», ed B. Wassiliewsky, V. Jernstedt, – «Записки Историко-филологического ф-та имп. С.-Петербургского Университета», XXXVIII, Petropoli, 1896.

Cedr. – Georgius Cedrenus Ioannis Scylitzae ope ab I. Bekkero suppletus

et emendatus, I, Bonn, 1838.

Chron. breve northm. – Chronicon breve Northmannicum ab anno 1041 usque ad annum 1085, RIS, V.

Cinn. – «Ioannis Cinnami epitome rerum ab loanne et Alexio Comnenis gestarum», ree. A. Meineke, Bonn, 1836.

Const. Porph., *De adm.* – Constantine Porphyrogenitus, *De administrando imperio*, greek text edited by G. Moravcsik, english translation by R. Jenkins, Budapest, 1949.

Const. Porph., *De cerim.*, – Constantin VII Porphyrogenète, *Le livre des cérémonies*, I–II, texte établi et traduit par A. Vogt, Paris, 1935–1939.

Ctesias, Persica – Ctesias, Persica в кн.: «Herodotus», ed. C. Müller, Paris, 1844.

Dandolo – «Andreae Danduli venetorum ducis Chronicon Venetum», – RIS, XII.

Dawes, *Anna Comnena*, – Anna Comnena, *The Alexiad*, translated by E. A. S. Dawes, London, 1928.

Dölger, *Aus den Schatzkammern...* – Dölger F., *Aus den Schatzkammern des heiligen Berges*, München, 1948.

Edmonds, *Lyra Graeca* – «Lyra Graeca», I, ed. J. M. Edmonds, 1934.

Ekk. Uraug. – Ekkehardi Uraugiensis abbatis Hierosolymita, ed. Hagenmeyer, Tübingen, 1877.

Fulch. – «Fulcherii Carnotensis gesta Francorum», – RHC occ., III.

Georg. Mon. – «Georgii Monachi chronicon», – PG, 110.

Gesta – «Histoire anonyme de la première croisade», texte établi et traduit par L. Bréhier, Paris, 1924.

Glycas – «Michaelis Glycae Annales», rec. I. Bekkerus, Bonn, 1836.

Guib. – «Guiberti Abbatis Gesta dei per Francos», – RHC occ., IV.

Guil. Ap. – Guillaume de Pouille, *La Geste de Robert Guiscar*, edition, traduction, commentaire et introduction par M. Mathieu, Palermo, 1961.

Guil. Tyr. – Guillelmi archiep. Tyrensis *Historia Hierosolymitana*, – RHG occ., I.

Hagenmeyer, *Die Kreuzzugsbriefe* – Hagenmeyer H., *Die Kreuzzugsbriefe (1088–1100)*, Innsbruck, 1901.

Hist. gr. min. – «Historici graeci minores», ed. L. Dindorf, Lipsiae, 1870–1871.

Horna, *Das Hodoiporikon...* – Horna K., *Das Hodoiporikon des Konstantin Manasses*, – BZ, 13, 1904.

Iohannis Euchaitorum... – «Iohannis Euchaitorum metropolitae quae in codice vaticano graeco 676 supersunt», ed P. de Lagarde. Abhandl. d. hist.-

philol. Cl. d. k. Gesellsch. d. Wissensch. zu Göttingen, 28, 1882.

Ioannis Tzetzae epistolae – «Ioannis Tzetzae epistolae», ed. Th. Pressel Tübingen, 1851.

Jaffe, *Monumenta Gregoriana.* – Jaffe P., *Bibliotheca rerum germanicarum, II, Monumenta Gregoriana/,* Berlin, 1865.

Joranson, *The spurious letter...* – Joranson E., *The spurious letter of Emperor Alexius,* – AHR, 55, 4, 1950.

Kauchtschischvili, *Typicon* – «Typicon Gregorii Pacuriani», ed S. Kauchtschischvili, Thbilisiis, 1963.

Kroll, *De oraculis chaldaicis* – Kroll G., *De oraculis chaldaicis*, Breslau, 1894.

Kurtz, *Unedierte Texte...* – Kurfcz E., *Unedierte Texte aus der Zeit des Kaisers Johannes Komnenos,* – BZ, 16, 1907.

Legrand, *Bibliothèque grecque vulgaire* – Legrand E., *Bibliothèque grecque vulgaire, I*, Paris, 1880.

Leib, *Alexiade* – Anna Comnèna, *Alexiade (règne de l'/empe/reu/r Alexis I Comnène 1081–1118)*, texte établi et traduit par B. Leib, I-III, Paris, 1937–1945.

Leo Tact. – «Leonis imporatoris tactica», – PG, 107, 1863.

Lup. Protosp. – Lupus Protospatharius, *Rerum in Regno Neapolitano gestarum breve chronicon ab anno 860 ad 1102,* – MGH SS, V.

Malat. – Gaufredus Malaterra, *Historia Sicula*, – PL, 149.

Math. Ed – Récit de la Première Croisade extrait de la Chronique de Matthieu d'Edesse, et traduit de l'arménien par M. E. Dulaurier, Paris, 1850.

MGH SS – «Monumenta Germaniae historica. Scriptores», ed. Pertz.

Miller, *Fragment inédit...* – Miller E., *Fragment inédit de Nicetas Choniate relatif à un fait numismatique,* – «Revue numismatique», 1866. Μιχα λ Ἀκομινάτου τ σωζόμενα – Μιχα λ Ἀκομινάτου τοῦ Χωνιατου τ σωζόμενα, I-II, ed. Lampros, Athenai, 1879.

MM – Mikloschich-Müller, *Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana*, 6 vol., Vienne, 1860–1890.

Montfaucon, *Bibliotheca Coisliniana* – Montfaucon, *Blbliotheca Coisliniana*, Paris, 1715.

Monumenta Asiae Minoris – «Monumenta Asiae Minoris antiqua», VII, Monuments from the Eastern Phrygia, 1956.

Narratio Floriacensis – «Narratio Floriacensis de captis Antiochia et Hierosolyma et obsesso Dyrrahachio», – RHC occ, V.

Nic. Br. – «Nicephori Bryennii commentarii», rec. A. Meineke, Bonn, 1836.

Nic. Chon. – «Nicetae Choniatae historia», ed. I. Bekker, Bonn, 1835.

Ord. Vit. – Ordericus Vitalis, *Historia ecclesiastica*, Pars III – PL, 188.

Petit, *Monodie de Théodore Prodromos* – Petit L., *Monodie de Théodore Prodromos sur Etienne Skylitzès, metropolitain de Trébizonde*, – ИРАИК, 8, 1902.

Petit, *Typicon de Grégoire Pacourianos* – Petit L., *Typikon de Grégoire Pacourianos pour le monastère de Pétritzos (Bačkovo) en Bulgarie*, – ВВ, 11, 1904.

Petit, *Typicon du monastére de la Kosmosotira*... – Petit L., *Typicon du monastére de la Kosmosotira pres d'Aenos (1152)*, – ИРАИК, 13, 1909.

Petr. Diac. – Petri Diaconi de viris illustribus casinensibus opusculum, – PL, 173.

PG – «Patrologiae cursus completus. Series graeca», ed. J. P. Migne.

PL – «Patrologiae cursus completus. Series latina», ed. J. P. Migne.

Psellos, *Chronogr*. – Psellos M., *Chronographie du histoire d'un siècle de Byzance (976–1077)*, texte établi et traduit par E. Renauld, I-II, Paris, 1926–1928.

Psellos, *De operatione daemonum* – Psellos M., *De operatione daemonum*, ed. F. Boissonade, Nürenberg, 1838.

Psellos, *Opuscula* – Psellos M., *Opuscula*, ed. F. Boissonade.

Psellos, *Scripta minora* – Psellos M., *Scripta minora magnam partem adhuc inedita*, I-II, ed. Kurtz, Fr. Drexler, Milano, 1936–1941.

Rad. Cad. – Radulfus Cadomensis, *Gesta Tancredi m expeditione Hierosolymitana*, – RHC occ., III.

Raim Ag – Raimundi de Agiles *Historia francorum*, – RHC occ., III.

Reifferscheid, *Annae Comnenae*... – «Annae Comnenae Porphyrogenitae Alexias», rec. A. Reifferscheid, I-II, Leipzig, 1894.

RHC occ. – «Recueil des historiens des Croisades. Historiens occidentaux».

RIS – «Rerum italicarum scriptores», ed. Muratori.

Rob. Mon. – Robertus Monachus, *Historia Hierosolymitana*, – RHC occ., III.

Rom. Salern. – «Romualdi Salernitani chronicon», – RIS, VII.

Rouillard, Collomp, *Actes de Lavra* – Rouillard G., Collomp P., *Actes de Lavra*, I, Paris, 1937.

Salač, *Novella constitutio* – «Novella constitutio saec, XI medii», ed. A. Salač, Pragae, 1954.

Sathas, Bibl. gr. – «Bibliotheca Graeca medii aevi», ed. R. Sathas, I-VII, Paris, 1872–1879.

Schopen, Reifferscheid, *Annae Comnenae*... – «Annae Comnenae Alexiadis libri, XV», rec. I. Schopen, A. Reifferscheid, I-II, Bonn, 1839– 1878.

Skyl. – Georgius Cedrenus Ioannis Scylitzae ope ab I. Bekkero suppletus et emendatus, II, Bonn, 1839.

Tafel, Annae Comnenae supplementa... – «Annae Comnenae supplementa historiam graecorum ecclesiasticam saeculi XI et XII spectantia», ed. Th. Tatel, Tübingen, 1832.

Tafel, Thomas, *Urkunden* – Tafel G. L. F., Thomas G. M., *Urkunden zur älteren Handels- und Staatsgeschichte der Republik Venedig*, I, Wien, 1856.

Theoph. – «Theophanis Chronographia», rec. C. de Boor, Leipzig, 1883.

Theoph. Cont. – «Theophanes Continuatus, Ioannes Cameniata, Symeon Magister, Georgius Monachus», rec. I. Bekkerus, Bonn, 1838.

Theoph. Sim. – «Theophylacti Simocattae historiae», ed. C. de Boor, Leipzig, 1887.

Tzetzes, Chil. – «Ioannis Tzetzae historiarum variarum chiliades», graece ed. Th. Kieslingius, Lipsiae, 1826.

Zon. – Iohannes Zonaras, *Epitome historiarum*, III, ed. Th. Büttner-Wobst, 1897.

Zygab. – Euthymii Zygabeni Panoplia dogmatica, – PG, 130.

Zachariae von Lingenthal, *Jus*... – C. E. Zachariae von Lingenthal, *Jus Graeco-Romanum*, I-VII, Lipsiae, 1856–1864.

ЛИТЕРАТУРА[2]

Ангелов Д., *Влияния на чужди ереси върху богомилството*, – «Известия на семинарете при историко-филологическия ф-т на унив. св. Климент Охридски в София», кн. I, 1942.

Ангелов Д., *Богомилството в България*, 2-ре изд., София, 1961.

Ангелов Д., *История на Византия*, I, София, 1950.

Атанасов Щ., Дуйчев И., Ангелов Д., Цанкова-Петкова Г., Христов Д., Чолпанов Б., *Българското военно изкуство през феодализма*, София, 1957.

Безобразов П., *Боэмунд Тарентский*, – ЖМНП, 226, 1883.

Безобразов П., *Византийский писатель и государственный деятель* ***Михаил Пселл*** , М., 1890.

Беляев Д., *Byzantina*, I-III, СПб., 1891–1906.

В. Бешевлиев, *За името Дичина или Вичина на реки Тича*, – «Известия на института за български език», 8, 1962.

Благоев Н., *Правни и социалъни взгледи на богомилите*, София, 1912.

Бобчева В., *Въоръжението на българската войска от втората половина на 9 век до подането на България под турско робство*, – «Военно-исторически сборник», 2, 1958.

Брайчевский М., *К истории расселения славян на византийских землях*, – ВВ, 19, 1961.

Васильевский В., *Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе XI-XII вв*., «Труды», I, СПб., 1908.

Васильевский В., *Византия и печенеги*, «Труды», I, СПб., 1908.

Голубовский П., *Печенеги, торки и половцы до нашествия татар*, Киев, 1884.

Гроссу Н., *Дело халкидонского митрополита Льва*, – ТКДА, 1917, март-август.

Гроссу Н., *Церковно-религиозная деятельность императора Алексея I Комнина*, – ТКДА, 1912, № 7–8.

Диль Ш., *Византийские портреты*, I-II, пер. с фр. Б. Кириченского, Харьков, 1909–1911.

Дуйчев И., *Едно кратко описание на Вардара от XII в.*, – МП, XIII, 3, 1942.

Дуйчев И., *Проучвания върху българското средневековие*, София, 1945.

Дуйчев И., *Сщинското значение на името* Μόκρος *у Анна Комнина* (Принос към историята и географията на Македония), – МП, VIII, 3–4,

1933.

Заборов М., *Крестовые походы*, М., 1956.

Златарски В., *Багора-Бабагора-Bagulatus*, Сб-к в честь на А. Иширков, София, 1933.

Златарски В., *История на Българската държава през средните векове I-/II*, София, 1918–1934.

Златарски В., *Какъв народ се разбира у Анна Комнина под израза* γένος τι Σκυθικόν, – «Известия на исторического дружество в София», 11–12, 1931*1932*.

Златарски В., *Потеклото на Петра и Асеня водачите на възстанието в 1185 год*, – Сп БАН, 45 (22), 1933.

Игнатьев А., *Градището при с. Комарево Карнобадско*, – «Известия на Българския археологически институт», I, 1924.

Иоанн (иеромон.), *Обрядник византийского двора как церковно-археологический памятник*, М., 1895.

«История Болгарии», I, М., 1954.

«История греческой литературы», под ред. С. Соболевского, III, М., 1960.

Јиречек К., *История срба*, I, Београд, 1952.

Каждан А., *Город и деревня в Византии XI-XII вв.*, – «Rapports du XIIe congrès international des études byzantines», Ochride, 1961.

Каждан А., *Два новых памятника XII столетия*, – ВВ, 24, 1964.

Каждан А., *Деревня и город в Византии IX*- X вв., *М., 1960.*

Каждан А., *Еще раз о Киннаме и Никите Хониате*, – BS1, 24, 1963.

Каждан А., *Загадка Комнинов (опыт историографии)*, – ВВ, 25.

Каждан А., *Из истории византийско-венгерских связей во второй половине* X в., *– АА, 10, 1962.*

Каждан А., *Иоанн Мавропод, печенеги и русские в середине XI в.*, – «Зборник радова Византинолошког института», VIII, Mélanges G. Ostrogorsky, Београд, 1963.

Каждан А., *О начале второй болгаро-византийской войны*, «Славянский архив», М., 1959.

Каждан А., *Формирование феодального поместья в Византии* X в., *– ВВ, 11, 1956.*

Каждан А. *Формы условной собственности в Византии* X-XII вв., *Доклад на XXV международном конгрессе востоковедов, М., 1960.*

Каждан А., *Экскуссия и экскуссаты в Византии* X-XI вв., *«Византийские очерки», М., 1961.*

Каждан А., Литаврин Г., Удальцова З., *Византия и Запад в*

современной буржуазной историографии, «Против фальсификации истории» М., 1959.

Кондаков Н., *Очерки и заметки по истории средневекового искусства*, Прага, 1929.

Кузнецов М., *Аланские племена Северного Кавказа*, М., 1962.

Кулаковский Ю., *Аланы по сведениям классических и византийских писателей*, Чтения в историческом обществе Нестора летописца, Киев, 1889.

Лебедев А., *Очерки истории византийско-восточной церкви от конца XI до половины XV в*., М., 1890.

Левченко М., *Очерки по истории русско-византийских отношений*, М., 1956.

Липшиц Е., *Павликианское движение в Византии в VIII и первой половине IX вв*., – ВВ, 5, 1962.

Литаврин Г., *Болгария и Византия в XI-XII вв*., М., 1960.

Литаврин Г., *Восстание болгар и влахов в Фессалии в 1066 г*., – ВВ, 11, 1956.

Любарский Я., *Замечания о хронологии XI книги «Алексиады» Анны Комниной*, – ВВ, 23, 1963.

Любарский Я., *Об источниках «Алексиады» Анны Комниной*, – ВВ, 25, 1964.

Любарский Я., *Критский поэт Стефан Сахликис*, – ВВ, 16, 1959.

Любарский Я., *Мировоззрение Анна Комниной*, – «УЗ Великолукского пединститута», вып. 24, 1964.

Миков В., *Произход и значение на имената на нашите градове, села, реки, планини и места*, София, 1943.

Неусыхин А., *Исторический миф третьей империи*, – «УЗ МГУ», вып. 81, М., 1945.

Нидерле Я., *Славянские древности*, пер. с чеш. М., 1956.

Осипова К., *Система класм в Византии*, Византийские очерки, М., 1961.

Пападимитриу С., *Две народные песни у Анны Комниной*, – «Летопись ист.-фил. об-ва при Новорос. ун-те», II, Виз. отд. I, Одесса, 1892.

Пападимитриу С., *Феодор Продром, историко-литературное исследование*, Одесса, 1905.

Петров А., *Князь Константин Бодин*, – «Сборник статей, составленный и изданный учениками В. И. Ламанского по случаю 25-летия его ученой и профессорской деятельности», СПб., 1883.

Пигулевская Н., Липшиц Е., Сюзюмов Н., Каждан А., *Город и деревня*

в Византии IV-XII вв., Rapports du XIIe congrès international des études byzantines, Belgrade-Ochride, 1961.

Протасов Н., *Греческое монашество в Южной Италии и его церковное искусство*, – «Богословский вестник», 1915.

Радојчич Н., *Вести Ане Комнине о србима*, – «Гласник скопског научног друштва», 3, 1928.

Расовский Д., *Печенеги, торки и берендеи на Руси и в Угрии*, – SK, 6, 1933.

Рудаков А., *Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии*, М., 1917.

Скабаланович Н., *Византийское государство и церковь в XI в.*, СПб., 1884.

Соколов Н., *Восточная политика венецианской плутократии в XII в.*, – «УЗ Горьковского ун-та, сер. ист.-фил.», вып. 18, 1950.

Соколов Н., *Образование венецианской колониальной империи*, Саратов, 1963.

Стенли Лэн-Пуль, *Мусульманские династии*, пер. В. Бартольда, СПб., 1899.

Сыркин А., *Об историчности персонажей «Дигениса Акрита»*, ВВ, 18, 1961.

Успенский Ф., *Богословское и философское движение в Византии XI-XII вв.*, – ЖМНП, 277, 1891.

Успенский Ф., *Военное устройство византийской армии*, – ИРАИК, 6, 1900.

Успенский Ф., *История Византийской империи*, III, М.-Л., 1948.

Успенский Ф., *Образование второго болгарского царства*, Одесса, 1897.

Успенский Ф. *Очерки по истории византийской образованности*, СПб., 1892.

Шандровская В., *Григорий Каматир и его печать в собрании Государственного Эрмитажа*, – ВВ, 16, 1957.

Шанидзе А., *Страница из историята на грузино-българските културни взаимоотношения*, – «Исторически преглед», XIV, 4, 1958.

Шестаков С., *Три поэта византийского ренессанса*, – «УЗ Казанского ун-та», VI-VIII, 1906.

Юзбашян К., *К истории павликианского движения в Византии*, «Вопросы истории религии и атеизма», IV, М., 1956.

Яковенко П., *Исследования в области византийских грамот*, – «УЗ Юрьевского ун-та», VI, 1917.

Adontz N., *L'âge et l'origine de l'empereur Basile I, (867–886)*, – Byz., 9, 1935.

Adontz N., *L'archevèque Théophylacte et le Taronite*, – Byz., II, 2, 1936.

Adontz N., *Les Taronites à Byzance*, – Byz., 11, 1936.

Alexandrides K., *Über die Krankenheiten des Kaisers Alexios* /I Komnenos, – *BZ, 55, 1962.*

Alexandris, *La puissance maritime de l'Empire byzantine*, Athènes, 1957(на греч. яз.).

Alföldi A., *Insignien und Tracht der römischen Kaiser*, – «Mitteil. des deutsch. archeol. Instit., Roem. Abt.», 50, 1935. Ἀμάντος Κ., Ἰασιτας–Διασιτ ς, Ἑλληνικά, 3, 1930 Ἀμάντος Κ., Ῥαδηνός, Ἑλληνικά, 3, 1930.

Andressohn I. C., *The ancestry and life of Godefroy of Bouillon*, Bloomington, 1947. Ἀντονιάδης Σ., Ἡ περιγραφικ στ ν "Ἀλεξιάδα". Π ς ’΄Αννα Κομνην βλέπει κα ζωγραφίζει προσωπα κα χαρακτ ρες, "Ελληνικά, 5, 1932.

Avenarius G., *Lukians Schrift zur Geschichtsschreibung*, Meisenheim, 1956. Βαγιακάκος Δ., Ἐκ τοῦ τοπωνυμικοῦ τ ς Ἰθάκης, ΕΕΒΣ, 29, 1959.

Bailly A., *La serénisime rèpublique de Venise*, Paris, 1946.

Banescu N.. *Ein ethnographisches Problem am Unterlauf der Donau*, – Byz., 6, 1931/.

Banescu N., *Un duc byzantin du* /X/I-esièclë Katakalon Kékauménos, – *ARBSH, XI, 1924.*

Beck H. G., *Der byzantinische Ministerpräsident*, – BZ, 48, 1955.

Beck H. G., *Kirche und Theologische Literatur im Byzantinischen Reich*, München, 1959.

Bibicou H., *Problèmes de la marine byzantine*, – «Annales», 1958, № 2.

Bibicou H., *Une page d'histoire diplomatique de Byzance au XIe siecle, **Michel*** VII Doukas,Robert Guiscard et la pension des dignitaires, – *Byz., 29*30, 1959*60.*

Bloch M., *La société féodale, la formation des liens de dépendance*, Paris, 1939.

Blöndal S., *Nabites the Varangian. With some notes on the Varangians under Nicephorus III Botaniates and the Comneni*, «Classica et Mediaevalia», 2, 1939.

Boll P., Gundel W., *Sternglaube und Sterndeutung*, Leipzig-Berlin, 1926.

Böhlig G., *Untersuchungen zur rhetorischen Sprachgebrauch der Byzantiner mit besonderer Berücksichtigung der Schriften des M/. Psellos*, 1956.

Βρανούση Ε., Κομισκόρτης κ Ἀρβαν ν, σχόλια ε ς χωρίον τ ς ’΄Αννης Κομνην ς, Ἰωάννινα, 1962. Βρανουση Ε., рец. на M. Mathieu, *Guillaume de*

Pouille, Ἀθ να, 65, 1961.

Bréhier L., *Les institutions de l'Empire byzantin*, Paris, 1949.

Bréhier L., *La marine de Byzance du VIII au XIe siecle*, – Byz., 19, 1949.

Bromberg I., *Toponymical and historical miscellanies on medieval Dobrudja, Bessarabia and Moldo-Wallachia*, – Byz., 12, 1937.

Brown H. P., *The Venetians and Venetian Quarter in Constantinople to the close of the 12th Century*, – «Journal of hellenic studies», 40, 1920.

Browning R., *An unpublished funeral oration on Anna Comnena*, – «Proceedings of the Cambridge Philological Society», 188, 1962.

Buckler G., *Anna Comnena, a study*, Oxford, 1929.

Buckler G., *Two gateway inscriptions*, – BZ, 30, 1929*30.*

Bury I. B., *The imperial administrative system in the ninth century, with a revised text of the Kletorologion of Philotheos*, 1911.

Bury I. B., *Some notes on the text of Anna Comnena*, – BZ, 2, 1893.

Cahen C., *La campagne de Mantzikert après les sources musulmanes*, – Byz., 8, 1934.

Cahen C., *La première pénétration turque en Asie Mineure (seconde moitié du XI siècle)*, – Byz., 18, 1946*48).*

Cahen C., *La Syrie du Nord a l'époque des croisades et la principauté franque d'Antioche*, Paris, 1940.

Cessi R., *Storia della republica di Venezia*, I-II, Milano, 1944–1946.

Chalandon F., *Essai sur le règne d'Alexis Ier Comnène*, Paris, 1900.

Chalandon F., *Histoire de la domination normande en Italie et en Sicile I-II*, Paris, 1907.

Chalandon F., *Les Comnène, Jean II Comn/ène et Manuel I^e/^r Comnène*, Paris, 1912.

Charanis P., *Byzantium/, the West and the first crusade*, – Byz., 19, 1949.

David C. W., *Robert-Curthose. Duke of Normandy*, Cambr., 1920.

Delarc O., *Saint Grégoire VII et la réforme de l'Eglise au XIe siecle*, III, Paris, 1899. Δημητράκου Δ., Μέγα λεξιχ ν τ ς λληνικ ς γλ σσης, I-IX,Ἀθ ναι, 1939–1456.

Dandias M. A., Ο Βαράγγοι κα τ Βυζάντιον, Athènes, 1925.

Dereine Ch., *Pierre l'Ermite, le saint fondateur du Neuf-moustier à Huy*, – «Nouvelle Clio», V, 1953.

Der Nersessian, *Armenia and* Les fortresses construits en Asie Mineure face à l' invasion seldjoucide, *– «Akten des XI byz. Kongr.», München, 1960.*

Glykatzi-Ahrweiler H., *Recherches sur l' administration de l'Empire byzantin aux IXe– XIe siècles*, – BCH, 84, 1960.

Gramada N., *Ozolimna, Asezar Ozolimnei, Originea numelui*, – «Codrul

Cosminului», I-III, Cernăuţi, 1927.

«The Great Palace of byzantine Emperors», Oxford, 1947.

«Greek-English Lexicon of the New Testament», Chicago, 1957.

Grégoire H., рец. на: «Dawes, *Anna Comnena*», – Byz., IV, 1929.

Grégoire H., *Notes epigraphiques*, – «Revue de 1'Instruction publique en Belgique», 52, 1909.

Gregoire H., *Notes géographique et historique sur les confins pisido-phrygiens*, – «Acad. royale de Belgique, Bull. de la cl. des lettres et des sciences morales et politiques», sér. 5, 34, 1948.

Grégoire H., *Notes sur Anne Comnène*, – Byz., 3, 1926.

Grégoire H., *Pierre l'Ermite, le croisé d'avangarde et sa tombe a l'abbey de Neuf-moustier à Huy*, – «Nouvelle Clio», 3, 1951.

Grierson Ph., *Coinage and money in the Byzantine Empire*, Spoleto, 1961.

Grillmeier A., Bacht H., *Das Konzil von Chalkedon*, I-III, 1951–1954.

Grosse R., *Die Fahnen in der römisch-byzantinischen Armee des 4.–10. Jahrhunderts*, – BZ, 1924.

Grousset R., *Histoire des croisades et du Royaume de Jérusalem*, I, Paris, 1934.

Grumel V., *L'affaire de Léon de Chalcédoine*, – EO, 39, 1940*42*.

Grumel V., *La chronologie*, Paris, 1958.

Grumel V., *Documents athonites concernant Léon de Chalcédoine*, – «Miscellanea G. Mercati», III, Vatican, 1946.

Grumel V., *Léon de Chalcédoine et le canon de la fête du saint mandilion*, – AB, 68, 1950.

Grumel V., *Le miracle habituel de N-D des Blachernes à Constantinople*, – EO, avril-juin, 1931.

Grumel V., *Les regestes des actes du partiarcat de Constantinople*, I, 3, 1947.

Guillan A., Holtzmann W., *Zwei Katepansurkunden aus Tricario*, – «Quellen und Forschungen aus ital. Arch. und Bibl.», 41, 1961.

Guilland R., *Constantinople byzantine, Le Boucoléon, La Plage Boucoléon*,– BSl, X, 1949.

Guilland R., Étude de titulature et de prosopographie byzantines; Les eunuques dans l'Empire byzantin, – «Études Byzantines», I, 1943.

Guilland R., *Études de titulature et de prosopographie bysantines, **Les chefs de la marine** byzantinë Drongaire de la flotte, Duc de la flotte, Mégaduc*, – BZ, 44, 1955.

Guilland R., *Études surl'histoire administrative de l'Empire byzantin, **Le Cesarat** ,* – Or. Chr. Per., 13, 1947.

Guilland R., *Études sur l'histoire administrative de Byzance*, ***le domestique des scholes*** , REB, 8, 1950.

Guilland R., *Études sur l'histoire administrative de l'Empire byzantin, Les termes désignant* ***le commandant en chef*** *desarmées byzantines*, – EEB, 29, 1959.

Guilland R., *Études sur l'histoire administrative de l'Empire byzantin, Les titres auliques des eunuques:* ***Le protospathaire*** , – Byz., 25*27, 195*57.

Guilland R., *Le grand domesticat à Byzance*, – EO, 37, 1938.

Guilland R., *Les Palais du Boukoléon*, – BSl, 11, 1950.

Guilland R., *Sur quelques termes du Livre des cérémonies de Constantin VII Porphyrogénète*, – REG, 58, 1945, 62, 1949.

Gyóni M., *Egy vlách fabe neve Anna Komnene Alexiasában*, – «Egyetemes Philologiai Közlöny», 71, 1948.

Gyóni M., *Le nom des* Βλάχοι *dans l'Alexiade d'Anne Comnène*, – BZ, 44, 1951.

Gyóni M., *La première mention historique des Vlaques des Monts Balkans*,– AA, 54, 1952.

Hagenmeyer H., *Der Brief des Kaisers Alexis* I *an den Grafen Robert* I *von Flandern*, – BZ, 6, 1897.

Hagenmeyer H., *Chronologie de la I-re Croisade, Chronologie du royaume de Jérusalem*, – ROL, 6–12, 1898 sq.

Hagenmeyer H., *Die Kreuzzugsbriefe aus den Jahren 1088–1100*, Innsbruck, 1901.

Hagenmeyer H., *Peter der Eremite*, Leipzig, 1879.

«Handwörterbuch des Islam», Leiden, 1941.

Hanton E., *Lexique explicatif du Recueil des inscriptions grecques chrétiennes d'Asie Mineure*, – Byz., 4, 1929.

Harmatta I., *Das Volk der Sadagarren*, – «Analecta orientalia memoriae Alexandri Csoma de Körös dicata», Budapest, 1942–1947.

Heinemann L., *Geschichte der Normannen in Unteritalien und Sizilien*, I, Leipz., 1894.

Heuzey Z., Daumet H., *Mission archéologique de Macédoine*, Paris, 1886.

Hill J. H., Hill L. L., *The convention of Alexius Comnenus and Raymond of St. Gilles*, – AHR, 58, 2, 1952*53.*

Hill I. H., Hill L. L., *Raymond IV de Saint-Gilles, 1041 (ou 1042)-1105*, Toulouse, 1959.

«Historia naroda Jugoslavie», I, Zagreb, 1953.

Holtzmann W., *Die Unionsverhandlungen zwischen Kaiser Alexios und Papst Urban II im Jahre 1089*, – BZ, 28, 1928.

Hóman B., *Geschichte des ungarischen Mittelalters*, I, Berlin, 1940.

Honigmann E., *Die Ostgrenze des Byzantinischen Reiches von 363 bis 1071*, Bruxelles, 1935.

Honigmann E., *Pour l'Atlas byzantin*, – Byz., 11, 2, 1936.

Hussey I. M., *Church and learning in the Byzantine Empire 867–1185*, London, 1937.

Irmscher I., *Byzantinisch-deutsche Beziehungen als Forschungsaufgabe*, – BSL, 19, 2, 1958.

Jaffe P., *Regesta pontificum romanorum*, Leipzig, 1885–1888.

Janin R., *Constantinople byzantine*, Paris, 1950.

Janin R., *La géographie ecclesiastique de l'Empire byzantine. Les églises et les monastères*, Paris, 1953.

Jenal A., *Der Kampf um Durazzo 1107–1108 mit dem Gedicht des Tortarius*, – «Historisches Jahrbuch», 37, 1916.

Jenkins R. I. H., *The classical background of the scriptores post Theophanem*, – «Dumbarton Oaks papers», 9, 1954.

Jireček C., *Die Heerstrasse von Belgrad nach Constantinopel und die Balkanpässe*, Prag, 1877.

Jireček C., *Die Lage und Vergangenheit der Stadt Durazzo in Altertum*, – «Ungarische Rundschau», 3, 1914.

Joannou P., *Die Definition des Seins bei Eustratios von Nikeia*, – BZ, 47, 1957.

Joannou P., *Le sort des évêques hérétiques reconciliés (Un discours inédit de Nicétas de Serres contre Eustrate de Niceé)*, – Byz., 28, 1958.

Jorga N., *Geschichte des osmanischen Reiches*, I-V, Gotha, 1908–1913.

Jorga N., *Histoire des Roumains et de la romanité oriental*, III, Bucarest, 1937.

Jorga N., *La première cristalisation d'Etat Roumaine*, – ARBSH, I, 1920.

Jugie M., *La vie et les ouevres d'Euthyme Zygabèn*, – EO, 15, 1912.

Katičić R., ’΄Αννα Κομνήνη κα ‘ο ‘Όμηρος, ΕΕΒΣ, 27, 1957.

Katičić R., Ἡ ’αρχαιομάθεια κα τ ’επικ ν πνεῦμα ε ς τ ν Ἀλεξιάδα τ ς Ἄννης Κομνην ς, ΕΕΒΣ, 29, 1959.

Katičić R., Βιογραφικ περ Θεοφύλακτου ’αρχιεπισκόπου Ἀχρίδος, ΕΕΒΣ, 30, 1960*61*.

Katičić R., Α πρ ς Πακουριανο ς ’επιστολα τοῦ Θεοφυλάκτου ’αρκιεπισκόπου Ἀχρίδος, ΕΕΒΣ, 30, 1960*61*.

Keil I., *Führer durch Ephesos*, Wien, 1957.

Kimball E., *Serjeanty tenure in medieval England*, New Haven, 1936.

Kirsten E., *Die byzantinische Stadt*, – «Berichte zum XI intern. Byzant.

Kongress», München, 1958.

Kugler B., *Boemund und Tankred Fürsten von Antiochien*, Tübingen, 1962.

Koukoulès Ph., *Vie et civilisation byzantines*, I-V, Athènes, 1948–1952 (на греч. яз.).

Krey A. C., *A neglected passage in the Gesta*, – The crusades and other historical essays presented to B. C. Munro», New York, 1928.

Krey A. C., *Urbans crusade, succes or failure*, – AHR, 53, 2, 1948.

Krumbacher K., *Geschichte der byzantinischen Litteratur*, 2-te AufL, München, 1897.

Krumbacher K., *Mittelgriechische Sprichwörter*, München, 1893.

Krumbacher K.., *Michel Glykas*, München, 1895.

Kurtz E., Аннотация на ст.: «П. Безобразов, *Хрисовул императора Михаила VII Дуки*», – ВВ, 9, 1900. Κυριακίδου–Νέστορος Α., Μολυβδοβουλλον ῾αγιου Θεοδώρου τοῦ Βαθυρρυακίτου, Ἑλληνικά, 16, 1958*59*.

Lambros S. P., *Alexander Kabasilas*, –BZ, 12, 1903.

Lambros S. P., *Zur Anna Comnena*, – BZ, I, 1892.

Lascaris Comneno C., *Observacion sobre el texto de la «Alexiada»*, – «Emérita», 19, 1952.

Lascaris M., *Survivances dans la toponymie de la Macédoine des «tFrancs» d'avant et après la IVe croisade*, – Byz., 23, 1953.

Laurent I., *Armeniens de Cilicië Aspiètes, Oschin, Ursinus*, – «Mélange Schlumberger», I, 1924.

Laurent I., *Byzance et l'origine du sultanat de Roum*, – «Mélanges Ch. Diehl», I, Paris, 1930.

Laurent I., *Byzance et les Turcs seldjoucides dans l'Asie Occidentale jusques 1081*, Nancy, 1913.

Laurent I., *Des Grecs aux croisés: Etude sur l'histoire d'Edesse*, – Byz., I, 1924.

Laurent M., *Byzance et Antioche sous le curopalate Philarète*, – «Revue des études Arméniennes», 9, 1, 1929.

Laurent V., *Documents de sigillographie byzantine, La collection C, Orchidan*, Paris, 1952.

Laurent V., *La généalogie des premièrs Paléologues*, – Byz., 8, 1933.

Laurent V., *Le grand domesticat, notes complémentaires*, – EO, 37, 1938.

Laurent V., *La prosopographie de l'Empire byzantin*, – EO, oct.-dec., 1934.

Laurent V., *Les secaux byzantins de Médaillier Vatican*, Vaticano, 1962.

Laurent V., Ἰασίτης–Διασίτης, Ἑλληνικά, 3, 1930.

Lieb B., *Complots à Byzance contre Alexis* I *Comnène (1081–1118)*, – BSl, 23, 1962,

Lieb B., *Un basileus ignoré: Constantin Doucas*, – BSl, 17, 1956.

Leib B., *Jean Doukas, Cesar et moine, Son jeu politique à Byzance de 1067 a 1081*, – AB, 68, 1950.

Leib B., *Nicéphore III Botaniates (1078–1081) et Marie d'Alanie*, – "Actes du VIe Congr. intern. d'études byzantines», Paris, 1948.

Leib B., *Quelques aspects de l'education au XIe siècle (d'après l'Alexiade d'Anne Comnène)*, – BSl, 21, 1, 1960.

Leib B., *Les silences d'Anne Comnène ou ce que n' α pas dit l'Alexiade*, – BSl, 19, 1, 1958.

Lemerle P., *Byzance et la croisade*, Relazioni del X congr. intern. di scienze stor., Roma, 1955, III, – «Storia del medio evo», Florenz., 1955.

Lemerle P., *Prolegomènes à une édition critique et commentée des Conseils et recits de Kekaumenos*, Bruxelles, 1960.

Lemerle P., *Recherches sur le régime agraire à Byzancë la terre militaire à l'epoque des Comnènes*, – «Cahiers de civilisation médiéval», II année, 2, 1959.

Leroy-Molinghen A., *Les deux Jean Taronites de l'Alexiade*, – Byz., 14, 1939.

Leroy-Molinghen A., *Les lettres de Théophylacte de Bulgarie à Grégoire Taronite*, – Byz., 11,2, 1936.

Leroy-Molinghen A., *Trois mots slaves dans les lettres de Théophylacte de Bulgarie*, – AIPhHOS, VI, 1938.

«Lexikon für Theologie und Kirche», V, 1960.

Liddell D., Scott D., *Greak-English Lexicon*, 1940.

Loos M., *Deux contributions à l'histoire des Pauliciens, origine du, nom des Paulichiens*, – BSl, 18, 2, 1957.

Lot F., *L'Art militaire et les armées du moyen âge*, I-II, Paris, 1946.

Manselli R., *Tancredi e Alessio Comneno α Constantinopoli e Pelecanon*, – «Archivio storico par le provincie napoletane», NS, 34, 1953*54*.

Maricq A. Un «comte de Brabant» et «Brabançons» dans deux texles byzantins: Anne Comnène Alexiade 10, 8; Eustathe de Thessalonique, Prise de la ville par les Normands, ch. 56, «Academie Royale de Belgique, Bulletin de la classe des lettres et des sciences morales et politiques», 5, XXXIV, 1948. Μαρινάτος Ε., Ε μάθιος Φιλοκάλης τελευταῖος στρατηγ ς τοῦ Βυζαντινοῦ θέματος τ ς Κρήτης, ΕΕΒΣ, 7, 1930.

Mathieu M., *Guillaume de Pouille. La Geste du Robert Guiscar*, Édition, traduction, commentaire et introduction, Palermo, 1961.

Mathieu M., *Les faux Diogènes*, – Byz., 22, 1952.

Mayer H. E., *Bibliographie zur Geschichte der Kreuzsage*, Hannover,

1960.

Meyer von Knonau G., *Jahrbücher des deutschen Reiches unter Heinrich IV und Heinrich V*, III, Leipzig, 1900.

Moeller C., *Godefroid de Bouillon et l'avouerie du Saint Sépulcre*, – «Mélanges Godfried Kurth», I, Liège, 1908.

Moravcsik G., *Byzantinoturcuca*, I (Die Byzantinische Quellen der Geschichte des Türkervölker), II (Sprachreste der Türkervölker in den byzantinischen Quellen), Berlin, 1958.

Moravcsik G., *Zur Geschichte des Ausdruckes «/взять языка/"*, – «International Journal of Slavic Linguistics and Poetics», 4, 1961/.

Moravcsik G., *Die Spuren der Kenntnis der Sapho in Bysanz*, – «Archivum Philologicum», 61, 1937.

Mordtmann A., *Esquisse topographique de Constantinople*, Lille, 1892.

Mordtmann A., *Plombs byzantins de la Grèce et du Péloponese*, – «Revue Archéologique», 2, 1877.

Murnu G., *L'Origine des Comnènes*, – ARBSH, XI, 1924. Μυστακίδου Β. Α., Τραπεξουντιακά, κώδικες φροντιστηρίου Γαβρ ς Θεόδωρος, ΕΕΒΣ, 7, 1930.

Neugebauer O., *Studies in byzantine astronomical terminology*, – «Transactions of American Philosophic Society», 50, 2, 1960.

Neumann C., *Die byzantinische Marine*, – «Historische Zeitschrift», NF, 81, 1898.

Nicholson R. L., *Tancred, a study of his career and work in their relation to the first crusade and establishment of the latin States in Syria and Palestine*, Chicago, 1940.

Obolensky D., *The Bogomils, a study in Balkan neo-manichaism*, Cambr., 1948.

Ohnsorge W., *Das Zweikaiserproblem im früheren Mittelalter*, Hildesheim, 1947.

Oman Ch., A *history of the art of war in the middle age*, London, 1924. Ορλάνδος Α., Τ βυζαντιν μνημεία τ ς Καστοριάς, Ἀρχεῖον τ ν βυζαντιν ν μνημει ν τ ς Ἑλλάδος, 4, 1938.

Oster E., *Anna Komnena*, – «Wissenschaftliche Beilage zum Programm des Grossherzogl. Lyceums in Rastatt», 1868, 1870, 1871.

Ostrogorsky G., *History of the Byzantine State*, Oxford, 1956.

Ostrogorsky G., *Pour l'histoire de la féodalité byzantine*, Bruxelles, 1954. Παναγιωτάκη Ν., Θεοδόσιος Διάκονος κα τ ποίημα α τοῦ Ἁλωσις τ ς Κρήτης, Ἡρακλεῖον, 1960.

Papachryssantou, *La date de la mort du sébastocrator Isaak Comnène, frère d'A lexis Ier et de quelques événements contemporaires*, – REB, 21, 1963.

Papadopulos-Kerameus A., ’Ανάλεκτα ‘Ιεροσολυυικς σταχυλογίας, I, СПб, 1891.

Pič I. L., *Zur rumänisch-ungarischen Streitfrage*, Leipzig, 1886.

Plezia M., Byzantinoturcicum κρατήσαι γλτταν – Dil almaq, – AA, X, 1962. Πολίτης N., Δημώδεις παροιμία ν τοῖς στίχοις τοῦ Μιχα λ Γλυκ, BZ, 7, 1898.

Pontieri E., *Tra i normanni nell’Italia meridional*, Napoli, 1948.

Praechter K., *Beziehungen sur Antike in Theodoros Prodromos Rede auf Isaak Komnenos*, – BZ, 19, 1910.

Pritzak O., *Ein hunnisches Wort*, – «Zeitschrift der deutschen morgenland. Gesellsch.», 104, 1954.

Ramsey W. M., *The historical geography of Asia Minor*, London, 1890.

Rasony Nagy L., *Der Volksname Берендей*, – SK, 6, 1933.

Renaud E., *Étude de la langue et du style de Michell Psellos*, Paris, 1920.

Rey F. G., *Les colonies franques de Syria*, Paris, 1883.

Rey E. G., *Histoire des princes ďAntioche*, – ROL, 4, 1896.

Richard I., *Le comte de Tripoli sous la dynastie Toulousaine (1102–1187)*, Paris, 1945.

Richard I., *Le Royaume latin de Jérusalem*, Paris, 1953.

Roberti M., *Richerche intorno alla colonia Veneziana in Constantinopoli nel secolo XII*, – «Scritti storici in onore di Camillo Manfroni», Padua, 1925.

Rouillard G., Δόσις, συνήθεια, σχιδευμός, ’αποσχιδευμός («Alexiade», III, VI, 7), – AIPhHOS, VI, 1938.

Rouillard G., *Un grand bénéficiaire sous* A *lexis Comnènë* ***Leon Képhalas*** **.**– BZ, 30, 1929*30.*

Rouillard G., *Les taxes maritimes et commerciales*, «Mélanges Ch. Diehl», I, 1930.

Runciman S., *The crusades of 1101*, – «Jahrbuch der österreichischen byzantinischen Gesellschaft», I, 1951.

Runciman S. *The first crusaders journey across the Balkan Peninsula*. – Byz., 19 1949.

Runciman S. A *history of the crusades*, I-III, Cambr., 1951–1954.

Runciman S. *The holy lance found at Antioch*, – AB, 68, 1950.

Runciman S. *The medieval Manichee*, Cambr., 1947.

Salaville S., *Le titre ecclésiastique de «proédros»*, – EO, 29, 1930.

Salaville S., *Philosophie et théologie ou épisodes scolastiques à Byzance de 1059 à 1117*, – EO, 29, 1930.

Scheller P., *De hellenistica historiae conscribendae arte*, Leipzig, 1911.

Schlumberger G., *Deux chefs normands des armées byzantines au XIe*

siècle, – «Revue historique», 16, 1881.

Schlumberger G., *L'Epopée byzantine à la fin du deuxième siècle*, Paris, 1896.

Schlumberger G., *Sigillographie de l'Empire byzantin*, Paris, 1884.

Schmeidler B., *Kaiser Heinrich IV und seine Helfer in Investiturfrage*, 1927.

Schroeter T. Г., *Spezieller K.anon der zentralen Sonnen- und Mondfinsternisse, welche innerhalb des Zeitraums von 600 bis 1800 n. chr. in Europa sichtbar waren*, Kristiania, 1923.

Seger I., *Byzantinische Historiker des 10-ten und 11-ten Jahrhunderts*, München, 1888.

Semenov A., *Über die Ursprung und Bedeutung des Amtes der Logotheten in Byzanz*, – BZ, 19, 1910.

Serre, *Les marines de guerre de l'antiquité et du moyen âge*, 1885.

Sesan M., *La flotte byzantine à l'époque des Comnènes et des Anges (1081–1204)*, – BSl, 21, 1960.

Setton K. M., Baldwin M. W., A *history of the crusades, I, The first hundred years*, Philadelphia, 1955.

Šišić F., *Povijest Hrvata*. I, Zagreb, 1925.

Smail R. C., *Crusading warfare (1097–1193)*, Cambr., 1956.

Sophocles E. A., *Greek lexicon of the roman and byzantine period*.

Stadtmüller G., *Geschichte Südosteuropas*, München, 1950.

Stadtmüller G., рецензия на: «Ch. Diehl, *Un haut fonctlonnaire*...», – BZ, 34, 1934.

Staquet I., Anna Comnena Alexias, X, 8, τζάγγρα τόξον Βαρβαρικόν, – Byz., 13, 1938.

Stein E., *Untersuchungen zur spätbyzantinischen Verfassung und Wirtschaftsgeschichte*, – «Mitteil. zur osmanischen Geschichte», 2, 1923–1925.

Stephanou P., *La doctrine de Léon de Chalcédoine et ses adversaires sur les images*, – Or. Chr. Per., 12, 1946.

Stephanou P., *Jean Italos, philosophe et humaniste*, Roma, 1949.

Stephanou P., *Le procès de Léon de Chalcédoine*, – Or. Chr. Per., 9, 1943.

Sybel H., *Geschichte des 1. Kreuzzuges*, Leipzig, 1841.

Svoronos N. G., *Recherches sur le cadastre byzantin et la fiscalité aux* X *e et XII e siècles, le cadastre de Thèbes*, – BCH, 83, 1959.

Tafrali O., *Topographie de Thessalonique*, Paris, 1912.

Tailliez F., *Le sceau d'Anne Comnène et deux corrections*, – Or. Chr. Per., 14, 1948.

Tatakis B., *La philosophie byzantine,*Paris, 1949. Θεοχαρίδου Τ., Δημήτριος Δούκας Καβάσιλας κα ’΄αλλα προσωπογράφικα ’εξ ’ανεκδότου χρυσοβούλλου τοῦ Καντακουζήνου, Ἑλληνικά, 17, 1962.

Thomaschek W., *Zur historischen Topographie von Kleinasien im Mittelalter*, – «Sitzungsber. d. K. Akad. d. Wissensch. in Wien, Phil.-hist. CL, 124, 1891.

Treitinger O., *Die oströmische Kaiser- und Reichsidee nach ihrer Gestaltung im höfischen Zeremoniell vom oströmischen Staats- und Reichsgedanken*, Darmstadt, 1959.

Vasiliev A., *The Anglo-Saxon immigration to Byzantium,* – «Annales de l’Institut Kondakov», 9, 1937.

Villars I. B., *Les Normands en Mediterranée*, Paris, 1951.

Wass A. A., *Geschichte der Kreuzzüge*, I-II, Freiburg, 1956.

Weiss H., *Kostümkunde II. Geschichte der Tracht und des Geräthes im Mittelalter*, Stuttgart, 1864.

Wilmans R., *Über die Quellen d. Alexias von Anna Komnene*, – «Archiv der Gesellschaft für ältere deutsche Geschichtskunde», 10, 1857.

Wittek P., *The Castle of* Rechts, *Berlin, 1892.*

Ζακυθηνοῦ Δ., Μελέται περί τ ς διοικητικ ς διαιρέσεως κα τ ς ‘επηρχιακ ς διοικήσεως ν τ Βυζαντιν κράτει, ΕΕΒΣ, 17, 1941.

Zenghelis C., *La feu grégois et les armes à feu des byzantins*, – Byz., 7, 1932.

Zerves Ch., *Un philosophe néoplatonien du XI*^{e} *siècle Michel Psellos*, Paris, 1920.

Xanalatos A. D., *Beiträge zur Wirtschafts- und Sozialgeschichte Makedoniens in Mittelalter hauptsächlich auf Grund der Briefe des Erzbischofs Theophylaktos von Achrida*, München, 1933.

Yewdale R. B., *Bohemund I, prince of Antioch*, Princeton, 1925.

Хронологическая таблица

1042, начало – захват части Сицилии Георгием Маниаком
1043, февраль – смерть Георгия Маниака
1045, конец-1040, – выступление Роберта Гвискара из Нормандии
начало 1046–1047 – наступление печенегов Тираха на Византию
1054, июль – разделение церквей (схизма)
1054 – смерть императрицы Зои
1055 – пострижение Михаила Пселла
1057, лето – восстание Исаака Комнина
1058 – женитьба Роберта на Сишельгаите
1059 – провозглашение Роберта герцогом Апулии, Калабрии и Сицилии
1059 – поход Исаака I Комнина на печенегов; основание храма св. Феклы
1059, декабрь – отречение Исаака I Комнина от престола
1062 – рождение Никифора Вриенния (мужа Анны)
1071, апрель – захват Бари норманнами
1071, весна – смерть Мануила Комнина (брата Алексея I)
1071, 19 августа – поражение Романа Диогена при Манцикерте
1072–1073 – восстание болгар против Византии
1073 – поход Исаака Комнина против сельджуков
1073, конец-1074, начало- мятеж Руселя
ок. 1074 – рождение Константина Дуки (жениха Анны)
1075, 2 августа – смерть Иоанна Ксифилина
1074–1078 – пребывание Исаака Комнина на посту дуки Антиохии
1075 – начало спора об инвеституре
1076, февраль – посольство Генриха IV к Григорию VII
1077, январь – покаяние Генриха IV в Каноссе
1077 – женитьба Алексея Комнина на Ирине Дукене
1077, конец – восстание Никифора Вотаниата
1077–1078, начало – восстание Никифора Вриенния Старшего
1078, апрель – провозглашение Никифора Вотаниата императором
1078 – расторжение брачного контракта Константина Дуки и Елены
1078, лето – мятеж Василаки
1079 – начало восстания Никифора Мелиссина
1080, 29 июня – встреча Роберта Гвискара и Григория VII в Кепрано
1080, лето – появление Лжемихаила

1080, 1 октября – битва на р. Эльстер
1081, начало – прибытие Роберта в Бриндизи
1081, ок. февраля – назначение Георгия Мономахата дукой Диррахия
1081, 15 февраля – начало мятежа Комниных
1081, 1 апреля – захват Константинополя отрядами Комниных
1081, апрель – возвращение из Константинополя посла Рауля
1081, до 8 мая – венчание на царство Алексея и Ирины
1081, до 8 мая – распределение титулов Алексеем
1081, апрель-май – мирный договор Алексея с сельджуками
1081, после 8 мая – отречение патриарха Косьмы
1081, после 8 мая – провозглашение Константина Дуки соправителем Алексея
1081, май-начало июня- переправа Роберта
1081, 17 июня – начало осады Диррахия Робертом
1081, июнь (?) – обращение Алексея за помощью к венецианцам
1081, август – передача гражданской власти Анне Далассине
1081, август – выступление Алексея против Роберта из Константинополя
1081, ок. августа – послания Алексея западным князьям
1081, осень (?) – разгром норманнского флота венецианцами
1081, 15 октября – войско Алексея подходит к Диррахию
1081, 18 октября – битва Алексея и Роберта у Диррахия
1082, январь-февраль – захват Диррахия Робертом
1082, март-апрель – суд над Италом
1082, весна – реквизиция церковной утвари, первое выступление Льва Халкидонского
1082, апрель-май – возвращение Роберта в Италию
1082, весна – осада Рима Генрихом IV
1082, до мая – послание Алексея Генриху IV
1082, май – выступление Алексея из Константинополя
1082, лето-осень – борьба Алексея с Боэмундом на Балканах
1082, осень – возвращение Алексея в Константинополь
1082, май – хрисовул Алексея о привилегиях венецианцам
1082, август (?) – хрисовул Алексея о запрещении отчуждения церковной утвари
1082, осень-зима – захваты Боэмунда на Балканах
1083, 23 апреля – начало осады Лариссы Боэмундом
1083, осень – выступление Алексея из Константинополя
1083, осень – сражение у Лариссы

1083, ок. января – возвращение Алексея в Константинополь

1083, октябрь- ноябрь – взятие Кастории Алексеем

1083, ноябрь – полемика с «манихеями» в Мосинополе

1083, 1 декабря – возвращение Алексея в Константинополь

1083, 3 декабря – рождение Анны Комниной

1083, декабрь – возвращение Боэмунда в Италию

1084, начало (?) – бегство Травла

1084 – Влахернский собор о реквизиции церковной утвари

1084, июль – отречение Евстратия Гариды

1084, август – избрание патриарха Николая Грамматика

1084, сентябрь – новое обращение Алексея за помощью к венецианцам

1084, сентябрь – отплытие флота Роберта

1084, декабрь – обращение Варсама за помощью к Сулейману

1084 – заговор синклитиков

1084–1085, зима-весна – стоянка норманнского флота на р. Гликис

1084–1085 – второе выступление Льва Халкидонского

1085, январь – разгром венецианского флота Робертом

1085, июль – смерть Роберта Гвискара

1085, после июля – захват Диррахия Алексеем

1085, сентябрь- – рождение Марии (сестры Анны)

1086, август

1086, январь – указ о низложении Льва Халкидонского

1086, весна – экспедиция Бакуриани против печенегов; гибель Бакуриани

1086, июль – гибель Сулеймана

1086, после июля (?) – прибытие Чауша в Константинополь

1086–1092 – борьба Алексея с Абуль-Касимом, борьба Абуль-Касима с Борсуком, экспедиция Бузана в Малую Азию

1086, конец –1087, -начало (?) борьба Алексея с Илханом

1087, весна – поход Челгу на Византию

1087, 1 августа – солнечное затмение во время переговоров с печенегами

1087, лето – Алексей выступает в Адрианополь

1087 (?) – осуждение ереси Нила

1087 (?) – осуждение ереси Влахернита

1087, август –1090, начало- поражение Алексея от печенегов у Силистры, два мирных договора с печенегами

1087, сентябрь – - рождение императора Иоанна Комнина

1088, август

1088–1089 (?) – захват Чаканом островов и прибрежных городов

1089 (?) – изгнание Льва Халкидонского

1089 (?) – появление Лжедиогена

1089, конец-1090, начало (?)- встреча Алексея с Робертом Фризским

1090, весна – приход печенегов в Хариополь; поражение архонтопулов

1090, лето – прибытие всадников Роберта Фризского

1090, лето-осень – борьба Алексея с печенегами во Фракии

1090, осень-зима – экспедиция Константина Далассина против Чакана

ок. 1090 – паломничество Петра Пустынника в Иерусалим

1091, начало – наступление печенегов на Константинополь

1091, 16–19 февраля – экспедиция Алексея в Хировакхи

1091, 29 апреля – окончательное поражение печенегов

1091, май – заговор Ариева и Умбертопула

1091, после мая (?) – разбирательство дела Иоанна Комнина

1091, лето-осень – кампания Алексея против сербов

1091, лето-осень – бегство Григория Гавры из Константинополя

1091, осень – укрепление Алексеем границ с Сербией

1091 – посольство Алексея к Урбану II

1091 (?) – назначение Феофилакта архиепископом Болгарским

1091 (?) – коронация Иоанна Комнина

1091–1092, осень-зима – подготовка Алексея к борьбе с Чаканом

1092, начало – вызов Иоанна Дуки из Диррахия

1092, весна – экспедиция Иоанна Дуки против Чакана

1092, лето – карательная экспедиция на Крит и Кипр

1092, лето-осень – обмен посланиями между Алексеем и Мелик-Шахом

1092, ноябрь – смерть Мелик-Шаха

1092 – избрание Килич-Арслана никейским султаном

1092 (?) – заседания синода, осудившего Льва Халкидонского

1092 (?) – переход Лжедиогена к куманам

1093, зима-весна – экспедиция Константина Далассина против Чакана; гибель Чакана

1093, весна – наступление сербов; мирный договор с Вуканом

1093, весна – мирный договор с Килич-Арсланом I

1093, конец – нарушение Вуканом мирного договора

1094, январь-февраль – выступление Алексея из Константинополя против сербов

1094, до 17 февраля – покушение Никифора Диогена на Алексея
1094, 29 июня – ослепление Никифора Диогена
1094, лето – новый мирный договор с Вуканом
1094, сентябрь- – борьба Алексея с Лжедиогеном
1095, август
1094 – гибель Бузана
1095, март – собор в Пьяченце
1095, ноябрь – Клермонский собор
1096, 30 июля – прибытие Петра Пустынника в Константинополь
1096, начало августа – переправа Петра Пустынника в Еленополь
1096, август – выступление в крестовый поход Гуго Вермандуа
1096, август – выступление в крестовый поход Готфрида Бульонского
1096, август-сентябрь – распри в лагере Петра Пустынника; сражение у Никеи
1096, 29 сентября- – осада и взятие Ксеригорда сельджуками
7 октября
1096, октябрь – прибытие Гуго Вермандуа в Лонгивардию
1096, октябрь – поражение крестоносцев у р. Дракон
1096, октябрь-ноябрь – переправа Гуго Вермандуа в Иллирик
1096, конец октября – началоноября – переправа Боэмунда
1096, 7–8 декабря – морское сражение с брабанцами
1096, 23 декабря – приход Готфрида Бульонского в Константинополь
1097, 13 января – штурм Константинополя крестоносцами
1097, конец января- март- принесение крестоносцами клятв Алексею
1097, 1 апреля – войско Боэмунда достигает Русия
1097, 9 января – прибытие Боэмунда в Константинополь
1097, конец апреля – выступление войска Сен-Жилля из Константинополя
1097, 6 мая – войско Готфрида подходит к Никее
1097, 16 мая – войско Сен-Жилля подходит к Никее
1097, 21 мая – битва крестоносцев с сельджуками у Никеи
1097, 11–19 июня – штурм и взятие Никеи
1097, 20–29 июня – переговоры Алексея с крестоносцами в Пелекане
1097, 26–29 июня – выступление крестоносцев на Антиохию
1097, июль-1098,июнь – экспедиция Иоанна Дуки против малоазийских сатрапов
1097 – перенос столицы Румского султаната из Никеи в Иконий
1097, 1 июля – сражение у Дорилея
1097, начало сентября – сражение у Ираклии

1097, 21 октября – начало осады Антиохии

1097 (?) – женитьба Никифора Вриенния на Анне Комниной

1098, 2 июня – бегство Стефана Блуаского из-под Антиохии

1098, 3 июня – захват Антиохии крестоносцами

1098, 8–10 июня – начало осады Антиохии Кербогой

1098, 10–14 июня – нахождение св. копья в Антиохии

1098, 28 июня – снятие осады Антиохии

1098 – усыновление Балдуина Торосом

1098 – нападение Феодора Гавры на Исмаила

1099, 16 января – выступление Сен-Жилля в поход на Иерусалим

1099, февраль – захват крестоносцами Мараклеи

1099, февраль – письмо Алексея Сен-Жиллю; передача Латтакии, Мараклеи и Валана Алексею

1099, февраль – захват Тортосы Сен-Жиллем

1099, март – обмен письмами между Алексеем и Боэмундом

1099, апрель – отплытие ромейского флота во главе с Ландульфом

1099, май – крестоносное войско проходит мимо Триполи

1099, 7 июня-15 июля – осада и взятие Иерусалима крестоносцами

1099, 22 июля – избрание Готфрида иерусалимским королем

1099, лето – выступление Аль-Афдала против крестоносцев

1099, 12 августа – сражение под Аскалоном

1099, август – выступление Евмафия Филокала против ливанского флота

1099, после августа – назначение Константина Евфорвина Катакалона дукой Кипра

1099, сентябрь – осада Латтакии Боэмундом

1099, сентябрь – переговоры Вутумита с Боэмундом

1099, сентябрь – переговоры Сен-Жилля с Боэмундом

1099, конец –1100, начало- экспедиция Вутумита и Монастры в Киликию

1099, конец –1100, начало- укрепление Курика и Селевкии

1100, июнь – отъезд Сен-Жилля из Латтакии в Константинополь

1100, 18 июля – смерть Готфрида Бульонского

1100, 1 августа- 25 сентября- генуэзский флот плывет в Латтакию

1100, август-1103, май- пребывание Боэмунда в турецком плену

1101, 26 мая-8 июня – прибытие нового крестоносного войска в Константинополь

1101, 23 июня – новое крестоносное войско подходит к Анкире

1101, 5 августа – поражение нового крестоносного войска

1101, осень – возвращение Сен-Жилля в Константинополь
1102, январь-март – отплытие Сен-Жилля из Константинополя в Сирию
1102, март – пленение Сен-Жилля Танкредом
1102, март-апрель – взятие Тортосы Сен-Жиллем
1102, 17 мая – сражение под Рамлой
1102–1105, февраль – осада Сен-Жиллем Триполи
1102–1103, начало – осада Танкредом Латтакии
1103, осень – поход в Сирию пизанско-генуэзского флота
1103, сентябрь – - назначение Григория Таронита дукой Трапезунда
1104, август
1104, первая половина – осада Латтакии Кантакузиным
1104, осень – отплытие Боэмунда из Сирии в Италию
1104, до ноября – смерть Исаака Комнина
1104, ноябрь – смерть Никифора Мелиссина
1104 – выкуп пленных крестоносцев Алексеем
1104, конец – послания Алексея жителям Пизы, Генуи, Венеции
1105, январь-август (?) – раскрытие заговора Анемадов
1105, сентябрь – начало путешествия Боэмунда по Европе
1105, сентябрь – прибытие Алексея в Фессалонику
1105, сентябрь – - мятеж Григория Таронита
1106, август
1106, февраль-март – появление кометы
1106, март – приезд Боэмунда во Францию
1106, апрель-май – женитьба Боэмунда на Констанции
1106, август – возвращение Боэмунда в Италию
1106, конец – отъезд Цецилии в Антиохию
1106–1107, зима – прибытие Алексея в Фессалонику
1107, 9–10 октября – переправа Боэмунда
1107, 13 октября – прибытие войска Боэмунда к Диррахию
1107, 1 ноября – выступление Алексея из Константинополя
1107, ноябрь-декабрь – раскрытие заговора Ааронием
1107–1108, зима – пребывание Алексея в Фессалонике
1107–1108, зима-лето – осада и штурм Диррахия Боэмундом
1107–1108 (?) – борьба Танкреда с Аспиетом
1108, весна – возвращение Ирины в Константинополь
1108, весна – провокационные письма Алексея норманнам
1108, 5 апреля (?) – поражение отряда Алиата
1108, весна – прибытие Алексея в Девол

1108, лето – прибытие Бертрана Тулузского в Сирию
1108, лето – голод в лагере Боэмунда
1108, сентябрь – Девольский договор Алексея с Боэмундом
1108, октябрь – возвращение Боэмунда в Италию
1109–1111 – борьба Евмафия Филокала с сельджуками
1109–1111 (?) – расправа с богомилом Василием
1111, март – смерть Боэмунда
1111, апрель-декабрь – посольство Алексея к Танкреду
1111, до 24 мая – смерть Николая Грамматика
1111, ноябрь – 1112, апрель – осада Тира Балдуином
ок. 1111 – посольство Алексея к Мухаммеду
1111, декабрь –1112,апрель – посольство Алексея к Балдуину
1111–1112 (?) – мятеж Михаила из Амастриды
1111–1112 (?) – мирный договор с сельджуками
1111–1112, зима-лето – пребывание Алексея на Херсонесе Фракийском
1112, январь – смерть Бертрана Тулузского
1113, весна-осень – кампания Алексея против сельджуков
1114, ноябрь – прибытие Алексея в Филиппополь
1115, лето – дискуссия Алексея с павликианами в Филиппополе
1116, лето-осень – кампания Алексея против Мелик-Шаха II
1116, осень (?) – реорганизация приюта св. Павла
1117 – гибель Мелик-Шаха II
1118, 15 августа – смерть Алексея I Комнина
1122 – Вормский конкордат
1126 – начало мятежа Константина Гавры в Трапезунде
1133 (?) – смерть Ирины Дукены
1135–1136 – поход Иоанна II в Киликию и Сирию
1136, до октября – смерть Никифора Вриенния
1143, 8 апреля – смерть императора Иоанна Комнина
1153–1155 (?) – смерть Анны Комниной

Указатели

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Аарон 342, 343, 598
Аарон, библ. 282, 565
Аарон, сын царя Ивана-Владислава 598
Аарон, шурин императора Исаака I Комнина 598
Ааронии 341, 598
Абасг 512
Абд-аль-Асиз 590
Абела 388–390
Абелярд 135, 488
Абуль-Касим 22, 190–197, 199, 217, 522, 525, 526
Абу-Хайан, см. Пухей
Авраам 465
Агамемнон Атрид 207
Агарь 465, 557
Агелай 155
Адельфий 622
Адемар Монтейльский 565,584
Адмет 61, 444
Адонис 398
Адонтц Н. 550, 594
Адралест 359, 361
Адриан, император римский 616
Адриан Далассин 130, 478
Адриан Комнин, брат Алексея I 11, 123, 204, 209, 210, 234, 242, 257, 258, 463, 476, 507, 508, 550
Адриан Комнин, племянник Алексея I 589
Аид 326
Алакасей 270–272
Александр (Парис) 72
Александр Евфорвин (Форвин) Катакалон 199, 200, 247, 337, 528
Александр Кавалика (Александр Кавасила?) 220, 538
Александр Кавасила, Кавасила
145, 351, 355, 538
Александр Македонский 44, 56,214, 253, 418, 440, 596
Александр Синадин 464
Александридес К. 626

Алексей, дука Корфу 319, 320, 587
Алексей, племянник Алексея I Комнина 327, 335, 345, 347, 348, 358, 362, 589, 595
Алексей, правнук Алексея I
Комнина 478
Алексей, сын Анны Комниной 18
Алексей, сын Иоанна II Комнина 589
Алексей Врана 494
Алексей I Комнин, император passim
Алексей Харон 483
Алиат 351
Алифа 152, 305
Алкей 624
Алкестида 61, 444
Алкивиад 195, 524
Алоп 538
Алоп, куратор 217, 218
Алп-Арслан 7, 443, 522
Аль-Афдал, Америмн 307, 308, 577, 587
Альберада 461
Альберт 136
Альберт Аахенский 21, 559, 561–563, 566, 567, 572, 577, 579, 581, 582, 596, 599–601, 606–609
Альберт Бьяндрате 581, 582
Альфонсо-Иордан 607
Амантос К. 474
Америмн, см. Аль-Афдал
Амикет, Амико, Амикетта 150– 152, 497
Аминта (македонский царь, отец Филиппа II) 394, 611
Аморг 588
Амфион 140, 491, 630
Анастасий I Дикур, Дикур, император 274, 275, 557
Ангелов Д. 612
Андроник Дука (брат Михаила VII) 511
Андроник Дука, предок рода Дук 121, 478
Андроник Дука, сын кесаря Иоанна 121, 439, 441, 452, 455, 467
Андроник Комнин, брат Анны Комниной 16, 410, 617
Андроник Комнин, сын Иоанна II 33
Андроник I Комнин (император) 494

Андроник Цинцилук, Цинцилук 308, 309
Анемад, см. Лев Анемад
Анемад, см. Михаил Анемад
Анемады 15, 24, 330, 331, 450, 512, 592, 593
Анна Далассина, Далассина 10. 43, 93, 98, 100, 439–442, 456 463, 474–476, 480, 481, 483
Анна Дукена, жена Георгия Палеолога 102, 467, 534
Анна Комнина passim
Антигон 596
Антиох 145, 234
Антиохи 330, 331
Антониадис С. 42, 48
Апеллес 119, 476
Аполлон 285, 328, 589, 630
Аргир Караца, Караца 13, 209, 240, 241, 274
Арей 64, 73, 111, 163, 224, 312, 319, 355, 409
Ариев 165, 239, 505
Аристотель, Стагирит 17, 18, 34, 37, 53, 173, 174, 330, 341, 348, 437, 450, 512, 568, 598, 599, 625
Аристофан 18, 71
Арсак 265
Арсакиды, Аршакиды 323, 588
Артемида 630
Аршакиды, см. Арсакиды
Аспиет 152, 322, 323, 498, 548, 587, 588
Астарот 276, 560
Астарта 276, 560
Атабег Дамасский, см. Тугтегин
Атталиат, см. Михаил Атталиат
Аттик 418, 621
Афанасий 602
Афина 121, 151, 326, 497, 498
Афиней 599
Афродита 276, 560
Ахилл 46, 75, 206
Ахмет 527
Аякс 283
Аяксы 286
Баги-Зиян 573, 575

Баграт IV, грузинский царь 464
Багратиды 479
Баклер Дж. 16, 48, 440, 453, 490, 491, 495, 496, 503, 512, 513, 530, 546, 552, 554, 560, 569, 590, 594, 597, 598, 611, 616, 620
Бакуриани, см. Григорий Бакуриани
Балдуин, граф эдесский 606
Балдуин I, король иерусалимский 288, 289, 308, 311, 376–379, 381, 560, 567, 575, 578, 581, 607, 608
Балдуин II Великий 564
Балдуин Гентский 570
Баркинон 81
Барсам 523
Бартольф из Нанжи 595
Беатриче 44
Безобразов П. 503, 506, 520, 586
Бек Г. 513, 610
Бернард 584
Бернольд 530, 531, 558
Бертран Тулузский 377–380, 607–609
Бешевлиев В. 533
Блэндаль С. 496
Бобчева 471
Богомил 623
Бодин, см. Константин Бодин Маниак
Боняк 541
Борил 10, 69, 88, 91, 96, 114, 116, 449, 462, 464
Боритил, см. Роберт Лорителло
Борсук 192, 194, 195, 523, 526
Боэмунд II, князь антиохийский 586
Боэмунд Тарентский, Саниск 13, 20, 21, 27, 28, 30, 41, 85, 86, 139, 143, 150, 160–166, 168–171, 181, 189, 277, 279, 283, 284, 288–292, 294, 298–302, 307, 309, 311, 312, 314, 315, 317–321, 326–328; 330, 335–341, 343–345, 347–365, 372, 373, 375, 461, 486, 491, 492, 497, 502, 503, 506–509, 517–519, 522, 527, 536, 560, 564, 566, 568, 570, 571, 573–577, 580, 581, 583–587, 591– 596, 599–607
Браунинг Р. 13, 18, 35
Брейе Л. 9
Бриен 168, 169, 171, 176, 177, 181, 188, 507, 509
Броссе 464

Будило 267, 555
Бузан 190, 196, 197, 522, 526, 527
Бульдаги Пулхас 192, 199, 523
Бурхард 135, 136, 487, 488, 502
Бьюри Дж. 440, 443, 446, 460
Бьяндрате, см. Альберт Бьяндрате
Бьяндрате, см. Гвидо Бьяндрате
Бьяндраты 310, 581
Бэлиг Ч. 45
Бэнеску Н. 530, 550
Бэрк-Ярук 192, 199, 523, 525–527, 573, 574, 576
Ваас А. 535
Вакхин 334
Вальтер Голяк 560
Варда 312, 313
Варда Вурц, Вурц 407, 408, 486
Варда Ксир, Ксир 331, 590
Варда Склир 294, 295, 463, 470, 570
Варда Фока 470
Вардал 308
Вардан 470
Василаки, мятежник 9, 39, 69–74, 449–452, 462, 590
Василий, богомил 24, 25, 32, 41, 419–425, 593, 619, 621–624
Василий, евнух 343
Василий, новелиссим 372
Василий, эпарх Константинополя 327
Василий I, император 588
Василий II, император 5–7, 171, 470, 487, 510, 538, 570, 612, 626
Василий Куртикий, Куртикий, Иоаннаки 73, 167, 198, 204, 209, 227, 239, 450, 470, 526, 531, 590
Василий Месопотамит 546
Василий Псилл 342
Васильевский В. 48, 528, 529, 531, 532, 536, 537, 540, 541, 553, 555, 558
Василько Ростиславович, князь 541
Вебециот 203
Вельф IV, герцог Баварский 83, 459
Верлиндер К. 535
Вермандуа граф, тесть Гуго Вермандуа 562
Вероит 354

Виберт, Клемент III, антипапа 503
Вильгельм, брат Роберта Гвискара 599
Вильгельм, заговорщик 165
Вильгельм, сын Ивона 505
Вильгельм Апулийский 20, 29, 444, 457–460, 489–495, 498– 500, 504–509, 517–520, 546
Вильгельм Ганд 372
Вильгельм Грантмесниль 305, 575
Вильгельм Иордан 311, 583, 607, 608
Вильгельм Карпентарий (Гийом Шарпантье), Илья (?), Церпентирий (?) 563
Вильгельм Кларет 358, 601
Вильгельм Маскавел, Маскавел 76–78, 454
Вильгельм Тирский 559, 571, 574, 575, 577, 582, 596, 606
Вильманс Р. 457, 490
Витрувий 599
Виттек де Жонг С. 532
Владимирская Н. 554
Владислав, король венгерский 589
Влахернит 25, 265, 552
Вольф Т. 501
Вотаниат, см. Никифор III Вотаниат
Вотаниат, жених внучки Анны Далассины 99, 467
Вотаниаты 472
Врана, см. Алексей Врана
Врана, см. Иоанн Врана
Врана, см. Николай Врана
Вранузи Е. 499
Враны 12, 494
Вриеннии 447
Вриенний, см. Иоанн Вриенний
Вриенний, см. Никифор Вриенний
Вриенний, см. Никифор Вриенний Старший
Вриенний, отец Никифора Вриенния Старшего 268
Вукан 23, 30, 221, 240, 241, 251– 253, 263, 328, 538, 548, 549,551
Вурц, топарх Каппадокии и Хомы 133
Вурц, см. Варда Вурц
Вурц, отец Варды Вурца 407, 408, 486
Вурц, см. Михаил Вурц

Вурцы 27, 486, 617
Вутумит, см. Мануил Вутумит
Вутумиты 524
Гавра 545
Гавра, см. Григорий Гавра
Гавра, см. Константин Гавра
Гавра, см. Феодор Гавра
Гаврадис 545
Гази 414, 618
Гази III, даншмендский эмир 618
Гаита, Сигельгаита, Сишельгаита 80, 85, 151, 184, 185, 454, 460, 497, 498, 517, 518
Галаваца 246
Ганнибал 58, 442, 443
Гвемар V, князь салернский 454
Гвидо, сын Роберта Гвискара 182, 184, 349–351, 353, 361, 362, 517, 518, 600, 601
Гвидо Бьяндрате 581
Гвискар, см. Роберт Гвискар
Гектор 283
Гельцер Г. 9
Генесий 588
Генрих I, король английский 587
Генрих IV, германский король 21, 30, 81, 83, 84, 458–460, 486, 488, 489, 502, 503, 530, 578
св. Георгий, Сикеот 166, 307
Георгий, сын Декана 244, 245, 381
Георгий Василаки 330, 331
Георгий Евфорвин 204, 206, 267
Георгий Кедрин 454
Георгий Куцомит 209
Георгий Левун 390, 407, 408
Георгий Манган, Манган 108, 110, 470
Георгий Маниак, Маниак 63, 171, 447, 509
Георгий Месопотамит 245, 546
Георгий Мономахат, Мономахат 88–90, 134, 138, 462, 489
Георгий Палеолог, Палеолог 28, 102, 105, 110–113, 118, 134, 138, 141–144, 146–148, 156, 176, 177, 205, 208, 212, 213, 230, 231,236, 267, 299, 392, 468, 470, 473,495, 534, 535

Георгий Пирр 168, 223
Георгий Торник, Торник 13, 15–19, 33, 34, 36, 37
Геракл 44, 61, 74, 138, 285, 355, 356, 444, 451
Герман, племянник Роберта Гвискара 134, 486, 488
Герман, слуга Никифора III Вотаниата 10, 88, 91, 96, 462, 464
Геродот 18, 556
Гиберт Ножанский 558
Гизульф II, князь салернский 454
Гийан Р. 27, 442, 475, 595
Гилпракт 110, 111
Гиппархия 19
Гирард 460
Глика, см. Михаил Глика
Гликаци-Арвайе Г. 557
Голубовский П. 529
Гомер 18, 54, 75, 111,182, 206, 221, 265, 280, 288, 344, 385, 392, 404, 406, 473, 508, 596, 607
Горгона 119, 477
Готфрид IV Бульонский 277, 283, 284, 286–289, 293, 307–309, 560, 565–567, 570, 572, 577, 578, 580, 581
Готфрид Бурель 562
Готье П. 527, 528, 536
Грегуар А. 47, 553, 564
Григорий Бакуриани, Бакуриани 43, 97, 145, 150, 160, 201, 465, 466
Григорий Гавра, Гавра 243–245, 594, 601
Григорий Генесий 131
Григорий VII Гильдебранд, папа 30, 455, 456, 458, 459, 486
Григорий Каматир 259, 550
Григорий Маврокатакалон 205, 208
Григорий Назианский 602
Григорий Таронит 24, 334, 335, 592, 594, 601
Григорий Тарханиот 447
Гроссу Н. 502
Груссе Р. 535, 572, 579, 584
Грюмель В. 501, 502, 552, 621
Гуго, граф 353, 354, 361
Гуго, сводный брат Боэмунда 676
Гуго Вермандуа 279, 280, 286, 536, 560, 562, 563, 577
Гул 72, 164, 209

Даватин 133, 267, 334, 367
Давид, библ. 106, 180, 282, 326, 424
Дагоберт 372, 461
Даимберт 584
Далассин, см. Константин Далассин
Далассин, см. Феодор Далассин
Далассина, см. Анна Далассина
Далассины 483, 484
Дандоло 472, 498, 519
Данишменд (Мелик-Гази?) 300, 394, 573, 593 Данишменд, основатель династии Данишмен-дов 573, 576
Данишменды 570, 573, 617
Дарий, царь персидский 556
Девгенич, см. Лжедиоген
Декан 244, 245, 381
Деметраки Д.488
Деметрий, брат Баграта IV 464
Демосфен, Пеаний 18, 103, 121, 195, 239, 265, 478, 524, 552
Дженкинс Р. 42
Дивлатий 419
Дигенис Акрит 478
Дидим 263, 551
Дикур, см. Анастасий I Дикур
Диль Ш. 9, 48, 474
Димитрий, магистр 465
Димитрий, слуга Аарона 341, 342
Димитрий Полиоркет 339, 471, 596
св. Димитрий Солуньский 107, 328, 471, 589
Диоген, см. Лжедиоген
Диоген, см. Никифор Диоген
Диоген, см. Роман IV Диоген
Диодор Сицилийский 454
Дион Кассий 598
Дионис 276, 466
Дионисий Галикарнасский 41
Дистервег 504
Дитер К. 532
Додз 612
Докиан, см. Феодор Докиан

Доменико 500
Доменико Контарини 518
Доменико Сильвио 492
Доуэс Е. 47, 440, 443, 483, 499, 501, 521, 537, 542, 547, 553
Дуйчев И. 505, 533, 597
Дука, см. Андроник Дука
Дука, см. Иоанн Дука
Дука, см. Константин Дука (жених Анны Ком-ниной)
Дука, см. Константин Дука (сын императора)
Дука, см. Константин X Дука
Дука, см. Михаил Дука
Дука, см. Михаил VII Дука
Дукак 573, 579, 580
Дукена, см. Анна Дукена
Дукена, см. Ирина Дукена
Дуки passim
Дуклянин поп 23, 537, 538
Дьони М. 507, 530, 540, 541, 543, 555, 556
Дэвид Ч. 579
Дэльгер Ф. 48, 451, 477, 480, 482, 487, 488, 496, 498, 516, 521, 526, 535, 536, 538, 544, 548, 556, 578, 583, 591, 595, 605, 609, 610, 613
Дюканж К. 447, 460, 503, 505, 546, 556, 564, 567, 597, 599, 603
Евдокия, жена Никифора III Вотаниата 477
Евдокия, императрица 119, 255, 441, 451, 476, 477, 496, 538, 549, 550
Евдокия, Комнина, дочь Алексея I 15, 17, 430, 512, 626
Евдокия Комнина, сестра Алексея I 463, 470
Евдокс 186, 520
Евмафий Филокал, Филокал 250, 308, 314, 373–375, 377, 380, 547, 580
Еврипид 18, 34, 440, 521
Евстафий, брат Готфрида Бульонского 560
Евстафий, друнгарий 194
Евстафий, евнух 315
Евстафий II Бульонский 560
Евстафий Камица, Камица 28, 244, 245, 304, 351, 355, 386– 391, 393, 406, 407, 546
Евстафий Киминиан 272, 340
Евстафий Солуньский 564
Евстратий Гарида 120, 123, 175, 267, 477, 501, 514, 552
Евстратий Никейский 36, 37, 397, 613

Евфимиан 100, 422
Евфимий Зигавин, Зигавин 24, 560, 622–624
Евфорвин 355
Евфорвин, см. Георгий Евфорвин
Евфорвин, см. Константин Евфорвин Катакалон
Екатерина 467
Елевтерий 187, 521
Елегм (Илигмиш?) 415, 618
св. Елена 200
Елена, дочь Роберта Гвискара 78, 79, 86, 149, 452, 455, 497
Еналь А. 600, 604
Жанен Р. 17, 467, 471, 475, 565
Жослин де Куртней, Яцулин 379, 608
Жофруа Мали 372
Заррад, см. Пирр
Захарий 152, 498
Звонимир 537
Зевс 155, 413
Зет 140, 491
Зигавин, см. Евфимий Зигавин
Златарский В. 48, 449, 503, 516, 529–531, 533, 540, 541, 589, 621
Зонара, см. Иоанн Зонара Зопир 271, 556
Зоя, императрица 179, 516
Зоя, дочь императрицы Евдокии 119, 476, 550
Иалей 304
Ибн аль-Асир 523, 575, 576, 580, 582, 609
Ибн Чакан 548
Иван-Владислав, царь болгарский 467, 534, 598
Ивон 505
Иисус Христос 127, 341, 437, 460, 500, 551, 576, 589, 624
Илигмиш, см. Елегм
Илхан 199, 200, 278, 528
Илья (Вильгельм Карпентарий? Церпентирий?) 279, 563
Иоанн, алан 88
Иоанн, архиепископ Болгарии 544
Иоанн, евнух 470
Иоанн, квестор императора Тиверия 598
Иоанн, основатель павликианства 395, 515
Иоанн, проедр 465

Иоанн, сын Анны Комниной 68
Иоанн Барийский 490
Иоанн Врана 494
Иоанн Вриенний 63, 64, 444, 445, 447
Иоанн Дука, внук кесаря Иоанна 105, 220, 221, 246–250, 303, 304, 467, 469, 544, 545, 547
Иоанн Дука, кесарь 7, 101, 103, 104, 105, 118–120, 439, 441, 445, 452, 455–468, 472, 474, 476, 477
Иоанн евангелист 106, 123, 470, 480
Иоанн Епифанийский 18, 438
Иоанн Зонара, Зонара 11–13, 15, 16, 19, 20, 32, 440, 444, 449, 451, 455, 459, 467, 469, 472, 473,
475–481, 483, 484, 506, 507, 516, 528, 538, 543–545, 547, 550, 556, 557, 559, 586, 589, 591, 602, 609, 611, 613, 617–619, 624, 626
Иоанн Итал, Итал 25, 30, 33, 43, 171–176, 509–514, 551, 552, 575, 613
Иоанн Кантакузин 507
Иоанн Комнин, сын Исаака Комнина 27, 240–242, 245, 252, 253, 279, 328, 488, 502, 544, 545
Иоанн Комнин, отец Алексея I 7, 10, 90, 146, 294, 439, 444, 463, 475, 476
Иоанн II Комнин, император 14, 16, 17, 35, 54, 328, 364, 365, 372, 439, 440, 522, 549, 550, 589, 601, 606, 609–611, 626–629
Иоанн VIII Ксифилин 120, 437, 477
Иоанн Мавропод 437, 484
Иоанн Скилица 447, 484, 543, 604, 613
Иоанн Соломон 174, 330–332, 512, 590
Иоанн Таронит 267, 334, 335, 341, 554, 593, 594, 597
Иоанн Таронит, куропалат 597
Иоанн Хрисостом 481
Иоанн Цец, Цец 17, 33, 472, 598
Иоанн I Цимисхий 395, 396, 425, 515, 613, 626
Иоаннаки, см. Василий Куртикий
Иоанникий 71–73, 450, 451
Иоанну П. 613
Иов 417
Иосиф Траханиот 463
Ипатия 19
Иречек К. 48, 554, 556
Ирина, дочь Анны Комниной 17, 18

Ирина, см. Пирошка
Ирина, жена Исаака Комнина 464, 467
Ирина, севастократрисса 33, 34
Ирина Дукена, жена Алексея I 10, 14–17, 43, 44, 53, 106, 118, 120–122, 206, 326, 433, 439, 452, 468, 469, 478, 534, 535, 589, 591, 609, 613, 627–630
Ирина Комнина, сестра Алексея I 554
Ирод 84, 460
Исаак II Ангел, император 494
Исаак I Комнин, император 7, 61. 106, 131, 132, 294, 439, 444, 463. 467, 470, 484, 485, 550, 554, 570, 598
Исаак Комнин, севастократор, брат Алексея I 10, 43, 90–95, 101, 104–106, 122, 124, 145, 158, 159, 175, 241–243, 266, 279, 327, 332, 362, 420, 441, 442, 451, 462–464, 470, 476, 478, 480, 488, 502, 544, 589, 592, 593, 621
Исаак Комнин, сын Алексея 116, 628
Исаак Контостефан, Контостефан 335–337, 341, 355, 356, 592, 595
Исангел, см. Раймунд Тулузский Исмаил 305, 306, 545
Исмаил, сын Агари 557
Исмаил, сын Бэрк-Ярука 305, 306
Исократ 392, 552
Итал, см. Иоанн Итал
Италик, см. Михаил Италик
Иуда Маккавей 613
Йорга Н. 529, 556
Кавасила, см. Александр Кавасила
Кавасила Синадин 464
Кавасилы 538
Каждан А. 49, 484, 537, 565, 619
Калликл, см. Николай Калликл
Каллиника 395, 515
Каллиопа 226, 392, 539
Каллипарий 250
Каматир, см. Григории Каматир Каматиры 12, 550
Камир, военачальник 166, 506
Камир 272
Камир, слуга 166, 506
Камица, см. Евстафий Камица Камицы 12
Кантакузин, см. Иоанн Кантакузин
Кантакузин 268, 313, 316, 317, 321, 352–355, 585, 600
Кантакузины 12

Канц 221
Кара 351
Карай 582
Каратекин, Харатик 190, 191, 196, 523
Караца, см. Аргир Караца
Карик 24, 248, 547
Карл Великий, король французский 560
Карпов 47
Каспак 303, 304
Кастамонит, см. Никита Кастамонит
Катакалон 64, 66, 448
Катакалон, см. Александр Евфорвин Катакалон
Катакалон, см. Кекавмен Катакалон
Катакалон, см. Константин Евфорвин Катака-лон
Катакалон, см. Никифор Катакалон
Катакалон, см. Тарханиот Катакалон
Катананк 187, 521
Катародон 388
Катичич Р. 48
Катран 221
Кафаро 580, 585
Каэн К. 526, 579, 584, 586
Кедрин, см. Георгий Кедрин
Кекавмен 451, 507, 554
Кекавмен Катакалон 260, 262, 550
Кекавмен Катакалон, сподвижник Исаака I Комнина 550
Кекавмен. см. Михаил Кекавмен
Кербога 300–302, 305, 307, 574–576
Кефала, см. Лев Кефала
Килич-Арслан I (султан 1092– 1107 гг.) 199, 250, 251, 300, 527, 561, 562, 570, 571, 573, 582, 609, 615
Килич-Арслан, см. Мелик-Шах II
Кир 271, 588
Кирил Филист 487
Кица 272
Клемент III, см. Виберт
Клеопатра 19
Козьма, пресвитер 623
Колер 558

Коломан Арпадович, Коломан, король венгер-ский 560, 605
Комискорт 156, 499
Комнено Ласкарис 521
Комнин, см. Адриан Комнин, брат Алексея I Комнина
Комнин, см. Адриан Комнин, племянник Алек-сея I Комнина
Комнин, см. Алексей I Комнин
Комнин, см. Алексей Комнин, племянник Алек-сея I Комнина
Комнин, см. Андроник Комнин
Комнин, см. Иоанн Комнин, отец Алексея I Комнина
Комнин, см. Иоанн Комнин, племянник Алек-сея I Комнина
Комнин, см. Иоанн II Комнин
Комнин, см. Исаак I Комнин, брат Алексея I Комнина
Комнин, см. Исаак Комнин, сын Алексея I Ком-нина
Комнин, см. Константин Комнин
Комнин, см. Мануил Комнин
Комнин, см. Никифор Комнин
Комнина, см. Анна Комнина
Комнина, см. Евдокия Комнина
Комнина, см, Мария Комнина, дочь Алексея I Комнина
Комнина, см. Мария Комнина, сестра Алексея I Комнина
Комнины passim
Конрад, коннетабль 578
Конрад, крестоносец 582
Конрад, сын Роберта Гвискара 460
Константин, великий друнгарий 451
Константин, нотариус 378
Константин, катепан титулов, протопроедр 135 Константин, сокольничий 222
Константин, стольник 342
Константин V, император 613
Константин Алоп 538
Константин Ангел 629
Константин VII Багрянородный, император 31, 464, 470, 588
Константин Бодин, Бодин 23, 90, 138, 148, 152, 187, 220, 221, 240, 463, 538
Константин I Великий, император 194, 200, 328, 396, 458, 473, 589
Константин Гавра 355, 380, 382, 388, 409, 601
Константин Далассин, Далассин 191, 218, 219, 221, 236, 246, 248, 250, 523, 538, 547

Константин Диоген 549, 553
Константин X Дука, император 7, 120, 152, 441, 451, 455, 476– 478, 489, 496, 511, 549, 550
Константин Дука, жених Анны 11, 14, 40, 75; 78–80, 86, 92, 94. 116, 123, 124, 189, 220, 254, 257, 259, 439, 452, 453, 478, 489, 522, 549, 551
Константин Дука, предок рода Дук 121, 478
Константин Дука, сын Константина X Дуки 148, 152, 498
Константин Дука Эксазин 330, 331, 337, 341, 592
Константин Евфорвин Катакалон,
Катакалон, Форвин Катакалон 268–270, 272, 278, 312, 359–362, 373, 448, 546, 555
Константин Комнин, сын Исаака Комнина 544, 589
Константин Манасси 19, 439
Константин IX Мономах, Мономах, император 8, 124, 130, 171, 447, 480, 484, 509–511
Константин Опос, Опос 145, 200, 218, 219, 287, 494, 587, 601
Константин Умбертопул, Умбертопул 97, 146, 202, 236, 239, 267, 466, 495, 544
Константин Ясит 626
Констанция 586, 587
Контарини 518
Контарини, см. Доменико Контарини
Контарини, см. Петр Контарини
Контопаган 351, 354
Контостефан, см. Исаак Контостефан
Контостефан, см. Стефан Контостефан
Контостефаны 12, 595
Коприсиан 349, 599
Косьма I, патриарх 118, 120, 123, 125, 474
Крез, царь персидский 98
Крей А. 568
Крум, хан болгарский (см. также Мокр?) 533
Крумбахер К. 457, 467, 490
Ксанта 146, 160
Ксенофонт 598
Ксеркс 556
Ксир, см. Варда Ксир
Ктесий 556, 588
Куглер Б. 584

Кузьма, пресвитер 24
Кукупетр, см. Петр Пустынник
Кулеон, манихейский военачальник 146, 160, 614
Кулеон, руководитель «манихеев» 397–399
Куртик 450
Куртикии 450
Куртикий, участник заговора Анемадов 330
Куртикий, см. Василий Куртикий
Курц Е. 14, 601
Кусин 397–399
Кутулмиш 523
Кюнтохмиш 387, 610
Лазарь, библ. 626
Ламброс П. 502
Ландульф 313–316, 338, 355, 356
Ландульф, см. Рудольф Швабский
Ласкарис М. 503, 505, 546
Латона 630
Лев Анемад 330
Лев Дивгенич 553
Лев Диоген 148, 205, 209, 210, 255, 262, 266, 553
Лев Кефала 166, 506
Лев Кидониат 119
Лев VI Мудрый, император 492, 616
Лев Никерит, Никерит 207, 245, 351, 403
Лев Рупений 369
Лев Торник 450
Лев Халкидонский 25, 36, 44,159, 160, 212, 500–502, 534, 535, 597
Левченко М. 612
Лейб Б. 46–48, 440, 446, 447, 449, 451, 456, 464, 468, 472, 474, 482, 483, 485–487, 497, 498, 503, 504, 512, 514, 523, 532, 535, 536, 541, 542, 546, 547, 551, 553–557, 562, 565, 566, 568, 575, 576, 581, 583, 585, 586, 589–591, 597–606, 609, 611, 614–616, 618, 620, 621, 626
Лемерль П. 9, 558, 559, 612
Леруа-Молинген А. 597
Лжедиоген, Девгенич, Диоген 24, 268, 270–272, 556
Лжемихаил, см. Ректор
Лисимах 214
Литаврин Г. 515, 517, 529, 613

Лонгивард 418, 620, 621
Лоран Ж. 498
Лукиан 454
Лундин А. 49
Луп Протоспафарий 488, 491, 493, 495, 498, 499, 518
Любарский Я. 578, 606
Люцифер 560
Мабилла 575
Мавр 372
Маврик 144, 493
Маврик (у Лупа Протоспафария) 493
Маврокатакалон, см. Мариан Маврокатакалон Маврокатакалон, см. Николай Маврокатакалон Магомет 201
Маистромилии 349, 599
Маккавеи 397, 613
Максим Исповедник, Максим 174, 513
Максимилиан, император 471
Малатерра 21, 455, 462, 491, 493, 495, 497–500, 502, 503, 517
Маналух, см. Монолик
Манган, см. Георгий Манган
Манефон 185, 520
Маниак, см. Георгий Маниак
Мани 395, 514, 612
Маниак (Боняк?) 233, 541
Маний Курий Дентат 491
Манселли Р. 572
Мануил Василаки 73, 450
Мануил Вутумит, Вутумит 193, 247, 249, 280, 293, 294, 296– 299, 312, 313, 315, 377, 379, 584, 585
Мануил Вутумит (у Атталиата) 524
Мануил Комнин, брат Алексея I 57, 90, 98, 441, 463
Мануил Комнин, дед Алексея I 294, 439, 463, 570
Мануил I Комнин, император 28, 33–35, 479, 518, 521, 589, 611
Мануил Модин 362
Мануил Страворoман 467
Мануил Филокал 253
Марак 304, 575
Мариан Маврокатакалон, Маврокатакалон 270, 281–283, 355–358, 556
Марик А. 564

Марин 349, 359, 361, 372, 599
Мария, дочь Иоанна II Комнина 589
Мария, сестра Лазаря (библ.) 430, 626
Мария Аланская 10, 14, 27, 28, 43, 62, 80, 83, 95, 116–120, 123, 124, 254, 259, 445, 464, 476, 477,
480, 551
Мария Болгарская 102, 467, 468, 534, 535
Мария Комнина, дочь Алексея I 15, 17, 270, 430–432, 448, 522, 528, 545, 546, 556
Мария Комнина, сестра Алексея I 463, 479, 513, 554
Маркиз 318
Маскавел, см. Вильгельм Маскавел
Масуд 413–415, 618
Масур 446, 449
Матильда 457
Маттафия Маккавей 613
Матфей Эдесский 445, 470, 523, 582
Матье М. 457, 459, 491, 505, 546
св. Мелетий Миупольский 487, 547
Мелик-Гази 573, 576
Мелик-Шах, Тапар (султан 1076–1092 гг.) 199, 443, 491, 522, 523, 525–527
Мелик-Шах II, Килич-Арслан, Сулейман, Ша-хиншах (султан 1106–1116), 380, 382, 399, 400,
407, 410–415, 548, 561, 562, 609, 614, 618
Мелиссин, см. Никифор Мелиссин Менелай 72, 116
Месопотамит, см. Василий Месопотамит
Месопотамит, см. Георгий Месопотамит
Месопотамиты 546
Метакса 158
Мигидин 169, 216
Мидас 98, 466
Миков В. 614
Миловский И. 554
Мифимн 160
Михаил IV, император 371, 516, 605
Михаил из Амастриды 381
Михаил, главный виночерпий 312, 313
Михаил, евнух 244, 430

Михаил, муж племянницы Комниных 116, 474 Михаил, зетский князь 90, 138, 463
Михаил, пинкерн 244
Михаил Анемад 268, 330–334, 555, 591, 592 Михаил Анхиал 34
Михаил Атталиат 19, 31, 442–445, 448, 449, 451, 452, 455, 466, 469, 477, 483–485, 500, 524, 529, 539, 549
Михаил Вурц 486
Михаил Глика, Глика 20, 33, 34, 437, 444, 472, 475, 477, 479, 507, 521, 557, 586, 619
Михаил Дука, внук кесаря Иоанна Дуки 105, 169, 170, 210, 234, 469, 474
Михаил VII Дука, Парапинак, император 7, 8, 14, 57, 61, 62, 75, 78, 80, 81, 85, 86, 91, 116,119,
120, 123, 141–143, 172, 189, 254, 255, 439, 441, 442, 444–446, 452, 455, 462, 466, 496, 498, 511, 512, 522, 549, 605
Михаил Италик, Италик 33
Михаил Каспаки 575
Михаил Кекавмен, Кекавмен 304, 351, 353, 409, 617
Михаил Кирулярий 451
Михаил Маврик 493
Михаил Пантехн 426, 430, 626
Михаил Пселл, Пселл 18, 29, 31, 32, 33, 36, 38, 42, 43, 172, 173, 437, 440, 451, 452, 454, 455, 476, 478, 484, 485, 487, 510–513, 518, 524, 531, 538, 549, 552, 556
Михаил Сириец 618 Михаил Стипиот, Стипиот 402, 406, 407
Михаил VI Стратиотик, император 7, 554
Михаил Таронит, Таронит 123, 256, 260, 479, 554, 593
Михаил Хониат 595
Михаил Эфесский 17, 37
Моисей 282, 565
Мокр (Крум?) 209, 533
Монастра 13, 224, 236, 268, 274, 297, 298, 313, 317, 318, 321, 380, 388, 555
Монолик, Маналух(?) 387, 402, 403, 408–410, 412, 610
Мономах, см. Константин IX Мономах
Мономахат, см. Георгий Мономахат
Моравчик Г. 47, 494, 600, 625
Музак 259
Мурну Г. 463

Мутафчиев П. 556
Мухаммед, эмир 199, 387–389
Мухаммед, султан 609
Намбит 148, 150, 151, 209, 496
Неанц 221–223, 235
Нидерле Л. 604
Низам аль-Мульк 525
Никерит, см. Лев Никерит
Никита Кастамонит, Кастамонит 209, 218, 330
Никита Панукомит, Панукомит 146, 320
Никита Халинц 311
Никита Хониат 15, 16, 19, 471, 474, 500, 502, 513, 533, 550–552, 560, 626, 629
Никифор, внук Анны Комниной 19
Никифор, племянник Ирины Дукены 409
Никифор, сын Декана 340
Никифор III Вотаниат, Вотаниат, император 7, 9, 10, 55, 61, 62, 68, 69, 79, 80, 85, 86, 88–92, 98, 104, 108, 111–117, 119, 123, 134, 149, 153, 157, 180, 206, 220, 439, 444–446, 449–452, 462, 466, 467, 470, 474–477, 483, 487, 494, 500, 522, 539, 566
Никифор Вриенний, Вриенний, муж Анны Комниной, историк 11, 14, 16, 19, 28, 29, 36, 37, 42, 54, 285, 364, 397, 409–411, 439–444, 445–452, 455, 464, 467, 476, 477, 487, 493, 494, 532, 549, 553, 554, 556, 594, 602, 613, 627–630
Никифор Вриенний Старший, Вриенний 9, 38, 61, 63, 64, 66– 69, 104, 153, 205, 206, 268, 269, 439, 444, 445, 448, 450, 464, 469, 487
Никифор Диоген, Диоген 24, 148, 205, 209–211, 253–264, 479, 547, 549–551
Никифор Иалий Эксазин, Эксазин 330, 331, 337, 341, 590, 592
Никифор Катакалон 270, 448, 528, 546
Никифор Комнин, брат Алексея I 123, 463, 479
Никифор Мелиссин, Мелиссин 9, 24, 107, 108, 110–113, 122, 150, 167, 209, 213, 231, 232, 234, 238, 239, 242, 267, 470, 476, 478, 507, 508, 540
Никифор Палеолог 113, 114, 152, 441
Никифор Синадин 148, 152
Никифор Страворман 467
Никифор II Фока, император 475, 590
Никифорица 8, 452, 455
Николай II, папа 454

Николай, писец 207
Николай Врана, Врана 145, 201, 202, 494, 621
Николай Врана, протоновелиссим 494
Николай III Грамматик, патриарх 265, 267, 420, 423, 552, 621
Николай Калликл, Калликл 426, 427, 550, 626
Николай Маврокатакалон, Маврокатакалон 203–205, 209, 227, 274, 279–281
Николай Мистик 461
Николай святитель 281, 284
Никулица Дельфин 507
Нил 25, 36, 264, 265, 551, 552, 621
Нин 376, 607
Ниоба 433, 630
Нихольсон Р. 572
Новат 199, 279, 527
Ной 54
Оболенский Д. 621
Одиссей 113, 444
Одо Арпин 578
Одо Добрый 571
Октавиан Август 480
Оман Ч. 573
Опос, см. Константин Опос
Ордерик Виталий 455, 461, 472, 491, 495, 502, 587, 600, 601, 606
Орест 91, 470, 503, 600, 605, 606
Ориген 551
Орландос А. 514
Орфей 56
Остер Е. 9, 48, 457, 616
Острогорский Г. 6, 9, 556, 558
Павел, апостол 457
Павел, основатель павликианства 395, 515
Павел Римлянин 372
Паламед 60, 94, 444
Палеолог, см. Георгий Палеолог
Палеолог, см. Никифор Палеолог
Палеологи 468
Панукомит, см. Никита Панукомит
Пападимитриу С. 450, 466, 534, 594, 601, 618, 619

Пападопуло-Керамевс А. 545
Папахрисанту Д. 592, 593
Параскевиот 421
Пасхалий II, папа 581, 587, 595
Патрокл 119, 133, 266, 476
Пеаний, см. Демосфен Пегас 153
Пенелопа 113, 473
Пер, жупан 372
Перикл 119
Перихит 314
Петр, апостол 279, 457
Петр I, царь болгарский Петр Алифа 28, 152, 165, 305, 349, 372, 498, 575
Петр Варфаломей 576
Петр Диакон 461, 495
Петр Контарини 183, 518
Петр из Бизиньяно 454
Петр Пустынник, Кукупетр 275–279, 283, 306, 559–562, 570, 576
Петр Торник 72, 450
Петров А. 538
Пецей 304, 322
Пигасий 287
Пилад 91, 470
Пиндар 392, 530
Пиренис А. 535
Пирошка, Ирина 589, 605
Пирр, см. Георгий Пирр
Пирр, Эпирский царь 140, 491
Пирр, Заррад Фируз 574
Питика 407
Пифагор 588
Пич И. 555
Платон 18, 34, 37, 53, 173, 174, 186, 265, 330, 395, 437, 612
Плотин 612
Плутарх 18, 437, 530, 568
Полемон 265, 392, 552
Полибий 18, 438, 454
Поликлет 43, 121, 362, 477
Полозова Н. 532

Понс 609
Порфирий 18, 174, 395, 512, 612
Посейдон 513
Принципат (Ричард Принчита?) 349, 599
Прицак О. 535
Продром, см. Феодор Продром
Прокл 174, 512
Псевдо-Кодин 618
Пселл, см. Михаил Пселл
Пти П. 601
Пулхас, см. Бульдаги
Пунтес 165, 505
Пуссин П. 447, 621
Пухей (Абу-Хайан?) 406, 407, 414, 415, 617
Радин 116, 474
Радойчич Н. 548
Радомир 234, 297, 298
Радульф Каэнский 572, 574, 585, 586
Раймунд Ажильский 569, 572, 574, 575, 579
Раймунд Антиохийский 606
Раймунд Беранже II, граф Барселоны 81, 467
Раймунд Тулузский, Сен-Жилль, Исангел 292–295, 306, 308–311, 317, 377, 380, 564, 569, 570, 577– 584, 586, 607
Райффершайд А. 46, 47, 443, 459, 487, 505, 520, 555, 562, 565–568, 576, 586, 589–591, 595, 600, 601, 603–605, 607, 609, 615, 616
Рамсей В. 603, 615, 617
Рапсомат 24, 248–250
Рауль, крестоносец 287–289, 567
Рауль, отец Умберта 372
Рауль, посол Роберта Гвискара 85, 86, 461, 504
Рауль Понтуас 461, 504
Рей Е. 587
Ректор, Лжемихаил 28, 79, 80, 86, 87, 133, 455
Ренальд 165
Ренальд Муска 505
Ренар 372
Рено Е. 45
Рено де Брей 561, 562
Рено из Туля 567

Риан 558
Ридван 573, 582
Ричард, крестоносец 349, 353, 599
Ричард Принчита (см. также Принципат?) 372, 599
Ричард Сенешаль 372
Роберт Гвискар, Гвискар 7, 13, 20, 28, 30, 38, 41, 42, 44, 74– 90, 126, 133–135, 140–151, 153–162, 165, 171, 181–189, 319, 365, 455–462, 466, 486–495, 497–500, 502–504, 507, 517–520, 527, 568, 599
Роберт, сын Роберта Гвискара 518
Роберт Лорителло, Боритил 85, 460
Роберт Монах 565
Роберт Норманнский 572
Роберт Парижский 567
Роберт II Фландрский 307, 570, 577
Роберт I Фризский, Фландрский граф 214, 217, 232, 535, 542, 543, 557, 558
Рожер, брат Рауля 86, 87, 461
Рожер, сын Дагоберта 372, 461
Рожер, Франк 349, 359, 361
Рожер Борса, Рожер 84, 88, 138, 160, 161, 182, 460, 490, 503, 517–520, 568
Рожер Сицилийский 568
Роланд 458
Роман, «манихей» 342
Роман III, император 488, 516
Роман IV Диоген, Диоген, император 7, 54, 56, 57, 79, 90, 108, 148, 190, 205, 209, 255, 266, 269, 413, 425, 439–441, 444, 455, 465, 476, 477, 479, 488, 496, 522, 549, 553, 625
Роман Страворман 100, 101, 467
Ромуальд Салернский 472, 498, 503, 518, 606
Росмик 13, 353
Рудольф Швабский, Ландульф 83, 84, 459, 460
Руйар Г. 482, 504
Рупений, см. Феодор Рупений
Рупений, см. Лев Рупений
Русель 9, 39, 57–61, 91, 441–444, 455
Рэнсимен С. 548, 567, 572, 584, 587
Самуил, царь болгарский 209, 533, 534
Саниск, см. Боэмунд Тарентский

Сапфо 19, 392, 421, 624, 625
Сарацин, граф (убит в Могленах) 165, 505
Сарацин, граф 351
Сатанаил 419, 421, 624
Саул 124, 480
Саца 201
Святослав, русский князь 612
Седекия, иудейский царь 209, 534
Сезан М. 584
Сен-Жилль, см. Раймунд Тулузский
Сервлий 174, 512, 513
Сеслав 201, 530
Сибилла 457
Сибт ибн аль-Джауза 523, 580
Сигельгаита, см. Гаита
Сикеот, см. св. Георгий
Симон 372
Симон, брат Балдуина 378
Синадин 92, 464
Синадин, см. Александр Синадин
Синадин, см. Феодул Синадин
Синадин, см. Кавасила Синадин
Синадина 464
Синесий 214, 224, 238, 542
Сиф 185, 186, 520
Сишельгаита, см. Гаита
Скабаланович Н. 451, 468, 476, 478
Скалиарий (Скалиарий Илхан?) 200, 268, 351, 554
Скилица, см. Иоанн Скилица
Скилицы Продолжатель 19, 29, 444, 455, 462, 467, 476, 484, 485, 549
Склир 331
Склир, см. Варда Склир
Склиры 590
Скутариот, см. Феодор Скутариот
Слуцкая С. 49
Соломон, венгерский король 203, 530, 531
Соломон, см. Иоанн Соломон
Соломон, царь (библ.) 418, 480
Софокл 18

Софоклес 602
Спарефра 326, 588
Стагирит, см. Аристотель
Стефан Блуасский 305, 571, 572, 575, 578, 581, 582
Стефан Бургундский 582
Стефан Вукан 263
Стефан Контостефан 355, 595
Стефан Скилица 594
Стилиан 418, 621
Стипиот, см. Михаил Стипиот
Стипиот, раб Михаила Стипиота 402
Стравовасилий 402
Страворoман, см. Мануил Страворoман
Страворoман, см. Никифор Страворoман
Страворoман, см. Роман Страворoман
Стратигий, слуга Аарона 342, 343
Стратигий Страв 315, 316
Сулейман, султан никейский 22, 136, 137, 189, 190, 196, 198, 446, 449, 489, 523, 526, 528
Сулейман, см. Мелик-Шах II
Сюзюмов М. 9
Танкред, племянник Боэмунда Тарентского 28, 299, 301, 309, 311, 313, 317–320, 322, 323, 336,
363, 367, 375–377, 379, 568, 570–572, 580, 582, 583, 586, 587, 596, 606–608
Танкред Готвилльский 453
Тапар, см. Мелик-Шах
Таронит, см. Григорий Таронит
Таронит, см. Иоанн
Таронит, см. Иоанн Таронит, куропалат
Таронит, см. Михаил Таронит
Тароните 450, 479
Тарханиот Катакалон 63, 268. 447
Тарханиоты 447
Татикий 13, 28, 145, 192–195,202, 203, 209, 217, 254, 257, 261, 268, 296, 299–301, 312, 313, 315,383, 494, 525, 526, 574, 578, 583
Татран 224
Татуш, Хали 201, 208, 213, 529, 530
Тевкр 285, 286, 566

Телемах 113, 499
Тиверий, император 598
Тигран 265
Тимофей, флейтист 56, 253, 440
Тирах 484, 485
Тогортак (Тугоркан?) 233, 270, 541
Томашек В. 524, 556, 557
Томирида 326, 588
Торник, см. Георгий Торник
Торник, см. Лев Торник
Торник, см. Петр Торник
Торники 450
Торос 578
Тортарий 596
Травл 24, 180, 181, 201, 517, 528, 529
Траян, сын Ивана-Владыкова 534
Трейтингер О. 477
Тугоркан 541
Тугтегин, атабег Дамасский 308, 579, 608
Тутах 58, 59, 443
Тутуш 190, 191, 198, 199, 522, 523, 579
Тэнгри-Бэрмиш 302, 304, 575
Уза 13, 170, 209, 224, 236, 274, 411
Умберт 495
Умберт, сын Рауля 377
Умберт Готвилльский 466
Умбертопул, см. Константин Умбертопул
Унфред 486, 488
Урбан II, папа 541, 558, 559, 562, 584
Урес, см. Урош I Урош I, Урес, жупан Рашки 263, 551
Успенский Ф. 481–483, 551, 552, 623
Фатимиды 577, 608
Феано 19, 324, 588
Фекла, великомученица 132
Фемистокл 194
Феодор, антиохийский патриарх 613
Феодор, брат Аарона 341–343
Феодор, великомученик 550
Феодор Гавра 11, 24, 242–244, 306, 545, 576, 601

Феодор Далассин 538
Феодор Докиан, Докиан 61, 444
Феодор Продром, Продром 18, 33, 34, 437, 447, 450, 478, 538, 550, 590, 594, 595, 601
Феодор Рупений 369
Феодор Скутариот, Скутариот 20, 472, 475, 477, 516, 557, 589
Феодора, императрица 7
Феодора Комнина, сестра Алексея I Комнина 266, 463, 553
Феодора Комнина, сестра Анны Комниной 629
Феодосий II, император 475
Феодот 64
Феодота 510
Феодул Синадин 464
Феофан 42, 618
Феофана продолжатель 450
Феофилакт Болгарский 6, 33, 483, 504, 513, 522, 536, 540, 544, 550, 553, 561, 593, 594, 600, 623, 626
Феофилакт Симокатта 18, 539, 598
Феста Н. 621
Фидий 119, 328, 476
Филарет Врахамий, Филарет 190, 522, 523
Филипп I, французский король 562, 586, 587
Филипп, легендарный основатель Филиппополя 394
Филипп II Македонский 394, 611
Филокал, см. Евмафий Филокал
Финк Г. 584
Фируз, см. Пирр
Фландрский граф, см. Роберт I
Фризский Фол 397–399
Форвин Катакалон, см. Константин Евфорвин Катакалон
Форс 461, 505
Фотий, патриарх 34, 588
Фрейденберг М. 606
Фукидид 18, 41, 598
Фульшер Орлеанский 561
Фульшер Шартрский 563, 569, 572, 574, 596, 606
Фуяно М. 490
Хагенмайер Г. 535, 572, 583, 584
Хали, см. Татуш

Хам, библ. 54
Харанис П. 477, 558
Харатик, см. Каратекин
Харон 130, 478, 483
Хасан, эмир Каппадокии 300, 374, 475, 573
Хасан Катух 414
Хассей Дж. 9, 40
Хиросфакт 135, 487
Хобар 276, 560
Хольцман В. 535
Хониат, см. Никита Хониат
Хонигман Е. 586, 604
Хрисоскул 441
Христос, см. Иисус Христос
Цахариэ фон-Лингенталь 482
Церпентирий (Вильгельм Карпентарий? Илья?) 279, 563
Цец, см. Иоанн Цец
Цецилия 587
Цимисхий, см. Иоанн I Цимисхий
Цинцилук, см. Андроник Цинцилук
Ципурел 388–390
Цита 296, 310, 311
Цурих 17
Чакан, Чаха 22, 217–221, 231, 232, 246, 247, 250, 251, 296, 302, 303, 373, 537, 538, 542, 546–548, 571
Чауш 191, 196, 523, 525, 526
Челгу 203, 204, 532, 542
Шаландон Ф. 28, 48, 457, 461, 464, 468, 486, 492, 503–506, 515–518, 520, 523, 524, 526, 531, 532, 535, 538, 541, 546, 556–558, 561, 572, 578, 579, 584, 601, 610, 630
Шамо аль-Давла 575
Шахиншах, см. Мелик-Шах II
Шварц К. 518
Шишич Ф. 537
Шлумберже Г. 558, 570
Шмидт В. 466
Шопен 46, 443, 474, 483, 521, 614
Штадтмюллер Г. 474
Штейн Е. 446

Эбал, граф Руси 81, 457
Эвмей 473
Эккехард из Ауры 558, 577
Эксазин, см. Константин Дука,
Эксазин Эксазин, см. Никифор Иалий Эксазин
Эксазины 330, 590, 592
Элеимон 314
Элиан 616
Эльвира 607
Эмилиан, патриарх антиохийский 464
Эмилий Сципион 58, 442, 443
Эмма 571
Эрве 134, 486
Эрот 117, 276
Эсхин 103
Юдейль Р. 606
Юдифь 530
Юстин I, император 515
Юстиниан I, император 515
Яков (библ.) 470
Яков Барадай – 396, 613
Ямвлих 174, 512
Ярослав, князь киевский 448
Ясит 174, 512
Ясит, куропалат 513
Яцулин, см. Жослин де Куртней

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Абраска, Аспр, г. 224, 539
Авасгия 627
Августион, пл. 590–591
Августополь, г. 300, 412, 573
Авид, г. 250, 251, 303, 373, 381, 387
Авлон, г. 84, 85, 139, 142, 145, 161, 171, 177, 181, 182, 276, 280, 337, 338, 351, 354, 356, 491, 509, 514
Аврилево, г. 273, 557
Аврона залив 564
Агафоника, г. 273, 556
Адана, г. 318, 370, 586
Адрамитий, г. 373, 374, 380, 387
Адрианополь, Орестиада, г. 104, 145, 167, 196, 202–204, 214, 268–271, 273, 394, 444, 450, 469, 494, 532, 537, 544, 555, 556, 560, 628
Адриатическое море 23, 56, 88, 196, 239, 265, 275, 338–340, 366, 369, 395, 492, 543, 560, 569
Азал, холм 297
Азия 90, 107, 122, 158, 190–192, 196, 197, 220, 275, 320, 327, 364, 366, 375, 380, 382, 385, 399, 407, 526, 539, 586
Айтос, г. 554
Айтосский перевал (Хортарей?) 554
Аке, Акра, Птолемаида, г. 379, 608
Акрок, г. 388, 390, 610
Акроний, г. 412, 617
Акрун, г. 381
Ал-Амиг, оз. 604
Алания 600
Александретта, залив 604
Александрия, г. (в Индии) 214
Александрия, г. (в Египте) 186, 214, 418, 459
Алексиополь, см. Неокастр, г.
Алексина, гора 614
Алеппо, Верея, г. 190, 371, 399, 573, 582, 603, 614
Алики, Кипарисий, г. 193, 524
Алифины, г. 388, 610
Аллага 167

Алмир, р. 63
Амальфи, г. 81, 372, 457, 568
Аман, Черная гора 369, 604
Амасия, г. 27, 59, 60, 311, 443, 573, 593
Амастрианская площадь 591
Амастрида, г. 381, 609
Амба, г. 412, 617
Амира городок 371
Аморий, г. 406, 408, 617
Амфиполь, г. 74
Аназарв, Анаварз, г. 370, 522, 586
Анатолик, фема 441, 444, 472
Ангелокомит, р. 387, 610
св. Андрея монастырь 372
Андрония, г. 166
Анемская тюрьма 334, 335, 592
Анкира, г. 310
Антарад, см. Тортоса, г.
Антарт, г. 370, 604
Антиохия, Антиоха город 54, 90, 190, 191, 197, 266, 269, 298–305, 307, 311–313, 317–320, 322, 363, 368–370, 375–377, 439, 440, 463, 464, 478, 486, 522, 523, 553, 568, 570, 573–577, 579, 580, 583, 586, 587, 603–609
Антифонита храм 516
Анхиал, г. 191, 196, 267–270, 272, 343, 554, 555
Аораты, г. 387, 388, 610
Апамея, г. 446
Аполлония, г. 199, 200, 387, 557
св. Апостолов церковь 472
Апрос, г. 217, 289
Апулия 7, 84, 88, 140, 142, 185, 339, 454–456, 460, 497, 520, 587, 596
Аравия 198, 380
Арамис, крепость 371
Арванон, см. Эльбасан, г.
Аргирокастр, г. (Оллаика?) 317
Ареты, г. 108, 471
Арзен, р. 147, 153, 155, 352
Аркадия 451
Арменияк, фема 59, 310, 311, 319, 395, 443
Армения 450, 545, 552, 576, 588, 612

Арменокастр, г. 405, 616
Арта, залив 503
Артах, г. 369, 604
Артиния, оз. 528
Асено, см. Асон, о-в
Аскалон, г. 570, 578
Асканское озеро, Никейское озеро 387, 400, 571
Асон, Асено, Сасенс, о-в 281, 564
Аспр, см. Абраска, г.
Атанасовское озеро (Священное озеро?) 554
Атлантический океан 56
Атталия, г. 312, 373
Афер, г. (на Кефалинии) 184, 185
Афер, г. (в Палестине) 520
Афины, г. 187, 195
Афины, храм 540
Афира, крепость 104, 284, 469
Афон, гора 450
Ахерон, см. Гликис, р.
Аэр, г. 401, 615
Аэт, фема 371
Багдад, г. 190
Байбут, Паиперт, г. 306, 545, 576, 593
Балканский полуостров 507, 515, 562, 596, 612
Балканский хребет, Балканы, Гем 205, 395, 396, 530, 531, 555
Бари, г. 140, 279, 338, 452, 490, 497, 511, 568, 596
Белград, г. 560
Белые Церкви, г. 165, 505
Белятово, крепость 181, 201, 516
Беневент, г. 82, 459, 491
Беотия 465
Бизиньяно, г. 454
Битоль, Пелагония, г. 166, 348, 505–506
Благодатной богородицы монастырь 17
Блисн, г. 202, 530
Болгария 6, 23, 33, 502, 532, 544, 622, 623
Большая Преслава, см. Преслав, г.
Большой дворец 16, 113, 258, 396, 398, 425, 429, 431, 437, 466, 473, 475, 550, 591, 611, 614, 625, 628, 629

Боруй, г. 212–214, 267, 542
Боспор, см. Босфор, пролив
Босфор, Боспор, Дамалис, пролив 137, 138, 189, 196, 431, 546, 549, 557, 561, 565, 567, 582, 628, 629
Брабант 280, 281, 564
Браничев 394
Бриндизи, г. 28, 85–88, 138, 140, 182, 336, 462, 517, 596
Бриндизи, о-в 372
Будва, г. 524
Букефала, г. 418
Булгарофиг, г. 216, 227
Бургас, г. 554
Бургундия 581
Бутринто, г. 139, 182, 184, 518, 546
Буюк-Чекмендже, 539
Быстрый поток 300
Ваан, оз. 274, 557
Вавагора, горный хребет 499
Вавагора Вагора г. 155, 600
Вавилон, г. 425
Вавилон, см. Каир, г.
Ваинития 162, 503
Валависта, см. Демирсахар, г.
Валан, г. 308, 370, 578, 603
Вардар, р. 70, 163, 165, 450, 494, 505
Варин, р. (Граник?) 387
Василаки, источник 74
Василики, г. 388
Василия, г. 192, 523
Вафис-Риак, Ресий, г. 231, 539
Великая церковь, см. св. Софьи храм
Венгрия, Дакия, Угрия 171, 276, 277, 372, 448, 506
Венеция, г. 156, 183, 320, 492, 493, 518, 519
Веноса, г.185, 520
Верея, см. Алеппо, г.
Верия, г. 70,165
Верхний дворец 117, 390, 475
Ветрен, село 534
Ветрин, г. 209

Вигла 184, 518, 519
Видин, г. 397
Византия, Ромейская империя, Романия – passim
Виуса, р. 280, 352, 354
Вифиния 55, 137, 138, 189, 192–194, 274, 293, 402, 403, 441, 615
Вифлеем, г. 460
Вичина, г. 201, 530, 533
Вичина (Дичина?), р. см. Голяма-Камчие
Влахернский дворец 99, 179, 334, 473, 484, 566
Влахерны, р-н Константинополя 102, 340, 466–468, 566
Войвода, село 533
Воден, г. 165
Волисс, г. 219, 221
Вондица, г. 184, 494, 519
Ворзе, стратигида 369, 603
Вранья 253
Врбицкий проход, см. Сидира
Вуколеон 117, 118, 475, 531
Гавал, Зевел, г. 317, 370, 578, 586
Гадира, г. 345, 599
Гадос, 222
Гаита 405
Галата, р-н Константинополя 473, 518
Галис, р. 310, 572, 582, 616
Гебр, см. Марица, р.
Гебраика, см. Ираклия, г.
Геллеспонт, пролив 62, 380, 387, 446
Гем, см. Балканский хребет
Генуя, г. 320, 380
Георгия Кира городок (крепость) 196, 296, 297, 400–402
св. Георгия монастырь 124, 480
св. Георгия Сикеота поле 113
Георгия Великомученика храм (у Месампел) 295
св. Георгия церковь (в Кастории) 177, 514
Геракловы столбы см. Гибралтар
Гераний г. 340, 597
Геркинийские леса 395, 613
Германикия 369
Германия 581

Герме, Гермийские холмы, см. Карме
Гермон, р. 370
Гибралтар, Геракловы столбы пролив 195, 275, 524
Гидрунт, см. Отранто, г.
Гиролимна, см. Серебряное озеро
Главиница, г. 140, 156, 351, 352
Главиница придунайская, г. 181, 517
Гликис, Ахерон, р. 144, 145, 493, 495, 503, 519
Глосса, мыс 139, 338, 490
Гогенмользен, г. 460
Голландия 535
Голоя, крепость 204, 207, 212, 214, 268, 274, 531, 534
Голяма-Камчие, Вичина, р. 207, 532, 533
Гонат, башня 294–296
Граник, р. 610
Греция 520
Гурзуф, г. 545
Дакия, см. Венгрия
Далмация, см. Сербия
Дамалис, пролив см. Боспор
Дамалис, п-в 107, 108, 111, 119, 138, 197, 292, 383, 386, 390, 400, 416, 470
Дамаск, г. 380, 579
Данувий, см. Дунай, р.
Дафнутий 253, 549
Двух сестер башня (в Антиохии) 574
Девол, г.157, 348, 352, 357
Девол, р. 344, 499, 500, 600
Девра, г.339, 351
Декат, г.228, 538
Дельфина сады 166
Демирхисар, Валависта 328, 589
Джовинацо, г. 497
Диамболь, г. 204, 214, 268
Димилия, равнина 230
св. Димитрия церковь (в Константинополе) 331
св. Димитрия церковь (в Фессадонике) 107, 167, 471, 507
Дионисовы столбы 196, 524
Дипотам, см. Месанакты, г.

Диррахий, Эпидамн 27, 41, 62, 70, 87–89, 134, 138–144, 146, 147, 150, 156, 161, 172, 184, 185, 220, 221, 240–242, 246, 276, 279–281, 290, 327, 335, 337, 339, 340, 343– 347, 356, 357, 359, 360, 362, 364, 384, 444, 445, 469, 471, 490–497, 499, 502, 506, 509, 517, 538, 544– 546, 563, 564, 596, 598, 599, 601
Дичина, см. Вичина, р.
Днепр, р. 535
Добруджа 535
Докиний, г. 573
Долил 402
Доменика дворец, долина 169
Дорилей, г. 299, 406, 441, 486, 610
Дракон, р. 22, 138, 278, 562
Дримон, см. Черный Дрин, р.
Дристра, см. Силистра, г.
Дукс, замок 369
Дунай, Данувий, Истр, р. 8, 131, 201, 203, 204, 206, 208, 209, 213, 215, 238, 239, 267, 294, 394, 397, 448, 484, 508, 529, 530, 533, 545, 555
Евбея, о-в 465
Евдом, предместье Константинополя 123, 480, 539
Еврейский причал 184, 518, 519
Еврип, пролив 95, 295, 465, 547
Европа 275, 327, 364, 525, 532, 565, 587
Евфрат, р. 196, 531, 609
Египет 169, 196, 201, 214, 418, 520, 565, 577
Египетское море 62, 446
Еленополь, г. 277, 278, 306, 402, 523, 615
Емпил, р. 387, 610
Железные ворота (в Константинополе) 101, 467 Железные ворота, горный проход, см. Сидира
Закинф, о-в 313
Западная Сирия 604
Звенчан, г. 251–252, 549
Зевел, см. Гавал, г.
Зеландия 535
Зиг, горная цепь 239, 245, 251, 252, 267, 268, 273, 543
Золотой Рог, залив 267, 467, 469, 473, 518
Зомпи, мост 408
Зуме, фема 369, 604
Ивид, Ида, гора 387, 610

Ивирипа дом 113
Ида, см. Ивид, гора
Иерихо, г. 85, 144, 351, 353, 354
Иерон 288, 567
Иерусалим, г. 214, 276, 283, 306–311, 313, 364, 378, 379, 520, 523, 534, 571, 577–581, 606, 608 Иерусалим, г. (на Итаке) 184, 185, 520, 552
Иконий, г. 399, 403, 405, 407, 409, 413, 415, 609, 615
Иллирик 70, 88, 134, 160, 182, 185, 189, 197, 240, 279, 320, 327, 335–337, 340, 356–358, 395, 493, 543, 564, 592
св. Ильи стратигида, 369, 603
Индия 214
Иоанна Богослова храм (в Евдоме) 123
Иоанна Богослова храм (в Эфесе) 302, 575
Иоанна евангелиста церковь в Константино-поле 327
Ираклия, Гебраика, г. 300, 573
Ираклия Понтийская 133
Ираклия стена 468
Истр, см. Дунай, р.
Истрия 569
Итака, о-в 184, 520
Италия 7, 41, 171, 172, 339, 447, 483, 486, 487, 493, 494, 503, 507, 511, 519, 520, 562, 564, 568, 586, 601
Кавалион, г. 280, 281, 564
Кавая, г. 564
Кавка 603
Кавказ 462
Каир, Вавилон, г. 307, 308, 577
Каистр, см. Малый Меандр, р.
Какиплевра 153, 499
Калабрия 7, 454–456, 621
Калавра 63
Кала-Дендра 238, 239
Калафады 270
Каллиополь, г. 383
Каллия монастырь 123
Калциер, г. 371
Кампания 459
Каниклия монастырь 467
Канина, г. 83, 351–354

Канны, г. 486
Каносса, г. 460
Каппадокия 192, 364, 374, 486, 554, 570, 573
Капуя, г. 487
Карамвис, г. 244
Карасу (Меласу), р. 539
Карика источник 400
Карме, Герме, Гермийские холмы 389, 402, 610
Карнобат, г. 531
Карпаф, Скарпанто, о-в 248, 547
Карпиан, р-н Константинополя 106, 469
Касиотида 371
Кассандра, п-в 11
Кассопская гавань 182, 517
Кастамон, г. 444
Кастория, г. 5, 165, 166, 170, 171, 176, 500, 503, 506, 509, 515, 522, 568
Кастория, оз. 176
Кафисмат, г. 371
Кедрея, г. 406, 407, 617
Келесирия 321, 369, 587
Келлия 400, 615
Кельвиан, Кервиан, г. 375, 382, 607
Кельи, гора 166, 615
Кепрано, г. 459
Кервиан, см. Кельвиан, г.
Кесария, г. 576
Кесарополь, г. 260
Кефалиния, о-в 184, 313, 519, 520
Кешиш-Даг, Олимп, гора 388, 401, 610
Кивот, Цивитот, г. 293, 387, 400, 524, 561, 562
Кивотский пролив 293, 310
Кидн, р. 370
Кидокт 63
Кизик, г. 94–96, 199, 200, 202,387
Киклады, о-ва 327, 584
Кили 380
Киликия 55, 62, 312, 313, 318, 322, 323, 370, 439, 440, 446, 584, 585, 587
Киос, г. 193, 296, 402, 524
Кипарисий, см. Алики, г.

Киперудский монастырь, Пиперудский мона-стырь 255, 549
Кипр, о-в 248–250, 301, 308, 309, 311–315, 377, 380, 547, 585
Кипселлы (Псилл?), г. 215, 216, 598
Кир, р-н Константинополя
Кира храм 172
Кириния, г. 249, 313, 547
Киссав, гора 166
Клазомены, г. 217
Книд, о-в 314
Колония 334, 545, 593
Комана, г. 576
Комарево, село 531
Коммермоери, г. 371
Комна, село 463
Константина площадь 99, 114, 328, 390, 466, 589
Константинополь (Византий, царственный го-род, царица городов) passim
Корона, г. 316
Корфу, о-в 139, 182, 183, 313, 318, 319, 493, 517, 518
Корфу, г. 88, 462
Кос, о-в 313
Космидий, монастырь 102, 283, 288, 290, 468, 565
Космосотира монастырь 630
Котией, г.610
Котирекия 400
Котрона, Кротон, г. 80, 456
св. Креста храм 249
Криниды, см. Филиппы
Крит, о-в 248, 250, 255, 547, 548, 590
Крифия, г. 540
Кротон, см. Котрона, г.
Ксенофонтов монастырь 450
Ксеригорд, г. 278, 522, 561, 562
Ксирогипс, р. 225
Кули, г. 204, 531
Курик, г. 315, 316, 585
Кючук-Чекмедже, Регий, г. 469, 539, 549
Лакедемон, г. 195
Лампи, крепость 304, 374, 525, 575

Лампи, р. 197, 525
Лаодикия (в Сирии), см. Латтакия, г.
Лаодикия, г. (в Малой Азии) 304
Лапари, фема 371
Лардей, г. 204, 205, 531
Ларисса (на Балканах) 165– 167, 169, 170, 283, 290, 503, 506–508, 615
Ларисса (в долине Оронта), Сезер 369, 603
Латтакия, Лаодикия, г. 308, 309, 311, 314–317, 322, 352, 367, 370, 578–581, 583, 585, 586, 603
Левкада, о-в 313
Левки, г. 299, 405, 572, 616
Левкусия, см. Никосия, г.
Левуни, Левуний холм 235, 236
Лентианы, горы 387, 400
Ливан 309
Ливанские горы 309
Ливия 201
Ливотанийское ущелье 167, 168, 507
Лидия 55
Ликанд 604
Ликостомий, г. 167, 169, 170, 507
Лимниев фема 371
Липений, г. 251, 252, 263, 543
Липений, р. 252
Лисимахия, г. 214, 620
Лисимахия, г. (в Эфиопии?) 418
Лихнит, см. Охрид, г.
Лихнитское озеро, см. Охридское озеро
Ловеч, гора 132
Ломбардия 503, 581
Лонгивардия 76, 78, 81, 83–85, 88, 134, 138, 142, 148, 160, 161, 165, 171, 172, 179, 181, 276, 277, 279, 280, 315, 319, 321, 328, 335, 336, 341, 355–358, 369, 372, 373, 380, 453, 454, 461, 489, 496, 504, 592, 595
Лонгиниада, г. 318, 586
Лопадий, г. 197, 387, 400–403, 575
Лул, г. 369, 603
Льва стена 468
Мавриотиссы монастырь 505
Мавропотам, р. 235, 541

Мадит 380
Македония 204, 450, 554, 612, 628
Малагина, г. 388, 401, 615
Малая Азия 7, 21, 22, 441, 443, 455, 515, 557, 561, 566, 573, 609,622
Малая Никея, г. 207, 227, 272, 273, 532
Малея, мыс 316
Малый Меандр, Каистр, р. 607
Мальгара, г. 539
Мамистра, см. Мопсуэстия, г.
Манганский монастырь, Манганы 429, 627, 628 Манганы, р-н Константинополя 124, 480
Мануила монастырь 445
Манцикерт, г. 7, 440, 508, 617, 625
Мараклея, г. 308, 370, 578, 579, 603
Мараш, г. 313
Мариуполь, г. 545
Марица, Герб, р. 104, 202, 203, 341, 394, 398, 469, 530, 541, 598
св. Марка собор 184, 518
Маркаб, г. 317, 586
Маркелла, г. 214, 215
Меандр, р. 304, 375, 525, 606
Мегалополь, см. Преслава, г.
Мезия 70
Мелитина, г. 199, 570, 573, 613
Мельфи, г. 7
Мероя, г. 196, 524
Месампелы, г. 295
Месанакты, Дипотам, г. 409, 617
Месопотамия 190, 468
Мессина, г. 509
Мест 341
Мидия 418
Милий, арка 114, 473
Милос, крепость 344, 352, 353
Мискура, г. 402
Митилена, г. 217, 218, 221, 246– 248, 547
Мифимна 218
Михаила архангела храм у Диррахия 151
Моглены, г. 165, 543

Мокр 339, 533, 600
Мопса города, см. Мопсуэстия
Мопсуэстия, Мамистра, Мопса города 318, 322, 522, 586, 588
Моровунд 103
Мосинополь, г. 24, 178, 515
Мосул, г.604
Навпакт, г. 87
Наколия, г.617
Неаполь, г. 349
Некра 371
Немея 249
Неокастр, Алексиополь, г. 398, 535
Неокесария, г. 573
Нижний дворец 117, 475
Нижняя Лотарингия 560
Низибис 604
Никейское озеро, см. Асканское озеро
Никея, г. 7–136. 190–192, 194. 195, 197, 199, 217, 277, 278, 292– 299, 303, 386–388, 397, 400, 402, 403, 405, 470, 476, 489, 523, 525, 526, 561, 562, 570–572, 615, 616
св. Николая церковь (в Константинополе) убе-жище 100, 467
св. Николая церковь (у Диррахия) 147, 153, 498 Никомидия, г. 138, 192, 194, 217, 232, 274, 293, 403, 404, 525, 526, 557
Никополь, г. 87
Никосия, Левкусия, г. 249, 547
Нил, р. 428, 524
Нимфей, г. 375
Ниш, г. 394, 580
Нормандия 74, 76, 270, 453
Озолимна, Узолимна, оз. 213, 214, 535, 542
Олимп (в Малой Азии), см. Кешиш-Даг, гора
Олимп, гора (в Греции) 507
Оллаика, г. (Аргирокастр?) 586
Орестиада, см. Адрианополь, г.
Оркиот, г. 486
Оронт, р. 573, 603
Осса, гора 507
Остров, г.165
Отранто, Гидрунт, г. 85, 87, 138, 182, 336, 462

Охрид, Лихнит, г. 155, 157, 163, 165, 505, 597
Охридское озеро, Лихнитское озеро 339, 499, 533
св. Павла башня 573
св. Павла приют 27, 619
св. Павла храм (в Константинополе) 416, 418
св. Павла церковь (в Риме) 457
Паврак, г. 311, 582
Пагра, стратигат 369, 604
Паиперт, см. Байбурт, г.
Палаца, стратигат 369, 604
Палестина 31, 520, 535, 578, 587
Пали, мыс 143, 280, 492
Памфил, г. 204, 380, 531
Памфилия 62, 446
Пандократора монастырь 440
Папикий, гора 611
Параданувий, см. Паристрий
Парий, г. 387
Паристрий, Параданувий 181, 205, 245, 267, 517, 529, 546, 555
Пасарская гавань 182, 183, 518
Патары 314
Патриарший монастырь 287
Пафлагония 133, 444, 609
Пелагония, см. Битоль, г.
Пелагония, фема 506, 540
Пелекан, г. 287, 288, 292, 295, 298, 567, 570
Пелопоннес 314, 380, 585
Пеней р., см. Саламврия
Пентигостис, поместье 254
Пергам, г. 375, 380
Перивлептский монастырь 475
Перник 252
Персия, Персидская держава 58, 196, 197, 201, 382, 425, 625
Петра, клисура 352
св. Петра церковь 457
Петрий, р-н Константинополя 467
Петрийский монастырь 101
Петрич, г. 254, 394
Петрула, г. 344, 350, 355, 357, 598

Пиги, монастырь 88, 173, 463
Пиза, г. 313, 320, 380
Пиманин, г. 200, 387, 400, 407
Пиперудский монастырь, см. Киперудский мо-настырь Пирам, р. 588
Пиренеи, горы 543
Пифик, г. 405, 616
Плавица, село 166
Пласты, г. 371
Плиска 207, 533
Поданд, фема 370, 603
Поливот, г. 304, 406, 407, 409
Поливот Фракийский, Поливот г. 221, 222, 539
Полог, Пологи, г. 165, 171, 253, 505
Понт, Понт Эвксинский, см. Черное море
Пренет, г.192, 523
Преслав, Большая Преслава, г. 208, 533
Преслава, Мегапополь, г. 209, 533
Преспа, оз. 499
Примнес, г. 573, 617
Принкип, о-в 401, 615
Принцевы острова 516, 615
Прованс 564
Пропонтида 136, 190, 192, 243, 283, 287, 292, 480
Пруса 387
Псилл (Кипселлы?) 341
Птолемаида, см. Аке, г.
Пуатье, г. 587
Пуца, крепость 271, 272, 556
Пьяченца, г. 558
Равеник, г. 167
Рамла, г. 307, 308, 578
Рашка 23, 30, 538, 551
Ревеник 167
Регий, см. Кючук-Чекмедже, г.
Редесто, г. 186, 531, 539, 556
Ресий, см. Вафис-Риак, г.
Рим, г. 80, 82, 84, 161, 162, 172, 205, 235, 279, 318, 336, 458, 459, 587
Риндак, р. 528, 610
Родопы, горы 394, 395

Родос, о-в 302, 314, 538, 575, 596
Ромаины, г. 371
св. Романа ворота 566
св. Романа церковь 285, 566
Россия 545, 554
Румский султанат 8, 22, 489
Румыния 539
Русий 221, 223, 224, 542, 568, 571
Сагудаи, село 402, 615
Сагут 615
Сазлийка, р. 530
Саламврия, Пеней, р. 169, 170, 508
Салерно, г. 80–83, 85, 161, 162, 181, 457, 459
Салернский принципат 457
Самос, о-в 248, 313, 538
Сангар, р. 274, 557, 571, 572, 616, 617
Сантаварис 406, 617
Сапанджа, оз. 557
Сарван, крепость 371, 604
Сарды, г. 304
Сарос, р. 62, 322, 446, 588
Сарсап, г. 371
Сасенс, см. Асон, о-в
Священное озеро (Атанасовское озеро?) 267
Сген, укрепление 371
Севастия, г. 582, 593
Северное Причерноморье 448, 462
Северный Кавказ 462
Севтлос, о-в 314
Сезер, см. Ларисса (в долине Оронта)
Селевкия, г. 315, 316, 379, 585
Сербия, Далмация 23, 90, 147, 220, 240, 241, 251–253, 263, 340, 384, 463, 496, 497, 519, 543, 548, 549, 569
Сервия, г. 165
Сердика, см. София
Серебряное озеро, Гиролимна 284, 566
Серры 254, 257, 589
Сидира, Железные ворота, горный проход, Чалыкавский, Врбицский проход 203, 207, 274, 530

Сидира см. Железные ворота (в Константино-поле)
Сидира, укрепление 275, 557
Сики, г. 315
Силистра, Дристра, г. 181, 201, 204, 208, 237, 517, 530, 534, 542, 543
Сильвестра дом 273
св. Симеон, см. Суди, г.
Симеонов холм, скифский булевтерий 208, 533
Синай 382
Синоп, г. 190, 196, 523, 582
Сиракузы, г. 509
Сирийское море 62, 322, 380, 446
Сирия 31, 54, 55, 281, 319, 367, 370, 371, 376, 439, 522, 577–579, 581, 582, 585, 604, 607, 612, 613
Сицилия, о-в 7, 171, 454, 456, 457, 509
Скамандр, р. 380, 387
Скарпанто, см. Карпаф, о-в
Скифский булевтерий, см. Симеонов холм
Скопле, г. 165, 251, 253, 505
Скотин 203, 204
Скутари 273, 556, 557
Славотилий 371, 604
Сланица 323
Сливен, г. 531
Слоновая тюрьма, см. Элефантинская тюрьма
Слоновые ворота 614
Слопим, г. 328, 592
Смирна, г. 217, 218, 221, 246–248, 250, 302–304, 373–375, 548
Созополь на Понте, г. 160, 332
Сорока мучеников озеро 409
Сорока святых (мучеников) церковь 99, 173, 466, 511
Соск, г. 165, 505
Сосфений 244, 287, 546
София, Сердика, Средец, Триадица г. 131, 394, 485
св. Софьи храм, Великая церковь 99, 100, 116, 120, 158, 175, 189, 267, 418, 466, 467, 473, 500, 624
Спарта 256, 550
Спаха 197
Средец, см. София, г.
Средиземное море 611

Старосел, село 614
Стило, г. 621
Сто холмов 213, 535
Струги 163
Струмица, г. 328
Суваидия, см. Суди, г.
Суди, Сувандия, Св. Симеон, г. 301, 318, 369, 574, 582, 603
Схизы, дер. 104
Тавра площадь 591
Тавроком, г. 216, 272, 537, 542
Таврские горы 322
Тарент, г. 372
Тарс, г. 305, 318, 321, 322, 370, 522, 586, 587, 603
Татран 539
Телль Руман 604
Телль Хамдун, г. 604
Толух, Дулук, стратигида 369, 604
Телхампсон, укрепление (Телль, Хамдун?) 371, 604
Тель ас-Султан (Телхампсон?), г. 527
Тивенна, г. 334, 593
Тиволи, г. 503
Тигр, р. 196
Тилии 371
Тимор, г. 354, 600
Тир, г. 320, 378, 381, 439, 608
Тирагий, г. 414
Тортоса, Антарад, г. 308, 370, 579, 580, 582, 604
Трапезунд, г. 242, 243, 334, 545, 594, 601
Триадица, см. София, г.
Трикалы, г. 166, 170, 506, 507
Тримунт, см. Филиппополь, г.
Триполи, г. 309, 311, 317, 377, 579–582
св. Троицы монастырь (в Веносе) 185
Тунджа, р. 555
Турбессель, г. 608
Убежище, см. св. Николая церковь
Угрия, см. Венгрия
Удивительная гора 369, 603
Узолимна, см. Озолимна, оз.

Фарос 244, 546
Фаросской богоматери церковь 331, 590
св. Феклы храм 29, 131, 484
св. Феодора храм (у Диррахия) 150
св. Феодора храм (в Вафис-Риаке) 231, 540
Феодосиополь, г. 231, 540, 613
Феодосия обелиск 625
Фермы, г. 268, 554
Ферсии 369, 603
Фессалия 107, 507
Фессалоника, г. 70, 73, 74, 146, 157, 167, 170, 279, 321, 324, 327, 328, 340, 343, 349, 450, 471, 479 504, 507–509, 563, 592
Фиамис, р. 493
Фивы, г. 491
Филадельфии, квартал Константинополя 473, 591
Филадельфия, г. 304, 374, 375, 380, 382, 390, 601
Филей 284
Филиппополь, Тримунт, г. 24, 27. 202, 204, 215, 240, 241, 245, 280, 394–399, 451, 465, 515, 516, 530, 535, 542, 560, 611–613
Филиппы, Криниды, г. 74, 451, 612
Филокалов брод 235, 541
Филомилий, г. 304, 305, 407, 409, 617
Финия 137, 138
Фландрия 535
Фокея 217, 218
св. Фоки монастырь 283, 565
св. Фоки храм 243, 546
Фракисий, фема 308, 609
Фракия 63, 97, 394, 395, 515, 549, 612–614, 622
Франкия, см. Франция
Франция, Франкия 276, 279, 305, 575, 587, 595, 607
Фригия 375
Фрурий, г. 78
Фула, о-в 109, 113, 196, 338
Хайраболу, Хариополь, г. 203, 216, 217, 531, 542
Халдия, фема 242, 545
Халив 395
Халкидон, г. 159, 212
Халкопратии, р-н Константинополя 500, 516

Халкопратийский храм 180, 500
Харак, г. 553
Харийские ворота 111, 472, 473
Хариополь, см. Хайраболу, г.
Харран, г. 582
Херсон, г. 266
Херсонес Фракийский, п-в 232, 380, 381, 383, 540, 609, 611
Хили 274, 557
Химара, мыс 280, 337, 503
Хиос, о-в 218, 219, 221, 302
Хирины, крепость 233, 238, 541
Хировакхи, г. 228, 229, 341, 343, 539, 542
Хлебина, местечко 74, 451
Хлиары, г. 375, 380, 387
Хома, г. 114, 304, 446, 486
Хоний, крепость 371
Хорасан 198, 199, 300, 301, 305, 309, 310, 311, 383, 399, 415, 525, 576, 582
Хорватия 519
Хортарей (Айтосский перевал?) 267, 554
Христополь, г. 254, 257
Цивиск, г. 166
Цивитот, см. Кивот, г.
Циканистр 423, 625
Цурул, г. 97, 103, 225, 226, 272, 469
Чалыкавский проход, см. Сидира
Черная гора, см. Аман, горы
Черное море, Понт Эвксинский, Понт 62, 160, 206, 269, 284, 395, 446, 543, 612
Черный Дрин, Дримон, р. 339, 597
Шампань 581
Шкумби, р. 499
Эгейское море, Южное море 62, 70, 446, 450, 451
Эгиалы 387, 400
Эгина, г. 244
Эгнатиева дорога 539, 569
Эдесса 308, 310, 371, 380, 522, 575, 578, 581, 605, 606, 609
Эзева 166, 507
Элефантинская тюрьма, Слоновая тюрьма 399, 614

Элисс, крепость 28, 339, 340, 597
Эллада 487, 548
Эльбасан, Арванон, г. 351, 499, 598
Эльстер, р. 460
Энос, г. 232, 233, 394, 444, 531
Эпидамн, см. Диррахий, г.
Эпир 499, 568
Эргене, р. 541
Эривол, г. 615
Этолия 620
Эфес, г. 304
Эфиопия 418, 524, 620
Южная Италия 7, 447, 453, 454, 456, 492
Южное море, см. Эгейское море
Юскюдар, г. 556
Янина, г. 156, 162, 503, 504
Япигия 85, 461
Ясона холм 337
Яффа, г. 307, 308

УКАЗАТЕЛЬ ЭТНИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ[3]

Абхазцы, см. также авасги 465, 627

Авасги (абхазцы) 627

Агаряне (турки, арабы) 96, 122, 276, 300, 305–307, 465, 545

Аланы 13, 36, 353, 462

Албанцы 187, 499

Амальфитяне 156, 184, 185, 518, 519

Арабы, см. также агаряне, исмаилиты, сараци-ны, вавилоняне, египтяне 7, 307, 465, 509, 577,
578

Армяне 265, 307, 313, 322, 395, 396, 552, 588, 612, 613

Ассирийцы 331

Афиняне 195

Ахейцы 206

Беотийцы 280

Болгары 26, 232, 461, 462, 507, 530, 541

Брабанцы 564

Вавилоняне 308

Варяги 26, 109, 148, 209, 439, 472, 486, 497

Венгры, см. также даки, угры 473, 494

Венецианцы 21, 31, 142–144, 156, 182–185, 439, 484, 492, 493, 495, 517–519, 561

Ветоны (неренчане) 339, 391

Византийцы, ромеи, греки – passim

Влахи 22, 26, 232, 267, 268, 503, 506, 507, 530, 540, 541, 554

Генуэзцы 316, 585

Германцы, см. также немцы 319, 338, 472, 503, 561

Геты (торки) 131, 484

Гипербореи 524

Гунны (торки) 214

Даки (венгры), см. также угры 131, 384, 396

Далматы (сербы), см. также сербы 187, 220, 240, 241, 263, 328, 463, 548

Евреи, см. также иудеи 307

Египтяне 607

Исмаилиты (турки, арабы) 274, 276, 369, 391, 393, 525, 557

Испанцы 596

Италийцы 63, 171, 172, 336
Иудеи 565
Карфагеняне 599
Кельтиберы (испанцы) 338
Кельты (выходцы из стран Западной Европы), см. также латиняне, франки 57, 64, 147, 150–154, 159, 162–166, 168, 169, 176, 178, 192, 193, 202, 203, 219, 232, 236, 275–278, 285, 287, 289, 291–302, 304, 305, 307, 310, 312, 316, 317, 320, 322, 327, 334, 337, 351–358, 361, 373, 381, 384–386, 388, 406, 442, 446, 504, 561
Киликийцы 55
Критяне 246
Куманы (половцы), см. также скифы 208, 213–215, 233–240, 266–274, 384, 394, 396, 397, 528, 542, 543, 555, 556
Лакедемоняне, см. также лаконцы, спартанцы 195
Лаконцы, см. также лакедемоняне, спартанцы 216
Латиняне (выходцы из стран Западной Европы), см. также кельты, франки, норманны 21, 26, 44, 82, 134, 141, 147, 151, 153, 159, 162–164, 167–170, 172, 176, 177, 185, 188, 193, 196, 202, 203, 209, 210, 214, 217, 219, 222, 278–282, 284–286, 288, 289, 291–296, 299–302, 306, 308– 311, 317–319, 337, 350, 359, 362, 376, 377, 442, 527, 561, 563, 578, 601, 608, 609
Лидийцы 55
Ломбардцы 581
Лонгиварды 319, 356
Македонцы 63, 145, 396, 473
Мариандины 274, 557
Мизийцы (печенеги) 131
Митиленцы 247, 248
Немцы, см. также германцы 109, 110, 472
Неренчане, см. также ветоны 596
Норманны, см. также латиняне 7, 20, 26, 277, 278, 310, 311, 439, 446, 447, 452, 454, 489, 492, 497, 499, 500, 508, 511, 520, 538, 561, 568, 584, 586, 596, 600–602
Памфилийцы 55
Персы (древние) 195, 556
Персы (сельджуки) 57, 179, 196, 217
Печенеги, см. также скифы 8, 13, 22–24, 208, 212, 213, 216, 217, 233, 235, 439, 448, 466, 484, 500, 517, 527–529, 533, 536, 540, 542, 543, 548
Пизаны 313, 314
Половцы, см. также куманы. скифы 8, 22, 556

Римляне 140
Румыны 529
Русские, см. также тавроскифы 7, 517, 529, 541, 612
Савроматы 131, 170, 201, 203, 274, 484, 508, 528, 529
Сагудаты 615
Сакеонцы 83
Сарацины (арабы) 275, 307, 317, 369, 378, 391, 560, 561
Сарматы 462
Сельджуки 22, 26, 31, 440, 452. 453, 472, 479, 485, 525, 570, 573, 577, 587, 609
Сербы, см. также далматы 148, 251, 439, 463, 544, 548, 549
Сирийцы 55
Скифы (печенеги, узы, куманы) 13, 22, 66, 88, 121, 159, 179, 181, 196, 201–217, 219, 221–239, 251, 273, 336, 337, 353, 388, 391, 394, 396, 406, 411, 485, 517, 527, 528
Славяне 91
Спартанцы, см. также лакедемоняне, лаконцы 537
Тавроскифы (русские) 612
Тавры 394, 612
Тарентийцы 140
Татраны 539
Торки, см. узы
Троглодиты 196, 524
Турки-вардариоты, турки охридские 135, 494
Турки (сельджуки), см. также агаряне, исмаили-ты, персы 7, 8, 13, 20, 23, 44, 57, 59, 62, 64, 67, 68, 94, 104, 133, 136–138, 142, 152, 169, 170, 189–194, 196, 200, 217, 220, 232, 242, 248, 266, 272, 274, 275, 277–279, 289, 292–295, 297, 305, 307, 309–311, 322, 351, 353, 365, 374, 375, 382, 386, 388, 389, 400–403, 406–410, 412–415, 441–443, 448, 462, 464, 465, 470, 478, 495, 498, 505, 540, 557, 561, 562, 571, 582, 589, 609, 611, 616–618, 625
Турки охридские, см. вардариоты
Узы (торки), см. также скифы, геты, гунны 8, 22, 214, 484, 508, 509, 528, 529
Фессалийцы 145
Фивийпы 537
Фракийцы 63, 396, 473, 507
Франки (выходцы из стран Западной Европы), см. также кельты, латиняне 26, 67, 167, 275, 279, 292, 295, 305, 308, 310, 313, 316, 317, 319, 375, 376, 385, 447, 449, 507, 556, 561, 576

Халдеи 395
Хоматинцы 64
Эллины 140, 281, 285, 288, 395
Эфесяне 302
Южные славяне 20, 47

Примечания

Примечания к книгам I-V

К оглавлению

[1] Софокл, *Аякс*, *647*.

[2] *Порфира* – особая, украшенная пурпуром палата Большого дворца, где рожали императрицы (см.: Janin, *Constantinople byzantine...*, *p. 121 sq.; Treitinger*, Die oströmische Kaiser- und Reichsidee..., *S. 58). Анна подробнее говорит о ней ниже: VI, 8, стр. 188; VII, 2, стр. 205. Порфирородными назывались дети императоров, рожденные в Порфире. Феодор Продром в стихах, обращенных к Анне, именует ее порфирородной (Пападимитриу*, Феодор Продром, *стр. 89)*.

[3] Аристотель всегда был почитаемым византийцами автором. Отношение к Платону было более настороженным. В XI в. византийская интеллигенция обратилась к изучению Платона: митрополит Евхаитский Иоанн Мавропод в одной из эпиграмм взывает к Христу с просьбой признать Платона и Плутарха «своими» (Iohannis Euchaitorum..., p. 24); Михаил Пселл называл себя учеником Платона (Psellos, *Scripta minora*, II, p. 252, 5–6) и защищал его от нападок Иоанна Ксифилина (Sathas, Bibl. gr., V, p. 444, 5–8). Феодор Продром в речи к Исааку Комнину хвалит последнего за то, что тот изучил Аристотеля и Платона (Praechter, *Beziehungen zur Antike in Theodoras Prodromos Rede...*, S. *317). Однако и среди современников Анны оставалось немало ортодоксально настроенных людей, которые, подобно Михаилу Глике, признавали авторитет лишь одного античного философа – Аристотеля (Krumbacher*, Michael Glykas, *S.* 394 sq.).

[4] Анна имеет в виду квадривиум наук, включавший в себя арифметику, геометрию, астрономию и музыку.

[5] *Природа* (греч. φύσις) *и стремление к знанию* (η περι τας επιστήμας σπουδή). Ниже писательница утверждает, что приступает к рассказу не с целью показать свое умение владеть слогом (греч. η περι λόγους ασκησις). Все три термина, которыми в данном случае пользуется Анна [φύσις, επιστήμη (τέχνη), ασκησις], восходят к античным теориям ораторского искусства (см. Isocr., XIII, 14–15; Dionys, De imitat., II, 27; Aristid, XLV, 114). По мнению древних авторов, совокупность этих качеств необходима истинному оратору. Анна обладает всеми достоинствами настоящего оратора, однако выступает против смешения жанров историографии и риторики (см. прим. 131).

[6] Начиная со слов «... а чтобы... » текст представляет собой скрытую

цитату из Иоанна Епифанийского (Hist. gr. min., I, p. 376).

[7] Намек на «Политику» Аристотеля (1277[в]14). Анна вообще находится под большим влиянием этических представлений Аристотеля (см. Предисл., стр. 37).

[8] Бытие, IX, 18–27.

[9] Ил., XI, 654; XIII, 775; Од.,XX, 135.

[10] Начиная со слов «Когда кто-нибудь...» текст представляет собой скрытую цитату из Полибия (Polyb., I, 14). Провозглашение истины (αλήθεια, ακρίβεια) целью или законом историографических сочинений – общее место у античных авторов (Avenarius, *Lukians Schrift*..., S. 40 sq.). Приверженность истине, как правило, декларируется и византийскими историками (см., например, Theoph. Cont., p. 353; Cedr., I, p. 3). Заверения в приверженности истине повторяются в «Алексиаде» с гораздо большей назойливостью, чем у других авторов (см. I, 10, стр. 75; XIV, 7, стр. 391–392 и др.). Эти декларации служат писательнице своего рода ширмой для прикрытия истинной цели ее произведения – прославления царствования Алексея (см. Предисл., стр. 31–32). Обращает на себя внимание то обстоятельство, что Анна нигде не говорит, что историческое сочинение должно приносить пользу читателям. Между тем тезис о полезности исторических сочинений (χρήσιμον, ονησις) постоянно встречается у античных писателей (Scheller, *De hellenistica*..., p. 43). Византийские авторы, как правило, провозглашают пользу первой и главной целью исторических сочинений, что соответствует назидательному характеру византийской литературы вообще (см.: Georg. Mon., col. b. 44; Theoph., p. 6; Theoph. Cont., pp. 4–5, 211; Attal, p. 8; Nic. Chon., p. 4 sq.). «Забывчивость» Анны кажется тем более странной, что тезис о полезности историографии неоднократно декларируется Полибием, историографическим теориям которого писательница следует во многих случаях. Видимо, в представлении Анны главная задача историографии не морально-назидательная, а фактографическая.

[11] Никифор Вриенний, муж Анны, – сын или внук мятежника Никифора Вриенния Старшего, о котором писательница рассказывает в дальнейшем (ср. прим. 750). До замужества с Вриеннием Анна была обручена с малолетним сыном Михаила Дуки Константином (см. Предисл., стр. 11).

[12] Император Иоанн II Комнин (1118–1143) вел длительные войны с сербами, печенегами и венграми, но главными его врагами были норманны, владевшие Сирией. В данном случае Анна имеет в виду так называемый сирийский поход, во время которого Иоанн захватил

Киликию и Антиохию. О дате этого похода см. ниже, прим. 19.

[13] Анна говорит о своей матери, жене Алексея – Ирине Дукене. Ирина была одной из трех дочерей протовестиария Андроника Дуки, сына кесаря Иоанна, о котором Анна неоднократно упоминает в своей истории. Алексей Комнин женился на Ирине в 1077 г. Инициатива этого брака исходила от семьи Дук, и он был заключен вопреки воле царствовавшего тогда Михаила Дуки и особенно матери Алексея, Анны Далассины, враждебно относившейся к дому Дук (Nic. Br., III, 6). Об Ирине см. Диль, *Византийские портреты*, вып. 2, стр. 41–65.

[14] Исторический труд Никифора Вриенния носит название Υλη ιστοριας, т. е. «Материал для истории». Единственная рукопись сочинения Никифора, которая легла в основу существующих изданий, ныне утеряна (см. Moravcsik, *Byzantinoturcica*, I, Ss. 443–444). В I и II книгах «Алексиады» Анна широко пользуется трудом своего мужа (см. Предисл., стр. 19).

[15] На самом деле сочинение Вриенния начинается с рассказа о первых Комниных – Мануиле и его сыновьях Исааке и Иоанне. Затем Вриенний действительно переходит к повествованию о царствовании Романа Диогена (1068–1071).

[16] Произведение Никифора Вриенния кончается изложением событий 1079 г. О Никифоре Вотаниате см. прим. 57.

[17] Климат Сирии византийцы считали непереносимым. См., например, описание путешествия в Сирию младшего современника Анны, Константина Манасси: «О дурной из дурных, всем ненавистный Тир! Какой язык ритора опишет твой тяжелый, удушливый воздух и губительный жар солнца?» (Horna, *Das Hodoiporikon...*, S. *335)*.

[18] *Царственный город, царица городов* – так византийцы называли Константинополь.

[19] Дата смерти Никифора Вриенния и соответственно время похода Иоанна II в Киликию и Сирию определяются недостаточно точно. Авторы общих работ (см., например, Ostrogorsky, *History..., p. 336) относят обычно экспедицию в Киликию к весне 1137 г. Однако Никифор умер не позднее 1136 г., так как его имя включено в поминальный список в типике монастыря Пандократора, составленном в октябре 1136 г. (см. Каждан,* Еще раз о Киннаме..., *стр. 14, прим. 3). Следовательно, и начало Киликийского похода надо относить ко времени до 1136 г. В свете этих данных представляется весьма сомнительным предположение Б. Лейба (Leib,* Alexiade, I, p. 169), что Вриенний принимал участие во взятии Иоанном II Антиохии (лето 1137 г.). По-видимому, он вернулся в

Константинополь еще до конца экспедиции.

[20] *Я говорю как о христианских, так и о светских науках* – της θυραίας και της ημετέρας αυλης. Слово η αυλή Анна употребляет в значении «вера», «религия» (см.: XIII, 12, стр. 364; XIV, 8, стр. 396–397). Е. Доуэс (Dawes, *Anna Comnena)* неверно переводит αυλή буквально: yard «двор».

[21] *О божественной, о высшей доле* (αλλα και θειοτέρας και κρείττονος). Переводим с учетом конъектуры Бьюри (Bury, *Some notes..., № 2). Параллельные места из произведений Пселла и Зонары в подкрепление чтения Бьюри приводит Дж. Баклер (Buckler*, Anna *Comnena...*, p. 32, n. 5). Ειδους ουκ ’αξίου τυραννίδος («внешность... достойна неземного владыки») – цитата из Еврипида (Эол, фр. 15; ср. Nic. Br., IV, 15).

[22] Этот образ дважды встречается у Анны (IX, 5, стр. 253; ср. Nic. Br., III, 17). Трудно сказать, откуда писательница заимствовала этот эпизод. Античные памятники ничего не сообщают о флейтисте Александра Македонского Тимофее. Возможно, этот эпизод заимствован из какой-нибудь средневековой версии «Александрии».

[23] Анна пользуется распространенным библейским образом, «см. «Greek-english lexicon of the New Testament», s. v. κάμινος.

[24] Еврипид, *Гекуба*, 518.

[25] Здесь начинается флорентийская рукопись (F).

[26] Роман IV Диоген (1068–1071).

[27] Имеется в виду поход Романа Диогена против сельджуков в 1071 г., закончившийся поражением византийцев при Манцикерте (см. Cahen, *La campagne de Mantzikert...). Архаизированным этниконом* πέρσαι не только Анна, но и другие авторы XI-XII вв. называли сельджуков (Moravcsik, *Byzantinoturcica*, II, S. 252 sq.).

[28] Анна Далассина, мать Алексея I, была одной из активнейших сторонниц Романа Диогена. После низвержения Диогена она была предана суду по обвинению в том, что поддерживала переписку с низложенным императором. По решению суда Анна Далассина вместе с детьми была отправлена в ссылку (Nic. Br., I**,** 22).

[29] Мануил Комнин был произведен Романом Диогеном в высокий придворный чин куропалата (Attal., p. 138; Скабаланович, *Византийское государство и церковь в XI в.*, стр. 151– 152) и назначен стратигом-автократором восточных тагм (Nic. Br., I, 7). Позднее должность стратига-автократора занял Алексей (см. прим. 38). Сражаясь с турками в Малой Азии, Мануил около 1070 г. был взят в плен турецким полководцем Хрисоскулом, однако уговорил последнего явиться вместе с ним в Константинополь. Ранней весной 1071 г. Мануил вновь выступил в поход,

но скончался от ушной болезни в Вифинии (Nic. Br.,I, 11–12).

[30] *Еще не знала, где ей похоронить первого сына, а уже отправляла на войну второго* – τον μεν των υιέων μηκέτι γινώσκουσα ου κατορύξειε, τον δε αποστέλλουσα εν πολέμοις. Допустимо двоякое понимание этого места. Под τον δέ можно подразумевать как старшего брата Алексея – Исаака, так и самого Алексея. Мы склоняемся ко второму варианту, ибо у Никифора Вриенния (Nic. Br., I, 12), сочинение которого Анна в данном случае берет в основу, ни словом не упоминается об Исааке.

[31] По сообщению Никифора Вриенния (Nic. Br., I, 12), «доблестная и великая духом» Анна Далассина после смерти Мануила сама отправила Алексея к Роману Диогену. Алексей нагнал ромейское войско у Дорилея, но император отослал юношу назад.

[32] Русель – предводитель норманнского отряда византийского войска. Во время похода Исаака Комнина на турок (около 1073 г.) Русель поднял мятеж, разбил посланное против него войско, взял в плен кесаря Иоанна Дуку и его сына Андроника. Русель дошел до Константинополя, победил отряды Никифора Палеолога, провозгласил византийским императором плененного им Иоанна Дуку, но вскоре после этого сам попал в плен к туркам. Когда Руселя выкупили из плена, он отправился в Анатолик, где продолжал борьбу с Византией. Тогда-то против него и был послан Алексей. Следующие события, которые описывает Анна, относятся к 1073–1074 гг. (О Руселе см. Schlumberger, *Deux chefs normands*..., p. 296).

[33] Михаил VII Дука Парапинак (1071–1078), старший сын императора Константина Дуки и Евдокии. После пленения Романа Диогена в 1071 г. по настоянию кесаря Иоанна Дуки Михаил был провозглашен императором – соправителем своей матери Евдокии. Однако вскоре Евдокия была удалена в монастырь, и Михаил получил единодержавную власть (Nic. Br., I, 18–20).

Византийские авторы (особенно Атталиат) постоянно упрекают Михаила в легкомыслии и неумении управлять государственными делами.

[34] Под названием «кельты» (так же как и «латиняне») Анна, аналогично другим византийским авторам, подразумевает вообще «людей с Запада».

[35] Слово тиран (τύραννος), как и производные от него, используются Анной и другими византийскими писателями чаще всего в значении «мятежник», «узурпатор», «домогающийся власти» (по отношению к внутренним или внешним врагам империи). Ср. Buckler, *Anna* Comnena, *pp. 286–287*.

[36] *Был младшим стратигом* (υποστρατήγει). До IX в, термин

ипостратиг (υποστράτηγος) чаще всего применялся по отношению к командующим войсками фем. После этого времени ипостратиг – просто младший стратиг (Guilland, *Le commandant en chef..., p. 43). Перечисляя ипостратигов византийского войска, Р. Гийан пропускает Алексея.*

[37] Имеется в виду второй сын Анны Далассины Исаак Комнин, о котором Анна неоднократно упоминает в дальнейшем. Алексей участвовал в походе Исаака против турок, когда произошел мятеж Руселя и Исаак попал в плен к туркам (Nic. Br., II, 3–5; ср. прим. 32). По сообщению Вриенния, незадолго до этого похода Михаил Дука назначил Исаака доместиком восточных схол (о западных Никифор ничего не говорит).

Р. Гийан (Guilland, *Le commandant en chef...*, p. 41) ошибочно полагал, что Исаак был назначен доместиком Востока еще при Михаиле VI (1056–1057), а его ссылка на Пселла («Psellos, VI, 191.3») просто неверна.

[38] *Стратиг-автократор* (στρατηγος–αυτοκράτωρ) – военачальник, обладающий всей полнотой власти (см. об этом термине Guilland, *Le commandant en chef...*, pp. 39, 42). В дальнейшем (I, 2, стр. 58) Анна называет Алексея стратопедархом. По-видимому, для писательницы эти слова являются синонимами (ср. Nic. Br., II, 19).

[39] *Он достиг вершин военного искусства, сравнявшись с такими людьми, как знаменитый римлянин Эмилий Сципион и карфагенянин Ганнибал* – εις ακρον εληλυθέναι στρατηγικης εμπειρίας τοΐς των Ῥωμαίων λογάσιν εδοξεν, οιος Αιμίλιος εκεΐνος ο Ῥωμαΐος, ο ποΐος Σκηπίων οιος Ἀννίβας ο Καρχηδόνιος.

Эта фраза представляет определенные трудности для понимания. В нашем переводе мы с явным насилием над правилами греческого языка переводим οιος в значение οιον «как». Некоторые переводчики (Шопен, Доуэс) толкуют эту фразу следующим образом: «В военном опыте Алексей достиг вершин, свойственных лучшим римлянам, таким, как Эмилий Сципион, Ганнибал». Но тогда карфагенянин Ганнибал оказывается римлянином.

[40] Следующий рассказ Анны (I, 2–4) представляет собой часто дословное переложение «Истории» Никифора (Nic. Br., II, 21–35).

[41] Тутах (Τουτάχ) – турецкий эмир (см. Moravcsik, *Byzantinoturcica*, II, S. 328).

[42] *Решил прибегнуть к следующему* – τέως δ’ ουν επ’ εκεΐνο καταφυγεΐν εδοξε. Может быть, следует читать ξπ’ εκεΐνον, т. е. «он решил бежать к Тутаху».

[43] Должно быть, имеется в виду великий султан Мелик-Шах (1072–

1092), сын и наследник Алп-Арслана (см. «Encyclopédie de L'Islam», III, pp. 225–226).

[44] *Отнимает у Персидской державы те земли, которые могли бы у нее сохраниться* – Ἀ ποστερίσκων δε τη Περσίδι (в Ер. της Περσίδος) απερ αν εξην κακεινη περιγενέσθαι.

Для этой фразы предлагался ряд конъектур: παρέλεσθαι вм. περιγενέσθαι (Шопен), κακείνης вм. κακείνη (Райффершайд), περιποιεΐσθαι вм. περιγενέσθαι, или την Περσίδα вм. της Περσίδος (см. Bury, *Some notes*..., № 5). Ни одна из них не является достаточно обоснованной.

[45] В тексте непонятное παρασκιάζων δια της σης δυναμέως.Райффершайд предлагает читать περισκιάζων,Бьюри (Bury, *Some notes* ..., № 6) – παρασειράζων или ανασειράζων.

[46] По сообщению Михаила Атталиата (Attal, p. 199) и Никифора Вриенния (Nic. Br., II, 22) Русель был схвачен турками во время трапезы.

[47] Еврипид, фр. 969.

[48] Очень важное место, свидетельствующее о наличии в византийских городах конца XI в. существенных элементов самоуправления: Алексей не просто взыскивает с граждан Амасии деньги, а созывает сходку и обсуждает с ними этот вопрос. В городском самоуправлении Амасии первое место принадлежало сановной и денежной знати (οι τα πρωτα φέροντες και χρημάτων ευπορούντες). О советах знати в византийских провинциальных городах см.: Kirsten, *Die byzantinische Stadt.*, S. *27; Пигулевская, Липшиц, Сюзюмов, Каждан,* Город и деревня в Византии в IV-XII вв., *p. 37 sq.*

[49] Арменияк – фема в северо-восточной части М. Азии, куда входила Амасия.

[50] *Толпа* (δημος) – так византийские авторы обычно называли рядовых горожан.

[51] *В мгновение ока* (ωσπερ οστράκου μεταπεσόντος) – см. Plat., Phaedr., 241b.

[52] Паламед – герой греческой мифологии, хитростью разоблачивший Одиссея, который прикинулся сумасшедшим, чтобы избежать участия в Троянской войне.

[53] Имеется в виду г. Кастамон в Пафлагонии. События, о которых Анна рассказывает дальше, согласно Никифору Вриеннию (Nic. Br., II, 25), имели место не в Кастамоне, а в доме Докиана (см. прим. 56), где Алексей провел три дня до прибытия в Кастамон.

[54] Согласно древнегреческому мифу, Геракл освободил из подземного царства Алкестиду, жену своего друга, фессалийского царя Адмета.

[55] Исаак I Комнин (1057–1059) – дядя Алексея.

[56] Феодор Докиан – сын сестры Иоанна Комнина, отца Алексея (Nic. Br., II, 25).

[57] Никифор III Вотаниат (1078–1081), знатный малоазийский феодал, противник Романа Диогена, был отправлен в ссылку при этом императоре, а после его низложения возвращен и назначен стратигом фемы Анатолик.

В конце 1077 г. Никифор поднял восстание против Михаила VII, был поддержан знатью и высшим духовенством и в апреле 1078 г. торжественно вступил в Константинополь (см., об этом Скабаланович, *Византийское государство и церковь в XI в.*, стр. 114 и сл). Апологетом Никифора III был историк Атталиат.

[58] Никифор Вриенний Старший, один из крупнейших византийских феодалов, дука Диррахия (см. прим. 62). В 1077 г., опираясь на фракийскую знать, он поднял мятеж против Михаила VII (см. Скабаланович, *Византийское государство и церковь в XI в.*, стр. 113 и сл.). Восстание Никифора было поддержано его братом Иоанном, которому удалось взбунтовать варяжских и франкских наемников. Отряды обоих братьев встретились в Эносе, где в ноябре 1077 г. Никифор провозгласил себя императором. После этого объединенные силы мятежников заняли Адрианополь. Следующей зимой Иоанн Вриенний пытался захватить Константинополь, но был отражен отрядами под командой Руселя и Алексея Комнина (см.: Nic. Br., III, 9–10; IV, I, 18; Attal., pp. 242 sq., 284 sq. Ср. также сообщения Продолжателя Скилицы – Skyl., pp. 727–737, Зонары – Zon., XVIII, 18, М. Глики – Glycas, IV, pp. 615– 617 и Вильгельма Апулийского – Guil. Ap., IV, 88–92). Рассказ Анны о восстании Вриенния является переложением «Истории» ее мужа.

[59] *Подир и эпомида* – библейские названия священнических одежд. После низложения Михаил был назначен эфесским митрополитом и поселился в монастыре Мануила (см.: Nic. Br., III, 24; Attal., p. 303; Skyl., p. 738; Zon., XVIII, 19).

[60] См. Ал.,III, 2, стр. 119.

[61] Мария Аланская (Цец называет ее «абхазкой Мариам» – Tzetzes, Chil., V, 590–591) была женой Михаила VII. И Мария и родственники Михаила VII (особенно кесарь Иоанн Дука) благосклонно встретили узурпацию Никифора Вотаниата. Матфей Эдесский сохранил даже легенду, будто Мария, недовольная аскетизмом своего мужа, подстрекала Никифора к перевороту. После того как Вотаниат занял престол, он, побуждаемый кесарем Иоанном, женился на Марии, тем самым обеспечив себе поддержку знатного рода Дук. Однако брак императора с супругой

его предшественника, еще остававшегося в живых, вызвал недовольство многих (см. Leib, *Nicéphore III Botaniates...*, p. 134 sq.).

[62] Во второй половине XI в. дукой именовали военного наместника обширной области, обладавшего также правами гражданского администратора (см. Glykatzi-Ahrweiler, *Recherches sur l'administration...*, p. 61 sq.). Список дук Диррахия в XI в. см.: Скабаланович, *Византийское государство и церковь в XI в.*, стр. 220 и сл.; Ζακυθηνοῦ, Μελεται..., σελ. 210 εξ.

[63] Никифор Вриенний (Nic. Br., III, 7–8) в отличие от Анны утверждает, что мятежник Никифор Вриенний Старший объявил себя императором вопреки собственному желанию, уступая настояниям своего брата Иоанна, которому и принадлежала инициатива восстания. Анна в данном случае, по-видимому, не разделяет точки зрения мужа, который явно хотел преуменьшить роль своего отца (или деда?) в восстании. Характерно, что современник этих событий Михаил Атталиат, так же как и Анна, ни словом не упоминает о том, что инициатива восстания исходила от Иоанна.

[64] Вотаниат стремился достигнуть соглашения, предлагая усыновить узурпатора и даровать ему титул кесаря (Nic. Br., IV, 3). Вриенний отверг эти предложения, заявив, что он не доверяет окружающим императора лицам.

[65] *Доместик схол* (δομέστικος των σχολων) – главнокомандующий императорской армией. «Алексиаде» вообще не свойственна строгость терминологии. Анна именует своего отца также «великим доместиком» (I, 7, стр. 69; I, 8, стр. 72), «великим доместиком схол» (I, 5, стр. 66), «доместиком западных войск» (II, 1, стр. 92) и даже «доместиком западных и восточных войск» (VII, 2, стр. 206). Этот последний титул, по мнению Е. Штейна, Анна приписывает отцу по ошибке (Stein, *Untersuchungen...*, S. 51, Anm. 2. Ср. также: Guilland, *Le Domestique des Scholes)*.

В других источниках Алексей называется «доместиком Запада» или «доместиком западных схол» (Attal., p. 250; Nic. Br., IV, 2), «архонтом западных тагм» и «дукой Запада» (Attal., p. 299), «великим доместиком» (Zon., XVIII, 18) и «великим доместиком всего Запада» (Anon. Syn. Chron., p. 177),

Согласно свидетельству Никифора Вриенния (Nic. Br., I, 3), во времена Комниных доместиков схол стали называть «великими доместиками». (О титуле доместика см.: Guilland, *Le grand domesticat à Byzance*, pp. 53–64; Laurent, *Le grand domesticat*, pp. 65–72.)

[66] *Турки ... заняли почти всю территорию, расположенную между Эвксинским Понтом и Геллеспонтом, между Эгейским и Сирийским морями, Саросом и другими реками, особенно теми, которые протекают по Памфилии и Киликии и впадают в Египетское море* – Των Τούρκων ... περισχοντων, οσα Ευξεινου πόντου εστι, μεταξυ και Ἑλλησπόντου και Αιγαίου τε και Συριακοῦ πελάγους [και] Σάρου τε και των αλλων και μάλιστα οπόσοι Παμφυλίαν τε και Κίλικας παραμείβοντες ες το πέλαγος εκπίπτουσι το Αιγυπτιον. Текст явно испорчен. Σάρου – конъектура Бьюри (Bury, *Some notes*..., № 7), принятая Б. Лейбом. В F συρ... и лакуна. Το Αιγύπτιον Бьюри считает вставкой неграмотного переписчика.

[67] *Бессмертные* – отряд ромейского войска, образованный при Михаиле VII и названный так по образцу персидской конницы (см.: Oman, A history of the art of war, *I, p. 28; Скабаланович*, Византийское государство и церковь в XIв., *стр. 327– 328).*

Подробно об организации этого отряда рассказывает Никифор Вриенний (Nic. Br., IV, 4; ср. Attal., p. 243).

[68] *Хоматинцы* – уроженцы Хомы (к северо-западу от Апамеи; см. Buckler, *Anna Comnena*..., p. 363, n. 7). Отряд хоматинцев в византийской армии нередко упоминается в «Алексиаде» и в других источниках (см. Скабаланович, *Византийское государство и церковь в XI в.*, стр. 328–329).

[69] Под кельтами здесь следует понимать норманнов (см.: Nic. Br., IV, 4; Attal., p. 253).

[70] Двухтысячный сельджукский отряд был послан Вотаниату никейским султаном Сулейманом и его братом Масуром (Nic. Br., IV, 2).

[71] Ἐπει δε ανδρας και αμφοτέρους γενναίους εις πόλεμον ο λόγος κατεστήσατο... Б. Лейб переводит эту фразу следующим образом: «После того как в моем рассказе были представлены эти два героя – оба одинаково храбрые на поле брани...». Однако в оригинале заключен иной смысл: «После того как мой рассказ подвел к битве этих храбрых мужей...». Ср. I, 16, стр. 90.

[72] Иоанн Вриенний – куропалат и доместик схол у мятежников (см. прим. 63).

[73] Георгий Маниак – талантливый полководец, поднявший в Южной Италии мятеж против Константина IX Мономаха; погиб в 1043 г. По сообщению Скилицы (Skyl., p. 720), норманны, которые были завербованы Георгием Маниаком, а после поражения последнего поступили на службу к императору и остались в Константинополе, назывались маниакатами. Ср. слова Вриенния (Nic. Br., IV, б): «Эту фалангу составляли франки, которые были выведены знаменитым Маниаком из Италии...» (см. также

«маниакаты» – Ал., VII, 9, стр. 222).

[74] *Этерия* – отряд личной гвардии императора, составленный большей частью из иностранцев. Отряд находился под командованием этериарха (Bury, *The imperial administrative system...*, p. 106).

[75] Тарханиоты – известный в XI в. род. В начале XI в. некий Григорий Тарханиот – катепан (наместник) Италии. См. Guillan, Holtzmann, *Zwei Katepansurkunden aus Tricario*, S. 17.

Незадолго до описываемых событий упомянутый у Анны Тарханиот перешел на сторону мятежников и породнился с домом Вриенниев (Nic. Br., III, 7). «Он был молод, – пишет Вриенний, – но разумней и умней кого бы то ни было».

[76] Эта фраза свидетельствует о том, что Анна подчас небрежно излагает данные Никифора Вриенния. Согласно Никифору (Nic. Br., IV, 6), центр фаланги составляли «фракийская и македонская знать и отборная часть фессалийской конницы».

Лексические совпадения текста Никифора и Анны (αρχοντικόγ, οσον επίλεκτον и др.) показывают, что Анна, стремясь точно следовать Никифору, извращает смысл его слов. Подобного рода неточности встречаются в «Алексиаде» и в дальнейшем (см. Любарский, *Об источниках...* стр. 104 и сл.).

[77] Фессалийские скакуны наряду с арабскими высоко ценились византийцами XII в. (см., например, свидетельства Продрома – PG, 133, col. 1336, 1407).

[78] Термином «скифы» византийские авторы обозначали народы, жившие в Северном Причерноморье и на левобережье Дуная. В данном случае имеются в виду печенеги. Об их участии в этой битве говорит Атталиат (Attal., p. 280; см. также: Скабаланович, *Византийское государство и церковь в XI в.*, стр. 122; Златарски, *История...*, II, стр. 160). Печенеги, разгромленные в 1036 г. киевским князем Ярославом, откочевали на запад, к границам Венгрии и Византии. С середины XI в. они неоднократно нападали на византийскую территорию, в то же время византийское правительство постоянно предпринимало попытки использовать печенежские отряды как союзные войска (см. Расовский, *Печенеги, торки и берендеи...*, стр. 7–8).

[79] У Вриенния – Константин Катакалон (Nic. Br., IV, 7). Может быть, это Константин Евфорвин Катакалон, чей сын Никифор стал в дальнейшем мужем Марии, дочери Алексея.

[80] В описании расположения, а также сражения мятежных и императорских войск Анна допускает искажение текста сочинения

Вриенния (Nic. Br., IV, 7). У Никифора Вриенния на две части (спрятанную и стоящую открыто) разделено войско Вриенния Старшего, у Анны – Алексея. У Вриенния отряд Алексея обрушился на наступающее войско Вриенния Старшего «как бы из засады» (ωσπερ απο ενέδρας) и чуть было (μικρου δεῖν) не обратил в бегство неприятеля. В «Алексиаде» отряд Алексея действительно выскакивает из засады и действительно обращает в бегство воинов Вриенния Старшего. Видимо, под сидящим в засаде отрядом Алексея Анна подразумевает ту часть ромейского войска, которую, по ее словам. Алексей поместил в лощинах. Но, как мы видели, это плод домыслов или ошибки писательницы.

[81] Как и многие другие византийские писатели, Анна пользуется для обозначения воинских значков (знамен) древним термином σημεῖον. ДоIX в. воинские значки обычно назывались βάνδον, затем φλάμουλον. Значки, как правило, находились при командирах и, видимые отовсюду, указывали воинам на местоположение их начальника (см. Grosse, *Die Fahnen in der römisch-byzantinischen Armee*, Ss. *359–372)*.

[82] Ромфеи – короткие однолезвенные мечи (см. Weiss, *Kostümkunde*, *II*, Ss. 117–119).

[83] Эта образная сцена – целиком плод художественного воображения Анны, которая вообще драматизирует рассказ Вриенния (см. Предисл., стр. 41–42).

[84] Анна в предыдущей главе уже упоминала о турках. Согласно Михаилу Атталиату (Attal., p. 289), турки принимали участие в битве с самого ее начала. Может быть, имеется в виду новый турецкий отряд? Ведь у Никифора (Nic. Br., IV, 2) Сулейман и Масур, отправив своих воинов на помощь Вотаниату, обещали вскоре прислать новое подкрепление.

[85] *Верность* (τας πίστεις). Греч. πίστις соответствует лат. fides (фр. foi). Франки приносят присягу вассальной верности Вриеннию. О ритуале этой церемонии см. Bloch, *La société féodale*..., pp. 223–227).

[86] οι αμφι τον εμον πατέρα και τους νεήλυδας Τούρκους Б. Лейб переводит: «...офицеры моего отца и командиры вновь прибывших турок», но это неверно, ибо οι αμφι τους Τούρκους (досл.: «окружающие турок») никак не может означать «командиры турок». Τους νεήλυδας Τούρκους в данном случае прямое дополнение к θεασάμενοι ("видя").

[87] В сочинении Никифора Вриенния (Nic. Br., IV, 13) на Никифора Вриенния Старшего бросается не «второй турок», а «первый турок с отрубленной рукой» (ο πρωτος την χεῖρα υπ’ αυτοῦ εκτμηθείς).

[88] В тексте лакуна: пропущено название места (см. Предисл., стр. 28).

[89] Ил., XIV, 398.

[90] Ил., II, 2.

[91] Борил, по словам Вриенния (Nic. Br., III, 22), был одним из ближайших к Никифору III лиц, которому император пожаловал высокие титулы протопроедра (об этом титуле см. Diehl, *De la signification du titre «proèdre»*; ср. Svoronos, *Recherches sur le cadastre*..., p. 68) и этнарха (т. е. начальника союзнического войска. См. Скабаланович, *Византийское государство и церковь в XI в.*, стр. 345). По словам Вриенния, Борил был «скифом или мисийцем» (т. е. болгарином), Анна называет его славянином (II, I, стр. 91). В. Златарский предполагает половецко-болгарское происхождение Борила (см.: Златарски, *Потеклото на Петра и Асеня*...; Скабаланович, *Византийское государство и церковь в XI в.*, стр. 128 и сл.).

[92] Версию о том, что инициатором ослепления Вриенния был Алексей, поддерживает враждебный Алексею Зонара (Zon., XVIII, 19). Следует отметить, что современник этих событий, панегирист Вотаниата Атталиат (Attal., pp. 291–292) сообщает, что Вриенния ослепили палачи, посланные Вотаниатом. Таким образом, в данном случае у нас нет оснований не доверять сообщению Анны.

[93] Магистр и протопроедр Василаки был назначен дукой Диррахия после Никифора Вриенния Старшего. Во время восстания Никифора (осень-зима 1077*8 г.) Василаки под предлогом борьбы с мятежником собрал большое войско, куда входили норманнские, болгарские, франкские, а позднее и печенежские отряды. Примерно в марте Василаки занял Фессалонику и открыто восстал против Вотаниата (см.: Attal., pp. 297–300; Nic. Br., IV, 16–28; Skyl., pp. 739–741; Zon., XVIII, 19; Glycas, IV, p. 617; Guil. Ap., IV, 88–121. Ср. Скабаланович,* Византийское государство и церковь в XIв., *стр. 122–123).*

[94] Т. е. к Фессалонике.

[95] Тифон – страшное чудовище греческой мифологии.

[96] Т. е. Эгейское море. О Вардаре см. Дуйчев, *Едно кратко описание*...

[97] С. Пападимитриу («Феодор Продром», стр. 120,прим. 15; стр. 258), ошибочно датировавший рождение Продрома 1070– 1075 гг., неверно отождествляет этого Иоанникия с одним из адресатов Продрома.

[98] εν τε ενθυμήμασι και επιχειρήμασι досл.: «В энтимемах и эпихиремах», т. е. «в предположительных и сжатых умозаключениях» (термины Аристотеля). Вряд ли, однако, Анна употребляет эти слова в их строгом научном значении.

[99] Аристофан, *Облака*, 192.

[100] Об этой военной хитрости Алексея и о ночном бое рассказывается также у Вильгельма Апулийского (Guil. Ap., IV, 93–121).

[101] Ил., III, 362–363.

[102] Торники – знатный византийский род, находившийся в родстве с армянским царским домом Таронитов. Владения Торников находились в Македонии. В 1047 г. Лев Торник, опираясь на адрианопольских феодалов, пытался овладеть престолом, но его войско было разбито (см. о нем: Дуйчев, *Проучвания...*, стр. 30 и сл.). О Петре Торнике (возможно, потомке Льва Торника) других сведений нет (см. Adontz, *Les Taronites à Byzance*, p. 35 sq.).

[103] Вриенний (Nic. Br., IV, 26) называет Мануила племянником Василаки.

[104] Куртикий был родом из Адрианополя (V, 5, стр. 167). Анна упоминает его в числе участников заговора Анемадов (XII, 5, стр. 330). Вриенний называет его племянником Никифора Вриенния Старшего. Род Куртикиев, возможно, армянский; некоего Куртика из Армении упоминает продолжатель Феофана (Theoph. Cont., p. 383).

[105] У Вриенния (Nic. Br., IV, 27) роль посредника исполняет Симеон, игумен Ксенофонтова монастыря на горе Афон. Психологически ошибка Анны легко объяснима: писательница помнит из «Истории» Вриенния (своего единственного источника в этой части «Алексиады»), что посредником был монах, но путает его с уже упоминавшимся Иоанникием.

[106] Внутренняя часть большинства византийских городов представляла собой крепость, которую именовали иногда на античный лад акрополем, иногда же – восточным термином «куле» (qule см. Moravcsik, *Byzantinoturcica*, II, S. 166; ср. еще Wittek, *The Castle of Violets...*, p. 605, n. 9). *Кекавмен рекомендует феодалу собрать в куле съестные припасы, достаточные для его семьи, рабов и свободных слуг, и в случае восстания горожан обороняться в акрополе (Cec., p. 63 sq.). Василаки как раз и действовал в соответствии с советом Кекавмена. Фессалоникский акрополь находился в восточной части города, на склонах холма (см. Tafrali;* Topographie de Thessalonique*, p. 81 sq.).*

[107] απο ταυτης εις εκείνην εφάλλεται Б. Лейб переводит: «прыгая с места на место».

[108] Анна дает античные названия известных в древности городов на берегу Эгейского моря. Ф. Дэльгер ошибочно говорит о Филиппополе вместо Филипп (Dölger, *Regesten...*, 1039).

[109] *Хлебина* (Χλεμπινα), у Никифора Вриенния (Nic. Br., IV, 28) –

Χεμπινα. Это, возможно, славянское наименование.

[110] По словам противника Алексея, Зонары (Zon., XVIII, 19), Василаки был ослеплен самим Алексеем по приказу императора. Эти события датируются летом 1078 г. (Dölger, *Regesten...*, 1039).

[111] По мифу, Геракл поймал живым страшного Эриманфского вепря, опустошавшего Аркадию.

Сравнение героя с Гераклом – распространенный прием в византийской литературе этого времени. Атталиат уподобляет Гераклу Никифора Вотаниата (Attal., p. 235. Ср. Μιχαηλ Ἀκομινάτου τα σωζόμενα, 1, σελ. 312, 324).

[112] Титул севаст («священный», в прошлом эпитет римских императоров), широко распространенный в правление Комниных, был введен еще до воцарения Алексея. Скабаланович («Византийское государство и церковь в XI в.», стр. 151) знал лишь двух севастов того времени: Алексея Комнина и его брата Исаака. Несколько раз этот титул упоминает Пселл: так, севастом назван им племянник патриарха Михаила (Кирулярия), по-видимому, великий друнгарий Константин (Psellos, *Scripta minora*, II, 254 – письмо написано, должно быть, после смерти Константина X Дуки, при Евдокии, т. е. в 1067 г.). Севастой названа неизвестная нам по имени теща какого-то императорского племянника (Sathas, *Bibl. gr.*, V, p. 369); υπερσέβαστος κεφαλή именует Пселл кесаря Иоанна Дуку (PG, 122, col. 1172). Таким образом, титул этот был довольно распространен в третьей четверти XI в. (ср. также Bréhier, *Les institutions...*, p. 139), о пожаловании Алексею титула севаста сообщают также Атталиат (Attal., p. 299) и Вриенний (Nic. Br., IV, 28). Согласно Атталиату, Алексей носил этот титул уже во время войны с Василаки.

[113] Анна начинает рассказ о знаменитом Роберте Гвискаре (годы жизни 1015–1085).

[114] После захвата Бари норманнами в 1071 г. византийцы, осознав мощь Норманнского государства, стали стремиться к союзу с Робертом Гвискаром, рассчитывая получить от него помощь для борьбы с сельджуками. Правительство Михаила VII Дуки готово было скрепить союз династическим браком: дочь Роберта Елена была привезена в Константинополь как невеста юного Константина Дуки, сына и номинального соправителя Михаила (впоследствии Константин былженихомАнны). После прихода к власти Никифора Вотаниата положение изменилось: феодальная аристократия, окружавшая этого императора, не одобряла норманнских симпатий Михаила VII. Низложенного императора даже обвиняли в том, что он собирался предать

страну норманнам. Дочь «тирана» изолировали от ее жениха, остававшегося и при Вотаниате наследником престола, и бросили в византийской столице без средств к существованию. Естественно, что эти обстоятельства были использованы Робертом как предлог для вмешательства в византийские дела (см. об этом: Безобразов, *Хрисовул императора Михаила VII Дуки*; поправки Kurtz, BZ, 9, 1900, S. 280; Bibicou, *Une page d'histoire diplomatique...*, p. 43 sq.;ср.Mathieu, *Guillaume de Pouille...*, pp. 306, 352).

[115] Мать Анны, Ирина, была дочерью Андроника, сына кесаря Иоанна Дуки (см. прим. 13).

[116] Никифор Вриенний постоянно говорит о легкомыслии Михаила Дуки и о его неспособности заниматься государственными делами (Nic. Br., II, 1–2).

Яростно нападает на Михаила, предоставившего управление государством своему фавориту Никифорице, Михаил Атталиат (Attal., pp. 184, 187, 200, 211 и др.). Атталиат несколько тенденциозен (ему надо противопоставить Михаилу Никифора Вотаниата), но время царствования Михаила действительно ознаменовалось рядом неудач во внешней и внутренней политике империи.

[117] Ср. описание Константина: Ал., I, 12, стр. 78–79; III, 1, стр. 117.

[118] Дж. Баклер смущает то обстоятельство, что Анна говорит «одним дыханием» о брачном контракте Константина и Елены и о своих собственных несчастьях. Поэтому она предлагает перефразировать это предложение следующим образом: «Я не буду больше говорить о Константине; его жизнь и смерть имеют прямое отношение к печальной истории моей жизни, и прежде чем я перейду к ней, я должна кратко упомянуть о несчастном брачном контракте между Константином и Еленой и рассказать о войне, которая была его следствием и которая кончилась гибелью норманнских тиранов» (Buckler, *Anna Comnena*, p. 37).

Думается, что мысль Анны не нуждается ни в какой поправке. Писательница говорит не только о брачном контракте, но вообще о Константине и его качествах, а участь этого юноши, действительно, тесно была связана с судьбой Анны.

[119] Благочестивая христианка, Анна считает, что исход тех или иных событий и судьбы людей зависят от божественного промысла (πρόνοια). В то же время она нередко упоминает и о τύχη – судьбе, случае, определяющих жизненный путь человека. В употреблении этих понятий у разных авторов XII в. наблюдается определенное различие. Есть основания полагать, что в это время происходили споры о судьбе и промысле

(подробно см. Любарский, *Мировоззрение...*, стр. 166– 167). Как следует из этого места «Алексиады», ссылка на «течение событий» (η φόρα των πραγμάτων – в данном случае синоним τύχη) для Анны – признак недостаточного благочестия (см. Предисл., стр. 37–38).

[120] Роберт был одним из двенадцати сыновей Танкреда Готвилльского (родословную его см. Ducange, *In Alex.*, pp. 426–428).

[121] Ср. Skyl., p. 720: «Роберт был., коварен, вспыльчив и обладал тираническими наклонностями».

[122] В тексте лакуна. Думается, что это одна из лакун, оставленных самой Анной. Видимо, писательница стремится нарисовать портрет Роберта и умышленно делает пропуск для последующего выяснения (см. Предисл., стр. 28).

[123] Роберт покинул Нормандию в конце 1045 или начале 1046 г. (см. Chalandon, *Histoire de la domination...*, I, p. 115).

[124] Лонгивардия (Λογγιβάρδια) – область Южной Италии, в прошлом византийская фема. Анна употребляет это название не всегда географически определенно и чаще всего понимает под Лонгивардией всю территорию Южной Италии, занятую норманнами.

[125] τον Μασκαβέλαν – имя Маскавела больше не встречается ни в каких источниках.

[126] Φρούριον – по-русски «крепость», «тюрьма».

[127] Рассказ Анны о женитьбе Роберта и о его распре с тестем носит легендарный характер. В действительности, Роберт женился на Сигельгаите (или Сишельгаите, как ее называют западные историки; у Анны она фигурирует под именем Гаиты), дочери салернского князя Гвемара V, сестре его наследника Гизульфа II, в 1058 г. (дата сообщается в Malat., I, 30–31). Гвемар был убит заговорщиками в 1052 г. (Chalandon, *Histoire de l α* domination..., I, pp. 132–133). История, сообщаемая Анной, наверняка является версией факта, действительно имевшего место. Аналогичным образом обошелся Роберт с Петром – богатым правителем южноитальянского г. Бизиньяно (см.: Сес., p. 35; Василевский, *Советы и рассказы...*, стр. 288– 291; ср. Malat., I, 17; Aimé, *L'Ystoire de li Normant...*, p. 75; последняя хроника имеется и в более новых изданиях, нам недоступных; ed. O. Delarc, *Rouen 1891*; ed. Vincenzo de Bartholomaeis, Padoue, 1935; см. также Lemerle, *Prolégomènes à une édition...*, pp. 72–73).

[128] Папа Николай II в августе 1059 г. провозгласил Роберта Гвискара герцогом Апулии, Калабрии и Сицилии (последняя ему фактически не принадлежала). См. Chalandon, *Histoire de la domination...*, p. 170.

[129] Ал., I, 10, стр. 75.

[130] Согласно византийскому обычаю, дочери Роберта после помолвки дали другое имя (см.: Skyl., p. 720; Zon., XVIII, 17).

[131] Плач по усопшему – в оригинале μονωδία. Монодия – литературное произведение на смерть какого-либо лица. В других случаях (XV, 5, стр. 411 и др.) Анна утверждает, что следование принципам монодии влечет за собой нарушение законов истории. Еще резче противопоставляет Анна жанры истории и энкомия (см. прим. 350). Требования соблюдать жанровую чистоту исторических произведений встречаются также у других византийских писателей XI-XII вв. (например, у Пселла и Кедрина – см.: Psellos, *Chronogr*., I, p. 127; Cedr., I, p. 3). Эти требования восходят к историографическим теориям античности (Диодору, Полибию, Лукиану и др.). Начиная с X в. в византийскую историографию все больше начинают проникать ораторские приемы. Возможно, что выступления Анны в защиту чистоты историографического жанра имеют определенную полемическую направленность (ср. Предисл., стр. 31).

[132] Согласно византийскому праву, формальная помолвка с церковным освящением не могла быть совершена до 14 (самое меньшее до 12) лет (см. Zachariae von Lingenthal, *Geschichte..., S. 75). Константин Дука, родившийся около 1074 г. (см. Leib,* Un basileus ignoré*, p. 343), был в момент своей помолвки с Еленой еще младенцем.*

[133] Лжемихаил объявился летом 1080 г. Некоторые западные источники называют его императором (Lup. Protosp., s. a., 1080; Ord. Vit., III, 4; Dandolo, p. 248), другие упоминают о нем как о самозванце (Malat., III, 13; Guil. Ap., IV, 162– 170; Rom. Salern., s. a. 1080). О новоявленном Михаиле говорится также в письме папы Григория VII к епископам Апулии и Калабрии от 25 июня 1080 г. (Jaffe, *Regesta...*, 5178). Судя по этому письму, папа открыто взял сторону Роберта в его конфликте с Византией. Подробно история этого Лжемихаила рассказывается у Малатерры и Ордерика Виталия (ср. Mathieu, *Guillaume de Pouille...*, pp. 314–315).

[134] Кесарь Иоанн Дука (о котором еще неоднократно будет идти речь), брат императора Константина X Дуки, – весьма колоритная фигура в византийской истории того времени. В государстве он играл вторую роль после императора. Состоявший с кесарем в переписке Михаил Пселл восхищался его умом, высокими чувствами и практичностью (PG, 122, col. 1181–1185). После смерти Константина Иоанн Дука становится воспитателем его детей, в том числе и будущего императора Михаила. В период правления Романа Диогена Иоанн отходит от государственных дел

и даже отправляется в изгнание. Однако сразу же после низвержения Романа Диогена в 1071 г. кесарь вновь принимает самое активное участие в решении судеб империи. Благодаря стараниям Иоанна Дуки на престол возводится его воспитанник и племянник Михаил. Во время возвышения Никифорицы – фаворита слабовольного Михаила VII – кесарю приходится опять удалиться в Малую Азию. В 1073 г. вместе со своим сыном Андроником Иоанн участвует в походе против Руселя, попадает в плен, и Русель провозглашает его императором (см. прим. 32). Выкупленный из плена Михаилом, в страхе перед наказанием Иоанн принимает постриг. Однако на этом не заканчивается политическая карьера кесаря. Источники этого времени (Михаил Атталиат, Никифор Вриенний, Продолжатель Скилицы, Зонара) неоднократно упоминают его имя. Кесарь – постоянный вдохновитель всевозможных интриг и инициатор политических браков. Кесарь – ловкий и неутомимый интриган, его действия отличаются смелостью, решительностью и размахом. Такой образ Иоанна Дуки создает и «Алексиада». Дата смерти кесаря неизвестна, его имя исчезает со страниц наших источников после 1081 г. Причина понятна: хотя кесарь и присоединился к перевороту Комниных 1081 г., тем не менее, как свидетельствует Анна (III, 6, стр. 126 и сл.), главную роль в государстве играла старая противница Дук – Анна Далассина. Видимо, для Иоанна при дворе Алексея не нашлось места. Судя по замечанию Анны (II, 7, стр. 103), что ей приходилось немного видеть Иоанна, он умер не раньше конца 80-х годов.

Кесарю Иоанну Дуке посвящена специальная статья Б. Лейба (Leib, *Jean Doukas...)*.

[135] В оригинале непереводимая игра слов: имя монаха – Ῥαίκτωρ, и Анна называет его ρέκτης των ῾απανταχοῦ τολμηρότατος («выдумщик всевозможных каверз»). Этимологизация имен – весьма частый прием византийских писателей, в том числе и Анны.

[136] Несмотря на схизму 1054 г., Анна, как и большинство других писателей второй половины XI и XII вв., продолжает ощущать единство христианского мира перед лицом иноверцев. Во время правления Алексея I еще предпринималась попытка ликвидировать разделение церквей (см.: Гроссу, *Церковно-религиозная деятельность*..., стр. 502 и сл.; Holtzmann, *Die Unionsverhandlungen*..., Ss. *38–67)*.

Однако Анна не упускает случая отметить недостойное поведение представителей западной церкви и противопоставить им византийский клир. Так, Анна подробно, и не совсем достоверно, описывает чудовищные издевательства, которым подверг папа Григорий VII послов германского

императора (см. Ал. I, 13, стр. 82), и удивляется тому, что епископы крестоносного войска своим поведением скорее напоминают воинов, нежели священнослужителей (X, 8, стр. 282) и т. д. Все эти замечания, разбросанные по страницам «Алексиады», имеют одну цель: убедить читателя в необходимости установления главенства восточной церкви. Эту мысль Анна высказывает и прямо (см. I, 13, стр. 82 и прим. 147).

[137] Котрона (др. Кротон на побережье Калабрии) – один из центров греческого монашества в Южной Италии. Роберт Гвискар, который получил во владение бывшие византийские области Апулию, Калабрию и Сицилию, старался привлечь на свою сторону греческое население и поэтому оказывал покровительство православному монашеству. Папский престол старался латинизировать старые греческие монастыри, аРоберт организовал в Сицилии новый греческий монастырь (см. Протасов, *Греческое монашество...*, стр. 65 и сл.).

[138] *Великих апостолов*, т. е. Петра и Павла. Нам неизвестно о существовании церкви этих двух святых в Риме. Может быть, подразумевается собор св. Петра. В Риме была также церковь св. Павла; возможно, Анна имеет в виду не церковь, а церкви великих апостолов.

[139] В 1073 г. Амальфи была покорена Робертом, однако до этого она, действительно, некоторое время находилась под властью Салернского принципата (см. Pontieri, *Tra i normanni*..., p. 401 sq.).

[140] У Роберта было по крайней мере 6 дочерей (см. Villars, *Les normands*..., p. 166). Анна в данном случае говорит о Матильде – жене Раймунда Беранже II графа Барселоны (у Анны Ῥαιμούντω τω υιω κόμητος) и о Сибилле – жене Эбала, графа Руси (у Анны τω Ευβούλω. См.: Chalandon, *Histoire de l* α domination..., I, p. 283; Mathieu, *Guillaume de Pouille*..., p. 311). Следующий рассказ Анны о Роберте Гвискаре и его войнах с Византией очень напоминает эпизоды «Деяний Роберта Гвискара» Вильгельма Апулийского. Вопрос о причинах сходства произведений греческой писательницы и латинского поэта по-разному решался различными исследователями. Р. Вильманс настаивает на существовании общего письменного источника; Е. Остер, которому, видимо, осталась неизвестной работа Вильманса, говорит об общем устном источнике; К. Крумбахер просто ссылается на Вильманса; Ф. Шаландон осторожно упоминает о письменных или устных рассказах, послуживших источником для обоих авторов. В самое последнее время в предисловии к своему изданию поэмы Вильгельма М. Матье вообще отрицает наличие какого бы то ни было общего источника. Сравнение текстов Анны и Вильгельма показывает следующее. 1. Порядок следования

материала в обоих произведениях примерно одинаков. Сходство в расположении материала особенно ярко проступает в тех редких случаях, когда Вильгельм в своем повествовании отступает от хронологической канвы. В соответствующих местах «Алексиады» мы встречаемся с таким же нарушением хронологической последовательности. 2. У обоих авторов можно обнаружить одинаковые ошибки, отсутствующие во всех прочих источниках. 3. В некоторых эпизодах наблюдается явное лексическое соответствие между текстами Вильгельма и Анны. Поскольку возможность прямого влияния одного автора на другого исключена по хронологическим и языковым соображениям, остается, вопреки мнению М. Матье, предположить наличие общего письменного источника. Если в передаче фактического материала между Анной и Вильгельмом различий сравнительно мало, то в оценках событий византийский историограф и итальянский поэт расходятся кардинально. В отдельных случаях можно даже наблюдать, как одно и то же место источника дает Анне и Вильгельму повод для одинаковых по смыслу, но совершенно различных по освещению эпизодов (например, приготовления Роберта в 1080–1081 гг. к походу на Византию).

Судя по ряду противоречий, характерных для анализируемого отрывка «Алексиады» и отсутствующих у Вильгельма, Анна обращалась и к какому-то иному источнику западного происхождения. (Подробно см. Любарский, *Об источниках...*, стр. 110–117.)

[141] Григорий VII Гильдебранд (1073–1085). Обращает на себя внимание тот факт, что Анна ни разу не называет по имени ни одного из пап, упомянутых ею.

[142] *Германским королем Генрихом* Анна называет императора Генриха IV (1056–1106). Византийские писатели отказывались признать за западными властителями императорский титул.

[143] Анна рассказывает о знаменитой борьбе между Григорием VII и Генрихом IV по вопросу об инвеституре. До 1075 г. право церковной инвеституры (т. е. утверждения духовного лица в должности и сане и передачи ему церковных земель) принадлежало светским властям. Григорий VII отобрал у светских властей эту привилегию, и в результате началась длительная борьба между империей и папством, закончившаяся лишь в 1122 г. Вормским конкордатом. Анна говорит в данном случае об обвинениях в симонии, которые неоднократно выдвигал Григорий VII против Генриха IV (см. Delarc, *Saint Gregoire VII...*, pp. 129–201; Schmeidler, *Kaiser Heinrich IV und seine Helfer...*; Неусыхин, *Исторический миф...*, стр. 83–91).

[144] Речь идет о посольстве Генриха IV к Григорию VII во главе с епископом Роландом в феврале 1076 г. На церковном синоде Роланд обратился к Гильдебранду с требованием оставить папский престол (см. Delarc, *Saint Grégoire VII*..., p. 203 sq.).

[145] Речь идет о 330 г., когда Константин Великий перенес столицу из Рима в Константинополь.

[146] Так мы переводим греч. η των θρόνων αρχιερατικη τάξις.

[147] Анна имеет в виду 28-й канон Халкидонского собора 451 г., где устанавливалось, что «град, получивший честь быти градом царя и синклита и имеющий равные преимущества с ветхим царственным Римом, и в церковных делах возвеличен будет подобно тому» (см. Wuyts. *Le 28ième canon de Chalcédoine*..., pp. 165–182). Анна, однако, не обращает внимания на то, что 28-й канон прямо провозглашает: в церковном отношении Константинополь должен быть вторым после Рима – δευτέρον μετ’ εκείνην υπάρχουσαν (см. «Правила св. вселенских соборов», ч. I, стр. 203 и сл.). Это соглашение по сути дела знаменовало победу Константинополя над Александрией, патриарх которого претендовал на роль «папы Востока». В комментариях на 28-й канон современник Анны Зонара решительно высказался против тех, кто силится доказать, что будто константинопольский патриарший престол имеет не меньшие права, чем римский: предлог μετά «после» следует понимать не во временном значении, а в смысле понижения. О Халкидонском соборе см. Grillmeier, H. Bacht, *Das Konzil von Chalkedon*, I-III. Ср. Dölger, *Byzanz und europäische Staatenweit*..., Ss. 110 sq.

[148] Совершив это επειδη ταῦτα πεπραχώς, А. Райффершайд предлагает ονείδη вм. επειδή, т. е. «нанеся такую обиду».

[149] Анна имеет в виду встречу Роберта и Григория VII в июне 1080 г. (см. Delarc, *Saint Grégoire VII*.. ., p. 521 sq.). Но состоялась она не между Беневентом и Салерно, как думает Анна, а в Кепрано на севере Кампании. В Беневенте Роберт и папа виделись в августе 1073 г. (Delarc, *Saint GrégoireVII*..., p. 23; Mathieu, *Guillaume dePouille..., pp. 311– 312). Между этими двумя встречами отношения Роберта с папой были весьма напряженными. Норманнский вождь неоднократно совершал набеги на папские области, а Григорий VII дважды предавал Роберта анафеме (выше Анна упоминала о враждебном отношении папы к Роберту). См. Villars,* Les Normands..., *pp. 133–137.*

[150] Ландульфом Анна называет Рудольфа Швабского, графа Рейнфельдского, восставшего против Генриха и избранного германским королем в марте 1077 г. Вельф IV – с 1070 г. герцог Баварский. О том, что

Рудольф и Вельф были вызваны к папе, можно заключить также со слов Вильгельма Апулийского (Guil. Ap., p. 46–47). Однако М. Матье в примечании к этому месту «Деяний Роберта Гвискара» ставит под сомнение возможность свидания Григория VII с германскими вождями в это время. Упоминание об этом свидании двух разных памятников еще ни о чем не говорит, ибо сведения Анны и Вильгельма восходят к одному источнику (см. прим. 140).

[151] После упоминавшегося Анной посольства Генриха к Григорию VII германский император вынужден был смириться и даже совершить в январе 1077 г. покаянное путешествие в Каноссу. Однако Генрих вымолил себе у папы лишь отпущение грехов и снятие отлучения, но не восстановление на троне. Поэтому борьба вспыхнула вновь. В этой войне папа опирался на значительную часть немецкого епископата и на южнонемецких герцогов (см. Неусыхин, *Исторический миф...*, стр. 85).

[152] Тимоф., V, 22.

[153] Представления Анны о борьбе Генриха IV с саксонцами весьма туманны. Битва, в которой был смертельно ранен Рудольф (у Анны – Ландульф), произошла 1 октября 1080 г. при Гогенмользене на р. Эльстер (см. Meyer von Knonau *Jahrbucher...*, Ss. 644–652).

[154] В одном из писем, датированном маем 1081 г., римский папа сообщает о слухах но поводу предполагаемой женитьбы сына Роберта Гвискара Конрада на дочери Генриха (Jaffe, *Monumenta Gregoriana*, pp. 485–486).

[155] Gp. Guil. Ap., IV, 178: «Послы ушли без всякого результата».

[156] Ирод – иудейский царь (40–4 гг. до н. э.), славившийся жестокостью. В библейской легенде рассказывается, как Ирод, узнав о рождении Христа, умертвил всех младенцев в Вифлееме.

[157] *Брата, занимавшегося земледелием* – αδελφον γεωργον (в Ер. вм. γεωργόν – νέον, т. е. «юного»). Бьюри (Bury, *Some notes...*, № 9) предлагает «объединенный» вариант, т. е. «или юного брата, или земледельца».

[158] См. выше, I, 13, стр. 84.

[159] Рожер Борса – старший сын Роберта и Сигельгаиты, в дальнейшем наследник Роберта (Chalandon, *Histoire de la domination...*, I, pp. 283, 285 sq.).

[160] Так Анна Комнина называет Роберта Лорителло. Но это не сын, как думает писательница, а племянник Роберта. Дюканж (Schopen, Reifferscheid, *Annae Comnenae...*, p. 69) предлагает читать Λοριτύλαν τον αδελφιδοῦν («племянником Лорителло»).

[161] Ср. Guil. Ap., IV, 186. Под Апулией Анна подразумевает все

владения Роберта. По словам Вильгельма Апулийского, «Рожер был поручен графу Роберту и Гирарду» (Roberto comiti committitur atque Girardo – Guil. Ap., IV, 195). Роберт – это Роберт Лорителло (см. прим. 160), Гирард, согласно характеристике Вильгельма, – «вернейший друг» Роберта Гвискара.

Интересно, что выше (I, 13, стр. 84) Анна утверждала, будто Роберт отказался помогать папе. Это не единственное противоречие в этой части «Алексиады», являющееся, видимо, результатом контаминации сведений, полученных из разных источников (см. прим. 140).

[162] Анна ошибается: Боэмунд – старший, а не младший сын Роберта, единственный сын от первой жены Роберта Альберады (Malat., I, 30; Guil. Ap., IV, 209–210). Боэмунд – злейший враг Византийской империи. В дальнейшем Анна неоднократно рассказывает о нем самом и о его войне с Византией. О Боэмунде см.: Безобразов, *Боэмунд Тарентский*; Yewdale, *Bohemund* I... *(нам недоступна).*

[163] Ср. Иоиль, I, 4.

[164] См. прим. 127.

[165] Япигия – древнее название части Апулии, населенной греческими колонистами.

[166] Рассказ об этом посольстве содержится только в «Алексиаде». Исследователи по-разному идентифицируют упомянутого Анной Рауля. Ф. Шаландон (Chalandon, *Essai*..., p. 64, n. 2) считает, что это Рауль Понтуас (см. прим. 515). Форс (Force, *Les conseillers*..., pp. 161–162) полагает, что упомянутый ниже брат Рауля Рожер – это Рожер, сын Дагоберта, поставивший свою подпись под Девольским мирным договором императора Алексея с Боэмундом (Ал., XIII, 12, стр. 372).

[167] Титул эксарха нередко встречается на страницах «Алексиады», но, как правило, не имеет четкого значения. Под эксархами Анна чаще всего подразумевает высших должностных лиц, «непосредственных представителей императорской власти» (Schlumberger, *Sigillographie*..., p. 514).

[168] Византий – античное название Константинополя. Анна нередко пользуется архаическими названиями.

[169] См. прим. 166.

[170] Здесь и в других аналогичных случаях Анна говорит о восстании (αποστασία). Хотя Лонгивардия уже долгое время не принадлежала Византии, византийцы, как известно, считали своей собственностью все земли, входившие когда-либо в круг их владений. Так, например, и Николай Мистик в послании 92, датируемом 912 г., говорит о восстании

варваров и болгар (см. Каждан, *О начале второй болгаро-византийской войны*, стр. 25).

[171] В западных источниках приводятся иные данные о числе воинов Роберта: у Ордерика Виталия – 1000, в «Краткой норманнской хронике» и у Петра Диакона – 15 тыс. (Chalandon, *Histoire de la domination...*, p. 268).

[172] В тексте Νικοπόλεις (множественное число).

[173] Отсюда начинается парижская рукопись «Алексиады» – Cod. Coislinianus (C).

[174] Это утверждение Анны противоречит указаниям западных хронистов, согласно которым Роберт отплыл не из Бриндизи, а из Отранто (см.: Malat., III, 23; Rom. Salern., s. a. 1081; Ord. Vit., VII, 4).

[175] Солнце минует созвездие Козерога в середине декабря. В дальнейшем (см. прим. 406) писательница говорит, что переправа происходила в летнее время. В данном случае, видимо, Анна ошибается. Малатерра (Malat., III, 23) утверждает, что норманнское войско отплыло в мае 1081 г. Автор анонимной хроники (Anon. Bar. Chron., s. a. 1081) датирует отплытие флота мартом того же года.

[176] Ср.: Guil. Ap., IV, 136; Malat., III, 23; Lup. Protosp., s. a. 1081. По свидетельству анонимной барийской хроники (Anon. Bar. Chron., s. a. 1081), Роберт занял Корфу 10 мая 1081 г.

[177] На этом посту Георгий Мономахат сменил восставшего Василаки (см. Скабаланович, *Византийское государство и церковь в XI в.*, стр. 160).

[178] Борил и Герман – фавориты Никифора Вотаниата (о Борили см. прим. 91). Об их могуществе при дворе Вотаниата сообщают также Продолжатель Скилицы (Skyl., p. 743) и Зонара (Zon., XVIII, 19).

[179] Об аланах Анна неоднократно говорит на страницах своей Истории. Потомки древних сарматов, аланские племена жили на Северном Кавказе (см. Кузнецов, *Аланские племена Северного Кавказа)*. В X-XI вв. они представляли большую политическую силу и, по-видимому, занимали часть территории Северного Причерноморья.

Византийские императоры нередко пользовались помощью алан в борьбе с врагами: болгарами, турками и др. Аланы входили в состав войска, боровшегося против турок под командованием Исаака и Алексея Комниных (Nic. Br., II, 12–13). Шеститысячный аланский отряд примерно в то же время был набран Михаилом VII (Nic. Br., II, 19; см. также Кулаковский, *Аланы по сведениям классических и византийских писателей*, стр. 53–56).

[180] В оригинале досл.: «... получив письменные предписания о поясе дуки». Известно, что особый пояс был инсигнией носителей титулов

новелиссима, куропалата и магистра (см. Беляев, *Byzantina*, II, стр. 52–53). Согласно этому свидетельству Анны, передача пояса символизировала и сопровождала акт назначения на пост дуки.

[181] Пиги, или монастырь Живоносного источника, был расположен за городской стеной у ворот Пиги (см. Janin: *Constantinople byzantine*, p. 413; *La géographie...*, pp. 232–237).

[182] Анна имеет в виду Константина Бодина и его отца, зетского князя Михаила (см.: Петров, *Князь Константин Бодин*; Јиречек, *История срба I*, стр. 135 и сл.; «История Болгарии»,I, стр. 116 и сл.).

Михаил и Бодин весьма враждебно относились к Византии. В 1072–1073 гг. Бодин возглавил болгарское восстание против ромейского владычества и даже был провозглашен болгарским царем под именем Петра (см. Литаврин, *Болгария и Византия...*, стр. 402 и сл.).

У Анны это – первое упоминание о сербах, которых писательница, как и большинство византийских авторов, называет далматами. В дальнейшем Анна несколько раз возвращается к рассказу о сербах. Хотя ее сведения чрезвычайно фрагментарны, а географические представления неточны, рассказ Анны является нашим главным источником по истории Сербии конца XI-начала XII в. (см. Предисл., стр. 23).

[183] Вриенний (Nic. Br., I, 1) начинает родословную Комниных с Мануила, который был современником Василия II Болгаробойцы и посредником в заключении мирного договора с мятежным феодалом Вардой Склиром (см. прим. 1069). Сыновьями Мануила были Исаак Комнин, будущий император, и его брат Иоанн, отец Алексея I. По мнению Г. Мурну (Murnu, *L'Origine de* /Comnegrave;ne), *Комнины происходили из села Комна в Македонии, однако его попытка считать этот род валашским не обоснована источниками. Исаак Комнин, подняв в 1057 г. восстание против Михаила VI, действовал как признанный вождь византийской феодальной аристократии (Psellos*, Chronogr., *II, p. 20), опиравшейся преимущественно на малоазийские фемы. Напротив, Алексей Комнин, действовавший в ту пору, когда восточные области были уже заняты сельджуками, видит свою опору прежде всего в македонской феодальной знати.*

[184] Иоанн Комнин – отец Алексея, младший брат императора Исаака, куропалат и великий доместик (Skyl., p. 642). У Иоанна и его жены Далассины было пять сыновей – Мануил, Исаак, Алексей, Адриан, Никифор и три дочери – Мария, Евдокия, Феодора.

[185] См. прим. 29.

[186] Исаак был дукой Антиохии с 1074 до 1078 г. В Антиохию он был

послан в связи со смертью прежнего дуки Иосифа Траханиота и начавшимся волнением среди антиохийцев, возглавляемых патриархом Эмилианом. Исаак хитростью изгнал Эмилиана из города и отправил его в Константинополь. Находясь в Антиохии, Исаак вел борьбу с турками, попал в плен и был выкуплен антиохийцами (Nic. Br., II, 28–29; Skyl., p. 718).

[187] См. Ал. I, 1, стр. 57 и сл.

[188] Об интригах Борила и Германа см. также Zon., XVIII, 20; Nic. Br., Praef; Anon. Syn. Chron., p. 172.

[189] *Своей двоюродной сестре* – επι τη ιδία εξαδέλφη. Слово εξαδέλφη может означать как «двоюродная сестра», так и «племянница». Ф. Шаландон (Chalandon, *Essai*..., p. 27) ссылается на Броссе, по мнению которого жена Исаака, Ирина, была дочерью Деметрия, брата Баграта IV, отца императрицы Марии.

[190] Мифологические герои, связанные узами тесной дружбы.

[191] Обычай усыновления, хорошо известный в древнеримском праве (adoptio), был распространен и в Византии, где акт усыновления сопровождался определенным церковным ритуалом (см. Zachariae von Lingenthal, *Geschichte*..., Ss. 116–118). Судя по словам Вриенния (Nic. Br., IV, 2), Мария усыновила Алексея, еще до того как будущий император выступил против мятежника Вриенния.

[192] Προσκύνησις – восходящий к языческому ритуалу обычай поклонения императору, состоявший то в коленопреклонении, то в более скромных жестах (поклон и т. п.). В X в., согласно Константину Багрянородному, проскинисис сопровождал каждый торжественный выход императоров, каждый утренний прием. В дальнейшем проскинисис становится привилегией, далеко не всем доступной (см. Treitinger, *Die oströmische Kaiser- und Reichsidee*..., Ss. 84–90). Анна имеет в виду обычай византийской знати являться во дворец, чтобы приветствовать василевса.

[193] По мнению Б. Лейба (Leib, *Alexiade*), речь идет о сыне Феодула Синадина, женатого на сестре Никифора (Skyl., p. 743). Кроме того, Продолжатель Скилицы упоминает членов синклита – неких Александра и Кавасилу Синадинов, провозгласивших Никифора Вотаниата императором (Skyl., p. 726). О Синадине – дочери Феодула, выданной замуж в Венгрию, см. Каждан, *Из истории византийско-венгерских связей*..., pp. 163–166.

[194] См. прим. 61.

[195] Римл., XII, 15.

[196] *Могущественных рабов*... – так мы переводили греческое παραδυναστεύοντας δούλους. В эту эпоху слово παραδυνασ τεύων

употребляется не только в обычном смысле «могущественный», но и как terminus technicus в применении к различным высшим должностным лицам (см. Beck, *Der byzantinische Ministerpräsident*, S. 330 sq.).

[197] Еврип – пролив между Евбеей и Беотией, еще в античности знаменитый тем, что в течение суток его несколько раз наполняли потоки воды, которая затем быстро убывала. См. RE, VI, col. 1281 sq.

[198] В данном случае – турки. Агарянами средневековые писатели часто называют турок и арабов; последние, согласно легенде, происходили от Агари – наложницы библейского патриарха Авраама.

[199] *Магистр* – до конца IX в. высший византийский титул, присваивавшийся не членам императорской фамилии (Bury, *The imperial administrative system...*, p. 31 sq.). На протяжении X и особенно XII в. значение титула магистр постепенно падает, и он уступает место проедру и другим титулам (см. Скабаланович, *Византийское государство и церковь в XI в.*, стр. 153). Чин магистра жаловался и иностранным феодалам: так, император Роман дал его Димитрию, отец которого был абхазец, а мать аланка (Skyl., p. 503). С конца XI в. титул магистра, как и другие старые титулы, исчезает: алан, упомянутый Анной, – последний магистр, известный византийским авторам.

[200] *Домашний* (οικείος) в эту эпоху по своему значению приближается к terminus technicus и встречается в документах. Так, в одном из документов (см. Rouillard, Collomp, *Actes de Lavra*, p. 111) логофет дрома, проедр Иоанн назван οικείος ανθρωπος (т. е. «домашним человеком»).

[201] Анна на античный манер определяет время по «стражам ночи». В течение ночи происходили четыре смены караула (их продолжительность менялась в зависимости от времени года), и ночь соответственно разбивалась на четыре отрезка, которые носили название: «первая стража ночи», «вторая стража ночи» и т. д.

[202] Григорий Бакуриани – в будущем великий доместик (см. ниже, IV, 6, стр. 150) и севаст. Анна ошибочно называет его армянином. На самом деле Бакуриани происходил из знатного грузинского рода. Происхождение и карьера Бакуриани стали известны благодаря опубликованию типика монастыря, основанного им в 1083 г. близ Филиппополя. Этот типик был составлен на греческом, грузинском и армянском языках (рукопись, содержавшая греческий и грузинский тексты, исчезла в 80-х годах XIX в., армянский текст не дошел вовсе). Новейшее издание греческого текста см. Kauchtschischvili, *Typicon*. Имя Бакуриани упоминается также в императорских хрисовулах. Бакуриани погиб в 1086 г., сражаясь с печенегами (Al.,VI, 14, стр. 202). См. о нем Katičić, Αι προς Πακουριανους

επιστολαι..., σελ. 386 εξ. Ср. Шанидзе, *Страница из историята...*, стр. 98–104.

[203] Ил., V, 801.

[204] Умбертопул – сын Умберта Готвилльского, поступившего на службу к византийцам, племянник Роберта Гвискара (см. Force, *Les conseillers...*, p. 164).

[205] Щедрость считалась в то время непременным качеством византийских императоров. Так, например, Атталиат порицает Михаила VII за скупость и неоднократно с восторгом говорит о необыкновенной щедрости Вотаниата, считая ее чуть ли не главным достоинством императора (см. Attal., pp. 4, 255 sq., 261 sq., 263 sq.).

[206] Согласно древнегреческому мифу, фригийский царь Мидас получил от Диониса способность превращать в золото все предметы, к которым он прикасался. В результате Мидас чуть не умер от голода.

[207] 14 февраля 1081 г. Сырное воскресенье, т. е. воскресенье сырной недели, последней недели перед пасхой, когда христианам позволяется есть масло, сыр и пить молоко.

[208] Анна приводит текст народной песенки, а затем передает ее содержание на литературном языке. В. Шмидт (его мнение приводится в предисловии к изданию Reifferscheid, *Annae Comnenae...*, pp. XIII-XIV) и С. Д. Пападимитриу («Две народные песни у Анны Комниной», стр. 281–287) считают, что песенка состоит из двух политических стихов. Восстанавливая ее текст, ученые расходятся в деталях, но одинаково понимают смысл.

[209] Janin, *Constantinople byzantine*, pp. 67–69.

[210] Ibid., pp. 303–304.

[211] Наиболее знаменитый из константинопольских храмов (см. Janin, *La géographie...*, pp. 471–485). Чаще всего этот храм фигурирует у Анны, как и у других византийских писателей, под названием «Великая церковь».

[212] Этот храм лучше известен под названием церкви Сорока мучеников. Он находился между площадью Константина и ипподромом (см. Janin, *La géographie..., pp. 499–500). Таким образом, восставшие, выйдя из Большого дворца, все вместе двинулись на северо-запад, к площади Константина, затем мужчины продолжили путь по центральной улице Константинополя (* η Μέση) к Влахернам, а женщины отправились по той же улице, но в обратном направлении – к храму св. Софии. По дороге их настиг наставник Вотаниата.

[213] *Убежище* (Προσφύγιον). По мнению Р. Жанена (Janin, *La*

géographie..., pp. 382–383), Анна имеет в виду церковь или часовню Николая, входившую в ансамбль храма св. Софии.

[214] В Византии, так же как и в западноевропейских странах, церковь имела право убежища (см. «Две византийские хроники», стр. 136).

[215] Скорее всего это Роман Страворомaн – протопроедр, великий этериарх, родственник Вотаниата (см.: Nic. Br., IV, 2; Skyl., p. 735; Zon., XVIII, 19). Известны еще два Страворомана (Мануил и Никифор), жившие примерно в это же время. Мануил – автор поныне неизданной речи к Алексею Комнину, Никифор – эпитафии отцу. Вряд ли прав К. Крумбахер, высказывающий предположение об идентичности одного из них упомянутому Анной (К. Крумбахер не знает об упоминании Страворомана Вриеннием, Продолжателем Скилицы и Зонарой). См. Krumbacher, *Geschichte*..., S. 464.

[216] Греч. εγκόλπιον («крестик») – амулет, который носили на груди.

[217] Ирина, см. прим. 189.

[218] См. Janin, *La géographie*..., pp. 410–411. По сообщению Зонары (Zon., XVIII, 21), Вотаниат поместил женщин в монастыре Каниклия (у Золотого Рога, см. Janin, *La géographie*. ... pp. 286–287).

[219] *Железные ворота* (η Σιδηρά). В Константинополе известны трое ворот под таким названием (Janin, *Constantinople byzantine*, pp. 388–389). Имеются в виду ворота, находившиеся у Золотого Рога, около Петрия.

[220] Влахернский храм богородицы – одна из наиболее древних и знаменитых константинопольских церквей. Церковь находилась в районе Влахерн (см. Janin, *La géographie*..., pp. 169–179).

[221] Т. е. жена протовестиария.

Имеется в виду Мария, жена Андроника, сына кесаря Иоанна Дуки. Мария происходила из болгарского царского рода и приходилась внучкой последнему болгарскому царю Ивану-Владиславу (см. Златарски, *История*..., II, стр. 134 и сл.). Связь Комниных с потомками болгарской династии не случайна: тетка Марии, дочь Ивана-Владислава, Екатерина, была замужем за Исааком I Комниным (там же, стр. 123). С восторгом пишут о красоте Марии Вриенний (Nic. Br., III, 8) и Анна. Одна из дочерей Марии, Анна, была замужем за Георгием Палеологом, другая, Ирина, – за Алексеем Комниным (Nic. Br., III, 6). Н. Скабаланович («Византийское государство и церковь в XI в.», стр. 172, прим. 10) принимает Марию за жену кесаря Иоанна Дуки и, основываясь на тексте «Алексиады», ошибочно утверждает, что в Византии были дамы-протовестиарии на службе у императриц.

[222] В тексте σιτωνες (дословно «нивы»). Однако в данном контексте

слово в этом значении кажется странным. Может быть, Анна употребляет его вместо σιτωνικά или σιτώνια («хлебные хранилища»).

[223] *У переднего вала Влахерн* (περι το βραχιόνιον των Βλαχερνων). Крепость (барбакан) в северной части Влахерн, образованная стеной Ираклия и стеной Льва (Janin, *Constantinople byzantine*, p. 249).

[224] Монастырь рядом с Константинополем (Janin, *La géographie...*, pp. 296–300).

[225] Георгий Палеолог – свояк Алексея (см. прим. 221). Начиная с комниновской эпохи семья Палеологов дала Византии немало даровитых и энергичных людей. С 1261 до 1453 г. династия Палеологов владела императорским престолом. О Георгии и первых Палеологах см. Laurent, *La généalogie des premiers Paléologues*.

[226] Никифор Палеолог; см.: Ал., II, 11–12; Nic. Br., II, 19. В 1081 г. Никифор был византийским наместником в Месопотамии, где вместе с ним находился и его сын Георгий (Nic. Br., III, 15). Никифор был убит под Диррахием (Ал., IV, 6, стр. 152).

[227] *Он был очень обижен на то, что Комнины проявили к нему недоверие* ... – κατονειδίζων την προς εκεῖνον τούτων διαπιστίαν. Б. Лейб переводит эту фразу: «reprochant leur infidélité au souverain» («упрекая их за неверность самодержцу»), считая, что под εκεῖνον подразумевается император. Однако, во-первых, такой смысл не оправдывается контекстом; во-вторых, первое значение слова διαπιστία не «неверность» (как у Б. Лейба), а «недоверие».

[228] Ф. Шаландон (Chalandon, *Essai...*, p. 45) вполне основательно подвергает сомнению верность освещения Анной этих событий. Георгий Палеолог, сторонник участвовавших в мятеже Дук, в момент восстания оказался в Космидии, куда прежде всего явились и Комнины. Более того, как это следует из дальнейшего рассказа Анны, в Космидии были тогда и все деньги Палеолога. Это наводит на мысль, что Палеолог действовал по предварительной договоренности с Комниными.

[229] См. прим. 221.

[230] По сообщению Зонары (Zon., XVIII, 19) Комнины ушли не в Цурул, а в Адрианополь и стянули туда свое войско.

[231] По-видимому, речь идет об Иоанне Дуке, брате Ирины, жены Алексея, будущем дуке Диррахия, о котором Анна неоднократно говорит в дальнейшем.

[232] Т. е. жители Византия (Константинополя).

[233] Ил., XXI, 150; Од., I, 166.

[234] *В казну* (προς τον κοιτωνα). Термин «китон», обозначавший

комнату вообще и императорские покои преимущественно, употреблялся на рубеже XI-XII вв. как название государственной казны (см. Dölger, *Beitrage*..., S. 25, Anm. 3)

[235] Гебр – древнее название р. Марицы.

[236] Орестиада – древнее название Адрианополя. Адрианополь был одним из главных центров восстания Никифора Вриенния. По сообщению Михаила Атталиата (Attal., pp. 247– 248), жители этого города в ноябре 1077 г. восторженно встречали восставшего Никифора. Сообщение Анны, что жители Адрианополя отказались признать Алексея, находится в разительном противоречии со словами Зонары (см. прим. 230), согласно которому именно Адрианополь был местом, куда Комнины стянули свое войско.

[237] Афира – крепость на реке того же названия, расположенная в 15 *км* западнее Регия (совр. Кючук-Чекмедже). См. Златарски, *История*..., I, стр. 275, бел. 4.

[238] См. прим. 134.

[239] Михаил Дука в дальнейшем был назначен протостратором (Ал., V, 7, стр. 170; VII, 3, стр. 210; VIII, 4, стр. 234). Иоанн – будущий дука Диррахия.

[240] Ср. Zon., XVI II, 20: «Императором был провозглашен Алексей, и ему было отдано предпочтение перед старшим братом, ибо воины склонились на его сторону, во-первых, потому что Алексей был искусней в военном деле; во-вторых, потому что близкие Алексея завлекали воинов обещаниями и знаками внимания».

[241] Пурпурные сандалии были инсигниями императора. Облачение в пурпурные сандалии являлось актом провозглашения и соответствовало коронации (см. Treitinger, *Die oströmische Kaiser- und Reichsidee*..., S. *25, Anm. 3) даже без надевания диадемы.*

[242] Карпиан (Τά Καρπιανοῦ) – район Константинополя на берегу Золотого Рога. См. Janin, *Constantinople byzantine*, p. 342.

[243] Псалт., XLV 5.

[244] Т. е. Иоанну Евангелисту. В Евангелии от Марка (XIV, 33) Иоанн и его брат Яков названы «сыновьями грома».

[245] *Славословиями* (ευφημία) сопровождалось провозглашение императоров. Эти славословия имели определенный ритуал и могли даже обладать юридической силой (см.: Bréhier, *Les institutions*..., pp. 76–81; Treitinger, *Die oströmische Kaiser- und Reichsidee*..., S. 35 sq.).

[246] История соперничества Исаака и Алексея – один из наиболее ярких примеров того, как факты, сообщаемые писательницей, подчас

опровергают ее же собственные утверждения. Ведь совсем недавно Анна говорила о горячей любви братьев друг к другу, сравнивала их с Орестом и Пиладом, а, как следует из настоящего рассказа, во взаимоотношениях братьев были весьма острые моменты.

[247] Отпрыск знатного византийского рода Никифор Мелиссин был женат на сестре Алексея, Евдокии. В 1079 г. Мелиссин поднял восстание против Вотаниата, привлек на свою сторону турок и объявил себя императором. Борьба с Мелиссином была поручена Алексею, но последний отказался от борьбы, ссылаясь на свое родство с мятежником. Это дало повод недоброжелателям обвинить Алексея перед Вотаниатом. Во главе войска, выступавшего против Мелиссина, был поставлен евнух Иоанн, под началом которого находились Георгий Палеолог и Василий Куртикий. Войско Иоанна осадило Никею, где обосновался Мелиссин, но вынуждено было отступить (Nic. Br., IV, 31– 39).

Сообщения о Мелиссине содержатся также в трудах армянских историков (Матфея Эдесского и Вардана), ошибочно утверждавших, что Мелиссин в течение нескольких месяцев царствовал после Вотаниата (см. Скабаланович, *Византийское государство и церковь в XI в.*, стр. 124–125).

[248] Дамалис – полуостров Малой Азии, расположенный напротив Константинополя.

[249] Требование Никифора Мелиссина разделить империю весьма знаменательно; оно свидетельствует о том, что феодальные магнаты в XI в., так же как и за столетие до этого (восстание Варды Фоки и Варды Склира против Василия II), вынашивали планы расчленения Византии (ср. Ostrogorsky, *History...*, p. 309).

[250] *Кесарь* – до конца XI в. высший в Византии титул, который жаловали обычно близким родственникам императора (см.: Скабаланович, *Византийское государство и церковь в XI в.*, стр. 149 и сл.; Guilland, *Le cesarat)*. Из подробного описания обряда посвящения в кесари, которое дает Константин Багрянородный [Const. Porph., *De cerim.*, I, 52 (43)], мы узнаем, что кесарю полагались аккламации и венцы (τα στέμματα).

[251] Самая большая и знаменитая церковь Фессалоники. Она была построена в V в. и посвящена св. Димитрию – легендарному защитнику и покровителю Фессалоники, якобы умершему мученической смертью в этом городе в царствование Максимилиана (285–305). В церкви находился мраморный саркофаг «святого», источавший целебное миро. Во время раскопок в 1917 г. в стене была найдена свинцовая трубка, из которой истекало благовонное масло (см. «Две византийские хроники», стр. 215, 227).

[252] *Хрисовул* – один из типов императорских грамот. Он имел определенную форму и часто скреплялся печатью с изображением императора. Хрисовул собственноручно красными чернилами подписывал император (см.: Яковенко, *Исследования в области византийских грамот*, стр. 64 и сл.: Dölger, *Byzantinische Diplomatik, S*. 39 sq.).

[253] Термином υπογραφεύς (или υπογραμματεύς) чаще всего обозначались служащие приказов или секретов (см. Скабаланович, *Византийское государство и церковь в XI в.*, стр. 178, прим. 12). В настоящем случае речь идет о личном секретаре императора. По данным житийной литературы секретарями императоров бывали отпрыски знатных и богатых семейств (см. Рудаков, *Очерки византийской культуры...*, стр. 202).

[254] В оригинале непереводимая игра слов: имя секретаря Алексея μαγγάνης, глагол, переведенный нами «морочить голову», – μαγγανεύω.

[255] Согласно Р. Жанену, холм и дворец Ареты находились в трех километрах к западу от Константинополя (Janin, *Constantinople byzantine*, p. 137).

[256] *Гелеполы* – осадные машины, изобретенные Димитрием Полиоркетом. Гелепола представляла собой высокую башню на катках, на этажах которой располагались камнеметные орудия и таран. Л. Бобчева («Въоръжението...», стр. 69), ссылаясь на Никиту Хониата, рассказывающего, как гелеполы ставились на крепостную стену, предполагает, что в XII в. под гелеполами подразумевали просто камнеметные орудия. Однако в данном случае Анна говорит о гелеполах и камнеметных орудиях. Рассказывая об осаде Диррахия (IV, 1, стр. 141), Анна различает гелеполы, камнеметные орудия (τα λίθόβολα μηχανήματα) и огромную деревянную башню (μοσύνα). Эта последняя, судя по описанию, больше всего напоминает античную гелеполу. Таким образом, у Анны гелепола – это не простое камнеметное орудие, но и не гелепола в античном смысле этого слова. Камнеметные орудия упоминаются и в других византийских источниках, они применялись как для наступления, так и для обороны (см. Бобчева, *Въоръжението...*, стр. 69).

[2 57] Кесарь Иоанн Дука.

[258] См. прим. 134.

[259] *Abba* (Ἀββας) – арамейское слово («отец»), встречающееся в Новом Завете. В Византии оно повсеместно употреблялось по отношению к монахам.

[260] О варягах на службе византийских императоров см.: Васильевский, *Варяго-русская и варяго-английская дружина в*

Константинополе; Dendias, οι Βαράγγοι και το Βυζάντιον. Название Фула не было географически определенным в Византии; византийцы называли так самые различные северные страны.

В дальнейшем (II, 11, стр. 113) Анна называет этих воинов варварами с острова Фула. Б. Лейб (Leib, *Alexiade*, I, p. 98) считает, что это британцы. Однако современник Анны, Цец, говорит об огромном острове Фула, явно подразумевая под ним Скандинавию (Tzetzes, Chil., VII, 717–719).

[261] Немцы (Νεμίτζοι) – одно из наименований германцев у византийских авторов (наряду с Γερμανοί, Ἀλαμανοί *см.* Irmscher, *Byzantinisch-deutsche Beziehungen..., S. 236).*

Немцы на службе Византийской империи упоминаются в документах этого времени, см. Rouillard, Collomp, *Actes de Lavra*, pp. 100–111; ср. Dölger, *Aus den Schatzkammern...*, S. *29.*

[262] Родина семьи Вотаниатов – фема Анатолик, а отряд бессмертных был набран из выходцев азиатских фем (см. Скабаланович, *Византийское государство и церковь в XI в.*, стр. 328).

[263] То, что город предали Комниным немцы, охранявшие стену у Харисийских ворот (см. Janin, *Constantinople byzantine*, pp. 263–264), подтверждают также Зонара (Zon., XVIII, 20), Глика (Glycas, IV, p. 618) и Скутариот (Anon. Syn. Chron., p. 173). О предательстве немцев сообщается также в западных источниках (у Ромуальда Салернского, Дандоло, Ордерика Виталия). Ромуальд Салернский называет начальника немецкого отряда magistrum militum Arnonem; у Дандоло – Ammonii magistri militum (см. Скабаланович, *Византийское государство и церковь в XI в.*, стр. 130, прим. 2).

[264] 1 апреля 1081 г. Имеется в виду четверг пасхальной недели (см. Иоанн, *Обрядник византийского двора...*, стр. 169).

[265] Войдя через Харисийские ворота, воины Комниных сразу оказывались на центральной улице Константинополя (η Μέση); они могли быстро пройти по ней к Церкви св. Апостолов, Филадельфию и дальше, в восточную часть города, где было сконцентрировано большинство церквей и общественных зданий.

[266] Зонара (Zon., XVIII, 21) так описывает сцены грабежа города: «Это была смешанная толпа фракийцев, македонцев, ромеев, варваров. По отношению к своим соплеменникам они вели себя хуже врагов, и дело дошло до кровопролития. Они оскверняли дев, посвятивших себя богу, и насильничали над замужними женщинами, они вытаскивали украшения из божьих храмов и не щадили даже священных сосудов... Встретив сенаторов, они стаскивали их с мулов, а некоторых раздевали и пускали

полуголыми по улицам. И это происходило в течение целого дня».

[267] В XI в. спафарий был одним из последних чинов византийской табели о рангах (см.: Скабаланович, *Византийское государство и церковь в XI в.*, стр. 156; Guilland, *Le protospathaire*, pp. 286–287).

[268] По-видимому, Георгий Палеолог переправляется через Золотой Рог к Галате (см. Janin, *Constantinople byzantine*, p. 418).

[269] См. Janin, *Constantinople byzantine*, pp. 286–287.

[270] Большой, или священный, дворец был главной резиденцией византийских императоров до эпохи Комниных. С конца XI в. все большее значение приобретает Влахернский дворец. Постройка Большого дворца началась еще при Константине Великом и непрерывно продолжалась при последующих императорах. Ко второй половине X в. этот дворец занимал уже огромную площадь (около 100 тысяч *кв. м)* и представлял собой целый комплекс зданий, галерей, дворов, садов и т. д. (см.: Ebersolt, *Le Grand Palais de Constantinople...; Janin*, Constantinople byzantine, *pp. 107–122).*

[271] На самом деле у Гомера эти слова произносят Эвмей (Од., XVI, 23) и Пенелопа (Од., XVII, 41).

[272] *Варваров с острова Фулы* – τους απο της Θούλης βαρβάρους. В С вм. βαρβάρους – βαράγγους, т. е. «варягов».

[273] По А. Мордтманну (Mordtmann, *Esquisse topographique..., pp. 21–22) это поле находилось между Харисийскими воротами и Церковью св. Апостолов. Об эпитете «Сикеот» в применении к св. Георгию см. Buckler,* Anna Comnena..., *pp. 75–76.*

[274] Этот частный дом был расположен около акрополя (см. Janin, *Constantinople byzantine*, p. 334).

[275] Мидий – своеобразная триумфальная арка, расположенная недалеко от храма св. Софьи (см. Janin, *Constantinople byzantine*, pp. 104–105).

[276] Имеется в виду Косьма I (1075–1081). Как в дальнейшем рассказывает сама Анна, Косьма, убедивший Вотаниата отдать власть Алексею, пришелся не по вкусу Анне Далассине, ибо он держал сторону Дук, которых не любила императрица-мать. В конце концов Косьма был смещен. См. прим. 289.

В связи с интригами Анны Далассины против Косьмы уместно вспомнить жалобы Никиты Хониата и других византийских писателей на то, что императоры пытаются посадить на патриарший престол угодных им лиц (см.: Лебедев, *Очерки истории вазантийско-восточной церкви...*, стр. 217–218; Гроссу, *Церковно-религиозная деятельность...*, стр. 511 и сл).

[277] *С поникшей головой* – απονενευκώς – Б. Лейб переводит «par un chemin detourné», т. е. «по окружной дороге».

[278] Лейб отмечает (Leib, *Alexiade,* I, pp. 174–175), что этого Михаила нельзя, как делает Шопен (Schopen, Reifferscheid, *Annae Comnenae*..., II, p. 727), идентифицировать с Михаилом – внуком кесаря Иоанна (см. Ал., II, 7, стр. 105; VII, 3, стр. 210 и сл.), ибо внук Иоанна был братом жены Алексея, а не мужем его племянницы.

[279] *Логофет секретов* (Λογοθέτης των σεκρέτων) – один из первых случаев упоминания этого титула в византийской литературе. Секреты (τα σεκρέτα) – ведомства, осуществлявшие те или иные функции государственного управления. Логофет секретов – одно из высших должностных лиц в государстве, доверенное лицо императора (см. Diehl, *Un haut fonctionnaire*...). *В дальнейшем этот титул получил наименование* μέγας λογοθέτης «великий логофет», см. рецензию Г. Штадтмюллера на упомянутую статью Ш. Диля (BZ, 34, 1934). Ср.: Semenov, *Über die Ursprung und Bedeutung des Amtes des Logotheten*..., S. 448; Dölger, *Beitrdge*..., S. 18, Anm. 1). Самое раннее упоминание логофета секретов в документах относится к 1088 г., см. MM, VI, p. 57.

[280] *Эпарх* – один из высших гражданских чиновников имперской администрации. Эпарх регулировал хозяйственную жизнь столицы, ему принадлежала высшая судебная и полицейская власть в Константинополе и его окрестностях. Эпарх часто фактически возглавлял правительство. К концу XI в. эта должность начинает терять свое значение (см. Сюзюмов, *Книга Эпарха*, стр. 101–106).

[281] Имя Радин (Ῥαδηνός) происходит от названия деревни Ῥάδη (см. Ἀμάντος, Ῥαδηνός. Статья К. Амантоса известна нам по аннотации в BZ, 31, 1931, S. 423).

[282] Перивлептский монастырь находился в юго-западной части города (Janin, *La géographie..., pp. 227–230).*

[283] О пострижении Вотаниата рассказывают также Зонара (Zon., XVIII, 20) и Скутариот (Anon. Syn. Chron., p. 173).

[284] Размышления об изменчивости судьбы постоянно встречаются у византийских писателей, в том числе у современников Анны. Особенно подробно говорит об этом Михаил Глика в так называемых «Тюремных стихах». По его словам, в мире нет ничего прочного, ничего твердого (Legrand, *Bibliotheque grecque vulgaire*, p. 28 – новые издания нам недоступны). Глика призывает примириться с бедами и думать не о нынешних невзгодах, а о грядущем воздаянии – «там, где сегодня потоки слез, завтра сверкает радость».

[28 5] Од.,XV, 133.

[286] См. Ал.,II, 1, стр. 92.

[287] См. прим. 61.

[288] Название Вуколеон (досл.: «Быколев») первоначально носила скульптурная группа (о которой пишет Анна), а также императорская пристань, у которой она находилась. В дальнейшем Вуколеоном стал именоваться расположенный поблизости дворец (входивший в комплекс Большого дворца). Этот дворец был построен Феодосием II и расширен Никифором Фокой. Фактически это были два дворца. Постройку Феодосия Анна называет «Нижним дворцом», постройку Никифора Фоки – «Верхним» (Janin, *Constantinople byzantine*, pp. 120– 121). Иное суждение высказывает Р. Гийан (Guilland, *Les Palais du Boukoleon*, pp. 67–68), который считает, что «верхним дворцом», или Вуколеоном, Анна называет весь Большой дворец (см. о нем прим. 270). По его мнению, слова Анны свидетельствуют о том, что в ее время весь ансамбль Большого дворца именовался Вуколеоном. С утверждениями Р. Гийана согласиться трудно. Во-первых, Анна неоднократно говорит о Большом дворце и нигде не называет его Вуколеоном; во-вторых, никогда (а это известно и самому Гийану) другие византийские авторы не путали Большой дворец и Вуколеон. Аргументируя свою мысль, Гийан ссылается на текст «Алексиады»: посол прибыл εις τα υπερκείμενα των ανακτόρων – самый верхний дворец (XIV, 6, стр. 390), под которым имеется в виду Большой дворец. Но следует отметить, что υπερκείμενα у Анны не термин, а просто слово, обозначающее положение здания. О статуе, порте и системе зданий Вуколеона см. указанные работы Р. Жанена и Р. Гийана.

[289] Муж Анны Далассины, отец Алексея, Иоанн Комнин отказался, несмотря на уговоры своей жены, от престола, предложенного ему в 1059 г. его братом императором Исааком Комниным. В результате императорская власть перешла от Комниных к Дукам. Властолюбивая Анна Далассина, по-видимому, не желала примириться с мыслью о потере престола и ненавидела Дук (см. Nic. Br., I, 4–5).

Впрочем, Н. Скабаланович («Византийское государство и церковь в XI в.», стр. 91 и сл.) сомневается в правдивости рассказа Вриенния о добровольном отказе Иоанна от престола и, ссылаясь на рассказ Пселла, справедливо утверждает, что власть перешла к Дукам в результате интриг. Однако знаменателен уже сам факт, что Вриенний, который писал по заказу Анны Далассины, считает нужным сочинить эту историю. Он показывает, что Анна стремилась обосновать преимущественное право Комниных на престол перед Дуками (см. также Безобразов, *Михаил Пселл*,

стр. 90 и сл.).

[290] В этом эпизоде нельзя не видеть проявление соперничества Дук и Комниных. Возможно, что сторонники Анны Далассины, отрицательно относившейся к браку своего сына с Ириной, предприняли в данном случае последнюю попытку разлучить венчающегося на царство Алексея с женой.

[291] *Под предлогом Патпрокла* (Πάτροκλον πρόφασιν ταῦτ’ εσχηκώς). См.Ил., XIX, 302; «Жены, оплакивая павшего Патрокла, стенали. С виду казалось, о мертвом, но в сердце – о собственном горе».

[292] В сочинении Вриенния (Nic. Br., III, 25) содержится рассказ о том, как кесарь Иоанн Дука женил ВотаниатанаМарии, несмотря на сопротивление священника, отказывавшегося освятить этот незаконный брак (муж Марии, так же как и прежняя жена Вотаниата, были живы в то время. См. прим. 61).

[293] Апеллес – гениальный афинский скульптор. Фидий – замечательный греческий художник V в. до н. э. [4]

[294] Персонаж греческой мифологии. Голова Горгоны обращала всех смотревших на нее в камень.

[295] Анна ошибается: Вотаниат, добиваясь императорской власти, не находился на Дамалисе, а пребывал в Никее. В Дамалисе стоял со своим войском Никифор Мелиссин (см. Ал., II, 8, стр. 107).

[296] Евдокия – супруга императора Константина X Дуки, а затем Романа Диогена. После поражения Романа Диогена была заключена в монастырь. Ее дочь Зоя в дальнейшем вышла замуж за Адриана Комнина, младшего брата Алексея. О брачных планах Вотаниата см. у Продолжателя Скилицы (Skyl., p. 738) и Зонары (Zon., XVIII, 19). По словам последнего, Никифор сделал предложение Евдокии, но ее отговорили от этого брака некие монахи.

Глухое замечание о Евдокии содержится и у Никифора Вриенния (Nic. Br., III, 25). Когда священник медлил освятить брак Никифора Вотаниата и Марии (см. прим. 292), инициатор этого брака Иоанн Дука стал опасаться, что патриарх «не расторгнет прежнего брака и вновь склонится на сторону Евдокии». Комментатор русского издания «Истории» Вриенния считает, что речь в данном случае идет о Евдокии – прежней жене Вотаниата. Но в «Алексиаде» и указанном месте сочинения Зонары явно говорится о Евдокии – супруге Константина Дуки и Романа Диогена. По сообщению Атталиата (Attal., p. 304), Вотаниат, вступив на престол, оказал Евдокии большие почести. По-видимому, узурпатор Вотаниат, пытаясь придать своей власти вид законности, стремился во что

бы то ни стало жениться на одной из прежних императриц – Евдокии или Марии.

[297] Ал., I, 4, стр. 62.

[298] Торжества, сопровождавшие провозглашение нового императора, закапчивались возложением короны патриархом.

Вопрос об этой церемонии и ее обязательности вызвал большую дискуссию между П. Харанисом, с одной стороны, Ф. Дэльгером и О. Трейтингером – с другой. Этот частный вопрос оказался предметом горячих споров, потому что он тесно связан с общей проблемой, касающейся характера императорской власти и ее отношения с церковью в Византии (см. об этом: Каждан, Литаврин, Удальцова, *Византия и Запад*..., стр. 435 и сл.).

[299] Т. е. в 1075 г.

[300] Иоанн VIII Ксилифин, константинопольский патриарх с 1064 по 1075 г.

[301] Евстратий Гарида – будущий патриарх (1081–1084). Аналогичным образом характеризуют Евстратия Гариду Зонара (Zon., XVIII, 21), Глика (Glycas, IV, p. 619) и Скутариот (Anon. Syn. Chron., p. 182).

[302] Поликлет – гениальный древнегреческий скульптор второй половины V в. до н. э., автор не дошедшего до нас теоретического трактата «Канон». Судя по сохранившимся фрагментам и упоминаниям древних авторов, в своих теоретических построениях Поликлет устанавливал закон пропорциональности частей человеческого тела и придавал этому закону цифровое выражение. Свои теоретические воззрения Поликлет стремился осуществить на практике. Апелляция Анны к канону Поликлета не случайна в период явно усилившегося в XI-XII вв. интереса к античности. Рисуя «идеальные» портреты своих героев, писательница неоднократно говорит о пропорциональном сложении, о соразмерности частей тела (см.: Предисл., стр. 42–43; Любарский, *Мировоззрение*..., стр. 173–174).

[303] Демосфен (Δημοσθένους) – только в С. Б. Лейб оставляет без перевода.

[304] *К Андронику и Константину Дукам* (εις Ἀνδρονίκους εκείνους και Κωνσταντίνους τους Δούκας). Дуки – один из знатнейших византийских родов с конца IX в. По словам Пселла, этот род был блестящим и богатым и писатели его прославляли. «У всех на устах и поныне Андроник, Константин и Панфирий, предки его (Константина X Дуки – *Я. Л.*) по отцовской и материнской линиям» (Psellos, *Chronogr*., II, p. 140). Эти знаменитые Андроник и Константин Дуки, о которых говорят и Пселл и Анна, по-видимому, герои повествования о Дигенисе – стратиг Андроник

Дука и его сын Константин Дука, историческими прототипами которых послужили византийские полководцы начала X в. отец и сын Андроник и Константин Дуки (см.: Сыркин, *Об историчности персонажей «Дигениса Акрита»*, стр. 132 и сл.). Н. Скабаланович («Византийское государство и церковь в XI в.», стр. 86 и сл.) убедительно показал, что у нас нет оснований считать Константина X Дуку и, следовательно, родню императрицы Ирины Дукены потомками Андроника и Константина Дук, действовавших в начале X в. Имена Андроника и Константина Дуки в оригинале стоят во множественном числе. Множественное число имен собственных вместо единственного Анна нередко употребляет в аналогичных случаях. Ср., например: «... роду, который она вела от знаменитых Адриана Далассина и Харона» (в оригинале «Адрианов Далассинов» – Ἀδριανους Δαλασσηνούς и «Харонов» – Χάρωνας – III, 8, стр. 130).

[30] [5] Охота, воинские упражнения, а также игра в мяч (см. Ал., XIV, 4, стр. 383) считались наиболее достойными аристократа занятиями, необходимыми для воспитания императоров. Именно охотой, воинскими упражнениями и игрой в мяч советует заняться Алексею Комнину (правнуку императора Алексея I) Продром. См. Каждан, *Два новых памятника...*, стр. 83, 171–172.

[306] Исаак был дважды в турецком плену: во время похода против турок в 1073 г. (Nic. Br., II, 5) и позже, будучи уже дукой Антиохии (Nic. Br., II, 29; ср. прим. 186).

[307] Ср. сообщение Зонары (Zon., XVIII, 21); «Вступив на престол, Алексей почтил саном кесаря Мелиссина, поднявшего восстание на Востоке, и предназначил ему для местожительства Фессалонику».

[308] См. прим. 250.

[309] Ср.: Zon., XIII, 21; Glycas, IV, p. 617. Титул севастократора сохранился почти до конца Византийской империи и давался только ближайшим родственникам императора. Правда, уже при Мануиле Комнине между императором и севастократором вклинился титул δεσπότης («деспот»). См. Stein, *Untersuchungen...*, S. 31).

[310] Диадема – императорская корона (повязка), вошедшая в употребление еще в период эллинизма (Alföldi, *Insignien und Tracht...*, S. 145 ff.). В данном случае Анна под диадемой подразумевает стемму (το στέμμα), носить которую было привилегией императоров. В XI в. форма стеммы была несколько упрощена и приближена к персидской тиаре (см. Кондаков, *Очерки и заметки...*, стр. 219). Возможно, поэтому Анна в дальнейшем и называет императорскую корону тиарой (VI, 8, стр. 189). В

отличие от императора кесари, а затем и севастократоры, носили στέφανοι (венцы), гораздо более скромные, чем στέμμα (Кондаков, *Очерки и заметки...*, стр. 219).

311 *Протовестиарий* – высокопоставленный сановник, ведавший личным казнохранилищем императора («Две византийские хроники X века», стр. 85).

312 Тароните – известный армянский род потомков Багратидов. В данном случае речь идет о Михаиле Тароните, женатом на сестре Алексея, Марии. При Романе Диогене Михаил Таронит участвовал в борьбе с сельджуками. В дальнейшем Анна рассказывает об участии Михаила в заговоре Никифора Диогена против Алексея (Adontz, *Les Taronites à Byzance*, p. 23 sq.).

313 *Паниперсеваст* (πανυπερσέβαστος) – титул, придуманный Алексеем. В переводе это слово означает «наисвященнейший».

314 *Светлейший Протосеваст* (πρωτοσέβαστος περιφανέστατος). По сообщениям Зонары (Zon., XVIII, 21) и Глики (Glycas, IV, p. 618), Адриан получил сан протосеваста и должность великого доместика.

315 Друнгариями в Византии назывались командующие императорским флотом (см. Bury, *The imperial administrative system...*, p. 109 sq.). Титул великого друнгария флота (μέγας δρουγγάριος τοῦ στόλου) был впервые введен при Алексее (см. Guilland, *Les chefs de la marine...*, p. 219 sq.).

316 Привилегией носить титул севаста (σεβάστος – «священный») до правления Алексея пользовались только императоры. Слово σεβάστος представляет собой греческий перевод латинского augustus. Со времен Октавиана августами назывались римские императоры (ср. прим. 112).

317 *Вводил новшества* – ξενίζων. Ф. Дэльгер (BZ, 29, S. 303) настаивает на переводе: «вызывал удивление».

318 Проведенная Алексеем реформа титулатуры заключалась не только в изобретении новых пышных титулов. Одновременно с введением новых титулов, которые жаловались исключительно близким родственникам императора или членам наиболее знатных фамилий, находившимся в родстве с Комнинами, в правление Алексея практически вышли из употребления основные титулы византийской служилой знати: магистр, анфипат, патрикий и протоспафарий. Следовательно, новая система титулатуры оставила вне аристократических разрядов большую часть константинопольских вельмож (см. Stein, *Untersuchungen...*, S. 29 sq.).

319 День Иоанна Евангелиста – 8 мая. Евдом находился на берегу

Пропонтиды, примерно в 5 *км* к западу от Константинополя (Janin, *Constantinople byzantine*, pp. 408–411; о храме см. Janin, *La géographie..., pp. 275–278)*.

320 Т. е. с августа 1075 г. до мая 1081 г.

321 Dölger, *Regesten...*, 1064 (1081 г., ок. апреля).

322 Манганы – район в восточной части Константинополя (Janin, *Constantinople byzantine*, pp. 355–356), где находился императорский дворец и монастырь св. Георгия, основанный Константином Мономахом (Janin, *La géographie...*, pp. 75–81).

Зонара (Zon., XVIII, 21) подтверждает свидетельство Анны о том, что Мария удалилась в манганский монастырь, и сообщает, что через некоторое время она «частично добровольно, а частично по принуждению» приняла постриг.

323 *За нечестивость этого царя бог расколол его царство*. (См. Книга царств, III,XI, 11). Эти слова употребляются в отношении Соломона, а не Саула.

324 Ср. Лука, VII, 8.

325 *К возвышенному образу жизни* (προς υψηλότερον βίον), т. е. к монашеской жизни.

326 Образ государства-корабля, частый у Анны и других византийских писателей, – излюбленная метафора античной поэзии.

327 По словам Зонары (Zon., XVIII, 21), Анна Далассина «взяла на себя все управление делами» (την των πραγμάτων πασαν διοίκησιν ανεζώσατο), но «из-за монашеского одеяния (δια το ενδυμα το μοναχικόν) не имела никаких знаков императорской власти (παρασήμων μη μετασχοῦσα βασιλικων)". Ιιο сообщению того же хрониста (Zon., XVIII, 24), в дальнейшем Алексей стал испытывать недовольство тем, что его мать безраздельно распоряжается всеми государственными делами, и Анна Далассина, поняв это, ушла в монастырь. Таким образом, если слова το ενδυμα το μοναχικόν («монашеское одеяние») не понимать в метафорическом смысле, то, судя по свидетельству Зонары, Анна Далассина была монашенкой уже в 1081 г. (Анна же говорит лишь о стремлении своей бабки уйти в монастырь).

328 Т. е. в 1081 г.

329 Dölger, *Regesten...*, 1073 (август 1081 г.).

330 Και γαρ τω συγκλητικω καταλόγω αυτης συνούσης μητρος πόθος προέδραμε και υιοῦ πίστις ακεραία συνετηρήθη. Ф. Успенский («История Византийской империи», стр. 100) переводит эту фразу следующим образом: «Любовь матери предшествовала мне в сенаторском звании, и сынóвья преданность оставалась во мне во всей неприкосновенности». Ф.

Успенский понимает υιοῦ как genetivus subjectivus. С этим еще можно было бы согласиться. Но первая часть фразы у Ф. Успенского совершенно непонятна. Нет сомнения, что αυτης – это Анна Далассина. Впрочем причина, побудившая Ф. Успенского к такому переводу, вполне понятна: нам неизвестны случаи, чтобы женщины были занесены в Византии в списки синклитиков. Однако это обстоятельство не дает права менять текст Анны. Надо отметить, что Ф. Успенский при цитировании отрывков из этого хрисовула дает часто неточный перевод.

[331] Скрытая цитата из Иоанна Хрисостома (PG, 48, col. 749).

[332] Термином «Романия» именовалась Восточно-Римская империя в западных, а нередко и в самих византийских источниках.

[333] *Управление ведомствами и делами граждан*. Так мы переводим: η περι της των σεκρετικων τε και πολιτικων πραγμάτων διοικήσεως φρόντις.

[334] *Надежный оплот самодержавия*. В оригинале ... αριστοκρατίας οιον ... οχύρωμα. Слово αριστοκρατίας в этом контексте непонятно. Предлагаем читать αυτοκρατορίας. Это слово трижды встречается у Анны (V, 8, стр. 171; XIV, 4, стр. 383; XV, 11, стр. 425).

[335] *Председателя секретов* (τοῦ προεστωτος των σεκρέτων), по-видимому, логофета секретов.

[336] *Скидки* (συμπαθείας). «Трактат об обложении» X в. определяет симпафию как временное, полное или частичное освобождение от налогов на оставленные земельные участки (см.: Dölger, *Beiträge...*, Ss. *118, 147–148; Осипова*, Системакласм в Византии, *стр. 174–175). В данном случае термин употреблен в более широком значении.*

[337] το κῦρος εξουσι μόνιμον ως παρα τοῦ γαληνίου κράτους της Βασιλείας μου οικονομούμενα και εξ αυτοῦ τοῦ στόματος αυτης τα γραφέντα αποστοματ ιζόμενα.

Опять наше толкование расходится с трактовкой Ф. Успенского, переводящего эту фразу таким образом: «Чтобы все ее распоряжения имели неизменную силу как постановления царства нашего, и как бы написанное было выражением ее собственных слов». Ясно, однако, что αυτης в данном случае может относиться только к η βασιλεία μου.

[338] *Решения и приказы* (λύσεις και προστάξενς). Λύσις – это собственно резолюция императора, ответ на какой-либо запрос, προστάξις – другое наименование простагмы, т. е. письменного распоряжения (Dölger, *Byzantinische Dyplomatik...*, Ss. *46, 48).*

[339] Нам неизвестны случаи, когда на печати изображались бы сразу две евангельские сцены. Печать с Успеньем дошла до нас (Laurent, *Documents de sigillographie byzantine*, № 508).

[340] Принимаем толкование этого места, предложенное Б. Лейбом (Leib, *Alexiade*, I, pp.122–123), Цахариэ фон-Лингенталь, издавший хрисовул Алексея (Zachariae von Lingenthal, Jus..., III, pp. XXIII-XXIV) предложил к этой фразе поправки, которые были приняты Ф. Дэльгером (F. Dölger, рецензия на G. Buckler, *Anna Comnena*, S. 300). Как правило, менологима на документах должна была делаться самим императором (см. F. Dölger, *Byzantinische Dyplomatik...*, S. *195).*

[341] *Преемников* (διαδοχων). Скорее всего речь идет о назначении преемников в случае смерти того или иного чиновника. Некоторые посты в Византии были αδιαδόχοι, т. е. пожизненными (Lemerle, *Prolégomènes à une édition*..., p. 41, n. I).

[342] Имеются в виду прибавки к выплатам чиновникам; см. Rouillard, Δόσις, συνήθεια ...

[343] В «Трактате об обложении» συνήθεια – это налог в пользу государственного чиновника (см. Dölger, *Beiträge* ..., Ss. 60, 122). Но в данном случае Анна, по-видимому, употребляет это слово в более общем значении – «налог».

[344] *Уменьшением или полной отменой жалованья* (σχιδευμους και αποσχιδευμούς). Так понимает эти слова Б. Лейб и другие издатели и переводчики Анны. Иное толкование предлагает Руйар (Rouillard, Δόσις, συνήθεια, pp. 223–224). По его мнению, σχιδευμός – в данном случае синоним εκκοπή (снижение налога), а άποσχιδευμός – εξκουσσεία (экскуссия, т. е. освобождение от налогов).

[345] και ουτε ευθύνην ουτε ηντιναοῦν ανάκρισιν υποπτεύσει νῦν η εις το μετέπειτα παρ’ ουτινοσοῦν των απάντων ουτε τις των εξυπηρετουμένων αυτη η αυτος ο κατα την ημέραν λογοθέτης των σεκρέτων, καν ευλογα καν παράλογα τα πραχθησόμενα δόξη.

Фраза синтаксически запутана. Трудно понять, Анна Далассина не имеет права требовать отчета у помощников или помощники – у Анны Далассины. В первом значении трактуют это предложение Шопен и Лейб, во втором – Доуэс и Успенский. Мы присоединяемся к толкованию Доуэс и Успенского, хотя слова παρ’ ουτινοσοῦν των απάντων в этом случае и остаются непонятными. Такой смысл более соответствует реалиям, ибо трудно себе представить, чтобы император мог гарантировать своим чиновникам непривлечение к ответственности. В отношении же Анны Далассины это вполне естественно.

[346] О том, что Анна Далассина использовала права, данные ей сыном, свидетельствует хотя бы изданный ею хрисовул от 15 июня 1087 г. (MM, V, p. 32 sq.).

[347] По сообщению Зонары (Zon., XVIII, 24), многие люди были недовольны правлением Анны Далассины и приписывали ей несчастья, обрушившиеся на подданных.

[348] Эсхил, *Евмениды*, 848–849.

[349] Ср. восторженную характеристику, которую дает Анне Далассине Феофилакт Болгарский (Gautier, *Le discours*..., pp. 118–119).

[350] Античным термином «энкомий» Анна называет распространенный в Византии жанр похвальных речей в честь определенного лица, чаще всего императора. Противопоставление задач исторического сочинения и энкомия неоднократно встречается в «Алексиаде»; в какой-то мере это – «общее место», заимствованное писательницей у античных историографов (см. Avenarius, *Lukian's Schrift zur Geschichtsschreibung*..., Ss. 13– 16).

Отказываясь на словах писать энкомий, Анна, особенно в характеристике Алексея, часто использует типичные приемы похвальных речей. В то же время настойчивое противопоставление Анной истории энкомию заслуживает внимания и, может быть, имеет полемическое значение. Так, один из предшественников писательницы, Михаил Атталиат, чье сочинение было безусловно знакомо Анне, вводит в свою историю большое похвальное слово Никифору Вотаниату и сам дважды называет его энкомием (Attal., pp. 277, 281). Ср. Предисл., стр. 31.

[351] См. прим. 304. Анна Далассина была дочерью Алексея Харона, императорского чиновника в Италии (Nic. Br., I, 2), по материнской линии она принадлежала к семье Далассиных (о Далассиных см. Скабаланович, *Византийское государство и церковь в XI в.*, стр. 36 и сл.).

[352] Имеется в виду Константин IX Мономах (1042–1055), о котором немало пикантных историй рассказывает М. Пселл (см. Psellos, *Chronogr*., I, pp. 141–145; II, pp. 41–48).

[353] В тексте αρχαιρεσία (т. е. выборы должностных лиц). Но, как известно, в Византии чиновников не избирали, а назначали. Мы исходим из предположения, что Анна использует это слово в значении «собрание»; ср. αρχαιρεσία = comitia (Liddell, Scott, *Lexicon*, s. *v*. αρχαιρεσία), имея под этим в виду ежедневные собрания, т. е. приемы чиновников в императорском дворце (см. о них Беляев, *Byzantina*, II, стр. 1–35).

[354] *Эпихейремами, энтимемами, сравнениями с другими людьми превознести до небес ту, которую хвалит* (τοις επιχειρήμασι και τοΐς ενθυμήμασι και τοΐς προς αλλους συγκρίσεσιν εξογκων εις μέγα την επαινουμένην). Все переводчики Анны толкуют этот текст иначе: «... превознести до небес ту, которую он хвалит за ее дела, мысли и поведение

в сравнении с поведением других». Нам, однако, представляется безусловным, что здесь, как и в других местах своего сочинения, Анна употребляет επιχείρημα и ενθύμημα как terminus technicus. Ср., например, Ал.,I, 8, стр. 71 и прим. 98.

[355] Церковь св. Феклы во Влахернском дворце (см. Janin, *La géographie..., pp. 148–147).*

[356] Т. е. венгров (см. Moravcsik, *Byzantinoturcica,* II, S. 116).

[357] Савроматы – в данном случае печенеги (см. Moravcsik, *Byzantinoturcica*, II, S. 270).

[358] Геты – в данном случае узы (торки). См. Moravcsik, *Byzantinoturcica*, II, S. 111.

[359] Следующий эпизод, по-видимому, представляет собой контаминацию двух событий. Переход по льду Дуная печенеги совершили в конце 40-х годов XI в. Это была первая волна печенежского наступления на Византию, когда северные соседи империи под командованием Тираха впервые перешли ее границы. Об этом наступлении печенегов рассказывается в сочинениях Пселла (Psellos, *Chronogr*., II, pp. 124–125), Скилицы (Skyl., p. 545) и Иоанна Мавропода (Iohannis Euchaitorum..., № 182). Вторжение печенегов Тираха обычно датируется 1048 г. (см. Дуйчев, *Проучвания...*, стр. 35–39). Лишь в недавно появившейся статье А. Каждана («Иоанн Мавропод...», стр. 177 и сл.) поход Тираха датируется 1046– 1047 гг. Поход же Исаака Комнина на печенегов состоялся в 1059 г. О нем повествуют Михаил Атталиат (Attal., pp. 66– 68), Продолжатель Скилицы (Skyl., p. 645) и Зонара (Zon., XVIII, 6). Можно проследить, какими источниками пользовалась Анна и что приводит писательницу к ошибке. Начиная со слов «прежде они жили» (νεμόμενοι πρότερον) и кончая «стали безжалостно грабить города и земли» (δεινως ελήζοντο τας παρακειμένος πόλεις και χώρας) текст Анны представляет собой почти дословное переложение фразы Пселла (Psellos, *Chronogr*., II, pp. 124–125). После этого Пселл пускается в длительные рассуждения о вероломстве «скифов» и уже затем обращается к повествованию о походе Исаака и при этом бегло упоминает о буре, постигшей войско возвращающегося императора (Psellos, *Chronogr*., II, p. 127). Михаил Пселл, современник упомянутых событий, конечно, не мог объединить в один эпизоды разных лет. Рассказ о вторжений печенегов Тираха для Пселла – далекая предыстория похода Исаака Комнина. Однако вольная композиция рассказа Пселла и отсутствие точных хронологических указаний порождают определенную нечеткость повествования, способную ввести в заблуждение читателя, незнакомого с хронологией событий. Следуя неверно понятому ею Пселлу,

Анна заимствует у него эпизод с переходом по льду печенегов Тираха, но, говоря о походе Исаака, отходит от текста «Хронографии», ибо этот эпизод Пселл описывает неподробно. Повествование о походе Исаака у Анны является переложением рассказа об этом событии Продолжателя Скилицы. Рассказ же Продолжателя Скилицы восходит в свою очередь к сообщениям Михаила Атталиата (подробную аргументацию см. Любарский, *Об источниках*..., стр. 107–109).

[360] Триадица (др. Средец) – средневековое название современной Софии.

[361] Т. е. сельджуков.

[362] ...σωστρά τε θύσας εν αυτω χριστιανοιπροσήκοντα. Выражение σωστρα θύειν – «приносить благодарственную жертву за спасение», обычное у античных авторов, звучит странно в устах христианской писательницы. Оно еще дважды встречается у Анны. Видимо, у Анны оно имеет стертый смысл: «возблагодарив бога за спасение». Именно так мы и переводим это выражение в остальных случаях.

[363] *Дромона* – большой военный корабль, на борту которого находилось более двухсот гребцов и несколько десятков воинов. *Триера* (корабль с тремя рядами гребцов) и *диера* (корабль с двумя рядами гребцов) – термины античные, и трудно сказать, какой именно тип корабля подразумевала Анна. Название «сермона» встречается в одном документе 1079 г. (MM, VI, p. 20). По предположению, высказанному Б. Лейбом (Leib, *Alexiade*, I, p. 175), это – арабское слово, означающее длинное беспалубное судно. О типах военных кораблей в Византии см.: Serre, *Les marines de guerre*...; Neumann, *Die byzantunische Marine*; Alexandris, *La puissance maritime*... (нам недоступна) и Bibicou, *Problèmes de la marine byzantine*.

[364] По-видимому, Анна называет цифру воинов, находившихся в то время в столице (см. Chalandon, *Essai*..., p. 65, n. 10).

[365] Имеются в виду варяги.

[366] *Топарх* – наместник небольшой области.

[367] См. о нем Ал.,X, 2, стр. 267; XII, 7, стр. 334.

[368] *Топотирит* – обычно командующий крепостью или клисурой (Schlumberger, *Sigilligraphie*..., p. 370). Из «Алексиады» не следует, что Анна делает какое-нибудь различие между топотиритом (военным командиром) и топархом (наместником).

[369] Известен некий Михаил Вурц, полководец Никифора Фоки, который захватил в 969 г. г. Антиохию и в дальнейшем был назначен дукой этого города (Skyl., pp. 366, 423). Имя это встречается также в

надписи из Оркиста (см. «Monumenta Asiae Minoris», VII, № 310). В дальнейшем Анна говорит об «издавна знаменитых городках Вурца» возле Дорилея. По-видимому, владения семьи Вурцев находились между Дорилеем и Оркистом (см. Buckler, *Two gateway inscriptions*, pp. 647– 648).

[370] См. Ал., 1, 16, стр. 89.

[371] Ср. Ал., XIII, 10, стр. 362.

[372] См. Dölger, *Regesten..., 1067 (1081 г. ок. июня).*

[373] Герман – неродной сын старшего брата Роберта Гвискара, Унфреда. Во владении Германа находились Канны, он издавна враждовал с Робертом (см. Chalandon, *Histoire de l* α domination..., I, pp. 223–224). Письмо Алексея возымело свое действие. В то время как Роберт воевал в Византии, Герман поднял восстание. Вернувшись в Италию, Роберт в мае 1083 г. захватил и разрушил Канны (Guil. Ap., IV, 528–529). После смерти Роберта в 1085 г. Герман примирился с его наследниками и участвовал даже в составе войска Боэмунда в Первом крестовом походе (см. Mathieu, *Guillaume de Pouille*, pp. 325–326).

[374] Ф. Шаландон (Chalandon, *Essai*..., p. 64), а вслед за ним и Б. Лейб (Leib, *Alexiade,* I, p. 133), ссылаясь на письмо Григория VII к Эрве (Jaffe, *Regesta...*, 5234), утверждают, что послание Алексея к капуанскому епископу не имело успеха. Следует, однако, помнить, что письмо Григория VII точно не датируется и его данные в таком случае не могут служить надежным доказательством. Когда в 1082 г, Генрих IV по наущению Алексея Комнина вторгся в Италию, Капуя без сопротивления покорилась германскому императору. Летом 1083 г. Роберт осадил и взял Капую, предав город огню и мечу (см. Guil. Ap., V, 106–120; Malat., III, 35; Rom. Salern., s. a. 1083).

[375] См. Dölger, *Regesten...*, 1068 (примерно июнь 1081 г.)

[376] Сохранилась печать Хиросфакта – претора Пелопоннеса и Эллады (Schlumberger, *Sigillographie*..., p. 188). Согласно Никифору Вриеннию (Nic. Br., IV, 2), Хиросфакт был послом императора Вотаниата к мятежнику Никифору Вриеннию Старшему. Хиросфакт упоминается также в житиях св. Мелетия и св. Кирила Филиста (см. Mordtmann, *Plombs byzantins*..., p. 48; Leib, *Alexiade,* I, p. 175).

Имя Хорисфакт дважды встречается в переписке Михаила Пселла (Psellos, *Scripta minora*, II, pp. 173, 293).

[377] Т. е. Робертом Гвискаром.

[378] Следуем чтению А. Райффершайда – ουκ εν ελαχίστοις вм. εν ελαχίστοις, принятому Б. Лейбом. Вряд ли столь выразительные глаголы, как αστατεΐ и ταρα′ττεται (в нашем переводе «тревожат и волнуют»),

вяжутся с обстоятельством εν ελαχίστοις («в самой незначительной степени»).

[379] Слово βλαττίον («влаттий») в большинстве византийских источников означает шелковую ткань (о различных значениях этого слова и его употреблении см. Guilland, *Sur quelques termes..., pp. 333–338. Ср. Каждан,* Деревня и город*..., стр. 228 и сл.). Влаттии играли определенную роль в византийской дипломатии: императоры нередко преподносили их в дар правителям других стран.*

[380] О различных попытках идентификации этого Бурхарда (Βουλχάρδος) см. Chalandon, *Essai*..., p. 69, n. 2.

[381] Титул протопроедра впервые начинает упоминаться в византийской литературе в 60-х годах XI в. На иерархической лестнице он находился между проедром и куропалатом (см. Diehl, *De la signification du titre «proèdre»*, p. 114). Катепан титулов (κατεπάνος των αξιομάτων) – один из высших придворных титулов (см. Dölger, рец. на: «Buckler, *Anna Comnena*», S. 300). По мнению Ф. Дэльгера, под αξιώματα подразумеваются титулы, пожалованные иностранцам; таким образом, катепан титулов – чиновник, ведавший пожалованием титулов иностранцам.

[382] Со второй четверти XI в. в Византии процент содержания золота в монетах падает. При Алексее золота в монетах было в три раза меньше, чем при Василии II (см. Grierson, *Coinage and money*..., pp. 417–418). Вот почему Алексей обещает прислать романаты, т. е. монеты Романа III (не Романа IV!). См. Dölger, *Finanzgeschichtliches*..., S. 13, Anm. 3).

[383] Абелярд (у Анны Βαγελάρδος) – сын Унфреда, брата Роберта Гвискара, сводный брат уже упоминавшегося Анной Германа (см. прим. 373). Абелярд долгое время враждовал с Робертом (см. Chalandon, *Histoire de la domination*..., p. 223 sq.). Уже после того как к власти пришел Алексей I Комнин, Абелярд бежал от Роберта в Константинополь, где и умер (см. Guil. Ap., III, 650 sq.). Согласно свидетельству Лупа Протоспафария (Lup. Protosp., s. a. 1082), Абелярд прибыл в Византию между сентябрем 1081 и маем 1082 г.

[384] Ро́га (т. е. жалование) в Византии нередко выплачивалась носителям определенных титулов. В другом месте (VI, 5, стр. 184). Анна рассказывает об аналогичном случае, когда дожу Венеции предоставляется титул протосеваста с ро́гой (μετα της ρόγας). Так как Анна специально оговаривает жалование дожа, можно предполагать, что титулы в Византии того времени давались и с ро́гой и без нее (см. Bibicou, *Michel VII Doukas*..., p. 68 sq.).

[385] Речь идет об Иоанне Комнине, будущем дуке Диррахия, сыне

старшего брата Алексея, Исаака.

[386] *Астропелек* – α στροπέλεκυς. Переводчики и комментаторы Анны по-разному объясняют значение слова. В словаре Деметраки (Δημητράκου, Μέγα λέξικον..., I, s. v. αστροπέλεκις) о нем сказано: «Византийское украшение, может быть пряжка, названная так по своему виду».

[387] *Опобальзам* – целебный сок бальзамового дерева.

[388] Цитированный Анной документ упоминается также некоторыми западными источниками (см. Dölger, *Regesten...*, 1077). Большинство исследователей (Heinemann, *Geschichte..., Ss. 396–398; Meyer von Knonau*, Jahrbücher..., *III*, *Ss. 448– 449; Ohnsorge*, Das Zweikaiserproblem..., *S. 82) относят это письмо к 1081 г.* Ф. Дэльгер (Dölger, *Regesten..., 1077) обращает внимание на то, что Алексей в письме извиняется за задержку посла Генриха IV Бурхарда. Бурхард, рассуждает Ф. Дэльгер, прибыл в Константинополь уже после вторжения Роберта Гвискара (июнь 1081 г.) и, следовательно, должен был задержаться в столице по крайней мере до 1082 г. На этом основании исследователь и датирует письмо 1082 г. Довод немецкого ученого недостаточно убедителен, ибо неизвестно, на какой срок посол Генриха был задержан в Византии. Надо, однако, иметь в виду, что письмо не могло быть послано ранее сентября 1081 г., так как Абелярда, упомянутого Алексеем, до этого времени не было в Константинополе (см. прим. 383).*

Еще в 1063 г. Константин X Дука обращался к Генриху IV с предложением организовать совместную экспедицию против норманнов, однако этот проект не был осуществлен. К предложению Византии в 1081 г. германский император отнесся более доброжелательно. Заключив союз с Алексеем, Генрих IV в 1082 г. предпринял поход против норманнов, который, однако, не дал желаемых результатов (см. Ал., V, 3, стр. 160). В это время Генрих IV был в весьма враждебных отношениях с папой, по-прежнему отказывавшимся признать его императором (см. прим. 151). Так как папа сблизился с Робертом, борьба с норманнами, по расчетам Генриха, должна была ослабить могущество его старого врага – папы (см. Ohnsorge, *Das Zweikaiserproblem...*, S. 80 ff.).

[389] Σολυμα – султан Сулейман (1077–1086) – основатель и правитель Румского султаната с центром в Никее (см.: Laurent, *Byzance et l'origine du sultanat de Roum*; Moravcsik, *Byzantinoturcica*, II, S. 285; ср. Предисл., стр. 7–8).

[390] *Султаникий* (σουλτανίκιον) – греческое словообразование) – резиденция сельджукских или египетских султанов (Moravcsik, *Byzantinoturcica*, II, S. 289).

[391] Декарх (δεκάρχος) – младший командир византийского войска; как показывает этимология термина, под началом декарха находилось 10 воинов (Stein, *Untersuchungen..., S.* 56).

[392] Так мы считаем возможным перевести οικοδομήματα (досл.: «дома»). Для подкрепления своего толкования можем сослаться на тот факт, что термином οικος (дом) в Византии обычно обозначали «поместье» (Каждан, *Формирование феодального поместья...*, стр. 99).

[393] *Пентеконтарх* (πεντεκοντάρχος). Как показывает этимология слова, под началом пентеконтарха находилось 50 человек. Мы не можем привести других примеров употребления этого термина в византийской литературе.

[394] Эта фраза неясна: Роберт и так находился в Лонгивардии. Может быть, имеется в виду, что Роберт спешил приблизиться к побережью из внутренних областей Лонгивардии.

[395] См. Krumbacher, *Mittelgrechische Sprichwörter, S.* 100.

[396] Dölger, *Regesten..., 1065 (до 17июня 1081 г.).*

[397] См. прим. 182.

[398] Алексей опасался, что Мономахат перейдет на сторону Роберта (Ал., I, 16, стр. 90).

[399] Dölger, *Regesten..., 1066 (до 17 июня 1081 г.).*

[400] Иную версию сообщает Вильгельм Апулийский (Guil. Ap., IV, 226–229); «Георгий был хитростью изгнан из города (Диррахия. – *Я. Л.*), и Алексей радовался тому, что к нему отправлен его враг».

[401] Ранее (I, 16, стр. 88) Анна сообщала, что Роберт переменил свое решение и взял Рожера с собой.

[402] Мокрые кожи предохраняли корабль от греческого огня (см. Zenghelis, *La feu grégois...*, 265 sq.).

[403] Монеры – небольшие суда, находились в распоряжении командующего флотом и использовались главным образом для патрульной службы и специальных заданий (Bréhier, *La marine...*, p. 12).

[404] Мыс Глосса (досл.: «язык») расположен около Диррахия.

[405] *Корабли... вместе с людьми* (αυτάνδρα τα σκάφη). О термине αυτάνδρα см. Lemerle, *Recherches sur le régime agraire...*, pp. 274–275.

[406] Самое раннее – вторая половина июля. Это свидетельство противоречит собственным утверждениям Анны, что Роберт «уже расположился лагерем на материке 17 июня» (IV, 1, стр. 410) и переправился в июне (IV, 2, стр. 142). Дж. Баклер предлагает понимать выражение «Восход Пса» не буквально, а в смысле «в разгар лета» (Buckler, *Anna* Comnena..., *p. 407). Однако Анна упоминает не только*

«Восход Пса», она говорит и о местонахождении солнца (а солнце «минует» созвездие Рака в начале августа). По-видимому, несоответствие дат – результат простой ошибки писательницы.

[407] Ср. описание этой бури и кораблекрушения у Вильгельма Апулийского (Guil. Ap., IV, 218–226).

[408] *Вместе с ним находился тогда и тот латинянин, который рассказал мне об этих событиях и который, как он сам говорил, был отправлен к Роберту в качестве посла епископом Бари* (ο ταὐτά μοι διηγούμενος Λατῖνος, ως ελεγε, πρέσβυς τοῦ επισκόπου Βαρέως προς τον Ῥομπέρτον αποσταλείς). Это сообщение Анны давало исследователям основания для предположений об источниках сведений писательницы о событиях византийско-норманнской войны 1081–1085 гг. Как уже отмечалось (см. прим. 140), Анна пользовалась каким-то письменным источником, из которого черпал свои сведения также Вильгельм Апулийский. Р. Вильманс (Wilmans, *Über die Quellen*...), а вслед за ним и К. Крумбахер (Krumbacher, *Geschichte...,* S. 275), считает, что: 1) Анна имеет в виду не дошедший до нас письменный рассказ посланца барийского епископа, послуживший одновременно источником для Вильгельма; 2) посланец барийского епископа не кто иной, как известный Иоанн Барийский. На невозможность отождествления посланца барийского епископа с Иоанном Барийским указал уже М. Фуяно (Fuiano, *Una fonte*...,), статья которого известна нам только по ссылкам М. Матье (Mathieu, *Guillaume de Pouille*, p. 39). Слова Анны не дают также оснований полагать, что писательница имеет в виду письменный рассказ. Глагол διηγέομαι, использованный Анной (μοι διηγούμενος «который рассказал мне»), может употребляться в отношении как устного, так и письменного рассказа. Однако местоимение μοί («мне») значительно затрудняет понимание этого глагола в последнем смысле. Все сказанное, однако, не подрывает тезиса о существовании общего письменного источника для «Алексиады» и «Деяний Роберта Гвискара» Вильгельма Апулийского (см. Любарский, *Об источниках...*, стр. 110–117).

[409] Должно быть, Анна имеет в виду битву эпирского царя Пирра с римским полководцем Манием Курием Дентатом при Беневенте в 275 г. до н. э. Ни один древний историк ничего не сообщает об упадке Диррахия после этой битвы.

[410] Братья Амфион и Зет – герои греческой мифологии, построившие стены вокруг Фив. Утверждение Анны, что Амфион и Зет отстроили Диррахий, звучит весьма странно. Ту же версию излагает и Вильгельм Апулийский (Guil. Ap., IV, 238–244). Дж. Баклер (Buckler, *Anna Comnena*...,

p. 200) и M. Матье (Mathieu, *Guillaume de Pouille*..., pp. 317–318) предполагают, что в основе сообщений Анны и Вильгельма лежат какие-то местные предания.

411 Т. е. 17 июня 1081 г. (см. прим. 406). Сведения западных источников о дате переправы Роберта расходятся между собой. Луп Протоспафарий (Lup. Protosp., s. a. 1081) утверждает, что флот Роберта причалил в июле. Ордерик Виталий (Ord. Vit., VII, p. 520) и автор «Барийской хроники» (Anon. Bar. Chron., s. a. 1081) говорит об июне.

412 Об этом письме сообщает также Малатерра (Malat., III, 24).

413 Ср. Guil. Ap., IV, 249: «Герцог... соорудил удивительные деревянные башни».

414 У Вильгельма Апулийского, который описывает эту сцену в близких Анне выражениях (Guil. Ap., IV, 249 sq.), сказано, что граждане Диррахия, глядя на Лжемихаила, кричали: «Он один из младших пинкернов» (ibid., IV, 269–271).

415 См. Ал.,I, 12, стр. 78.

416 Выше (III, 12, стр. 139) Анна утверждала, что Авлон занял Боэмунд.

417 Имеется в виду великий сельджукский султан Мелик-Шах (1072–1092). См. Moravcsik, *Byzantinoturcica*, II, Ss. 187–188.

418 *Венетский* (βένετον). Намек на партию «голубых» (factio veneta) константинопольского ипподрома (см. Bréhier, *Les institutions*..., pp. 195–200).

419 Dölger, *Regesten*..., *1070 (примерно июнь 1081 г.) Венеция, окончательно освободившаяся в конце* X в. из-под власти Византии, в XI в. превращается в могущественную морскую державу. Ведя большую торговлю, Венеция была заинтересована в господстве на море и потому весьма ревниво следила за успехами норманнов в Южной Италии. Переправа Роберта и его планы захвата Диррахия, конечно, должны были взволновать венецианцев, ибо, во-первых, Диррахий занимал ключевые позиции у входа в Адриатическое море, во-вторых, как сообщает Анна (см. ниже V, 1, стр. 156), там находилось много венецианцев. Таким образом, Алексей действовал наверняка, обращаясь за помощью к старым врагам норманнов (Bailly, *La Serénissime république de Venise*, pp. 59–67; Cessi, *Storia*..., I, p. 115 sq.).

420 По данным западных источников венецианский флот состоял из 59 кораблей различного типа и находился под командованием дожа Доменико Сильвио, который был женат на сестре Михаила VII (Cessi, *Storia*..., p. 122).

[421] Пали – мыс к северу от Диррахия.

[422] Стадия – примерно 180 *м*.

[423] Слово πελαγολιμήν «морская гавань» явно в ином, чем у Анны, значении встречается в «Тактике» Льва (Leo. Tact, col. 1068). Лев советует, если нужно причалить с флотом к песчаному берегу, лишенному гаваней, привесить на канатах к обоим бортам корабля мешки с песком. Это и есть, по Льву, «устроить так называемую Морскую гавань». Там же рассказывается о деревянных башнях (ξυλόκαστρα) на кораблях. Во время боя воины с этих башен метали камни и стрелы на вражеские суда. Вильгельм Апулийский (Guil. Ap., V, 90–92) рассказывает о зимовке венецианского флота (зима 1083*84 г.): «венецианцы составили на море много кораблей, так что получилось нечто вроде маленького города. Они также соорудили деревянную башню...»*.

[424] *Глумиться над бородой Боэмунда* (των δε εις πώγωνα αυτοΰ εφυβρισάντων). Возможен и другой перевод: «они стали смеятьсяему в лицо».

[425] Об этом сражении см. также: Malat,III, 25–26; Guil. Ap., IV, 291–312; Lup. Protosp., s. a. 1081; Dandolo, p. 216. Ф. Шаландон, следуя некоторым западным источникам, датирует это сражение июлем 1081 г. (Chalandon, *Essai*..., p. 74, n. 5). Однако такая датировка противоречит последовательности рассказа Анны. Если это сражение отнести к июлю, то остается непонятным, когда послы Алексея могли успеть побывать в Венеции, венецианские послы добраться до Константинополя и вернуться назад, а венецианский флот достичь Диррахия; ведь, по сообщению Анны, переговоры Алексея с венецианцами начались после высадки Роберта в Иллирике (в июне). Может быть, Анна ошибается, и переговоры велись до отплытия Роберта. Более вероятно, однако, другое предположение: битва произошла не в июле, а позднее, осенью 1081 г. Малатерра, в произведении которого мы находим наиболее подробный рассказ об этом сражении, датирует ее октябрем (Malat., III, 25–26).

[426] *Архонты* – по-видимому, сенаторы.

[427] Зима 1081*82 г. Это лишнее доказательство в пользу нашего предположения, что морская битва между Робертом и венецианцами произошла осенью 1081 г. (см. выше, прим. 425); ведь Анна переходит здесь к изложению событий, которые в ее представлении непосредственно следуют за этой битвой.*

[428] Об этом втором сражении с Робертом, состоявшемся, согласно хронологии Анны, весной 1082 г., кроме нашей писательницы, не сообщает ни один источник. Маврик, о котором говорит Анна, судя по

свидетельству Вильгельма Апулийского (Guil. Ap., V, 99), прибыл вместе с венецианским флотом на остров Корфу в 1084 г. Есть все основания предполагать, что Анна в данном случае относит к 1082 г. события 1084 г. См. ниже, прим. 430. Сохранились две печати Михаила Маврика – вестарха и катепана Диррахия (Schlumberger, *Sigillographie...*, p. 204, ср. REB, XIII, 1950, p. 485). Некий Маврик упоминается также Лупом Протоспафарием (Lup. Protosp., s. a. 1066) и в «Краткой норманнской хронике» (Chron. breve northm., s. a. 1067). Как человека благородного рода и опытного в морском деле характеризует Маврика Никифор Вриенний (Nic. Br., II, 26).

[429] Река Гликис – это древний Ахерон (см. RE, Bd 7, col. 1476). О неверных идентификациях Гликиса см. Mathieu, *Guillaume de Pouille...*, p. 333. Следует, однако, отметить, что на карте IX, помещенной в книге Матье, Гликисом назван не древний Ахерон, а Фиамис (к северу от Ахерона).

[430] Если следовать хронологии Анны, то эти события придется отнести к лету 1082 г. Однако известно, что уже в апреле – мае 1082 г. Роберт возвратился в Италию (см. Ал., V, 3, стр. 161).

О стоянке норманнских кораблей на р. Гликис, о голоде в лагере Роберта и об оригинальном способе, благодаря которому норманнский вождь спустил в море корабли, сообщается также и у Вильгельма Апулийского (Guil. Ap., V, 210–254). Однако последний относит эти события к зиме-весне 1084– 1085 гг., когда Роберт, вторично переправившись из Италии и одержав победу над венецианским флотом, зазимовал в Вондице, а свои корабли расположил на р. Гликис (ср. рассказ Анны о событиях этого времени,IV, 5–6). Хронология Вильгельма Апулийского в данном случае более достоверна.

[431] Dölger, *Regesten...*, 1072 (конец июля 1081 г.).

[432] Враны – известная в Византии фамилия. Представители этого рода играли немалую роль во второй половине XII в. Иоанн Врана был дукой Диррахия при Андронике Комнине (Ostrogorsky, *History...*, p. 355). Алексей Врана оспаривал у Исаака II Ангела императорскую власть в 1186 г. (ibid., p. 359); Николай Врана (внук названного Анной) упоминается в XII в. как носитель титула протоновелиссима (Dölger, *Byzantinische Dyplomatik*, S. *31)*.

[433] *Экскувиты* – один из отрядов константинопольского гарнизона (Bury, *The imperial administrative system...*, p. 58).

[434] Опубликована печать Опоса (EO, 31, 1932, p. 336).

[435] Имеются в виду так называемые турки-вардариоты, жившие в

бассейне р. Вардар. Об их этнической принадлежности в науке нет единой точки зрения. Согласно наиболее распространенному мнению, вардариоты – потомки военнопленных венгров (X в.) с добавлением сельджукских элементов (см. аннотацию Ф. Дэльгера на статью П. Никова – BZ, 42, 1942, S. 340; ср. Moravcsik, *Byzantinoturcica*, II, S. 322).

436 Начиная со времени правления Никифора Вотаниата великий примикирий – главный управляющий дворцовыми службами (см.: Stein, *Untersuchungen...*, Ss. *43–43; Bréhier*, Les Institutions..., *p. 158. Ср. Bury*, The imperial administrative system..., *p. 122–123). Имя Татикия неоднократно встречается на страницах «Алексиады». Это едва ли не самый деятельный и преданный императору Алексею полководец. Возможно, что этот Татикий упоминается также и у Никифора Вриенния (Nic. Br., IV, 20). Г. Моравчик предполагает турецкое происхождение Татикия (см. Moravcsik*, Byzantinoturcica, *II, S. 302).*

437 О манихеях см. прим. 598.

438 *«Ближайшими» (их обыкновенно называют вестиаритами)* – των δέ γε οικειοτέρων αυτω βεστιαρίτας η συνήθεια καλεΐ. Вестиариты – отряд дворцовой стражи, охранявший императорский вестиарий (см. Dölger, рец. на «Buckler, *Anna Comnena*...", S. 302).

439 Умбертопул – т. е. сын Умберта. См. прим. 788.

440 Луп Протоспафарий (Lup. Protosp., s. a. 1082) сообщает, что под командой Комниных находилась семидесятитысячная армия. Петр Диакон (Petr. Diac., III, 49) насчитывает 170 тысяч воинов. Малатерра (Malat., III, 26) говорит о «бесчисленном войске» греков.

441 О стычке в окрестностях Диррахия рассказывается также у Ордерика Виталия (Ord., Vit., VII, p. 520). Имеют ли оба историка в виду одно и то же сражение, решить трудно.

442 Dölger, *Regesten*..., 1074 (октябрь 1081 г.).

443 Согласно Вильгельму Апулийскому (GuiL, Ap., IV, 361–365) и Малатерре (Malat., III, 27), византийское войско подошло к Диррахию накануне сражения и расположилось недалеко от города.

444 То, что Алексей прибыл к Диррахию в октябре 1081 г., подтверждается также свидетельствами Малатерры (Malat., III, 26) и Ордерика Виталия (Ord. Vit., VIII, 4). Однако из-за путаницы в хронологии событий в «Алексиаде» (см. прим. 430) вопрос о времени битвы за Диррахий вызвал разногласия среди исследователей. Вкратце напомним последовательность событий в рассказе Анны.

Роберт высадился на материке в июне 1081 г. (IV, 1, стр. 140). Алексей, получив письмо Георгия Палеолога, просит помощи у турок и

венецианцев; последние высылают флот и одерживают победу над морскими силами Роберта (IV, 2, стр. 143) осенью 1081 г. (см. прим. 425). Зимой (1081*82 г.) Роберт воздерживается от выхода в море, а весной ромейский и венецианский флоты наносят ему поражение. Наступает лето 1082 г. (IV, 3, стр. 145). Сразу же после этого Анна сообщает, что в августе 4-го индикта (т. е. 1081 г.!) Алексей вышел из Константинополя и 15 октября 5-го индикта (т. е. в том же году) подошел к Диррахию, а 18 октября вступил в бой с Робертом (см. ниже, IV, 6, стр. 150). Дж. Баклер (Buckler,* Anna Comnena..., *p. 407 sq.), принимающая на веру все сообщаемое Анной, считает необходимым исправить как ошибку переписчика* επινεμήσεως πέμπτης (5-й индикт) на επινεμήσεως εκτης (6-й индикт; IV, 6, стр. 150) и, таким образом, стремится доказать, что рассказ Анны выдержан в хронологической последовательности, что борьба за Диррахий была в 1082 г., а вторая битва с венецианским флотом действительно имела место в первой половине 1082 г. К этому же времени она относит стоянку кораблей Роберта на р. Гликис. Однако с точкой зрения Дж. Баклер нельзя согласиться по следующим соображениям.

1) События между выходом Алексея из Константинополя (IV, 4, стр. 145) и прибытием его к Диррахию Анна описывает как строго последовательные, и трудно предположить, что задержка Алексея в пути на 1 год 2 месяца не была бы специально оговорена писательницей. Если логически развивать мысль Дж. Баклер, нужно сделать и второе исправление: της πέμπτης επινεμήσεως (5-й индикт) вм. της τετάρτης επινεμήσεως (4-й индикт; IV, 4, стр. 145) и, таким образом, датировать выход Алексея из Константинополя не августом 1081, а августом 1082 г. Но допустить две ошибки в тексте «Алексиады» уже трудно, тем более что ранее (III, 6, стр. 126) Анна уже говорила о выступлении Алексея из Константинополя в августе 1081 г.

2) Датировка, предложенная Дж. Баклер, прямо противоречит свидетельствам западных хронистов (кроме вышеперечисленных, см. также Anon. Bar. Chron., s. a. 1082).

3) События, которые Анна относит к первой половине 1082 г. (а Анне, как мы видели, безоговорочно верит Дж. Баклер), на самом деле происходили значительно позже. См. прим. 430.

4) Если мы будем датировать битву за Диррахий не 1081, а 1082 г., то соответственно на год вперед передвинутся все дальнейшие события, рассказанные Анной, а это в конце концов придет в противоречие с прямыми хронологическими указаниями нашей писательницы.

[445] Диррахий лежит в низменной заболоченной местности. Никакого

горного хребта, «начинающегося в Далмации», там нет. Рядом с Диррахием расположена лишь десятикилометровая цепь холмов, из которых только один имеет высоту 184 *м* над уровнем моря. Его, видимо, и называет Анна «крутой и высокой горой». Крутой западный склон этого холма обращен к морю, а пологий восточный – в сторону Диррахия (см. Jireček, *Die Lage und Vergangenheit der Stadt Durazzo*..., S. 389 sq.).

[446] Имеется в виду сын Константина X Дуки, брат Михаила VII.

[447] См. прим. 193.

[448] Намбит (греч. Ναμπίτης). По мнению С. Блэндаля, это имя происходит от исландского nábitr (хищная птица). См. Blöndal, *Nábites*. Статья С. Блэндаля известна нам по аннотации Ф. Дэльгера (BZ, 40, 1940, S. 284).

[449] Сыновья Романа Диогена и Евдокии.

[450] Алексею, старавшемуся возродить империю в прежних границах, казалось заманчивым вернуть Лонгивардию под власть Византии, тем более что византийцы всегда считали номинально принадлежащими им все их бывшие владения (см. Предисл., стр. 35). В данном случае, по-видимому, речь идет о вассальной клятве, наподобие той, какую позже принесли Алексею вожди крестоносцев (см. прим. 1004).

[451] *Лишенная императорской власти* – της βασιλείας συν αυτω εξεωθεΐσα Б. Лейб переводит: «изгнанная вместе с ним из государства». Это противоречит историческим фактам. Елену никто не изгонял из Византии. Ἡ βασιλεία в данном случае – «императорская власть».

[452] О том, что Роберт приказал утопить собственные корабли, сообщает также Малатерра (Malat., III, 26).

[453] *Только что родившись, собрались тут же умереть* (ως τηνικαῦτα γεννεθέντας και τεθνηξομένους). Об этой пословице см. Πολίτης, Δημώδεις παροιμίαι. . . σελ. 156.

[454] *Солончаки* (των αλυκων). Имеются в виду солончаки на дне лагуны около Диррахия. О топографии Диррахия и о маневрах армий в сражении 18 октября 1081 г. см. Heuzey, Daumet, *Mission archéologique*..., p. 365 sq. Там же см. план сражения (перепечатан в кн. Mathieu, *Guillaume de Pouille*..., pl. X; ср. Buckler, *Anna Comnena*..., p. 401 sq.).

[455] См. прим. 444.

[456] Ср. Malat., III, 26. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что норманны (католики) считают возможным молиться в православном храме (см. прим. 136).

[457] Амикет (Ἀμικέτης). В западных источниках – Амико (Amicus), в «Барийской хронике» (Anon. Bar. Chron, s. a. 1068) – Амикетта (Amicetta).

Амико – граф города Джовинацо (на адриатическом побережье Апулии к северу от Бари). В 1073 г. Роберт захватил Джовинацо (Guil. Ap., III, 391–392). В 1078 г. Амико участвует в восстании против Роберта (ibid., III, 522) и возвращает под свою власть Джовинацо (ibid., III, 539). В 1080 г. Амико примиряется с Робертом (ibid., III, 646–649). В 1074–1075 гг. Амико принимает участие в походе в Далмацию, в результате которого был взят в плен хорватский король (см. «Historija naroda Iugoslavie», p. 208).

[458] Мы не в состоянии объяснить происхождение прозвища Боэмунда Саниск (ср. Leib, *Alexiade*, II, p. 238).

[459] Т. е. варягов.

[460] *Вторая Паллада, хотя и* не *Афина* (Παλλας αλλη καν μη Ἀθήνη). Смысл этого противопоставления двух имен одной и той же богини, по-видимому, заключается в следующем. Имя Паллада происходит от греческого глагола πάλλω «потрясать», Афина – богиня мудрости. Таким образом Гаита – лишь «потрясающая» (копьем), но не Афина. Об участии Сигельгаиты в битве говорит также Вильгельм Апулийский (Guil. Ap., IV, 425 sq.).

[461] Ил., V, 529.

[462] Малатерра говорит о храме св. Николая (Malat., III, 26).

[463] О гибели Константина сообщает также Вильгельм Апулийский (Guil. Ap., IV, 432–433). Дандоло (Dandolo, p. 216) и Ромуальд Салернский (Rom. Salern., s. a. 1082) ошибочно полагают, что в этой битве пал не брат Михаила VII, а сын.

[464] Ср. Zon., XVIII, 22: «Пало не только большое число простых воинов, но и много родственников императора». Луп Протоспафарий утверждает, что в битве погибло более 6 тысяч воинов Алексея (Lup. Protosp., s. a. 1082).

[465] *Получив смертельную рану в грудь, испустил дух Захарий, погибли Аспиет и многие отборные воины* – πλήττεται γαρ και ο Ζαχαρίος καιρίαν κατα τοῦ στέρνου και την ψυχην αμα τη πληγη επαφί ησι και ο Ἀσπιέτης και πολλοι των λογάδων. Аспиет неожиданным образом оживает на страницах «Алексиады» (XII, 2, стр. 322). Может быть, в данном случае την ψυχην επαφίησι («испустил дух») относится только к Захарию, а Аспиет лишь получил тяжелую рану, как об этом в дальнейшем сообщает сама Анна. Б. Лейб, судя по указателю к его изданию (Leib, *Alexiade*, III, p. 282), и Ф. Дэльгер (рец. на «Buckler, *Anna Comnena*", *S. 302) считают этого Аспиета и Аспиета из книги XII «Алексиады» разными лицами. Вряд ли это так, ибо сама Анна (XII, 2, стр. 323) говорит о том, что Аспиет участвовал в борьбе с Робертом. Как показал Ж. Лоран (Laurent*, Arméniens de Cilicie...,

pp. 159– 168), этот Аспиет – то же лицо, что и Осхин в армянских источниках, Ursinus в латинских хрониках. По мнению многих исследователей, имя Ἀσπιέτης происходит от названия армянского титула asbed (Leib, *Alexiade*, III, p. 56). Возражая им, Лоран указывает на то, что имя Аспиет носили впоследствии многие другие византийцы. Но может быть, наш Аспиет стал основателем византийского рода.

[466] В дальнейшем Петр Алифа перешел на сторону Алексея и стал родоначальником знатной византийской фамилии (см.: Gesta, p. 67, n. 7; Force, *Les conseillers*..., pp. 158–160, βρανούση, рец. на «Mathieu, *Guillaume de Pouille...",* σελ. 327.

[467] Об участии турок в этом сражении упоминает также Вильгельм Апулийский (Guil. Ap., IV, p. 416). Выше Анна сообщала о том, что Алексей призвал на помощь турок.

[468] Таким образом, Бодин (см. прим. 182) должен был принять участие в битве. Двойственная позиция сербского князя понятна: находясь между двух могущественных врагов – византийцев и норманнов, он лавировал и, по-видимому, хотел взять сторону победителя.

[469] *Какиплевра* (Κακη Πλευρά) в переводе означает «дурной бок».

[470] *Явил пример мужества* – γινεταί τι της γενναιοτητος εκείνου τεκμήριον, досл.: «происходит свидетельство его мужества». Ἐκείνου можно отнести и к коню Алексея и считать, что мужество проявил конь императора. Так переводит это место Е. Доуэс.

[471] Сгуриц (Σγουρίτζης) от среднегреч. σγουρός «темный», «коричневый».

[472] Слова Телемахаиз «Одиссеи» (XX, 339).

[473] *Отцовские страдания* (πάθος πατρικόν). Эти слова можно понимать иначе: «дочерние чувства».

[474] Известен хребет Вавагора, находящийся между верхним течением р. Шкумби и верхним течением р. Девол, к западу от озер Охридское и Преспа (см. Златарски, *Багора-Бабагора...*, стр. 187–190).

[475] *Албанцу Комискорту* (τω εξ Ἀρβάνων ορμωμένω Κομισκόρτη). Имя Комискорт происходит от названия чина κόμης της κόρτης (досл.: «комит палатки»). Κόμης της κόρτης был чем-то вроде интенданта при стратиге или императоре. Во время военных походов он ведал также сторожевой службой и дежурил при императорской палатке (см. Успенский, *Военное устройство...*, стр. 65; Bury, *The imperial administrative system...*, p. 43).

Албанцы в XI в. – пастушеский народ, обитавший главным образом в горных районах Эпира. Начиная с XI в. источники упоминают имена многих албанцев, находившихся на службе западных и восточных

монархов (см. Stadtmüller, *Geschichte Südosteuropas*, S. 206 sq.).

Совершенно иное толкование этого места «Алексиады» предложила недавно Е. Врануси (Βρανούση, Κομισκόρτης...), считающая, что «комискорт» в данном случае не личное имя, а «комит палатки», εξ Ἀρβάνων ορμώμενος, – не албанец, а «происходящий из области Арванон» (вблизи Диррахия).

[476] Dölger, *Regesten...*, 1075 (1081 г., после 18 октября).

[477] Согласно Вильгельму Апулийскому (Guil. Ap., IV, 439–443) и Малатерре (Malat, III, 27), Роберт разбил лагерь у р. Девол.

[478] Анна упоминала лишь о венецианцах – жителях Диррахия (IV, 8, стр. 156).

[479] Автор «Барийской хроники» указывает дату 8 февраля 1082 г. (Anon. Bar. Chron., s. a. 1082). Луп Протоспафарий (Lup. Protosp. s. a., 1082) говорит о январе. Вильгельм Апулийский (Guil. Ap., IV, 449 sq.) и Малатерра (Malat., III, 27) сообщают, что город предал норманнам знатный венецианец по имени Доменико, которому Роберт обещал отдать в жены свою племянницу.

[480] Точное местоположение г. Девол неизвестно (см. Ζακυθηνοῦ, Μελέται..., σελ. 222–223; литературу вопроса см. Βρανούση, рец. на «Mathieu, *Guillaume de Pouille...*", σελ. 328).

[481] Атталиат много раз с восторгом говорит о необыкновенной щедрости Вотаниата. Другие греческие историки, так же как и Анна, порицают Вотаниата за неразумную трату средств (см.: Nic. Br., IV, 1; Anon. Syn. Chron., pp. 171–173).

[482] Византийская кормчая книга («Номоканон») в числе некоторых других случаев предусматривает возможность использования церковной утвари для выкупа пленных христиан (см. Leib, *Alexiade*, II, p. 10).

[483] См. Grumel, *Les Regestes...*, № 921 (конец 1081 г.).

[484] *Все духовенство* (το της εκκλησίας απαν πλήρωσα), – по-видимому, клир храма св. Софии.

[485] Имеются в виду ворота церкви богоматери в Халкопратиях (Janin, *La géographie...*, p. 246 sq.). Об этом эпизоде сохранился рассказ Никиты Хониата (см. Müller, *Fragment inédit...*, p. 36). К рассказу Анны свидетельство Никиты Хониата добавляет лишь две детали: Халкопратийский храм был не первой церковью, на сокровища которой посягнул Алексей; двери этой церкви были обиты серебром с вычеканенным изображением двенадцати праздников господних.

[486] Август 1081 г.; см. Ал., IV, 4, стр. 145.

[487] Имеется в виду, вероятно, взятие Кастории в конце 1083 г. (см. Ал.,

VI, 1, стр. 177).

[488] Анна говорит о печенегах, наступление которых на Византию началось в 1086 г. (см. Ал., VI, 14, стр. 201 и сл.).

[489] *Почитать святые иконы не относительно, а служебно* (λατρευτικως, ου σχετικως δε προσκυνεΐσθαι τας αγίας εικόνας). Богословский спор о том, как следует почитать иконы – относительно (σχετικως) или служебно (λατρευτικως), в общих чертах заключался в следующем. Лев учил, что иконы и материал, из которого они сделаны, священны сами по себе, ибо на них начертано изображение Христа или святых, и, таким образом, должны почитаться «служебно». Его противники во главе с императором утверждали, что иконы должны почитаться «относительно», так как божественная природа вообще неописуема (подробно см.: Stephanou, *La doctrine de Léon de Chalcédoine*...; Beck, *Kirche*..., Ss. 339–340). Понятно, почему эта богословская проблема привлекла к себе всеобщее внимание в тот момент, когда Алексей посягнул на церковную утварь. Ведь если иконы священны сами по себе, то император, отдающий их в переплавку – святотатец!

[490] *Наиболее достойные* – των ελλογίμωτέρων – Е. Доуэс переводит liberal-minded («свободомыслящие»).

[491] Сохранился указ (σημείωμα) Алексея Комнина, датированный январем 1086 г., о низложении Льва Халкидонского (Dölger, *Regesten*..., 1130). Эта дата вполне соответствует сведениям Анны: писательница в своем рассказе забегает вперед и повествует о событиях кануна печенежского нашествия 1086 г. (см. прим. 498). Однако, сопоставляя фактические данные «Указа» и «Алексиады», исследователи обращали внимание на ряд противоречий. В «Указе» говорится не о споре Льва и Алексея, а об обвинениях, выдвинутых Львом против патриарха Евстратия. По нашему мнению, здесь нет большого противоречия. Как явствует из самого «Указа», Алексей неоднократно заступался за Евстратия, и для Льва спор с Евстратием был по существу спором с Алексеем – инициатором конфискаций церковной утвари (см. Grumel, *L'affaire de Léon de Chalcédoine*, p. 333 sq.).

Второе противоречие заключается в том, что в «Указе» нет речи о «служебном» и «относительном» почитании икон (неверное понимание этого положения, по свидетельству Анны, и было причиной низложения Льва).

Вопросы догмы разбирались на синоде, решение которого (без даты) сохранилось (см. Grumel, *Les regestes*..., № 967).

Старые исследователи относили этот синод к 1086 г., полагая, что его

и имеет в виду Анна, когда говорит о спорах по поводу «служебного» и «относительного» почитания икон.

Однако В. Грюмель (Grumel, *Documents athonites*..., p. 120 sq.) на основании косвенных данных датирует этот синод 1092 г. или несколько позднее, т. е. временем, когда Лев Халкидонский уже был в ссылке (см. след. прим.).

Датировку В. Грюмеля, конечно, нельзя признать окончательной. Но данные «Алексиады» во всяком случае не противоречат хронологии, предложенной этим исследователем. Ведь Анна прямо не сообщает о том, что догматические вопросы разбирались именно на синоде, а достаточно неопределенно говорит, что они «подверглись усиленному обсуждению».

Вполне вероятно, что богословский спор о почитании икон возник в связи с отчуждением церковной утвари значительно раньше того, как он стал разбираться на синоде. Синод же, «освободивший от вины» Алексея может быть любым из многих синодов, где так или иначе ставился вопрос об иконах или о Льве Халкидонском (см. Grumel. *Regestes*..., № 933, 935, 939, 940), или же собранием духовенства, о котором сама Анна рассказывает в дальнейшем (1084 г., Ал., VI, 3, стр. 179). В пользу последнего предположения говорит то, что Алексей, по словам самой Анны, предстал в качестве обвиняемого. Автор работы, посвященной Льву Халкидонскому, Н. Гроссу («Дело Халкидонского митрополита Льва», стр. 238– 248) полагает, что в обоих случаях Анна рассказывает об одном и том же синоде, который совершенно неверно ученый датирует 1084 г.

[492] По сообщению Никиты Хониата (см. Tafel, *Annae* /Comnenae supplementa, *p. 6), Льва изгнали вскоре после низложения. В. Грюмель (Grumel,* Les Regestes..., *№ 955) гипотетически относит это событие к 1089 г.*

[493] Dölger, *Regesten*..., 1080 (до мая 1082 г.). Анна не уточняет, какой именно брачный контракт имеется в виду. Должно быть, речь идет о женитьбе сына Исаака, Иоанна Комнина, племянника Алексея, которого последний показывал послу германского императора Бурхарду (см. Ал., III, 10, стр. 136).

[494] См. Ал., IV, 4, стр. 146.

[495] Весна 1082 г.; см. ниже, прим. 503.

[496] См. Ал., I, 14, стр. 85 и прим. 159.

[497] Анна ошибается: Боэмунд не младший, а старший сын Роберта (см. прим. 162).

[498] Ошибка Анны, см. предыдущее примечание.

[499] *Моим копьем*... (τωμω δόρατι) П. Ламброс предлагает читать τομω

δόρατι, т. е. «острым копьем» (Lambros, *Zur* Anna *Komnena*, S. *282). Мы не видим никакой необходимости в этой поправке.*

[500] В совершенно иной редакции передает эту речь Роберта Ордерик Виталий (Ord. Vit., VII, 5; ср.: Malat., III, 32; Lup. Protosp., s. a. 1082).

[501] Сохранилось письмо папы, в котором он призывает Роберта выступить против Генриха (Jaffe, *Regesta...*, 5225; ср.: Malat., III, 32; Ord. Vit., VII, 5); По сообщениям Малатерры и Ордерика Виталия, папа вызвал Роберта не из Диррахия, а из Болгарии, земли которой Роберт покорял в то время.

[502] *Получил от него благословение* – ευφημίας παρ' εκείνου τυγχάνει. Слово ευφημία у Анны и других византийских авторов обычно употребляется в значении «славословия» (см. прим. 245). В данном случае ευφημία – «благословение» (соответствует латинскому benedictio). Б. Лейб (Leib, *Alexiade*, II, p. 17) переводит: «obtint... d'être acclamé par lui», т. е. «принял от него славословия». Однако такой перевод в данном контексте лишен смысла.

[503] Представления Анны о кампании Роберта против Генриха IV (весна 1082 г.) весьма туманны. По свидетельствам западных источников (Ромуальд Салернский, Луп Протоспафарий, Ордерик Виталий, Малатерра), события развивались следующим образом. В начале 1082 г. Генрих IV подошел к Риму, оставил в Тиволи антипапу Виберта (Клемента III), а сам отправился в Ломбардию. Для борьбы с Генрихом папа вызвал Роберта, который явился в Италию в апреле или мае 1082 г. Вместе с Рожером Роберт двинулся в Рим, отогнал германцев от города, осадил Тиволи, изгнал оттуда антипапу, после чего стал подавлять восстание своих апулийских вассалов (см. Meyer von Knonau, *Jahrbücher...*, III, Ss. 449–452; Heinemann, *Geschichte...*, Ss. 321–323).

[504] Конец 1083 г.; см. Ал., VI, 5, стр. 181.

[505] Таким образом, Боэмунд из Кастории через Ваинитию прибывает в Янину. Ф. Шаландон (Chalandon, *Essai...*, pp. 85–86) считает, что Ваинития – это область к северу от залива Арта. По мнению ученого, Боэмунд выбрал такой окольный путь к Янине, для того чтобы заключить союз с влахами. М. Ласкарис (его работа известна нам по ссылке Mathieu, *Guillaume de Pouille...*, p. 328) обратил внимание на ошибку Ф. Шаландона и указал, что Ваинития – это прибрежная область между Химарой и р. Гликис.

[506] Под акрополем в данном случае Анна, по-видимому, подразумевает какое-нибудь укрепление, примыкавшее к городской стене.

[507] Ф. Шаландон (Chalandon, *Essai...*, p. 86) и В. Златарский

(«История...», II, стр. 175) относят эти события к маю 1082 г., Дюканж (Ducange, *In Alex...*, p. 517), П. Безобразов («Боэмунд Тарентский», стр. 64), Дж. Баклер (Buckler, *Anna Comnena/..., p. 411) – к маю 1083 г. Датировка 1083 г. противоречит дальнейшим хронологическим указаниям Анны. По ее словам, Алексей вернулся в Константинополь 1 декабря 1083 г. (VI, 8, стр. 188). До этого времени происходят такие события: два сражения с Боэмундом, закончившиеся поражением византийского императора (V, 4, стр. 162 и сл.; видимо, лето-осень 1082 г.), осада Боэмундом Лариссы, длившаяся 6 месяцев и закончившаяся весной или летом 1083 г. (V, 5, стр. 165 и сл.; см. прим. 529), осада и взятие Кастории (VI, l, стр.176–177; лето или осень 1083 г.). Если мы предположим, что Алексей выступил из столицы в мае 1083 г., то для перечисленных выше событий просто не остается времени.*

[508] *Пельтастов*. F: δια αποστόλων, C: δια πολλοστών. Принимаем поправку Дистервега (Reifferscheid, *Annae Comnenae...*, p. XIV) – δια πελτάστων. Б. Лейб принимает чтение С.

[509] Раньше Анна утверждала, что Алексей хотел спасти жизнь для дальнейшей борьбы с кельтами, здесь же она говорит о готовности Алексея умереть. К таким противоречиям писательницу нередко приводит стремление по всякому случаю воздать хвалу отцу.

[510] Представления об идеальном императоре как о вечном труженике чрезвычайно характерны для писателей конца XI и XII вв. Многочисленные рассуждения по этому поводу содержатся в произведениях Феофилакта Болгарского (см. PG, 126, col. 268, 281; ср. Любарский, *Мировоззрение...*, стр. 172– 173).

[511] *Трибола* – железный шарик с четырьмя острыми, конической формы шипами или просто четыре соединенных между собой шипа. Эти шипы были так расположены, что при любом положении триболы три из них упирались в землю, а четвертый торчал острием вверх. Триболы широко применялись против конницы противника еще в античную эпоху (см. Бобчева, *Въоръжението...*, стр. 67–68).

[512] См. Исход,XX, 7: «Господь не оставит безнаказаниятого, кто произносит имя его напрасно».

[513] Анна рассказывает о двух следовавших друг за другом сражениях Алексея с Боэмундом. Первое из них происходило у Янины, второе Анна никак не локализует. В западных источниках упоминается лишь об одной битве (см.: Ord. Vit., VII, 6; Guil. Ap., VI, 6–19; Malat., III, 38). Вильгельм Апулийский говорит о сражении у Янины, но имеет в виду вторую из описанных Анной битв, ибо повествует о применении Алексеем трибол.

Впрочем Вильгельм, видимо, знает о двух сражениях, так как сообщает, что Алексей отправился в Фессалонику (см. след. прим.), «будучи побежден во второй битве» («superatus Marte secundo» – Guil. Ap.,V, 20).

514 Согласно Вильгельму Апулийскому (Guil. Ap., V, 20), Алексей после битвы отправился в Фессалонику.

515 По мнению Ф. Шаландона (Chalandon, *Essai*..., p. 64, n. 2), это один из предводителей норманнского войска Рауль Понтаус, тот самый Рауль, который был послан Робертом в 1081 г. в Константинополь (см. Ал., I, 15, стр. 85).

Г. Руйяр, принимающий идентификацию Ф. Шаландона, считает, что это то же лицо, что и Πουντήσης, который упомянут в грамоте Алексея от 1087 г. как предатель (Пунтес, согласно дальнейшему сообщению Анны, перешел на сторону Алексея и, видимо, предал и его. См. Rouillard, *Léon Képhaias*, p. 449 sq.). Против идентификации Ф. Шаландона выступает Форс (Force, *Les conseillers*..., p. 161). Он указывает, что имя Пунтес скорее образовано от названия одного из нескольких итальянских городов, начинающихся на Ponte.

516 *Обоими Пологами* (τους δύο Πολόβους). А. Райффершайд (Reifferscheid, *Annae Comnenae..., p. 15) предложил читать* Πολόγους вм. Πολόβους; он считал, что речь идет о городах у истоков р. Вардар. М. Матье (M. Mathieu, *Guillaume de Pouille*..., p. 355) утверждает, что под этим названием подразумевается область (région) между Битолем и Скопле. Нам известен лишь один город Полог (см. Ζακυθηνοῦ, Μελέται..., σελ. 230).

517 Ариев – армянин, будущий заговорщик (Ал., VIII, 7, стр. 239–240).

518 Точное местоположение Соска неизвестно. И. Дуйчев («Проучвания...», стр. 146) приводит данные средневековых авторов об этом городе, но не учитывает свидетельства Анны.

519 М. Ласкарис (Lascaris, *Survivances*..., p. 6) в документах XIV в. монастыря Мавриотиссы, основанного Алексеем I, обнаружил упоминание το λεγατον τοῦ Σαρακηνοῦ. Эта находка заставляет М. Ласкариса вспомнить «графа по прозвищу Сарацин» Анны Комниной.

520 «Белые церкви» (’Ασπραι Ἐκκλησίαι) находились, видимо, к западу от нижнего течения р. Вардар (Златарски, *История*..., II, стр. 175, бел. 3; Βρανούση, рец. на «Mathieu, *Guillaume de Pouille*...", σελ. 328).

521 Ῥεβόλδος в F; Ῥικάλδος в C. Дюканж (Ducange, *In Alex*, p. 520) предполагает, что это Ренальд Муска, упомянутый Вильгельмом Апулийским (Guil. Ap., II, 133).

522 Дюканж (Ducange, *In Alex*, p. 520) предполагает, что это –

Вильгельм, сын Ивона, упомянутый Вильгельмом Апулийским (Guil. Ap., III, 570).

[523] Имеется в виду принятый на Западе способ решения спора путем «божьего суда». Рыцарь, на которого возводилось какое-либо обвинение, должен был сразиться с обвинителем или тем, кого обвинитель выставлял вместо себя. Считалось, что бог дарует победу правому.

[524] Зима 1082*83 г. См. прим. 529.*

[525] Присутствие турок в войске Алексея подтверждается свидетельством Вильгельма Апулийского (Guil. Ap., V, 70).

[526] Камир (Καμύρης). См. Moravcsik, *Byzantinoturcica*, II, S. 148.

[527] Анна имеет в виду г. Битоль – центр области Пелагония.

[528] О захвате Боэмундом этого города сообщает и Вильгельм Апулийский (Guil. Ap., V, 25). О различных попытках идентифицировать это место см. M. Mathieu, *Guillaume de Pouilie...*, pp. 328, 354. Ср. Ἀρανούση, рец. на «Mathieu, *Guillaume de Pouille...", σελ.* 328.

[529] 23 апреля (1083 г.). Обращает на себя внимание противоречивость свидетельств Анны. Только что писательница сообщала: Боэмунд из Кастории направился к Лариссе (по-видимому, поздней осенью 1082 г.) с намерением провести там зиму. Ниже она утверждает, что осада Лариссы продолжалась 6 месяцев. Ф. Шаландон (Chalandon, *Essai...*, p. 88, n. 6) предполагает, что войска Боэмунда осадили Лариссу осенью, а сам он появился у города лишь в апреле. П. Безобразов («Боэмунд Тарентский», стр. 66) считает, что Боэмунд подошел к Лариссе 26 ноября 1082 г., т. е. в осенний Юрьев день. Но осенний Юрьев день, насколько нам известно, справлялся лишь на Руси с XI в.

[530] Об осаде Лариссы и о сражении за этот город рассказывают также Вильгельм Апулийский (Guil. Ap., V, 26–79) и Зонара (Zon., XVIII, 22).

[531] Среди афонских актов сохранились четыре грамоты Алексея, дарующие или подтверждающие дарение Льву Кефале земельных владений. Лев Кефала носит там титулы вестарха, примикирия, проедра и катепана. Грамотой, помеченной 1090 г., Алексей закрепляет за детьми Кефалы владения их отца; следовательно, к этому времени Льва уже не было в живых. Интересно, что в грамоте 1086 г. имения жалуются Кефале как раз за оборону Лариссы, о которой рассказывает Анна (см. Rouillard, *Léon Képhalas*, pp. 444–450).

[532] *Большая государственная дорога* (η δημοσία λεωφόρα) – византийское название знаменитой Via Egnatia, соединявшей Диррахий с Константинополем. Однако в данном случае Анна говорит о том, что Алексей свернул с дороги, достигнув областей Лариссы. Таким образом,

Алексей должен был покинуть Эгнатиеву дорогу еще у Фессалоники или у Острова (см. карту). Следовательно, под δημοσία λεωφόρα здесь подразумевается дорога, соединявшая либо Фессалонику с Лариссой, либо Остров с Лариссой.

[533] *Влахи* – романизованное население Дакии, главным образом кочевые скотоводческие племена. Первые упоминания о влахах на Балканском полуострове (Кекавменом, автором «Стратегикона») относятся к XI в. (См. Jorga, *Histoire des Roumains*, p. 411 sq.). В 1066 г. влахи вместе с болгарами участвовали в восстании против византийского господства под руководством Никулицы Дельфина (Литаврин, *Восстание болгар...*, стр. 123 и сл.).

Среди исследователей нет единого мнения о том, что понимают византийские авторы под влахами – этническую группу или вообще кочевников. Судя по этому месту «Алексиады», где говорится о валашском селении, Анна имеет в виду этническую группу. Попытку идентифицировать Эзеву делает М. Дьони (Gyóni, *Egy vlách...*, p. 22 sq.).

[534] Название реки в рукописях не читается.

[535] Возможно, имеется в виду Никулица Дельфин – могущественный феодал Фессалии, предводитель восстания 1066 г. (Литаврин, *Восстание болгар...*, стр. 124 и сл.).

[536] Приходится признаться, что нам не удается проследить путь Алексея, ибо поныне не идентифицировано большинство названий, упоминаемых Анной. Ясно только, что в результате Алексей оказался западнее Лариссы у Трикал.

[537] По-видимому, имеется в виду знаменитый храм св. Димитрия в Фессалонике (см. прим. 251).

[538] Об участии Никифора Мелиссина в этом походе упоминает также Вильгельм Апулийский (Guil. Ap., V, 64).

[539] См. прим. 104.

[540] В Ер. содержится также следующий рассказ: «Алексей обрядил своего брата Адриана в императорские одежды, дал ему войско и приказал стоять против войска Роберта. Если же Роберт ринется в бой, Адриан должен был повернуть назад и тотчас обратиться в бегство. Вот что приказал Алексей мнимому императору. Сам же он, двигаясь скрытыми путями, во главе остального войска подошел к лагерю франков, напал на него, разграбил палатки и их содержимое и совершил много убийств. Когда же Боэмунд набросился на мнимого императора, Адриан и его войско обратились в бегство и поскакали во весь опор. Варвар стал кичиться и хвастаться своей непобедимостью. В это время ему сообщили о

том, что лагерь разорен, а находившиеся в нем воины убиты». Ср. аналогичные сообщения Зонары (Zon., XVIII, 22) и Глики (Clycas, IV, pp. 619–620).

[541] Ликостомий (Λυκοστόμιον) – вблизи Лариссы, упоминается также Кантакузиным (Ducange, *In Alex.*, p. 524).

[542] Ливотанийское ущелье между Оссой и Олимпом.

[543] Этого Бриена (Βρυέννιος) Роберт, отправляясь в Италию, оставил вместе с Боэмундом во главе норманнского войска (Guil. Ap., IV, 526–527; ср. Mathieu, *Guillaume de Pouille*..., p. 325).

[544] Коннетабль (в греч. Κονοσταῦλος) – одна из высших придворных должностей в некоторых западных странах. В XI- XII вв. коннетабль часто – главнокомандующий войском и первое лицо в государстве после короля.

[545] Ср. Guil. Ap., V, 34–37: «Боэмунд с холма заметил немалое войско, он решил, что там находится и император. Как ястреб на жаворонков, набросился он на объятых страхом врагов и погнал их».

[546] О том, как Алексей занял лагерь Боэмунда, повествует и Вильгельм Апулийский (Guil. Ap., V, 45–49). Но дальнейший рассказ Вильгельма отличается от сообщений Анны. По словам итальянского поэта, через три дня византийцы под командованием Адриана и Мелиссина попытались атаковать норманнов, но в конце концов были вынуждены бежать от них под защиту стен Лариссы. Норманны, однако, не смогли продолжить осаду Лариссы из-за нехватки продовольствия.

[547] Знатные западные воины (milites – по терминологии западных хронистов), воевавшие на коне, в XI и особенно в XII в. имели весьма тяжелое вооружение. Железная кольчуга спускалась до колен, ее рукава доходили до кистей рук. Массивный шлем защищал голову, специальная кольчужная юбка закрывала ноги. Естественно, что рыцарь в таком вооружении, оставшись без коня, становился беспомощным (см. Smail, *Crusading warfare*..., p. 106).

[548] Исход, XIII, 20–22.

[549] Саламврия – древний Пеней, на котором стоит г. Ларисса.

[550] Игра слов: название Λυκοστόμιον в переводе означает «волчья пасть».

[551] Под савроматами Анна имеет в виду в данном случае узов (см. Moravcsik, *Byzantinoturcica*, II, S. 270). Узы (в русских источниках – торки) в середине XI в. переселились из прикаспийских степей и достигли районов нижнего Дуная, а несколько позднее Фессалоники. Узы служили в византийском войске и принимали участие в битве при Манцикерте (Moravcsik, *Byzantinoturcica*, II, S. 90 ff.).

[552] *Протостратор* – в XI-XII вв. одна из высших придворных и военных должностей. В военных походах протостраторы чаще всего командовали авангардом или кавалерийскими отрядами специального назначения (Stein, *Untersuchungen*..., S. *53 ff.).*

[553] Ил., III, 23.

[554] Имеется в виду племя узов, см. прим. 551.

[555] Ил.,VII, 238.

[556] Ср. Guil. Ap., V, 75–76: «Разделив войско, Боэмунд направился в Авлон достать продовольствия (ad vitae usus), Бриен двинулся в Касторию». Ни о каких требованиях графов Боэмунда Вильгельм не сообщает.

[557] Здесь Анна начинает рассказ об Иоанне Итале, богослове и философе, одной из интереснейших фигур в Византии второй половины XI в. Итал оставил после себя большое литературное наследство (93 названия). Написанное им издано лишь частично. Италу посвящено несколько специальных исследований (библиографию см. Beck, *Kirche*..., S. 542). Рассказ Анны – главный источник для реконструкции биографии Итала.

[558] Это сообщение Анны позволяет примерно установить время рождения Итала.

С начала X в. Сицилия находилась под властью арабов. В 1042 г. византийский полководец Георгий Маниак (ср. прим. 73) предпринял попытку отвоевать Сицилию; за короткий срок ему удалось отобрать у арабов восточную часть острова, включая Сиракузы и Мессину. Однако в том же 1042 г., когда к власти пришел Константин IX Мономах, Маниак получил отставку, и на его место был назначен другой военачальник. В ответ на это Маниак поднял восстание и провозгласил себя императором. В феврале 1043 г. он переправился к Диррахию и вскоре погиб в бою с императорскими войсками под Фессалоникой (см. Gay, *L'Italia méridionale*..., p. 410 sq.). Во время этих событий Итал был еще мальчиком; следовательно, родился он в начале 30-х годов XI в.

[559] Перевод терминов, касающихся науки и просвещения, представляет некоторую трудность. Словом «словесность» мы переводим греч. τέχνη λογική. Прилагательное λογικός употребляется Анной в разных значениях. Так, говоря о προστάται λογικων επιστημων (в нашем переводе: «знатоки словесных наук»), которые выдумывают новые наименования ради ясности выражения (III, 4, стр. 123), Анна безусловно имеет в виду «главных по словесным наукам», т. е. филологов. В данном же случае, как это явствует из содержания отрывка, речь идет о словесности в широком

смысле слова, включая сюда риторику, философию, литературу, т. е. о примерном круге гуманитарных наук, входивших в trivium.

Другие термины из области науки и просвещения переводятся нами чаще всего следующим образом: παιδεία – «просвещение», «образование»; παιδεία λογική – «литературное образование»; λόγος – «наука», имеются в виду гуманитарные науки (о разнообразных значениях слова λόγος у Анны см. Buckler, *Anna Comnena...*, p. 170), φιλόλογος – «ученый», «просвещенный».

[560] Василий II (976–1025). Ср. характеристику Василия у Пселла: «Он не обращал внимания на ученых и совершенно презирал эту категорию людей (я говорю об ученых)» (Psellos, *Chronogr*., I, p. 18).

[561] О покровительстве Константина Мономаха ученым рассказывает М. Пселл (Psellos, *Chronogr*., II, pp. 58–59; ср. Attal., p. 21). Впрочем Пселл, панегирист Мономаха, конечно, значительно преувеличивает заслуги императора. Большой материал по этому вопросу можно найти также в одной из новелл Константина Мономаха (Salač, *Novella constitutio,* p. 21 sq.; Ср. Hussey, *Church and Learning*..., p. 51 sq.).

[562] Михаил Пселл (1018–1097) – знаменитый византийский писатель и философ. Пселл получил блестящее образование, великолепно знал античную философию и литературу. С 1041 г. Пселл занимал различные высокие должности в Константинополе, был секретарем и доверенным лицом нескольких сменявшихся на троне императоров. Он принимал живейшее участие во многих придворных интригах и добился титулов ипертима и ипата философов (см. прим. 573). Пселл оставил после себя большое число произведений риторических, философских и исторических, посвященных самым разнообразным вопросам (см. Moravcsik, *Byzantinoturcica*, II, Ss. 437– 441).

[563] М. Пселлу принадлежат три трактата о халдейских оракулах. Два из них опубликованы в PG, 122, col. 1123 sq., третий – у Kroll, *De oraculis chaldaicis*. Под халдейской премудростью в Византии того времени понимались всевозможные гадания, астрология, магия, демонология и прочие «восточные науки». Пселл по отношению к ним занимает резко отрицательную позицию (Tatakis, *La philosophie byzantine*. p. 170 sq.).

[564] О местонахождении этой церкви высказывались различные мнения. Интересно, что Михаилу Пселлу принадлежит эпиграмма к деве Кириотиссе, т. е. богоматери, почитавшейся в этом храме (Janin, *La géographie*..., pp. 201–203).

[565] Мать М. Пселла, Феодота, действительно сыграла выдающуюся роль в воспитании и образовании сына. Сам Пселл рассказывает в

«Панегирике матери», как Феодоту посещали видения, по велению которых она настояла на обучении сына наукам (Безобразов, *Михаил Пселл*, стр. 1 и сл.).

[566] Иоанн Итал учился в университете, где преподавал Пселл (Безобразов, *Михаил Пселл*, стр. 175 и сл.). О разногласиях между учителем и учеником мы узнаем и из речи самого Пселла «К лонгиварду Италу, побуждающему к быстрейшему изучению наук» (Psellos, *Opuscula*, pp. 164–166). Пселл говорит о «нраве латинянина», «нетерпеливости южанина» и убеждает Итала в необходимости систематического и последовательного изучения наук. Личные взаимоотношения Итала и Псепла, можно предполагать (помня и о том, что Итал занял после Пселла должность ипата философов; прим. 572, 573), были достаточно напряженными. Что же касается соотношения их философских взглядов, то между ними было много общего: и Пселл и Итал – философы-неоплатоники. Правда, в философии Итала гораздо больше светских элементов (см. Tatakis, *La philosophie byzantine*, p. 214 sq.).

[567] Так мы переводим греческое... σοφιστικας συνείρων ερεσχελίας και παν εϊ τι τοιοΰτον προτιθεις και αυθις υπέχων λόγον τοιουτότροπον. Это интересное сообщение Анны свидетельствует о том, что византийские философы того времени выступали перед широкой народной аудиторией.

[568] Итал состоял в переписке с Михаилом Дукой и его братом Андроником (см. Stephanou, *Jean Italos...*, p. 17). О дружеском расположении Михаила Дуки к Италу свидетельствует тот факт, что император не пожелал публичного разбирательства дела Итала, когда последний был впервые обвинен в ереси (1076–1077). См. Успенский, *Делопроизводство...*, стр. 38–39.

[569] Пселл был тесно связан с домом Дук. Он принимал активное участие в интригах, благодаря которым императорская власть в 1059 г. перешла к Константину Дуке. Пселл был доверенным лицом Константина и воспитателем его сына, будущего императора Михаила VII. Большую роль играл Пселл и при Михаиле. О близости Пселла к Дукам свидетельствуют мемуары философа, а также его письма к Дукам (см. Безобразов, *Михаил Пселл*, стр. 95 и сл.).

[570] Анна имеет в виду оккупацию Италии норманнами, закончившуюся в 1071 г. захватом г. Бари.

[571] Имеется в виду одна из нескольких константинопольских церквей Сорока мучеников (Janin, *La géographie..., pp. 498–502)*.

[572] Пселл постригся в монахи и удалился в монастырь в 1055 г., после смерти Константина Мономаха. Однако, как это явствует из «Панегирика

матери» и некоторых других источников, Пселл продолжал заниматься преподавательской деятельностью (см. Безобразов, *Михаил Пселл*, стр. 49, 122 и сл.). Анна говорит о том, что Итал сменил Пселла в должности ипата философов (см. след. прим.), излагая события времени Михаила VII Дуки. Видимо, тогда-то и произошла смена ипата философов. Анна просто не знает даты пострижения Пселла.

573 *Ипат философов* (υτων φιλοσόφων) – крупный государственный чиновник, ведавший делами высшего образования в Византии, возможно, ректор Константинопольского университета (Fuchs, *Die höheren Schulen..., S. 50; Bréhier*, Les institutions..., *p. 50).*

574 *В других областях словесности он не имел больших дарований* – προς δε τς αλλας τέχνας των λόγων ου πάνυ τι ευφυως εἶχεν. Под τέχναι των λόγων подразумеваются, по-видимому, гуманитарные науки, входившие в trivium (диалектика, риторика, грамматика). Итал был искушен в философии (диалектике), но не имел знаний в двух остальных τέχναι των λόγων, т. е. риторике и грамматике. О невежестве Итала в грамматике и риторике говорит и Михаил Пселл (Psellos, *Scripta minora*, I, pp. 52–54).

575 *Беззвучное произношение окончаний*. Так мы переводим το εις ακρον αφωνον. У Б. Лейба – «очень плохое произношение».

576 В оставшемся неопубликованном письме к Абасгу Итал защищается от обвинений в плохом знании греческого языка (Ioannou, *Die Definition des Seins...*, S. *361, Anm. 4).*

577 προκαθήμενος φιλοσοφίας απάσης, т. е. ипатом философов.

578 Прокл, Порфирий, Ямвлих – философы-неоплатоники.

579 τς Ἀριστοτέλους τέχνας, т. е. правила, методы Аристотеля. Обращает на себя внимание, что Итал выделяет тех же философов, что и Пселл (Psellos, *Chronogr.*, II, p. 136).

580 την ως οργάνου παρεχομένην χρείαν, т. е. «то, что может быть использовано в качестве орудия». Имеются в виду произведения Аристотеля о логике, собранные под общим названием «Органон». Об интересе византийских ученых к этому произведению Аристотеля свидетельствует одно из писем Пселла (Sathas Bibl. gr., V, p. 499. Ср. прим. 3).

581 Иоанн Соломон – член синклита, позже примкнул к заговору Анемадов (см. Ал., XII, 5, стр. 330).

582 ... καί τινας Ἰασίτας και Σερβλίας Дж. Баклер переводит: «...людей, подобных Яситу и Сервлию». Об употреблении множественного числа имен собственных в «Алексиаде» см. прим. 304. Ясит, возможно, муж Евдокии, сестры Анны (см. Zon., XVIII, 22). О форме имени Ясита и о

семье Яситов см.: Ἀμάντος, Ἰασίτης ...; Laurent, Ἰασίτης (обе работы нам известны по аннотациям в BZ, 31, 1931, S. 423). Сохранилось письмо Пселла к куропалату Яситу (Psellos, *Scripta minora*, II, p. 7 sq.). Может быть, это дед ученика Итала. Сервлий – один из адресатов Феофилакта Болгарского (PG, 126, col. 3211). Любопытно свидетельство о Сервлии Хониата. Обученный Италом в языческом духе (ελληνίζειν), Сервлий как-то в бурную ночь с криком «Прими меня, Посейдон» бросился в море (см. Tafel, *Annae Comnenae supplementa* ..., p. 3).

583 *Никакой науки не знают досконально*, В подлиннике τεχνικν μηδέν τι κατ ’ακρίβειαν ειδότας.

584 *Дико кривляясь* – так мы переводим греческое κα μορίων παραφόροις τισ μεταφόραις (досл.: «сумасшедшими переносами членов»). Под μορίων можно подразумевать также части речей учеников Итала и понимать эту фразу в другом смысле: «Они изображали из себя диалектиков тем, что в речи употребляли сумасшедшие переходы от одной части к другой».

585 *Развивали теории* – προβαλλομένους τς δέας – может быть, следует переводить: «развивали теории об „идеях“»?

586 Максим Исповедник (580–662) – один из наиболее известных богословов-философов христианского Востока. Максим Исповедник умер мученической смертью и был причислен к лику святых. Его произведения опубликованы в PL, 90, 91 (Tatakis, *La philosophie byzantine*, pp. 73–90).

587 На это интереснейшее свидетельство Анны биографы Итала, как правило, не обращают внимания. К сожалению, параллельные источники не дают материала для комментирования сообщения писательницы.

588 Начиная со слов «Если где-нибудь...» фраза почти целиком заимствована у Пселла (Psellos, *Chronogr*., I, p. 33).

589 Т. е. на суд синода. Сохранилось делопроизводство суда над Италом (см.: Успенский, *Делопроизводство*...; Grumel, *Les regestes*..., № 926, 927). В «Делопроизводстве» датируется суд над Италом мартом-апрелем 1082 г. Это противоречит хронологии Анны, следуя которой процесс надо было бы отнести к 1083 г. По мнению Дж. Баклер (Buckler, *Anna* /Comnena, *p. 323), «Делопроизводство» и рассказ Анны относятся к разным процессам над Италом. Вряд ли это так, ибо «Алексиада» и «Делопроизводство» содержат целый ряд сходных деталей (Hussey,* Church and learning..., *p. 93). Бек (Beck,* Kirche..., *S. 585), или следуя за Анной или просто по ошибке, датирует этот процесс 1083 г. Предпочтение, конечно, нужно отдать датировке «Делопроизводства». (Подробно о процессе см. Stephanou,* Jean Italos..., *p. 63 sq.).*

О волнениях среди народа, якобы возмущенного деятельностью Итала, сообщается также и в «Делопроизводстве» (Успенский, *Делопроизводство...*, стр. 41).

[590] Возможно, отречение Евстратия Гариды в июле 1084 г. (см. Grumel, *Les regestes*..., № 937) было связано с его пристрастием к учению Итала.

[591] Согласно «Делопроизводству» (Успенский, *Делопроизводство...*, стр. 59–60), Алексею были представлены десять глав (κεφαλαία), из которых девять Итал должен был публично предать анафеме.

[592] Т. е. учение Итала предается анафеме, но его имя при этом не называется.

[593] В части Синодика, посвященной Италу, подвергаются анафеме «все вводящие эллинские мнения о душах человеческих, о небе и земле и о прочих творениях, то есть принимающие переселение душ...» (Успенский, *Синодик...*, гл. 2–4) и «проходящие эллинские науки и усвоившие платоновские идеи» (там же, гл. 7–10). Что касается отношения Итала к иконопочитанию, то большой материал по этому поводу дает делопроизводство суда над Италом (Успенский, *Делопроизводство...*, стр. 54 и сл.; ср. Успенский, *Богословское и философское движение...*, стр. 105–107). Никаких сведений о дальнейшей судьбе Итала нет.

К оглавлению

[594] См. Ал., V, 8, стр. 171. В дальнейшем речь идет о событиях осени 1083 г.

[595] *Крепость* – по гречески κάστρον (от лат. castrum). Укрепления, о которых пишет Анна, были воздвигнуты еще в римскую эпоху и сохранились до сих пор (см. Ὀρλάνδος, Τ βυζαντιν μνημεία .. . σελ. 3).

[596] Церковь св. Георгия находилась в восточной части города (см. Ὀρλάνδος, Τ βυζαντιν μνημεία ..., σελ. 171– 172).

[597] *В направлении Авлона* (πρς τν Αυλωνα; Б. Лейб: «sur la route d'Avlona»). Вполне вероятен и другой перевод: «на перешейке» (αυλών – «проход», «горло», здесь узкая часть мыса, вдающегося в озеро). Видимо, так понимает это место и А. Орландос (Ὀρλάνδος, Τ βυζαντιν μνημεία ..., σελ. 3).

[598] Манихейство возникло в середине III в. и получило название по имени основателя секты перса Мани. В основе учения манихеев лежали дуалистические представления, согласно которым человек произошел в момент борьбы бога света и бога мрака и поэтому объединяет в себе два начала: доброе и злое. На формирование манихейства большое влияние оказали также восточные религии, эллинистическая философия и особенно гностицизм. Манихейство быстро распространилось на Востоке и в Византии (V-VI вв.). Гонениям со стороны официальной церкви и государства манихейство подвергалось с самого начала, а особенно со времени царствования императоров Юстина I и Юстиниана I (середина VI в.).

Традиции манихейства нашли продолжение в целом ряде еретических сект и учений более нового времени, в частности павликианстве. Согласно довольно распространенной версии, наименование «павликиане» произошло от имен Павла и Иоанна – сыновей манихейки Каллиники (см. Loos, *Deux contributions*..., pp. 202–208). Павликианство, вначале распространенное в Малой Азии, во второй половине VIII в. проникает на Балканский полуостров, особенно во Фракию. Новая группа павликиан была переселена во Фракию в 972 г. императором Иоанном Цимисхием (см. прим. 1469). Павликианство носило ярко выраженный антифеодальный и антицерковный характер и, как и манихейство, преследовалось церковью и государством. Учения павликиан и манихеев были настолько близки, что византийские авторы, как правило, не делают

различия между этими сектами (см. Липшиц, *Павликианское движение*; Юзбашян, *К истории павликианского движения в Византии*; Runciman, *The medieval Manichee*; Ангелов, *Богомилството...*, стр. 70 и сл.).

[599] Ф. Шаландон (Chalandon, *Essai*..., p. 104) пишет, что Алексей вызвал еретиков в Константинополь. Эта ошибка французского ученого ввела в заблуждение и других исследователей, опирающихся, по-видимому, не на текст Анны, а на труд Ф. Шаландона (см.: Obolensky, *The Bogomils*, p. 191; «Historia naroda Jugoslavie», стр. 306; Dölger, *Regesten*..., 1105). Из-за этой ошибки указанные исследователи относят эти события к 1084 или декабрю 1083 г. Однако, как следует из рассказа Анны, Алексей вернулся в Константинополь 1 декабря 1083 г. (VI, 8, стр. 188), а события в Мосинополе произошли раньше, ибо император останавливался в этом городе по пути из Кастории в Константинополь.

[600] Наше понимание этого места расходится с толкованием его Г. Литавриным (Литаврин, *Болгария и Византия*..., стр. 418), по мнению которого «взявший на себя такое дело» – это сам император. Но вряд ли под ο τν οικονομίαν ταύτην ’αναδεξάμενος Анна имеет в виду своего отца, ибо тот человек должен был отправиться в Филиппополь, а писательница не преминула бы упомянуть о поездке туда Алексея.

[601] Все секты манихейского толка отвергали обряд крещения (как и многие другие церковные обряды) и считали, что он внушен злым духом (Ангелов, *Богомилството...*, стр. 135 и сл.).

[602] Имеются в виду Принцевы острова – классическое место ссылки в Византии.

[603] 1 декабря 1083 г. (см. Ал., VI, 8, стр. 188).

[604] *Попечители святых монастырей* (οι των ιερων φροντιστηρίων κηδεμόνες) – имеются в виду экономы или же игумены монастырей.

[605] *Бревии* (βρέβια) – монастырские инвентарные книги.

[606] Зоя – императрица 1042 г., состоявшая в супружестве с Романом III, Михаилом IV и КонстантиномIX. По свидетельству Скутариота (Anon. Syn. Chron., p. 163), она была в 1054 г. похоронена в церкви Антифонита, недалеко от богородичного храма в Халкопратиях (Jania, *La géographie*..., pp. 520–522).

[607] Плутарх, *Перикл*, 23.

[608] Кн. Царств, I, 26; Матф.,XII, 4 и др.

[609] См. прим. 482.

[610] *Секрет Антифонита* – одно из ведомств центрального управления. Его функции, по имеющимся в нашем распоряжении источникам определить трудно (см. Скабаланович, *Византийское*

государство и церковь в XI в., стр. 178). Секрет получил такое название, по-видимому, потому, что был расположен на территории храма Антифонита (см. прим. 606).

611 Известен хрисовул Алексея, запрещающий на будущее отчуждение церковного имущества. Ф. Дэльгер (Dölger, *Regesten*..., 1085) датирует его 1082 г.

612 См. об этом заговоре Zon., XVIII, 22. Зонара утверждает, что Алексей осудил невинных людей с целью завладеть их имуществом. Судя по тому, что Анна необычно кратко говорит об этом заговоре, Зонара прав.

613 См. Ал.,VI, 2,стр. 178.

614 Интересное свидетельство о существовании специального чиновника по делам еретиков.

615 τν Βελιάτοβαν. Точное местоположение Белятово неизвестно.

Ф. Шаландон (Chalandon, *Essai*..., p. 107, n. I) и Златарский («История...», II, стр. 181, бел. 1) считают, что Белятово находилось к северу от Филиппополя. По-видимому, речь здесь идет о событиях начала 1084 г.

616 *Не ограничился этим* (τούτοις μ αρκούμενος). Может быть, следует переводить: «не довольствуясь этими» (т. е. манихеями)?

617 Имеется в виду придунайская Главиница, расположенная недалеко от Дристры (Златарски, *История*..., II, стр. 181, бел. 2).

618 Dölger, *Regesten*.., 1120 (1084 г., конец?)

619 Г. Литаврин («Болгария и Византия...», стр. 419–420), отмечая, что термин «скифы» у Анны и других византийских писателей употребляется весьма неопределенно, считает, что в числе союзников Травла, кроме печенегов, были и другие племена, обитавшие в Паристрии – возможно, даже и придунайские русские (имеются в виду те «скифы», которых Травл приглашал «из их мест»). Литаврин высказывает предположение, что отдельные районы Паристрия были в то время независимы от империи.

620 См. Ал., V,4, стр. 162.

621 Ил., II, 87.

622 Гвидо – один из трех (Рожер, Боэмунд, Гвидо) сыновей Роберта от второй жены Сигельгаиты (см. Chalandon, *Histoire de* Iα domination..., I, p. 282). Вильгельм Апулийский в качестве спутника Роберта упоминает Рожера, но ни слова не говорит о Гвидо (Guil. Ap., V, 144).

623 В связи с этим замечанием Анны Ф. Шаландон, ссылаясь на свидетельство «Песни об Антиохии», пишет, что Гвидо жил при дворе Алексея в качестве его племянника и сенешаля (см. также Buckler, *Anna Comnena*..., p. 453, n. 6).

[624] Вильгельм Апулийский сообщает о 120 кораблях Роберта (Guil. Ap., V, 143), впрочем в дальнейшем он упоминает лишь о 20 кораблях (ibid., V, 156–157). Луп Протоспафарий (Lup. Protosp., s. a. 1085) говорит о многочисленных кораблях и бесчисленном войске Роберта.

[625] Ср. Malat., III, 39. Вильгельм Апулийский (Guil. Ap., V, 130–135) и Луп Протоспафарий утверждают, что Роберт отправился из Бриндизи. Малатерра датирует эти события сентябрем 1084 г. (Malat., III, 39). Автор «Барийской хроники» относит их к октябрю этого же года (Anon. Bar. Chron., s. a. 1085).

[626] Остров Корфу был захвачен во время первой переправы Роберта.

[627] Dölger, *Regesten*..., 1119 (сентябрь 1084 г.). Согласно свидетельству Вильгельма Апулийского (Guil. Ap., V, 80– 105), осенью 1083 г. Диррахий был захвачен венецианским флотом. Проведя в городе 15 дней и не сумев овладеть акрополем, венецианцы покинули город, перезимовали на море и весной 1084 г. подошли к Корфу.

[628] Кассопская гавань на северном побережье острова Корфу.

[629] Пасарская гавань на восточном побережье острова Корфу.

[630] Петр Контарини, по-видимому, принадлежал к знаменитому венецианскому роду Контарини. Один из Контарини – Доменико – был дожем Венеции с 1043 по 1070 г.

[631] Анна рассказывает о двух поражениях соединенного флота византийцев и венецианцев, а в западных источниках упоминается лишь одно из них. Автор «Барийской хроники» (Anon. Bar. Chron., s. a. 1085) датирует его январем 1085 г., Ромуальд Салернский (Rom. Salern., s. a. 1085) – ноябрем 1084 г. Последняя дата более вероятна. По словам Вильгельма Апулийского (Guil. Ap., V, 154–198), в норманнском войске находились сыновья Роберта – Рожер, Боэмунд и Роберт (Анна утверждает, что Роберт оставил сыновей в Бутринто). Рожер, пишет Вильгельм, обратил в бегство греков, а Роберт и его сыновья расправились с венецианцами. Луп Протоспафарий говорит о тысяче убитых врагов Роберта и о пяти захваченных кораблях, Вильгельм Апулийский сообщает о двух тысячах пленных.

[632] Ф. Шаландон (Chalandon, *Essai*..., p. 93, n. 3) вслед за К. Шварцем считает этот эпизод вымышленным Анной. Ср. Leib, *Alexiade*, II, p. 54, n. I.

[633] Титул ипертима (первоначально имевший светский характер) носил Михаил Пселл (см. прим. 562). При Комниных этот титул давался главным образом духовным лицам. Так, при Мануиле Комнине его носителем был афинский митрополит (см. Beck, *Kirche*..., S. 68).

[634] Имеется в виду знаменитый собор св. Марка в Венеции. Таким

образом, Алексей делает амальфитян, живущих в Константинополе, данниками Венеции.

635 Таким образом, венецианская концессия состояла из эргастериев (собственно мастерских, где не только изготовляли, но и продавали изделия), расположенных по берегу Золотого Рога от Еврейского причала (южная граница – см. Janin, *Constantinople byzantine*, p. 274) до района Вигла (северная граница – см. Janin, *Constantinople byzantine*, p. 302). Это сравнительно небольшой прибрежный район напротив Галаты.

636 *Таможенная пошлина* (κομμέρκιον) – налог на оборот и продажу товаров (см.: *Rouillard*, *Les taxes maritimes*..., p. 277 sq.; Dölger, *Beiträge*..., S. 62).

637 Привилегии, предоставленные венецианцам в Константинополе, зафиксированы в нескольких документах (Dölger, *Regesten*..., 1076, 1081, 1109).

Анна, конечно, имеет в виду хрисовул Алексея 1082 г., сохранившийся на латинском языке в венецианских архивах (Tafel, Thomas, *Urkunden*..., S. 52 sq.). На это указывает целый ряд совпадений текстов хрисовула и Анны. Так в хрисовуле говорится об уступке Венеции квартала с лавками ab Ebraica usque ad Viglan (от Еврейского причала до Виглы), об обложениях ежегодными взносами в три номисмы амальфитян в пользу венецианцев, о даровании венецианскому дожу титула протосеваста (у Анны севастократора), а патриарху – ипертима и т. д. В то же время в хрисовуле есть ценные детали, которых нет у Анны. Так в нем перечислены города империи (в том числе фактически ей не принадлежавшие), где венецианцы пользуются полной свободой торговли, точно указаны налоги, от уплаты которых венецианцы освобождаются. Как явствует из текста хрисовула, Византия шла на унизительные уступки венецианцам. Греческие чиновники, нарушители хрисовула, подвергаются большому денежному штрафу, две церкви в Константинополе со всеми доходами передаются венецианцам (православные церкви – католической Венеции!) и т. д.

Хрисовул наносил огромный ущерб Византии и свидетельствовал о безвыходном положении империи. По сообщению Дандоло, венецианский дож даже требовал, чтобы Алексей провозгласил его дукой Далмации и Хорватии (см. Соколов, *Восточная политика*..., стр. 126 и сл.; *Образование*..., стр. 281 и сл.).

Этот хрисовул Анна ошибочно относит к 1085 г. На самом деле привилегии были предоставлены венецианцам в награду за их помощь в борьбе Алексея с Робертом в 1081–1082 гг. (Ал., IV, 3, стр. 144). О

привилегиях венецианцев в Византии см. также Brown, *The Venetians and the Venetian Quarter...;* Roberti, *Ricerche intorno alla colonia...* (нам недоступна).

[638] Имеется в виду Рожер.

[639] *Галея* – небольшое судно для выполнения специальных поручений (см. Bréhier, *La marine...*, p. 12).

[640] Несколько иначе рассказывает об этих событиях Вильгельм Апулийский (Guil. Ap., V, 202–254): Роберт расположил свои корабли на р. Гликис, а сам отправился со своими всадниками зимовать в Вондицу. Зимой (1084*85 г.) в лагере на р. Гликис начались голод и эпидемия (эти события Анна ошибочно относит к зиме, весне 1081–1082 гг.; см. прим. 430), Боэмунд заболевает и возвращается в Италию, тогда Роберт направляет Рожера в Кефалинию, а сам возвращается к своему флоту. Выведя корабли из обмелевшей реки (см. Ал., IV, 3. стр. 145), Роберт летом 1084 г. спешит на помощь Рожеру к Кефалинии.*

[641] Афер – местечко в Палестине. Такое же название носит мыс на северном побережье Кефалинии. Что касается Иерусалима, то мы не можем с уверенностью сказать, какой именно город на Итаке имеет в виду Анна. Так неожиданно и трагично для Роберта исполняется пророчество. Подробно об этом эпизоде см. Βαγιακάκος, Ἐκ τοῦ τοπωνυμικοῦ της Ιθάκης, σελ. 341–348.

[642] Большинство западных хронистов единодушно утверждают, что Роберт умер в июле 1085 г., но их сведения о месте и обстоятельствах смерти Роберта противоречивы. Данные источников сопоставляют П. Безобразов («Боэмунд Тарентский», стр. 69, прим. 1) и Ф. Шаландон (Chalandon, *Essai...*, p. 93, n. 9).

[643] Т. е. Рожеру.

[644] Вильгельм Апулийский (Guil. Ap., V, 365–390) описывает панику, которая охватила норманнов после смерти Роберта. Они побросали все имущество, надеясь переправиться в Италию. Однако мест на кораблях всем не хватило, и большая часть (pars maior) норманнов перешла к византийцам.

[645] Об этой буре пишет и Вильгельм Апулийский (Guil. Ap., V, 391–397).

[646] Веноса – город в Апулии. То, что именно в этом городе был погребен Роберт, подтверждается также и другими источниками (см. Mathieu, *Guillaume de Pouille...*, pp. 336–337).

[647] Т. е. в Константинополе.

[648] Сиф – врач, ученый и переводчик второй половины XI в.

(Krumbacher, *Geschichte*..., S. 615).

649 В данном случае Анна имеет в виду прорицания, основанные на наблюдениях над звездами (см. Buckler, *Anna* /Comnena..., *p. 84). Астрология существовала еще в Древнем Египте. Под «древностью» писательница понимает классическую Грецию, которая действительно почти не оставила астрологических трактатов.*

650 Евдокс – знаменитый греческий математик, астроном и врач IV в. до н. э.

651 Манефон – египетский жрец и ученый III в. до н. э. Среди его сочинений известен трактат по астрологии, сохранившийся в рукописи XI в.

652 В тексте лакуна, переводим по дополнению А. Райффершайда.

653 Анна пользуется астрологической терминологией своего времени. Получить гороскоп – это установить расположение созвездий в какой-то определенный момент и истолковать их влияние на судьбу человека или исход какого-либо предприятия. Центры – это четыре точки на небе, имевшие особо важное значение для гороскопа (Boll, Gundel, *Sternglaube*..., S. 62).

О византийской астрономической и астрологической терминологии см. Neugebauer, *Studies...*

654 Столь решительное осуждение Анной астрологии, вполне вероятно, имеет не только теоретическое значение. «Алексиада» частично писалась в период царствования Мануила Комнина, который, как известно, чрезвычайно увлекался астрологией. Сохранилась его переписка с Михаилом Гликой, который осуждал увлечение императора (CCAG, I) и, возможно, в конце концов был из-за этого ослеплен (Boll, Gundel, *Sternglaube*..., S. 33). Таким образом, выпад против увлечения астрологией имеет вполне конкретную направленность (см. Любарский, *Мировоззрение*..., стр. 157–158).

655 Нам неизвестно, ни кто такой этот александриец, ни упоминающиеся ниже Елевтерий и Катананк.

656 *Астролябия* – угломерный инструмент, еще с античности употреблявшийся для астрономических, геодезических и астрологических наблюдений. О средневековой астролябии см. Destombes, *Un astrolabe carolingien...*

657 *Логическое мышление* – τέχνη λογική. В других случаях сообразно контексту мы переводим это выражение «словесное искусство», «словесность» (см. прим. 559). Ф. Дэльгер (рец. на «Buckler, *Anna* Comnena...», *S. 303) предлагает читать* τέχνη λογαρική, т. е. «искусство

исчисления». Ласкарис Комнено (Lascaris Gomneno, *Obseruacion*...) *считает необходимым заменить* τέχνη λογική на τέχνη μαντική (т. е. «пророческое искусство»). Статья Ласкариса Комнено известна нам по аннотации в BZ, 45, 2, 1952, S. 428.

658 *Достойной владыки*... Анна вторично (см. Введ., 4, стр. 55) цитирует Еврипида (Эол, фр. 15).

659 *В отсутствии выдержки* – ως μικροψυχήσανΐα. Глагол μικροψυχεΐν и существительное μικροψυχία четырежды встречаются в тексте «Алексиады» (см. такжеX, 2, стр. 287; XI, 3, стр. 268; XIV, 4, стр. 385), и только в последнем случае слово употреблено в своем классическом значении – «малодушие». Шопен и Е. Доуэс переводят μικροψυχία как «легкомыслие».

660 Т. е. 1 декабря 1083 г. В своем повествовании Анна возвращается на два года назад.

661 Рождение и крещение детей в императорской семье сопровождались пышными церемониями и народными празднествами (см. Bréhier, *Les institutions..., pp. 34–36).*

662 Анна была «удостоена диадемы», поскольку она еще в младенчестве была обручена с Константином Дукой – соправителем Алексея.

663 См. Предисл., стр. 14.

664 Имеется в виду Мария.

665 Между 1 сентября 1087 г. и 31 августа 1088 г.

666 Будущий император Иоанн II Комнин (1118–1143).

667 Иоанн был назначен соправителем Алексея и коронован не сразу после рождения, а по крайней мере в возрасте 3– 4 лет. Так, Феофилакт Болгарский в речи, обычно датируемой январем 1090 г. (см. прим. 780), упрекает Алексея за то, что он не назначает своего сына соправителем. Сама Анна говорит, что она воспитывалась в доме матери своего жениха Константина до 8 лет (т. е. до 1091 г.) и упоминает о несчастьях, постигших ее в этом возрасте. Можно думать, что эти несчастья были связаны с низложением малолетнего Константина – прежнего соправителя Алексея. А это низложение было, по-видимому, следствием коронации Иоанна (см. Предисл., стр. 14). В документах неаполитанского архива Иоанн впервые упоминается как соправитель Алексея с 1092 г. (см. Васильевский, *Византия и печенеги*, стр. 145).

668 См. Ал., III, 11, стр. 138.

669 Анна имеет в виду победу над Боэмундом у Кастории (осень 1083 г.).

[670] Абуль-Касим (Ἀπελχασήμ) – турецкий эмир (см. Moravcsik, *Byzantinoturcica*, II, S. 71).

[671] Бузан (Πουζάνος) – турецкий эмир, наместник Эдессы (см. о нем: «Encyclopédie de L'Islam»,IV, s. v. Tutush, p. 1035; Moravcsik, *Byzantinoturcica*, II, S. 256).

[672] Тутуш (Τουτούσης) – сын Алп-Арслана, брат Мелик-Шаха, сельджукский эмир в Сирии (1079–1095). См.: Moravcsik, *Byzantinoturcica*, II, S. 328; «Encyclopédie de L'Islam», IV, s. v. Tutush, pp. 1034–1035; Стэнли Лэн-Пуль, *Мусульманские династии*, стр. 127, прим. 4).

[673] Филарет Врамахий (Βραχάμιος, Βαχάμιος) от арм. Vahram. Полководец Романа Диогена, куропалат. Филарет отказался признать власть Михаила VII и постепенно подчинил себе область, включавшую Таре, Мопсуэстию, Аназарв, Эдессу и Антиохию. После вступления на престол Никифора Вотаниата он признал нового императора. О Филарете сообщается в ряде византийских и восточных источников [см. о нем: Grousset, *Histoire*..., I, pp. X-XLIV; Laurent, *Byzance et Antioche*..., p. 61 sq.; Laurent, *Les sceaux byzantins*, pp. 115–119 (нам недоступна)].

[674] По сообщению арабского историка Ибн аль-Асира, когда Филарета не было в Антиохии, его сын Барсам (содержавшийся в то время в тюрьме) и правитель города, оставленный Филаретом, призвали Сулеймана, который и захватил Антиохию. События относятся к декабрю 1084 г. (см.: Cahen, *La première pénétration*..., p. 45; Laurent, *Byzance et Antioche*..., pp. 71–72).

[675] Арабский историк Сибт ибн аль-Джаузи рассказывает о взятии Синопа неким Каратекином (известен полководец Мелик-Шаха Каратекин; возможно он идентичен захватившему Синоп). См. Cahen, *La première pénétration*..., p. 47).

[676] Анна ошибается: Сулейман (сын Кутулмиша) не состоял в близком родстве с Тутушем. Генеалогическую таблицу сельджукских султанов см. в приложениях к Grousset, *Histoire*..., I.

[677] Сулейман погиб в июле 1086 г.; Ф. Шаландон (Chalandon, *Essai*..., p. 97) и Б. Лейб ошибочно говорят об июле 1085 г. По одним источникам, Сулейман погиб в бою, по другим – покончил с собой после битвы (см. «Encyclopédie de L'Islam» IV, s. v. Sulaiman, pp. 558–559).

[678] *Чауш* (Σιαούς); см. Moravcsik, *Byzantinoturcica*, II, S. 274. Сибт ибн аль-Джаузи употребляет это слово в значении посол (Cahen, *La première pénétration*..., p. 51, n. I).

Анна вообще часто употребляет имена нарицательные как собственные.

[679] Т. е. грузин.

[680] См. Марк, IX, 18.

[681] Константин Далассин – родственник Алексея по материнской линии (см. о нем Ал., VII, 8, стр. 218; IX, 1, стр. 246).

[682] Πουλχάσης (Moravcsik, *Byzantinoturcica*, II, S. 256). Пулхас (Бульдаги) упоминается у Матфея Эдесского и в некоторых других источниках (см. Cahen, *La première pénétration...*, p. 46).

[683] См. Ал., IV, 4, стр. 145.

[684] Василия была расположена к северу от Никеи (см. Ramsay, *The historical geography...*, p. 190).

[685] Борсук (Προσούχ). По-видимому, речь идет о полководце сельджукских султанов, взявшем сторону Бэрк-Ярука в конфликте последнего с Тутушем (см. «Encyclopédie de L'Islam», I, p. 820).

[686] Бэрк-Ярук (Παργιαρούχ) – старший сын Мелик-Шаха, сельджукский султан (1092–1104). После смерти отца (ноябрь 1092 г.) вступил с Тутушем в длительную борьбу за власть и окончательно утвердился в качестве султана в 1094 г.

[687] Пренет был расположен на берегу Пропонтиды, примерно в 10 *км* севернее Еленополя.

[688] При Алексее Комнине главнокомандующий императорским флотом именовался дукой, а затем великим дукой флота (см. Guilland, *Les chefs de la marine...*, p. 222 sq.).

Фамилия Вутумитов, вероятно, происходила из сербского города Будва (греч. Вутома – Βούτομα. Theoph. Cont., S. 289). Некоего Мануила Вутумита упоминает Атталиат (см. Krumbacher, *Geschichte...*, S. 270).

[689] *Место, которое одни называли Алики, другие – Кипарисием* (τόπον παρ μν των Ἀλυκς ονομαζόμενον παρ δ των Κυπαρίσσιον). Кипарисий был расположен вблизи Киоса. В. Томашек говорит о двух пунктах: Аликах и Кипарисии; видимо, это ошибка, ибо сам ученый не ссылается ни на какие иные источники, кроме цитированного места «Алексиады» (см. Tomaschek, *Zur historischen Topographie...*, S. *10).*

[690] Dölger, *Regesten...*, 1163 (1092 г.). О датировке этих событий см. прим. 708.

[691] По-видимому, имеется в виду константинопольский ипподром (Janin, *Constantinople byzantine*, pp. 177–178).

[692] Т. е. Демосфен. Он действительно рассказывает нечто подобное, но не об Алкивиаде, как пишет Анна, а о Фемистокле (Contra Lept.,XX, 73; ср. Thuc., I, 90).

[693] Ф. Шаландон полагает, что город, построенный Алексеем, – Кивот,

Civitot – в латинских источниках (Chalandon, *Essai*..., p. 103, n. 1; ср. Glykatzi-Ahrweiler, *Les fortresses*..., p. 184, n. 18).

694 Мы сохраняем термин скипетры (σκηπτρα); у византийских авторов он нередко употребляется в значении «знамя», «значок» (см. Sophocles, *Greek Lexicon*..., s. *v.* σκηπτρον).

695 Т. е. Гибралтар.

696 Мы не в состоянии объяснить, что именно понимает Анна под Дионисовыми столбами, да и вряд ли писательница имеет в виду что-то определенное, она явно преувеличивает размеры владений Византии.

697 Мероя (Μερόη) – город на правом берегу Нила, в древности столица Эфиопского царства.

698 *Страна троглодитов* (Τρωγλοδιτική) – античное название Эфиопии.

699 См.прим. 260.

700 *Над головами которых находится северный полюс* (οἳς κατ κορυφν ο Βόρειος ιπόλος). Ср. слова Пселла о гипербореях (Sathas, Bibl. gr. V, p. 113): «У них над головами находится полюс небесной сферы» (οἳς κατ κορυφν ο της σφαίρας πόλος εφήστηκε).

701 Анна значительно преувеличивает как прежние размеры империи, так и достижения Алексея.

702 Около Никомидии (см. Ramsay, *The historical geography*..., p. 209).

703 Имеется в виду Бэрк-Ярук. Эти события следует датировать летом – осенью 1092 г.: послы императора уже не застали в живых Мелик-Шаха (см. прим. 708).

704 *Это река у Лопадия* – только в C. Видимо, это интерполяция, представляющая собой неверное объяснение названия Лампи – местности в верховьях Меандра (см. Grégoire, *Notes géographique et historique*..., pp. 78–89).

705 Dölger, *Regesten*..., 1164 (1092 г.).

706 Хорасан – область на северо-востоке Персии. Анна так же как и западные хронисты, часто употребляет это название весьма неопределенно, понимая под Хорасаном все восточные страны, захваченные сельджуками.

707 Хасии (χάσιοι), т. е. ассассины. Ассассины – принятое в Европе название членов фанатичной религиозной секты исмаилитов, образованной во второй половине XI в. Для ассассинов убийство было основным средством достижения цели (см. «Handwörterbuch des Islam», S. 60 sq., s. v. Assassinen). Свидетельство Анны об ассассинах – одно из наиболее ранних.

[708] Мелик-Шах умер в ноябре 1092 г. Восточные источники сообщают различные версии о причине его смерти, но ни одна из них не совпадает с рассказом Анны (см. «Encyclopédie de L'Islam», III, p. 226, s. v. Malikshach.) По весьма правдоподобному предположению ряда исследователей (см. Buckler, *Anna* Comnena..., *p. 423, n. I), Анна путает между собой два события: смерть Мелик-Шаха и убийство великого визиря Низам аль-Мулька, которое было совершено примерно за месяц до гибели Мелик-Шаха.*

Эпизодом убийства Мелик-Шаха Анна заканчивает большой раздел о византийско-сельджукских отношениях. «Алексиада» в данном случае – единственный наш источник, хронологические указания которого скупы и противоречивы. Последнее точно датируемое событие из упомянутых Анной в этом разделе – гибель никейского султана Сулеймана в июле 1086 г. (см. прим. 677). Затем Анна повествует о следующих событиях.

1. Великий сельджукский султан Мелик-Шах отправляет к Алексею посла Чауша с предложением союза. Чауш переходит на сторону императора (VI, 9, стр. 191).

2. Никейский сатрап Абуль-Касим захватывает власть в Никее и вступает в борьбу с Византией. Татикий наносит поражение Абуль-Касиму (VI, 10, стр. 192–193).

3. Алексей приглашает Абуль-Касима в Константинополь и воздвигает укрепление неподалеку от Никомидии (VI, 10, стр. 194–195).

4. Полководец Мелик-Шаха Борсук осаждает Никею. Алексей посылает на помощь Абуль-Касиму войско, которое вскоре возвращается назад, опасаясь нового турецкого наступления (VI, 11. стр. 195–196).

5. Мелик-Шах отправляет против Абуль-Касима Бузана. Гибель Абуль-Касима. Султан через Бузана предлагает Алексею выдать замуж дочь императора за своего старшего сына. Алексей направляет ответное письмо с Куртикием, который не застает Мелик-Шаха в живых (VI, 12, стр. 196–198).

Таким образом, все перечисленные события происходили между июлем 1086 г. (гибель Сулеймана) и ноябрем 1092 г. (убийство Мелик-Шаха). Попробуем более точно распределить их во времени.

Мелик-Шах отправляет Чауша в Константинополь, **как только узнал о гибели Сулеймана,** т. е. сразу после июля 1086 г. Борьба Абуль-Касима с Византией должна была происходить примерно в то же время, ибо, по словам писательницы (VI, 10, стр. 191), турецкие сатрапы (в их числе и Абуль-Касим) захватили охраняемые ими города, **«когда весть о самоубийстве распространилась по всей Азии».** Но такой датировке

препятствует одна деталь в рассказе писательницы: во время осады Никеи Татикий получает сведения о приближении турецкого войска Борсука, которого послал **новый султан Бэрк-Ярук** (τοῦ νεωστ γεγονότος σουλτν τοῦ Παργιαρούχ – VI, 10, стр. 192). Сын Мелик-Шаха, Бэрк-Ярук стал султаном лишь в 1092 г., после смерти отца (см. прим. 686). Это первое хронологическое противоречие в анализируемом отрывке «Алексиады». Обращая внимание на различные взаимоисключающие свидетельства писательницы, Ф. Шаландон (Chalandon, *Essai*..., p. 110) датирует эти события 1086 г., а Ф. Дэльгер (Dölger, *Regesten*..., 1163) и М. Каэн (Cahen, *La première pénétration*..., p. 50) – 1092 г. Поход Бузана и обмен письмами между Алексеем и Мелик-Шахом в представлении Анны происходили непосредственно после 1086 г., ибо Мелик-Шах отправил в поход Бузана, **узнав об измене Чауша** (VI, 12, стр. 196), которого он в свою очередь послал в Константинополь, как только ему стало известно о гибели Сулеймана в июле 1086 г. Однако та же Анна сообщает, что ответное посольство Алексея к Мелик-Шаху уже не застает султана в живых (Мелик-Шах был убит в ноябре 1092 г.!). Это – второе противоречие у писательницы. Большинство исследователей относят поход Бузана и обмен письмами к 1092 г. Лишь П. Готье датирует эти события 1087 г. (Gautier, *Le discours*..., p. 101). Вот аргументы исследователя.

1. Доводы, которые приводит Мелик-Шах, стремясь склонить к союзу Алексея, соответствуют ситуации 1087 г. В письме, переданном с Бузаном, Мелик-Шах напоминает императору о его борьбе с «латинянами» (т. е. о кампании против Роберта Гвискара, закончившейся в 1085 г.) и об угрозе со стороны «скифов» (т. е. печенегов, наступление которых на Византию началось в 1086 г.).

2. Мелик-Шах предлагает Алексею выдать дочь императора замуж за своего старшего сына Ахмета, а Ахмет умер в 1088 г.

Аргументы П. Готье не кажутся нам достаточно убедительными. Во-первых, Мелик-Шах вспоминает вообще о врагах, с которыми встретился Алексей, с того момента как взял власть в свои руки, и, следовательно, доводы Мелик-Шаха не обязательно связывать с ситуацией 1087 г. Во-вторых, под старшим сыном Мелик-Шаха может подразумеваться и Бэрк-Ярук, ведь называет Анна по ошибке первенца Роберта Боэмунда младшим сыном норманнского герцога (см. Ал., I, 14, стр. 85). Таким образом, писательница рассказывает как о непосредственно следующих друг за другом событиях, которые, согласно ее же собственным данным, разделяет промежуток в пять лет. Анна, видимо, плохо представляет себе хронологию, и у нас нет вполне объективных критериев для установления

точных дат.

[709] Бузан был убит Тутушем в 1094 г., после битвы последнего с объединенными силами трех турецких эмиров под Тель ас-Султаном (к северу от Алеппо). См. «Encyclopédie de L'Islam», IV, pp. 1034–1035, s. v. Tutush.

Представления Анны о событиях этого времени на Востоке весьма туманны.

[710] Тапар (Ταπάρης) – так Анна называет Мелик-Шаха (Moravcsik, *Byzantinoturcica*, II, S. 298).

[711] Ил., III, 23.

[712] ο τ Ναυάτου φυσων – фразеологическое сочетание со значением «кичливый» (ср. Ал., X, 7, стр. 279). Новат – карфагенянин, ересиарх III в.

[713] Килич-Арслан I – сельджукский султан (1092–1107гг.) В период описываемых событий Килич-Арслан был еще очень юным (Moravcsik, *Byzantinoturcica*, II, S. 161; «Encyclopédie de L'Islam», II, p. 1065).

[714] См. Moravcsik, *Byzantinoturcica*, II, S. 200.

[715] Илхан (Ἐλχάνης). Как и во многих других случаях, Анна принимает за собственное имя название титула (Moravcsik, *Byzantinoturcica*, II, S. 124).

[716] По-видимому, это то же лицо, что и упомянутый Зонарой Форвин Катакалон, отец Никифора, будущего супруга Марии, дочери Алексея (Zon., XVIII, 22).

[717] Имеется в виду оз. Артиния, из которого вытекает р. Риндак. О мосте, игравшем большую стратегическую роль в середине века, см. Ramsay, *The historical geography*..., p. 160.

[718] γράρια – небольшие парусные суда (см. Leib, *Alexiade*, II, p. 80).

[719] См. прим. 944.

[720] Пышный титул иперперилампра («наисветлейший») давался провинциальной знати и второстепенным чиновникам (см. Leib, *Alexiade*, I, p. CVII). На месте имени в тексте лакуна.

[721] В «Алексиаде» нет никаких указаний о времени выступления Илхана и борьбы с ним Алексея. По мнению П. Готье (Gautier, *Le discours*..., pp. 103–104), эти события относятся к концу 1086-началу 1087 г., периоду, когда, по словам Анны (VI, 10, стр. 191), после смерти Сулеймана все сатрапы захватили города, которые охраняли.

[722] Анна возвращает свой рассказ на 6 лет назад, к 1086 г., к событиям начала печенежской войны. «Алексиада» – практически единственный источник наших сведений об этом периоде.

[723] *Одно из скифских племен* (γένος τι Σκυθικόν). Вопрос о том, какой

именно народ имеет в виду Анна, вызвал в научной литературе целую дискуссию, основывающуюся, по нашему мнению, на недоразумении. В. Васильевский в статье «Византия и печенеги» (стр. 46 и сл.) говорит о том, что «манихей» Травл заключил союз с печенегами и сосватал себе дочь одного из знатных «скифов». Ученый исходит только из текста «Алексиады» (см. ниже) и, следовательно, под «скифами», упоминаемыми Анной, имеет в виду печенегов (и это совершенно правильно, ибо писательница в дальнейшем именует их πατζινάκοι). Однако в приложении к той же статье (стр. 131 и сл.) Васильевский старается доказать, что γένος τι Σκυθικόν никак не может быть печенежским племенем, потому-де Анна не могла так непосредственно говорить о печенегах, «слишком хорошо известных из ее истории». Исследователь приводит малоубедительную параллель с текстом Зонары и произвольно предполагает, что узы (у Анны «савроматы» – см. ниже; Васильевский, кстати, это племя отождествляет с куманами – половцами) могли в то время теснить только русских, и на этом основании считает, что «одно из скифских племен» – русские.

П. Голубовский, следуя В. Васильевскому, пытается даже определить, каких именно русских подразумевает Анна (Голубовский, *Печенеги, торки...*, стр. 206–208).

Выдвигались и другие точки зрения. Так, у Н. Йорги (Jorga, *La première cristalisation..., pp. 33–46) эти скифы- румыны. Специальную работу этому вопросу посвятил В. Златарский («Какъв народь...», стр. 71 и сл.), который справедливо подвергал сомнению аргументы своих предшественников, но сам достаточно произвольно считал это «одно из скифских племен» узами (торками). На наш взгляд, участники затянувшейся дискуссии не учитывают одного – текста «Алексиады», единственного источника по данному вопросу. Ведь не может быть никакого сомнения, что «одно из скифских племен» и те скифы, с которыми заключил союз Травл, – один и тот же народ, т. е. печенеги. Зачем же иначе стала бы Анна сообщать о скифах, поселившихся в Паристрии, если не для того, чтобы объяснить, с кем заключил союз Травл, герой ее рассказа. Возражая В. Васильевскому, следует отметить, что в выражении* γένος τι Σκυθικόν нет никакой неопределенности: Анна имеет в виду не всех печенегов (в тексте не εθνος, а γένος), а одно из печенежских племен.

Единственным противопоказанием для отождествления одного из скифских племен с печенегами является сообщение самой Анны (см. ниже) о том, что скифы, «утихомирившись (εκεχειρίαν τιν σχόντες «пользуясь временем перемирия»), стали возделывать землю, сеять просо

и пшеницу». Как известно, печенеги были кочевниками, и у нас нет других свидетельств, что они занимались земледелием. Г. Литаврин относит это замечание Анны не к скифскому племени, а вообще к «народам, жившим по Дунаю» (Литаврин, *Болгария и Византия*, стр. 420). Возможно, что это так, но надо помнить, что сама Анна говорит именно о печенегах, и, как бы ни относиться к достоверности слов писательницы, перед нами интересное (и еще не оцененное исследователями) свидетельство о переходе печенегов к оседлому или полуоседлому образу жизни.

[724] Савроматами Анна чаще всего называет узов (торков). См. Moravcsik, *Byzantinoturcica*, II, S. 270.

[725] *Татушем по прозвищу Хали* (τοῦ τε Τάτου κα Χαλη ονομαζομένου). В. Васильевский полагает, что речь идет здесь о двух лицах: Татуше и Хали (Васильевский, *Византия и печенеги*, стр. 38). Согласно сообщению М. Атталиата (Attal., p. 205, ср. Skyl., p. 719), этот Татуш пришел к власти в результате восстания жителей Дристры против византийского господства в начале 70-х годов XI в. (см. Литаврин, *Болгария и Византия*, стр. 413).

[726] По поводу этнической принадлежности этих живших по Дунаю племен среди исследователей нет единого мнения. В. Златарский называет Татуша печенегом, Сеслава (Всеслава) и Сацу – болгарами; Н. Бэнеску считает всех их влахами (Златарски, *История...*, II, стр. 183; Banescu, *Ein ethnographisches Problem...*, Ss. *297–299, 306–307. См. также Литаврин*, Болгария и Византия, *стр. 420)*.

[727] Вичина – крепость в нижнем течении Дуная. Вопрос о ее точном местоположении до сих пор остается спорным (см. Литаврин, *Болгария и Византия*, стр. 420, прим. 18).

[728] См. Ал.,VI, 4,стр. 180–181.

[729] Блисн находился в трех днях пути к востоку от Филиппополя на берегу р. Сазлийки (левый приток Марины), которую, по-видимому, и имеет в виду Анна (Златарски, *История...*, II, стр. 185, бел. 1).

[730] Гебр – древнее название р. Марицы.

[731] *Сверкающие доспехи* – τ λάμπρον των αμφίων. Дж. Баклер (Buckler, *Anna* Comnena, *p. 494) считает, что* τ αμφία в данном случае значит «оружие».

[732] *Пеший за лидийской колесницей* (πεζς... παρ Λύδιον αρμα) – слова Пиндара, дважды цитированные Плутархом (Plut. Nic., I; Mor., 658).

[733] Σιδηρα или Πύλαι Σιδηραί (Железные ворота) – проход через Балканский хребет, которым часто пользовались в древности. У Анны Сидира упоминается еще дважды (VII, 3, стр. 207;X, 4, стр. 274). Вопрос об

идентификации этого прохода по-разному решался исследователями. Нет единой точки зрения и в вопросе о том, имеет ли в виду Анна во всех этих случаях один проход.

О полемике по вопросу о Сидире см. Gyóni, *La première mention...*, p. 505 sq. Сам М. Дьони считает, что Анна везде говорит об одном проходе и убедительно идентифицирует его с Чалыкавским (Врбицким).

[734] Соломон – венгерский король (1063–1074). Был низложен своими двоюродными братьями и отвергнут женой Юдифью, сестрой Генриха IV. После низложения удалился в изгнание, но попыток вернуть престол не прекращал (см. Homan, *Geschichte...*, S. *272 sq.). Упоминание имени Соломона как участника похода – единственное твердое основание для датировки этого события. О походе Соломона на «греческого царя» под 1087 г. сообщается в хронике Бернольда (Bernoldus, s. a. 1087; ср. Annalista Saxo, s. a. 1087). По сообщению Бернольда, Соломон был убит в бою, однако саксонский анналист утверждает, что Соломон погиб от руки своих. По другим источникам, Соломон спасся и стал вести подвижническую жизнь (см. Васильевский,* Византия и печенеги, *стр. 49, прим. 4).*

[735] Мы не можем идентифицировать это название, явно славянское по своему происхождению.

[736] По-видимому, от названия г. Βέμπετζ на Евфрате (см. Nic. Ghon., p. 37).

[737] Памфил – между Хариополем (ныне Хайраболу) и Редесто (см. Златарски, *История...*, II, стр. 189, бел. 2).

[738] Кули (Κούλη) – по-видимому, от арабско-тюркского cale; к северо-востоку от Эноса.

[739] Таким образом мы описательно переводим греческое: τν ουτωσ καλούμενον κοπν τοῦ Ῥωμαϊκοῦ στρατεύματος... ευρόντες.

[740] Иоаннаки – прозвище Василия Куртикия (Ал., V, 5,стр. 167).

[741] Т. е. проходы через Балканский хребет.

[742] Мнения исследователей о датировке этого похода не совпадают. В. Васильевский («Византия и печенеги», стр. 50) и В. Златарский («История...», II, стр. 190) полагают, что здесь речь идет о 1088 г. Ф. Шаландон склонен относить эти события к 1087 г. (см. также: Dieter, *Zur Glaubwürdigkeit...*, Ss. 388– 389; Hagenmeyer, *Der Brief des Kaisers AIexis...*, S. 16). Ф. Шаландон безусловно прав. (О хронологии печенежской войны см. прим. 842.)

[743] Лардей – к востоку от Сливена (см. Златарски, *История...*, II, стр. 190).

[744] Игнатьев помещает крепость Голою около села Комарево (к северо-западу от Карнобата), где до сих пор сохранились развалины (см. Игнатьев, *Градището...*, стр. 206–207).

[745] Фраза почти полностью заимствована у М. Пселла (см. Psellos, *Chronogr*., I, ρ. 15).

[746] Возможно, брат уже упоминавшегося Анной Николая Маврокатакалона.

[747] Т. е. через Балканский хребет.

[748] Т. е. к Вуколеону (см. прим. 288).

[749] См. Nic. Br., IV, 17. Сама Анна также рассказывает об этом эпизоде (Ал., I, 6, стр. 69).

[750] Так мы, вслед за большинством переводчиков и толкователей Анны, переводим απόγονος, означающее в греческом языке «потомок», «внук» (См. Seger, *Byzantinische Historiker*, I, Ss. 14–17; Buckler, *Anna Comnena...*, p. 492; Leib, *Alexiade*, II, p. 91.) Вопреки общераспространенному мнению, С. Виттек де Жонг доказывает, что муж Анны – действительно внук мятежника Вриенния (Wittek-de-Jongh, *Le César Nicéphore Bryennios*, p. 436).

[751] *Мудрости, как нашей, так и не нашей* – σοφίαν εκεΐθεν ηρύσατο, οση τε ημετέρα κα οση ποτ ημετέρα. Б. Лейб с явной натяжкой переводит: «... des connaisances très éte ndues qu’il s’agît de celles de notre temps ou de celles d’antan». Предлагаем изменить ποτέ на ουχ [ουτε(?)] и понимать под ημετέρα «нашу (т. е. христианскую) мудрость», а под ουχ ημετέρα «не нашу (т. е. языческую, эллинскую) мудрость». Ср. характеристику, даваемую Анной образованности Никифора Вриенния (Введ., 4, стр. 55 и прим. 20).

[752] Установление даты солнечного затмения имеет большое значение для датировки событий печенежской войны, ибо хронология этого периода у Анны крайне неудовлетворительна. В. Васильевский («Византия и печенеги», стр. 52) считал, что речь идет о затмении 20 июля 1088 г. Но, как отметил еще К. Дитер (Dieter, *Zur Glaubwürdigkeit*..., S. 389), это затмение не наблюдалось на территории Европы. (Утверждение К. Дитера проверено нами по астрономическому справочнику Schroeter, *Spezielier Kanon...)* После похода Челгу (весна 1087 г.) на территории Болгарии затмение наблюдалось 1 августа 1087г. (другие затмения были значительно позднее). По мнению Ф. Шаландона (Chalandon, *Essai*..., p. 105, n. 1), Анна имеет в виду именно это затмение. Эту датировку принимаем и мы, хотя для короткого срока между походом Челгу и солнечным затмением (весна-август 1087 г.) рассказ Анны слишком насыщен событиями (Ал., VII, 1–2, стр. 203 и сл.). Отметим и другое

противопоказание для нашей датировки. Согласно свидетельству Анны, происходило полное солнечное затмение («солнечный свет затмился, и весь диск, закрытый луной, стал невидим»), На самом деле фаза затмения на территории Болгарии была примерно 0,6 и, таким образом, должно было произойти лишь некоторое ослабление солнечного света (вычисления выполнены сотрудником Института теоретической астрономии АН СССР в Ленинграде Н. Г. Полозовой).

[753] Малая Никея – к юго-востоку от Адрианополя (Златарски. *История...*, II, стр. 191, бел. 2).

[754] Ил., II, 1–34.

[755] Ныне Голяма – Камчие (см. Златарски, *История...*, II, стр. 192). Константин Багрянородный (Const. Porph., *De adm.*, p. 62) называет эту реку не Вичина, а Дичина (Διτζίνα).

Оба названия могли существовать параллельно. Закономерно также предположить ошибку у одного из авторов. В. Бешевлиев («За името Дичина...») считает, что в рукописи «Алексиады» стояло Διτζίνα, неверно исправленное переписчиком на Βιτζίνα (по аналогии с Вичиной, городом на Дунае, упомянутым Анной ранее – VI, 14, стр. 201).

[756] В. Златарский («История...», II, стр. 496–498) считает, что Симеонов Холм – это курган около с. Войвода, к северу от Плиски.

[757] О применении печенегами повозок в бою сообщает также Никита Хониат (Nic. Chon., p. 21): печенеги огораживают свои ряды повозками и пользуются ими как стеной (ср. также Cinn., p. 8).

[758] Анна путает Большую Преславу (Преслав) с Преславой на Дунае (см. Bromberg, *Toponymical and historical miscellanies..., XII, pp. 174–178; XIII, pp. 459–465).*

[759] Имя Мокр еще раз встречается в «Алексиаде» (см. прим. 1291), где говорится о том, что Лихнитское озеро стало называться на варварский манер Охридским, начиная со времени Мокра. Писательница прибавляет: ... τοῦ Βουλγάρων βασιλέως τ πρωτα κα τ εσχατα Σαμουήλ... Эти слова Анны по-разному трактовались учеными. Одна группа исследователей полагала, что Мокр и Самуил – одно лицо: болгарский царь прежде (τ πρωτα) именовался Мокром, а потом (τ εσχατα) Самуилом.

Другие ученые считали, что речь идет о двух лицах Мокре и Самуиле [Лихнитское озеро переименовали в Охридское со времени сначала (τ πρωτα) Мокра, а потом и (τ εσχατα) Самуила], и по-разному пытались идентифицировать имя Мокр. И то и другое толкование основывается на натяжках в понимании греческого текста и трактовки исторических фактов.

Остроумное решение вопроса предложил И. Дуйчев. По его мнению, «Мокр» (в книге XII) представляет собой не имя лица, а географическое название, объяснение же этого названия в тексте «Алексиады» (см. прим. 1291) является интерполяцией, возникшей вследствие смешения Мокра – болгарского царя (как в данном месте у Анны) и Мокра – географического наименования. Остается выяснить, кого же Анна имеет в виду под царем Мокром. И. Дуйчев присоединяется к мнению, что имя Μόκρος образовалось в результате метатезы из Κροῦμος. Крум – хорошо известный болгарский хан (803–814). См.: «История Болгарии», стр. 68; Дуйчев, *Сщинското значение...*, (там же вся дискуссия по этому вопросу).

760 Седекия (599–588 гг. до н. э.) – последний иудейский царь, при котором был разрушен Иерусалим.

761 Царь Самуил (976–1014; см. о нем «История Болгарии», стр. 94–96). Анна ошибается: Самуил не был последним царем «болгарской династии». Последним болгарским царем был Иван-Владислав (1015–1018). Ошибка Анны кажется тем более странной, что предки Анны по материнской линии происходили от Ивана-Владислава (Ирина Дукена, мать Анны, была внучкой Траяна, сына Ивана-Владислава – см. прим. 221).

762 «Большой» – по-гречески μεγάλος (мегалос). Анна не только путает два города (см. прим. 758), но и дает неверное объяснение происхождению названия Большая Преслава. Греческого города Мегалополь в этом районе не существовало. Большой Преславой город назван для отличия его от Малой Преславы на Дунае (см. Дуйчев, *Сщинското значение...*, 4, стр. 19).

763 К западу от Силистры (Дристры у Анны). Одно из сел в этом районе до сих пор носит название Ветрен (см. Златарски, *История...*, II, стр. 93, бел. I).

764 Так мы переводим греческое ... τάξεις τοῖς τακτικοῖς δεσμήσαντες σφίγμασι.

765 Сохраняем выражение Анны – πρς ενα χαλινόν.

766 Анна применяет к командирам печенежского войска греческий термин «лохаг», т. е. начальник лоха. Лох в византийском войске состоял обычно из 16 человек (см. Скабаланович, *Византийское государство и церковь в XI в.*, стр. 318).

767 *Омофор* – накидка, нарамник богоматери; хранился как реликвия во Влахернском храме богоматери (см. Ebersolt, *Sanctuaires de Byzance*, p. 46, n. 5).

768 Народ сложил по этому поводу песенку. В Ер. содержится текст

этой песенки: Ἀπ τν Δρίστραν εις Γολόην καλν απληκτον Κομνήνε. В переводе С. Пападимитриу: «От Дристры до Голои – прекрасный лагерь, Комнин». (Пападимитриу, *Две народные песни*, стр. 281–287; ср. Reifferscheid, *Annae Comnenae*..., p. XVII.)

769 В применении к духовным лицам слово «проедр» означало «епископ», а позднее и «архиепископ» (см. Salaville, *Le titre ecclesiastique...).*

770 Это не единственное свидетельство, что у изгнанного Льва Халкидонского были сторонники при дворе. Находясь в ссылке, Лев обращался к Марии Болгарской – матери Ирины (супруги Алексея Комнина) и Анны (супруги Георгия Палеолога) – с просьбой заступиться за него перед Алексеем (см. Grumel, *Documents athonites*..., p. 128 sq.). Судя по сохранившемуся письму Льва, Мария через Ирину ходатайствовала перед императором за епископа. Вполне вероятно, что история с чудесным явлением Льва – выдумка Георгия Палеолога, пытавшегося заставить Алексея простить епископа. Обращает на себя внимание, что Анна в данном случае дает характеристику Льва гораздо более мягкую, чем раньше.

771 Сто холмов (Ἑκατν βουνοί) были расположены в Добрудже (см. Harmatta, *Das Volk der Sadagaren*, Ss. 21–22 и карту в ст. Gyóni, *La première mention*..., p. 500).

772 Анна отвергает этимологию названия озера ’Οζολύμνη от οζω (пахнуть) и λύμνη (озеро, болото).

773 Сочетание гласных «ο" и "υ» в греческом языке читается как звук «у».

774 У исследователей нет единого мнения по поводу того, какое именно озеро имеет в виду Анна (см.: Златарски, *История*..., I, стр. 498–499; Bromberg, *Toponymical and historical miscellanies*..., p. 175, n. 2; Buckler, *Anna Comnena*..., p. 214; Gramada, *Ozolimna* (нам недоступна). По мнению автора последней работы по этому вопросу О. Прицака (Pritzak, *Ein Hunnisches Wort*, S. *124 sq.), Озолимна – это днепровский лиман, а первый компонент слова* – Ουζο – происходит от тюркского названия Днепра – Özü. Название Озолимна упоминается также в двух документах VIII и XII вв. (см. Moravcsik, *Byzantinoturcica*, II, S. 228).

775 В дальнейшем (XIV, 9, стр. 398) Анна сообщает, что ее отец назвал Алексиополем город, воздвигнутый вблизи Филиппополя.

776 Т. е. ромеев, которых Алексей выкупил из плена (см. Ал., VII, 4, стр. 213).

777 Роберт I Фризский – граф Фландрии, Зеландии и Голландии.

Совершил паломничество в Палестину и на обратном пути остановился в Константинополе. Вопрос о точной датировке встречи Алексея с графом Робертом вызвал большую литературу. Многочисленных исследователей этого вопроса можно разделить на две группы. Одни (Ф. Шаландон, Хагенмейер, Ф. Дэльгер, Р. Груссе, Б. Лейб, А. Ваас), основываясь главным образом на сообщении Анны, относят эту встречу к концу 1087 г. или к несколько более позднему времени, другие (А. Пиренис, В. Хольцман, К. Верлиндер), доверяя больше западным источникам, – к 1089–1090 гг. (О дискуссии по этому вопросу см.: Васильевский, *Византия и печенеги*, стр. 61, прим. 2 и Ganshof, *Robert le Frison..., pp. 57–64). В данном случае предпочтение следует отдать данным западных источников, ибо хронология печенежской войны у Анны весьма неточная.*

[778] *Принятую у латинян клятву* – τν συνήθη τοῖς Λατίνοις ορκον. Такое же выражение употребляет Анна, говоря о клятве Алексею Гуго Вермандуа и Боэмунда (X, 7, стр. 280;X, 11, стр. 291). Речь идет о вассальной присяге (см. прим. 1004). Ср. Ganshof, *Robert le Frison...*, p. 64 sq.

[779] См. Dölger, *Regesten..., 1144. Дэльгер весьма осторожно датирует этот мир временем «после августа 1087 г.». Этот terminus post quem не что иное, как дата солнечного затмения, о котором Анна упоминала выше (см. прим. 752).*

[780] Dölger, *Regesten...*, 1145. В речи Феофилакта Болгарского к Алексею Комнину (Gautier, *Le discours...*, p. 111, cap. 6) содержится рассказ о мирном договоре Алексея со «скифами». В. Васильевский («Византия и печенеги», стр. 146), сопоставляя сообщения Феофилакта и Анны, датирует речь болгарского архиепископа 6 января 1090 г. Датировку В. Васильевского принимают и другие исследователи (см.: Златарски, *История...*, II, стр. 197, бел. I; Chalandon, *Essai...*, pp. XXV-XXVI; Katičić, Βιογραφικά ..., σελ. 371 εξ).

Нам, однако, мнение Васильевского не представляется безусловным по следующим соображениям.

1) По словам Феофилакта, скифские послы первые явились к Алексею. У Анны император сам отправляет послов к печенегам. Феофилакт, произносивший речь сразу же после этих событий, конечно, знал обстоятельства дела. Он не преминул бы указать на инициативу Алексея, ведь он хвалит его за этот мир. Таким образом, остается неясным, имеют ли ввиду Анна и Феофилакт один и тот же договор с печенегами или разные.

2) Нет твердых оснований утверждать, как это делает В. Васильевский

и его последователи, что Анна относит заключение этого договора к зиме 1089*0 г. (см. прим. 752).*

Иное предположение в самое недавнее время высказал П. Готье (Gautier, *Le discours*..., pp. 96–99). По его мнению, мир с печенегами, о котором говорится у Феофилакта, – это не второй, а первый из мирных договоров, упомянутых Анной в данной главе. Однако аргументы ученого малоубедительны (см. аннотацию на статью П. Готье в ВВ, XXV, 1964, стр. 269–270).

[781] *Продовольствием, которое тот должен был доставить* – ωστε πανηγύρεις εξάγειν. Слово πανηγύρις обычно означает «всенародное празднество», «ярмарка»; оно еще дважды встречается в тексте «Алексиады» (X, 5, стр. 277; XIII, 7, стр. 356) Б. Лейб во всех трех случаях переводит его по-разному: «рынок», «запас продовольствия» и даже «рекруты». Е. Доуэс везде понимает под πανηγύρις «рынок», так же переводит это слово и А. Каждан («Деревня и город...», стр. 254). По нашему мнению, единственное приемлемое толкование этого слова у Анны – «запас продовольствия».

Ф. Шишич (Šišio, *Pouijest Hruata*, I, стр. 586 и сл.) произвольно переводит πανηγύρεις – «вспомогательные отряды» и на этом основании ставит сообщение Анны в связь со свидетельством попа Дуклянина о том, что византийский император просил помощи у хорватского короля Звонимира (1089 г.).

[782] В рукописях лакуна.

[783] См. Притчи, XXVI, 11.

[784] Тавроком находился рядом с Адрианополем.

[785] Т. е. зиму 1089*0 г. (см. прим. 846).*

[786] 1090 г. (См. прим. 846).

[787] Очередное преувеличение Анны.

[788] *Сыновьями архонтов* – εξ αρχόντων υιούς. Под понятием αρχοντες Анна подразумевает здесь представителей византийской военной знати. Интересное свидетельство, что в это время суффикс πουλος (в слове архонтопул) уже имеет значение «сын».

[789] Lapsus memoriae Анны. По сообщению Плутарха, «священный полк» был образован не спартанцами, а фивийцами против спартанцев (Plut., Pelop., 18).

[790] ... ονομαστ εκαστον καθαπερε απόδηρ,ον ανακαλούμενος. В. Васильевский («Византия и печенеги», стр. 66, прим. 4). буквально переводит эту фразу: «призывая каждого поименно, как ушедшего в чужую землю» и указывает, что речь идет о причитаниях над мертвецами.

[791] *Отроки* (αγουροι) – юные слуги-воины, составлявшие личную гвардию военачальников. Слово часто встречается в византийском эпосе «Дигенис Акрит».

[792] См. Ал., VII, 6, стр. 214.

[793] *Ныне владеющие персидской территорией...* – οι δ νῦν τ Περσων φρονοῦντες. Предлагаем читать φρουροῦντες вм. φρονοῦντες, φρονέω в этом контексте непонятно. Φρουρέω в значении «охранять», «командовать» часто встречается в «Алексиаде».

[794] Чакан (Τίαχας, в русской транскрипции обычно Чаха) – турецкий эмир (Moravcsik, *Byzantinoturcica*, II, S. 31).

[795] αγράρια σκεπαστά досл.: «крытые небольшие суда» (см. Bréhier, *Les institutions...*, p. 423).

[796] *Кураторы* – чиновники, управляющие владениями, поместьями, дворцами и т. п. (Schlumberger, *Sigillographie...*, p. 488; Каждан, *Деревня и город...*, стр. 131 и сл.).

Некий Константин Алоп упоминается в стихотворении Продрома (Пападимитриу, *Феодор Продром*, стр. 347–348). Имя Алоп носит также человек, поручивший Михаилу Пселлу воспитание своих детей (Psellos, *Scripta minora*, II, p. 82). Какое отношение эти Алопы имеют к названному Анной – неизвестно.

[797] По мнению Ф. Шаландона (Chalandon, *Essai*..., p. 126, n. 2), предыдущий рассказ Анны о Чакане относится к 1088– 1089 гг. (повествуя об истории отношений Алексея с турецким эмиром, Анна возвращается назад), а экспедиция Константина Далассина была уже в 1090 г. Зонара (Zon., XVIII, 25) в числе захваченных Чаканом островов упоминает также Самос и Родос.

[798] Скорее всего в рукописи ошибка: вместо Александр Кавалика следует читать Александр Кавасила. Александра Кавасилу Анна уже упоминала (IV, 4, стр. 145). См. Lambros, *Alexander Kabasilas*. Род Кавасил известен в Византии еще со времен Василия Болгаробойцы (см. Θεοχαρίδου, Δημήτριος Δούκας..., σελ. 6).

[799] *Новелиссим* был эпитетом римских цезарей времени поздней империи. С IV в. этот эпитет превратился в самостоятельный титул, следующий по значению после кесаря. Новелиссим имел определенные инсигнии (расшитая золотом накидка, пурпуровый плащ и т. д.). Свое значение этот титул сохраняет вплоть до середины XI в., когда возникает новый титул – «протоновелиссим» (к новелиссиму прибавляется усилительная приставка πρωτο – «перво», ср. нотарий и протонотарий, севаст и протосеваст и т. д.). Первый известный нам протоновелиссим –

Феодор Далассин, приближенный императрицы Евдокии.

Титул «новелиссим» получает широкое распространение, и в XII в. нам известен уже целый ряд протоновелиссимов (см. Dölger, *Byzantinische Dyplomatik*, S. 26 sq.).

[800] Эта цифра вызывает сомнения уже хотя бы потому, что с 1082 по 1085 г. Диррахием владели норманны. Ф. Дэльгер предлагает вместо ενιαυτος πρς τω εν δέκα («одиннадцать лет») читать μηνας δέκα πρς τω ενιαυτω ενί («один год и десять месяцев») См. BZ, XXXVII, 1937, Ss. 534–535.

[801] Согласно свидетельству попа Дуклянина, Вукан (у Анны Βολκάνος) был жупаном Рашки. (О Вукане см. Јиречек, *Историја срба*, стр. 137 и сл.). А. Петров («Князь Константин Бодин», стр. 258 и сл.) ошибочно считал, что Вукан – то же лицо, что и Бодин.

[802] Ил., VII, 282, 293.

[803] Имеется в виду Поливот Фракийский. См. Златарски, *История...*, II, стр. 200, бел. 3.

[804] См. прим. 73.

[805] Речь идет не о носителе титула великого сокольничего, а о слуге, в чьи обязанности входил уход за соколами (Leib, *Alexiade*, II, p. 117).

[806] Ил., X, 173.

[807] Ныне Абраска между Мальгарой и Редесто (см. Chalandon, *Essai*..., p. 127, n. 6).

[808] В «Слове о полку Игореве» упоминается народ – татраны. В качестве географического наименования «Татран» встречается на территории современной Румынии и несколько раз в центральных районах Азии (см. Rasony Nagy, *Der Volksname Берендей*, S. *224, Anm. 7)*.

[809] *Домашние слуги* (οι περ τν αυτοκράτορα θεράποντες). Домашние слуги пользовались часто большим расположением императоров. Михаил Атталиат (Attal., p. 316 sq.) пересказывает новеллу Никифора Вотаниата, в которой престарелый император заботится о безопасности своей челяди и предусматривает для них всевозможные дары и льготы на случай его смерти.

[810] Реку под таким названием упоминает также Феофилакт Симокатта (Theoph. Sim., VI, 3).

[811] Каллиопа – муза эпической поэзии.

[812] Ил., II. 12.

[813] Зима 1090*1 г.*

[814] Хировакхи были расположены между Кючук-Чекмедже и Буюк-Чекмендже (см. Васильевский, *Византия и печенеги*, стр. 69).

[815] 16 февраля 1091 г.

[816] Сырная (масляная) неделя следует за мясопустной.

[817] Декат от греч. δέκα (десять). Декат был расположен на Эгнатиевой дороге, между Евдомом и Регием, в непосредственной близости от Константинополя (см. Janin, *Constantinople byzantine*, p. 407).

[818] В Византии дневные и ночные часы имели отдельный счет. Продолжительность часа менялась в зависимости от времени года. Второй час дня – это утро (см. Grumel, *La Chronologie*, p. 163 sq.).

[819] По-видимому, р. Карасу (Меласу).

[820] Т. е. 19 февраля 1091 г.

[821] Т. е. 18 февраля 1091 г.

[822] Второзак., XXXII, 30.

[823] Вафис-Риак – древний Ресий вблизи Константинополя (см. Κυριακίδου – Νέστορος, Μολυβδόβουλλον... σελ.180 εξ).

[824] Имеется в виду храм великомученика Феодора Тирона, день поминовения которого приходится на первое воскресенье поста (17 февраля). В этот день приток богомольцев был особенно велик. Однако весной 1091 г. печенеги стояли под стенами Константинополя, и жители византийской столицы не имели возможности посетить храм (см. ниже). Упоминание храма Феодора помогает точнее датировать события.

[825] Анна употребляет античный термин οπισθόδομος. Так называлась внутренняя часть храма Афины-Паллады в афинском акрополе. В данном случае Анна имеет в виду внутреннюю часть церкви (корабль).

[826] Чакан и раньше вступал в сношения с печенегами (см. Ал., VII, 8, стр. 217). Союз турок и печенегов облегчался этнической близостью этих племен. По-видимому, можно говорить о координированных действиях врагов Византии.

[827] *Как только он достанет ячменя* – οπηνίκα τς κριθς καταλάβοι. В. Васильевский («Византия и печенеги», стр. 73, прим. 1) предполагает, что под κριθάς следует понимать название города на Херсонесе Фракийском и таким образом переводить эти слова: «... когда он прибудет в Крифию». С таким толкованием текста согласен и В. Златарский («История...», II, стр. 203, бел. 1).

[828] 1090–1091 гг.

[829] Dölger, *Regesten...*, 1158 (начало 1091 г.).

[830] О влахах см. прим. 533.

На основании этого места «Алексиады» некоторые исследователи делали вывод, что слово βλάχοι употребляется Анной как синоним «кочевников».

С нашей точки зрения, прав М. Дьони (Gyóni, *Le nom...*, p. 241 sq.), утверждающий, что «влахи» в данном случае – точное этническое наименование. Аргументы М. Дьони сводятся к следующему:

а) другие авторы XI-XII вв. понимают под «влахами» определенный народ;

б) наименование βλάχοι – не античное, поэтому, как и в ряде других подобных случаев, писательница считает нужным оговорить, что название влахи – «просторечное».

Мысль Анны, следовательно, можно перефразировать таким образом: «Мелиссин должен был призвать тех кочевников, которых в просторечии зовут влахами».

[831] С этим сообщением Анны нельзя не поставить в связь письмо Феофилакта Болгарского к Никифору Мелиссину (PG, 126, col. 532), где архиепископ жалуется на тяжелое положение фемы Пелагония (Битоль), которая не в состоянии выделить требуемых рекрутов (см. Chalandon, *Essai*..., p. 125). Ф. Шаландон относит письмо к весне 1090 г. (ср. Xanalatos, *Beiträge zur Wirtschaftsgeschichte*..., S. 217).

[832] Имеется в виду р. Марица.

[833] Хирины – небольшая крепость на правом берегу Марицы (см.: Gyóni, *Le nom...*, p. 251; Златарски, *История...*, II, стр. 204).

[834] *На дозорном судне* так мы переводим греч. εν αμφιρύκω πλοίω. См. Leib, *Alexiade*, II, p. 136.

[835] В. Васильевский («Византия и печенеги», стр. 98, прим. 2) отождествляет Тогортака (Τογορτάκ) с Тугорканом и Маниака (Μανιάκ) с Боняком русских летописей (ср.: Chalandon, *Essai*..., p. 132, n. 3; Златарски, *История...*, II, стр. 205, бел. 2; Moravcsik, *Byzantinoturcica*, II, Ss. 181, 316).

[836] *Вырыл ров* – τάφρον πεποιηκώς. Здесь, как и во многих других случаях, под этим выражением, возможно, следует понимать «разбил лагерь, окопанный рвом».

[837] См. Ал., VIII, 3, стр. 232.

[838] См. прим. 761.

[839] *Брод Филокалов* (Πόρον τοῦ Φιλοκάλου). Попытку определить точное местоположение этого брода делает М. Дьони (Gyóni, *Le nom...*, p. 251).

[840] По мнению М. Дьони (Gyóni, *Le nom...*, p. 251), Мавропотам (Черная речка) – это приток Марицы, современная Эргене, на берегах которой много мест с названиями, начинающимися с Кара (Черный).

[841] По сведениям западных источников, Алексей в 1091 г. отправил посольство Урбану II (Dölger, *Regesten...*, 1156). Возможно, император

просил военной помощи у папы. О взаимоотношениях Алексея I и Урбана II см. Holtzmann, *Die Unionsverhandlungen*... Ср. прим. 970.

[842] *Зная крутой нрав куманов* – τ οξ της των Κομάνων γνώμης διαγνούς. Б. Лейб переводит эти слова: «... voyant que la décision des Comans etait bien arrêtée...».

[843] В. Васильевский («Византия и печенеги», стр. 101, прим. 2) считает, что этот пятитысячный отряд состоял из русских – жителей прикарпатских областей, подданных князя Василько Ростиславовича. В. Златарский («История...», II, стр. 500–503) полагает, что речь идет о болгарах. По мнению Б. Лейба (Leib, *Alexiade*, II, p. 140), жители горных областей, упомянутые Анной, – влахи. Все эти предположения не более, как произвольные гипотезы.

[844] *Из одноцветных шелковых плащей* – εκ σηρικων πέπλων ομοχρόων.

Может быть, надо вслед за Е. Доуэс и Б. Лейбом переводить: «... облачил их в доспехи и шлемы, изготовленные из шелковой ткани, по цвету напоминающей железо».

[845] В рукописях лакуна.

[846] Дата легко устанавливается: вторник на 29 апреля приходился в 1091 г.

Сражением 29 апреля 1091 г. заканчивается шестилетняя византийско-печенежская война. Хронология этой кампании у Анны весьма запутана и вызывала различные толкования исследователей (см.: Dieter, *Zur Glaubwürdigkeit*...; Chalandon, *Essai*..., p. 105 sq.; Buckler, *Anna Comnena..., p. 431 sq.: Расовский,* Печенеги..., *Златарски,* История..., *II, стр. 185 и сл.; Gautier*, Le discours..., *p. 91 sq.).*

Рассмотрим подробней свидетельства писательницы. Из событий, переданных Анной, можно достаточно точно датировать три: поход Челгу на Византию весной 1087 г. (см. прим. 734), солнечное затмение 1 августа 1087 г. (см. прим. 752) и поражение печенегов 29 апреля 1091 г. Между двумя последними датами происходят следующие события:

1) Алексей терпит поражение от печенегов у Дристры (VII, 3, стр. 213 и сл.);

2) куманы вступают в бой с печенегами, оттесняют их к Озолимне и возвращаются на родину (VII, 5, стр. 208 и сл.);

3) к Алексею в Боруй прибывает Роберт Фризский (VII, 6, стр. 214);

4) Алексей через Синесия заключает мирный договор с печенегами (VII, 6, стр. 214);

5) печенеги нарушают мирный договор и занимают Филиппополь (VII, 6, стр. 215);

6) Алексей заключает новый мирный договор с печенегами, но последние нарушают соглашение и обосновываются в Таврокоме (VII, 6, стр. 216);

7) **с наступлением весны** печенеги переходят в Хариополь и разбивают отряд архонтопулов; к Алексею приезжают всадники Роберта Фризского (VII, 7, стр. 217);

8) Алексей выступает из Константинополя, терпит поражение от печенегов и является в Русий (VII, 9, стр. 221 и сл.);

9) новое сражение и победа Алексея над печенегами. **С наступлением зимы** Алексей возвращается в Константинополь (VII, 11, стр. 225 и сл.);

10) экспедиция Алексея против печенегов в Хировакхи (VIII, 1–2. стр. 228 и сл.);

11) большое наступление печенегов, закончившееся их поражением 29 апреля 1091 г.

Пользуясь указаниями Анны на смену времен года (они выделены в нашем перечне событий), можно легко определить, что второй мирный договор с печенегами был заключен осенью- зимой 1089*0 г. Однако остальные события точной датировке не поддаются. Современные исследователи (см., например, Gautier,* Le discours..., *pp. 97, 98) чисто логическим путем распределяют события во времени следующим образом: поражение Алексея у Дристры – конец августа 1087 г., борьба куманов с печенегами – осень 1087 г., встреча Алексея с Робертом, первый мирный договор с печенегами – начало зимы 1087*88 г. Но такое распределение событий вызывает возражения. Во-первых, встреча Алексея с Робертом Фризским состоялась, видимо, в конце 1089-начале 1090 г. (см. прим. 777). Во-вторых, если первый мирный договор с печенегами датировать осенью-зимой 1087*88 г., а второй осенью-зимой 1089*90 г., то промежуток в два года не может быть заполнен событиями, рассказанными Анной: об обоих договорах писательница повествует в пределах одной главы как о следующих во времени один за другим.

Ставшая ныне традиционной датировка событий печенежской войны, на наш взгляд, лишена серьезных оснований.

[847] О том, что византийские воины, отправляясь в поход, берут с собой веревки и ремни, чтобы вязать пленных, сообщает также Скилица (Skyl., p. 598).

[848] См. Ал., VII, 3, стр. 210 и сл.

[849] Согласно сообщению Зонары (Zon., XVIII, 23), часть оставшихся в живых печенегов вместе с женами и детьми были поселены в Могленах; из

них император составил особый отряд своего войска.

[850] Ζύγος (от лат. iugum «горный хребет», «горная цепь»). По мнению, М. Дьони (Gyóni, *La premiere mention...*, pp. 500– 501), у Анны это слово употребляется для обозначения двух географических понятий: Балканских гор (как, например, в данном случае) и горной цепи недалеко от Липения, отделявшей византийские владения от Сербии.

На самом деле Анна, примыкая к античной традиции, считает, что горная цепь, которую она именует Зигом, простирается от Черного до Адриатического моря и ее непосредственным продолжением являются Альпы и, может быть, Пиренеи. Ведь Зиг, по словам писательницы (IX, I, стр. 245), – название местное. А на античный манер Анна именует эту горную цепь Гемом и объясняет, что она начинается у Черного моря, идет до Иллирика и продолжается на противоположном материке (XIV, 8, стр. 395). См. Дуйчев, *Проучвания...*, стр. 154 и сл.

[851] В Ер. прибавлено: «... и не нанес им никаких телесных увечий».

Об этом заговоре см. также сообщение Зонары (Zon., XVIII, 23). Умбертопул вскоре получил прощение императора (см. Ал.,X, 2, стр. 276).

[852] К сожалению, Анна не называет имени болгарского архиепископа. Можно предположить, что им был уже упоминавшийся нами знаменитый Феофилакт Болгарский или Охридский.

Точное время назначения Феофилакта на пост архиепископа Болгарии неизвестно. Исследователи относят это событие к 1084–1085 гг., 1091 и даже к 1092 гг. (см. Katičić. Βιογραφικά..., σελ. 372).

Выяснению вопроса о том, кто был доносчиком на Иоанна, могли бы помочь письма Феофилакта к сыну севастократора Исаака, сохранившиеся в эпистолярном наследии архиепископа. Но, к сожалению, до сих пор не удается точно выяснить, ни кому они направлены – Иоанну или другому сыну Исаака – Константину, ни их хронологию (см. Katičić, Βιογραφικά...,σελ. 381 εξ). Не исключена возможность, что доносчиком на Иоанна был предшественник Феофилакта на посту архиепископа Болгарии – Иоанн. В этом случае можно предположить, что Иоанн поплатился за свой донос, был смещен и, таким образом, освободил место для Феофилакта.

[853] Этериарх – начальник этерии (Bury, *The imperial administratiue system...*, p. 107).

[854] См. Dölger, *Regesten...*, 1059 (после мая 1091 г.).

[855] В тексте τα μεσαίχμια, т. е. территория между владениями Византии и сербов.

Это интересное свидетельство о существовании «нейтральной зоны»

на границах Византийской империи (см. Радојчић, *Вести*..., стр. 19).

[856] Посамому пустому поводу – υπ ψιλοῦ ρήματος;досл.: «от одного слова».

[857] Согласно хронологической последовательности рассказа Анны, дело об измене Иоанна Комнина разбиралось летом или зимой 1091 г. Так и датирует эти события Ф. Дэльгер. Однако такая датировка плохо согласуется с другими фактами, приводимыми писательницей. Судя по словам Анны, весной 1092 г. Алексей отозвал из Диррахия Иоанна Дуку (IX, 1, стр. 246), который, как сообщала Анна ранее, пробыл в Диррахии 11 лет (VII, 8, стр. 221). Следовательно, в 1091 г. дукой Диррахия должен был быть не Иоанн Комнин, а Иоанн Дука. Для объяснения этого противоречия исследователями предлагались следующие гипотезы: 1) допустить, что оба Иоанна находились в Диррахии одновременно, но исполняли там разные функции, ибо невозможно предположить, чтобы в одной области находились два дуки; 2) отнести время пребывания Иоанна Комнина в Диррахии к более позднему сроку и датировать «измену» Иоанна Комнина временем после 1092 г, (см. об этом Литаврин, *Болгария и Византия*, стр. 289, прим. 4). По нашему мнению, в данном случае нет серьезных оснований подвергать сомнению хронологию Анны, тем более что у нас действительно нет ясного представления о том, какие функции выполнялись в Диррахии Иоанном Дукой и Иоанном Комниным.

[858] Феодора Гавру упоминает и Зонара (Zon., XVIII, 22), который называет его севастом и мучеником. Феодор Гавра был провозглашен мучеником, и сохранилось его житие, которое повторяет многие сведения, имеющиеся в «Алексиаде"· (см.: Пападопуло-Керамевс, Συμβολαί..., σελ. 132–137; Μυστακίδου, Τραπεζουντακά..., σελ. 79 εξ.). В «Житии» рассказывается также, как Гавра попал в плен к агарянам и, отказавшись отречься от христианской веры, был предан мучительной смерти. Время этих событий неизвестно. Сама Анна (XI, 6, стр. 306) сообщает, как в 1098 г. Гавра из Паиперта (совр. Байбурт) решил напасть на войско Исмаила, и обещает в дальнейшем поведать о жизни и конце Гавры, но не исполняет своего обещания. А. Пападопуло-Керамевс (Συμβολαί..., σελ. 137) предполагает, что именно тогда, в 1098 г., Гавра и был пленен, но из слов Анны такого заключения не следует. Сохранилась печать Феодора Гавры – дуки Трапезунда (Schlumberger, *Sigillographie*..., p. 665).

[859] В «Житии» говорится, что Гавра происходил от знатных и богатых предков из «восточных фем – Халдии, Колонии и соседних с ними районов» (Пападопуло-Керамевс, Συμβολαί..., σελ. 135).

Халдия – византийская фема на территории Армении. Фема Колония

была расположена между Понтом и Халдией, А. Пападопуло-Керамевс (Συμβολαί..., σελ. 134) замечает, что на территории древней Халдии и в России, в районе Мариуполя и Гурзуфа, где жило немало греков, весьма распространена фамилия Гавра и Гаврадис.

860 Уже в X в. в Византии были запрещены браки между детьми – двоюродными братьями и сестрами (см. Zachariae von Lingenthal, *Geschichte*..., S. 64).

861 По сообщению Зонары (Zon., XVIII, 22) сын Феодора Гавры был обручен с дочерью Алексея Марией, но вскоре этот союз был расторгнут, а Мария обручена с Никифором – сыном Форвина Катакалона.

862 Храм св. Фоки был расположен на европейском берегу Босфора, к северу от Константинополя (Janin, *Constantinople byzantine*, pp. 434–435).

863 Сосфений находился на европейском берегу Босфора, примерно в 14 *км* севернее Константинополя (Janin, *Constantinople byzantine*, p. 436).

864 Фарос (по греч. «маяк») находился у Понта, на европейском берегу Босфора (Ducange, *In Alex.*, p. 586, RE, X, col. 1927).

865 Dölger, *Regesten*..., 1161 (послемая 1091 г.).

866 Город под таким названием упоминают и другие византийские авторы (Ducange, *In Alex.*, p. 586).

867 Судя по сохранившейся печати, Евстафий Камица был новелиссимом (Schlumberger, *Sigillographie*..., p. 548).

868 *Пинкерн* – дворцовый чин, виночерпий за столом императора (Bréhier, *Les institutions*..., p. 50).

869 В тексте ηλον, хотя естественно было бы ожидать λόγχην («копье»). См. объяснения Дж. Баклер (Buckler, *Anna* /Comnena..., *pp. 467–468) и Б. Лейба (Leib,* Alexiade, *II, 154–155).*

870 В византийской истории известно несколько Месопотамитов; один из них, Василий, по сведениям Вильгельма Апулийского, сражался с Алексеем под Диррахием в 1101 г. Попытку идентифицировать этого Георгия Месопотамита делает Дюканж (см. Ducange, *In Alex.*, p. 588). М. Матье (Mathieu, *Guillaume de Pouille*..., p. 321), ссылаясь на письмо М. Ласкариса, утверждает, что Месопотамиты – это не фамилия: так называли лиц, происходящих из области или монастыря τοῦ Μεσοποτάμου (вблизи Бутринто).

871 См. Dölger, *Regesten*..., 1162 (после мая 1091 г.).

872 Т. е. Паристрия.

873 *Именует себя императором* (βασιλέα εαυτν νομάζων). По мнению Ф. Шаландона (Chalandon, *Essai*..., p. 147), речь здесь идет о титуле султана, но из дальнейших слов Анны становится ясно, что Чекан

претендовал на императорскую власть и именовал себя императором, а не султаном.

[874] Т. е. лета 1091 г. и зимы 1091*92 г.*

[875] *Великим дукой флота* (μέγας δοῦξ τοῦ στόλου), т. е. главнокомандующим флотом. В византийских источниках это первое упоминание такого титула (см. Guilland, *Les chefs de la marine..., p. 223). Впрочем, в это время титулатура окончательно еще не была установлена, и, как следует из текста «Алексиады», под командованием великого дуки находилась также и сухопутная армия, а непосредственное руководство флотом осуществлялось великим друнгарием (см. Bréhier*, Les institutions..., *p. 424). В «Житии св. Мелетия Миупольского» (Васильевский,* Житие св. Мелетия, *стр. 27) Иоанн назван дукой флота без эпитета «великий»*.

[876] Не совсем ясно, как можно двигаться по суше к расположенной на острове Митилене.

[877] См. Moravcsik, *Byzantinoturcica*, II, S. 109.

[878] См. Dölger, *Regesten...*, 1166 (весна 1092 г.).

[879] См. Аристофан, *Мир*, *1083.*

[880] ο Δαλασσηνς Κωνσταντῖνος θαλασσοκράτωρ τηνικαῦτα ων και μήπω εφθακς κατ τ εντεταλμένα παρ τοῦ Δούκα εις ακρωτήριόν τι τς ναῦς προσορμίσας. Наше понимание этой фразы расходится с толкованием Е. Доуэс и Б. Лейба, которые переводят ее следующим образом: «Константин Далассин, который был тогда талассократором и который еще не успел прибыть, причалил, согласно приказу Дуки, к мысу...». Если Константин Далассин к тому времени не успел подойти, то как он мог вообще говорить с Дукой? Кроме того, слова μήπω εφθακώς... προσορμίσας недвусмысленно означают «не успев причалить».

[881] Карик – по-видимому, дука Крита; до него этот пост занимал Никифор Диоген (Ал., IX, 6, стр. 255). См. Glykatzi-Ahrweiler, *L' administration de* Iα Crète byzantine, *p. 224.*

[882] Карпаф – ныне Скарпанто, остров недалеко от Крита.

[883] В «Житии св. Мелетия Миупольского» (Васильевский, *Житие св. Мелетия,* стр. 27–28) содержится несколько иная версия этого эпизода. Иоанн Дука по пути на Крит останавливался в гавани Еврипа и просил благословения у св. Мелетия на борьбу с Кариком. Святой не разрешил Иоанну переправиться на Крит, а велел ожидать исполнения божественной воли. Так Иоанн и поступил. Вскоре прибыло известие о смерти Карика. Краткое упоминание о восстании на Крите и Кипре содержится также у Зонары (Zon., XVIII, 22; ср. Glycas» IV, p. 620).

[884] Кириния – город на северном побережье Крита.

[885] Левкусия – ныне Никосия.

[886] Κριτν... κα έξισωτήν. Термином κ ριτής (досл. «судья») в Византии именовались наместники провинций. В XI в. в связи с реорганизацией провинциального управления роль наместников значительно возросла, в их ведении могло теперь находиться не только гражданское, но и военное управление (в данном случае гражданские и военные функции, по-видимому, разделены, и последние отданы Евмафию Филокалу, см. ниже). См.: Скабаланович, *Византийское государство и церковь в XI в.*, стр. 186 и сл.; Glykatzi-Ahrweiler, *Recherches*..., p. 69 sq.

Эксисот – налоговый инспектор, главная функция которого заключалась в определении и изменении суммы налога (см. Dölger, *Beiträge*..., S. 79 sq.).

[887] Сохранились печати Евмафия Филокала, где он именуется великим дукой флота, претором Эллады и Пелопоннеса, куропалатом и магистром (см.: Mordtmann, *Plombs byzantins*..., p. 47 sq.; Schlumberger, *Sigillographie*..., pp. 691–692). По мнению С. Маринатоса (Μαρινάτος, Ευμάθιος Φιλοκάλος...), этот Евмафий, протоспафарий и стратиг Крита, упоминается в надписи на колонне, найденной на Крите. С. Маринатос относит надпись к последнему десятилетию XI в. Но, как справедливо замечает Ф. Дэльгер (BZ, XXI, S. 475), выводы С. Маринатоса, и в первую очередь отождествление [Εμ] αθιον надписи с Евмафием Филокалом Анны, имеют произвольный характер.

[888] *Подошел к Смирне и овладел городом* (τν Σμύρνην πελθν κατέλαβε). Эти слова вызывают недоумение. Смирна – резиденция Чакана, и Анна выше сообщала, что Чакан уже вернулся туда (IX,1, стр. 248), а теперь выясняется, что Чакан «не пожелал умиротвориться, но (!) явился в Смирну». Думается, что здесь «Смирна» – ошибка Анны или переписчика. Писательница имеет в виду какой-то другой город.

[889] Dölger, *Regesten*..., 1169. Анна переходит к рассказу о событиях весны 1093 г.

[890] *Упал замертво* – νεκρςκειτο. В дальнейшем Чакан «оживает» на страницах «Алексиады» (XI, 5, стр. 302). Аналогичная история происходит у Анны и с Аспиетом (см. прим. 465). Может быть, и в данном случае слово νεκρός следует понимать не в буквальном смысле (см. Buckler, *Anna* Comnena..., *p. 255, n. I). По мнению С. Рэнсимена, в книге XI Анна говорит не о самом Чакане, а о его сыне Ибн Чакане, которого писательница упрощенно называет Чаканом, так же как Килич-Арслана ибн Сулеймана она иногда именует Сулейманом (Runciman,* A history..., I, p. 77, n. I).

[891] Имеется в виду победа над печенегами в апреле 1091 г. (Ал., VIII, 5, стр. 237). Таким образом, выступление далматов следует датировать весной 1093 г.

[892] Обычно Анна, так же как и другие византийские писатели того времени, именует сербов далматами, а Сербию – Далмацией. Название «Сербия» дважды встречается в тексте «Алексиады» (см. ниже письмо Вукана Алексею, стр. 252 и XIV, 4, стр. 384). Н. Радойчич (Радојчић, *Вести...*, стр. 21 и сл.) обращает внимание на употребление названия «Сербия» в письме Вукана и делает на этом основании вывод о подлинности письма (если бы Анна его сочинила, то использовала бы обычный термин «Далмация»). Этому выводу, казалось бы, противоречат другие примеры употребления писательницей наименований «сербы» и «Сербия». Однако здесь Анну, возможно, заставило воспользоваться термином «сербы» встретившееся в письме Вукана слово «Сербия». Что же касается другого случая (XIV, 4, стр. 384), то там Анне важно перечислить как можно большее число географических названий, и она говорит о Сербии наряду с Далмацией. Вполне вероятно, под первой она понимает внутренние области, под второй – прибрежные районы.

[893] Таким образом, Анна переходит к изложению событий 1094 г.

[894] На самом деле Липений значительно дальше от Звенчана.

[895] Дафнутий – к западу от Константинополя, около Регия (Ducange, *In Alex.*, p. 589).

[896] Ил., III, 34.

[897] Указание Анны на то, что владения Дук находились во Фракии, очень интересно.

[898] Никифор Диоген и Михаил Дука были сыновьями императрицы Евдокии, Никифор – от Романа Диогена, Михаил – от Константина Дуки.

[899] Анна повествует о событиях начала 1094 г. Незадолго до этого Константин был низложен и вместо него соправителем Алексея назначен Иоанн (Предисл., стр. 14). Подчеркивая любовь Алексея к Константину, Анна стремится, видимо, оправдать отца и в то же время досадить Иоанну, наследовавшему престол вместо Константина.

[900] История царствования Романа Диогена подробнее всего описана Пселлом (Psellos, *Chronogr.*, II, pp. 152–172). Сведения о нем содержатся также в сочинениях Вриенния, Атталиата, Продолжателя Скилицы и др.

[901] Вриенний упоминает также третьего сына – Константина; см. прим. 931.

[902] *В Киперудский монастырь* (μον ν τοὔ Κυπερούδη). Продолжатель Скилицы называет монастырь Пиперудским. По словам Вриенния (Nic.

Br., I, 20), Евдокия удалилась в богородичный монастырь, который она сама основала на берегу Босфора.

[903] См. Бытие, IXL, 9. Этот образ нередко встречается и у византийских писателей XII в.

[904] См. Еврипид, *Телеф*, фр. 722; Plut, Mor., 472E, 602B. О переводе изречения: «Если тебе досталась Спарта, дорожи ею» см. Buckler, *Anna Comnena...*, p. 201.

[905] См. Иеремия, XIII, 23.

[906] См.прим. 313.

[907] 17 февраля (1094 г.).

[908] Адриан был женат на Зое – дочери Константина X Дуки и Евдокии.

[909] При Большом дворце был специальный ипподром, где императоры и их приближенные устраивали конные состязания, занимались гимнастическими упражнениями и играми в мяч. R. Janin, *Constantinople byzantine*, p. 119.

[910] Псалт., 126, 1.

[911] Род Каматиров нередко упоминается в византийских источниках. Григорий Каматир, секретарь Алексея, – хорошо известная личность в истории Византии XII в. При Иоанне Комнине он был логофетом секретов и протасикритом. Григорий Каматир – адресат писем Феофилакта Болгарского, ему посвящены монодия Продрома и два стихотворения поэта XII в. Николая Калликла. Каматир упоминается Никитой Хониатом, известны также две его печати (см. Шандровская, *Григорий Каматир...*, стр. 173 и сл.).

[912] Кекавмены Катакалоны встречаются в византийской истории с конца X в. Один из них помог прийти к власти дяде Алексея Исааку Комнину (Banescu, *Un duc byzantin...*, p. 17 sq.). По мнению Н. Бэнеску (ibid., pp. 11–12), Кекавмен Катакалон, упомянутый Анной, и сподвижник Исаака Комнина – одно лицо. Вряд ли это так, ибо, как это отмечает сам Н. Бэнеску, в 1057 г. сподвижник Исаака был уже стар.

[913] Лакуны в обеих лучших рукописях: F и C.

[914] Н. Адонтц, которому вообще рассказ Анны о заговоре Диогена кажется малоправдоподобным, считает, что расправа Алексея с богатыми и знатными заговорщиками была задумана с целью овладеть их имуществом (Adontz, *Les Taronites à Byzance*, p. 26).

[915] См. Ал., IX, 7, стр. 258.

[916] 29 июня (1094 г.).

[917] Зонара (Zon., XVIII, 23) кратко сообщает о заговоре Никифора

Диогена и весьма высоко оценивает самого Никифора. Судя по противоречивым объяснениям Анны, Никифор был ослеплен по приказу самого Алексея. Сначала писательница утверждала, что Диоген ослеплен без ведома императора, затем говорит о небылицах, которые рассказывают люди (явно об Алексее), и вдруг заявляет, что не имеет точных сведений о том, кто все-таки был инициатором ослепления заговорщика. Заговор Никифора Диогена был наиболее крупным и наиболее опасным за весь период царствования Алексея I Комнина. Сама Анна неоднократно говорит о популярности Никифора среди простых воинов (этой популярности, должно быть, немало способствовало царское происхождение Никифора). В заговоре участвовала высшая знать, гражданская и военная, к нему имела отношение и Мария Аланская, сына которой, Константина, Алексей за два года до этого лишил власти (см. Предисл., стр. 14). Даже по явно тенденциозному рассказу Анны Комниной можно понять, до какой степени в это время дошло в Византии недовольство Алексеем.

[918] Уреся – по-видимому, Урош I, жупан Рашки, наследник Вукана (см. о нем Јиречек, *История срба*, стр. 140–141).

[919] Дидим – известный александрийский ученый и богослов IV в. Ослеп еще в детстве. Церковь предала его имя анафеме, ибо Дидим был последователем Оригена, чье учение было признано еретическим (см. RE, V, col. 474 sq.).

[920] Имя Нила упоминается в «Синодике», в главе, непосредственно следующей за разделом, посвященным Италу (Успенский, *Синодик...*, стр. 19). Никаких сведений об учении Нила в «Синодике» не содержится.

[921] *В словесных науках...* παιδείας λογικς (ср. прим. 559). Б. Лейб переводит: «l'art de raisonner».

[922] Речь идет об ипостасном соединении в Христе двух начал: божественного и человеческого. Интересно, что превратное толкование этого положения было одним из главных обвинений против Итала (Успенский, *Синодик...*, стр. 14–15; ср. свидетельство Никиты Хониата об Итале; Tafel, *Annae* Comnenae suplementa..., *p. 2. Об учении Нила см. Успенский,* Богословское и философское движение..., *стр. 145 и сл.).*

[923] Богословская проблема, как произошло обожествление принятой Христом плоти, по природе или сверхъестественно, «составляет центральное место всего философского движения Византии XII в.» (Успенский, *Богословское и философское движение...*, стр. 150). Ф. Успенский приводит обширный материал по этому вопросу из богословских сочинений XII в. (там же, стр. 148 и сл.).

[924] Ф. Успенский («Богословское и философское движение...», стр. 146) замечает по поводу этого места «Алексиады»: «В названных здесь именах мы должны, конечно, усматривать не представителей армянской национальности, но выразителей того противоцерковного учения, которое принято называть армянским и которое имеет связь с распространенными на Востоке тайными учениями и сектами». Хорошо известно, что многие еретические учения зародились в Армении, непонятно только, почему Ф. Успенский не хочет замечать, что приведенные Анной имена – типично армянские.

Сохранилась речь императора Алексея о заблуждениях армян, направленная, вероятно, против последователей Нила (см. Papadopulos-Kerameus, Ἀνάλεκτα..., I, pp. 116–123; ср. Beck, *Kirche*..., S. 610).

[925] Николай III Грамматик (1084–1111), сменивший на патриаршем престоле Евстратия Гариду.

[926] См.: Grumel, *Les regestes*..., № 945; Salaville, *Philosophie et théologie*..., p. 148. Грюмель и другие исследователи датируют этот Синод временем около 1087 г. Рассказ Анны – единственное свидетельство о Ниле. Необходимо отметить, что слова писательницы не дают никаких оснований для более или менее точной датировки этих событий. С одной стороны, Анна замечает, что Нил появился вскоре после того, как было осуждено учение Итала, и это заставляет датировать события временем сразу после 1082 г.; с другой стороны, писательница помещает данный эпизод среди событий примерно 1094 г. Скорее всего, сама Анна не имела точного представления о том, когда было осуждено учение Нила.

[927] *Энтузиасты, или мессалиане* (см. прим. 1557). Мессалиане так назывались потому, что, согласно их учению, верующий может постигнуть высшие тайны лишь в состоянии исступления.

[928] Grumel, *Les regestes*..., № 946 (ок. 1087 г.). Никаких иных свидетельств о ереси Влахернита не сохранилось. Дата событий гипотетична (прим. 926). В византийских источниках упоминается несколько лиц, носящих имя Влахернит (см. Литаврин, *Болгария и Византия*..., стр. 1.37).

[929] *Стремительный Полемон* (οἴζος Πολέμωνος), досл.: «стремительность Полемона»; ср. XIV, 7, стр. 392. Полемон – знаменитый греческий софист II в. н. э. Интересно, что выражение οἴζος Πολέμωνος встречается и у М. Пселла (Psellos, *Scripta minora*..., p. 159). Пселл сопоставляет οἴζος Полемона, δεινότης («мастерство») Демосфена (у Анны χώ «сильный глас») и σειρήν («обаяние») Исократа (ср. у Анны XIV, 7, стр. 392). По-видимому, в данном случае это «общее место», заимствованное

Анной у Пселла. О οἴζος Полемона говорит в дальнейшем и Никита Хониат (Nic. Ghon., p. 29).

[930] *В прошлом воин* – к τοῦ χάρακος ρμώμενος (досл;: «из лагеря происходящий»). По мнению Дж.Баклер (Buckler, *Anna* Comnena..., *p. 373, n. 9), под* χάραξ Анна имеет в виду город Харак, откуда был родом этот солдат.

[931] Т. е. еще до вступления на престол Алексея (прим. 186). Настоящее свидетельство Анны противоречит ее собственным словам (Ал., IX, 6, стр. 255) о том, что Алексей, став императором, осыпал Льва благодеяниями и добился его дружеского расположения. По сообщению Вриенния (Nic. Br., II, 29), на которого ссылается здесь Анна, под Антиохией погиб не Лев, а другой сын Романа Диогена – Константин, муж Феодоры, сестры Алексея Комнина (Nic. Br., I, 6). Именем Феодора называет жену погибшего сына Романа Диогена и сама Анна. Б. Лейб (Leib, *Alexiade*, I, 155), считает, что имя Льва в этом месте – результат неверного исправления переписчика. М. Матье (Mathieu, *Les faux Diogènes*, p. 135) обращает внимание на то, что в некоторых русских летописях под 1116 г. рассказывается о походе на Византию Льва Дивгенича, и полагает, что Анна путает двух Псевдодиогенов: Константина и Льва.

[932] По-видимому, об этом самозванце говорит и Феофилакт Болгарский (Gautier, *Le discours*..., p. 115–116) в речи к Алексею. В. Васильевский («Византия и печенеги», стр. 110, прим. 2) предполагает даже, что речь Феофилакта послужила одним из источников рассказа Анны. При этом ученый ссылается на лексические совпадения в текстах Феофилакта и Анны. Нам, однако, не удалось обнаружить никаких убедительных совпадений. Писательница здесь, как и в ряде других случаев, начиная повествование о каком-то новом событии, возвращает свой рассказ к «истокам» этого события.

[933] *Вояка* (χαρακηνός). Может быть, следует переводить «житель Харака»? (см. прим. 930). Аналогичное словообразование в среднегреческом языке: καστρηνός (от κάστρον «замок», «город»), О значении этого термина см. Литаврин, *Болгария и Византия*..., стр. 129–132.

[934] Ок. 1092 г. (см. Васильевский, *Византия и печенеги*..., стр. 111).

[935] Примерно в тех же выражениях описывала Анна жестокость манихеев (см. Ал., VI, 14, стр. 201).

[936] 1084 г.

[937] *Запечатал* (νσημηνάμενος). Е. Доуэс и Б. Лейб в своих переводах

опускают это слово. А. Грегуар в рецензии на перевод Е. Доуэс (Byz., 4, p. 691) указывает на его важность в данном контексте. Только благодаря этому слову становится понятным, почему текст таблички воспринимается как глас божий.

[938] Так мы переводим τ κορυφαίφ πάντων. По мнению А. Грегуара (Byz., 4, p. 691), – это патриарх.

[939] Аналогичным образом вопрошал Алексей божественную волю и позже (см. Ал., XV, 4, стр. 407; об этом обычае см. Васильевский, *Византия и печенеги*, стр. 169–175). Интересно, что в России такого типа гадания происходили еще в XIX в. В рукописном дневнике деревенского священника Нижегородской губернии И. Миловского (середина XIX в.) сообщается, как он выбирал себе невесту. Священник положил за икону две записки с именами девушек, долго молился, а затем, не глядя, вынул одну из записок. Та, чье имя стояло в ней, и стала невестой священника (этот факт сообщила владелица дневника Н. М. Владимирская).

[940] Иоанн Таронит – сын Михаила Таронита (см. прим. 312) и старшей сестры Алексея, Марии (см. о нем: Leroy-Molinghen, *Les deux Jean Taronites*..., pp. 147–153; Adontz, *Les Taronites à Byzance*, pp. 26–27).

[941] По мнению К. Иречека (Jireček, *Die Heerstrasse*..., S. *147), Хортарей – это нынешний Айтосский перевал.*

[942] В. Златарский («История...», II, стр. 213, бел. I) считает, что это Атанасовское озеро к западу от Анхиала (ср. Gyóni, *La première mention*..., p. 497, n. 6).

[943] Кекавмен упоминает некоего Πουδῖλος как одного из предводителей восстания влахов в 1066 г. (см. Gyoni, *La premiere mention*..., p. 502, n. 39).

[944] *Скалиарием Илханом* – τοῦ τε Σκαλιαρίου τοῦ Ἐλχάν. Б. Лейб переводит: «с ханом Скалиарием». Дж. Баклер (Buckler, *Anna* Comnena..., *p. 160, n. 8) предлагает читать* τοῦ τε Σκαλιαρίου κα τοῦ Ἐλχάν, т. е. «со Скалиарием и Илханом» (см. Moravcsik, *Byzantinoturcica*, II, S. 277).

[945] *Фермы* (Θερμά) – римское Aquae Calidae, к западу от Анхиала, между Айтосом и Бургасом (см. Златарски, *История*, II, стр. 213, бел. 2).

[946] У Никифора Вриенния Тарханиот – наместник Адрианополя (Nic. Bz., III, 7).

[947] Отец мятежника Никифора Вриенния Старшего (см. прим. 58).

Император Михаил Стратиотик назначил его стратигом Каппадокии и Македонии. В 1057 г. он участвовал в заговоре, имевшем целью посадить на престол Исаака Комнина, однако был схвачен и ослеплен (см. Wittek-de-Jongh, *Le césar Nicephore Bryennios*, p. 466).

[948] См. Dölger, *Regesten...*, 1174 (1094 г.). Исследователи расходятся во мнениях о времени этих событий. Ряд ученых предлагает датировать их 1095 г. (см. Gyóni, *La première mention...*, pp. 497–498).

[949] Михаил Анемад – будущий заговорщик (см. о нем прим. 1246).

[950] Многие исследователи отмечают противоречивость рассказа Анны. Как сообщала писательница в начале этой главы, Алексей, узнав о враждебных намерениях куманов, хорошо укрепил горные проходы через Балканы. Затем, когда ему стало известно, что куманы вторглись в Паристрий (т. е. переправились через Дунай), он выступил в Анхиал. А после этого Анна пишет, что к Алексею явился Будило и сообщил о переправе куманов через Дунай! По мнению В. Васильевского («Византия и печенеги», стр. 113, прим. 1) и И. Пича (Pič, *Zur rumänisch-ungarischen Streitfrage*, S. 47), Будило сообщил Алексею не о переправе через Дунай, а о проходе куманов через Балканы и о выходе их в верховья Тунджи. В этом случае становится понятным, почему Алексей был обеспокоен судьбой Адрианополя, расположенного значительно южнее Балканских гор. Однако такому исправлению текста Анны мешают ее дальнейшие сообщения, что Алексей приказал Константину Евфорвину Катакалону, Монастре и Михаилу Анемаду двинуться вслед за куманами, как только те перейдут Балканы. М. Дьони (Gyóni, *La première mention..., p. 502 sq.), разделяющий точку зрения Пича и Васильевского, стремится доказать, что этот приказ Алексей отдал раньше, до прихода Будило. При этом ученый ссылается на частицу* γοῦν в тексте «Алексиады», которую он переводит «еще раньше». Но, во-первых, γοῦν не имеет такого значения, во-вторых, в начале следующей главы Анна пишет о проходе куманов через Балканы (и это сообщение уже никак не может быть отнесено к прошлому). Трудно здесь прийти к окончательному выводу. Скорее всего, в первом случае Анна имела в виду вторжение в Паристрий отдельных отрядов, а Будило принес весть о переправе всего куманского войска.

[951] Обе лакуны отмечает Б. Лейб вслед за А. Райффершайдом.

[952] В Византии существовал обычай заключения духовного братства перед алтарем (см. Dölger, *Byzanz und die europäische Staatenwelt*, S. 53 sq.; *Der Bulgarenherrscher...*, стр. 224, бел. 1).

[953] Термин «комит» (κόμης) у Анны встречается в двух значениях: «граф» (в применении к «людям с Запада») и «комит» (как византийский титул).

Что подразумевает Анна в данном случае, неясно: и то и другое не подходит. Правда, κόμης-"граф» Анна употребляет не в строгом значении, а имеет в виду вообще военачальников или знатных людей западного

войска. Может быть, поэтому Дюканж (Ducange, *In Alex.*, p. 593) считает, что речь идет о франках, находившихся на службе у Алексея.

954 Мария – младшая сестра Анны.

955 Мариан Маврокатакалон – зять Анны, женатый на одной из сестер Вриенния. Сохранилась печать Мариана без указания титула (см. Васильевский, *Византия и печенеги,* стр. 113, прим. 3).

956 Персидский сатрап Зопир отрезал себе нос и уши, чтобы обмануть врагов и проникнуть в осажденную персами крепость. Согласно Геродоту, Зопир – сатрап Дария, согласно Ктесию, – Ксеркса (Ctesias Persica, fr. 29).

957 Крепость Пуца к западу от Редесто (Златарски, *История*..., II, стр. 215).

958 См. Moravcsik, *Byzantinoturcica*, II, S. 148.

959 О Лжедиогене см. также сообщение Зонары (Zon., XVIII, 23), по словам которого мятежника хитростью завлекли, схватили и ослепили жители одного из фракийских городов. Слух о восстании Лжедиогена дошел даже до русских земель. В Лаврентьевской летописи (ПСРЛ, I, стр. 226–227), под 6603 (1094–1095) г., сказано: «Пошли половцы на греков, воевали на греческой земле; царь схватил Девгенича и велел его ослепить». Это краткое сообщение помогает нам датировать события. Одни исследователи (К. Иречек, П. Мутафчиев, Ф. Шаландон, Н. Йорга и др.) относят их к 1095 г., другие (В. Томашек, Ф. Дэльгер, Г. Острогорский, Б. Лейб) – к 1094 г.

Автор последней работы, затрагивающей этот вопрос, М. Дьони (Gyoni, *La premiere mention*..., pp. 497–498), решительно высказывается за датировку 1094 г. Впрочем ученый приводит только один аргумент в пользу этой датировки: народы, которые зимой держат коней под открытым небом, совершают походы только в осеннее время, когда кони откормлены, следовательно, и нашествие куманов могло быть только осенью 1094 г.

Однако в «Алексиаде» можно найти немало примеров того, как варварские походы совершались в различные времена года. Об этом говорит словами Пселла и сама Анна (Ал., VII, 2, стр. 205).

960 Скутари – к северо-западу от Адрианополя, около нынешнего Юскюдара (Златарски, *История*..., II, стр. 218, бел. I).

961 Агафоника – к югу от Адрианополя (Златарски, *История*..., II, стр. 218, бел. I).

962 Аврилево – к северу от Скутари (Златарски, *История*.., II, стр. 218, бел. 2).

963 В. Томашек (Thomaschek, *Zur historischen Topographie*..., S. 75)

полагает, что Хили находилось на Босфоре. Б. Лейб (Leib, *Alexiade*, II, p. 205) весьма неопределенно помещает его «между Сангаром и Аполлонией».

964 *Исмаилиты* (ο το Ἰσμαήλ), согласно библейской легенде, – потомки Исмаила, сына Агари, были родоначальниками арабских племен. Под исмаилитами часто имеются в виду вообще мусульмане, и в том числе турки.

965 Мариандины, согласно ряду античных авторов, – народ, обитавший в северо-западной части Малой Азии (см. RE, Hlbd 28, col. 1747–1749).

966 *Озера Ваана* (τς Βαάνης λίμνης). В. Томашек (Thomaschek, *Zur historischen Topographie*..., S. 7) и вслед за ним Ф. Шаландон (Chalandon, *Essai*..., p. 194, n. 8) считают, что Анна таким образом называет оз. Софон к востоку от Никомидии. По мнению Гликаци-Арвейе (Glykatzi-Abrweiller, *Les fortesses*..., p. 184, n. 19), Ваан – нынешнее оз. Сапанджа.

967 Анастасий I (491–518).

968 *Сидира*, т. *е. «железное»*.

969 Обе лакуны легко восстанавливаются из контекста: 4-й индикт 6604 (1096) г.

970 Анна начинает рассказ о Первом крестовом походе и об основании латинских государств на Востоке. Эти события отражены во многих западных и восточных источниках, им посвящена огромная научная литература (библиографию см. в кн. маяег, *Bibliographie*...).

Труд Анны – единственный полноценный греческий нарративный источник о Первом крестовом походе. Зонара посвящает ему 15 строк (Zon., XVIII, 24), Михаил Глика, переписывающий Зонару, – 10 (Glycas, IV, p. 62), Скутариот – 20 (Anon. Syn. Chron., pp. 184–185). Судя по тексту Анны (и Зонары), крестовый поход оказался для Алексея полной неожиданностью. Однако, по сведениям некоторых западных источников, Алексей не только знал о готовящемся походе, но и сам в какой-то степени спровоцировал его. Вопрос об отношении Алексея к организации крестового похода вызвал большую научную полемику. Первое свидетельство того, что император призывал западное войско оказать помощь Византии в борьбе с неверными, – так называемое письмо Алексея Роберту Фризскому, о связях которого с византийским императором сообщала и Анна (см. прим. 777). Это письмо (на латинском языке) сохранилось в большом числе копий (издано Hagenmeyer, *Die Kreuzzugsbriefe*, Ss. *129– 138) и в сокращенном варианте приводится Гибертом Ножанским (RHC occ., IV, pp. 131–133). Подлинность этого*

письма вызвала серьезные сомнения ученых. Теория В. Васильевского, считавшего письмо плохим переводом греческого оригинала, не нашла последователей. Подавляющее большинство исследователей (Риан, Шлумберже, Шаландон, Колер и др.) сочли это письмо поздней подделкой, имевшей целью побудить крестоносцев к походу на Восток и соблазнить западное воинство богатствами Константинополя. Однако часть исследователей признает возможность того, что Алексей во время печенежской войны обращался к западным властителям с просьбой поддержать его в борьбе с восточными врагами.

О дискуссии, развернувшейся вокруг письма, и его английский перевод см. Joranson, *The spurious letter*..., pp. 811– 812.

Обращение Алексея к Роберту Фризскому относится к 1091 г. Есть также сведения и о более поздних переговорах византийского императора с Западом. Так Эккехард (Ekk. Uraug., pp. 81–83) сообщает об обращении Алексея к папе Урбану II с просьбой защитить восточную церковь. Еще определеннее высказывается Бернольд (MGH SS, V, p. 462), который пишет, что послы Алексея в 1095 г. прибыли на Собор в Пьяченцу и умоляли папу защитить от язычников византийскую церковь. Свидетельство о просьбах Алексея есть и в греческом источнике более позднего времени – «Хронике Скутариота» (Anon. Syn. Chron., pp. 184–185). Эти свидетельства были подвергнуты критике крупными исследователями (Риан, Шаландон, Острогорский и др.), указывавшими, что все они – результат позднейших домыслов, цель которых обвинить Алексея в предательстве (византийский император сам вызвал крестоносцев, но отказался им содействовать).

В недавнее время в защиту достоверности этих свидетельств выступил П. Харанис (см. Charanis, *Byzantium, the West*...). *Следует отметить сильную сторону аргументов Хараниса: вполне оправданное доверие к сведениям Бернольда. Против П. Хараниса выступил П. Лемерль (Lemerle*, Byzance et l α croisade, ρ. 600, n. 3).

Мы не беремся за окончательное решение этого спорного вопроса. Следует лишь отметить, что нам кажется маловероятным, чтобы Алексей ничего не знал о готовящемся походе. Византийский император был связан с Урбаном II (см., например, Holtzmann, *Die Unionsverhandlungen*...), и слухи о столь грандиозных сборах крестоносцев, конечно, не могли не дойти до Константинополя.

971 Кукупетр (Κουκούπετρος), т. е. Петр в клобуке [греч. (Κουκούλλιον)]. Так Анна называет Петра Пустынника. Около 1090 г. Петр совершил паломничество в Иерусалим (см. Hagenmeyer, *Peter der Eremite*,

S. *371), которое Анна считает неудавшимся. Однако, согласно Альберту Аахенскому и Вильгельму Тирскому, Петр был в Иерусалиме и даже взял у иерусалимского патриарха письмо к папе римскому, где патриарх призывал папу освободить гроб господень от язычников. Получив это письмо, Урбан II якобы и созвал Клермонский собор. Имя Петра Пустынника овеяно массой легенд, в которых ему приписывается чуть ли не инициатива крестового похода. На самом деле клич к походу бросил на Клермонском соборе в ноябре 1095 г. папа Урбан II, а Петр и другие проповедники развернули пропаганду сразу же после собора, возможно, даже по поручению апостольского престола (см. Заборов,* Крестовые походы*, стр. 56–57).*

Интересно, что Анна, так же как и Альберт Аахенский, считает Петра главным зачинщиком похода и ни словом не упоминает о Клермонском соборе. Возможно, здесь сказывается влияние ее источников – рассказов бывших крестоносцев, народных легенд. Ведь Петр был предводителем крестьянской массы (Анна ниже сама говорит о характере толпы, шедшей за Петром).

О социальном составе войска Петра и его популярности среди крестоносцев см. Duncalf, *The peasants' crusade*, p. 440 sq., ср.; Sybel, *Geschichte des ersten Kreuzzuges,* S. *98, Anm. 3.*

Исследователи конца XIX иXX вв. немало потрудились, чтобы выяснить истинную роль Петра в крестовом походе. (Кроме указанных работ., см.: Wollf; *Die Bauernkreuzzüge*...; Febvre, *Pierre l'Ermite*...; Gregoire, *Pierre l'Ermite...)*

[972] *У них были красные кресты*. В оригинале φοίνικας φέρον κα σταυρούς. П. Лемерль предлагает читать без καί (Lemerle, *Byzance et la croisade, p. 599, n. 1). Исправление представляется нам безусловным: на одежде крестоносцев были нашиты красные кресты.*

[973] Ср. Zon., XVIII, 23; Glycas, IV, p. 621. Видимо, Анна, как и Зонара, передает позднейшую народную легенду (ср. Lemerle, *Byzance et la croisade*, p. 600).

Саранча – частый библейский образ, тучи саранчи – орудие божьего гнева, они предваряют второе пришествие и т. д. (см. «Lexikon für Theologie...», s. v. Heuschrecken).

[974] «Анна, – пишет Дж. Баклер, – по-видимому, не знает, что Астарта и Астарот – это одно и то же божество, которое позднейшие писатели идентифицируют с еще более знаменитой богиней, которую Зигавин называет Афродитой, а сарацины – Хобар» (Buckler, *Anna* Comnena..., *p. 331). См. также слова Никиты Хониата (PG 140, col. 105, 109).*

[975] Анна имеет в виду Люцифера, которого Зигавин называет τ ωσφόρον αστρον (Buckler, *Anna* Comnena..., *p. 331, n. 5). См. также слова Никиты Хониата (PG 140, col. 105).*

[976] Аналогичную оценку нравов восточных народов мы находим в трактате младшего современника Анны Никиты Хониата «Сокровищница православной веры» (PG 140, col. 105 sq.).

[977] *Запасы продовольствия* (πανηγύρεις). См. прим. 781.

[978] Готфрид IV Бульонский (у Анны Гоντοφρέ). Младший сын Евстафия II Бульонского родился около 1060 г.; свой род вел от Карла Великого. Готфрид наследовал владения своего дяди в Нижней Лотарингии. В поход выступил в августе 1096 г., но в отличие от Гуго Вермандуа пошел северным путем, через Белград. К Константинополю прибыл двумя месяцами позже Гуго, ибо его задержал конфликт с венгерским королем Коломаном. Вместе с Готфридом в поход отправились два его брата – Евстафий и Балдуин (см. прим. 1048) и много других знатных феодалов. В западных хрониках Готфрид изображается идеальным рыцарем могучего телосложения и огромной отваги (см.: Andressohu, *The ancestry and life*...; Grousset, *Histoire*..., I, pp. 11 sq.).

[979] Ту же мысль высказывает Анна и ниже (X, 9, стр. 283). Интересно, что Анна не воспринимает крестоносцев как безликую массу, а выделяет среди них толпы крестьян-фанатиков и алчных рыцарей типа Боэмунда (Lemerle, *Byzance et la croisade,* p. 599, n. 3).

[980] Анна ошибается. Петр Пустынник не переправлялся через Адриатическое море, а двигался по дороге через Ниш, Средец, Филиппополь, Адрианополь (см. Hagenmeyer, *Peter der Eremite,* S. 151 sq.), В Константинополь Петр прибыл 30 июля 1096 г. (Gesta, 12). Впереди войска Петра шли отряды Вальтера Голяка (ср. Runciman, *The First crusaders' journey*..., pp. 207–214).

Западные хронисты иначе, чем Анна, определяют численность войска Петра. В этом отношении нельзя доверять ни Анне, ни западным источникам, явно преувеличивающим число крестоносцев (см. Lot, *L'art militaire*..., pp. 128–130). Вообще неясно, имеет в виду наша писательница отряд самого Петра или же все крестьянское ополчение, куда входили отряды Вальтера Голяка, Фульшера Орлеанского и др. Кроме того, вызывает недоумение само соотношение приведенных Анной цифр: 100 тысяч конников и 24 тысячи пехотинцев (в войске голытьбы!). Попытку определить численность крестьянского ополчения делает Т. Вольф (Wolff, *Die Bauernkreuzzüge des Jahres 1096...,* S. *52 sq.). Там же приводятся данные западных хронистов о численности войска Петра.*

[981] По мнению Ф. Шаландона (Ghalandon, *Essai*..., p. 169), под турками Анна в данном случае понимает венгров, которые тревожили войско Петра по пути в Константинополь. Однако в тексте говорится, что Алексей узнал о том, чтó Петр вытерпел раньше (προπεπόνθει), т. е., по-видимому, во время своего первого паломничества, когда, по словам Анны (Ал., X, 5, стр. 275), Петр подвергался нападению турок и сарацин. Таким образом, здесь имеются в виду не венгры, а турки.

[982] По словам анонимного автора «Деяний франков» (Gesta, I, 2), Алексей, обращаясь к крестоносцам, сказал: «Не переправляйтесь через Босфор до прибытия главных сил крестоносного войска, ведь вы слишком малочисленны, чтобы одолеть турок».

[983] В Ер. читаем дальше: «Он был милостиво встречен императором, его войско нашло в ромейских землях многочисленные ярмарки и щедро угощалось; через страну Петр прошел без боя». По сведениям Альберта Аахенского (Alb. Aq., I, 15), Петр провел в Константинополе пять дней и, переправившись через пролив, разбил свой лагерь у Кивота.

[984] Под норманнами, так же как под кельтами, латинянами, Анна подразумевает здесь вообще «западных людей».

[985] После переправы в Малую Азию войско Петра Пустынника разделилось на две враждующие части: норманнов и германцев во главе с Рено де Бреем и франков, оставшихся верными Петру. К Никее отправился отряд Рено (См.: Gesta, I, 2; Alb. Aq., I, 16; Ord. Vit., IX, 4).

[986] Описание зверств, которые учиняли крестоносцы, конечно, гиперболично. Однако крестоносцы действительно отличались жестокостью и разнузданностью. На грабежи и насилия жалуется, например, Феофилакт Болгарский, через владения которого прошло западное воинство (PG, 126, col. 324–325).

[987] Точное местоположение этого города неизвестно. По сведениям анонимного автора «Деяний франков» (Gesta, I, 2), Ксеригорд был расположен в четырех днях пути от Никеи.

[988] Имеется в виду султан Никеи Килич-Арслан (см. прим. 713).

[989] Альберт Аахенский (Alb. Aq., I, 17) ошибочно говорит, что во главе войска находился сам султан Сулейман (в западных источниках Килич-Арслан ибн Сулейман упрощенно называется Сулейманом).

[990] Турки осадили Ксеригорд 29 сентября 1096 г. и взяли его на девятый день осады. У осажденных кончились запасы воды, и они вынуждены были сдаться на милость победителя. См.: Gesta, I, 2; Alb. Aq., I, 17; Ord. Vit., IX, 5.

[991] κα τς τοῖς πρς μάχην πιοῦσιν... εταξίας. Лакуну отмечает Б. Лейб

вслед за А. Райффершайдом. С нашей точки зрения, предполагать лакуну необязательно, ибо фраза понятна: боевой порядок (свойственный) для идущих в наступление.

[992] Иначе об этом рассказывает Альберт Аахенский (Alb. Aq., I, 19). Он сообщает, что крестоносцы знали о поражении у Никеи и о движении турецкого войска, но по настоянию Готфрида Буреля, рыцаря, пользовавшегося большим влиянием в отряде Петра, выступили навстречу туркам (см, Duncalf, *The peasants' crusade*, pp. 450–451).

[993] По словам автора «Деяний франков» (Gesta, I, 2), турки застали крестоносцев спящими в лагере и многих убили. Оставшиеся в живых бросились бежать к Кивоту, некоторые пытались спастись морем. Турки хотели сжечь пленных, но «господь освободил их от огня». Эти события датируются октябрем 1096 г. (ср. Alb. Aq., I, 19).

[994] Анна ошибается: Петра в то время не было с крестоносцами. Он находился в Константинополе, где вел переговоры с Алексеем (см.: Gesta, I, 2; Alb. Aq., I, 18).

[995] Петр имел в виду отделившийся от его войска отряд Рено (см. прим. 985).

[996] Нельзя не отметить, что Анна весьма трезво оценивает побуждения западных феодалов, которые использовали в корыстных целях фанатизм крестьянских масс. Распродажа и заклад движимого и недвижимого имущества накануне крестового похода приняли на Западе массовый характер; таким образом будущие крестоносцы сколачивали средства для похода (см. Заборов, *Крестовые походы*, стр. 74).

[997] Гуго Вермандуа (у Анны ουβος) – младший брат Филиппа I. Гуго был женат на дочери графа Вермандуа. Лишь заключив брак, он приобрел себе небольшие владения. Этот отпрыск королевской семьи стремился, естественно, к богатству и власти и потому одним из первых откликнулся на призыв Урбана II, выступив во главе немногочисленной армии в поход в августе 1096 г. Гуго двинулся в Италию с намерением переправиться оттуда на Балканы (см. Setton..., A history..., *pp. 266–267). Рассказ Анны – наиболее полное из свидетельств об участии Гуго в крестовом походе.*

[998] Заставляя Гуго приписывать себе такой пышный титул, Анна подчеркивает кичливость франка. Возможно, однако, что содержание этого письма заимствовано Анной из какого-то западного источника. Дело в том, что латинские хроники именуют Гуго magnus («великий»). Этот эпитет Л. Брейе (Gesta, p. 14, п. 3) объяснил как неправильно понятое французское mainsné (moins né, т. е. младший сын). Может быть, μείζων, как называет себя Гуго у Анны, и magnus латинских хроник происходят из

одних источников.

[999] Dölger, *Regesten...*, 1185 (октябрь 1096 г.).

[1000] *Граф Церпентирий и Илья.* В оригинале: μετ τοῦ κόμητος Τζερπεντηρίου κα Ἠλία. Может быть, имеется в виду Вильгельм Карпентарий (Гийом Шарпантье; см. о нем Gesta, p. 73, n. 3). В таком случае και здесь лишнее, а имя Villhelmus или Willelmus (фр. Guillaume) отождествляется Анной с Ильей. О присутствии Вильгельма Карпентария в войске Гуго говорит также Альберт Аахенский (Alb. Aq., II, 7). Приходится признаться, что мы не в состоянии комментировать следующие слова Анны о том, что «Илья» покинул Алексея в Фессалонике.

[1001] В западных источниках мы не могли найти подтверждения этого свидетельства Анны.

[1002] Октябрь 1096 г.

[1003] Ср. Ord. Vit., IX, 5: «Дука города (Диррахия. – *Я. Л.*), посоветовавшись с баронами, приказал задержать их (Гуго и его спутников. – *Я. Л.*) и под стражей доставить к императору». По сообщению Фульшера Шартрского (Fulch., III, 6), Гуго «на не вполне свободном положении» находился в Константинополе. Эти события относятся к ноябрю 1096 г. (см. Hagenmeyer, *Chronologie...*, № 93).

[1004] *Стать его вассалом и принести обычную у латинян клятву* – άνθρωπον ατοῦ γενέσθαι τν τοῖς Λατίνοις συνθη όρκον πομοσάμενον.

Уже в византийских источниках X в. термин νθρωπος «человек» обозначает понятие «вассал» (см. Каждан, *Формирование феодального поместья...*, стр. 117). Впрочем, в данном случае на терминологию Анны могли оказать влияние западные образцы, где термин homo (человек) давно укоренился в значении «вассал».

Из дальнейшего рассказа Анны становится совершенно ясным, какого рода клятв требовал Алексей. Византийский император хотел воспользоваться крестовым походом для восстановления Византии в прежних границах и добивался от крестоносцев передачи империи всех ее бывших владений.

О формах вступления в вассальную зависимость на Западе см. Bloch, *La société féodale...*, pp. 223–227.

[1005] Около Диррахия (см. Ducange, *In Alex.*, p. 601). Может быть, нынешняя Кавая? Асон, расположенный напротив Кавалиона, по-видимому, нынешний остров Асено или Сасенс в заливе Аврона (см. Grégoire, *Notes sur Anne* Comnegrave;na, *p. 311).*

Боэмунд отплыл из Италии в конце октября 1096 г. (Hagenmeyer,

Chronologie..., № 91) и собрал свои отряды в Иллирике в начале ноября (Gesta, I, 4).

[1006] О рыцарях, следовавших за Боэмундом, см. Gesta, I, 4; ср. Nicholson, *Tancred*, p. 21.

[1007] Как и другие писатели этого времени, Анна старается приводить античные названия географических пунктов и племен. Не имея возможности дать античный эквивалент названия, она считает своим долгом извиниться перед читателем. Это одно из проявлений антикизирующей тенденции писательницы.

[1008] *Граф Брабанта* (κόμης Πρεβέντζας). Большинство старых исследователей начиная с Дюканжа (Ducange, *In Alex.*, pp. 601–602) отождествляют его с Раймундом Тулузским Сен-Жиллем. Такое отождествление лишено оснований, ибо Сен-Жилля Анна регулярно именует Исангелом. По мнению А. Грегуара (Grégoire, *Notes sur* /Anne *Comnegrave*;*ne*, p. 312 sq.), κόμης Πρεβέντζας – это упоминаемый далее Анной Πριγκιπάτος (Ал., XIII, 4, стр. 349), он же Ῥιτζαρδος Πριντζίτας, поставивший свою подпись под Девольским мирным договором императора Алексея с Боэмундом (Ал., XIII, 12, стр. 372). Однако никаких удовлетворительных аргументов в пользу своего мнения А. Грегуар не приводит.

Гораздо более серьезными представляются нам доводы А. Марика (Maricq, *Un comte de Brabant*..., p. 463 sq.), который под Πρεβέντζης понимает не Прованс, а Брабант (у Евстафия Солунского πρεβεντζοῦναι «брабанцы») и отождествляет этого графа с Балдуином II Великим. Последнее, однако, нельзя считать абсолютно доказанным. Судя по тому, что работа А. Марика представлена его учителем А. Грегуаром, сам А. Грегуар признает основательность аргументов, выдвинутых против его концепции.

[1009] *Второго комита* (δεύτερον κόμητα).Так Анна называет второго друнгария флота (см.прим. 1280).

[1010] *Экскуссат* – корабль, освобожденный от пошлины. Экскуссия кораблей – нередкое явление в Византии этого времени (см. Каждан, *Экскуссия и экскуссаты*..., стр. 191–194), Не совсем ясна в данном контексте лишь оговорка Анны: «так его называют моряки». Может быть, слово «экскуссат» в этом случае выражает какое-то иное понятие? А. П. Каждан (там же, стр. 192) считает, что речь идет не о собственном корабле второго комита, а о частном судне (у Анны τοῦ δίου κατέργου), в трудные для империи времена привлеченном к военной службе.

[1011] 6 декабря 1096 г.

[1012] Анна имеет в виду распространенный в средневековой Европе арбалет. Это первое упоминание слова цангра (τζάγγρα). В византийских памятниках оно представляет собой образование от фр. chancre (арбалет). См.: Grégoire, *Notes sur* /Anne *Comnegrave*;*ne*, pp. 315–317; Staquet, τζάγγρα...

[1013] Колос., II, 21.

[1014] Псалт.,XXV, 9.

[1015] Аарон, согласно библейской легенде, – первый первосвященник у иудеев, старший брат пророка Моисея, который вывел иудейский народ из Египта. Лакуну отмечает Б. Лейб вслед за А. Райффершайдом.

[1016] Западные священники, участвовавшие в крестовом походе, действительно часто ничем не отличались от воинов. Так, например, даже папский легат Адемар Монтейльский, по сообщению Роберта Монаха (RGH, occ. III, p. 834), был хорошим всадником, умеющим носить оружие. Анна, конечно, не преминула поставить это в укор западному клиру (прим. 136).

[1017] Ил., VII, 270–271.

[1018] См. Платон, *Федон*, 99; Аристотель, *Никомахова этика*, II, 9.

[1019] См. прим. 978.

[1020] *Совершил переправу* (διαπεράσας). Анна ошибается. По сообщениям западных хронистов, Готфрид двигался к Константинополю по суше (см. Runciman, *The First crusaders' journey*..., p. 214).

[1021] Готфрид подошел к Константинополю 23 декабря 1096 г. (Gesta, I, 3; Ord. Vit., IX, 6).

[1022] Говоря о мосте около Космидия, Анна, вероятно, имеет в виду какой-то мост через Золотой Рог. Р. Жанен, перечисляя константинопольские мосты (Janin, *Constantinople byzantine*, pp. 231–234), не отмечает этого свидетельства Анны. Монастырь св. Фоки находился на европейском берегу Босфора, в нескольких километрах к северу от Космидия (ibid., pp. 434–435).

[1023] См. Ал., V, 5–6, стр. 165 и сл.

[1024] Dölger, *Regesten*..., 1192 (1097 г., начало января).

[1025] Альберт Аахенский (Alb. Aq., II, 9–12) сообщает иную версию о причинах столкновения Алексея с крестоносцами. По его словам, Алексей дважды приглашал к себе Готфрида, уговаривал его явиться во дворец и принести ему клятву верности. Так как Готфрид упорно отказывался это делать, Алексей резко сократил поставки продовольствия крестоносцам и выслал против них отряд туркопулов. В ответ на эти меры крестоносцы осадили Константинополь. (Подробно см. Andressohn, *The ancestry and*

life..., p. 59 sq.) Анна, конечно, выгораживает своего отца. Алексей всеми средствами пытался заставить крестоносных вождей принести клятвы, и отказ Готфрида привел к первому открытому конфликту Византии с крестоносцами.

[1026] *Серебряное озеро* (Ἀργυρ Λίμνη). У других авторов Γυρολίμνη. Это озеро находилось на некотором расстоянии от стен города, недалеко от Влахерн. Никаких иных свидетельств о дворцах в этом районе не сохранилось (См. Janin, *Constantinople byzantine*, pp. 137, 419).

[1027] Имеется в виду Влахернский дворец и ворота того же названия.

[1028] См. Janin, *La géographie*..., pp. 383–384.

[1029] Намек на восстание Комниных против Вотаниата (4 апреля 1081 г.), когда воины мятежников учинили грабеж города (см. Ал., II, 10, стр. 110 и сл.).

[1030] 2 апреля 1097 г. Альберт Аахенский (Alb. Aq., II, 10–14) датирует эти события 13 января. Предпочтение следует отдать свидетельствам западных хронистов. Анна, возможно, путает время этих событий с датой прихода Боэмунда в Константинополь (см. прим. 1052; ср. Andressohn, *The ancestry and life*..., p. 62, n. 74).

[1031] Имеются в виду ворота св. Романа, возле которых находилась церковь этого святого (см. Janin, *Constantinopie byzantine*, p. 262).

[1032] Б. Лейб вслед за А. Райффершайдом отмечает лакуну. Мы не видим необходимости предполагать пропуск: причастие καταστησαμένους относится к глаголу νδείξασθαι.

[1033] *Тевкр* – троянский воин, искусный стрелок из лука.

[1034] См. Ил., IV, 105 и сл.

[1035] Од., V, 456–457.

[1036] Имеется в виду личная гвардия императора.

[1037] Зная о приближении войска своего злейшего врага Боэмунда, Алексей, конечно, боялся соединения сил крестоносцев в Константинополе и стремился переправить в Малую Азию хотя бы часть западного воинства.

[1038] *Были ранены также воины самодержца, которые дерзко напали на него* – τιτρώσκονται δ ο τοὔ ατοκράτορας, πόσοι ’ναισχυντότερον ατ προσέβαλον. Смысл фразы плохо понятен. Кто подразумевается под ατ («на него»)? Может быть, Готфрид? А. Райффершайд отмечает лакуну перед τοὔ ατοκράτορος.

[1039] Ср.: Alb. Aq., II, 16; Gesta, I, 4. Интересно свидетельство Альберта: Алексей по обычаю своей страны усыновил Готфрида (См. об этом Dölger, *Byzanz und die europäische Staatenwelt*..., S. 49, Anm. 39).

[1040] Относительно точного местоположения Пелекана среди исследователей нет единого мнения (см. Runciman, A history..., *I, p. 152, n. 1)*.

[1041] *Продовольствие*: παvηγύρεις (см. прим. 781).

[1042] О том, кто такой этот Рауль (Ῥάουλ), в научной литературе высказывались различные предположения; наиболее вероятной кажется нам гипотеза С. Рэнсимена (Runciman, A history..., *I, p. 153, n. 1), согласно которой Рауль – это Рено из Туля, один из спутников Готфрида, упоминаемый и Альбертом Аахенским (ср. Setton...,* A history..., *p. 269, n. 34)*.

[1043] Точное местоположение этого монастыря не установлено (Janin, *La géographie*..., p. 406).

[1044] Анна преувеличивает: в составе крестоносного войска не было ни одного короля. Так как Анна не называет имен, невозможно установить, каких именно крестоносцев имеет в виду писательница в данном случае.

[1045] Ил., II, 468; Од., IX, 51.

[1046] Иерон находился на мысе черноморского побережья, на европейском берегу Босфора. Не путать с Иероном на азиатском берегу Босфора (Janin, *Constantinople byzantine,* pp. 441– 442; Ducange, *In Alex.*, p. 611).

[1047] Анна употребляет слово σκίμπους, которое в данном случае означает трон (см. Buckler, *Anna* Comnena..., *p. 48)*.

[1048] Балдуин – младший брат Готфрида Бульонского, будущий граф эдесский и король иерусалимский (см. о нем Wollf, *Koenig Balduin I ...)*.

[1049] Чтобы выразить отношение принесшего клятву крестоносца к Алексею, Анна употребляет здесь термин δουλεα; ср. ниже δούλος.

[1050] По мнению Дюканжа (Ducange, *In Alex.*, p. 612), речь идет о Роберте Парижском. Идентификация весьма гипотетична.

[1051] *Гемилохит* (μιλοχίτης) – командир «полулоха» (μιλόχος). См. Ael. Tact., 5.

[1052] Старый враг Византии, Боэмунд имел особые счеты *с* империей и особые причины для участия в крестовом походе. Роберт Гвискар оставил Боэмунда наследником земель к востоку от Адриатики, земель, которые норманнам фактически не принадлежали и которые еще должны были быть отвоеваны у Византии. В Италии же наследником Роберта стал брат Боэмунда, Рожер Борса.

Боэмунд вступил в борьбу с Рожером Борсой, которого поддерживал его дядя Рожер Сицилийский. Хотя Боэмунд и достиг в этой борьбе определенных успехов, тем не менее он не оставлял мечты осуществить

заветы отца и отвоевать себе земли на Востоке. В момент начала крестоносного движения Боэмунд, объединившись со своими врагами (Рожером Борсой и Рожером Сицилийским), осаждал восставшую Амальфи и, по утверждению автора «Деяний франков», даже не знал о подготовке этого похода. Когда же крестоносные войска прибыли в Италию, он с энтузиазмом согласился участвовать в походе и снял осаду города. К Боэмунду присоединилось много знати, и в октябре 1096 г. флот Боэмунда отплыл из Бари. Из Эпира войско Боэмунда двигалось через Касторию и далее по Via Egnatia. 1 апреля Боэмунд дошел до Русия, где оставил свои войска под командованием Танкреда, а сам 9 апреля 1097 г. прибыл в Константинополь (см. Gesta, II, 5; Ord. Vit., IX, 6). Анна утверждает, что войско его было невелико. Этому соответствуют и слова автора «Деяний франков» (Gesta, I, 4): «Войско Боэмунда было меньше, чем Готфрида, но оно было хорошо вооружено и обучено» (см.: Setton..., A history..., *p. 270 sq.; Runciman,* A history..., I, p. 154 sq.).

[1053] См. Ал., V, 4–7,стр. 162и сл.

[1054] Эта мысль, явно заимствованная у Аристотеля (см., например, «Никомахова этика», II, 2 и сл.), наиболее определенно выражает суть этических представлений Анны.

[1055] Ср.: Alb. Aq., II, 18; Rad. Cad., X. По сообщению автора «Деяний франков», Боэмунд вступил с Алексеем в тайное соглашение относительно Антиохии. Впрочем, по мнению А. Крея, это место «Деяний» является поздней интерполяцией. См. Krey, A neglected passage... *(нам недоступно).*

[1056] Б. Лейб, вслед за А. Райффершайдом отмечает лакуну. Мы не считаем ее обязательной.

[1057] Псалт., VII, 17.

[1058] *Перехитрить хитрого* (Πρς Κρτα κρητίζων.) Эта пословица дважды встречается у Плутарха.

[1059] Согласно этому интересному сообщению Анны, Боэмунд выговаривал себе у Алексея титул доместика Востока. Крестоносцы – вассалы императора, поэтому доместик Востока (т. е. главнокомандующий восточной армией) должен был стать во главе похода.

[1060] Исангел (Ἰσαγγέλης). Так Анна называет Раймунда IV Тулузского, графа Сен-Жилля (родился около 1041 г.). Предводитель отрядов из Южной Франции, Сен-Жилль был самым богатым и могущественным из крестоносных вождей. Войско Сен-Жилля выступило в октябре 1096 г., перевалило через Альпы, прошло вдоль северного побережья Адриатического моря, пересекло Истрию и Далмацию и по Эгнатиевой дороге добралось до Константинополя (27 апреля 1097 г.). Между воинами

Сен-Жилля и местными жителями, а затем и византийскими отрядами происходили частые столкновения. Особенно острый конфликт возник в конце апреля 1097 г., когда сам Сен-Жилль уже находился в Константинополе и вел переговоры с Алексеем. Этот конфликт осложнил отношения графа Тулузского с византийским императором. О Сен-Жилле см. J. Hill, L. Hill, *Raimond IV...*

[1061] συνταξαμένων τ ατοκράτορι. Все переводчики понимают эти слова: «простившись с самодержцем». В значении «прощаться» употребляла Анна глагол συντάσσομαι до сих пор (Ал., II, 5, стр. 99; V, 3, стр. 161; VII, 3, стр. 208; спорный случай – X, 10, стр. 288). Однако, с нашей точки зрения, права Дж. Баклер (Buckler, *Anna* Comnena..., *pp. 465–466), отмечающая неудовлетворительность такого понимания в данном контексте. Правильный перевод: «заключив договор с самодержцем» или «принеся клятву самодержцу».*

[1062] συνταξάμενος τ α τοκράτορι (см. пред. прим.). Представления Анны об отношениях между Сен-Жиллем и Алексеем явно упрощенные. Видимо, зная о дружбе между графом Тулузским и византийским императором, писательница полагает, что между ними с самого начала существовало полное взаимопонимание. Более правдоподобную версию сообщает хронист Сен-Жилля Раймунд Ажильский (Raim. Ag., II; ср. Gesta, II, 6; Alb. Aq., II, 20). Граф Тулузский некоторое время отказывался принести клятву Алексею: видимо, до него дошли слухи о соглашении между императором и Боэмундом, и он не желал оказаться в подчинении у норманна. В конце концов, уступив уговорам других крестоносных вождей, Сен-Жилль поклялся, однако в несколько иной форме, чем остальные крестоносцы. Это произошло 26 апреля 1097 г. По сведениям Фульшера Шартрского (Fulch., 4, 9), Сен-Жилль вовсе не приносил клятвы императору. О взаимоотношениях Сен-Жилля и Алексея см. J. Hill, L. Hill, *The convention...*

Примечания к книгам XI-XV

К оглавлению

[1063] Сен-Жилль переправил свое войско в конце апреля 1097 г., а сам вернулся в Константинополь, где провел еще 15 дней (Hagenmeyer, *Chronologie*..., № 148).

[1064] Первым (6 мая) к Никее подошло войско Готфрида (Gesta, II, 7). Он блокировал город с севера, Танкред – с востока. Южный участок стены был оставлен Сен-Жиллю (с запада город подходит к Асканскому озеру). К крестоносцам в это время присоединились остатки разбитого войска Петра Пустынника (Setton..., A history..., *p. 289 sq.)*.

[1065] Имеется в виду Килич-Арслан I, который в это время был занят войной с Данишмендами (см. прим. 1092) в Каппадокии за обладание Мелитиной (см. Math. Ed., p. 11).

[1066] Сен-Жилль, который подошел к Никее 16 мая, расположил свое войско у южной стены города (Gesta. II, 8).

[1067] Ил., II, 194, 209.

[1068] Описания этой битвы (21 мая) см.: Gesta, II, 8; Raim. Ag., III; Alb. Aq., II, 27. Основную помощь Сен-Жиллю в сражении оказал Роберт Фландрский, Готфрид же и Боэмунд (он прибыл к Никее за 2–3 дня до битвы) не решились оголить своих участков стены. Крестоносцы, как и сельджуки, понесли большие потери, в числе убитых был граф Балдуин Гентский (см. Hagenmeyer, *Die Kreuzzugsbriefe*, S. 139).

[1069] Варда Склир (доместик Востока) в 976 г. поднял восстание против Василия II Болгаробойцы (976–1025). Никея была взята Вардой в начале 978 г. (Schluinberger, *L'Epopee byzantine*..., p. 390 sq; Ostrogorsky, *History*..., p. 265). Г. Шлумберже ошибочно считает прадеда Анны, Мануила Комнина (Эротика), не отцом, а братом императора Исаака Комнина.

Название башни «Гонат» происходит от греч. γόνυ «колено». Об этой башне в других известных нам источниках никаких сведений нет.

[1070] «Черепаха» представляла собой обитый кожей деревянный навес, под прикрытием которого осаждающие подкапывали или пробивали стену (См. Атанасов и др., *Българското военно изкуство*..., стр. 78).

[1071] Ср.: Gesta, II, 8; Alb. Aq., II, 31; Raim. Ag., III; Ord. Vit., IX, 7. По сообщениям западных хронистов, это предприятие не имело никакого успеха.

[1072] Это единственный случай упоминания места под таким

названием.

[1073] В дальнейшем (XI, 6, стр. 305) Анна еще более подробно объясняет, почему Алексей не пришел на помощь крестоносцам, запертым в Антиохии. Эти отступления не случайны. Западные хронисты единодушно осуждают византийского императора за то, что он не сдержал слова, бросил на произвол судьбы войска крестоносцев. Сама Анна приводит письмо Боэмунда (XI, 9, стр. 311–312), в котором он упрекает Алексея в нарушении своего обещания. Как и в других случаях, Анна старается обелить отца и освободить его от обвинений.

[1074] Ср.: Gesta, I, 8; Alb. Aq., II, 32; Raim. Ag., III; Ord. Vit., IX, 7. В этих челнах находились туркопулы. Вероятная дата этих событий – 11 июля 1097 г. (Hagenmeyer, *Chronologie*..., № 157).

[1075] По сообщению Вильгельма Тирского (Guil. Tуг., III, 11), жена султана Килич-Арслана вместе с двумя детьми после взятия Никеи была доставлена в Константинополь, где Алексей принял ее со всеми почестями и вскоре отправил к мужу.

[1076] Сдача Никеи произошла 19 июня 1097 г. (Hagenmeyer, *Chronologie*..., № 160). В «Алексиаде» содержится наиболее подробный рассказ о взятии города. Сообщения западных хронистов весьма кратки (Gesta, II, 8; Rad. Cad.,XVII; Fulch., I, 10). Известие о взятии Никеи мы находим также в письме Стефана Блуасского к жене (Hagenmeyer, *Die Kreuzzugsbriefe*..., S. *140). Стефан ликует по поводу взятия города и надеется в самый кратчайший срок дойти до Иерусалима.*

[1077] Имеется в виду ро́га за титулы (см. прим. 384).

[1078] Имеется в виду Асканское озеро.

[1079] По-видимому, у р. Сангар к югу от Никеи (Ramsay, *The historical geography*..., p. 210).

[1080] Лакуны в обеих лучших рукописях.

[1081] По весьма правдоподобному мнению автора «Деяний франков» (Gesta, II, 8), Алексей мягко обращался с турецкими пленниками с целью заручиться поддержкой турок для будущей борьбы с крестоносцами.

[1082] Dölger, *Regesten*..., 1206 (ок. 19 июля 1097 г.)

[1083] о милостях, которыми осыпал Алексей крестоносцев после взятия Никеи, сообщается также в ряде западных источников (Runciman, *A history*..., I, p. 182, п. 1).

[1084] Танкред, по-видимому, был сыном Одо Доброго, мужа сестры Боэмунда, Эммы. Сведения источников, так же как и мнения новых исследователей, по вопросу о происхождении Танкреда не совпадают (подробно см. Nicholson, *Tancred*, pp. 3–10).

Танкред примкнул к крестоносному движению совсем юным (ему было около 20 лет). Он двигался с армией Боэмунда и был его заместителем. Когда Боэмунд оставил свое войско в Русие (см. прим. 1052), Танкред принял на себя командование. Недовольный переговорами своего дяди с Алексеем, он, чтобы не приносить клятвы Алексею, провел свой отряд через Константинополь ночью (Gesta, II, 7; Alb. Aq., II, 19). В дальнейшем Анна неоднократно рассказывает о Танкреде и его отношениях с Алексеем.

1085 О враждебном отношении Танкреда к Алексею сообщают, кроме Анны, также многие западные источники, а биограф Танкреда Радульф (Rad. Cad., XVIII) утверждает, что Танкред и вовсе не приносил клятвы Комнину. Ф. Шаландон (Chalandon, *Essai*..., p. 123, n. 4) и Р. Груссе (Grousset, *Histo*ire..., I, p. 31) склонны верить Радульфу, в то время как Р. Нихольсон (Nicholson, *Tancred*, p. 32) отстаивает достоверность свидетельства Анны.

Окончательно решить этот вопрос не представляется возможным, ибо два наших главных источника чрезвычайно тенденциозны: Радульфу выгодно доказать, что Танкред был свободен от клятвы, Анна же заинтересована в обратном. В сочинении Радульфа (Rad. Cad., XVIII) содержится сходный с «Алексиадой» рассказ о том, как Танкред потребовал себе императорскую палатку. По словам хрониста, палатка была как бы символом императорской власти, и поэтому требовать ее у Алексея было неслыханной дерзостью со стороны Танкреда. Отношениям Алексея и Танкреда этого периода посвящена специальная работа Р. Манселли (Manselli, *Tancredi...).*

1086 Отряды крестоносцев выступили в поход между 26 и 29 июня (Hagenmeyer, *Chronologie*..., № 164, 166).

1087 Левки были расположены к востоку от Никеи, у слияния Сангара и Галиса.

1088 Согласно свидетельству западных хронистов, первым отрядом командовал Боэмунд, вторым – Сен-Жилль. В первом эшелоне крестоносного войска, кроме Боэмунда и Танкреда, находились еще Роберт Норманнский и Стефан Блуасский, а во втором – Готфрид Бульонский, Сен-Жилль и Гуго Вармандуа (Grousset, *Histoire*..., p. 32).

1089 Эта битва произошла 1 июля 1097 г. (Gesta, p. 44, n. 1). Она достаточно подробно описана почти во всех основных западных источниках по Первому крестовому походу («Деяния франков», Фульшер Шартрский, Раймунд Ажильский, Альберт Аахенский и в письмах крестоносцев. См. Setton..., A history..., *p. 294, n. 13). Рассказ Анны весьма*

краток и почти ничего не добавляет к сведениям западных хронистов. Вопрос о точной локализации места сражения обстоятельно разбирается Хагенмайером (Hagenmeyer, Chronologie..., Ss. 86–87) и Рэнсименом (Runciman, A history..., *I, p. 186, n. 1). С точки зрения тактики сражение анализирует Оман (Oman,* A history of the art of war..., *pp. 273–278).*

[1090] См. Ал., X, 10, стр. 288–289.

[1091] Так Анна называет Ираклию (Grousset, *Histoire...*, p. 37, n. 3).

[1092] *Данишменд* (Ταvισμάν). Данишменды – туркменская династия, которая обосновалась во второй половине XI в. в Малой Азии и образовала сильное государство в районе Амасии, Неокесарии и Мелитины. Основателю династии Данишменду наследовал сын Мелик-Гази (по одним источникам в 1084 г., по другим – в 1106 г.). В том случае, если первая дата правильна, этого Мелика-Гази и имеет в виду Анна. Данишмендский эмир помирился с Килич-Арсланом перед лицом общего врага – крестоносцев (см. прим. 1065). «Encyclopédie de L'Islam», I, ρ. 937, s. v. Danichmandya; Cahen, *La première pénétration..., pp. 60–62).*

[1093] Хасан – эмир Каппадокии. В дальнейшем Анна называет его архисатрапом (Cahen, *La première pénétration...*, p. 63).

[1094] Это сражение произошло в начале сентября 1097 г. (Gesta, IV, 10; Fulch., I, 14). Об участии в нем самого Кипич-Арслана рассказывается только у Анны. По сообщению западных хронистов, крестоносцы в результате боя взяли богатую добычу.

[1095] Ил., V, 299.

[1096] Августополь – между Примнесом и Докинием (Ramsay, *The historical geography...*, p. 178).

[1097] Крестоносцы подошли к Антиохии 21 октября 1097 г. Антиохия была отторгнута от Византии в 1085 г. сельджуками. Ее население сохраняло сирийско-армянский характер. Об осаде и взятии Антиохии повествуется во многих западных и восточных источниках (Runciman, *A history...*, I, pp. 213– 235; Setton..., A history..., *pp. 308–318).*

[1098] Т. е. по долине Оронта.

[1099] Осада Антиохии продолжалась не три месяца, как думает Анна, а семь (конец октября 1097 г. -начало июня 1098 г.).

[1100] Т. е. к Бэрк-Яруку (см. прим. 989). Кроме того, правитель Антиохии, сельджукский эмир Баги-Зиян обратился за помощью к дамасскому эмиру Дукаку и эмиру Алеппо Ридвану. Однако войска обоих эмиров были разбиты крестоносцами на подходах к Антиохии (Grousset, *Histoire...*, pp. 71–72).

[1101] Боэмунд осаждал город с востока, его войска расположились в

районе башни св. Павла (Alb. Aq., III, 38).

[1102] То, что Антиохия была взята из-за предательства одного из ее защитников, сообщается также в ряде западных и восточных источников. Человека, предавшего город, они называют Пирром, Фирузом или Заррадом. Радульф Каэнский, Вильгельм Тирский и Раймунд Ажильский, так же как и Анна, утверждают, что он был армянином (Grousset, *Histoire*..., pp. 92–93).

[1103] Кербога, Κουρπαγάν (у Раймунда Ажильского – Corbaga, у Фульшера – Corbagath) – могущественный мосульский эмир, находившийся на службе сельджукского султана Бэрк-Ярука («Encyclopédie de L'Islam», II, pp. 1095–1096, s. v. Kurbuka).

[1104] По сообщениям Вильгельма Тирского (Guil. Tyr., IV, 17) и автора «Деяний франков» (Gesta, V, 13), крестоносцы под Антиохией стали испытывать голод уже на третий месяц осады. Анна употребляет античное название монеты.

[1105] Суди (Суваидия, св. Симеон) находился в устье Оронта, на правом берегу реки.

[1106] Западные хронисты иначе расценивают уход Татикия и обвиняют его в трусости (Raim. Ag., VI; Gesta, VI, 16; Alb. Aq., III, 38. Ср. также письмо Боэмунда к Алексею в 1099 г. – Ал., XI, 9, стр. 311–312). Анна, конечно, старается возложить всю вину на Боэмунда.

[1107] Речь Боэмунда перед крестоносными вождями в несколько иных редакциях излагают автор «Деяний франков» (Gesta, VIII, 20) и Вильгельм Тирский (Guil. Tyr.,V, 16). Расхождение деталей в разных версиях не затрагивает основного смысла речи Боэмунда.

[1108] По сообщению автора «Деяний франков», предводители крестоносцев долгое время отказывались принять предложение Боэмунда, говоря: «Один труд у нас, пусть будет и одна честь». Они вынуждены были дать согласие лишь под угрозой приближающегося войска Кербоги (Gesta, VIII, 20). Наибольшее сопротивление норманну оказал Сен-Жилль (Guil. Tyr., V, 17).

[1109] По свидетельству Вильгельма Тирского (Guil. Tyr., V, 21), Боэмунд, предупрежденный предателем, занял башню Двух сестер (в юго-западной части стены) рано утром 3 июня 1098 г. Этот же автор сообщает любопытную деталь: человек, с которым Боэмунд договорился о предательстве, до самого вечера 2 июня колебался, но, неожиданно узнав об измене жены, решил привести в исполнение свой план.

[1110] Наиболее подробный рассказ о взятии Антиохии содержат «Деяния франков» (Gesta, VIII, 20). Сообщение Анны о том, что Боэмунду

не удалось захватить акрополь, подтверждается свидетельством Раймунда Ажильского (Raim. Ag., IX).

[1111] Кербога подошел к Антиохии 8 июня и осадил город 10 июня (Hagenmeyer, *Chronologie*..., № 270). Он не успел прибыть до захвата Антиохии крестоносцами, так как в течение трех недель безуспешно осаждал Эдессу, занятую Балдуином.

[1112] Антиохийский акрополь находился у северо-восточной части городской стены; его защищал сын эмира Антиохии Баги-Зияна, Шамс аль-Давла, но Кербога сместил его и заменил своим ставленником (Grousset, *Histoire*..., p. 99).

[1113] Вильгельм Тирский утверждает, что крестоносцы выкопали ров; о стене, кроме Анны, сообщают «Деяния франков» и Ибн аль-Асир (см. Grousset, *Histoire*..., p. 99).

[1114] Тэнгри-Бэрмиш (Ταγγριπέρμης). См. Moravcsik, *Byzantinoturcica*, II, S. 295.

[1115] Церковь Иоанна Богослова, наиболее знаменитый из эфесских храмов, по преданию, была воздвигнута на месте могилы апостола. К этому храму стекалось большое число паломников (Keil, *Führer durch Ephesos*, S. 30 sq.).

[1116] Согласно «Делопроизводству по обвинению Иоанна Итала в ереси», Михаилом Каспаки звали человека, подавшего донос на Итала. Может быть, это одно и то же лицо?

[1117] *Тагматарх*. Все византийское войско подразделялось на тагмы, состоявшие из жителей той или иной фемы или специально подобранных воинов (например, «бессмертных», см. прим. 67; Скабаланович, *Византийское государство и церковь в XI в.*, стр. 324 и сл.). Таким образом, тагматарх – командир тагмы. Однако в данном случае Анна, по-видимому, этим термином обозначает просто командира сухопутных войск.

[1118] περιαλγήσας π τ τοῦ Κάσπακος ναιρέσει φ’ καν ν λος α θις τ ς τοῦ κάστρου φροντίδος γεγόνει.Б. Лейб явно ошибочно ставит запятую перед φ’ κανόν.

[1119] Марак. См. Moravcsik, *Byzantinoturcica*, II, S. 182.

[1120] Б. Лейб (Leib, *Alexiade*, III, p. 27) ошибочно указывает, что Лампи находится около Лопадия, путая это место с рекой того же названия (см. Ал., VI, 12, стр. 197).

[1121] Γελίελμος Γραντεμαν. Вильгельм Грантмесниль, муж Мабиллы, сестры Боэмунда, бежал из Антиохии около 10 июня (Raim. Ag., XI, pp. 256–258; Gesta, IX, 23).

[1122] Стефан Блуасский, предводитель крестоносцев из Северной Франции, бежал из-под Антиохии за день до взятия города (Fulch., I, 16; ср. Gesta, IX, 27).

[1123] Петр Алифа (см. о нем прим. 466) явился к Алексею не из Антиохии, а из Команы (к югу от Кесарии). См. Runciman, *A history*..., I, p. 239).

[1124] Запертые в Антиохии войсками Кербоги, крестоносцы испытывали большие лишения. Многие из них покидали город, спускаясь ночью по канатам со стен Антиохии. Эти беглецы получили название «канатных плясунов» (funambuli) См. Ord. Vit., IX, 11.

[1125] См. Moravcsik, *Byzantinoturcica*, II, S. 141. Б. Лейб (Leib, *Alexiade*, III, p. 29) без всяких объяснений называет его братом Мелика-Гази. Однако в данном случае речь идет о каком-то сыне Бэрк-Ярука (султана Хорасана), а не Данишменда. Бэрк-Ярук послал Кербогу на помощь осажденным антиохийцам и, естественно, стремился помешать Алексею прийти на помощь крестоносцам.

[1126] Нельзя не заметить явного противоречия у Анны, выше утверждавшей, что сообщение франков заставило Алексея ускорить движение. Писательница приводит любые аргументы, для того чтобы оправдать отца, не пришедшего на помощь крестоносцам (см. прим. 1073).

[1127] Б. Лейб вслед за Р. Райффершайдом отмечает лакуну: отсутствует логическая связь между предложениями.

[1128] Ср. Gesta, IX, 27; Guil. Tyr., VI, 12. Эти авторы сурово порицают Алексея за трусливое бегство. В «Деяниях франков» рассказывается о том, как сводный брат Боэмунда Гуго, находившийся при Алексее, настоятельно просил императора спасти крестоносцев. Но никто не поддержал Гуго.

[1129] Паиперт (совр. Байбурт) находится в Армении, к юго-востоку от Трапезунда (Honigmann, *Die Ostgrenze*..., *S. 54)*.

[1130] О Феодоре Гавре и его происхождении речь шла выше (VIII, 9, стр. 242 и сл.). Обещание рассказать о конце Гавры Анна не выполняет (см. прим. 858).

[1131] См. Ал.,X, 6, стр. 278.

[1132] Об этом эпизоде (10–14 июня 1098 г.) сообщается почти во всех западных и некоторых восточных источниках, однако там героем событий является не Петр Пустынник, а провансальский клирик Петр Варфаломей. Кроме того, западные хронисты говорят не о гвозде, а о копье, которым римский центурион пронзил бок Христа. Конечно, эта выдумка имела цель поднять упавший дух западного воинства. Арабский историк Ибн

аль-Асир прямо сообщает, что копье предварительно спрятал сам Петр. Этому эпизоду посвящена специальная работа: Runciman, *The holy lance*...

[1133] Снятие осады Антиохии произошло 28 июня 1098 г. Сообщение Анны о том, что эта вылазка имела место на следующий день, после того как был найден гвоздь (копье), не соответствует действительности. Все войско крестоносцев находилось под командованием Боэмунда, первым вступили в бой отряды Гуго Вермандуа и Роберта II Фландрского (см.: Grousset, *Histoire..., pp. 101–107; Runciman,* A history..., *I, pp. 257– 260).*

[1134] В окрестностях Антиохии крестоносцы задержались на полгода, предаваясь безудержному грабежу и разгулу. Крестоносные вожди были заняты распрями, возникшими в связи с тем, кому должна быть вручена власть над Антиохией. Дело чуть не дошло до вооруженного столкновения между Боэмундом и Сен-Жиллем. Сообщения западных хронистов о перипетиях и мотивах этой борьбы противоречивы (см. Runciman, *A history*..., I, pp. 236–265; Setton..., *A history*..., pp. 318–327).

[1135] Отряды крестоносцев выступили в поход на Иерусалим в середине января 1099 г. (Runciman, *A history*..., pp. 265– 278).

[1136] Крестоносцы осадили Иерусалим 7 июня и взяли штурмом город 15 июля 1099 г. (Runciman, *A history*..., I, pp. 279– 288).

[1137] О чудовищной резне, учиненной крестоносцами в Иерусалиме, сообщается почти во всех наших источниках по истории этого времени. Ср. слова Вильгельма Тирского (Guil. Tyr., VII, 19): «В городе было умерщвлено столько врагов и пролито столько крови, что даже победителей это ввергло в ужас и отчаяние». Эккехард из Ауры и Альберт Аахенский пишут, что кровь убитых доходила до колен лошадей (см. Andressohn, *The ancestry and life*..., p. 101 sq.).

[1138] 22 июля 1099 г. По сообщениям западных хронистов, Готфрид отказался принять титул короля и был провозглашен advocatus sancti sepulchri или, по другим источникам, princeps (см. Moeller, *Godefroid de Bouillon...)*.

[1139] Под Вавилоном Анна обычно подразумевает Каир.

[1140] Анна имеет в виду Аль-Афдала, визиря при малолетнем халифе Египта («Encyclopédie de L'Islam», I, p. 148). Войны крестоносцев с сельджуками, старыми врагами арабов, вполне соответствовали интересам Аль-Афдала (во время осады Антиохии он вел переговоры с крестоносцами о союзе против сельджуков), однако, когда западные войска проникли в глубь Сирии и это поставило под угрозу интересы державы Фатимидов, Аль-Афдал собрал войско и летом 1099 г. выступил против крестоносцев (Andressohn, *The ancestry and life*..., p. 97).

[1141] Сведения Анны о событиях в Сирии и Палестине становятся все более смутными и неопределенными. По мнению Ф. Шаландона (Chalandon, *Essai*..., p. XVII sq.), это связано с тем, что Татикий – вероятный источник информации писательницы – покинул крестоносное войско (Ал., XI, 4, стр. 300–301). Вопросу уяснения хронологии гл. 7–11 кн. XI «Алексиады» посвящена специальная статья Я. Любарского («Замечания...»).

В данном случае Анна путает два сражения с арабами: под Аскалоном, победоносное для крестоносцев (12 августа 1099 г.), и под Рамлой, закончившееся их поражением (май 1102 г.). (См.: Chalandon, *Essai*..., p. 209; Любарский, *Замечания...*, стр. 48). В битве у Аскалона Балдуин не участвовал вовсе, а под Рамлой он действительно находился во главе крестоносного войска. После поражения крестоносцев Балдуин заперся в Рамле, а ночью, будучи предупрежден о штурме одним арабом, бежал в Иерусалим. Под Рамлой погибло большое число знатных крестоносцев, в том числе Стефан Блуасский (Runciman, A history..., *II, p. 76–78)*.

[1142] Среди латинян, попавших в плен под Рамлой, источники называют коннетабля Генриха IV Конрада, виконта Одо Арпина и др. (Setton..., A history..., *p. 365)*.

[1143] Dölger, *Regesten*..., 1216 (Дэльгер датирует 1102 г.). См. прим. 1214.

[1144] Ни один западный источник не содержит каких бы то ни было сведений о пленении Готфрида. Готфрид умер в 1100 г., за два года до битвы под Рамлой, которую имеет в виду Анна (см. выше, прим. 1141).

[1145] Новая ошибка Анны: Балдуин еще в 1098 г. был усыновлен правителем Эдессы Торосом, а затем получил власть в городе (Math. Ed., p. 14 sq.). Хронология и детали этих событий по-разному освещаются историками (Laurent, *Des Grecs aux croises*, p. 417 sq.).

[1146] Т. е. Латтакию в Сирии.

[1147] Мараклея – город да сирийском побережье к югу от Гавала (Honigmann, *Die Ostgrenze*..., S. 100, Anm. 9).

[1148] Валан – город на сирийском побережье между Гавалом и Мараклеей (Honigmann, *Die Ostgrenze*..., S. *100, Anm. 9)*.

[1149] Dölger, *Regesten*..., 1211.

[1150] Вопрос о Латтакии и о времени, когда Сен-Жилль мог передать ее императору, весьма сложен.

По данным Альберта Аахенского (Alb. Aq., VI, 55), Сен-Жилль вернул Латтакию императору в середине января 1099 г.

Такая датировка вполне соответствует и хронологии Анны, ибо, во-первых, писательница в одном ряду с Латтакией упоминает о передаче Алексею Мараклеи, которая была взята крестоносцами в феврале 1099 г. (Gesta,X, 34), а во-вторых, по словам Анны, Сен-Жилль после передачи Латтакии двинулся на юг через Тортосу к Триполи (писательница, конечно, имеет в виду поход Сен-Жилля во главе крестоносного войска к Иерусалиму в январе-июне 1099 г.).

Столь замечательное совпадение данных источников было замечено еще Ф. Шаландоном (Chalandon, *Essai..., pp. 208– 212), но решительно отвергалось Ч. Дэвидом (David*, Robert Curthose, *pp. 230–244), во-первых, потому, что сведения Альберта подчас носят легендарный характер; во-вторых, потому что они противоречат данным Раймунда Ажильского и других западных хронистов.*

Однако, как это прекрасно сознает сам Ч. Дэвид, свидетельства наших источников о Латтакии этого периода вообще очень противоречивы, и поэтому мы не вправе пренебрегать совпадением данных двух источников, создававшихся совершенно независимо друг от друга.

Следует отметить, что такие серьезные исследователи, как Р. Груссе (Grousset, *Histoire..., pp. 318–319), К. Каэн (Cahen,* La Syrie du Nord..., *pp. 208, 222), относятся к рассказу Альберта с доверием и не сомневаются в факте передачи Латтакии в начале 1099 г.*

Подробней по этому вопросу см. Любарский, Замечания..., стр. 49–50.

[1151] Антарад или Тортоса.

[1152] Ἀταπάκας τς Δαμασκοῦ. Как и во многих других случаях, Анна принимает за личное имя наименование титула: Атабег Дамасский – это, по-видимому, не кто иной, как Тугтегин – атабег Дукака, сына сельджукского султана Тутуша, правителя Дамаска (см.: Стэнли Лэн-Пуль, *Мусульманские династии*, стр. 135; «Encyclopédie de L'Islam», IV, p. 873). Хронологически Анна относит взятие Тортосы ко времени похода крестоносцев из Антиохии в Иерусалим (февраль 1099 г.); сообщаемые ею факты совпадают с известными нам сведениями о вторичном взятии Тортосы войсками Сен-Жилля в начале 1102 г. Именно тогда, вторично прибыв в Сирию, по пути из Латтакии в Иерусалим Сен-Жилль, отделившись от остальных крестоносцев, с помощью генуэзского флота захватил Тортосу. После этого против него и выступило войско Дукака (см. Alb. Aq., VIII, 43; Cafaro, XXIII).

[1153] Подробнее всего об этой битве рассказывается у Ибн аль-Асира, по словам которого сражение произошло под Триполи, и Раймунд, несмотря на немногочисленность своего войска (около 300 воинов против

двух тысяч), нанес сокрушительное поражение врагу. Арабский историк Сибт ибн аль-Джаузи и генуэзский хронист Кафаро подтверждают свидетельство Анны, что эта битва была под Тортосой (Grousset, *Histoire*..., pp. 337–338).

1154 Впервые на пути к Иерусалиму войско Сен-Жилля прошло мимо Триполи в мае 1099 г. Видимо, к этому времени относит Анна и свой рассказ. Эмир Триполи откупился тогда от крестоносцев. Детали, сообщаемые Анной, совпадают с фактами, известными нам об осаде Триполи в 1103–1105 гг. Так крепость, построенная с помощью Евмафия Филокала, не что иное, как знаменитая, воздвигнутая в 1104 г. Mons Peregrinus, о которой сообщается в ряде западных и восточных источников (Runciman, A history..., *II, p. 60, n. 3).*

1155 Судя по тем деталям, которые сообщает Анна, речь идет о событиях 1103 г.: как нам известно, Танкред осаждал Латтакию в 1102-начале 1103 г. (Hagenmeyer, *Chronologie*..., № 687; Nicholson, *Tancred*, pp. 130–132), а Сен-Жилль в 1103 г. находился под Триполи. Однако датируются в «Алексиаде» эти события опять-таки тем же 1099 г.; ведь фраза «Боэмунд, узнав, что Цинцилук вошел к Лаодикию...» может относиться только к событиям 1099 г., времени, когда, по словам той же Анны, Сен-Жилль, повинуясь приказу Алексея, передал Латтакию Цинцилуку. Летом-осенью 1099 г. осаду Латтакии вел не Танкред, а Боэмунд, и крестоносцы, возвращавшиеся из Иерусалима, в том числе и Сен-Жилль, уговорили Боэмунда снять осаду города (см. Alb. Aq., VI, 55–59; ср. Krey, *Urban's crusade*..., pp. 244–245).

По-видимому, Анна вновь путает события, отделенные друг от друга четырьмя годами.

Представления Анны о событиях 1103 г. весьма туманны. По ее словам, осаждать Антиохию Танкреда послал Боэмунд. А Боэмунд в то время находился в турецком плену и вернулся в Антиохию лишь в мае 1103 г. Анна вообще не знает о пленении Боэмунда, и это было одной из причин систематического смешения писательницей событий 1099–1100 и 1102– 1104 гг.

1156 Готфрид умер 18 июля 1100 г. (Hagenmeyer, *Chronologie*..., № 482).

1157 Это сообщение Анны не соответствует действительности, ибо ни в одном из западных источников ничего не говорится о том, что Сен-Жиллю предлагали корону после смерти Готфрида. По-видимому, Анна опять путает события: Сен-Жилль был одной из кандидатур на иерусалимский престол в 1099 г., сразу же после взятия города

крестоносцами (Raim. Ag.,XX; Alb. Aq., VI, 33; ср. Waas, *Geschichte*..., I, S. 156). Анна пишет, что крестоносцы вызывают Сен-Жилля из-под Триполи. Должно быть, она полагает, что именно тогда тулузский граф осаждал город. Исследователей часто удивляло, что Анна хронологически связывает смерть Готфрида с осадой Сен-Жиллем Триполи. Однако, если мы вспомним, что писательница датирует осаду Триполи 1099–1100 гг. (см. прим. 1154), логика рассказа станет совершенно очевидной.

[1158] Из Латтакии в Константинополь Сен-Жилль отправился в июне 1100 г., там он оставил жену и большую часть свиты. Целью поездки было урегулирование с Алексеем вопроса о Северной Сирии и выработка планов совместных действий против их общего врага – Боэмунда (Grousset, *Histoire*..., p. 321).

[1159] Балдуин был провозглашен королем Иерусалима группой лотарингских рыцарей, захвативших после смерти Готфрида иерусалимский акрополь и пославших за Балдуином в Эдессу (Alb. Aq., VII, 30). Это произошло 3 ноября 1100 г. (Hagenmeyer, *Chronologie*..., № 515).

[1160] *Двух братьев, которых звали Бьяндраты* (δελφος δύο Φλάντρας καλουμένους). Имеются в виду один из предводителей ломбардских крестоносцев граф Альберт Бьяндрате и его брат Гвидо. Б. Лейб (Leib, *Alexiade*, III, p. 38) ошибочно утверждает, что два брата Бьяндрате упоминаются только в «Алексиаде», в то время как о них обоих говорит также и Альберт Аахенский (Alb. Aq., XVIII, 15). Анна ведет рассказ о походе крестоносцев 1101 г. Этот поход начался по призыву папы Пасхалия II, в нем участвовали главным образом отряды из Ломбардии, Бургундии, Шампани и Германии. Вместе с крестоносцами шло много женщин и детей. (Об этом походе см.: Cate, *A Gay Crusader*; Runciman, *The Crusades of 1101*). Крестоносное войско прибыло в Константинополь между 26 мая и 8 июня 1101 г. (Hagenmeyer, *Chronologie*..., № 572).

[1161] Стефан Блуасский (см. прим. 1122), вторично отправившийся в «святую землю», советовал двигаться по той же дороге, по которой шли первые крестоносцы, но ломбардцы, стремясь освободить Боэмунда (последний с августа 1100 г. находился в плену), настаивали на том, чтобы войско двигалось прямо на восток к Хорасану (Alb. Aq., VIII, 7; Ekk. Uraug, XXIII; Ord. Vit., X, 19).

[1162] Различные источники по-разному определяют численность крестоносного войска, но все приводят достаточно большие цифры. (Сводку данных см. в кн. Setton..., A history..., *p. 351, n. 14; ср. Заборов,* Крестовые походы, *стр. 108.)*

[1163] Ср. Alb. Aq., VIII, 15. Вместе с крестоносцами Алексей отправил также отряд из 500 туркопулов.

[1164] 23 июня 1101 г. (Hagenmeyer, *Chronologie*..., № 589. О географии этого похода см.: Tomaschek, *Zu historischen Topographie*..., *Ss. 87–88; Grousset*, Histoire..., *p. 326, n. 2).*

[1165] 5 августа 1101 г. (Hagenmeyer, *Chronologie*..., № 589).

[1166] Паврак расположен между Синопом и устьем Галиса.

[1167] Детальное описание этого сражения содержится в сочинениях Альберта Аахенского и Матфея Эдесского. Против крестоносцев сражались объединенные силы султана Килич Арслана, данишмендского эмира Севастии, Ридвана – эмира Алеппо, Карая – эмира Харрана. По свидетельству Альберта, первым обратился в бегство Сен-Жилль. Западные источники называют огромные цифры убитых крестоносцев. Альберт – 160 тысяч, Вильгельм Тирский – 50 тысяч, Ибн аль-Асир-только три тысячи. Альберт Аахенский приводит также многочисленные имена убитых крестоносцев. Это сражение по сути дела положило конец крестовому походу 1101 г. (Runciman, *The crusades of 1101*, p. 7 sq.). Это поражение очень осложнило отношения Византии с крестоносцами, ибо последние стали обвинять Алексея в том, что он предал их туркам.

[1168] Осенью 1101 г. (Alb. Aq., VIII, 24) Сен-Жилль с остатками своего отряда достиг устья р. Галис, а затем переправился морем в Константинополь. Остальные крестоносцы двинулись к Синопу, потом берегом шли до Босфора.

[1169] В начале 1102 г. Альберт Аахенский говорит о первых числах марта (см. Hagenmeyer, *Chronologie*..., № 627; Setton..., A history..., I, p. 363). Вместе с Сен-Жиллем отправились морским путем в Сирию и другие неудачливые крестоносцы: Альберт Бьяндрате, Конрад, Стефан Блуасский, Стефан Бургундский и др.

[1170] По прибытии в порт Суди Сен-Жилль был задержан и некоторое время находился в плену у Танкреда, который обвинял своего старого врага в предательстве дела крестоносцев и пособничестве византийцам (Grousset, *Histoire*..., pp. 333–334). Освобожденный из плена Сен-Жилль захватил Тортосу (см. прим. 1150) и в 1103 г. начал осаду Триполи. Хотя Анна и говорит о том, что Сен-Жилль вновь (αθις) прибыл к Триполи, тем не менее она явно вторично рассказывает об осаде Триполи, которую относила к 1099 г. (см. прим. 1154). Это не единственный случай, когда под пером Анны «раздваиваются» события.

[1171] Вильгельм Иордан – двоюродный племянник Сен-Жилля (см. о нем Grousset, *Histoire*..., pp. 343–344).

[1172] Сен-Жилль скончался 27 февраля 1105 г. в крепости недалеко от Триполи (Grousset, *Histoire...*, pp. 343–344).

[1173] См. Dölger, *Regesten...*, 1223 (после 28 февраля 1105 г.).

[1174] Крестоносцы осаждали Антиохию не три месяца, а семь (см. прим. 1099).

[1175] По свидетельству западных источников (Gesta,X, 33; ср. Rad. Cad., XCII), крестоносцы в конце 1098 г. испытывали такой голод, что вынуждены были даже питаться человечьим мясом. Возможно, однако, Боэмунд имеет в виду дохлятину, употреблять которую в пищу было запрещено 67 правилом Трулльского собора 692 г.

[1176] Сама Анна настаивала на другой версии о причинах ухода Татикия (Ал., XI, 4, стр. 300–301). Слова Боэмунда совпадают с оценкой поведения Татикия западными источниками (см. прим. 1106). Видимо, Анна пересказывает подлинное письмо Боэмунда (см. Любарский, *Об источниках...*, стр. 119).

[1177] Вопрос о том, когда состоялся обмен письмами между Алексеем и Боэмундом, нелегок. Ф. Дэльгер (Dölger, *Regesten...*, 1212) датирует письмо Алексея мартом 1099 г.; Хагенмайер (Hagenmeyer, *Chronologie...*, № 693) и Б. Лейб (Leib, *Alexiade*, III, p. 246) относят его к весне 1103 г. Сама Анна утверждает, что обмен письмами между византийским императором и Боэмундом произошел после взятия Латтакии Танкредом, которое писательница ошибочно относит к концу 1099 г. (см. прим. 1150) и которое в действительности произошло в начале 1103 г. То, что в представлении Анны переписка состоялась в 1099 г., подтверждается следующим наблюдением: в ответном письме к Алексею Боэмунд обосновывает свои права на Антиохию тем, что крестоносцы во время осады города терпели лишения, а Татикий бросил их в беде и ушел. Вряд ли мог Боэмунд приводить такие аргументы в 1103 г., когда уже прошел четырехлетний срок после взятия Антиохии. В 1099 г. эти доводы были вполне уместны. Параллельные западные источники (Raim. Ag., XVIII; Guil. Tyr., VII, 20) также сообщают о требовании Алексея отдать ему Антиохию, однако датируют письмо Алексея примерно мартом 1099 г. Впрочем расхождение в датах между Анной и западными хронистами на несколько месяцев не так уж существенно. Хронологическое сопоставление данных «Алексиады», а также западных источников позволяет проследить, какое давление оказывал Алексей на Боэмунда в 1099 г., стараясь принудить последнего выполнить его требования. Весной (у Анны после сентября) 1099 г. Алексей направляет Боэмунду посольство. В сентябре того же года для переговоров с Боэмундом является Вутумит

(Ал., XI, 10, стр. 315), и в том же месяце старается уговорить норманнского вождя преданный Алексею Сен-Жилль (Ал., XI, 7, стр. 305).

[1178] Рассказ Анны – единственный источник наших сведений об экспедиции Вутумита в Киликию. Из-за хронологической путаницы в «Алексиаде» этот поход исследователи датировали по-разному: 1099 г. (Б. Куглер, Г. Финк и др.) и 1103 г. (Ф. Шаландон, Г. Хагенмайер, С. Рэнсимен, К. Каэн, Р. Груссе и др.). Анна утверждает, что Алексей послал Вутумита сразу же после возвращения послов от Боэмунда, т. е. в конце 1099 или самом начале 1100 г. В пользу такой датировки говорят и другие наблюдения (подробно об этом см. Любарский, *Замечания...*, стр. 53–54).

[1179] Об этой экспедиции пизанского флота во главе с архиепископом Даимбертом сообщается также под 1099 г. в сочинении итальянского хрониста Бернарда, по словам которого флот Диамберта состоял из 120 кораблей.

Урбан II незадолго до своей смерти назначил Даимберта папским легатом в Сирии вместо погибшего Адемара Монтейльского (Runciman, *A history...*, I, p. 299).

[1180] М. Сезан (Sesan, *La flotte byzantine...*, p. 48 sq.) на основании этих слов Анны делает далеко идущие выводы.

Как известно, в начале XI в. в Византии существовало шесть морских фем, которые поставляли так называемый фемный флот. Но ко времени правления Алексея территория всех этих фем, за исключением Киклад, была занята турками и норманнами. Источники того периода ничего не сообщают о какой-либо реорганизации морских фем. Из фразы Анны: «Император приказал строить корабли во всех областях империи» М. Сезан заключает, что содержание флота в это время целиком взял на себя император и поставлять флот должны были все области империи, а не морские фемы, как раньше (ведь Анна употребляет термин χώραι (области), а не θέματα (фемы). Не берясь оспаривать по существу выводы М. Сезана, отметим, что термин θέμα в «Алексиаде» встречается главным образом в пересказе документов, а χώρα может употребляться в самых разных значениях.

[1181] 1099 г.

[1182] Κόμης τις Πελοποννήσιος. Б. Лейб переводит Κόμης «граф». Во флоте титул комита носили высшие офицерские чины (Bréhier, *Les institutions...*, p. 411).

[1183] Имеется в виду знаменитый «греческий огонь» – горючая смесь, направляемая на врага из специальных трубок. (Zenghelis, *La feu grégois...*, p. 275 sq.).

[1184] Боэмунд в это время осаждал Латтакию (осень 1099 г. См. прим. 1155).

[1185] Б. Лейб (Leib, *Alexiade*, III, p. 45) считает, что имеется в виду район Константинополя, носивший такое название (Janin, *Constantinople byzantine*, pp. 425–426). Но скорее всего речь идет здесь о месте того же названия, находившемся на малоазийском побережье напротив Кипра (Ramsay, *The historical geography*..., p. 381).

[1186] *Каниклий* – первоначально «хранитель императорской чернильницы» – начальник личного секретариата императора. (Brehier, *Les institutions*..., p. 133.)

[1187] Подразумевается Селевкия в Киликии. Курик был расположен северо-восточнее Киликии. Под стадиями в данном случае Анна имеет в виду мили (см. Ramsay, *The historical geography*..., p. 384).

[1188] Эти события, так же как и экспедицию Вутумита в Киликию, исследователи относят то к 1099 г., то к 1103 г. Судя по словам самой писательницы, укрепление Курика и Селевкии происходило непосредственно после похода пизанского флота или параллельно с ним, т. е. в 1099 или 1100 г. (см. выше, прим. 1179).

[1189] *Год спустя* (μετ δ παραδρομν νιαυτοῦ), т. е. примерно осенью 1100 г. Как раз в это время, по сообщению генуэзского хрониста Кафаро (Cafaro, XXIV), генуэзский флот направился на помощь крестоносцам. Очень вероятно, что Анна имеет в виду именно этот поход генуэзцев. Генуэзский флот отправился к берегам Сирии 1 августа и прибыл к Латтакии 25 сентября.

[1190] Имеется в виду побережье Пелопоннеса.

[1191] Мыс Пелопоннеса.

[1192] Анна имеет в виду осаду Латтакии 1104 г. Рассказывая о событиях 1099–1100 гг. и систематически путая их с событиями более поздними, писательница незаметно пропускает четыре года и переходит к 1104 г. (см. Любарский, *Замечания*..., стр. 54–55). Об этой осаде пишет также Радульф Каэнский (Rad. Cad., CLI); он, как и Анна, сообщает о том, что Кантакузин построил стену, чтобы отделить Латтакию от моря и не дать флоту противника прийти на помощь городу.

[1193] Е. Хонигман (Honigmann, *Die Ostgrenze*..., S. 114, Anm. 5) и К. Каэн (Cahen, *La Syrie de Nord*..., p. 173) идентифицируют это место с Оллаикой.

[1194] Маркаб был расположен на сирийском побережье примерно в 50 *км* южнее Латтакии.

[1195] Гавал (совр. Djéble) в 20 с лишним километрах южнее Латтакии.

[1196] На самом деле эти города не были возвращены Византии Алексеем. Правда, по Девольскому договору Алексея I и Боэмунда 1108 г. (см. Ал., XIII, 12, стр. 370) Гавал должен был отойти к империи, но этот договор так и не был проведен в жизнь (см. прим. 1397).

[1197] По словам самой Анны, Латтакия была передана Алексею Сен-Жиллем в 1099 г. (см. прим. 1155).

В 1103 г. Латтакию захватил Танкред.

[1198] В тексте τηροῦντες, т. е. «охраняющие». Имеется в виду охрана стен с внешней стороны от воинов Боэмунда, двигавшегося на помощь осажденному городу.

[1199] Лонгиниада была расположена рядом с Аназарвом (Ramsay, *The historical geography...*, p. 348).

[1200] Ср. сообщение Радульфа Каэнского (Rad. Cad., CLI): жители Тарса, Аданы и Мамистры сами прогнали норманнов и призвали византийцев.

[1201] См. прим. 1084. Так же как и во многих случаях, Анна принимает за имя собственное наименование титула.

[1202] Глагола, соответствующего русскому «приготовить», в оригинале нет. Б. Лейб вслед за А. Райффершайдом отмечает в этом месте лакуну.

[1203] Боэмунд отплыл из Азии осенью 1104 г. (Hagenmeyer, *Chronologie...*, № 731).

[1204] Ср. сообщения Зонары (Zon., XVIII, 25) и Михаила Глики (Glycas, IV, p. 623). Версия Анны о способе возвращения Боэмунда, поддержанная Зонарой, совершенно неизвестна западным хронистам. Свидетельства западных хронистов по этому поводу приводятся П. Безобразовым («Боэмунд Тарентский», стр. 94, прим. 2).

[1205] Боэмунд прибыл в Италию в январе 1105 г. (Anon. Bar. Chron., s. a. 1105).

[1206] Филиппом I (1060–1108).

[1207] *Констанцию*. Брачный союз был заключен в апреле-мае 1106 г. От этого брака родился Боэмунд II – будущий правитель Антиохии.

[1208] Имеется в виду младшая дочь Филиппа, Цецилия, которая была отправлена в Антиохию в конце 1106 г.

О браках, заключенных Боэмундом и Танкредом, см. Runciman, A history..., II, p. 49, n. 1. С. Рэнсимен приводит параллельные свидетельства западных источников.

[1209] Алексей – дука Корфу, куда высадился Боэмунд (см. Ал., XI, 12, стр. 319).

[1210] См. Dölger, *Regesten...*, 1219 (1104 г.).

[1211] Наиболее подробное описание путешествия Боэмунда по Европе см. у Ордерика Виталия (Ord. Vit., XI).

Боэмунд, покинув Апулию в сентябре 1105 г., прибыл в Рим, где был весьма благожелательно принят папой Пасхалием II (Анна датирует эту встречу более поздним временем; см. стр. 336 и прим. 1276). Папа вручил Боэмунду знамя св. Петра и отправил его во Францию, дав ему в спутники своего легата. В марте 1106 г. Боэмунд уже был во Франции, где его пропаганда нового крестового похода (по одним свидетельствам, Боэмунд агитировал за крестовый поход в Палестину, по другим – призывал отомстить Алексею) имела почти повсеместный успех. В конце марта происходит встреча Боэмунда с английским королем Генрихом I.

Сумев привлечь на свою сторону большое число будущих крестоносцев и вступив в брак с Констанцией, Боэмунд в конце мая является на заседание синода в Пуатье, где папский легат от имени папы обращается с призывом организовать новый крестовый поход. В августе 1106 г. Боэмунд возвращается в Апулию, где начинает усиленную подготовку к походу на Византию (см.: Безобразов, *Боэмунд Тарентский*, стр. 95–100; Jenal, *Der Kampf um Durazzo*..., S. 292 sq.).

[1212] Аль-Афдал (см. прим. 1140).

[1213] Dölger, *Regesten*..., *1220 (ок. 1104 г.)*.

[1214] По-видимому, Анна вторично повествует о выкупе плененных крестоносцев (ср. Ал., XI, 7, стр. 308 и прим. 1142). Причина «доброты» Аль-Афдала, столь поразившей Анну, кроется, видимо, в политических расчетах: Аль-Афдал не хотел ссориться с Византией и крестоносцами – своими потенциальными союзниками против сельджуков (см. прим. 1140).

[1215] Анна ошибается: Тарс расположен не в Келесирии, а в Киликии.

[1216] Об Аспиете см. прим. 465.

[1217] Е. Рей (Rey, *Histoire des princes*..., p. 336) относит этот поход Танкреда к началу 1105 г., однако большинство современных исследователей (Nicholson, *Tancred*, p. 165, n. 1; Runciman, A history..., *II, pp. 53–55) датируют его 1107 или 1108 г. На первый взгляд действительно может показаться странным, что в середине рассказа о событиях 1105 г. Анна вдруг забегает вперед на два-три года. Но дело в том, что рассказ об Аспиете носит характер отступления; упомянув об Аспиете, Анна считает своим долгом сообщить, почему молва о больших достоинствах этого человека не имеет оснований. Такого рода отступления нередко встречаются в «Алексиаде»*.

[1218] Анна имеет в виду Мопсуэстию (Мамистру), которую она ошибочно помещает на р. Сарос и считает двумя городами. На самом деле

это один город, разделенный р. Пирам так, «что казалось, будто это два города» (Skyl., p. 362).

[1219] Арсакиды (Аршакиды) – название парфянской, а затем и армянской династии, власть которой в Армении пала еще в 428 г. Однако в византийских источниках гораздо более позднего времени арсакидами неоднократно именуются армяне, находившиеся на службе империи (см. Der Nersessian, *Armenia*..., p. 19 sq.). По данным Генесия и Константина Багрянородного, из рода Арсакидов происходил и император Василий I (867– 886). Эта версия, по-видимому, – плод фантазии опального патриарха Фотия, сочинившего блестящую генеалогию Василия с целью вернуть расположение этого императора. В Византии V-VI вв. действительно жили и занимали высокие посты потомки Арсакидов. Весьма сомнительно, однако, чтобы этот род сохранился до IX и тем более XI-XII вв. (см. Adontz, *L'age et l'origine*..., p. 232 sq.).

Скорее всего наименование «Арсакиды» для Анны – традиционное название для представителей армянской династии.

[1220] Видимо, Аспиет был доместиком Востока (см. Leib, *Alexiade*, I, p. LIII).

[1221] Сентябрь 1105 г. На самом деле это 24-й год царствования Алексея.

[1222] Так мы переводим греч. καταλλήλοις δαΐς.

[1223] Феано – ученица, а возможно, и жена Пифагора.

[1224] Ἀλλ' ο δημόσιος – досл.: «Но она не публичная». [1225] Ср. Римл., VIII, 35.

[1226] Этот выпад Анны против «насмешников и клеветников» – одно из наиболее ярких проявлений полемической направленности ее труда (см. Предисл., стр. 36; ср. Любарский, *Мировоззрение*..., стр. 159 и сл.).

[1227] Томирида – массагетская царица, победительница Кира (см. Геродот, I, 205–214).

[1228] Согласно Ктесию, Спарефра – жена царя одного из скифских племен, Аморга. Когда Аморг был взят в плен Киром, она собрала армию, состоявшую из женщин, и освободила мужа (см. Ctesias, *Persica*, fr. 29).

[1229] Ср. Премудр. Солом. V, 19.

[1230] Имя Ирина в переводе с греческого означает «мир».

[1231] См. Псалт., CI, 10.

[1232] О филантропической деятельности Ирины сообщает и Скутариот (Anon. Syn. Chron., p. 182).

[1233] Эта комета была видна в феврале-марте 1106 г. (см.: Fulch., II, 35; Grumel, *La chronologie*, p. 473).

[1234] В Константинополе было несколько церквей евангелиста Иоанна (Janin, *La géographie..., pp. 272–279).*

[1235] Алексей – второй из четырех сыновей Исаака: Иоанн, Алексей, Константин, Адриан. Об Иоанне, тоже занимавшем пост дуки Диррахия, см. Ал., VIII, 7, стр. 240.

[1236] В. Златарский («История...», II, стр. 243) признается, что не может идентифицировать это место.

[1237] 1106–1107 гг.

[1238] Речь идет о сыне Алексея, будущем императоре Иоанне, который был женат на Ирине (Пирошке), дочери венгерского короля Владислава. Первенцами Иоанна были близнецы: Алексей и Мария.

[1239] Валависта (тур. Демир-хисар)-к северу от Серр (Златарски. *История...*, II, стр. 243).

[1240] День великомученика Димитрия Солуньского празднуется 26 октября. Таким образом, Алексей возвращается в Константинополь, видимо, в ноябре 1107 г.

[1241] Об этой колонне со статуей сообщается в ряде византийских источников. Она стояла в центре площади Константина, возвышалась на 50 *м*, а у нее наверху находилась статуя Аполлона, увенчанного лучезарным венцом. Эту статую, как сообщает Зонара (Zon., XIII, 3), привез Константин из Фригии; по преданию, в цоколе колонны были заложены различные христианские реликвии. Впоследствии, когда Константин был признан первым христианским императором, эта колонна получила большое религиозное значение и на ней была высечена надпись, содержавшая призыв к Христу хранить Константинополь. В дальнейшем статуя упала и ее заменили крестом; при Мануиле Комнине колонна была реставрирована (см.: Беляев, *Byzantina*, III, стр. 45 и сл.: Janin, *Constantinople byzantine*, pp. 81–84).

[1242] Второзак., XXXII, 39.

[1243] Б. Лейб вслед за А. Райффершайдом отмечает лакуну.

[1244] По-видимому, мысль заимствована у какого-то античного автора. Об этом говорит употребление Анной в данном контексте понятий Πόλις «город» (вм. «государство») и δ ημαγογός "демагог".

[1245] Б. Лейб вслед за А. Райффершайдом отмечает лакуну; пропущено слово «мир» или аналогичное.

[1246] В рукописях – лакуны. Анемады – по-видимому, потомки арабского эмира Крита Абд-аль-Асиза, защищавшего в 960 г. остров от Никифора Фоки. В одних источниках именем Ἀνέμας назван сам эмир, в других – его сын, взятый в плен византийцами и зачисленный в личную

гвардию императора (см. Παναγιωτάκη, Θεοδόσιος Διάκονος..., σελ. 88).

[1247] Ο Ἐξαζηνο καλούμενοι, ό τε Δούκας κα 'Υαλέας. Из этих слов совершенно ясно, что и Дука и Иалий – оба Эксазины. Однако в двух других случаях (см. ниже, настоящую главу, стр. 331 и XIII, 1, стр. 341) Анна говорит об Эксазине Дуке и Иалии.

[1248] Анна называет представителей хорошо известных в Византии того времени фамилий. Писательница уже рассказывала о мятежнике по имени Василаки (Ал., I, 7–9, стр. 69 и сл.), упоминала Василия Куртикия (Ал., I, 9, стр. 73 и др.).

[1249] В оригинале непереводимая игра слов. Анна ассоциирует имя Ἀνεμάοες и ανεμος («ветер»): «Соломон, как бы подгоняемый ветрами (Анемадами)...».

[1250] *Трепыхаться на море* – ψαίρειν π πελαγος. Дж.Баклер (Buckler, *Anna* Comnena..., *p. 514) предлагает читать:* σπείρειν π πελαγος, т. е. «сеять на море» или «делать бесполезную работу». До наших дней сохранился целый сборник пословиц с таким значением (его обычно приписывают Продрому; см. Пападимитриу, *Феодор Продром*, стр. 249 и сл.).

[1251] Склиры – известная в Византии фамилия, см. прим. 1069.

[1252] Сохранилась новелла Алексея I, где Варда Ксир назван протопроедром и этериархом (Dölger, *Regesten...*, 1162).

[1253] *Затрикий*, т. е. шахматы (см. Koukoulès, *Vie et civilisation...*, I, p. 219–221).

[1254] Церковь богоматери Фаросской непосредственно примыкала к церкви св. Димитрия. По-видимому, поэтому Анна считает, что это один и тот же храм (см.: Janin, *La géographie...*, p. 96; Ebersolt, *Le grand palais de Constantinople...*, p. 104 sq.). Большая императорская опочивальня находилась сразу же за богородичной церковью. План этой части дворца см. «The Great Palace...», p. 18.

[1255] Вероятно, имеется в виду Августион (R. Janin, *Constantinople byzantine*, pp. 65–67).

[1256] *Актеры* (ο σκηνικοί). Б. Лейб переводит: «Les organisateurs du spectacle». Присутствие актеров, видимо, объясняется шутовским характером этой процессии (ср. Koukoulès, *Vie et ciuilisation...*, III, pp. 201–202).

[1257] ῾ραβδοῦχοι (иначе «манглавиты) – своего рода жандармы (Скабаланович, *Византийское государство и церковь в XI в.*, стр. 173).

[1258] Б. Лейб вслед за А. Райффершайдом отмечает лакуну.

[1259] Подобного рода унизительные наказания нередко применялись византийскими императорами (Koukoulès, *Vie et civilisation...*, III, p. 199

sq.).

[1260] По-видимому, Анна с сестрами, чтобы взглянуть на процессию, поднялась на верхние этажи той части дворца, которая выходит к Августиону, а Алексей и Ирина находились где-то во внутренних покоях Большого дворца или во всяком случае в нижнем его этаже. Поэтому Анна и говорит, что она «спустилась», а Ирина «поднялась наверх».

[1261] *Так называемых «рук»* – τν λεγομένων χειρν (см. Ducange, *In Alex.*, pp. 643–645). Эти «руки» были установлены на тетрапилоне, на улице, которая соединяла площадь Тавра с Филадельфием. Осужденных вели к Филадельфию, а затем к месту казни – Амастрианской площади (Mordtmann, *Esquisse topographique...*, p. 71).

[1262] Сообщение об этом заговоре содержится также у Зонары (Zon., XVIII, 23), по словам которого в заговоре участвовало большое число военной знати. Заговорщики еще не успели приступить к осуществлению своих замыслов, как их разоблачили, обрезали им волосы и бороды, а Михаила Анемада приговорили к ослеплению. Так же как и Анна, Зонара рассказывает, что во время процессии прибыло распоряжение Алексея отменить казнь. Заговорщиков лишили имущества и сослали кого куда (ср. Glycas, IV, p. 622).

Точная датировка этого заговора гипотетична, ибо основывается только на весьма противоречивом рассказе Анны (сообщение Зонары лишено каких бы то ни было хронологических указаний), Ф. Дэльгер (Dölger, *Regesten...*, 1233) весьма неопределенно относит его к 1106–1107 гг. Согласно «Алексиаде» (XII, 5, стр. 330), заговор был составлен в то время, когда Боэмунд готовился напасть на Византию, т. е. между январем 1105 г. (см. прим. 1205) и октябрем 1107 г. (дату начала похода Боэмунда см. в прим. 1284). Однако время раскрытия заговора следует, по-видимому, ограничить периодом пребывания Алексея в столице (судя по рассказу Анны, наказание заговорщиков в Константинополе происходило в присутствии императора). Нам известно, что Алексей явился в Фессалонику в сентябре 1105 г., пробыл в Слопиме год и два месяца и ранней весной 1107 г. вернулся в Константинополь (см. прим. 1240). В ноябре этого же года император вновь выступает из Константинополя (Ал., XIII, 1, стр. 340). Таким образом, из указанного нами трехгодичного периода Алексей находился в столице лишь с января до августа 1105 г. и с апреля до ноября 1107 г.

Против датировки заговора апрелем-ноябрем 1107 г. говорят следующие факты. В числе главных участников заговора Анна называет братьев Эксазинов, Дуку и Иалия (XII, 5, стр. 330). По сообщению Зонары

(см. выше), заговорщики были лишены имущества и сосланы, в их числе, надо полагать, были и Эксазины. Но, по словам Анны (XII, 8, стр. 337; ср. XIII, 1, стр. 341), Эксазины находятся во флоте Исаака Контостефана, обороняющего пролив между Лонгивардией и Иллириком (видимо, конец лета, осень 1107 г.). Таким образом, если заговор Анемадов датировать 1107 г., то окажется, что одни из главных заговорщиков немедленно после разоблачения не только не были сосланы, но получили назначение во флот для борьбы с Боэмундом.

Второй аргумент против поздней датировки: по сообщению Анны (XII, 7, стр. 334), после Михаила Анемада в Анемскую тюрьму был заключен другой заговорщик – Григорий Таронит. Причем, судя по словам писательницы, между временем заключения Анемада и временем, когда в тюрьму бросили Таронита, прошел какой-то срок («Еще не освободили из тюрьмы Михаила, как в Анемскую тюрьму был доставлен Григорий», а ниже сказано, что Анемад провел в тюрьме много времени). В обстоятельствах заговора Григория Таронита много неясного (см. прим. 1271), тем не менее, как утверждает сама Анна (XII, 7, стр. 334), он был схвачен в 14-м индикте (сентябрь 1105-август 1106 г.) или вскоре после этого.

Итак, если датировать заговор Анемадов 1107 г., то соответственно нужно относить к более позднему времени и разоблачение Таронита, что приведет к противоречию с прямыми хронологическими указаниями нашей писательницы.

Гораздо более подходящим для заговора Анемадов оказывается время с января до августа 1105 г.

К еще более раннему времени отнесла заговор Анемадов Д. Папахрисанту (Papachrysantou, *La date de la mort*..., p. 252 sq.). Ученый обращает внимание на сообщение Анны о том, что в разбирательстве дела заговорщиков принимал участие севастократор Исаак, который умер до ноября 1104 г. Аргумент Д. Папахрисанту можно было бы признать убедительным, если бы не два обстоятельства: 1) датировка заговора 1103–1104 гг. противоречит указанию Анны, что Анемады вынашивали планы мятежа в период подготовки Боэмундом наступления на Византию; 2) согласно Анне, Исаак участвовал даже в суде над богомилом Василием (около 1111 г.) (см. прим. 1555). Конечно, датируя заговор Анемадов 1105 г., мы приходим в определенное противоречие с хронологической последовательностью рассказа Анны – ведь писательница повествует о нем после сообщения о возвращении Алексея в Константинополь (ранняя весна 1107 г.). Но это противоречие легко объясняется обычным для Анны

методом композиции: писательница говорит сначала о «внешних бедах» Алексея (в данном случае о Боэмунде), а затем переходит к описанию «внутренних бед» и подряд рассказывает о заговорах Анемадов и Таронита.

[1263] Григорий Таронит, сын неизвестного нам по имени брата Михаила Таронита (см. прим. 312; Adontz, *Les Taronites à Byzance*, p. 26).

[1264] В этой башне-тюрьме в дальнейшем содержалось много знатных узников. Точно идентифицировать ее до сих пор не удается (Janin, *Constantinople byzantine*, p. 169 sq.).

[1265] Сентябрь 1103-август 1104 г.

[1266] Тивенна находилась между Севастией и Амасией.

[1267] Dölger, *Regesten*..., 1222 (ок. 1105 г.).

[1268] Сентябрь 1105-август 1106 г.

[1269] Иоанн Таронит – сын Михаила Таронита, женатого на Марии, сестре Алексея I Комнина. Григорий был сыном брата Михаила Таронита и, таким образом, приходился двоюродным братом мятежнику.

[1270] Колония была расположена к западу от Баибурта (Паиперта у Анны Комниной). Об отношениях Григория Таронита с Данишмендом см. прим. 1271.

[1271] В научной литературе уже давно обращалось внимание на несоответствие рассказа Анны и данных Феофилакта Болгарского, содержащихся в письмах последнего к Григорию Тароните. Из первого письма (PG, 126, col. 409–416) явствует, что Григорий победил Данишменда и заставил его искать мира с императором, а также побудил плененного Данишмендом франка согласиться на выкуп его императором. Естественно предположить, что франк, о котором идет речь, это Боэмунд, находившийся в плену у Данишменда с 1101 по 1103 г. (см. прим. 1155). Во втором письме (PG, 126, col. 437– 440), написанном по поводу возвращения Таронита в столицу, Феофилакт в весьма торжественных выражениях превозносит своего адресата. Все это противоречит рассказу Анны, согласно которому Григорий был назначен дукой Трапезунда лишь в 12-м индикте (между сентябрем 1103 и августом 1104 г.) и, следовательно, не мог вести переговоры о выкупе Боэмунда, который был освобожден из плена уже весной 1103 г., до прибытия Григория на Восток. Тем более странно, что Феофилакт прославляет мятежника: ведь в «Алексиаде» Таронит был захвачен, приведен в столицу и брошен в тюрьму как бунтовщик. Дж. Баклер (Buckler, *Anna* Comnena..., *p. 254 sq.), а вслед за ней и Н. Адонтц (Adontz,* Ľ archevêque Théophylacte..., *p. 577 sq.) предполагают даже, что Анна путает двух Григориев: Таронита и Гавру.*

Нам это кажется маловероятным. Анна хорошо знала Григория Таронита, который, по ее же собственным словам, был издавна дружески расположен к ней и к Никифору Вриеннию, и, конечно, никак не могла приписать Тароните деяния Гавры. В этой связи необходимо также отметить несостоятельность одного из главных аргументов Н. Адонтца. Последний ссылается на то, что Анна якобы при первом упоминании мятежника говорит о нем: δη ηθες Γρηγόριος («уже упомянутый Григорий»). По мнению исследователя, так как Анна в предыдущих главах не писала о Тароните, то в данном случае она может иметь в виду лишь Григория Гавру, о котором уже шла речь в «Алексиаде». Но дело в том, что Григорий упоминается в первой же фразе этой главы, и писательница вправе говорить о Григории как об «уже упомянутом». Кроме того, если бы Анна подразумевала Гавру, а имя Таронит употребила бы по ошибке, как могла бы она ниже назвать Иоанна Таронита, посланного на подавление восстания, двоюродным братом мятежника? Не беря на себя окончательное решение этого весьма нелегкого вопроса, следует отметить, что, разрешая противоречие, нужно не подвергать сомнению ясный рассказ Анны, а пытаться точнее прокомментировать весьма туманные намеки Феофилакта Болгарского. Может быть, Григорий Таронит уже был на Востоке до 1103 г., и свидетельства Анны и Феофилакта относятся к разным периодам (ср. Leroy-Molinghen, *Les lettres*..., p. 589 sq.).

Несостоятельной является также попытка С. Пападимитриу («Феодор Продром», стр. 101 и сл.) связать рассказ Анны о мятеже Григория Таронита с бунтом некоего дуки Трапезунда, упоминаемым в монодии Продрома на смерть Стефана Скилицы. Как уже отмечалось, Пападимитриу определяет дату рождения Продрома слишком ранним временем, и поэтому большинство его датировок вообще не заслуживает доверия. Кроме того, лексические параллели между текстами Анны и Продрома, приведенные ученым (там же, стр. 102), неубедительны.

[1272] Представители рода Контостефанов играли большую роль в византийской истории XII в. (см. Grégoire, *Notes epigraphiques*..., p. 152 sq.).

[1273] Ф. Дэльгер (Dölger, *Regesten*..., 1225) датирует: «около сентября 1105 г.». Такая дата представляется нам невозможной по следующим соображениям: а) Алексей был назначен дукой Диррахия только после сентября 1105 г. (см. Ал., XII, 4, стр. 327); б) Анна рассказывает об этих письмах и одновременно сообщает о назначении Исаака Контостефана, которое произошло, по словам писательницы, непосредственно перед вторжением Боэмунда (октябрь 1107 г., см. прим. 1284).

[1274] *Усердно стеречь пролив между Лонгивардией* – τν ’αναμεταξ Λογγιβαρδίας πιμελς τηρεῖν πορθμόν. А. Райффершайд (Reifferscheid, *Annae Comnenae...*, p. XXI) считает Λογγιβαρδίας вставкой переписчика.

[1275] См. прим. 1084.

[1276] Пасхалий II (1099–1118). О встрече Боэмунда с Пасхалием сообщает также Бартольф из Нанжи (RHG occ., III, p. 105), согласно которому эта встреча произошла еще до путешествия Боэмунда во Францию (см. прим. 1211).

[1277] Контостефан – великий дука флота; под «остальными дуками» подразумеваются другие флотские командиры.

[1278] Подразумеваются, по-видимому, уже упомянутый Исаак и его брат Стефан, о котором Анна говорит в дальнейшем (XIII, 7, стр. 355).

[1279] Мытье в бане доставляло огромное удовольствие византийцам (о банях в Византии см. Koukoulès, *Vie et civilisation...*, IV, p. 419 sq.). Кроме того, мытье в бане расценивалось и как лечебное средство. Его рекомендуют больным монахам некоторые монастырские типики (ibid., p. 425). Рассуждение о целебных свойствах бани содержится также в одном из писем Михаила Хониата (Μιχαήλου Ἀκομινάτου τ σωζόμενα, 11, σελ. 235).

[1280] *Второго друнгария флота*. Это один из высших офицерских чинов византийского флота. По мнению Р. Гийана (Guilland, *Les chefs de la marine...*, p. 220), в эпоху Комниных, когда высшее командование флотом принадлежало мегадуке, титулы великого друнгария и второго друнгария были уравнены в своем значении.

[1281] Анна начинает повествование о походе Боэмунда против Византии 1107–1108 гг. – новой попытке Боэмунда сокрушить мощь своего старого врага – Византии. На этот раз Боэмунд хорошо подготовился к походу. Он заручился поддержкой ряда европейских властителей (см. прим. 1211) и привлек на свою сторону римского папу. После возвращения из европейского путешествия в конце 1106 г. Боэмунд еще около года проводит в Апулии, готовясь к экспедиции. Обращает внимание настойчивость, с которой норманны стремятся овладеть Диррахием – ключом к Балканскому полуострову. Князь Антиохийский, Боэмунд оставляет свои сирийские владения на Танкреда и упорно рвется на Балканы. Рассказ Анны – лучший источник наших сведений о событиях этого периода, значительно превосходящий по полноте параллельные свидетельства западных хронистов (Фульшер, Альберт Аахенский, Вильгельм Тирский, Тортарий и др.).

[1282] Западные источники содержат различные сведения о численности

флота и армии Боэмунда. По сообщению автора «Барийской хроники» (Annon. Bar. Chron., s. a. 1108) у Боэмунда было 230 кораблей и 34 тысячи воинов. Фульшер (Fulch., II, 38) говорит о 65 тысячах солдат, Вильгельм Тирский (Guil. Tуг., XI, 6) – о 45 тысячах, Альберт Аахенский – о 72 тысячах. Автор поэмы о битве под Диррахием Торгарий, как и в других случаях, приводит фантастические цифры (см. Jenal, *Der Kampf* /um Durazzo..., *S*. 297, Anm. 4).

[1283] *Щетинил его поверхность*; в оригинале: κατ τν νότον πέφρισσεν. Предлагаем читать ντον вм. νότον; ντον в значении «поверхность моря» неоднократно встречался у Гомера (см. Liddell, Scott, Lexicon, II, s. v. ντον); сочетание φρίσσει ντον в значении «щетинить спину» (о свинье) есть в «Илиаде» (XIII, 473).

[1284] По согласному мнению западных хронистов, Боэмунд переправился не из Бари, а из Бриндизи. Переправа произошла 9 или 10 октября 1106 г.

[1285] Т. е. испанцев.

[1286] Согласно Фульшеру (Fulch., II, 38), Боэмунд подступил к Диррахию уже 13 октября 1107 г.

[1287] Димитрий Полиоркет – сын полководца Александра Македонского, Антигона, знаменитый полководец, получивший прозвище Полиоркет («захватывающий города») благодаря искусной осаде Родоса (305–304 гг. до н. э.), во время которой были применены все достижения тогдашней военной техники, и в том числе (впервые) гелеполы.

[1288] Ср. Ал., XIV, 7, стр. 391. Имеются в виду старые недруги Венеции славянские пираты – неренчане, жившие на восточном побережье Адриатического моря и занимавшиеся морским разбоем (Leib, *Alexiade*, III, p. 83).

[1289] Элисс был расположен в устье Черного Дрина (у Анны – Дримон).

[1290] Лихнит – древнее название Охрида (см. Honigmann, *Pour l'atlas byzantin*, pp. 553 sq.).

[1291] В тексте далее τοῦ Βουλγάρων βασιλέως τ πρτα κα τ σχατα Σαμουήλ, τοῦ π τοῖν βασιλέοιν Κωνσταντίνου κα Βασιλείου τν πορφυρογεννήτων γεγονότος, которое мы опускаем в переводе как интерполяцию (см. Dujcev, *Une interpolation...*, pp. 107–115).

[1292] *Стругами* – γεφύρας. Еще Дюканж предложил конъектуру στρουγάς (слав. «канал», «русло»). Против этой конъектуры возражали Дж. Баклер (Buckler, *Anna Comnena...*, p. 403, n. 5) и Дуйчев (Dujcev, *Une interpolation...*, p. 113), за нее высказалась А. Леруа-Молинген (Leroy-

Molinghen, *Trois mots slaves...*, pp. 111–115). Нам эта конъектура представляется вполне основательной, тем более что стремление переписчика заменить незнакомое ему иностранное слово греческим понятно (см. также Литаврин, *Болгария и Византия*, стр. 322, прим. 43).

[1293] Весьма неудачное объяснение этимологии слова.

[1294] В тексте σκύθην πόπτερον.

[1295] 1107 г.

[1296] Гераний был расположен недалеко от Константинополя (Ducange, *In Alex...*, p. 650).

[1297] «Чудо» заключалось в том, что каждую пятницу после захода солнца «само собой» поднималось покрывало иконы богоматери (см. Grumel, *Le miracle habituel...)*.

[1298] По мнению А. Леруа-Молинген (Leroy-Molinghen, *Les deux Jean Taronites...),* речь здесь идет не об уже упоминавшемся Анной племяннике Алексея (см. прим. 940), а об Иоанне Тароните – куропалате (Schlumberger, *Sigillographie...*, p. 706). Этот же Иоанн Таронит (наряду с племянником Алексея) упоминается в актах процесса 1086 г. над Львом Халкидонским (Montfaucon, *Bibliotheca Coisliniana*, p. 103).

[1299] κα τ Βασιλέως προστάγματα μεγαληγορ ν, πηνίκα προστάττοιτο βασιλικ ς μεγαλοφροσύνης πάξια. Б. Лейб предлагает иной перевод этого места: «Он хорошим стилем излагал декреты императора, когда ему это приказывали, и придавал им вид, достойный величия императора». В нашем же переводе учитывается исконное значение глагола μεγαληγορέω – «славить», «хвалить» (у Б. Лейба: «il rédigeait en beau style»), который хорошо понятен в контексте. Ведь в дальнейшем Анна говорит, что речь Иоанна была свободна. По-видимому, Иоанн порицал декреты императора в том случае, если они «не были достойны величия императора». Вся фраза несомненно навеяна словами Феофилакта Симокатты (Theoph. Sim., I, 1, 3), характеризующего квестора императора Тиверия, Иоанна. Может быть, одинаковые имена героев вызвали у писательницы ассоциации с текстом Феофилакта.

[1300] Т. е. Аристотель.

[1301] Dölger, *Regesten...*, 1237 (1107 г.).

[1302] По мнению Б. Лейба (Leib, *Alexiade*, III, p. 88), Псиллом Анна называет Кипселлы. Однако Кипселлы были расположены на левом берегу Марицы, и императорской чете, следовательно, не надо было переправляться через реку, чтобы достичь этого города.

[1303] Ааронии – византийская фамилия, происходившая от Аарона, третьего сына последнего болгарского царя Ивана-Владислава. Шурин

императора Исаака Комнина, Аарон занимал высокие посты в Византии. У Анны речь идет об Аароне – сыне или внуке сына Ивана-Владислава (Laurent, *La prosopographie...*, pp. 391–393).

[1304] τ φάμουσα. Это слово (φαμσον) встречается из античных авторов у Диона Кассия, из византийских – у Цеца (см. Sophocles, *Lexicon*, II, s. v. φαμσον).

[1305] Имеется в виду должность π τραπέζης, обычно занимаемая евнухами. Стольники не только заведовали трапезами императора или императрицы; они вообще играли важную роль при дворе (Bury, *The imperial administratiue system...*, p. 126).

[1306] В F лакуна (10 букв).

[1307] Как справедливо замечает Дж. Баклер (Buckler, *Anna Comnena..., p. 360, n. 1)*, *трудно провести грань между терминами «Алексиады»* λοχαγός, συνταγματαρχός, ρχηγός.

[1308] πς μν π δόρυ, πς δ π’ σπίδα досл.: «В сторону копья и в сторону щита». Это выражение в значении «влево и вправо» встречается у Ксенофонта (Liddell, Scott, *Lexicon*, I, p. 622).

[1309] Эту статую путешественники видели в Диррахии еще в XVII в. (см. Jireček, *Die Lage und Vergangenheit der Stadt Durazzo...*, S. 392).

[1310] *Стратиотиды* (στρατιώτιδες) – так Фукидид и Ксенофонт называют корабли для перевозки войск (Liddell, Scott, *Lexicon*, II, S. v. στρατιωτάριον).

[1311] Петрула была расположена между Диррахием и Эльбасаном (Златарски, *История...*, II, стр. 245).

[1312] Т. е. зимы 110*7*08 *г. и лета 1108 г.*

[1313] Об этих машинах см. Атанасов..., *Българското военно изкустео...*, стр. 78–80.

[1314] Ил., VII, 220; XI, 545.

[1315] Таран по-гречески κριός (т. е. «баран»). Согласно весьма неопределенным свидетельствам Афинея и Витрувия, таран был изобретен во время осады испанского города Гадиры карфагенянами (время неопределенное). См. RE, VII, s. v. Gades, col. 452.

[1316] Игра на двузначимости слова τραγικός: «козлиный» и «трагический».

[1317] *Стена... несколько уступает башням*. Так мы переводим τ τεῖχος ... ποχαλται τοῖς πύργοις. Б. Лейб: «Ses remparts sont coupés de tours».

[1318] В виде башни черепахи (καθάπερ χελώνης πύργον). Может быть, следует переводить: «в виде панциря черепахи»?

[1319] *Диоптра* – угломерный прибор для измерения высоты

отдаленных предметов. Еще в античности диоптры широко применялись в военном деле для измерения высоты стен осажденных городов (см. RE, V, s. v. Dioptra).

[1320] Ср. сообщение Альберта Аахенского (Alb. Aq.,X, 41). Защитники Диррахия метали в машины Боэмунда горшки, наполненные горючим материалом, огонь от которого нельзя было погасить водой.

[1321] 1108 г.

[1322] См. Аристотель, *Никомахова этика*, VIII, 6.

[1323] Маистромилии (от magistri militum) – знатный неаполитанский род. О Марине см. Force, *Les Conseillers*..., pp. 155–156.

[1324] См. Dölger, *Regesten*..., 1239 (весна 1108 г.).

[1325] Коприсиан (Κοπρισιάνος). Трудно решить, кого подразумевает Анна под этим именем (Ducange, *In Alex.*, pp. 655–656).

[1326] Принципат (Πριγκιπάτος). Еще Дюканж высказал мнение, что это то же лицо, что и Ричард Принчита, подписавший Девольский мирный договор (Ал., XIII, 12, стр. 372). Этот Ричард Принчита был сыном брата Роберта Гвискара, Вильгельма, графа Салернского принципата (отсюда и его прозвище. См. Gesta, pp. 13–14, n. 8). Принкипат – по-видимому, латинизированное итальянское Принчита (см. Grégoire, *Notes sur Anne* /Comnegrave;ne, *pp. 314–315). По мнению Дюканжа (Ducange,* In AIex., *p. 658), Анна из одного Ричарда Принчиты создает двух лиц: Ричарда и Принчиту.*

[1327] Рассказ о провокационных письмах, посланных Алексеем, содержится только в «Алексиаде»; однако, по свидетельству ряда западных источников (Ord. Vit., XI, 12; Alb, Aq.,X, 44; Fulch., II, 39), в лагере Боэмунда не было согласия и графы переходили на сторону Алексея. Альберт Аахенский и Ордерик Виталий, так же как и Анна, среди изменников упоминают брата Боэмунда, Гвидо, который «был подкуплен деньгами и льстивыми обещаниями императора» (Alb. Aq., X, 44; см. Jenal, *Der Kampf um Durazzo*..., S. 308, Anm. 2).

[1328] ... *Так называемыми завалами* – δι τν καλουμένων ξυλοκλασιν.

[1329] По сообщению Феофилакта Болгарского (PG, 126, col. 484), Боэмунд опустошал область Мокра и Вагору (у Анны Вавагора, см. прим. 474).

[1330] А. Еналь (Jenal, *Der Kampf* /um Durazzo..., *S.* 309, Anm. 1) убедительно идентифицирует эти два победоносных для норманнов сражения с теми, о которых рассказывается в «Narratio Floriacensis». Если принять эту идентификацию, то первое сражение следует датировать 5 апреля 1108 г. О поражении византийцев рассказывает также Альберт

Аахенский (Alb. Aq.,X, 42).

[1331] Анна ничего не сообщала о прибытии Кантакузина.

[1332] Анна впервые упоминает здесь о разведчиках Кантакузина. Вводная фраза – «как уже сообщалось» – ничему не соответствует.

[1333] Во всех известных нам случаях, когда упоминается эксусиократор, имеется в виду, должно быть, правитель или наместник Алании. В данном же месте Анна употребляет этот термин в отношении предводителя аланских союзников.

[1334] Б. Лейб вслед за А. Райффершайдом отмечает лакуну.

[1335] Выше (XIII, 2, стр. 344) Анна сообщала, что Боэмунд сам сжег свои корабли.

[1336] По мнению А. Еналя (Jenal, *Der Kampf um Durazzo*..., S. 311, Anm. 1), это сражение имеет в виду и Альберт Аахенский (Alb. Aq.,X, 43), который рассказывает о том, как норманнский отряд в 1800 воинов потерпел поражение от византийцев и потерял убитыми 300 человек.

[1337] Тимор – в бассейне Девола (Златарски, *История*..., II, стр. 60–61).

[1338] *Добыть языка* – γλτταν... κομίσαι. Все переводчики Анны понимают это выражение в значении «доставлять сведения». Для русского читателя не может быть сомнения, что в данном случае имеется в виду «добыть языка», т. е. «взять пленного». Такое значение этого выражения зафиксировано в старых русских летописях и хорошо понятно в контексте. Кроме того, как показал Г. Моравчик, уже с VII в. в византийских хрониках употребляется в этом же значении выражение – κρατετν λγσσαν (Moravcsik, *Zur Geschichte des Ausdruckes*..., Ss. 34–37; ср. Plezia, *Byzantinoturcicum*...).

[1339] Б. Лейб вслед за А. Райффершайдом отмечает лакуну.

[1340] Константин Гавра – видимо, сын хорошо известного Феодора Гавры (см. прим. 858) и брат Григория Гавры. Константин Гавра был стратигом Филадельфии (Ал., XIV, 3, стр. 380), а затем при Иоанне Комнине – и дукой Трапезунда. В 1126 г. он поднял в Трапезунде мятеж, который продолжался в течение 14 лет. См. об этом Petit, *Monodie de Théodore Prodromos*..., p. 3 sq. Впрочем выводы П. Пти, основывающиеся на монодии Продрома, подвергались сомнению С. Пападимитриу, который считал, что Продром имеет в виду мятеж не Гавры, а Григория Таронита (см. прим. 1271). Другие исследователи (Курц, Шаландон) не поддержали возражений С. Пападимитриу (см. Chalandon, *Les Comnène*, p. 37).

[1341] См. Dölger, *Regesten*..., 1241 (до сентября 1108 г.).

[1342] Κα α τ ν γοῦν τ ν δι θαλάττης κομιζομένων τροφίμων κλιπόντων α τ κα τ ν δι ξηρ ς πιτιθεμένων. Можно допустить и иное толкование этого места:

«Продукты, доставлявшиеся по морю, кончились, и они (т. е. норманны. – *Я. Л.*), были теснимы на суше...». В таком случае здесь не один, а два genitivus absolutus (подлежащее второго из них – норманны). Во втором варианте точнее передано значение глагола πιτίθημι.

[1343] О тяжелом положении войска Боэмунда под Диррахием сообщают также Ордерик Виталий (Ord. Vit., III, 12) и Альберт Аахенский (Alb. Aq.,X, 44). По словам последнего, латиняне, изнуренные голодом, длительной осадой, непрерывными вылазками византийцев, покидали Боэмунда и возвращались в Италию.

[1344] Принимаем чтение Ep.: με θ’ πτέων вм. με θ’ πτων в других рукописях.

[1345] Ср. сообщение Альберта Аахенского (Alb. Aq.,X, 44): «Гвидо, сын сестры Боэмунда, Вильгельм Кларет и другие военачальники, развращенные деньгами и лестью императора, высказывали различные убедительные доводы, ссылаясь то на недостаток продовольствия, то на разбежавшееся войско, то на возвращение флота, то на несметное богатство царственного города; таким образом, они пытались отвратить Боэмунда от осады и заставить его заключить союз с императором».

[1346] См. Dölger, *Regesten*..., 1242.

[1347] Имеются в виду клятвы вассальной верности, которые дали Алексею западные рыцари, проходя через Византию во время Первого крестового похода.

[1348] μετ δύω χλαμύδων – Досл.: «С двумя хламидами» (хламида – короткий плащ, который носили воины).

[1349] σεργέντιοι – от лат. средневек. servientes. Сержанты составляли легковооруженную часть войска и часто исполняли различные служебные функции (Kimball, *Serjeanty tenure*..., p. 69 sq.).

[1350] Ср. Ал., III, 9, стр. 134.

[1351] Норманны обычно носили длинные волосы.

[1352] В средневековье кожевники удаляли щетину с кож при помощи извести.

[1353] *Его ноздри соответствовали объему груди, а широкая грудь – ноздрям* – συνηγόρει δ τ μυκτρι δι τν στέρνων κα δι τοῦ μυκτρος τν τν στέρνων ερύτητα. Фраза плохо понятна, даем приблизительный перевод ее.

[1354] *Ответы совершенно неоспоримые* – ποκρίσεις πανταχόθεν περιδράκτους. Предлагаем гипотетичный перевод περιδράκτος – «неоспоримый». Словарь Софолекса со ссылкой на Афанасия и Григория Назианского дает перевод: «incompréhensible» («непонятный»), в данном контексте явно неподходящий. Б. Лейб переводит: «ambigues».

[1355] По сообщению Зонары, сан паниперсеваста Никифор получил после женитьбы на Анне (Zon., XVIII, 22).

[1356] Боэмунд имеет в виду договор, заключенный крестоносцами с Алексеем в 1096 г. (Ал.,X, 11, стр. 291).

[1357] Вероятно, Боэмунд имеет в виду свой призыв к крестовому походу против Византии в 1105 г. (см. прим. 1211).

[1358] Лука, V, 9.

[1359] λίζιος νθρωπος τοῦ σκήπτρου σου. Сочетание λίζιος νθρωπος здесь и впредь переводим «вассал». Под νθρωπος («человек») также имеется в видувассал.

[1360] *Слугой и подвластным*. В греческом тексте οκέτην κα ποχείριον.

[1361] *Нашей веры* – τς μετέρας αλς (см. прим. 20).

[1362] Даем описательный перевод греческой фразы ’ορθήν τε πίστιν φυλάττειν διόμνυμι κα καθόλου κα κατ μέρος πρ τοῦ μετέρου κράτους κα τς μετέρας ζως. Точный перевод: «Я клянусь соблюдать истинную верность в целом и в частностях по отношению к вашему владычеству и вашей жизни».

[1363] *Кавалляриями* (καβαλλαρίους), т. е. рыцарями.

[1364] Πρσέτι συμφων κα πόμνυμι ς ρα καθ’ ων μν ν βούληται βασιλεία μν τν κατεχόντων πόλεις κα χρας, α ποτε πέκειντο τ βασιλεία τς Κωνσταντινοπόλεως, ’αντάρασθαι χεῖρας κα ξυγκροτήσειν πόλεμον, τοῦτο ποιήσω κγ κα πλοποιήσομαι κατ’ατν. По нашему мнению, все переводчики Анны неверно передают смысл этого места. В их понимании эта фраза должна была бы быть переведена на русский язык следующим образом: «К тому же я соглашаюсь и клянусь в том, что если ваша царственность пожелает, чтобы я поднял оружие и начал войну с теми...». На невозможность такого понимания указывает хотя бы союз καί (κγώ).

[1365] А. Райффершайд предполагает лакуну: отсутствует глагол, управляющий словами τος τοιούτους τε πάντας («всех этих»). Б. Лейб в своем издании не отмечает лакуны, однако трудно предположить, чтобы этими словами управлял глагол νθέξεσθε (в нашем переводе «претендовать»).

[1366] Другое название уже упоминавшегося Анной г. Суди (см. прим. 1105).

[1367] Б. Лейб отмечает его как замок в Антиохии (Leib, *Alexiade*, III, p. 133).

[1368] Кавка – местечко в долине Оронта, в 40 *км* к юго-востоку от Антиохии (Dussaud, *Topographie*, p. 472, carte XIV).

[1369] Лул не удается локализовать в том районе, который отошел к

Боэмунду. Б. Лейб (Leib, *Alexiade*, III, p. 133) со ссылкой на В. Рамсея ошибочно помещает его к северо-западу от Поданда, т. е. в том районе, который отошел к Алексею.

[1370] *Удивительная гора* (τοῦ θαυμαστοῦ ’Ορους) – на правом берегу нижнего течения Оронта, против Антиохии (см. Honigmann, *Die Ostgrenze*..., S. 126, Anm. 7).

[1371] Ферсии – на полпути между Оронтом и Алеппо (см. Rey, *Les colonies*..., p. 333).

[1372] *Стратигида Святой Илия* (στρατηγς ’Αγιος Ἠλίας) – город и монастырь на мысе к северу от устья Оронта. Дюканж отождествляет стратигиду и стратигат (Ducange, *In Alex.*, p. 666). Исследователь ссылается на стратигаты Валан и Мараклею, названные также и стратигидами (στρατηγίδες γρ κα μφότεραι). Однако, если бы оба эти понятия совпадали, тогда не имело бы смысла оговаривать, что Валан и Мараклея являются не только стратигидами, но и стратигатами. Кроме того, внимательное наблюдение позволяет установить, что στρατηγίς выступает как центр области, окруженной подвластными селениями, в то время как στρατηγάτος – это, напротив, область, окружающая центр (см. «стратигат города Тарса»). Вот почему мы сочли необходимым четко разграничить оба эти понятия.

[1373] Стратигида Ворзе – небольшая крепость, построенная крестоносцами в 40 с лишним километрах к западу от Латтакии. (Smail, *Crusading warfare*, p. 218).

[1374] Ларисса – город в долине Оронта (Honigmann, *Die Ostgrenze*..., S. 127, Anm. 2).

[1375] Артах – крепость к северо-востоку от Антиохин.

[1376] Телух, ант. Дулук – крепость на плоскогорье к югу от залива Александретта (Honigmann, *Die Ostgrenze*..., S. 127, Anm. 4).

[1377] Черная Гора – τ Μαῦρον ’Ορος (ныне Аман) – горный массив к северо-западу от Антиохии (Cahen, *La Svrie du Nord*..., p. 140).

[1378] Пагра – город к северо-западу от оз. Ал-Амиг (Leib, *Alexiade*, III, p. 136).

[1379] Стратигат Палаца находится в 20 *км к* северу отоз. Ал-Амиг (Honigmann, *Die Ostgrenze*..., S. 127, Anm. 9).

[1380] Зуме – в 75 *км к* северу от Алеппо (Honiginann, *Die Ostgrenze*..., S. 128, Anm. 1).

[1381] Хиротония (χειροτονία) в эту эпоху – посвящение в сан.

[1382] Следуем чтению А. Райффершайда, исключающего καί между μερίδες и παρά и предполагающего лакуну между Ποδανδόν и κα πρός

τούτοις. Б. Лейб исключает καί, но не отмечает лакуны.

[1383] По мнению А. Еналя (Jenal, *Der Kampf um Durazzo*, S. 316, Anm. 4), Антарт был расположен южнее Тортосы (Антарад). Э. Хонигман (Honigmann, *Die Ostgreme...*, S. 128, Anm. 6) отмечает, что Антарад и Антарт – одно и то же место.

[1384] *Управляющим и своим людям*. В греческом тексте: τοῖς μοῖς πιτρόποις κα νθρώποις.

[1385] *Паломники* (ο περεγρῖνοι), т. е. крестоносцы. Этот пункт отмечают также почти все западные хронисты, упоминающие о договоре.

[1386] Большинство последующих названий до сихпор не удалось идентифицировать.

[1387] Скилица (Skyl., p. 422) этим именем называет часть Каппадокии, которая позднее именовалась Ликандом.

[1388] Возможно, Сарван – это Телль Руман в 30 *км* от Низибиса по дороге на Мосул (Dussaud, *Topographie...*, p. 499).

[1389] Телхампсон – возможно, Телль Хамдун. В таком случае это крайняя северо-западная точка владений Боэмунда.

[1390] Славотилий (Σθλαβοτίλιν). Л. Нидерле предполагает, что это одно из славянских поселений в Западной Сирии (см. Нидерле, *Славянские древности*, стр. 91; о славянских поселениях в Сирии см. также Брайчевский, *К истории расселения...*, стр. 135).

[1391] В тексте τν Νέκραν. Ошибка переписчика понятна: по аналогии с именами женского рода на –ις он считает, что предыдущие названия стоят в accusativus (τ Καθισμάτιν, τ Σαρσάπιν). А. Райффершайд предполагает τ Νέκραν, скорее Νέκρα, ибо в данном случае не случайная описка, а сознательное неверное исправление. Б. Лейб читает τ Μέκραν.

[1392] По мнению Ф. Дэльгера (Dölger, *Finanzgeschichtliches...*, S. 13, Anm. 3), имеются в виду монеты не Михаила VII, а Михаила IV (см. также Svoronos, *Recherches sur les cadastre byzantin...*, p. 104, n. 1). Требование Боэмунда выплачивать ему деньги в старой монете – лишнее свидетельство ухудшения византийской монеты в то время (см. прим. 382).

[1393] τ δουκάτον и дальше лакуна. А. Райффершайд считал, что речь идет о графстве Эдесса. Р. Юдэйл (Jewdale, *Bohemond I...* нам недоступно, цитируем по Honigmann, *Die Ostgrenze...*, S. 129, Anm. 6) подставлял сюда Антиохию. Мы считаем необходимым вернуться к прежнему мнению: речь идет о графстве Эдесса.

[1394] 1108 г.

[1395] Речь вдет о венгерском короле Коломане Арпадовиче, дочь которого Ирина (Пирошка) была замужем за старшим сыном императора.

[1396] Обращает на себя внимание, что при заключении договора присутствовало большое число императорских советников – уроженцев западных стран. Идентификации их имен посвящена уже упоминавшаяся нами специальная работа – Force, *Les conseillers*...

[1397] Этот договор – самый крупный и интересный документ из всех содержащихся в «Алексиаде». Анна несомненно располагала копией этого акта и приводит его полностью (в западных источниках он только упоминается; см.: Alb. Aq., **X,** 44; Fulch., II, 39).

Договор был составлен от имени Боэмунда и вручен Алексею в обмен на царский хрисовул. Нетрудно заметить, что в нем нашли отражение нормы западного феодального права. По существу это обычная ленная присяга с типичными для западноевропейского средневековья чертами (например, «сорок дней», которые должны пройти между объявлением войны Боэмундом своему сюзерену-императору и ее началом). В то же время нормы западного права подвергаются определенной модификации в результате соприкосновения с византийской действительностью. Так, в договоре можно обнаружить явное уклонение от хорошо известного на Западе принципа «вассал моего вассала – не мой вассал», напротив, Боэмунд обещает Алексею подчинить ему своих вассалов,

Большой интерес представляет идентификация многочисленных географических названий, содержащихся в договоре (к сожалению, она далеко не всегда возможна). Упоминание районов, отошедших к империи, и тех, на которые претендует Боэмунд, позволяет заключить, что у Алексея основная цель – отрезать Антиохийское княжество от моря, а у Боэмунда – в качестве компенсации обеспечить себе земли в районе Эдессы. Возможно, Боэмунд – враг графа Эдесского Балдуина – стремился присвоить себе его владения. Практически Девольский договор 1108 г. остался на бумаге: фактический властитель Антиохийского княжества Танкред отказался его признать (см. прим. 1406). В то же время договор сыграл определенную роль. Во-первых, он юридически зафиксировал поражение Боэмунда – отныне норманнское государство перестало быть грозным противником Византии. Во-вторых, отменив вассальную присягу Боэмунда 1096 г., он как бы создал новую правовую основу для отношений Византии с латинскими государствами в Сирии. Почти через 20 лет император Иоанн Комнин требовал у Раймунда Антиохийского возобновления вассальных отношений по образцу закрепленных Девольским договором.

Перевод текста договора вместе с вступительной статьей и комментарием был издан нами совместно с М. М. Фрейденбергом

(Любарский, Фрейденберг, *Девольский договор*, карта на стр. 266, где отмечены районы, отходящие к Алексею и Боэмунду).

[1398] По сообщениям Фульшера Шартрского (Fulch., II, 39), Ордерика Виталия (Ord. Vit., XI, 12), Вильгельма Тирского (Guil. Tyr., XI, 6) и Альберта Аахенского (Alb. Aq., X, 45), рыцари Боэмунда получили разрешение пройти через Византию в Иерусалим.

[1399] Октябрь 1108 г. (Anon. Bar. Chron., s. a. 1109).

[1400] Таким образом, согласно Анне, Боэмунд умер в марте 1109 г.

Западные хронисты указывают иные даты: Вильгельм Тирский – лето 1109 г., Ордерик Виталий, анонимная Барийская хроника, Альберт Аахенский – 1111 г., Ромуальд Салернский – 7 марта 1111 г. Современные исследователи датируют смерть Боэмунда мартом 1111 г. (см.: Безобразов, *Боэмунд Тарентский*, стр. 116, прим. 1; Jenal, *Der Kampf um Durazzo...*, S. *318, Anm. 1).*

[1401] См. Предисл., стр. 38.

[1402] *Направился другой дорогой* – ’΄αλλην ’ατραπν τράπετο – Б. Лейб переводит: «...concut un autre plan»,

[1403] Кельвиан (Кервиан) находился в верхнем течении р. Каистр.

[1404] В F лакуна (пять букв).

[1405] В данном случае Анна, вероятно, имеет в виду не Меандр, а Каистр (ныне Малый Меандр). См. Ramsay, *The historical geography...*, pp. 114–115.

[1406] Таким образом, как следует из слов Анны, Танкред отказался признать условия Девольского договора, где было специально оговорено, что Боэмунд должен привести своего племянника к повиновению Алексею (см. AL, XIII, 12, стр. 367).

[1407] Обращает на себя внимание явное противоречие с требующей всепрощения христианской моралью, которую, как неоднократно утверждает писательница, исповедовал ее отец. В этических представлениях Анны сочетаются самые противоречивые тенденции (см. Предисл., стр. 37).

[1408] См. Dölger, *Regesten...*, 1256 (1111–1112 гг.). Думается, что это посольство можно датировать точнее. Судя по рассказу Анны и по логике вещей, Алексей должен был обратиться к Танкреду после смерти номинального властителя Антиохии Боэмунда (скорее всего март 1111 г., см. прим. 1400). Посольство к Балдуину, отправившееся после возвращения послов от Танкреда, датируется концом 1111 или началом 1112 г. (см. прим. 1412). Таким образом, посольство к Танкреду император снарядил между апрелем и декабрем 1111 г.

[1409] Нин (имя восстанавливается по конъектуре, предложенной А. Райффершайдом вм. Noῦν) – легендарный основатель ассирийского государства (см. RE, Hlbd. 33, s. v. Ninos).

[1410] Ил., XVIII, 104; Од.,XX, 379. У Гомера в обоих случаях это выражение употреблено in malam partem.

[1411] Бертран Тулузский, незаконный сын Сен-Жилля, наследовал европейские владения отца. Когда из Сирии во Францию вернулась графиня Эльвира, вдова Сен-Жилля, вместе с малолетним законным наследником Альфонсо-Иорданом, Бертран летом 1108 г. отправился на Восток в надежде получить сирийские владения Сен-Жилля, которыми управлял Вильгельм-Иордан (см. прим. 1171). По сообщению Альберта Аахенского (Alb. Aq., XI, 3), Бертран по пути останавливался в Константинополе, где получил богатые дары от Алексея, которому принес клятву верности (по словам Анны, эта клятва была дана Бертраном позже, когда он уже находился в Сирии). В Сирии Бертран осаждал Триполи, который был в руках египтян, и одновременно боролся с Вильгельмом-Иорданом, не желавшим уступить власть незаконному сыну Сен-Жилля.

Летом 1109 г. между противниками было достигнуто соглашение, по которому Бертран получал в свое владение Триполи, захваченный им в июле того же года. После смерти Вильгельма-Иордана к Бертрану отошли все остальные сирийские владения Сен-Жилля. Бертран принес вассальную присягу иерусалимскому королю Балдуину. Алексей, конечно, не случайно для борьбы с Танкредом обращается за помощью именно к Бертрану: последний – враг Танкреда, оказывавшего покровительство сопернику Бертрана, Вильгельму-Иордану (см. Richard, *Le comté de Tripoli*..., pp. 4, 30 sq.).

[1412] См. Dölger, *Regesten..., 1260 (1111–1112 гг.). Судя по дальнейшим указаниям Анны, посольство должно было отправиться в самом конце 1111 или в начале 1112 г.*

[1413] Т. е. сорокадневный пост перед пасхой, которая в 1112 г. приходилась на 21 апреля.

[1414] Рассказ об осаде Балдуином Тира содержится у Альберта Аахенского и в некоторых восточных источниках. Осада Тира, находившегося под властью Фатимидов, началась в ноябре 1111 г. Балдуин прилагал все усилия для захвата города, последнего крупного порта на сирийском побережье, не принадлежавшего латинянам.

Блокированные с суши защитники города оказывали мужественное сопротивление и сожгли две осадные башни Балдуина. Иерусалимскому королю, однако, не удалось взять Тира, во-первых, потому что у него не

было достаточного флота; во-вторых, потому что осажденные призвали на помощь дамасского атабега Тугтегина. Появление войска последнего и заставило Балдуина в апреле 1112 г. снять осаду (см. Grousset, *Histoire*..., pp. 260–264). Анна склонна объяснять неудачу Балдуина его бездействием. Однако такое объяснение тенденциозно. Значительная доля вины ложится на Алексея, который не дал латинянам флота; он стремился лишь натравить иерусалимского короля на Танкреда.

[1415] Аке или Акра – древн. Птолемаида, к югу от Тира.

[1416] Альберт Аахенский и восточные источники датируют снятие осады Тира и отступление Балдуина в Акру апрелем 1112 г. (см. Grousset, *Histoire*..., p. 264). Такая датировка находится в полном согласии с сообщением Анны, которая пишет, что Балдуин продержал византийских послов до пасхи (21 апреля). По словам Альберта (Alb. Aq., XII, 7), пасху Балдуин справлял уже в Иерусалиме.

[1417] Имеется в виду Жослин де Куртней, двоюродный брат и союзник Балдуина, владевший Турбесселем (между Антиохией и Эдессой, к западу от Евфрата). См. о нем Runciman, A history..., *II*, *passim.*

[1418] Альберт Аахенский (Alb. Aq., XII, 8) кратко сообщает, что послы греческого царя получили богатые дары: затем они были отправлены в Константинополь.

[1419] Бертран скончался, по-видимому, в январе 1112 г., ему наследовал его сын Понс (см. Richard, *Le comté de Tripoli*... p. 6).

[1420] Шахиншах (Σαϊσάν). В данном случае под этим именем Анна имеет в виду правителя Икония Мелик-Шаха II (1107–1116?), сына Килич-Арслана I. Анна называет его то Килич-Арсланом (по имени отца), то Сулейманом (по имени основателя династии), то Шахиншахом (см.: Jorga, *Geschichte... S.* 98, Anm. 3; Moravcsik, *Byzantinoturcica*, II, S. 161). Рассказывая о новом наступлении сельджуков на Византию, Анна умалчивает о том, что примерно в это время (около 1111 г.) Алексей пытался натравить турок на крестоносные государства Востока. По сообщению Ибн аль-Асира, Алексей отправил посольство к сельджукскому султану Мухаммеду, побуждая его к войне с латинянами. Видимо, с помощью турок Алексей рассчитывал вернуть под свою власть Антиохию и другие сирийские города (см.: Dölger, *Regesten...*, 1251; Grousset, *Histoire*..., pp. 461–463).

[1421] О пребывании Алексея на Херсонесе Фракийском рассказывается также у Зонары (Zon., XVIII, 26). Алексей, сообщает Зонара, вместе с женщинами (т. е. с императрицей и ее свитой) отправился на Херсонес зимой (1112*13 г.) Наступило лето, но из-за болезни императрицы Алексей*

не трогался с места и лишь через некоторое время, после того как Ирина благополучно прибыла в Константинополь, покинул Херсонес.

[1422] Фема Фракисий была расположена у юго-западного побережья Малой Азии.

[1423] Т. е. зиму 1111*12 г.*

[1424] Амастрида – в Пафлагонии.

[1425] Од.,XX, 18.

[1426] Ф. Дэльгер не отмечает этот мирный договор.

[1427] Б. Лейб вслед за А. Райффершайдом отмечает лакуну.

[1428] Анна, без сомнения, намекает на своего брата – императора Иоанна.

[1429] Согласно Зонаре, Алексей вернулся в Константинополь летом 1112 г. (см. прим. 1421).

[1430] Анна имеет в виду прохождение крестоносных войск через Константинополь в 1096–1097 гг.

[1431] *Кто-нибудь из чинов*. Так мы переводим греческое τίς τν μεσαζόντων. Начиная с XIII в. слово μεσάζων или μεσιτεύων приобретает значение terminus technicns и употребляется в отношении высокопоставленных государственных чиновников. О функциях и значении μεσάζων в научной литературе высказывались различные мнения. Подробно об этом см. Beck, *Der byzantinische Ministerpräsident*, S. 309 sq. По поводу этого места Бек (ibid., S. 322) замечает: «Когда Анна мимоходом говорит о μεσάζοντες, трудно решить, идет ли в данном случае речь о важных государственных чиновниках или всего-навсего о переводчиках или протоколистах.

[1432] Ил., II, 212.

[1433] Матфей, XVI, 23.

[1434] Анна вновь намекает на своего братаИоанна.

[1435] Должность спальника (περ τν κοιτνα или κοιτωνίτης) обычно занималась евнухами, в обязанности которых входило обслуживание императоров в опочивальне (китоне). См. Bury *The imperial administrative system...*, pp. 124–125.

[1436] Монолик (Μονόλυκος). См. Moravcsik, *Byzantinoturcica*, II, S. 192. Ф. Шаландон (Chalandon, *Essai..., p. 265) именует его Манулух.*

[1437] В с лакуна (шесть букв). Moravcsik, *Byzantinoturcica*, II, S. 163.

[1438] Кюнтохмиш (Κοντογμής).

[1439] Вероятно, имеется в виду Граник.

[1440] Так Анна называет знаменитую Иду.

[1441] По вопросу об идентификации Ангелокомита и Емпила см.

Ramsay, *The historical geography*..., p. 159.

[1442] См. Dölger, *Regesten*..., 1226. Ф. Дэльгер относит эти события к весне 1113 г.

[1443] Аораты находились в нижнем течении Риндака (см. Ramsay, *The historical geography*..., p. 208).

[1444] Город под таким названием находился к северо-западу от Дорилея, но в данном случае Анна, вероятно, имеет в виду какую-то долину на северо-восточном склоне Кешиш-Дага (древн. Олимп). См. Ramsay, *The historical geography*..., p. 208.

[1445] Алифины были расположены между Котиеем и Дорилеем (Ramsay, *The historical geography*..., p. 209).

[1446] Акрок находился около Котиея (Ramsay, *The historical geography*..., p. 209).

[1447] Карме (Герме) – холмы на восточном склоне Олимпа (Ramsay, *The historical geography*..., p. 155).

[1448] ο δ οιώκοντες ξω κακν εστήκασι τι Б. Лейб переводит: »... преследователи же еще не были в состоянии нанести ему вреда».

[1449] Ср. сообщение Зонары (Zon., XVIII, 27): больной император сначала отправил против турок Камицу, и, лишь узнав о его пленении, сам выступил во главе войска из Константинополя. Зонара рассказывает, что Камица убедил стороживших его турок бежать вместе с ним к Алексею (ср. Glycas, IV, p. 624).

[1450] Самый конец 1113 г. (см. Ал., XIV, 8, стр. 394).

[1451] Императорская столовая в Большом дворце (см. «The Great Palace...», p. 20).

[1452] Анна имеет в виду корабли арабских пиратов, которые разбойничали на Средиземном море начиная с первых лет арабского завоевания.

[1453] Аристотель, *Никомахова этика*, I, 4.

[1454] Имеется в виду Мануил I (1143–1180), сын и наследник брата Анны, Иоанна II.

[1455] γγωνιάζω – досл.: «держусь в углу». В аналогичном контексте этот глагол еще раз встречается у Анны (X, I, стр. 264). Дж. Баклер (Buckler, *Anna* Comnena..., *p. 43, n. 2) допускает возможность переводить этот глагол в значении «жить в монастыре».*

[1456] Слова, заключенные в скобки, содержатся только в C.

[1457] Это отступление Анны представляет большой интерес, так как позволяет точнее датировать время написания истории (материал собирался Анной главным образом уже после смерти Иоанна, т. е. после

1143 г.) и бросает свет на источники Анны и на ее методы писания «Алексиады» (см. Любарский, *Об источниках...*, стр. 101).

[1458] Иоанн, V, 39.

[1459] Бытие, III, 15.

[1460] 1114 г. Последовательность событий в рассказах Анны и Зонары не совпадает. Согласно Зонаре (Zon., XVIII, 26), Алексей выступил из Константинополя осенью того же года, когда он возвратился с Херсонеса (см. прим. 1421), провел зиму у подножия горы Папикий, а весной явился в Филиппополь. Лишь затем Зонара повествует о кампании против турок, о которой Анна рассказывала в гл. 6 настоящей книги.

[1461] Здесь кончается флорентийская рукопись (F).

[1462] Рассказ Анны о Филиппополе имеет легендарный характер. По согласному свидетельству античных авторов, своим названием город обязан македонскому царю Филиппу II, сыну Аминты. Trimontium – это римское название Филиппополя (см. RE, Hlbd., 38, col. 2244–2245). Криниды – древнее название Филипп, а не Филиппополя (см. RE, Hlbd., 38, col. 2212).

[1463] М. Левченко («Очерки по истории...», стр. 272), судя по его мимоходом брошенному замечанию, считает, что Анна имеет в виду разорение Филиппополя во время похода русского князя Святослава в 970 г. Такое толкование вполне возможно, ведь византийские авторы постоянно называют русских тавроскифами (у Анны – Ταῦροι κα Σκύθαι, «тавры и скифы»). Данные писательницы о состоянии Филиппополя в ее время представляют интерес, так как Анна, по ее словам, сама посетила город и, таким образом, сообщает нам сведения из первых рук.

[1464] На протяжении всей истории Византии армяне оказывались носителями всевозможных еретических учений. Немалую роль сыграли армяне и на Балканском полуострове, некоторые из них даже занимали там (в том числе и в Филиппополе) видные посты (см. Der Nersessian, *Armenia..., p. 23). В 988–989 гг. Василий II Болгаробойца переселил в Македонию большое число армян. Можно предположить, что среди них было много павликиан, которые легко объединялись со своими единоверцами во Фракии (см. Obolensky,* The Bogomils..., *p. 147). По мнению Д. Ангелова («Богомилството...», стр. 286), армянами Анна называет монофизитов.*

[1465] См. Ал., XV, 8.

[1466] См. прим. 598.

[1467] Нам неизвестно сочинение Порфирия (прим. 578), направленное против манихейства. Однако уроженец Сирии Порфирий безусловно мог

быть хорошо знаком с учением Мани, распространившимся на Востоке в годы его юности.

«Единое начало» (μοναρχία), о котором говорит Анна, – это заимствованное Порфирием у своего учителя Плотина учение о «едином» (τ ν) или «совершенном благе», из которого порождается путем истечения (эманации) все сущее. Это «единое» по своей природе является непостижимым и невыразимым (ρρητον). См. RE, Hlbd., 43, s. v. Porphyrias, Hlbd., 41, col. 559–563. Интересно, что учение о «едином» обычно считается изобретением неоплатоников. Лишь Додз (Dodds, *The Parmenides*...; ср. Wundt, *Platons Parmenides*, p. 33 sq.) доказывает, что оно восходит к Платону. Ученый не знает, что 800 лет до него эту же мысль высказала Анна Комнина.

[1468] Область к северо-западу от Армении на берегу Черного моря.

[1469] Впервые павликиане были переселены во Фракию еще в середине VIII в. императором Константином V (741–775) из Мелитины и Феодосиополя (см. Липшиц, *Павликианское движение*, стр. 63). О переселении павликиан (манихеев) Иоанном Цимисхием (969–976) сообщают также Скилица (Skyl., p. 382) и Зонара (Zon., XVII, 1; XVIII, 26), по словам которых Иоанн сделал это по совету антиохийского патриарха Феодора.

[1470] Геркинийскими лесами византийские авторы обычно называют различные горные массивы на севере известной им части европейского материка (см. Дуйчев, *Проучвания*..., стр. 154, прим. 2).

[1471] Имеются в виду якобиты, названные так по имени Якова Барадая, основателя секты монофизитов в Сирии.

[1472] По поводу этого места «Алексиады» Г. Литаврин («Болгария и Византия», стр. 417) совершенно справедливо замечает: Анна указывает на «главную, наиболее отличительную черту, объединяющую все ереси „округи Филиппополя“ и самого этого города, а именно – их антифеодальную направленность. Эти свидетельства Анны, хотя она и не указывает на этническую принадлежность восставших и называет их то манихеями (павликианами), то „армянами“, и дают основания считать, что в восстаниях приняли участие также и жившие в этих районах богомилы. Объединение в общей борьбе представителей различных еретических движений – факт чрезвычайно интересный: общие задачи борьбы, составлявшие основу ересей, заставили отступить на второй план разногласия в догматике».

[1473] Никейский митрополит Евстратий, ученик Итала, – хорошо известная фигура в истории византийской церкви, автор ряда богословских

произведений (см.: Успенский,, *Богословское и философское движение...*, стр. 145–147; Beck, *Kirche...*, Ss. *618–619). Близкий друг и официальный теолог Алексея, Евстратий в последние годы жизни императора был уличен в ереси и лишен епископского сана. По мнению П. Иоанну (Ιοαππου,* Le sort..., *p. 7), процесс против Евстратия был инспирирован супругой Алексея, Ириной, стремившейся отстранить от мужа его верного друга, который мог бы помешать ее планам назначить наследником престола не Иоанна, а Анну Комнину или Никифора Вриенния. Восторженная характеристика, которую дает наша писательница Евстратию, плохо согласуется с догадкой Иоанну.*

[1474] Маккавеи – иудейская династия II-I вв. до н. э., ведущая свой род от Маттафии Маккавея, сын которого Иуда поднял восстание против сирийского владычества.

[1475] Летом 1115 г.

[1476] Имя Кулеон носил также один из предводителей отряда манихеев в армии Алексея (см. Ал., IV, 4, стр.146; V, 3, стр. 160). Возможно, это одно и то же лицо.

[1477] Согласно этому интересному свидетельству Анны, павликианское и богомильское население Фракии не представляло собой однородной в имущественном и социальном отношении массы, а состояло как из представителей имущих слоев, так и из простых людей. Знаменательно, что среди еретиков было много земледельцев (см. Ангелов, *Богомилството*, стр. 233–234).

[1478] «Неизвестно, – пишет Миков, – в каком точно месте находился этот город, но название Алексица, которое носит одна гора, где над с. Старосел имеются развалины крепости, заставляет предполагать, что город находился рядом или же в ближайшем соседстве с этой горой» (Миков, *Произход и значение...*, стр. 125–126).

[1479] См.: Феокрит, XV, 113; Еврипид, *Меланиппа*, фр. 518.

[1480] См. Dölger, *Regesten...*, 1268 (1115 г.).

[1481] *Если же нет детей, дары наследуют жены* – κα τούτων διαρρυέντων α γυναῖκες αυθις τν δεδωρημ,ένων ντέχονται.Из текста фразы не вполне ясно, кто подразумевается под τούτων: сами манихеи (так понимает Б. Лейб) или же их дети (так понимает Шопен). Мы думаем – последние.

[1482] Согласно этому указанию Анны, Алексей записал в число отборных воинов (τν στρατιωτν τοῖς λογάσι) высокопоставленных еретиков (τ πρτα φέροντας), щедро одарил их и пожаловал им в наследственное владение земельную собственность. Естественно предположить, что в

данном случае речь идет о так называемых стратиотских наделах, хорошо известных в Византии предшествовавших веков. Вопрос о том, существовала ли система стратиотских наделов в период Комниных, является спорным (см. Lemerle, *Recherckes*..., p. 280).

Насколько нам известно, настоящее свидетельство писательницы не привлекало внимания исследователей.

[1483] Зонара (Zon., XVIII, 26) кратко сообщает об этих событиях следующее: «Алексей расположился лагерем в тех краях и провел там весну, лето и часть осени, занимаясь беседами с манихеями, которых на народном языке называют павликианами... Многих из них он обратил в православную веру. Уже в разгар осени возвратился Алексей во дворец».

[1484] Элефантинская (или Слоновая) тюрьма находилась на территории Большого дворца и называлась так потому, что была расположена вблизи Слоновых ворот (Ebersolt, *Le grand palais de Constantinople*..., pp. 154–155).

[1485] Имеется в виду Мелик-Шах II (см. прим, 1420).

[1486] Центр Румского султаната был перенесен Килич-Арсланом I в Иконий из Никеи в 1097 г., после захвата последней византийцами.

[1487] См. прим. 717.

[1488] Это единственный случай упоминания места под таким названием.

[1489] Лакуна. Переводим с дополнением А. Райффершайда.

[1490] Келлия (Κελλία). Мы не в состоянии идентифицировать это место. Б. Лейб, судя по указателю к его изданию (Leib, *Alexiade*..., III, p. 292), считает, что это одно и то же, что и Кельи (Ал., V, 5, стр. 166), но это ошибка, ибо Кельи должны были находиться в районе Лариссы.

[1491] 1116 г.

[1492] Аэр находился недалеко от Эривола (см. Ramsay, *The historical geography*..., pp. 185–186).

[1493] Принкип – самый большой из Принцевых островов вблизи Константинополя (см. R. Janin, *Constantinople byzantine*, pp. 465–467).

[1494] См. Притчи Соломоновы,XXXI, 10 и сл.

[1495] Стипиоты – хорошо известная в Византии XII в. фамилия (см. Пападимитриу, *Феодор Продром*, стр. 342).

[1496] См. прим. 1447.

[1497] Лакуна (шесть букв) в С.

[1498] В. Рамсей (Ramsay, *The historical geography..., p. 207) идентифицирует это место с Сагутом (к югу от Малагины). Судя по дальнейшим словам Анны, селение Сагудаи было расположено самое большее в одном дне пути от Еленополя. Таким образом, идентификация*

В. Рамсея неверна. Скорее всего оно находилось в горном районе к северу от Никеи (Анна употребляет в отношении Алексея, двигающегося к Еленополю, глагол κατέρχομαι, т. е. «спускаться»). Видимо, это какое-то поселение солуньских сагудатов, один из пунктов славянского расселения в Вифинии (см. Нидерле, *Славянские древности*, стр. 92–93).

[1499] Б. Лейб вслед за А. Райффершайдом отмечает лакуну. Слова, заключенные в скобки, – наше дополнение.

[1500] Ил., XXIII, 318.

[1501] В этом отступлении весьма ярко проявляются типичные для византийцев представления об идеальном воине и полководце (ср. «Стратегикон» Кекавмена). Если варварам, с точки зрения византийских авторов, как правило, свойственны безрассудство, грубая и необузданная физическая сила, то византийский полководец подчиняет свои действия разуму, хотя личная отвага и сила – его обязательные качества. Хитрость, коварство, почти не ограниченные никакими этическими нормами, – вполне оправданные средства на войне и в политических сношениях с чужеземцами.

[1502] *Становиться расчлененным строем* (κα μερικς ποιεῖσθαι συντάξεις) Б. Лейб переводит: «...выполнять различные движения».

[1503] Б. Лейб вслед за А. Райффершайдом отмечает лакуну.

[1504] К востоку от Никеи (Ramsay, *The historical geography*..., p. 201).

[1505] Пифик, Арменокастр и Левки находились в районе слияния Галиса и Сангара (Ramsay, *The historical geography*..., pp. 201–202).

[1506] Элиан – греческий писатель первой половины I в. н. э., автор сочинения о тактике, посвященного императору Адриану.

[1507] Ил., XIII, 131; XVI, 215.

[1508] Ср. подробное описание вооружения и тактики турок в «Тактике» Льва (Leo. Tact., XVIII, 45–75). Так же как и Анна, Лев говорит о луках, которыми предпочитали пользоваться турки, об их разорванном боевом строе и об отрядах, оставляемых ими в тылу войска. Б. Лейб (Leib, *Alexiade*, III, p. 261) считает даже, что слова Анны навеяны рассказом Льва. Нам не удалось найти убедительных лексических совпадений для подтверждения этого предположения.

[1509] ...’απ τ ν δεξι ν... κ τν ριστερν Дж. Баклер (Buckler, *Anna Comnena*..., p. 395) предлагает переводить: «.. правой рукой... левой рукой». Таким образом, по мнению ученой, турки стреляли обычным способом, держа лук в левой руке и натягивая тетиву правой, а ромеи натягивали тетиву левой, держа лук правой.

[1510] Ср. ниже, Ал., XV, 4, стр. 409; XV, 6, стр. 412; XV, 7, стр. 415.

Анна не уточняет, в чем именно заключалось нововведение Алексея. Ясно только, что изобретенный Алексеем παρατάξις (о различных значениях этого слова у Анны см. Buckler, *Anna* Comnena..., *p. 393 sq.) представляет собой боевой порядок для сражения и марша. Е. Остер (Oster*, Anna *Komnena,* S. *393 sq.) считает, что Алексей возродил забытый способ построения «полым четырехугольником». По мнению Дж. Баклер (Buckler,* Anna *Comnena*..., p. 394 sq.), ромеи натягивали тетиву лука левой рукой и таким образом посылали стрелы в незащищенную щитом часть тела противника. Вряд ли, однако, это было единственное новшество Алексея, которое, по словам писательницы, повергало в изумление врагов императора.

[1511] Сантаварис находился к югу от Наколии (Ramsay, *The historical geography*..., p. 235). За этим названием в рукописи лакуна.

[1512] По мнению В. Рамсея (Ramsey, *The historical geography*..., pp. 233–234), Кедрея была расположена примерно в 30 *км* к западу от Амория.

[1513] Пухей (Πουχέας). См. Moravcsik, *Byzantinoturcica*, II, S. 257. Г. Моравчик предполагает, что это имя должно читаться Абу-Хайан.

[1514] В рукописи лакуна. По-видимому, следует добавить «приказал».

[1515] О Вурцах см. прим. 369.

[1516] Речь идет, по-видимому, о Данишмендах.

[1517] В тексте παρρησία предлагаем изменить на παρουσία.

[1518] Ср. Ал.,X, 2, стр. 267.

[1519] Мост через р. Сангар. О его местоположении высказывались различные мнения (см. Ramsay, *The historical geography*..., p. 214 sq.).

[1520] Как отметил еще А. Райффершайд, «Михаил» – это позднейшая вставка, относящаяся к (Михаилу) Кекавмену, упомянутому ниже.

[1521] *Месанакты* или Дипотам (См.: Skyl., p. 424;Ramsay, *The historical geography*..., pp. 140–141).

[1522] Зонара (Zon., XVIII, 27) коротко упоминает об этой новой кампании против турок: «Самодержец, явившись к Филомилию, не обнаружил там воинов, которые, узнав о его приближении, бросили все самое для них дорогое и ушли, и без труда овладел городом. Императору также были переданы крепости и пещеры, которые местные жители называют „убежищами“, а их обитатели были по решению императора переселены».

[1523] Из этого места «Алексиады» ни в коем случае нельзя делать вывода, что брат Анны, Андроник погиб во время похода Алексея против турок. Плач по Андронику – своего рода лирическое отступление. Умер Андроник в 1129 г. (см. Zon., XVIII, 24).

[1524] Амба находилась в 10 с лишним километрах севернее Примнеса (Ramsay, *The historical geography*..., p. 139).

[1525] Акроний находился примерно в 3 *км* северо-западнее Примнеса (Ramsay, *The historical geography*..., p. 139).

[1526] Речь идет о поражении при Манцикерте в 1071 г.

[1527] Ср. сообщение Зонары (Zon., XVIII, 26): «Во главе турецкого посольства находился человек султанского рода, которого его соплеменники именуют султаном. Увидев издали императора, он сошел с коня и совершил обычное преклонение». Как и Анна, Зонара пишет, что «император с готовностью согласился на мир и щедро одарил турок». См. Dölger, *Regesten*..., 1269 (1116 г.).

[1528] Масуд (Μασούτ) – сельджукский султан (1116–1155). (См. Moravcsik, *Byzantinoturcica*, II, S. 183). По сообщению Михаила Сирийца, Масуд был заключен в тюрьму Мелик-Шахом, но с помощью одного эмира ему удалось освободиться и заключить союз с данишмендским эмиром Гази III, который предоставил Масуду военную помощь (см. Chalandon, *Les* /Comnegrave;ne, *pp. 42–43). Рассказ о перипетиях борьбы Масуда с Мелик-Шахом и смерти последнего содержится только в «Алексиаде»*.

[1529] Ил., II, 20.

[1530] Гази (Γαζής). См. Moravcsik, *Byzantinoturcica*, II, S. 108.

[1531] Б. Лейб (Leib, *Alexiade*, III, p. 262) допускает возможность, что это тот самый Хасан, о котором шла речь в 1-й главе XIV книги «Алексиады».

[1532] Ἐλεγμός –Илигмиш? См. Moravcsik, *Byzantinoturcica*, II, S. 122.

[1533] Эти события относятся уже, видимо, к 1117 г. После расправы над своим братом Масуд получил власть султана и женился на дочери Гази III (Chalandon, *Les* Comnegrave;ne, *p. 44)*.

[1534] Враждебный Алексею Зонара (Zon., XVIII, 27) тоже рассказывает об этом необычном шествии и заботе императора о старых и больных людях. Старикам он предоставил вьючных животных, больных велел нести на щитах, а сам обходил ряды и ободрял людей, утомленных или страдающих от жажды, голода и других причин.

[1535] В Византии сохранялся римский обычай устраивать триумф императору, возвращающемуся в Константинополь после действительной или мнимой победы. Триумфы сопровождались пышным ритуалом и церемониями (см. Treitinger, *Kaiser- und Reichsidee*..., S. 172 sq.).

[1536] ...*Приют* (ρφανοτροφεῖον). Об организации Алексеем приюта сообщает также Зонара (Zon., XVIII, 24; ср.: Anon. Syn. Chron., pp. 177–

178; Glycas, IV, pp. 621–622), подтверждающий слова Анны, что Алексей отдал приюту различные владения, поселил в нем много стариков, соорудил дома для монахов и монашенок и организовал грамматическую школу для сирот. Зонара утверждает, что Алексей не основал приют, а, найдя его и богадельни (γηροκομεῖα) пустующими, отстроил и обновил их. И действительно, по сообщению Феофана и Псевдо-Кодина, приют существовал уже в VI в. Не вполне ясен вопрос о времени его перестройки. С. Пападимитриу («Феодор Продром», стр. 121, прим. 16) указывает на то, что приют, видимо, был отстроен до 1116 г., ибо уже в этом году Алексей смог поместить туда 10 тысяч беглецов, которых привел в Константинополь. Однако цифра 10 тысяч дается округленно и безусловно преувеличена. Неверно также утверждение С. Пападимитриу, что сама Анна относит реконструкцию приюта ко времени до 1111 г., ибо рассказывает о ней до эпизода с богомилом Василием. Как мы отмечаем ниже (см. прим. 1555), Анна не знает даты расправы Алексея с Василием. Вряд ли является оправданной и попытка С. Пападимитриу датировать этот эпизод на основании сообщений Зонары и Глики. Глика просто пересказывает Зонару, а у последнего нет никаких хронологических указаний, и эпизоды в его сочинении очень часто следуют друг за другом без всякой хронологической связи.

Вопрос о точном местонахождении приюта и церкви св. Павла, возле которой он располагался, до сих пор остается спорным (см. Janin, *La géographie*..., p. 580 sq.). Благотворительность, особенно помощь сиротам, почиталась в Византии одной из основных добродетелей, и как в столице, так и в провинции существовало немало частных и государственных богаделен (см. Koukoulès, *Vie et ciuilsation*, II, p. 156 sq.).

[1537] *Общее образование* (τν γκύκλιον παιδείαν). Это уже вторая стадия обучения детей и юношей в Византии, следующая за начальным образованием, γκύκλιος παιδεία заключалось в преподавании светских наук: грамматики, риторики, философии; «общее образование» ученики получали в так называемой грамматической школе, о которой Анна упоминает ниже (см. Koukoulès, *Vie et civilisation*, I, p. 105 sq.).

[1538] Иоанн, V, 1–4; Деяния, III, 1–11.

[1539] Иов, I, 4.

[1540] Матфей, XVI, 9–10. Анна путает цифры: в Евангелии говорится о пяти хлебах на пять тысяч и о семи хлебах на четыре тысячи.

[1541] Матфей, IX, 5–6; Марк, II, 9–11; Лука, V, 23–24.

[1542] Матфей,IX, 27–30; Иоанн,IX, 1–7.

[1543] Матфей, IX, 1–8; Марк, II, 1–12; Лука, V, 17–26; Иоанн, V, 1–19.

[1544] *Дары земли и моря* – π γς κα θαλάττης ... προνοίας.

Это место «Алексиады» неоднократно цитировалось исследователями в доказательство существования пронии в Византии этого времени (см., например, Ostrogorsky, *Pour l'histoire de l* α feodalite..., *p. 26). Но, как справедливо замечают П. Лемерль (Lemerle,* Recherches sur le régime agraire..., *p. 278, n. 70) и А. Каждан («Формы условной собственности...», стр. 4), слово* πρόνοια в данном контексте, конечно, не является terminus technicus.

[1545] Без всяких оговорок Б. Лейб переводит однозначное по смыслу предложение следующим образом: «Во главе этого многолюдного города находился человек..., по названию орфанотроф». Попечитель (φροντιστής), которого упоминает Анна, видимо, и есть орфанотроф (чиновник, ведающий делами сирот), но в тексте он прямо так не назван.

[1546] Богоугодными заведениями в Византии распоряжался так называемый секрет монастырской экономии (Скабаланович, *Византийское государство и церковь в XI в.*, стр. 177).

[1547] Трудно с уверенностью сказать, кого именно подразумевает в данном случае Анна. В Византии было много чиновников, ведавших делами благотворительности и призрения бедных, в числе которых мы находим и чин πτωχοτρόφος (т. е. «распоряжающийся бедняками»). См. Koukoulès, *Vie et civilisation*, II. p. 171 sq.

[1648] Dölger, *Regesten...*, 1270 (1116 г.).

[1649] Т. е. грузинским.

[1650] В Эфиопии нет никакой Лисимахии. Дж. Баклер (Buckler, *Anna* Comnena..., *p. 208) предлагает читать* κατ' Ατωλίαν («в Этолии») вм. κατ' Αθιοπίαν («в Эфиопии»).

[1551] Анна и в других случаях говорит о восстановлении старых и строительстве новых городов при Алексее (см. Ал.,VI,10, стр. 197; XI, 10, стр. 315; XIV, 9, стр. 398). Чаще всего император, видимо, преследовал стратегические цели (см. Glykatzi-Ahrweiler, *Les fortresses...). Тем не менее данные «Алексиады» нельзя не учитывать в цепи других свидетельств о подъеме провинциальных городов при Комниных (см. Kirsten,* Die byzantinische Stadt..., *S.* 19 sq.).

[1552] *О гуманитарном образовании* (περ λογικν παίδευσιν). Основное внимание в грамматических школах уделялось обучению классическому греческому языку (орфографии, морфологии, синтаксису). Одним из методов обучения была так называемая схедография. На табличках писали отдельные слова или отрывки текста, которые ученики должны были анализировать. Иногда они делали элементарный грамматический анализ,

иногда выполняли более сложные задания. Византийские авторы сообщают о трудностях, которые сходография доставляла ученикам (см.: Koukoulès, *Vie et civilisation*, I, p. 108 sq.; Fuchs, *Die höheren Schulen*..., Ss. 44, 49).

[1553] Из упомянутых Анной лиц с большей или меньшей уверенностью можно идентифицировать лишь Лонгиварда. Это имя носил италийский грамматик XI в. – автор дошедшей до нас хрестоматии по сходографии (см.: Krumbacher, *Geschichte*..., S. *591; Festa*, Note preliminari..., *pp. 431–435)*. Н. Феста (Festa, *Longibardos*, p. 110) высказывает также предположение, что Анна употребляет выражение τος λεγομένους Λογγιβάρδους, потому что имеет в виду не самого Лонгиварда, а его школу. Этот же ученый (ibid., p. 18, 102, n. 1) полагает, что под στιλιάνους подразумеваются учителя из г. Стило в Калабрии. Таким образом, Феста отказывается понимать названные Анной имена как личные (прибавим, что ττικούς тоже можно понимать как «греки», «афиняне»). Следует, однако, отметить, что, как уже говорилось (см. прим. 304), Анна часто употребляет множественное число имен собственных вместо единственного, а λεγόμενος (или καλούμενος) перед именем собственным – не более как обычный façon de parler писательницы. Возможно, Анна пишет о каких-то неизвестных нам грамматиках Стилиане и Аттике.

[1554] πεττεία δ τ σπούδασμα κα λλα τ ργα θεμιτα Б. Лейб переводит: «Единственное занятие – это забавы, а все остальное запрещено». О шашках, весьма распространенной игре в Византии, см. Koukoulès, *Vie et civilisation*, I, p. 192. Нарисованная Анной картина упадка образования после смерти Алексея, конечно, тенденциозна и преувеличена (см. Leib, *Quelques aspects*..., p. 44).

[1555] Б. Лейб вслед за Пуссином отмечает лакуну. Таким образом, время расправы Алексея с богомилами, о которой Анна повествует в настоящей главе, остается неизвестным. Рассказ о богомилах содержится в ряду событий 1116–1117 гг., однако относить эпизод к этому времени нельзя из-за упоминания Николая Грамматика, занимавшего патриарший престол до 1111 г. Видимо, Анна сама не знает даты этого события, так же как она не знает, например, когда возникла ересь Нила (см. прим. 926). Наверное, поэтому Анна оставляет лакуну там, где должна стоять дата (см. Предисл., стр. 28). В. Грюмель (Grumel, *Les Regestes*..., № 988) датирует расправу с Василием около 1110 г. Д. Оболенский (Obolensky, *The Bogomils*..., p. 275 sq.) – между 1109–1111 гг. Ошибается Златарский («История...», II, стр. 364), который считает, что Василий был схвачен в 1111 г. и казнен в 1114. По словам Анны, патриарх Николай был среди

приговоривших Василия к сожжению (см. ниже, гл. 10, стр. 443), и, таким образом, казнь еретика тоже должна была произойти до 1111 г.

Следует, однако, отметить, что при датировке до сих пор не учитывали одной важной детали в рассказе Анны: в разбирательстве дела Василия участвовал севастократор Исаак, который умер, по всей видимости, до ноября 1104 г.! (см. Papachrysantou, *La date de la mort*..., p. 252 sq.) Приходится признать, что данные «Алексиады» не дают оснований для надежной датировки расправы над богомилом Василием.

Следующий ниже рассказ о казни Василия – один из наиболее ярких и интересных в «Алексиаде» (см.: Предисл., стр. 41; Любарский, *Расправа*..., стр. 310 и сл.).

[1556] См. прим. 598.

[1557] Мессалианами сначала называли членов различных нехристианских или еретических сект, возникших в Малой Азии в IV в. Первым проповедником мессалианства был Адельфий. Учение мессалиан носило гностический и дуалистический характер. Согласно их представлениям, человек уже рождается во власти злого духа. Единственный способ его изгнать – усердная и продолжительная молитва (отсюда и греческое название мессалиан – евхиты, т. е. «молящиеся»). Мессалиане не признавали духовенства и его посредничества между богом и людьми и проповедовали строго аскетическую мораль. Естественно, что они подвергались гонениям официальной церкви. Начиная с V в. мессалианство распространяется по многим районам Византийской империи, а в IX в. появляется и в Болгарии, где оно оказывает влияние на богомильство (см.: Obolensky, *The Bogomils*..., p. 48 sq.; Ангелов, *Богомилството*..., стр. 80–83).

[1558] Мнение о том, что богомильство образовалось от слияния манихейства (т. е. павликианства) и мессалианства, высказывалось и другими византийскими, а также и болгарскими авторами. Прямо об этом говорится в «Синодике царя Борила» 1211 г. (см. Попруженко, *Синодик царя Борила*, стр. 31). Евфимий Зигавин называет богомильство отраслью мессалианской ереси (Zygab., XXVII, praef.) и в то же время отмечает у богомилов заимствования из учения павликиан (ibid., XXVII, 1). В этих трех ересях, как известно, действительно было немало общего; в учении они исходили из дуалистических представлений о природе мира, в социальном отношении они одинаково были опасны для ортодоксальной церкви и государства (см. Липшиц, *Павликианское движение*..., стр. 63–64). Непосредственная зависимость богомильства от мессалианства и павликианства безусловна, тем более что первое развивалось в

непосредственной географической близости от последних. Во Фракии было много павликиан (см. прим. 1469), там же весьма активно действовала секта мессалиан или евхитов (Psellos, *De operatione daemonum*, p. 3 sq.). О связи между этими ересями см. Ангелов, *Влияния на чужди ереси*...

[1559] Богомильство возникло в Болгарии в царствование Петра I (927–967), т. е. примерно за полтора века до вступления на престол Алексея Комнина. Основателем секты источники называют попа Богомила (см. Попруженко: *Святого Козмы пресвитера слово*..., стр. 2; *Синодик царя Борила*, стр. 32. Ср. Ангелов, *Богомилството*, стр. 84–86).

Византийские источники прямо не упоминают о богомилах X-XI вв., сама Анна лишь делает предположение, что богомильство появилось до воцарения ее отца. Это объясняется плохой осведомленностью византийских авторов, которые не видят различия между еретическими сектами. В действительности же в многочисленных еретических и антивизантийских движениях, особенно конца XI в., наряду с другими еретиками принимали участие и богомилы (см.: Литаврин, *Болгария и Византия*, стр. 416–417; Ангелов, *Богомилството*, стр. 202, 226).

[1560] По словам Зигавина (Zygab., XXVII, 24), «богомилы одеваются, как монахи». Секта богомилов не была монашеской, но безусловно носила аскетический характер.

[1561] ν λόγοις διδακτικοῖς το ς περ λόγον σπουδακότας νίκα.Эти слова можно понимать и так: «В наставительных речах превосходил профессиональных ораторов».

[1562] Зонара (Zon., XVIII, 23) говорит, что Василий носил монашеское платье, но по ремеслу он – врач. Об этом же сообщает и большинство источников.

О происхождении Василия нам ничего неизвестно. По мнению некоторых исследователей, он болгарин, но это не более как вероятное предположение. По словам Зигавина (Zygab., XXVII, 52), Василий в течение 15 лет изучал богомильскую ересь и 40 лет ее проповедовал. По утверждению Зонары (Zon., XVIII, 23), Василий 15 лет изучал и 52 года проповедовал. Успенский («Образование второго болгарского царства», стр. 32, прим. 3, стр. 52, прим. 2) считает, что именно Василия имеет в виду Феофилакт Болгарский под «сбросившим рясу монахом», который подстрекал население против Феофилакта (см. «Письмо к Иоанну, сыну севастократора», – PG, 126, col. 516; ср. Литаврин, *Болгария и Византия*..., стр. 425).

[1563] Пресвитер Козьма с возмущением говорит о том, что у богомилов

«еретики сами совершают исповедь, не только мужчины делают это, но и женщины, что достойно порицания» (Попруженко, *Святого Козмы пресвитера слово...*, стр. 46). По свидетельству Зигавина (Zygab., XXVII, 16), женщины участвовали в некоторых таинствах богомилов, например, при посвящении неофитов. Утверждения Анны о безнравственности учениц Василия очень типичны для нападок ортодоксальных писателей на еретиков.

[1564] О широком распространении ереси Василия свидетельствует также Зонара (Zon., XVIII, 23): «Василий весь мир заразил своей скверной, а затем явился в царственный город...».

По словам Зигавина (Zygab., XXVII, 16), «Василий увлек в пучину гибели тысячи учеников».

[1565] Сатанаил, по учению богомилов, – старший сын бога и брат Христа. Возгордясь, он замыслил измену отцу и увлек за собой ангелов. Христос заключил Сатанаила в Тартар и отнял от его имени слог «ил», характерный для имен ангелов.

Интересно, что местопребыванием Сатанаила после разрушения Иерусалимского храма богомилы считали церковь св. Софии в Константинополе, т. е. главную православную церковь в Византии!

[1566] Так же как и Анна, Зонара (Zon., XVIII, 23) сообщает, что Алексей притворился учеником Василия и, таким образом, заставил его «изрыгнуть» свою нечисть.

Об этом же рассказывает и Зигавин, который, как и Анна, восхищается ловкостью императора.

[1567] Взгляды, которые излагает у Анны Василий, полностью соответствуют тому, что нам известно о воззрениях богомилов из других источников. Так же как и члены многих иных еретических сект, богомилы не почитали храмы, в которых, по их мнению, обитают бесы. В церквах, утверждали они, нет ничего священного, ибо они – творения не божественных, а человеческих рук; а молиться следует по евангельской заповеди в своих домах. Не признавали богомилы и святого причастия, считая, что хлеб и вино, используемые для причастия, – обыкновенная пища, которая не превращается, как учит христианская церковь, в плоть и кровь Христа (подробно об учении богомилов см. Ангелов, *Богомилството...*, стр. 98 и сл.).

Ортодоксальные авторы резко нападают на учение богомилов (см. Благоев, *Правни и социални възгледи...*, стр. 62–64), ибо в нем (особенно в отрицании духовенства и церкви) ярко проявилась демократическая антифеодальная сущность богомильского движения.

[1568] Ср. Zygab., XXVII, 22: «Богомилы утверждают, что такие люди не умирают, а переселяются как бы во сне из этого мира, безболезненно сбрасывая свою грязную телесную оболочку и облачаясь в бессмертное божественное платье Христа, и становятся с ним единотелесными и единообразными».

[1569] Анна, по-видимому, имеет в виду известное стихотворение Алкея, обращенное к Сапфо (Edmonds, *Lyra Graeca*, fr. 124). Как установил Г. Моравчик (Moravcsik, *Die Spuren...*, нам известно по аннотации в BZ, 38, 1938, S. 202), Анна была знакома со стихами Сапфо по цитатам, содержащимся в «Риторике» Аристотеля.

[1570] Полное заглавие неоднократно цитированного нами сочинения Евфимия Зигавина – Πανόπλία δογματικ τς ρδοδόξου πίστεος τοι πλοθήκη δογμάτων – «Догматическое всеоружие православной веры, или арсенал догматов». Это произведение состоит из 28 глав (τύτλοι), из которых первые семь излагают христианские догматы, а остальные опровергают различные ереси. Трактат о богомилах составляет 27 главу «Паноплия». Анна, конечно, была хорошо знакома с этим трудом и немало сведений (главным образом об учении богомилов) из него заимствовала. Под именем Зигавина до нас дошли и другие (поныне неизданные) сочинения догматического содержания. О жизни Зигавина почти никаких сведений не сохранилось. См. Jugie, *La vie et les ouvres...*

[1571] Под назиреями Анна Комнина, как и многие другие византийские авторы, имеет в виду монахов.

[1572] Алексей, придумывая испытание, знал, что ни один еретик, притворно отрекшийся от богомильства, никогда не решился бы приблизиться к кресту, ибо богомилы решительно отвергали почитание креста (см.: Успенский, *Синодик...*, стр. 20; Попруженко, *Святого Козмы пресвитера слово...*, стр. 8).

[1573] Циканистр – ипподром в Большом дворце для игры в мяч.

[1574] См. Даниил, III, 19.

[1575] Псалт., XC, 7–8.

[1576] Имеется в виду обелиск Феодосия (Janin, *Constantinople byzantine*, pp. 183–185).

[1577] Даниил, III, 19.

[1578] О тюрьмах, находившихся при константинопольских дворцах, см. Koukoulès, *Vie et civilisation*, III, p. 228 sq;

[1579] Имеется в виду поход Романа IV Диогена против турок, закончившийся в 1071 г. поражением при Манцикерт.

[1580] Ἐν τούτοις ο μ ν ποτνι ντο φ’ οις πασχον πρ ς Περσίδα παγόμενοι, ο δ’

τι περιόντες, πού τινες τοΐς ωμαϊκοΐς ρίοις ναπέμειναν, βύθιον στένοντες μ ν υ ον, δ θυγατέρα. Все переводчики Анны передают начало этой фразы следующим образом: «Одни из них оплакивали в молитвах страдания уведенных в Персию, другие...» В этом случае неясно противопоставление: «одни... другие...». Наш перевод сделан с некоторым насилием над синтаксисом греческой фразы, но зато понятен в контексте.

[1581] Анна имеет в виду Иоанна I Цимисхий (969–976) и Василия II (976–1025). Картина бедствий Ромейского государства до воцарения Алексея, как и всегда у Анны, гиперболична.

[1582] С давних пор (κτοτε). О значении этого слова у Анны см. Buckler, *Anna Comnena...*, p. 355, n. 4.

[1583] Николай Калликл – знаменитый врач и поэт, адресат писем Феофилакта Болгарского, предположительно автор известной сатиры XII в. «Тимарион» (см.: Шестаков, *Три поэта...*, стр. 1–36; «Византийская сатира „Тимарион“», стр. 364– 365).

[1584] Михаил Пантехн – придворный врач, один из адресатов писем Феофилакта Болгарского. Сохранилась также анонимная монодия на его смерть (см. Krumbacher, *Geschichte...*, S. 476).

[1585] Подробное и реалистическое описание болезни Алексея свидетельствует не только о наблюдательности и искусстве писательницы, но и о ее великолепной памяти: ведь Анна рассказывает о недугах отца через 30 лет после его смерти. Описание болезни позволяет установить характер заболевания Алексея. Этому вопросу посвящена специальная статья К. Александридеса, по мнению которого речь должна идти не об одной болезни, а о трех взаимосвязанных: подагре, сердечной недостаточности и инфаркте (см. Alexandrides, *Über die Krankheiten..., Ss. 66–75)*.

[1586] Здесь начинаются листы рукописи с испорченным текстом. В переводе мы основывались в подавляющем большинстве случаев на дополнениях, принятых Б. Лейбом.

[1587] 1118 г.

[1588] Евдокия – жена Константина Ясита (см. прим. 582). Разведясь с мужем, удалилась в монастырь. Сохранилась эпиграмма Калликла, адресованная Евдокии (см. Chalandon, *Les* /Comnegrave;ne, *p. 2, n. 5)*.

[1589] Имеется в виду Мария, сестра Лазаря, который, согласно евангельской легенде (Иоанн, XI, 1 и сл.), был воскрешен из мертвых Иисусом Христом.

[1590] Псалт., XVII, 5.

[1591] Имеется в виду брат Анны, Иоанн. Этот интересный эпизод

намного подробнее описан другими византийскими авторами. Приведем полностью сообщения Зонары и Никиты Хониата, ибо они проливают свет на события, связанные с вопросом наследования власти Алексея (см. Предисл., стр. 16).

«... Сына императора ставят в известность, что его отец испускает дух. Он является в дом, где лежит умирающий, не с целью оплакать отходящего, а с целью лично убедиться в том, что он умирает. Удостоверившись в этом, он сразу же вышел, вскочил на коня и со своей свитой выехал из Манган. Многие ушли вместе с ним. У самой ограды Манган его встретили авасги (предки современных абхазцев. – *Я. Л.*) – они были присланы из Авасгии вместе с девушкой, обрученной со старшим сыном кесаря. Увидев его, они подняли крик и преклонили колена. Императрица же, как рассказывают, с горечью сообщила умирающему императору об уходе сына. В ответ император не издал ни звука, или потому что не хотел, или потому что не мог. Он лишь поднял руку – не знаю, в знак благословения сына или проклятия. Другие рассказывают, что умирающий и руки не поднял, ибо, находясь при последнем издыхании, не был способен на это, а императрица несколько раз громко повторила: „Твой сын ушел, чтобы похитить у тебя, еще живого, императорскую власть“. На это император слабо улыбнулся, может быть, смеясь над словами жены – неужели она думает, что он заботится об императорской власти, находясь при последнем издыхании, – а может быть, выражая так свое отношение к происходящему. Ведь сам порфирородный самодержец (Иоанн. – *Я. Л.*) и другие люди утверждали, что он явился во дворец не без согласия отца и ушел он по отцовскому разрешению, в знак чего получил у него перстень. Это произошло без ведома и во время отсутствия императрицы» (Zon., XVIII, 28).

«У императора Алексея было три сына и четыре дочери. Из мальчиков раньше всех родился Иоанн, но первым ребенком была дочь Анна, сочетавшаяся впоследствии браком с Никифором Вриеннием и получившая титул кесариссы. Их родитель император Алексей из всех детей более всего был расположен к Иоанну. Он назначил его наследником императорской власти, обул в красные сандалии и провозгласил императором. Напротив, мать Иоанна, императрица Ирина, благоволила к дочери Анне и постоянно клеветала супругу на Иоанна. Она называла его человеком увлекающимся, порицала его за изнеженный образ жизни и изменчивый нрав, в котором якобы не было ни одной хорошей черты, и изо всех сил старалась заставить Алексея изменить свое мнение об Иоанне. Иногда под разными предлогами она заговаривала о Вриеннии

и очень хвалила его как человека искусного не только в речах, но и в делах, знакомого со свободными науками, которые улучшают нравы людей и подготовляют к беспорочному царствованию тех, кто собирается наследовать власть. Алексей, слушая это и зная о ее материнской любви, иногда делал вид, что занят срочными делами и не обращает внимания на ее слова, а иногда уверял Ирину, что подумает и не пренебрежет ее просьбой. Но порой, вспылив, он говорил: „О жена, делящая со мной ложе и царскую власть, перестань настраивать меня в пользу дочери, ведь ты разрушаешь этим похвальный порядок. Уж не сошла ли ты с ума? Опомнись. Подумай-ка, знаешь ли ты, чтобы кто-нибудь из прежних императоров, имея сына, вполне достойного власти, предпочел зятя и оставил ему скипетр? А если мы и встретимся с таким редким случаем, то сочтем деяние незаконным. Все ромеи стали бы громко надо мной смеяться и сочли бы меня выжившим из ума, если бы я, взявший власть с помощью отнюдь не похвальных средств, проливший кровь соотечественников и нарушивший христианские установления, выбирая наследника, отказал своему родному сыну и приблизил к себе этого македонца“ (так он называл Вриенния, который был родом из Орестиады, одного из наиболее славных и могущественных городов Македонии). Так он гневно отвечал императрице Ирине, а затем вновь начинал притворяться, что вовсе не отказывает ей в просьбе. Так он тянул с ответом жене и делал вид, что постоянно находится в раздумьях. Ведь этот муж был необыкновенно скрытен, считал, что мудрость заключена в постоянном притворстве, и почти никогда не раскрывал своих намерений.

Приближаясь к концу жизни, он лежал в роскошных палатах Манганского монастыря, испуская последние вздохи. В это время его сын Иоанн, видя, что близка кончина отца, и зная о нелюбви к себе матери, которая прочит императорскую власть его сестре, поделился своими замыслами с некоторыми родственниками, которые были к нему расположены – самым могущественным из них был его брат Исаак. Иоанн тайно от матери зашел в отцовскую комнату, как будто в слезах бросился на пол и потихоньку снял с руки отца перстень с печатью. Некоторые говорят, что он сделал это с согласия отца, и это подтверждают дальнейшие события. И вот Иоанн тотчас собрал сообщников, поведал им о своем поступке, сел на коня, взял оружие и отправился в Большой дворец. В самом Манганском монастыре и на улицах города его провозглашали самодержавным императором расположенный к нему народ и те, которые собрались, услышав о происходящем. Императрица же Ирина, мать Иоанна, устрашенная происходящим, призвала к себе сына и

стала уговаривать его воздержаться от осуществления своих намерений. Иоанн, однако, с головой был погружен в свои замыслы и не обратил никакого внимания на слова матери, поэтому она стала побуждать Вриенния с ее помощью взять власть. Ирина, видя, что события развиваются вопреки ее воле, подошла к Алексею, покоившемуся на ложе (отрывистое дыхание выдавало в нем еще живого), приникла к мужу и как „темноводный источник“, испуская потоки слез, стала громко обвинять сына, будто тот у еще живого отца похитил царство и замыслил мятеж. Но Алексей ничего не ответил на это, ибо его мысли были заняты более серьезными вещами, перед концом жизни он, как и подобает, думал о своем скором переселении в другой мир и вперял свой взор в ангелов – проводников душ.

Императрица же, не в силах перенести действия сына, стала еще настойчивее, и Алексей с усилием на короткое мгновение улыбнулся и вознес руки к небу, как будто выражая радость по поводу услышанного и благодаря бога...

Ирина ясно поняла, что мужа обрадовало ее сообщение, что она в своих надеждах обманулась, а его обещания были напрасны. И тогда с глубоким вздохом она сказала: „О муж, и живой ты отличался коварством, речь твоя была двусмысленной и исполненной хитрости, и вот теперь, прощаясь с жизнью, ты держишься своих старых привычек“. Это об Ирине.

Иоанн же, явившись к Большому дворцу, не смог сразу туда войти, так как стражи не удовлетворились лицезрением перстня, а потребовали еще какого-нибудь доказательства того, что Иоанн явился по отцовскому приказу. Но вот двери дворца, усаженные с обеих сторон широкими медными брусками, отворяются, и Иоанн входит вместе с воинами и родственниками во дворец. Хлынула туда и сопровождающая его чернь, которая стала хватать все, что подвернется под руку. Ворота снова закрыли, приток толпы извне прекратился, а тем, кто был внутри, запретили выходить, и они несколько дней провели вместе с императором. Это произошло 15 августа. На следующую ночь умер император Алексей, процарствовав 37 лет и четыре с половиной месяца» (Nic. Chon., p. 8).

[1592] Имеется в виду Феодора, в дальнейшем жена Константина Ангела (Chalandon, *Les* Comnegrave;ne, *p. 217). Ни Анна, ни другие авторы, насколько нам известно, ничего не сообщают о первом замужестве и вдовстве Феодоры.*

[1593] Алексей скончался в ночь с 15 на 16 августа 1118 г. О погребении тела императора рассказывает Никита Хониат (Nic. Ghon., p. 11 sq.).

[1594] Еврипид, *Орест, 2.*

[1595] Сведения источников о времени смерти Ирины противоречивы. По данным типика монастыря Космосотира (Petit, *Typikon du Monastére de la Kosmosotira*..., p. 65), Ирина умерла 19 февраля 1-го индикта, т. е. 1123 или 1138 г. Однако обе даты неудовлетворительны, ибо по другим источникам (см. Chalandon, *Les Comnène*, p. 15, n. 2) Ирины уже не было в числе живых в 1136 г., но она была еще жива около 1130 г. Из сообщения Анны, думается, можно сделать лишь вывод, что Ирина умерла раньше Никифора Вриенния, т. е. до 1137 г., ибо писательница рассказывает о смерти мужа после упоминания о кончине матери. Ф. Шаландон (Chalandon, *Essai*..., p. 15, n. 2) предполагает ошибку в типике: 1-й индикт вместо 11-го индикта, и таким образом датирует смерть Ирины 19 февраля 1133 г.

[1596] Ниоба, согласно греческим мифам, – жена фиванского царя Амфиона. Имея 14 детей, она насмехалась над богиней Латоной – матерью лишь двух детей: Аполлона и Артемиды. Разгневанные Аполлон и Артемида поразили стрелами Ниобу и ее детей, и они превратились в скалы.

Примечания

[1] - Издания античных авторов и библейских текстов, как правило, не указываются. Нами приняты следующие сокращения: Ил. («Илиада»), Од. («Одиссея»), Ael. Tact. (Элиан, Тактика), Aristid (Элий Аристид), Dionys, De imitat. (Дионисий Галикарнасский, О подражании), Dyonys, De Thucid. (Дионисий Галикарнасский, О Фукидиде), Demosth., Contra Lept. (Демосфен, Против Лептина), Isocr. (Исократ), Plat., Phaedr. (Платон, Федр), Plut., Nic., (Плутарх, Никий), Plut., Mor. (Плутарх, Моралии), Thuc. (Фукидид).

[2] - В книге названия работ даются сокращенно. В тех случаях, когда сокращению подвергались начальные слова названий, условные обозначения работ выделены жирным шрифтом.

[3] - Одним и тем же этническим наименованием Анна нередко обозначает разные народы. Напротив, один народ мо-жет фигурировать под разными названиями. В указателе отмечается, под каким другим названием можно найти тот или иной народ. В скобках расшифровываются этнические наименования. В указатель включены также названия жителей городов, островов, областей и т. п.

[4] - Описка комментатора – на самом деле Апеллес – художник, а Фидий – скульптор. – Ю. Ш.

Содержание

Алексиада Анна Комнин 1
Книга I 5
Книга II 37
Книга III 61
Книга IV 85
Книга V 100
Книга VI 120
Книга VII 147
Книга VIII 171
Книга IX 188
Книга X 206
Книга XI 235
Книга XII 261
Книга XIII 282
Книга XIV 314
Книга XV 340
Приложения 374
- Библиография периодика 375
- ИСТОЧНИКИ И ПЕРЕВОДЫ ИСТОЧНИКОВ1 (сокращения) 376
- ЛИТЕРАТУРА2 382
- Хронологическая таблица 397
- Указатели 405
- УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН 406
- УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ 437
- УКАЗАТЕЛЬ ЭТНИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ3 458
- Примечания 462
- Примечания к книгам I-V 463
- Примечания к книгам VI-X 539
- Примечания к книгам XI-XV 594

Примечания 654